

И. М. ДОЛГОРУКОВ

КАПИЩЕ
МОЕГО
СЕРДЦА

И.М. ДОЛГОРУКОВ.
Гравюра А. Флорова. 1817

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

И. М. ДОЛГОРУКОВ

КАПИЩЕ
МОЕГО СЕРДЦА

ИЛИ
СЛОВАРЬ ВСЕХ ТЕХ ЛИЦ,
С КОИМИ
Я БЫЛ В РАЗНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
В ТЕЧЕНИЕ МОЕЙ ЖИЗНИ

Издание подготовил
В. И. КОРОВИН

МОСКВА «НАУКА» 1997

УДК 820/89
ББК 84
Д 64

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Д.С. Лихачев (почетный председатель),
В.Е. Багно, Н.И. Балашов (заместитель председателя),
В.Э. Вацуро, М.Л. Гаспаров, А.Л. Гришунин, Н.Я. Дьяконова,
Б.Ф. Егоров (председатель), *А.В. Лавров,*
А.Д. Михайлов, И.Г. Птушкина (ученый секретарь),
И.М. Стеблин-Каменский, С.О. Шмидт

Ответственный редактор

А.Л. ГРИШУНИН

ТП-96-I-№ 196
ISBN 5-02-011216-X

© В.И. Коровин, составление, статья,
примечания, 1997
© Российская академия наук
и издательство «Наука»,
серия «Литературные памятники»
(разработка, оформление),
1948 (год основания), 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЛОВАРЮ

Исписавши в мой век стихами и прозой множество бумаги и приближаясь к старости, я думал, что воображение мое совсем остыло, и хотел расстаться с пером и чернилами, не называя упражнением, впрочем, переписки с друзьями и ближними, которая, доколе правая рука не потеряет своих способностей, всегда будет занимать чувства мои наименее приятнейшим образом. Но писать (я разумею сочинять) я совсем было перестал, и не раскаивался, потому что меня меньше стали бранить, меньше стали обо мне толковать, словом, я сделался спокойный гражданин в моей дражайшей родине – Москве.

Недолго продолжалось такое бездейственное положение. По пословице: «Повадился кувшин по воду ходить», снова напало на меня желание марать бумагу; встретил меня не опасный, но мучительный недуг, который, продолжаясь близ двух лет, и от которого я еще не совсем свободен, омрачил так мои мысли, что мне нужно было их развлечь каким-то занятием, дабы не углубить в одну точку, удобную расстроить все мое спокойствие, по склонности физической к излишней меланхолии. Надобно было это зло отвратить, и для этого надобно было писать. Опять принялся за перо, но думал, думал, чем же заняться? какой труд предпринять? И, сидя неподвижно в креслах, не примыслил ничего лучше, как составить Календарь отношений, из коего видно было бы, с кем, как и почему я был в связи.

Читал я некогда с удовольствием книгу по названию «Памятник событий»¹. План ее мне понравился. Я всегда думал, что таким же порядком написанный Лексикон отношений и связей частного человека должен быть занимателен как во время составления оного, так и после. Некто французский замысловатый писатель (Réstif de la Bretonne²) вздумал и написал подобный Календарь³. Пленясь его примером, я ту же идею возымел, но совсем в другом роде, с другими намерениями приступил к такому же Списку, или Словарю. Эта работа меня приятно и сильно заняла; во-первых, надобно было мне привести себе на мысль всех моих знакомых, от колыбели и до дня настоящего. Написавши им вернейший реестр, я привел его в азбучный порядок, и когда составил счет 365, то и начал упражняться следующим образом.

Извлек из общих дней года все те числа, кои ознаменованы были для меня каким-либо уважительным и достопамятным семейным происшествием, и против каждого из дней таких выставил имя той особы, которая в ближайшем отношении находилась к событию, приводимому на память; прочие же дни года и за выбором оставшиеся имена я смешал в одну массу порознь и по жеребью вносил под каждое число то имя, которое выходило. Сие мелочное и механическое упражнение уже очень меня забавляло, и досуги мои, при болезненных ощущениях, менее были для меня тягостны; еще более нашел я удовольствия, когда занялся настоящим письменным трудом, то есть начал описывать отношения мои, и

приводил себя на мысль то того, то другого из людей, кои в разные времена на меня действовали. Таким образом, писавши почти год, я совершил свой Лексикон и окрестил его названием «Календаря моего сердца».

Главная цель моя, как выше видно, принявшись за сию работу, была та, чтоб не задумываться, разгонять гипохондрию и разбивать мысли, омраченные продолжительным недугом и скукою неподвижной жизни, которая совершенно противна моему натуральному свойству. Никакой другой труд не дал бы мне средства так успешно достигнуть предположенной цели, как этот, и мысль моя беспрестанно переносилась из возраста в другой, из стороны в сторону, от одного человека к другому и, по разности отношений, разные чувства наполняли мое сердце; то радость, то печаль, то гнев, или благодарность, то презрение, или восторг, то любовь, или равнодушие – по переменкам все ощущения морального добра и зла пробегали сквозь мое воображение, и, ни на одном не успевая остановиться, я летал, как бабочка, по всей сентиментальной стихии, в коей, как в видимом мире, есть крутизны, пологости, буераки и приятные откровения.

Писавши здесь откровенно голую правду о себе и других, я не публике посвящаю настоящий труд мой, но, предприняв его для себя, дарю моим детям в надежде на их скромность. Здесь они увидят, с кем, когда и в какой связи я находился; увидят мои шалости, мои страсти, мои грехи; увидят услуги, мне оказанные, благодеяния, мною испытанные, и плоды ненависти тех, кои наполнили жизнь мою многими тяжкими днями. Все тут описано. Картина жизни моей полна, и я, в этой широкой раме поместя до 400 лиц, никого не включил в огромный список моих отношений, кроме таких людей, которые чем-нибудь, или смешным, или приятным, или ненавистным, заставили меня помнить себя до последней минуты. Не советуюсь никогда, ни в каком бы то ни было сочинении с адрес-календарями, я не об одних помышлял генералах, министрах и тех, кои печатаются в газетах, когда выедут из Москвы шататься по своим маетностям; напротив, здесь найдут смесь всяких состояний: и бояр, и духовных, и купцов, и рабов; словом, тот только, несмотря на чин его и класс, имел право поместиться в моем Словаре, кто заслужил, чтобы я его всегда или любил, или чувствовал противное, разумея, однако, частную жизнь мою; ибо отношения мои по службе совсем не принадлежали лично мне, а моему кафтану, который снявши, забывал и тех, кои по нем одним были со мною в обращении.

Между тем, доколе проживу, буду я и сам с удовольствием заглядывать každодневно в эту книгу. Она станет напоминать мне младенчество, юность, молодость и зрелый возраст жизни моей; она представит мне вживе галерею тех мужей и жен, с коими я встречался на поприще мирских сует. Она укажет мне заблуждения моего ума и сердца и остережет от новых. Она научит меня презирать тщету мирских наших связей и прилепляться к той непреложной истине, что в мире все непрочно, всякий союз имеет свой конец, всякая страсть свои тревоги и всякая радость несет за собой свои печали. Вот уже и довольно для моральной цели сего сочинения.

Не ищите здесь того малого числа, с коими я связан теснейшими узами крови и природы. Я не говорю о родителях моих и супругах, детях, братьях и сестрах родных: сии союзы не суть временные отношения; они сильны, крепки, проч-

**КАПИЩЕ
МОЕГО СЕРДЦА**

ИЛИ

СЛОВАРЬ ВСѢХЪ ТѢХЪ ЛИЦЪ,

СЪ КОИМИ

Я БЫЛЪ ВЪ РАЗНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ВЪ ТЕЧЕНІИ МОЕЙ ЖИЗНИ.

СОЧИНЕНІЕ

Князя Ивана Михайловича

ДОЛГОРУКАГО,

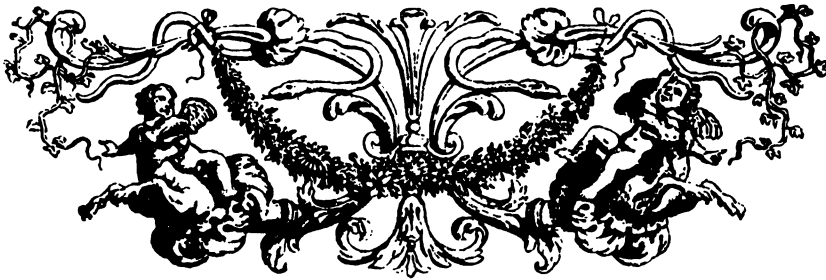
СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ О. ВОДЯНСКАГО.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

ны, их связывает сама натура, а не обстоятельства, и потому ничто разорвать их не может, кроме смерти. Здесь описываются только те эпизодические связи, которых, вспоминая историю вымышленную Филибера⁴, скажу здесь, при конце моего Предисловия, и в начале Лексикона поставлю эпитафией следующие известные мои стихи:

Ах! подлинно вся жизнь проходит в отношеньях:
Я вижу их в бедах, я зрю их в наслажденьях;
Иное длится день, другое целый год,
По отношениям весь движется народ⁵.

ГЕНВАРЬ

ЕКАТЕРИНА

1. Начинай сей Календарь, или Памятник моих отношений, чье имя приличнее могу выставить в самом заглавном числе года, как не той мудрой владычицы Российской, под скиптром которой имел я счастье родиться и причислен был к сонму обитателей огромной и блаженной ее Империи – так, Великая венценосица! В первый день года воспоминаю твои щедроты, собственно на меня изливающие; предложу тебя здесь в начале радования моего, и сим принесу тебе жертву моего благоговения и благодарности. Не все сказано выше, что я имел счастье родиться, когда она уже царствовала, потому что век ее был, конечно, золотой век нашего отечества. О ней весьма справедливо сказал наш Гомер по славе и по таланту:

Самодержавья скиптр железной
Моей щедротой позлащу¹.

Во дни ее царствования я воспитался и вырос в России. Отцу моему хотелось, чтоб я воспользовался патентом польским, случайно выпрошенным мне дядем моим, и принял там службу; но государыня не соизволила меня на сих условиях отпустить в чужие края. И так я записан прапорщиком в армейской полк, и скоро потом переведен был, по Именному указу, в офицеры в гвардию и там приходил чинами. По тогдашнему обычаю первый день года был днем повышения для чинов гвардии, следовательно, и для меня несколько лет был днем радости.

Будучи уволен к статским делам бригадиром², я подавал ей прошение о перемещении меня к должности и, без всякого искания и домогательства стороннего, тотчас определен в вице-губернаторы в Пензу, где прослужил до самой ее кончины, которой не перестану оплакивать как эпохи, откуда начались мои неудачи в гражданской службе. При ней все обещало мне лестную будущность. Я никогда не имел случая ни близок быть к ней, ни удостоиться особенного ее внимания, но, будучи еще адъютантом в полку гвардии, часто ездил обедать за ее столом в Сарское село³ и там видал ту приветливость ее ко всем, которой пленялись двор и вся империя. У меня хранятся доныне два весьма милостивые рескрипты, писанные ею к моей бабке во время монастырского ее уединения⁴ в Киеве. Здесь

не место входить в рассмотрение недостатков ее по человечеству и политическому ее поприщу: не к стати также писать и панегирик ее. Первого не могу, последнего не умею. Для меня довольно вспомнить в сих строках с сердечной признательностью то время, в которое, под кроткой ее державой, наслаждался я всеми благами мира, по тому что она не любила нарушать ни спокойствия, ни счастья подданных своих, когда они не возмущали ее против себя поступками недостойными. По милости ее, первая жена моя имела две тысячи рублей в ломбарде, пожалованные ей Екатериной на приданое за удачное представление оперы в Смольном монастыре, в который государыня часто езжала искать себе, среди дворянских сирот, щедротами ее призренных, отрад и отдохновения от тяжких трудов государственных. Оставляя нынешнего века людям порицать самодержавие Екатерины, я умру с той мыслию, что ее самовластительство гораздо сноснее для народов, чем все конституционные хартии новых законодателей, ибо где царь благоутробен, там всякий спит спокойно и верен в своем добре, счастье и свободе. Чего же больше?

ПОСПЕЛОВ

2. Молодой человек благородного происхождения, поведения благонравного и с хорошими познаниями. Он поступил ко мне в канцелярию из студентов Университета московского, когда я был губернатором и женат на второй жене, и скоро заместил в секретарской должности находившегося при мне до него Могилевского. В этом звании прослужил он несколько лет, успевал и дела делать, и в забавах наших принимать участие, знал иностранные языки, игрывал комедии с детьми моими на домашнем моем театре; в удовольствие мое он перевел с моего французского оригинала «Описание Софиевки», которое было напечатано в «Вестнике Европы»⁵, и все мои мысли выразил очень хорошо. Он с нами путешествовал в Одессу⁶ и был к нашему дому искренно привязан. Случай необходимый разлучил нас. Он, по молодости лет, искал частого повышения, чего я доставить ему не мог; и так, перейдя служить в Петербург, произошел там скорей в чины, и уже теперь кавалером двух знаков отличия. К отменной чести его сказать должен, что он доныне, при всяком случае, старается оказывать мне почтение и благодарность свою за приятельское мое с ним обращение. В рукописях моих найдут многое, переписанное его рукой, что мне и доставляет случай часто вспоминать о нем с особенным удовольствием и признательностию.

РОСТ

3. Профессор физики, которую он преподавал публично в Московском университете. Я ходил всякую среду и субботу на лекции его, когда был студентом, и с любопытством смотрел его опыты. Рост изъяснял физику очень хорошо. Он был так странен и смешон, что не проходило лекции без какой-нибудь проказливой над ним насмешки. То закроют чадно печь, чтоб принудить его скорей рас-

пустить школьников, то испортят какой-нибудь заготовленный им препарат, чтоб опыт не удался; тут он рассердится, сорвет с себя парик и бежит вон. Лекции его и сам он мне памятливы останутся навсегда, потому что я имел, по милости его, самую блистательную минуту во время школьных моих трудов. Об ней сказано будет подробно в другом месте; здесь же кратко упомяну, что он обратил на меня внимание одного высокого путешественника: благодарность, которой я был обязан Росту за доставление преимущественно мне этой чести, пережила его самого. Он уже умер давно, а я вспоминаю еще и теперь о нем с чувствительной признательностью.

АКСАКОВА

4. Молодая девушка, выпущенная из Смольного и жившая при дворе великого князя Павла Петровича. Я с ней приятно был знаком и игрывал комедию в Павловском и Гатчинах. Случай, наиболее мне об ней напоминающий до сих пор, есть тот, что когда жена моя, по беременности, не могла играть у двора, то ее роли отдавались Аксаковой, и она однажды представляла несколько минут настоящую мою жену на сцене. Она была недурна собой и любезна, и я имел нужду в большой осторожности, чтоб не попасть в ее сети; но с того времени нигде уже с ней не встречался и знаю только то, что она наконец выдана была при дворе замуж за свободного брата великой княгини Марии Федоровны, господина Шаца, служившего ротмистром в кирасирском полку его высочества.

ЛИЦЫНА

5. Катерина Александровна, дочь побочная обер-камергера князя Голицына, вышедшая за дядю моего двоюродного, князя Долгорукова. В самой первой молодости моей я имел случай часто с ней видаться в общем родственном доме, у дяди моего, князя Голицына, брата родного ее отца; там мы всякое воскресенье съезжались обедать вместе и целый день до вечера проводили в танцах. Она мне очень нравилась, но я был ее моложе и потому не смел к ней очень пристраститься, боясь, что ее за меня отдадут. Кажется, я в этом ошибался. Обер-камергер очень хотел выдать дочерей своих за фамильных женихов, дабы покрыть стыд их рожденья, чему доказательством служить может то, что он согласился выдать ее за дядю моего, глухого и глупого человека, ради того только, чтоб ввести дочь свою побочную в хороший род. Лицына была девушка умная, воспитана прекрасно, непригожа собой, но богато одарена природой и щедро награждена отцом своим со стороны фортуны, следовательно, не рисковала остаться в девушках. Вышедши за моего дядю, она, так сказать, исчезла: никто ее после того не видал, никуда не показывалась. Муж заперся, заключил ее с собой, и я в течение двадцати лет уж двух раз не встречался с ней. Мне всегда будет жаль, что такая милая и достойная девушка потеряна для света, для которого была так счастливо и удачно образована.

ЛЕВАШОВ

6. Василий Иванович, майор Семеновского полку. Служа с ним лет десять, я долго был под командою его и вспоминаю то время, когда я был адъютантом полковым, с живым удовольствием доньше. Он со мной обходился очень хорошо. Я ни в какой худой поступок его со мной по службе пожаловаться не могу, но как человек он имел свои странности, капризы и разные недостатки, к которым я не всегда умел, или хотел, применяться, и тогда происходили между нами минутные сшибки, в которых, натурально, победа всегда оставалась за ним; но подобные горячие вспышки не имели никаких злобных последствий и потому были очень сносны, а иногда даже только забавны. Например: однажды я с утренним рапортом не застал его дома, потому что он ночевал в Мещанской, у какой-то девки. Я бросился к нему туда; он рассердился, раскричался, и после сам со мной такому странному нашему свиданью расхохотался. В другой раз он в досаде на лекарей за то, что в лазарете выкинуло из трубы⁷, в чем они не могли быть виноваты, велел мне их связать. Я буквально исполнил приказанье, и майор с адъютантом доставили публике случай над собой посмеяться. Много мог бы я наказать, в память ему, подобных анекдотов; но довольно и сих двух, чтоб дать понятие о том образе службы, который тогда был в обычае. Всего забавнее следующее. Обыкновенно 6 генваря, по случаю Крещения, бывал военный парад на Неве, вся гвардия и прочие полки под ружьем; командовал очередным штаб-офицер гвардии. Довелось однажды отправлять сие торжество Левашову. Он взял меня с собой. Нам должно было обоим парадировать верхами; он и я равно трусовато сядились на своих лошадей. Страх сближает чины, и как мой буцефал⁸ был смиреннее его, то он все пожимался ко мне, отчего при фрунте представлялось потешное зрелище. Я никогда этого утра не забуду. Великий князь, стоя на балконе, чрезвычайно смеялся над нами, и мы очень неудачно донкишотствовали.

Левашов был остер, умен, забавен и потому имел счастье нравиться государыне, которая допускала его к себе с особенной милостью. Тогда цену человеку давала голова, а не шпоры и сапожная глянцовитая вакса. По духу тогдашнего времени Левашов был прекрасный начальник в полку гвардии, а теперь он бы и в капралы в нее не годился. Я всегда вспомню проказы его с улыбкой, а хорошее обращение с признательностию.

ТАПТЫКОВ

7. Николай Михайлович, пензенский помещик, отставной дворянин, человек отменных правил и достоинств. Я ни с кем из мужчин в Пензенской губернии не был так дружен, как с ним, часто посещал его в деревне, и он иногда нарочно для меня приезжал в Пензу на целую зиму, ежедневно бывал у нас. Часто даже и стоял в моем доме. Во время моей ссоры с губернатором никто так жарко не защищал меня в публике, как он, никто не продолжал так постоянно знакомства со мной, как он, нельзя было никому заставить его променять наш дом на чей другой. Будучи веселого свойства, он разделял с нами все наши иг-

ры и забавы. В случаях щекотливых, по преимуществу лет его перед моими, он давал мне всегда благоразумнейшие советы. Он говаривал красно, и я никогда не умел опровергать его доводов, ни быть с ним в несогласии, даже в общем разговоре о каком бы то ни было нравственном или политическом предмете. Он мастер был убеждать и сильное приобрел влияние на мой образ мыслей. Такая дружеская связь между нами не ограничилась моим пензенским пребыванием: он и по отставке моей вел со мной, до кончины своей, переписку, которая приносила мне и в Москве большое удовольствие. Наезжая иногда в столицу, всегда бывал у нас таким же образом, как и в Пензе, не меняясь ни в приятии, ни в обхождении. В бытность мою в Володимире⁹ он и туда раза два к нам приезжал и по несколько дней гостил у нас. Впрочем, ему никогда не было до меня дела, ни тут, ни там, и я без всяких сторонних видов пользовался его дружеским любием. К несчастью, он скоро скончался скоропостижно, но мне донныне его жаль, как самого ближнего человека. Потерю такого искреннего приятеля можно по времени легче чувствовать, но забыть Таптыкова было бы для меня непростительно.

НЕСТЕРОВ

8. Василий Петрович, владимирский помещик, человек характера самого беспокойного и при том всегда почти пьяный. Он заставил меня испытать, что человек самой порядочный может иногда без вины и нечаянно попасть в неприятную историю. Вот какой повстречался между нами случай. Он женат был на родной сестре моей нынешней жены, но я тогда женат был еще на первой. Обезжая, по званию губернатора, уездные города, увидел вдруг его у себя на поклоне. Он меня пригласил в свою деревню. Я считал неприличным отказать в этом своему брату-дворянину и приехал к нему на ночлег; так расположен был мой путь. Гостей никого не было, жена его, я и мой секретарь составляли всю компанию. Между тем как он, по часту отлучаясь в кабинет с каким-то приказным, у него жившим, так напился пьян, что уж за ужином всякому из нас трезвых было очень неловко. После стола он, к чему-то вздорному придравшись, начал мне грубить и до того забылся в выражениях, что я принужден был ночью от него уйти в ближайшую деревню, где, по счастью, оставались мой штат, экипаж и люди, и уже там переночевавши, уехал. Сколько ни досадно мне было, что я попался в такую западню, однако я, из уважения к жене его, не хотел огласить этой истории, и скоро потом судьба сделала нас свояками. Это меня, однако, не сблизило с ним нимало. Он не захотел извиниться передо мной в своем бесчинстве; я не почел себя обязанным примириться с ним, не видя от него никакого собственного к тому расположения. И так, хотя мы из пристойности видимся, но всегда обходимся как посторонние люди, и я иначе к нему не езжу, как удостоверен будучи, что его дома нет и что я найду одну свояченицу. Вот как нередко, без малейшего намерения худого, навлечешь на себя большие неприятности.

ГРИНВАЛЬДОВЫ

9. Две родные сестры иностранного отродия. Они жили в доме родителей моих. Бедность их тут приютила, великодушные призрело. Я еще был ребенком, когда зачал строить куры одной из них, по имени Любовь Николаевна. Она хорошо певала, и я посвящал ей весьма посредственные песенки моей работы. Дело домашнее! Долго жили они в нашем доме, потом старшая, Александра, вышла замуж, а Любовь помешалась и кончила бедственно жизнь свою в каком-то богоугодном заведении. Никогда не забуду смешного случая, который у меня с ними последовал. Я был мальчишка лет двенадцати, а Александре было за двадцать. Страшное расстояние! Она игрывала со мной, как с ребенком, и я ее свободно целовал. Однажды, приметивши, что лицо ее в веснушках, я, после ласковых восторгов, вдруг дал ей пощечину, потому что мне веснушки были очень противны. Она рассердилась и пожаловалась батюшке, который хотел знать все подробности такого происшествия и, узнавши из скромного рассказа барышни, что преследовало нашему раздору, он изволил сказать: «Зачем же вы, не уняв этого ребенка, когда он вас целовал, жалуетесь, что ласки так круто прекратились?» Александра покраснела и пошла прочь. Этот ребячий анекдот живо мне представляется и теперь за пятьдесят лет. Любовь, ежели бы дожила до нашего времени, могла бы служить предметом магнетизму, потому что она имела несчастное свойство говорить во сне. Это доходило до того, что можно было, попавши в ее речь, продолжать с ней разговор и выведать из нее сонной все, что она бы хотела скрыть наяву. Опыт такой встретился со мной. Я был шаллив и зашел к ней нечаянно в комнату после обеда, когда она отдыхала. Услышав, что она говорит, мне показалось это любопытно; я повел разговор и потом ушел. Назавтра стал ее подсмеивать. Она не могла понять, откуда я знаю то, о чем с ней толкую, и, сведавши, что изменила сама себе во сне, неутешно плакала о такой проказе натуры.

ЕЛАГИНА

10. Любовь Владимировна! Девушка ничего не значущая, но пригоженькая собой довольно, чтоб понравиться мальчишке в двадцать лет. Мне было не больше, когда я свел знакомство с ней и с ее семейством. Отношения наши продолжались недолго. Братья ее служили со мной в одном полку, потом мы раззнакомились совершенно, и я никакого участия не принимал в их доме. Помещаю здесь имя сей барышни только потому, что волочил за нею и в одно лето часто к ним ездил. Они имели за городом дачу. Отец был самый странный чудаки. Живучи на Петергофской дороге, окружен садами роскошнейших бояр, он вел род жизни собственно свой и весьма необыкновенный, то есть не выходил из халата, не снимал колпака, ужинал летом в восемь часов вечера и имел привычку всей семьей, по окончании стола, петь: «О тебе радуется»¹⁰. Мне случилось как-то попасть к ним в это время, я должен был покориться их обычаю и, вытянувшись перед своим прибором в щеголеватом фраке, затянул с ними Богородичну песнь. Я не могу доньше вспомнить без смеха того вечера. Должно

признаться, что на таком бойком пути, каков Петергофский, по которому всякий ездил к кому-нибудь или слушать музыку, или смотреть ракеток¹¹, или плясать до восхода солнечного, на такой дороге видел только один дом, в котором хозяева, отужинавши, тогда как собираются еще полдничать, и всякий, в одеянии почти ночном, тянет церковные тропари¹², признаться, говорю, должно, что такой обычай обращался в настоящее посмешище и соблазн, и это меня отучило волочиться за Любовью Владимировной, которую с тех пор нигде не имел случая видеть и о которой, виноват, кроме потехи, ни по чему не имею причины вспомнить.

ИЗМАИЛ

11. Дьякон женского монастыря в Юрьеве и брат родной искреннего моего друга, архиеерея Евлампия (см. Евл.)*. У него были разные дела, когда я служил в Владимире губернатором. По связи с братом его, я старался всячески о пользах его и навлек себе чрез то большие неприятности. У него были похищены деньги и после подкинута в монастырь. По делу открылось, что деньги точно его, но судьи стали делать привязки и добираться, откуда он их получил. Способ приобретения их был, конечно, по сану его не очень чист, ибо ему подарила значительную сумму при смерти богатая мещанка, которая была с ним коротка; но судьи не обязаны были судить о праве собственности: им следовало разобрать, его ли точно деньги, и, поступая с похитителем по законам, похищенное возвратить. Привязался за женский монастырь к делу архиерей и, основываясь на том, что деньги подкинута в храм, почитал их вкладом и принадлежностью церковной. Судьи в таком виде довели дело до меня. Я не мог на этом согласиться и, удостоверясь, что деньги у дьякона покрадены, что они точно его, присуждал их к отдаче ему. Наследник, побочный сын мещанки, сделавшей сей подарок дьякону, вошел на мертвую мать в протест, ябедничал, хлопотал, наконец, отправил на меня язвительный донос в Сенат. Оградившись в ответах моих от клеветы, я просил поручить рассмотрение сего дела, производившегося уголовным порядком, мимо меня, дабы устранились от вящих неприятностей. Сенат велел внести приговор на ревизию к вице-губернатору, и с тех пор дело сие было для меня совсем сторонним. По времени узнал я, что оно, при новом уже губернаторе, решено и в Сенате конфирмовано в той самой силе, в какой я предлагал, и деньги Измаилу отданы. Сии неприятные сплетни сделали мне имя его памятным. Я, однако ж, не изменил приязни моей к нему по брате его и старался, будучи уже в отставке, вне всякого нарекания поспешествовать ему во всех делах, которые он имел относительно к Преосвященному. Так, например, я созидал здесь, обще с ним, надгробный памятник Евлампию, и поэтому также испытал разные неприятные хлопоты, будучи обязан действовать по доверенности Измаила и его собственным коштом. Я посвятил памяти покойного пастыря четыре стишка, кои нигде не напечатаны, а высечены на камне над гробом его в Калужском соборе. Измаил же доньше, помня мои услуги, остался мне предан.

* Здесь и далее см. Оглавление имен и Оглавление месячных дней.

ШУВАЛОВ

12. Сегодня воспоминается учреждение Московского университета, и я, как ученик его, приличным нахожу поместить под сим числом несколько слов об отношении моем к знаменитому учредителю сего храма наук.

Иван Иванович, нося на себе звание главного куратора Университета, был на самом деле истинный меценат его. Под его покровительством я начал в оном обучаться: ибо он отвел отца моего от намерения послать меня образоваться в чужие края, показав большие невыгоды для России оттого, что дети ее рано спознакомливаются с иностранными землями, не получив надлежащего понятия о своей и привычки любить ее. Будучи школьником, я перевел с французского на русский язык сочинение г-на Мерсье под названием «*Les songes philosophiques*»¹³ и посвятил труд мой Шувалову, который принял его очень милостиво, несмотря на его посредственность, почтил меня весьма милостивым и лестным письмом. Перевод мой был дурен и остался таким; ибо я его не переправлял и после. Труд сей и выбор самой книги был еще не по моим силам. Но Шувалов принял жертву мою с особенной благосклонностью, которую оказывал мне и потом во всякое время. По смерти его я написал в память ему стихи¹⁴, кои напечатаны, и из них видно, сколько я предан был сему достопочтенному протектору наук¹⁵ и любителю российского слова.

БЕЗОБРАЗОВА

13. День достопамятный в моей жизни потому, что я в оный соединился вторым браком с госпожей Пожарской, урожденной Безобразовой, и потому хочу вспоминать особенно сегодня и интереснейшую для меня особу в новом моем родстве, Прасковью Михайловну Безобразову, урожденную Прокудину.

Она была замужем за братом родным второй жены моей, Григорьем. Я очень любил ее и звал Полиной. Свадьба ее последовала незадолго до моей. Будучи уже в связи с Пожарской и готовясь на ней жениться, я принимал живейшее участие в бракосочетании столь близкой ее родственницы. Это происходило в Владимире. Будучи первым гостем на всех свадебных пирах, я тем теснее связывал собственный мой жребий с второй моей женой. Полина много содействовала к успеху моей женитьбы: она была орган всех наших окончательных переговоров, и в самый день свадьбы моей она из блажи сделалась моим парикмахером и чесала мне волосы к венцу. Есть ли б я должен был наименоваться ее супругом, признаюсь, что я бы почел такую ее услугу за неприятное предзнаменование, ибо она была очень вертопрашна, но молода, пригожа и любезна. Я к ней очень был привязан и почти всех детей ее крестил. Она скончалась родами, и я чрезвычайно сожалел о сей потере, потому что смерть ее постигла в такую минуту, в которую она зачинала становиться необходимой всему своему семейству. Я долго помню буду приятные мои с ней отношения.

СТАНИСЛАВ

14. День радостный в летописях моих, и как виновник оно́го был король польский, то и привожу его здесь на память.

Во время его царствования, и моего еще малолетства, я получил, будучи не старше одиннадцати лет, патент за его подписанием на латинском языке, и не меньше как на чин полковника, которым я пожалован в сие число. Хартия сия хранится у меня донныне, как редкость, вместе с тем прислан от него и на майорский чин патент учителю моему, французу, господину Руле, который воспользовался мундиром, а я и того не смел надеяться, не имея позволения от двора, просить же его было рано. Надобно объявить, как это все случилось. Дядя мой, барон Строганов, будучи полковником кирасирским, стоял с полком своим несколько лет в Варшаве и хорошо обходился с обывателями, чем не все наши генералы и начальники войск в Польше отличались. Король особенно жаловал его за то и, при выходе из Польши, пожелал возблагодарить; но дядя был богат и подарка бы не принял, чины польские также ему были не нужны. Он рассудил просить мне, племяннику своему родному, какой-нибудь диплом, как игрушку. Король пожаловал меня в полковники. Отец мой имел в плане воспитать меня в чужих краях и по окончании наук желал воспользоваться сим дипломом, чтобы ввести меня в службу в Польше, для лучшего перевода после в отечественную, если я того захочу. По сему предложению два раза батюшка утруждал государыню через полномочных особ у двора, но в оба раза государыня отказала, и я принужден был лишиться всех прав своего патента и вступить в полевые российские полки только прапорщиком. Скачок неприятный! В Польше я долго стоял в списках и, будучи уже офицером гвардии, видел в чиновном расписании у польского министра при нашем дворе, г. Деболи, имя свое в полковничьем столбце выше всех по старшинству, потому что уже несколько лет меня обходили, за неявкой к полку. Он состоял в Литовской губернии и пользовался красивым одеянием. Я в ребячестве веселился надеждой увидеть его на себе, но надежда моя, как дым, исчезла. Самого Станислава я не знавал вовсе, и один только раз случилось мне встретить его в карете, в Москве, когда Павел приходил короноваться и Станислава, не имеющего уже престола, привозил в своей свите. Он ехал в дворцовом экипаже с вершниками¹⁶. Я принял его за государев и, остановя свою карету, хотел выйти для поклона на улицу, но вершники закричали: «Не наш!», и я, оторопевши, чтоб не попасть в опал за то, что сверженному королю оказывал на улице публично ту же честь, которая принадлежала своему императору, не успел даже поклониться Станиславу и, вернувшись в карету, очутился к нему спиной, когда он поровнялся с нею. Так-то, боясь быть слишком вежлив, я принужденным нашелся сделаться дерзновенно неучтивым. Сей поступок извинить может одна только русская пословица: «У страха глаза велики». Станислав умер в России и схоронен в Петербурге¹⁷, но мне даже не удалось и на гробе его быть.

ТОЛСТОЙ

15. Федор Матвеевич, родственник мой по бабушке и несколько времени близкий к Екатерине царедворец. Во всю жизнь мою я не находил людей приятнейшего ума, как Ржевский (см. лит. Р) и этот Толстой. Он имел остроту необыкновенную. О душе его рассуждать не могу. Кто знает человека, токмо духа, живущий в нем? Но об уме судить можно. Он весь наружи, на языке, во взоре, в поступках. Толстой был мил, забавен, и когда говаривал, надобно было его поневоле слушать. Я не испытал от него ни худа, ни добра, но столько пленялся его беседой, что и до сих пор живо его помню, и, сколько ни встречаю умниц в обществе, все Ржевского и Толстого не сыщу.

Матвей Федорович Толстой, сын его и мне внучатный брат. О! об этом я также помню, то отозваться не могут с похвалой. Он был далек от отца своего во всем, а паче в уме. Мы с ним были в молодости хорошие приятели. Он женился на Кутузовой, по ней произошел в чины, и попал в сенаторы. До самого нашествия неприятеля в Москву мы были между собой хорошо и приятельски знакомы. Всесожжение Москвы нас поссорило. По счастью, мы с тех пор не видались, и он в Петербурге скоро потом умер. Расскажу его поступок со мной без всякого своего заключения, и пусть судят, имел ли я право отвергнуть его приятель и даже разорвать всякое с ним знакомство. Как угрожалась Москва неминуемым своим роком, Толстой и я, мы жили в ней и видались почти всякий день. Армией командовал еще Барклай¹⁸, и Толстой, струся прежде многих, уже продавал серебро свое за полцены и собирался оставить Москву. Переменились обстоятельства в армии. Главнокомандующим над войском наименован тесть его, Кутузов¹⁹, и Толстой начал тотчас фанфаронить, объявил мне, что тесть его верно не выдаст столицы и что он из города никуда не выедет, да и мне советовал то же сделать. Я положился на его уверения и не предпринимал ничего, как вдруг Толстой, не сказав нам ни слова, потихоньку выехал из Москвы и, так сказать, выдал меня живьем слепому случаю. По счастью, я успел еще собраться, и хотя с потерей имущества, но накануне француза себя и семейство спасти от крайнего бедствия. Огорчился я таким обманом, но, стараясь все еще в пользу его обратить мои заключения, я полагал, что он не смел объявить о своем отъезде, дабы не встревожить публики; ибо, зная, что он зять Кутузова, всякий мог малейшее его движение принимать за правило для себя и нескромно огласить. Так размышляя о сем, я не очень еще досадовал на Толстого; но когда после войны, воротясь в столицу, узнал, что он всем родственникам, кроме нас, о выезде своем перемолвил, советуя и им собираться, тогда я увидел лживый его со мной поступок, и очень рад, что уже после того мы с ним не встречались. Кажется, вспоминая об человеке по подобному отношению, всего лучше замолчать и не распространять о нем никакого разговора. Жена его была пригожа, мила, хорошего тона, довольно союзна с первой моей женой, и я ее прозвал, по короткости нашей, «внучатное бесподобие».

БЕХТЕЕВ

16. Алексей Алексеевич. Он очень мало со мной был знаком, но по двум приятным случаям во время моего губернаторства помещается в настоящем алфавите. Жена его и все-их общество приезжали однажды ко мне в городской дом и с крайним снисхождением сыграли на моем театре русскую комедию «Школа злословия»²⁰, которая доставила мне незабвенное удовольствие. Я также, с покойной женой моей, был у них на знаменитом празднике в селе Дубках, где, кроме театра, музыки, фейерверку и балу, к умножению тщеславной роскоши, вся зала убрана была фестонами из зелени, сквозь которую сияли разноцветные стаканчики, а вместо кистей коптились ананасы натуральные, дабы показать, в каком изобилии у них сей плод разведен был. Такой праздник долго не забудется. Хотя жена моя пользовалась им в слабом состоянии здоровья, но не без удовольствия, соразмерного общему. Потом, во время моего вдовства, был я приглашен в ту же деревню и с новым очарованием угощаем. В честь роскошным хозяевам я написал стишки, которые под названием «Дубки» напечатаны в моих сочинениях, и по оным село и владельцы остались навсегда в моей памяти.

ЛИВЕН

17. День прекрасный в моей жизни. Я мог назвать моей невестой ту, в которую был влюблен, и, получа на то публичное право, при сродниках моих, в покоях генеральши Ливен, стану говорить ныне о сей женщине, столь памятной мне по счастливому началу судьбы моей.

Графиня Шарлота Карловна Ливен (ныне статс-дама и кавалер св. Екатерины), будучи еще простой вдовой генерал-майора, вывезена из Риги ко двору при Екатерине и приставлена главной надзирательницей за воспитанием великих княжен. Совершив оное с желаемым успехом, получила чины, отличия, имение и все, что нужно для возведения ее на первую степень знаменитости между особами своего пола: она и поныне живет в самом дворце. Я с ней ознакомился тогда еще, как служил в гвардии, в которой сыновья ее были моими товарищами. При помолвке моей на девице Смирной государыне Марье Федоровне угодно было приказать, чтоб все свидания мои с невестой были в покоях г-жи Ливен, при ней; и так я, пробыв две недели женихом, беспрестанно почти был у нее, и она напоминает мне лучшие дни моей жизни. У нее готовилось в комнатах все приданое моей невесты: то она, Ливенша, то я, всякий из нас, что-нибудь или шил, или метал, или кроил; такие занятия, как ни мелки, никогда не забываются, по причине, от которой происходят. Тут неоднократно имел я счастье встречать юных наследников Павла, самого цесаревича, супругу его, удостоивался их приватной беседы, имел разные знаки их милости. Поныне еще жив в памяти моей день отпуща приданого, в который, ужинавши с невестой у Ливенши, были мы оба с ней предметом любезной шутовности Павла, приходившего на нас взглянуть и потешиться общим нашим смущением. После нашей свадьбы мы сохранили все должное уважение к генеральше, посещали ее, и в праздники и в

будни, почтительно и запросто. Она всегда принимала нас ласково и обходилась с нами добродушно. О всяком важном событии нашего семейства я ее извещал, и некоторые письма ее у меня долго сохранялись. Скоро по отставке моей из гвардии я продал пристройку мою полковую (так назывались наши дома) ее сыновьям. По кончине жены я остался с ней на такой же ноге знакомства, и всегда был принят ею благосклонно, даже и в последнее нынешнее время, по изгнании меня из Владимира, когда двор был в Москве, я посещал ее с детьми моими и второй моей женой. Генеральша нимало не переменяла своего обращения со мной, которым я должен быть доволен; ибо, не имея права на особенные ее благодеяния, или подвиги чрезвычайные в мою пользу, я и то почитаю диковинкой в нынешнем веке, приносящей ей особенную честь, что она, дойдя до такой высокой степени у двора, с удовольствием и без надменности принимала старого своего знакольца. По всем сим обстоятельствам г-жа Ливен занимать будет всегда большое место в моих воспоминаниях.

НАРЬШКИНА

18. Авдотья Ивановна, девушка весьма достойная и любезная. Было время в молодости моей, где почти ежедневно бывал в ее доме и чрезвычайно интересовался в ней, без особенного, однако, пристрастия. Она долго была больна и насилу выздоровела. В то-то время я ездил к родителям ее беседовать с ней, пока мать ее, старушка, занималась картами с своими гостями: они в них недостатка не имели. Долгая разлука подействовала на сие отношение. Оно было коротко, но приятно, и я воспоминаю о нем с удовольствием. В сочинениях моих найдутся надгробные стихи, сложенные мной на памятник отца ее, которые на оном и вырезаны в деревне, где он похоронен.

СТРОГАНОВ

19. Граф Александр Сергеевич, двоюродный брат матери моей. Действительный тайный советник первого класса. Так как они оба с женой своей в разном виде имеют право на несколько строк в сем Календаре, но при том жили розно и розно скончались оба, то и я буду говорить о них не вообще, а о каждом лице особо, и помещу здесь графа одного.

Граф был человек добрый, по разуму сего слова в нынешнем веке, не делал зла, но не умел добра сделать иначе, как по сильному на себя влиянию и крайнему домогательству. Он так был слаб в характере, что не смел ничего отказать, но никогда бы не хватился сам собственным своим побуждением ни дать, ни помочь, ни услужить. Для тех, кои хотели пользоваться его благодеяниями, надлежало быть беспрестанно при нем и докучать просьбами, и он готов был все отдать, но отлучись на день за сто верст, и он забыл. Сие свойство его я сам имел случай испытать. Он меня принимал очень ласково, потому что меня любила и отличала *Madame la Ville aux Cleres*, о которой говорено в другом месте. Дочь ее была его фавориткой, и он не смел ей ни в чем противоречить. Видя, что стару-

ха меня отличает, и он обходился со мной прекрасно. Когда я женился, он меня возил, в качестве отца посаженного, из города на Каменный Остров, к венцу, в параде, и принял в этом случае искреннее участие, потому что я венчался у двора, дарил жену мою и дал большой пир. Это все еще было должное по родству и по старинным обычаям. Но вот где начались особенные его к нам милости. Летом он жила на даче близ города. Жена там захотела провести хорошее время года и просила у него помещения. Он отвел нам особенный флигель и полюбил нас. Всякий день мы были вместе, и он так к нам привык, что не мог расстаться. Жена моя склонила его по воскресеньям давать публичные гулянья: он согласился, весь город стал к нему съезжаться, потом явились песельники, шатры, под которыми всякий сброд иностранный приходил плясать: роговая музыка, шлюбочные катанья, маленькие театры, словом, дача сия сделалась местом очаровательным. Мы целое лето там провели с большим удовольствием. Все это по милости жены моей, которая приставала к нему беспрестанно. «Mais, mon oncle, faites nous danser: donnez nous une fête!»*, а бедный граф хочет или нет, но делает, чего от него требуют. Во время моего похода жена также целое лето провела у него на той же даче, и он угрожал ей всячески. Пришлось нам ехать в Пензу, на воеводство! Он нас совсем забыл, бросил, и ни в каком случае жизни моей я не видал от него после ни малейшего внимания. И это называлось в нашей время: «Добрый человек!!!». По зимам в городском его доме всегда бывали театры; жена и я, мы его непременно актеры. Тут в первый раз она отважилась сыграть Нину и пленила весь город игрой. Из всех охотниц, кои после ее являлись на сцену в той же роли, ни одна, веря молве всей публики, так удачно ее не сыграла, как Евгения, почему с тех пор и называлась, для отличия от прочих княгинь Долгоруких, «la Princesse Nina»²¹. Мы много разыгрывали в доме графском пьес и провербов, и вообще, во время молодости нашей, провели большую часть одной в его сообществе наиприятнейшим образом. Тем только он и будет жить долго в памяти моей. Впрочем, он мог иногда оказывать нам услуги гораздо существеннее театральных забав, но мы стыдились их домогаться, а он никогда не догадывался быть кстати полезен.

СТРОГАНОВА

20. Графиня Катерина Петровна, супруга того, о ком говорено выше сего. Женщина характера высокого и отменно любезная. Беседа ее имела что-то особенно заманчивое, одарена многими прелестями природы, умна, мила, приятна: она обогатила себя в продолжительном путешествии с мужем своим еще в чужих краях, особенно в Париже, многими познаниями. Там она беспрестанно была в обществе Мармонтеля²², Вольтера и прочих философов. По приезде в Россию несчастная страсть к фавориту Екатерины, Корсаку, была причиной всех ее злоключений: она разошлась с мужем, Катерина удалила от себя своего любимца, и графиня, приживши с ним несколько детей, принуждена была основать свой дом и жить в Москве, вне большого света и в строгом уединении домашнем. К се-

* «Ну, дядюшка, дайте нам потанцевать, организуйте нам праздник!» (фр.)

му наипаче привели ее недуги телесные. Она лишилась употребления ног и не могла несколько лет ходить, и до самой кончины ездил по комнатам в коляске. Такой сильный припадок болезни не отнял у нее веселости природной. Она любила театр, искусства, поэзию, художества с таким же огнем в семьдесят лет, как и в молодости. Я с ней познакомился тогда, как уж разговор приятности становился ей всего дороже, и пользовался в разных случаях ее доверенностью. Она говаривала со мной о всех своих слабостях прошедших с раскаянием и соболезнованием сердечным, но так была далеко увлечена, что не могла уже никак поправить участи своей. Пользуясь хорошим достатком, она имела свою приятную подмосковную для лета, а зимой доставляла себе в городе все возможные удовольствия, которые доставляются деньгами. У нее в доме я по временам слышал разных виртуозов, отличных театральных певцов, и она до крайности любила словесность, наипаче французскую; ибо привыкла к тому наречью более, нежели к своему природному. Я любил делить с ней вечера в небольшой круговеньке, из пяти, шести человек составленной, между коими шел всегда разговор свободный и острые шутки без яду. В Володимире и в прочих моих отлучках я получал иногда от нее дружеские письма. В царство Павлово я имел случай видеть резкую черту твердого ее характера. Она собралась ехать через Питер в Нарву, к славному лекарю лечиться: с ней ехал и любовник ее, Корсаков. Не доезжая заставы, велено ему отправиться в Саратов и запрещено въезжать в столицу. Она, брося свое врачевание, поехала с ним назад и, воротясь в Москву, едва не решилась проводить его даже до Саратова, если б не уговорили ее спасти себя от столь явного соблазна. Он малодушествовал и почти плакал, и она укрепляла его и переносила сие искушение с стоическою твердостью. Я был этому свидетель, проживши до самого отъезда Корсакова двое суток безвыходно у них. Скоро прошла эта туча, и он воротился к графине в Москву. В последнее время жизни ее я нигде так приятно не проводил вечеров своих, как в ее сообществе. Несмотря на старость и болезненное ее состояние, она так была весела, затейлива, что не хотелось с ней расстаться. Разговор всегда острый, замысловатый. Архив анекдотов любопытных. За неделю уже до кончины ее я сидел у ее постели, и она беседовала о веке Людовика XIV с такой свежей памятью, как будто она была при нем действующим лицом, о тогдашних талантах и гениях того времени. Я удивлялся жару и восторгу, с какими слабое сие тело произносило все то, что касалось до чувства сердца и до высоких идей ума необыкновенного. Конец ее был самый христианский. Она прибегла ко всем Таинствам Веры, коих никогда не чуждалась, и с таким мужественным присутствием духа встретила смерть, какого можно пожелать и при самых строгих добродетелях. О! я никогда не забуду сей приятной женщины. С смертью ее я потерял удовольствие беседы, и никто не может мне заменить ее знакомство.

ХЕРАСКОВ

21. Михаил Матвеевич. Муж, исполненный благих свойств ума, обогащенный познаниями, Нестор нашего Парнаса, единственный создатель Российской эпопеи, в которой не было и нет ему совместника. Он был куратором Университета. Я в его время обучался в оном и пользовался его благоволением. Помню

доныне один краткий разговор мой с ним о поэзии. Я приехал к нему на поклон в Очаков, подмосковная, в которой он провождал время у сродников своих, Трубецких. Тогда мои стихи начинали печататься в периодических журналах, и одна книга уже вышла в публику. Он стал об ней рассуждать со мной и давал мне полезные наставления, раскритиковал все мои труды, говоря, что у меня есть талант, но что я не прилежу, худо вырабатываю свои произведения, не наблюдаю правил прозодии, словом, выслушал я целую лекцию, после которой вдруг и в свободном порыве духа, с улыбкой иронической, как будто над самим собой, произнес сей философ: «При всех, однако, сих недостатках, признаюсь, что я люблю вас читать, и самые безделки мне нравятся». Ответ мой был резок: «О! если это так, милостивый государь, то я и поправиться не хочу. Мне больше чести быть таким, каким я Вам нравлюсь, нежели искать совершенства, которого не найду, и потерять преимущество, коим, по собственному Вашему признанию, ныне пользуюсь». Я этого разговора с Херасковым не забуду. Из оного остается вывести следующее заключение: что можно быть во всех правилах пиитом и наскучить всем, тогда как другой, составя для себя оригинальную систему, напишет без утонченных правил и пленит самого искусного читателя.

ШИРЯЕВ

22. Книгопродавец, малый добрый и ко мне весьма усердный. Он издавал мои сочинения третьим тиснением и не пожалел ничего к украшению оного. Я получил за сии деньги на 1000 р. книг, коими снабдил Владимирскую гимназию, в силу сделанного мною акта в ее пользу. Я не могу довольно нахвалиться его готовностью оказывать мне всякие по части его услуги. Он охотно печатает всякое мое произведение, дает мне без платы читать разные книги по моему выбору и всякий год, в первый день января, дарит меня календарем нарядным, а в именины всегда подносит какую-нибудь книгу. За то и я мимо его ничего своего не издаю, и что публика знает в моих сочинениях, то верно ей доставлено из лавки господина Ширяева и его трудами.

ШМИЦ

23. Московский медик. Я без ужаса не могу вспомнить этого человека. Он лечил меньшую дочь мою, Евгешу, и в четырнадцать дней я ее лишился. Не стану его осуждать как доктора: ибо, не зная медицины, безрассудным бы сделался, когда бы стал критиковать его врачевание. Пусть об этом судят люди его ремесла. Но благонравие и кротость суть качества общие всему человеческому роду, им никто не обучался в школе, а всякий приносит их в своей природе. У него, конечно, сердце чугунное. Он лечил дочь мою без всякого сожаления об ней, хотя ей было только девятнадцать лет, и в этом возрасте умирать несносно. До сих пор, да и во всю жизнь мою, я не вспомню без сотрясения во всех нервах той ужасной минуты, в которую он произнес последний свой приговор и сообщил всем нам, что ее спасти нельзя. Он это исполнил так холодно, сурово, как будто речь шла о затравленном зайце, да и о том охотник стал бы говорить с большим

жаром. О! дай Бог никогда не впадать в руки такого грубого врача, каков Шмиц. Дай Бог не иметь с ним ни свидания, ни дела! Вот человек, с которым, признаюсь, не хотел бы я, по выражению одного германского профессора, ни хлеба переломить, ни рюмки вина выпить вместе.

БЕ[Н]КЕНДОРФ

24. Ермолай Иванович, смотритель гатчинского замка, человек маленького роста, отставной майор, известный только потому, что одна из родственниц его и той же фамилии была ближайшей приятельницей великой княгини Марьи Федоровны. Этот деверь ее женат был на претолстой и высокого росту немке, которая умела хорошо готовить всякие картофельные приправы и едва ли знала что-нибудь другое. С сими двумя супругами мне довелось однажды в жизнь мою, и когда мне было только двадцать лет, провести из минуты в минуту целую неделю как бы в заточении. Вот что подало тому повод. Государыня готовила сюрпризу своему супругу ко дню его рождения: она состояла в театральном зрелище. Придворные господа хотели сыграть французскую пьесу. Выбор пал на драму «L'honnête Criminel». (Честный преступник)²³. Тут есть роль престарелого отца: никому из франтов она не нравилась. В городе уже твердили тогда о моей способности представлять такие роли. Государыня благоволила приказать сделать мне предложение. Взаялся за это граф Чернышев; дошло до сведения принцессы Барятинской (см. лит. Б): она уговорила меня на это согласиться и ехать в Гатчину. Я собрался и отправился; но так как у двора и без театра бывают комедии в обыкновенном общезитии, то, дабы великий князь прежде времени не сведал о затеянном зрелище, хотя, конечно, он об нем уже знал и только для того притаился, чтоб не расстроить удовольствия внезапности, приготовляемой ему его супругой, велено было мне не показываться нигде и никому, кроме репетиции, которые делались после ужина, когда все расходились будто бы спать, и жить мне назначено в покоях у помянутого Ермолая Бе[н]кендорфа. И так я тут выжил целую неделю в отчаянной скуке, питался за трапезой господина Бе[н]кендорфа картофелем с маслом и в сумерки имел свободу, когда все соберутся в покои, гулять по саду, как школьник для рекреации²⁴. Около полночи выпускали меня на репетицию, и тут я видался со всеми придворными господами. Признаюсь, что такой род жизни казался мне великопостным искушением, и я обрадовался наконец представлению нашей драмы, как высокостепенному празднику. До сих пор помню еще ту комнату, в которой учил свою роль по целым суткам, тот картофель, которым кормился, и ту, в три сажени длины, ужасную немку, которая меня оным потчевала. Это было чистилище, из которого я выскочил прямо в волшебный рай.

МАЛЬЦОВА

25. Анна Сергеевна²⁵, урожденная княжна Мещерская, милая и достойная женщина. Муж ее был со мной знаком по публике, имея огромные стеклянные заводы в Владимирской губернии, сделался хорошим мне приятелем, когда я правил ею, и постоянно остался таким, даже и тогда, как я ему ни на какую ус-

лугу не был нужен, что заслуживает особенного замечания в нынешнее время. По близкому соседству наших домов в Москве мы часто посещали друг друга, и Анна Сергеевна в одном случае такую оказала нам услугу, которой не от всякого новомодного друга дождешься. Мы за нее обязаны навсегда ей быть благодарными. Многие почитают благодеянием и одолжением от ближнего только то, что приносит им корысть денежную или какую-нибудь суетную почесть. Я совсем иначе думаю и нахожу, что благонамеренный и дружеский поступок, даже безуспешный, но показывающий внутреннее расположение сердца, гораздо дороже кучи золота и всякой пестрой ленты. Таков был подвиг Анны Сергеевны. Мне приятно здесь, наруша скромность, выставить его к общему сведению: о нем верно никто не слыхивал. Анна Сергеевна не искала им тщеславиться. Вот в чем дело: меньшей сын моей жены Филипп, служа несколько лет унтер-офицером в армейском полку, долго не мог выбиться в офицеры, частью от своих собственных шалостей, а больше от холодности начальников, ибо мы видим, что при протекции не только шалуны, но и записные пострелы попадают в важные чины. Жена моя часто горевала при Анне Сергеевне о сей неудаче, и та разделяла ее прискорбие. Во время открытия монумента князя Пожарского в Москве госпожа Мальцова вздумала воспользоваться сходством имени моего пасынка с героем и, не сказав о том ни слова жене моей, употребила всякое старание к тому, чтоб возбудить восторг в особах военного звания, приближенных к государю, и в честь как бы великому сподвижнику произвесть в офицеры молодого человека, носящего его имя, и тем как бы удвоить уважение к праху его. Этого не удалось. Государь не соизволил, потому что он, хотя носил одно имя, но не происходил прямо от того, кого прославляла Россия. Тем не меньше, однако ж, Анна Сергеевна сделала все, что от нее могло зависеть к утешению жены моей. Мы сведали о сем не от нее, но она, имея хорошие связи у двора, так быстро и деятельно хлопотала, что даже записка подана была государю о производстве пасынка моего пред отъездом его из Москвы, в самый тот день, когда монумент открывался. Что может быть трогательнее такого нежного и благородного поступка, которого цена усиливается мрачностью и потаенным ходатайством. О! где бы я ни был, я, конечно, без умиления сердечного не вспомню ни имени Анны Сергеевны, ни великодушного ее поступка.

ОПОЧИНИНА

26. Катерина Николаевна. Ныне жена сенатора Нарышкина. Мать ее, зажиточная и тщеславная женщина, старалась ей дать наилучшее модное воспитание, в чем и успела. Девушка хорошо говорила по-французски, знала музыку, пела приятно, танцевала с искусством и играла удачно разные роли на театре. Словом, эта девушка совершенно приготовлена была для света, а при том натура одарила и главными своими преимуществами, умом и пригожеством. Она начала рано выезжать в публику, лет пятнадцати, я стал ее знать, и так как мать ее охотно принимала к себе молодежь фамильную, то и я старался быть въезж в дом ее, в чем и успел. Побывавши у нее раза с два, я ей как-то полюбился и сделался по времени так короток, что участвовал во всех их пирах, даже и в отбор-

ных обществах. Начались театры, балы; я готов был всячески забавляться. Молодому человеку редко такое обращение сходит с рук без последствий. Я скоро влюбился в Катерину Николаевну и действительно начал помышлять о соединении судьбы своей с нею. Мать ее казалась на это очень наклонной; ибо, по суетному ее тщеславию, она высоко ценила удовольствие видеть дочь свою княгиней. Девушка, будучи сама молода и резва, а я хоть не пригож, да затейлив и пылок, мы скоро поняли друг друга, и если б отец мой не имел какого-то непреодолимого отвращения к этому союзу, то бы тотчас приступил к решительным переговорам. Провидение иначе расположило и ее и моей участью. Служба заставила меня ехать в Питер, там, завербован будучи ко двору в актеры, я сильнее еще влюбился в Смирнову, на которой женясь, приехал в Москву в отпуск в то самое время, как Опочинина помолвлена была уже за Петра Петровича Нарышкина, моего приятеля и сверстника в летах. Сии события в обоих семействах не прекратили нашего знакомства; я также ездил к Опочининой, как и прежде, старая страсть возобновилась, и, будучи в отставке бригадиром, живучи праздно в Москве, я беспрестанно посещал Опочинину. Дочь ее всегда езжала к ней на вечер. Муж ее тогда посещал клобы и мужские собрания, а я, просиживая один с его тещей часов до трех ночи, увлекался до того моим пристрастием к Нарышкиной, что жена моя зачала питать беспокойные подозрения, которые действовали на благосостояние нашего семейства. Я чрезвычайно наконец был влюблен в Нарышкину и готов был даже удалиться от всех своих обязанностей для того только, чтоб уловить взор ее, услышать из уст ее песенку и просидеть с нею, хотя молча, целые сутки. Такая страсть явно угрожала опасностью семейному нашему счастью. Жена моя, женщина несравненная, увидала ясно, что один способ спасти сердце мое есть удалить меня из Москвы. Она в этом успела весьма нечаянно, и своими убеждениями, советами, общими силами с отцом моим, который чрезвычайно любил ее, произвела то, что я искал места в статской службе и, надеясь определиться в Москве, попал в Пензу. Надобно было расстаться с Нарышкиной; я уехал и страсть погасла. Потом, бывая в Москве, и наконец сделавшись снова ее обывателем, я остался дружен в доме Нарышкиной, но уже это было не опасно. Я и поныне предан Катерине Николаевне, по воспоминаниям прошедшего, но без прежнего пристрастия. Говоря о ней, признаться должен, что из всех женщин, которые сердце мое пленяли, ни одна так соблазнительно не очаровывала его, как Опочинина, ни в одну я до такого безумия не влюблялся и даже долго, очень долго, не смел быть уверен, что она не сделает из меня всего, что захочет. Ей стоило только принять на себя маленький труд, и я так раболепно повиновался ей, что всегда мог бы снова в нее, и очень горячо, влюбиться. Пусть меня уверят после того, что человек один только раз в жизни может любить: я испытал неоднократно противное. Память тех минут, часов, и даже целых дней, которые я препровождал с Нарышкиной, никогда не изглядятся в уме моем. Я всегда с живым удовольствием вспомню мое к ней отношение, нашу взаимность, ее доверенность ко мне в ее несчастье (ибо она была подвержена некогда самому жестокому бедствию во время проказ ее мужа) и мою горячую любовь к ней, готовую на всякое пожертвование. О! как сильно и хитро она управляла моей душой! Как она мастерски меня соблазнила пустяками, ничем, одним словом, взглядом, и я был у ног ее. Ни одна женщина, может быть, легким и не-

осторожным поведением не заслуживала более ревности, как она, но я не смел, хотя и имел причины, ее ни к кому ревновать. Она так умела хорошо располагать своими часами, что те, которые я делил с нею, точно принадлежали мне и ничем не были возмущаемы. Никогда не забуду очень забавного случая: я ехал к ней в такое время, в которое она сама назначила свидание в другом доме, и наши кареты встретились, и, прежде чем мы закричали: «Стой!», люди наши сами остановились, не зная, по постоянной нашей привычке видеться всякий день, она ли для меня воротится домой, или я ворочусь, чтоб выбрать другой час для моего посещения. При всем том я так покойно любил, что никакое подозрение не волновало души моей. Всякая ли женщина умеет так удачно обольстить и приковать своего узника? Я уже стар теперь и, конечно, в Нарышкину не влюблен, но без восторгов не могу вспоминать того времени, в которое она владела всеми моими чувствами и учила меня находить блаженство в обманах страсти. В сочинениях моих найдутся два приветствия, написанные мною ей по случаю ее отъезда в Киев²⁶. Ей же принадлежат стихи под названием «Желания» и многие песни, которые я писал, будучи воспламенен ею. Одна она, решительно скажу, одна могла быть опасна для бесподобной моей Евгении, и жена моя во все семнадцать лет нашего супружества ни к одной женщине, кроме Нарышкиной, меня не ревновала, потому что, будучи сметлива и прозорлива, она тотчас увидела, что Нарышкина мастерски управляет средством обольщения, и кокетство ее тем страшнее было, что его заметить было трудно. Отдадим сию последнюю похвалу женщине, которая уже отыграла роль свою в свете и теперь, удалившись от него в строгое семейное уединение, может только требовать приязни, в чем я ей не откажу до последних дней моих.

НАРЫШКИН

27. Петр Петрович. Брат родной княгини Куракиной, с которой я доньне в дружеском отношении (см. лит. К). И с ним я также давно знаком и дружен. Первое наше свидание было в манеже, в котором мы учились ездить верхом. Учители наши были знакомы и нас между собою познакомили, с тех пор мы навсегда остались приятелями. Все случаи нашей жизни взаимно к тому способствовали. Он служил в гвардии и попал ко двору. Я также служил в гвардии и вертелся у двора. Это укоренило приязнь между нами; оба мы по времени разными путями попали в гражданскую службу, он жил всегда в Москве, и я по большей части также. В одно и то же почти время мы с ним женились, я на Смирной, он на второй жене своей, Опочининой, овдовевши очень скоро от Салтыковой, которая за ним была в первом браке. Родство его и мое было между собою в сватовстве, и мы почти те же дома посещали. Он родился в том же годе, как и я (в 64-ом), месяцем только позже меня, следовательно, все нас делало ровесниками и товарищами, и к тому сколько разных происшествий укрепляли нашу связь! Опочинина, на которой он женился, была долго предметом моей склонности, и я имел намерение сам на ней свататься, но судьба иначе распорядилась. Совместничество не расстроило нашей приязни; напротив, я сделался другом и мужа, и жены. Здесь ограничу себя рассказом собственных моих к нему отношений. Я долго

жил в Пензе, но это не остудило Нарышкина ко мне: он в то время, предавшись несчастной слабости, был выведен из обыкновенного своего положения и ни с кем не знался, кроме ханжей да пьяных попов, которые совсем было его погубили. В такой развратной жизни он все свое имение расстроил, лишился важного состояния и, обратясь, так сказать, в тягость всему своему семейству, опаматовался, но поздно; ибо никогда не мог воротить своего имени и остался беден навеки. Живучи в доме тещи своей, он содержался ею при помощи малого своего жалованья, получаемого от Сената, где он числился, имея чин камергера, за обер-прокурорским столом. Несчастья сделали его благоразумным. Он перестал пить, обратился к трезвой жизни, но уже в общество попасть и стать на первую ногу не мог. Все от него удалились, и ему самому дико было с первыми знакомствами большого света сблизиться. Я один остался у него из старых его приятелей и, постоянно его любя, никогда не разрывал с ним связи. Будучи в Владимире, вел с ним дружескую переписку: он уже тогда был сенатор. Знакомство мое короткое с сестрой его усилило нашу взаимную приязнь, и он оказывал мне всевозможные услуги, в то время как я, в мою очередь, гоним был фортуной. Из всех доказательств его дружеского расположения ко мне, какие я в памяти моей собрать могу, нет важнее испытанного мною во время моего вдовства. Я тогда тотчас, по кончине жены моей, привезен в нашу подмосковную, Никольское, и он, как скоро сведал, что я тут, один из всех моих родственников и знакомых прискакал меня навестить. Этой жертвы, этого посещения, я вечно не забуду, и как бы по превратности времени Нарышкин со мной ни переменялся, ежели это должно быть, чего я, однако же, не ожидаю, потому что мы оба состарелись, я вечно останусь ему другом и никогда не откажусь ни от какой услуги, если бы встретился мне когда счастливый случай оказать ему оную. Мы до сих пор дружны ненарушимо, ничто не меняет нашего расположения, и он во всех моих обстоятельствах участвует также искренно, как я в его. Признаться должно, однако ж, что, по некоторым коренным недостаткам наших общих характеров, много содействует к сохранению нашей связи в одинаковой силе чрезвычайное о том старание сестры его, которая, любя брата по естеству, а меня по склонности свободной, крепит наш союз всеми зависящими от нее средствами, пользуясь к тому неограниченным ее влиянием на поступки брата своего против меня и на мои в отношении к нему. Но как бы то ни было, Нарышкин и я, мы можем назваться друзьями и будем, кажется, ими во всю нашу жизнь.

НИКОЛЕВА

28. Не знаю ни имени, ни отчества, не видывал ее сроду в глаза. Знаю только то, что она орловская помещица, и где теперь жива, или умерла, не ведаю. Как же она сюда попала? По самому странному случаю. Я одолжен этим знакомством, письменным только, а не иным, моей поэзии. Г-жа Николева любила мои стихи после 1-го издания оных, что было довольно давно, следовательно, во время и ее, и моей молодости, изволила написать ко мне послание в стихах²⁷, в котором чрезвычайно меня расхвалила. Оно было напечатано в «Вестнике Европы». К удивлению моему, прочел я нечаянно этот панеги-

рик, выпущенный под знаменем анонима. Долго не знал, как мне поступить с таким подарком, решился наконец на стихи отвечать стихами, не зная ни кому, ни куда их адресовать. Видя, однако, что стихи писаны женщиной, сочинил ей свое приветствие²⁸, поблагодарил за похвалу моей книги и, стараясь выведать, с кем я вхожу в переписку как поэт, изъявил горячее желание лично ее видеть, ознакомиться с ней, изустно возблагодарить, словом, повергнуться к стопам новой этой Сафо. Разумеется, что восторг не пощадил выражений и что все, льстивое для самолюбия женщины-сочинителя, тут обильно было пролито из разгоряченного моего воображения. Намерение мое увенчалось успехом. Я свои стихи также напечатал в «Вестнике Европы». По некотором и очень скором времени госпожа Николева написала ко мне ответ в прозе, прямо по почте, и, возблагодаря в нем за мою взаимность, именовала себя настоящим своим именем, а потом, принимая, как говорится, на чистые деньги все мои приветствия, приглашала меня в орловскую деревню для начала между нами знакомства. Я тогда служил в Соляной конторе и не имел никакой надобности отлучаться и проситься в отпуск только для свидания с дамой, которую вовсе не знал. Путешествовать взад и вперед по восемьсот верст показалось мне делом слишком странным и необыкновенным. Я долго колебался, что предпринять, и решился остаться дома, оставя сие новое письмо без ответа. С тех пор я об ней ничего не слыхал и ни слова не получал. Так началось и кончилось наше знакомство. Оно в одном роде с таким же, которое я гораздо позже завел, и все-таки в Орле, с г-жей Болотниковой (см. лит. Б), и донныне, вот уже два года, поддерживается постоянной перепиской. Послание мое к госпоже Николевой напечатано в моих сочинениях 2-го и 3-го издания под названием «Незнакомой в уезде». Так как я писал стихи не по иному какому побуждению, как чтоб нравиться женскому полу, ибо я во вселенной ничем, кроме его, не пленялся, то подобные приобретения были для меня очень лестны, и я с признательностью вспомню всегда имя г-жи Николевой.

ИЛЬИН

29. Василий Федорович. Генерал-майор артиллерийский, друг и наперсник графа Аракчеева. Человек самый для меня ненавистный. Он хотел, не зная меня, сделаться моим злодеем и успел в том совершенно. Во время последних и сильных моих невзгод в губернаторском звании ему поручено было от государя наследовать мое управление по доносу виц-губернатора (см. Дюнант). Я не знаю, чего он ни выискивал, чтоб погубить меня. Следствие его обратилось в настоящую инквизицию. Не мог он найти на мне никаких ужасных пятен, но все, в чем как человек по неосмотрительности мог быть обвиняем не за свои, а за подчиненных моих поступки, он все представил в самых черных красках государю и был главным виновником моей безвременной и уничтожительной отставки. Желал бы забыть об нем, но никак не могу, а простить его после всего того зла, какое он сделал мне, чувствую, что никакой христианский героизм не сотворит меня способным. Довольно сказано, чтоб показать читателю, сколь омерзительна мне память его.

ДОЛГОРУКОЙ

30. Имея честь принадлежать сему знаменитому роду, столь прославленному в летописях нашего государства, весьма естественно, что я, от рожденья моего доньне, ни с кем не был так часто в различных отношениях, как с членами оно-го и однофамильцами своими. Все они, более или менее, были со мной в связи, или по родству, или по приятности, или, по крайней мере, по короткому знакомству. Говорить о каждом Долгоруком было бы не к месту. Я посвятил сей труд одним чувствованиям сердца и, следовательно, упомяну о тех только князьях Долгоруких, кои мне благодетельствовали, кои меня любили, с коими я жил в приятной свычке; многие из них были виновниками разных зол, от которых пострадал именно наш корень; но я не хочу и напоминать себе об них, во-первых, потому, что они вредили моим предкам до меня, во-вторых, потому, что излишняя желчь против них не облегчит того сурового положения, в которое происками их поставлен наш дом. О сем распространился я в моей истории. И довольно! Здесь хочу вспомнить тех князей Долгоруких, которых благие подвиги насечены на скрижалях сердца моего неизгладимыми буквами, и потому начну с главнокомандовавшего некогда в Москве, знаменитого полководца, князя Долгорукого-Крымского, проименованного так Екатериной за покорение полуострова Крыма, и тем приличнее назначено его имя под сим числом, что в оное сей добрый князь и твердый патриот скончался. Князь Василий Михайлович, генерал-аншеф, главнокомандующий в Москве! Я могу назвать его творцом моей политической судьбы. Из уважения к ходатайству отца моего он меня принял в свой штат из Московского пехотного полка, в который я попал в прапорщики по выпуске моем из Университета, где я, пробыв три года студентом, получил на основании законов право на обер-офицерский чин и пожелал вступить на военную службу. Будучи сперва простым бессменным ординарем при князе, я скоро поступил к нему в секретари на открывшуюся ваканцию, что доставило мне чин поручика по штату. Князь хотел меня сделать своим адъютантом, ваканция очистилась в марте, но 30 генваря его не стало, и все мои надежды исчезли. В первый раз еще в жизни я оплакивал благодетеля и чувствовал цену сей потери: князь обходился со мной, как с сыном, хотя не был мне и родня. Любя род свой, он отличал меня от прочих, служащих при нем. Он жил по-русски, хороший был хлебосол, щедрый человек и всем благоприступен. Москва о нем долго плакала, тужит и доньне при всяком сравнении с заступающим его место. Сколько я тут в доме вкусил удовольствий, свойственных моему возрасту! Два раза только я подпал князю негодованию и, по совести, весьма справедливо. Однажды я без позволения явился в свой полк и выходил с ним в лагерь парадным маршем. Князь, приметя сие своеволие, приказал было меня арестовать, но скоро простил; потом за торжественным столом, в царский день²⁹, я слишком свободно осмеивал одного пожилого старичка, тот пожаловался, и мне крепко досталось. Князь был добр, но вместе и строг к своим подчиненным; особенно же мне не спускал ни одной шалости, и в доме его я сделал первый шаг мой в свет. В табельные дни³⁰ несмотря на погоду, я обязан был, наряду с прочими, скакать верхом у колеса его кареты, и он часто меня посыловал с приветствиями ко знатнейшим людям в городе, дабы таким образом ознакомить меня с стариками и дать мне со временем выгод-

ные протекции; словом, я, под рукою сего доброго старца, был охраняем от всякого мирского навета и, происходя чинами, мог приготовить себя на службу. По смерти князя Екатерина, желая и за гробом оказать уважение к его заслугам, повелела награждать весь его штат чинами, почему и мне следовало повыситься в капитаны. Таковы были мои отношения к сему вельможе. Они продолжались и ко всему его дому. Я до самой ее старости посещал вдову его, был всегда ласково принят в его семействе, от каждого из детей, особенно же милостив был ко мне в молодости моей сын его старший, князь Михайла Васильевич, человек, уподоблявшийся отцу своему в доброте сердца и любви к роду; и никогда не забуду благоволения, коим обязан был князю Василью Михайловичу. Да насладится душа его толикими благами небесными, колико он наделал добра, живучи с людьми в тленном мире. Если я могу кому, без употребления во зло выражения, дать название благодетеля в рассуждении меня, то, конечно, Крымскому, который не из надменности и тщеславия, но по истинной чистой любви своей к нашему общему роду избрал меня из оного, как ветвь несчастнейшего древа, дабы показать на мне все свое благодушие.

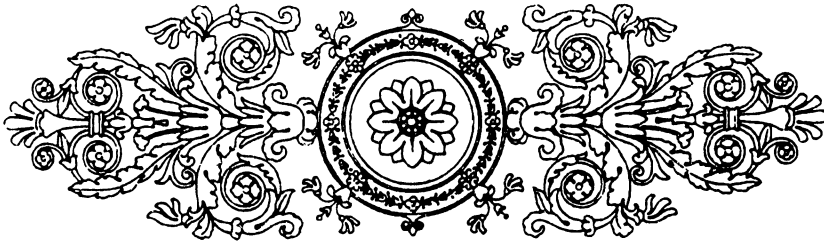
МАРИЯ ФЕОДОРОВНА

31. День, напоминающий мне неизъяснимые восторги любви и радости. День, который я мог назвать треплаженным в моей жизни, потому что я в сие число женился на бесподобной Евгении, которой обязан был счастьем лучших лет моих! О ком приличнее в этот день произнести слово, как не этой высокой особе, которая соизволила соединить меня с воспитанницей своей?

Мария Феодоровна, императрица, мать российского императора Александра (см. Павел). Она изволила участвовать во всех тех милостях и благодеяниях, какие супруг ее, будучи великим князем, жене моей покойной и мне оказывал. Евгения из монастыря, где была воспитана на их иждивении, принята ко двору и до дня замужества за меня при оном находилась, играя комедии, в обществе великого князя, во всех городских и загородных его дворцах. Я всегда был отменно принят их высочествами, и они меня оба изволили жаловать. По началам их милости к нам казалось, что мы будем всю жизнь нашу ими взысканы; но поездка моя на службу в Пензу и, следовательно, продолжительная разлука с двором так нас истребила из памяти их высочеств, что они отказались совершенно устроить судьбу нашу, когда дошла очередь и до них сесть рядом на трон Екатерины. Говоря здесь об одном лице императрицы Марии, приведу на память разные ее с нами поступки, кои покажут читателю, сколь противоположно было обращение императрицы и великой княгини против жены моей. Правда, что на самых первых порах, при вступлении их в самодержавное звание, когда Павел отставил меня из службы, супруга его, приняв жену мою очень милостиво, сильно ходатайствовала о том, чтоб я определен был паки к должности, в чем и успела; но потом охота ее, по мере как она привыкала к высокому сану, стала становиться решительнее и сильнее. Тогда император раздавал многим вотчины, но ни я, ни жена моя не удостоились этой щедроты, и Мария Феодоровна изволила назначить жене моей из кармана своего только триста рублей пенсии в год. Можно ли назвать такую милостыню благодеянием, особливо тогда,

как простые прислужницы получали по двести и по пятисот душ? Я служил и жил в Москве, терпя всякие недостатки. Жена моя напоминала о себе разными письмами императрице и только один раз удостоена была от нее церемониальных пяти строчек за кошелек ее работы, который она поднесла ей в день ее именин. Не любить могли сии гари-супруги меня, но за что привязывали к злосчастной участи моей судьбу неповинной пред ними их воспитанницы, которую отягощали мои недостатки? Все прежние сношения были забыты; ужаснее всех прочих пример их равнодушия к нам изложу в следующем поступке. Жена моя была в чахотке: врачи советовали ей для подкрепления жизненных сил переехать за город в такое место, где бы можно было врачеваться испарением навоза. Всего удобнее нам казалось переехать для сего на скотный двор Воспитательного дома и там, заняв два, три покоя, провести хорошее время года. Надобно было на это просить дозволения императрицы; жена писала и получила отказ. По смерти Павла I двор был в Москве. Жена явилась к императрице, и та приказала привести показать детей своих. Жена, сам четверт, приехала во дворец, допущена к императрице и в недужном ее состоянии ничего другого не удостоилась, как нескольких карамелей для ее малюток! И мы, бедные партикулярные люди, стыдимся отпустить таким образом от себя наших малолетних крестников, когда их привозят к нам знакомые родители. Живучи в Владимире, жена моя, пред самой кончиной своей, просила убедительнейшим письмом императрицу не оставить после нее ее детей и утешить ее еще при жизни фрейлинским вензелем³¹ для старшей дочери нашей, Марьи. Ни слова ответу и ни малейшего внимания. По смерти ее прекратился и нищенский годовой пенсион. Так кончились отношения сей императрицы с женой моей; продолжались они к моим детям некоторое время, но весьма холодно. В последнее пребывание двора в Москве, после француза, жена моя представляла оставшихся двух дочерей моих императрице, и она, говоря дворским языком³², очень милостиво изволила их принять, потрепала ту и другую по щеке, называла своими детьми, тем и ограничилось все ее благоволение, от которого дочери мои ни на волос пользы существенной не приобрели. По случаю кончины королевы Виртембергской, Екатерины Павловны, я сочинил стихи³³, которые по совету многих моих приятелей посвятил государыне Марье Феодоровне, и она изволила отблагодарить меня учтивым и благоприятным письмом. Вот все, что могу собрать о ней, вспоминая время моих отношений к сим священным особам. Пусть читатель определит сам меру и степень моей благодарности к таким мнимым благодетелям, а мой долг, написав это, замолчать и забыть все то зло, которое нанесли мне в разные времена сие порфиноносные владыки ради неоцененного сокровища, которое принял от рук их, дражайшей моей Евгении.

ФЕВРАЛЬ

МЕЛИССИНО

1. Иван Иванович. Он был куратором Московского университета, когда я в оном обучался, старик почтенный, которого милости я обязан помнить всегда. При нем я произведен в студенты и удостоен особенного его одобрения, когда читал речь в торжественном собрании по случаю рождения нынешнего императора. С юношеством моим прекратилось всякое между нами отношение. Осталось одно воспоминание его покровительства и снисхождения.

ГОРИЧ

2. Славный партизан и наездник, казак-генерал. Он убит на Очаковском штурме, вместе с князем Волконским. На кончину сего последнего сочинены были стихи, а о Гориче никто и не вспомнил, ибо немногие знали его лично. Однажды, как-то разговорясь с домашними, скоро после известия о сей победе, выведено заключение, что богатому и умереть выгоднее нищего, потому что хотя оба сии витязя с равным геройством пали за Отечество, но один из них воспет публично, из уважения к титулу и достатку его, а Горич, бедный и незнатный казак, известен стал по одной реляции, которую не все прочтут. Этот разговор на меня подействовал. Я вздумал на смерть Горича сложить стишки!. Написал их и дерзнул отдать в печать. Я воспользовался некоторыми о нем сведениями, почерпнутыми в свиданиях с ним некогда у графа Строганова, где он на даче маневрировал по-казачьи на борзом коне своем. Он был мужик простой, добрый и без всяких затей; сабля его составляла всю его доблесть, просвещение и славу. Стихи тогдашние были первый плод трудов моих литературных, и я, дабы сохранить память возраста моего в ту эпоху, ничего в них не переменял ни во втором, ни в третьем издании моих сочинений.

ЦЕСАРЕВИЧ

3. Константин Павлович, великий князь российский. Во время малолетства его я имел счастье обучать, по препоручению моего начальства, несколько солдатских детей в Семеновском полку одного с ним возраста; они обмундированы были егерями для забавы брата его, нынешнего государя (см. Александр)

и самого его. Константин был жив и скор. Он любил военное ремесло от самых юных дней своих. С кучкой малолетних солдат ездая иногда в Сарское Село тешить юных принцев крови. Там довелось мне и Константина Павловича ставить со своими ребятишками в одну шеренгу и учить их маршировать, что приносило ему всегда большое удовольствие; но забава сия скоро стерлась в его памяти, и он уже после нигде и никогда не говаривал о сей детской резвости, которая и до сих пор представляется моему воображению в живейших красках, напоминая мне лучшее время жизни, собственную мою молодость. Во время моей губернаторской службы я удостоился получить от его высочества письмо рекомендательное, выпрошенное в пользу свою одним чиновником армейским, который, по его же ходатайству, переходил из-под начальства великого князя ко мне.

КАЛЕРДЖИ

4. Не могу не смеяться, когда произношу имя этого грека. Он учился в одно время со мною в Университете; мы оба были еще мальчиками. К родителям мою езжала очень часто преуважительная и пожилая фрейлина, княжна Куракина, у которой воспитывалась пригоженькая сирота, вывезенная из Бендер. Княжне вздумалось обучать ее многому, особенно языкам иностранным, и она изволила поручить мне приискать для французских уроков студента из Университета. Я представил ей Калерджи. Она его приняла: учиться турчанка месяц, два и три. Княжна отменно довольна и ученицею, и учителем. Как-то рассудилось ей позкзаменовать свою фаворитку, и та откровенно ей призналась, что Калерджи выучил ее только различать, что такое *le genre masculin et le genre féminin**. Смекнула княжна, что это познание может иметь незабавные последствия на практике, и сбили моего товарища со двора. С тех пор всякий раз княжна, посещая нас, обращалась ко мне с негодованием за худого учителя, и чем более она изъясляла досады, тем тверже врезывалось в память мою неудачное пояснение мужского и женского рода, из которого повеса Калерджи хотел, как кажется, составить полный учебный курс для юной и невинной музулманки. Не знаю даже, не поздно ли княжна хватилась экзаменовывать свою питомку. Чем же я виноват? На грех мастера нет.

ТУРГЕНЕВ

5. Иван Петрович. Он служил в звании директора при Московском университете, но меня уже там не застал; я ему, однако ж, обязан первыми моими успехами в литературе. Написавши две пьесы в стихах под названием «Авось» и «В последнем вкусе человек», я их роздал приятелям своим в рукописи; они дошли до сведения г. Тургенева, который задрал меня самым лестным письмом и просил позволения их напечатать в издаваемом тогда журнале². Я согласился, и как скоро они показались в свете, то я сделался публике известен. Удостоясь ее одо-

* род мужской и род женский (фр.).

брения, стал продолжать труды мои в стихотворстве. Теперь моих сочинений вышли уже четыре книги³, которых может бы я не написал без усердного расположения Ив[ана] Пет[ровича] к моим первым произведениям. И так, могу ли я не вспомнить его, как виновника моей литературной славы, которую, впрочем, я сам ценю слишком мало, чтоб бояться нападков зависти.

ЮШКОВА

6. Анна Петровна⁴. Романтическая особа, родственница второй жены моей. Проезжая через деревню ее из Киева домой, я у нее был очень приятно угощаем и с удовольствием провел там сутки, занимаясь стихотворством и прозою. Так я написал стишки под названием «Мишинская долина»⁵, они напечатаны; из них видно, что я еще способен был к минутным восторгам. Юшкова одарена разными талантами, между прочими искусно рисовала и, написав красками Мадонну, подарила оную мне. За сей подарок я благодарил ее в стихах, и они напечатаны. В них я обещался не расставаться с Мадонной, но французы посетили мой дом, ограбили его и унесли картинку. Что в свете устоит против коловратности случаев? Но, потеряв образ, я не потерял памяти той, которая мне его из приязни подарила, и Мишинскую долину всегда вспомню, как точку земли, на которой я провел несколько часов приятно, беззаботно и свободно.

ПРИКЛОНСКИЙ

7. Дмитрий Иванович. Мальчик, который жил у нас в доме и в одной комнате со мной. Мы были оба ребята и учились еще грамоте: родители его с моими были в связи приязни и отдаленного родства. Приклонский шаловлив был; мы с ним в одно время, один после другого, вылежали в горячке, от которой чуть-чуть не отправились оба в Елисейские поля⁶. Эпоха памятная в моем ребячестве. Еще случай не очень благоприятный, по которому я его забыть не могу, тот, что он изволил меня поучить онанизму. Я на него насмотрелся и сам перенял, но за мной строг был присмотр; скоро догадались: его согнали со двора, а меня высекли и отучили. С того времени я его не видывал, и Бог его знает, куда он девался. Советую всякому, кто прочтет эту статью, как можно осторожнее и реже сводить юношей одного возраста, особенно тогда, когда развертывается физический темперамент; ибо прежде зрелой поры расстроится весь состав, и научится даже тому, чего бы и в голову не вошло, если б не попался пример.

ГРАФ ВАСИЛЬЕВ

8. Будучи в сие число определен в Володимире губернатором, прежде всех вспомнить обязан главное лицо, к тому способствовавшее, и именно графа Алексея Ивановича.

Он приобрел славу искуснейшего министра финансов Российской державы и в прямом смысле был государственный человек. При вступлении моем из

бригадиров в гражданскую службу в звании виц-губернатора он находился еще в первых генеральских чинах и не имел никакого титула. Екатерина II, примечая в нем ревностного сотрудника своего генерал-прокурора, вела его постепенно к важнейшим должностям. Служба поставила меня в ближайшее к нему отношение. Генерал-прокурор был уже без языка, и под именем его Васильев управлял гражданским телом всей империи. Муж опытный, сведущий в своем деле и самых кротких свойств. Он мог назваться, как французы говорят, «un des meilleurs routiers de l'Empire»*, не было в нем гения превосходного, но зато навык к делам и познание Отечества необыкновенные. Я дорожил всякой его похвалой и добрым словом его гордился более чинов и отличий; я обязан ему многими полезными наставлениями; он покровительствовал мне во всякое время; в случаях тесных, которым я нередко бывал подвержен, я всегда имел надежное к нему прибежище, и он был главной моей опорой. Так, например, во время моего виц-губернаторства он защитил меня против нелепых доносов безумного директора экономики Зубова. Когда я служил членом Главной соляной конторы, он ходатайством своим отклонил взыскание значительного штрафа со всей Конторы, в том числе и с меня, крепко принявшись за особенную жалобу, которую я, отделясь от Конторы, вынужден был подать в Сенат, и даже потом на Сенат к государю. Он участвовал в выборе меня в кандидаты на губернаторское место и до конца дней своих был мне хорошим протектором; помня службу свою в одних чинах и должностях с отцом моим, он оказывал и мне ту же ласку, которая должна была быть последствием его с ним приятни. Достигши до сана и почестей вельможи у трона Павла I и пробившись к верховной степени из кучи, так сказать, приказных служителей, коим начал он и сам свое гражданское поприще, он никогда не воздымался тщеславною гордостью, был ласков, приветлив, благоприступен всем, и современники его погрешат, если многие из них забудут личные им от него одолжения, а все вообще знаменитые его заслуги государству.

ВИЛОКЛЕР

9. Madame de la Ville aux Cleres. Француженка, лет сорока с небольшим, жившая в доме гр. Строганова, ядья моего, при воспитании малолетней его дочери; у нее была своя дочь, лет семнадцати, которая прелестями своими обворожила старичка и делала из него что хотела. Будучи короток в доме, как ближний родственник, и еще свободен, я свел с ними с обеими приятное знакомство, и оно было для меня небесполезно. Мать имела хорошие познания и сохраняла со всеми въезжими в дом очень благородное обращение. Дочь графская, по малолетству, не выходила к большим столам; и так, за обедом ее, вверху, с дозволения хозяина, Madame de la Ville aux Cleres имела право приглашать учителей и несколько иноземцев лучшего поведения; тут бывали всегда все французские остряки Петербурга; я вертелся почти ежедневно в их обществе и много приобрел наружных преимуществ, кои скрашивают молодого человека в большой публике. Я

* «один из лучших придорожных ресторанов Европы» (фр.).

много был обязан этой женщине: она меня вытерла и поставила в возможности появиться в большой свет без этой школьной пыли и педантства, с коим мы вступаем в оный, вышедши из-под присмотра домашних наших надзирателей. Madame de la Ville aux Cleres, могу сказать, образовала меня во вкусу тогдашнего Петербурга: она осмеивала мои дурачества и худые привычки, и я ей обязан теми успехами, кои получил в обществе. Из смешных случаев, современных моему с ней знакомству, я с удовольствием вспоминаю и ныне под старость тот проказливый маскарад, в который мы с ней однажды ездили вместе в полночь: она уложила графиню спать, потом оделась монашенкой, а меня одела в прекраснейшие женские уборы; отправились, и лишь только показались в залу, как мадам, не зная наших обычаев и следуя своим, начала задирать всех вельмож шутками; разумеется, что и я от нее не отставал. Мало нам показалось тормозить людей обыкновенных: мы подбежали к Потемкину⁷, начали около него суетиться, а он не очень любил такие французские смешки и приказал узнать, кто мы такие. Увидя, что шутка может кончиться слезами, я уговорил ее уехать, и, тихонько скрывшись в толпу, успели выбраться домой, прежде нежели нас остыдили полицейским проводом. На другой день разнеслась по городу молва о двух забавных масках. Старый гр. Строганов смеялся сам над ними очень много, не зная, что в них спрятаны были я и мать его прелестницы, и тайна наша так была хорошо сохранена, что никто о ней не узнал даже очень долго спустя. Обе сии инюмки были счастливого свойства. Дочь добра, резва и очень соблазнительна, а мать, по уму и качествам сердца, женщина уважительная, и я всегда вспомню смя моего с ней знакомства с удовольствием и особенною к ней признательностью. Я у нее узнал ту неопровергаемую истину, что никакая школа так не образует молодого юноши и не приготовит его столь удачно жить в свете, как обращение с женщиной благонаправной и уже средних лет, когда рассудок ее может охлаждать пылки восторги молодости. Такова была для меня, при вступлении моем в свет, г-жа Виллоклер.

ТАРАКАНОВЫ

10. Сегодня некогда родился у меня сын Петр. Вспомнил уважительнейшее лицо тогдашнего времени на нашем пиршестве, мать крестную младенца, Александру Михайловну Тараканову, супругу Дмитрия Михайловича, издавна преданного к нашему дому по старинным связям отца моего. По нем сделалась нам и жена его знакома. Он был малый добрый, любезный, но, признаюсь, что мне не так приятно приводить себе на память его, как жену; ибо, несмотря на всю любовь его ко мне и хорошие с нами поступки, он поставил меня в тяжкую необходимость вести с ним суд в тысячу рублях, которые велено было наконец ему мне заплатить. Я принужден был тягаться с ним, потому что он утверждал, будто бы я его поклепал; доходило до стыда: я доказал, что его не заслуживаю. Вот в чем дело. Когда я был в Пензе виц-губернатором, Тараканов командовал там же карабинерным полком; известно, что тогда это стоило вотчины. Он у нас был в доме ежедневно на приятельской ноге и взялся по просьбе моей заказать для нас такой же дорожный серебряный сервиз столовый, какой видали мы у него. Це-

на ему поставлена четыре тысячи с серебрянником в Москве; сделан договор. Я, продавши женины бриллианты, всю сумму, за них вырученную, а именно пять тысяч, перевел Тараканову. Посуда поспела. Надлежало кончить расчет; он, приславши его ко мне по отставке уже моей, выносил в итоге своей рукой четыре тысячи, а в письме почитал себя со мною квит. Я писал, что за ним еще моя тысяча, и просил на деньги росписки до времени, но он стоял в своем и, не платя их, не соглашаясь даже и на росписку, писал формально, что я на него насчитываю лишний долг. Это принудило меня разбираться с ним судом, и я наконец, по переводу через третье лицо, получил за него в тысячу рублей облигацию, у промена которой потерял напрасный убыток. Тогда он не имел уже полку и спутался в делах своих. Несмотря на сей не очень хороший поступок, я всегда отзовусь довольным его с нами ласковым обращением. Когда мы жили вместе в Пензенской губернии, он, командуя полком, доставлял нам разные удовольствия, и охотник был давать пиры, на которых мы всегда бывали первые его гости. Ему вздумалось однажды (ибо он всегда был очень проказлив) записать двухлетнего ребенка моего, Александра, в своей полк в рейтары⁸. Мы забавлялись его детским карабинерным мундиром⁹, потом он произвел его в кадеты, и оттуда он уже попал в сержанты в гвардию; следовательно, первым начальником сына моего в службе был Тараканов, и первый он посвятил его в солдаты. Из одной этой диковинки я должен помнить его; ибо никто, кроме моего сына, в царство Екатерины не был записан в Напольный полк в рядовые; но на проказы трудно было сыскать кого-нибудь удалее Тараканова: он этим прославился, и под старость, бедный, сошел с ума. Жена его, Александра Михайловна, была дама умная, сметливая, старее его летам и гораздо осмотрительнее. Когда жена моя родила в Пензе сына Петра, которого мы там же и похоронили, то, не имея никого при себе из родных, я пригласил ее окрестить новорожденного, что она исполнила с кн[язем] Сер[геем] Вас[ильевичем] Долгоруким, пензенским помещиком, а потом, вспоминая Петрушу, я не могу забыть и Тараканова семейства. И муж и жена скончались бездетны, и память их принадлежит к отношениям моим пензенского пребывания.

ДЕМИДОВА

11. Софья Александровна, дочь богатых родителей, девушка, ничего не значущая, здоровая, сдобная, но которая несколько времени играла в жизни моей значительную роль. По мирским расчетам и соображениям дядя мой родной, барон Строганов, сильно желал меня женить на богатой невесте и обратил взор свой на Демидову. Я ездил к ним в дом нередко; у них была прекраснейшая мыза в соседстве с увеселительным замком великого князя Павла. Кто не знал под Петербургом Таиц?¹⁰ Кто не был очарован тамошними прозрачными ручьями? Сам наследник престола, на праве доброго соседа, ездил туда со всем своим штатом наслаждаться роскошной трапезой русского богача. Тут-то и дяде моему хотелось водворить меня. Назначен был мне смотр самый огромный в качестве предполагаемого жениха. Приехал я к ним на деревенский бал. Вся деревня выкатила смотреть мне в глаза, и мамушки,

и нянюшки торчали у дверей, как я с барышней трелюдился в контреданце¹¹. Я с ней кой о чем перемолвил и, не найдя ничего заманчивого в разговоре, заметил, что у нее в одном глазу беспрестанное трясение, что мы называем живчик. Это меня отворотило от нее так сильно, что я ни за что не согласился сочетаться с нею. Я никогда не был падок к интересу. Никакое богатство не сильно было меня взманить на женитьбу вопреки выбору сердца. И так сватовство дядюшкино не удалось, и я, оставя потом Петербург, нигде уже ни с кем из этого семейства не встречался. Таицы буду долго и всегда помнить, потому что я редко видал место прелестнее и не пивал нигде такой воды, какую черпал там для прохлады из самых ключей, бегущих у подошвы готического строения, прозванного Quellenbourg¹².

НИКОЛАЙ

12. Лишаясь первой жены моей в 12-е число мая и посвятя в каждом месяце то же число печальным о ней воспоминаниям с молитвословием о душе ее, я в этом собрании лиц привожу себе на память тех из них, кои в ближайшем были ко мне по ней отношении, кроме тех же чисел в иных месяцах, в которые произошли события, собственно им принадлежащие, и обращают мысль мою на людей, с ними в непосредственной связи находившихся. Сегодня поговорим о г-не Николае.

Мг. Nicolay¹³ был казначей государя Павла во время его великокняжества и современник моих веселых дней при дворе. Игравши комедию у наследника, я был знаком со всем его штатом и искал в каждой особе, его окружающей, благосклонного к себе расположения. Этот иностранец, титулованный тогда званием барона, обходился со мной приятельски и без чинов; знакомство мое с ним продолжалось столько, сколько и театр придворный; другой не было побудительной причины. Влюбясь в девушку Смирнову, находившуюся при их высочествах, которая потом сделалась моей женою, я искал всякого случая видеться с ней и часто по вечерам ходил, после ужина вел[икого] кн[язя], который кончался очень рано, посидеть еще к г. Николаю. Евгения моя прихаживала туда же к жене его, и в их маленьком сообществе мы связывали потихоньку тот узел, который потом соединил нас в одно тело и душу. По сим-то свиданиям г. Николай пребудет мне памятен навсегда; впрочем, женясь, я скоро отстал от его знакомства, и с тех пор как Павел, вступя на престол, наградил кассира своего чинами и деревнями, нигде уже с ним не видался. Мне довелось однажды как-то, во время Шведского похода¹⁴, быть в его Финляндском поместьи без него, и там я с час любовался на прекраснейший утес над пространной водою, который возобновил в памяти моей баснословные предания о романических событиях, прославивших Скалу Тарпеянскую (le rocher Tarpeyen)¹⁵ и скачок Левкада (le saut de Leucacle)¹⁶. Это место, прекраснейшее во всей той области, принадлежит тому, кто никогда не имел никакой собственности и провел почти всю жизнь свою, пересчитывая чужой капитал, да и то, доколе Павел был наследником, не очень широкий. Но чего не делает fortuna, когда она кому-нибудь улыбнется?

КЛИМОВ

13. Не помню уже, как его зовут, но вечно не забуду превосходного его портрета. Путешествие мое в Одессу написано. Там целая глава посвящена ему, и он пространное место занял в этой рукописи; здесь помещу случай нашего друг к другу отношения. Он был чином не больше, как отставной губернский регистратор, следовательно, и не офицер; в Одессе занимался управлением Провиантской конторы знаменитого еврея Перетца¹⁷ и жил в Николаеве. Путешествуя в ту сторону, я нечаянно остановился на его квартире и прожил у него с неделю. Я адресован был к другому поверенному Перетца, а попал к этому. Климов принял меня с женой и с нашей компанией, как искренних друзей; истощив все роды угощения, сзывал гостей нарочно на мой счет, чтоб мне было не скучно, давал мне обжорные столы на свой кошт и доставил мне все те увеселения, какими изобилует в летнее время Николаев по выгодному его положению. Время пребывания моего там на пути было началом и концом нашего знакомства: с тех пор я уже нигде его не видел. Но, желая, в свою очередь, быть ему полезен, взял у него об отставке его аттестат, записал его в свою канцелярию: он числился при ней, доколе я был в Владимире губернатором. Я старался доставить ему офицерский чин, но тщетно; мне не повезло: представления мои были брошены, сам я отставлен, и о Климове оставалось мне помнить только по моему путешествию, как очень нечаянно он привел себя мне на память, и никогда уже его не забуду. Не знаю, каким образом удалось ему попасть в офицеры, может быть, и по моему старому представлению, но я не мог полагать этого, будучи несколько лет в отставке. Дошло вдруг до меня от него письмо, в котором он меня, как благодетеля, благодарил за чин; видно, что ему очень хотелось быть офицером. Он пишет, что, будучи болен горячкой, получил известие о своем повышении, относит его ко мне и благодарит меня в самых трогательнейших выражениях. Я отвечал ему, что никак не могу приписать этого своим ходатайствам; что я по положению моему лишен возможности производить людей в чины и, следовательно, что он должен благодарность свою отнести к кому-либо другому. Климов принял мой ответ за нежную отговорку, повторял свою благодарность и изъяснял, что ежели я не хочу ее принять как человек, подействовавший в приятном для него обстоятельстве, то что он, по крайней мере, навсегда считает мне себя обязанным за ответ на его письмо, и что, будучи слаб после жестокой болезни, он жизнью и здоровьем одолжен тому благотворному кризису, который произвело в нем мое добротство, потрясением чувствительнейших пружин его души и сердца. Он лучше пишет, нежели я передаю мысли его читателю; но патетической слог его меня пленил до крайности и заставил неоднократно вспомнить восклицание славного Мольера: «ou la vertu va-t-elle se nicher?»*. Подлинно, всякий ли способен так чувствовать, мыслить и столько быть благодарен? За что же? За чин, которых так много получа по милости чьей-нибудь, другой, вместо благодарности, еще враждует и вооружается против благодетеля! Будем признательны к таким высоким побуждениям души человеческой. Они так редки! И Климов для меня, без всяких дипломов, прямо благородный человек.

* «где совет себе гнездо добродетель?» (фр.).

ЦУРИКОВ

14. Алексей Лаврентьевич. Офицер кирасирского полку, того самого, которым командовал в Варшаве дядя мой, барон Строганов. Его-то прислал он к отцу моему на курьерских с патентом короля польского для меня на чин полковника. Сим случаем он с нами ознакомился; батюшка его подарил, и он сделался въезжим в наш дом. Будучи слабого сложения, недолго жил, и мы, в первой нашей молодости, лишились в нем хорошего товарища в домашней круговеньке. Всякий раз, когда, пробирая старые свои бумаги, взгляну на Станиславов патент, то и Цурикова вспомню; а как описываемое происшествие случилось именно сего числа, то здесь ему и место.

ПОПОВ

15. В этот день императору Павлу угодно было меня из отставки взять опять на службу и посадить в возобновленную им старую камер-коллегию. Президентом оной наименован Василий Степанович Попов. И так поговорим о нем. Ныне уже он член Государственного Совета. Как я из Университета выпущен в армейские полки в прапорщики и причислен к штату кн[язя] Долгорукого-Крымского, тогда Попов был майором и правил его канцелярией. И так я находился под его начальством: он со мной обходился хорошо, однако не спускал мне никаких шалостей, часто журил, но без желчи и досады; так однажды случилось ему, расхотавшись надо мной самым ироническим образом, наказать меня за дерзкую мою насмешку на его счет. Говоря об нем и при нем с одним из моих товарищей и думая, что никто, кроме меня, по-латыни не знает, я отпустил: «Ille stultus est»*. Попов доказал мне, что он по-латыни лучше меня знает, и вышел я более stultus, нежели он. В другой раз, за большим столом торжественным у князя, я подсмеивал одного старичка, который до того потерял пристойность, что во весь обед кричал и сердился. Князь это заметил, узнал, что я поджигал его, и велел было меня арестовать, но Попов защитил меня своим покровительством. Еще раз довелось мне провиниться самым невинным образом. Полк наш выходил в лагерь; офицеры нужны были во множестве для парада. Майор наш, Марков, уговорил нас, человек трех, числившихся при князе, явиться в полк и маршировать по Москве в Всесвятский лагерь: нам показалось это подвигом древних римлян. Мы решились и, не спрося ни у кого, выступили. Князь узнал меня перед взводом, когда я ему салютовал, разгневался и приказал отправить всех нас в полк и из штата своего выключить. Худо было дело! Я бросился к Попову, и он его поправил, сняв проступок наш на себя и донеся князю, будто бы мы с его дозволения явились в лагерь только на сутки, для украшения церемониального марша; ибо в полку офицеров было мало. Таким образом Попов приятными услугами заставил меня с благодарностию помнить о себе во всю жизнь мою. По смерти князя служба нас всех раскидала в разные стороны, Попов сделался сильным человеком при Потемкине, вырос в чинах и теперь знатный и богатый ба-

* «Это безумец» (дурак, глупец – лат.).

рин. Я его посещаю, когда бываю в Петербурге, и всегда доволен его ласковым приемом. Он очень прост в обращении и не забывает тех, с кем он был когда-нибудь в отношении, а потому и я пользуюсь, при всяком свидании, приятным с ним знакомством. Судьба не допустила меня в другой раз служить с ним вместе; ибо я из камер-коллегии, не доезжая еще до нее, переведен в другое место.

КОРСАКОВ

16. Иван Николаевич. Бывший фаворит Екатерины II. Я его узнал по тесному его сожитию с моей родственницей, тогда как он уже не был в случае и находился праздно в Москве. Он жил с теткой моей в одном доме; у них были и общие дети. По связи моей дружеской с ней я часто с ним обращался, но по смерти ее, узнав его характер с худой стороны, прекратил всякое с ним знакомство и ныне вовсе его не вижу. Когда при Павле он был сослан в Саратов, я осмелился посещать его и проводить в путь, из уважения к тетке, забывая, что такое изъявление преданности к изгнаннику могло обратиться мне самому во вред, тем более, что император меня не жаловал, и довольно было такого поступка, чтоб и мне, вслед за ним, отравиться, может быть, подалее Саратова. Я на это не посмотрел и исполнил долг мой; потом, как я лишился тетки и все Корсакова бросили, я один, из почтения к праху покойной, не оставлял его и старался быть ему полезен моей беседой, моими посещениями. За все это он мне заплатил крайним равнодушием и оборотил меня к ненавистному чувству, которое так тяжело питать против всякого. Но как любить человека, который ничего, кроме себя, не любит, и так сильно мне это доказал в разных случаях, как г. Корсаков, тщеславный богач, не одаренный ничем от природы и обязанный одной слепой фортуне, пригожему лицу и юности, минутным блеском своим у трона?

ЛАФОНША

17. Под сим числом возобновляется день черный в памяти моей. Сегодня за-немогла жена моя к смерти и уже не выздоравливала. Припомним здесь юность ее и молвим слово о главном лице, участвовавшем в ее воспитании.

Madame la Fond. Надзирательница Смольного монастыря при Екатерине и при Павле, знатная барыня и, наконец, даже статс-дама. Жена моя, как и все монастырки, имела к ней неограниченную доверенность и почтение, и та ее любила преимущественно. Сколько ни желала жена моя, чтобы она приглашена была на свадьбу ее во дворец, однако не успела в том, и Madame la Fond, которая тогда не имела еще высокого своего степени у двора, подозревая, что жена моя сама не захотела из благодарности к ней выпросить этого у их высочества, крепко ее журила, как за сие, так и за то, что после свадьбы мы не на завтра, а на третий день приехали к ней с визитом. Жена моя, несмотря что уже не зависела от нее, так растрогалась ее выговором, что неутешно плакала и как ребенок просила у нее прощения, не будучи ни в чем виновата; ибо то, за что она сердилась, конечно, не зависело от ее воспитанницы. По тому уважению, которое оказывала

ей жена моя до последнего издыхания, я не могу и сам забыть г-жи Лафон, хотя, впрочем, не входил никогда с ней ни до случая ее, ни после ни в какое непосредственное отношение, но, будучи женат два раза на монастырях, привык слышать произношение ее имени с таким благоговением, что если б и хотел об ней забыть, то все-таки вспомню иногда, и не редко, m. de la Fond во все продолжение моей жизни.

КНЯГИНЯ ЦИЦИАНОВА

18. Сегодня некогда родилась первая дочь моя Марья. Воображение мое представляет мне при сем радостном случае выше именованную особу.

Княгиня Варвара Егоровна – дама для меня незабвенная по одному только, но прекрасному ее с нами поступку. Первая жена моя была с ней знакома, и мы иногда езжали обедать к ней запросто. Случилось однажды Евгении, будучи беременной на сносях, заиграться у нее в карты; мука ее приняла неожиданно. Княгиня оказала ей все нужные услуги по ее положению, довезла ее домой и была восприемницей того ребенка, которого жена благополучно в ту же ночь родила. Эта была Маша. Батюшка крестил ее с княгиней, и она с тех пор всегда уважаема была в нашем доме. Время разлуки с Москвой прекратило и нашу с ней связь, и уже я потом нигде ее не видал, а помнить буду, доколе проживу.

ТАНЕЕВ

19. Василий Михайлович. Губернский предводитель Владимирской губернии. Человек, с которым я, кроме службы, никакой не имел связи, но при следствии генерала Ильина он такой благородный оказал против меня поступок, которого я никогда не забуду. Генерал требовал дворянского обо мне свидетельств; г. Танеев не только сам, но и соглася на это всех прочих предводителей, подписал мне бумагу такого содержания, какого она требовалась в виде для меня самом приятном, и потому я почитаю себя ему навсегда обязанным. Хотя сие свидетельство не принесло мне по делу никакой пользы и даже в верхних судилищах не было ни рассматриваемо, ни уважено, тем не меньше, однако, я не должен лишить ни г. Танеева моей признательности, ни благородного его поступка достойной похвалы.

СЕЛЕЦКИЙ

20. Василий Лаврентьевич, зять мой родной, муж сестры моей, Человек, обязавший меня чрезвычайно много. Благороднейший его поступок, который делает отличную честь его характеру, состоит в том, что он, полюбя сестру мою уже в летах, но не имея возможности на ней жениться, потому что не был разделен с матерью своей и не мог доставить ей участи независимой, вдруг скрылся из Москвы в свою родину, Малороссию, и там прожил лет двадцать, не давая о себе никакой вести. С тою же скоропостижностью, с какой оставил

он наш дом, написал из Чернигова к сестре моей письмо, которым, уведомляя, что он получил свое имение, умножил его и может доставить ей спокойное состояние, возобновил искание руки ее. Сестре было почти сорок лет. Раздулся прежний огонь. Он приехал немедленно в Москву, женился на ней и повез в свой край. Мы там у них были, видели их житье, и сестра совершенно счастлива. Редкий пример верности и благородства. Потом, как мать моя скончалась и я обязан был по выданной сестре рядной¹⁸ выделить ей часть из имения, Селецкий от лица жены своей поступилса оной в пользу дочерей моих и, взяв с меня векселя, передал право получения денег по оным тем дочерям моим. Какой родной и друг нынешнего образования поступит столь нежно и благодарительно? Я до гроба не забуду сих его одолжений, коими более обязан правилам его, нежели родству, а потому-то он и превосходит в глазах моих; ибо здесь побудительной причиной был не случай, не пристрастие, по пословице старинной: «Свой своему поневоле друг», а характер, готовый на все благородное, возвышенное и доброе. В сие число родила сестра сына: он один у них и есть. Дай Бог, чтоб он был им в радость.

БЕНЕДИКТОВ

21. Михайла Степанович, советник Владимирской палаты уголовного суда, человек умный, ученый и приятного обращения. Рано, но холодно, мы с ним познакомились; мы были в одно время студентами в Университете и вместе слушали лекции. Он был старше меня, и потому между нами не было никакой связи. Подошедши близко к половине своего века, я с ним сошелся в одном городе и в одной службе: я был губернатором, он советником уголовным. Частые сношения мои с ним по делам сблизили нас, и мы сделались хорошими приятелями. Он, можно сказать, был почти всех просвещеннее в губернии: мы часто состязались о разных предметах. Беседа его была поучительна, не всегда соглашались мы в чувствах и моральных тонкостях, но никогда не разбивались до того, чтоб поссориться или быть друг другом сильно недовольны. По отставке моей он более всех сослуживцев моих старался оказывать мне знаки постоянной преданности, и сия благородная черта его характера совершенно меня с ним подружила навсегда. Думаю так, по крайней мере, потому, что в лукавом нашем мире ни за что ручаться не должно.

ПРОТАСОВА

22. Наталья Ивановна. Короткое знакомство ее с княжной Волконской было поводом и моих с ней отношений. Она была уже в тех годах, в которых девушки редко выходят замуж, и, по дружбе ее с княжною, принимала участие в нашей связи, которая ей была исповедана от нас обоих. В то время я находил отличное удовольствие в ее сообществе, потому что мы ни о чем не говаривали, как о княжне, и это для меня было единственное счастье в жизни. Чего мы не воображаем, когда сердца в огне.

Протасова сохранила ко мне и по разрыве моем с княжною чувства самые благосклонные и доверенность свою к моим правилам простерла до того, что я несколько лет уполномочен был от нее актом управлять ее имением, состоящим в нескольких стах душах, продавать его даже и закладывать. Будучи губернатором в Владимире, и несмотря на мои занятия, я не смел отказать ей в этой услуге, хотя имение было в другой губернии и очень удалено от меня. Она довольна осталась и по окончании моего управления всеми моими распоряжениями. Несмотря на столь деликатное поручение, мы не имели причины друг на друга пожаловаться, ни худо разойтись. Я не могу вспомнить без признательности во всякое время столь лестного доказательства ее доверенности ко мне, которую даже почесть можно редким залогом приязни и убеждения в характере человека, с коим дело имеешь. Ныне она состарилась, и я с ней нигде уже не вижусь; тем не меньше эпоха наших отношений в памяти моей пребудет незабвенна и в горькие часы жизни заставит иногда приятно улыбнуться.

РЖЕВСКАЯ

23. Сегодня бывал день рождения Федосьи Степановны Ржевской. Я об отце ее молвлю ниже, а ей должен дать преимущество по причине дня.

Она воспиталась в Смольном монастыре и с меньшей сестрой своей выпущена вместе. Для них отец открыл дом свой и завел театр; а как репетиции участили между нами свидания и сделали их очень коротким, то, по пламенному моему темпераменту, и я влюбился в Федосью. Она была тиха, скромна и меланхолического свойства. Природа одарила ее разными талантами, из коих наипаче отличалась она в искусстве Терпсихоры¹⁹. Будучи еще на воспитании в Смольном, она танцовывала балеты при Екатерине, которые так ей полюбились, что в Петергофе, в билиардной зале, наполненной портретами многих девушек, кои нравились Екатерине, найдете вы и Фед[осью] Сте[фановны] портрет в танцевальном ее костюме, но она была ума не хитрого, и с этой стороны не похожа на отца. Проста в чувствах и помышлениях, она с невинностью предавалась первым впечатлениям природы. Все сие способствовало моей связи с ней. Я соблазнялся и соблазнял, не видя нечего худого, но слишком бы, может быть, далеко завело нас обоих сердечное влечение, если бы нечаянно не нашли у меня в столике записочки ее, из которой нетрудно было заметить, что мы друг в друга влюблялись без осторожности; когда мы не были вместе, мы сообщались письменно, час от часу наши записки становились горячее, и скоро приняты были меры разорвать союз, от которого кроме пагубных последствий для обоих, ожидать было нечего. О, сколько бы произошло ссор, шуму и семейного нестроения между столь близкими домами по родству. По счастью, амурства наши не вспыхли и заглушены в самом начале скромным образом. Так проводили мы юношеские наши годы. Случай нас влюбил, случай и разорвал союз сердец легковверных. Я занялся службой, Фе[одосья] Сте[пановна] выдана замуж за кн[язя] Голицына, и мы сколько тесно связаны были на театре, столько после далеки стали друг от друга, и я, уже несколько лет, не выдавши ее, сведал, что она умерла, оставя одного сына, который так-

же, не достигши совершеннолетия, скончался; и так все племя сей приятной женщины в ней и с ней погибло. Она имела двух сестер, среднюю – живую, резвую, взбалмошную, всю в отца, с которой мы и до сих пор домами дружески знакомы. Она была за двумя мужьями и от обоих имеет детей. О самой же меньшей их сестре, воспитанной дома, я буду говорить особо.

РЖЕВСКИЙ

24. Степан Матвеевич, дядя мне родной по жене, сестре моей матери. Человек прославленный во времени своим познанием искусства. Он жил в Москве по зимам, и очень весело, давал пиры и театры. Дочери его, сестры мои, его племянники и я, мы составляли труппу самую согласную и несколько зим играли у него комедии, на которые съезжались все первостатейные обыватели Москвы. Тут была первая моя школа театральная. Я с удовольствием вспоминаю сию первую эпоху моей молодости. Ржевский был человек самого острого и приятного ума; я признаюсь, что после него и до сих пор я редко встречал людей, ему подобных в хитростях и оборотах ума; при том был характера живого, быстрого, вспыльчивого и склонен ко всякого рода забавам; ни с кем я так не сходствовал во вкусе к удовольствиям, как с ним: в меня вселился тот же демон, который владел и им, но далеко Ржевский превзошел меня в способностях ума и в способностях фортуны. Он такое делал приятное мне впечатление при всяком свидании, что и ныне, много лет спустя после смерти его, я радуюсь, как увижу у детей его портрет, на него похожий, и мне кажется, будто я слышу его пылкий разговор, вижу его быстрые движения, игривость ума и веселость духа. Каков был Ржевский, таких людей наше время уже не образует; он дослужился до чина генерал-поручика и был бы, по талантам своим, великий полководец, если бы смерть не прекратила дни его прежде, нежели, по силам его, ожидать было можно.

ТАТИЩЕВА

25. Марья Степановна, дочь генерала Ржевского и моя двоюродная сестра. По смерти матери ее, тетки моей родной, батюшка, разделя всех трех сестер, в качестве опекуна меньшей, доставил ей своим распоряжением до пятисот душ крестьян вместо трехсот, кои ей доставались, и призрел ее у себя в доме. Она у нас жила до замужества своего и из нашего дома вышла за Татищеву. Бывало я всякий вечер игрывал с ней в пикет и привык ее с тех пор называть *ma coisine*. О! Маша! Что и теперь между нами ведется, хотя мы уже и сами не только не ребята, но и детей в ребятах уже не имеем. Знакомство между нами после свадьбы ее было всегда как-то непрочно: то мы поссоримся так круто, что года три друг к другу в дом не ездим, то мы помиримся и так тесно сойдемся, что друг без друга обойтись не можем; но мы взаимно уже к этим переменам привыкли, и они на меня никакого действия не производят. Более сказать мне об ней нечего.

РЕБИНДЕР

26. Иван Михайлович, генерал-губернатор Нижегородский и Пензенский. Я недолго был под его начальством, но довольно, чтоб оценить доброту души его и хорошие качества сердца. Отправляясь к должности в Пензу, я явился прямо к нему в Нижний, и он меня наилучшим образом принял, вошел во всю тягость моего положения; ибо я, не служа нигде еще, должен был тотчас править Казенной палатой и прямо из Петербурга переселиться в провинцию. В двадцать семь лет подобные труды не в меру возраста. Ребиндер всячески старался приготовить меня к моему назначению, снабдил меня разными полезными наставлениями, позволил вести с собой приватную переписку, и несколько писем его, у меня сохранившихся, свидетельствуют, с каким кротким духом он обходился со мной, как он полюбил меня и старался вывести из всякого затруднения. Я никогда не забуду милостей его ко мне. Недолго ими пользовался, ибо приехал к должности в декабре, а в марте он скончался. Потеря его для меня была весьма чувствительна; нет ничего горестнее для человека в службе, как лишиться хорошего и кроткого начальника; ибо он становится для подчиненных гений-хранитель, которого не всякий и не везде может приобрести. Судьба их посылает там, где совсем не чаем: так и меня привел Бог начать гражданское мое поприще под руководством сего почтенного старичка, которого благосклонность ко мне всегда будет мне памятна.

ВИЗАПУР

27. Черный человек, арабской породы, которого мне не довелось никогда видеть в лицо, но странный случай приводит мне его часто на память. Он, как иностранец, принадлежал большому обществу, и, женившись на российской дворянке, пользовался хорошим достатком, следовательно, со всеми был знаком. Однажды, проезжая из любопытства через Владимир в Казань, он не застал меня в городе: я тогда набирал рекрут в Суздале. Это было зимою. Вдруг получил от него с эстафетой большой пакет и кулечик. Я не знал, что подумать о такой странности. В пакете нашел коротенькое письмо на свое имя в четырех французских стихах, коими просит меня принять от него двенадцать самых лучших устерс²⁰, изъявляя, между прочим сожаленье, что не застал меня в губернском городе и не мог со мною ознакомиться. Устерсы были очень хороши: я их съел за завтраком с большим вкусом и поблагодарил учтивым письмом его сиятельство (ибо он назывался графом) за такую приятную ласковость с его стороны. Из Казани он еще прислал мне эпистола к реке Клязьме, французскими стихами, очень хорошо написанную. Тем началось и кончилось наше знакомство. Нигде его не видал, ничего об нем не слышал, а помню об его существовании по одному только необыкновенному его со мной поступку, к которому побудил, его, вероятно, один каприз. Впрочем, ни по службе, ни иначе он не имел до меня никакого дела и хотел, видно, потешить самолюбие своего брата рифмача льстивым отношением ко мне о моих сочинениях. Лучшее, чем я воспользовался во всей этой нечаянности, были устерсы,

Которых, где при мне за стол не подадут,
А в памяти моей граф Визапур как тут²¹.

МОЛЧАНОВ

28. Николай Андреевич. Я именую его как главу семейства, но лицо интересное для меня в оном была дочь, Анна Николаевна, воспитанная в Смольном монастыре, девушка любезная, благонравная. У стариков было несколько сыновей и дочерей. Отец и мать – люди добрые и почтенные; они любили жить весело и заманивали к себе всю молодежь Семеновского полка, потому что старший сын их служил в оном. Мы были приятели, и поэтому я всегда принят отлично в их доме; они жили в самом полку, и близость наших жилищ сделала меня у них не гостем. Отслужив утреннее время и отобедавши у какого-нибудь большого барина, я под вечер надевал фрак и ходил к Молчановым искать веселого отдохновения, там часто бывали балы и пирушки. Мы резвились беспрестанно: игрывали в фанты, в короли, и когда мне довелось быть царем, то я очень любезничал, наряжал всю беседу в орден, жаловал в чины, и в этой привольной жизни без принуждения, без этикетов время летело, как молния. Молодому человеку подобные забавы редко даром с рук сходят; я пристрастился к Ан[не] Ник[олаевне], начал за нею волочиться и, может быть, решился бы свататься на ней, ежели бы она не повстречала опаснейшую для себя совместницу в княгине Щербатовой (см. лит.Щ); но та, будучи гораздо блистательнее ее воспитана и гораздо приманчивее, так круто приковала меня к своей колеснице, что я не мог ни на что иное быть полезен в доме Молчановых, как на одушевление их компании своей резвостью и разными фарсами, а к сим последним я всегда был готов и охотно расположен: они-то иногда составляют весь характер тех, кои славятся любезностью; тем же прославился и я, и Молчановы требовали частых моих посещений. Весьма кстати поместить здесь презабавный анекдот. Я по вечерам ездил только в два дома: или к Щербатовым, или к Молчановым. Когда я вздумал в исступлении стреляться с досады, что Щербатова за меня не пошла, дядя мой, барон Строганов, узнав о сем и приписывая такой поступок любовной страсти, ошибся только в догадке и счел, что я влюблен в Молчанову, и по этому подозрению приехавши вместе с стариком гр. Строгановым спасать меня на мою квартиру и узнав, что я пошел на вечер к Молчановым, пустились туда, остановились у ворот и хотели выемкой оттуда меня вытащить. Старики, поняв их намерение, огорчились таким наглым их посещением, и я внутренно хохотал над их грубой ошибкой и поныне без смеха не могу вспомнить такого забавного приступа двух дядей-стариков к чужому дому, в котором племянник их благополучно сидел в приятной засаде. Доколе я служил в полку, ничто не прекращало моего знакомства в их доме, и по женитьбе моей я остался с ними со всеми хорошим приятелем. К тем же временам принадлежит еще одно рыцарское мое происшествие. Сын их старший, Николай, и я, мы были секундантами: я у Ржевского, он у Данилова. Никто об этом не знал; это побоище происходило рано поутру. Ржевского ранили в руку, я ему дал свой плащ на возвратном пути домой, а сам без осторожности надел его сюртук, забрызганный кровью и разрубленный в рукаве. В этом одеянии я с Молчановым приехал к нему в дом, и старики были до крайности испуганы, увидя меня в крови: им пришло в голову, что я, верно, дрался с их сыном. Вот важнейшие два случая, кои часто мне напоминают семейство Молчановых. Отставка моя из гвардии положила конец нашим отношениям. Я об них

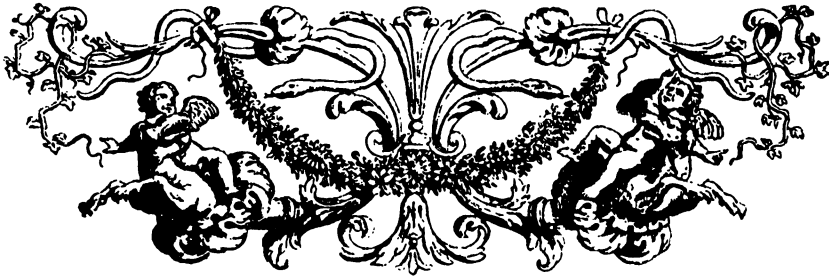
и после наведывался, ездил к ним, но уже не так был короток, как прежде: улетела юность, и кровь сделалась холоднее. Иные из дочерей вышли замуж, сыновья поженились, а старший в молодости умер. Старик-отец дослужился до сенаторства, потом в параличе привезен в Москву, поселился в ней и умер; за ним скоро убралась в вечность достойная жена его, Варвара Андреевна, которую я очень почитал, Анна Николаевна приютилась к сестре своей, Александре, вышедшей выгодно замуж и, оставшись в девушках, состарелась. Она так переменилась, что я едва узнал ее, увидевши недавно после очень долгой разлуки. Семейство Молчановых имеет полное право на всегдашние мои воспоминания и любовь, ибо я в нем был любим и всегда принят с особенным отличием от моей братьи, прочих офицеров. В этом доме мне бывало весело, приятно: сколько раз я там бывал счастлив, доволен, обрадован! Пустяками? – скажут мне. Согласен, но не тогда ли жизнь наша стоит чего-нибудь, когда она наполнена химерами, мечтами и всякими безделками?

Жизнь смертного в одних обманах хороша²².

КРЫМОВ

29. Совсем мне незнакомый человек: видал только его в лицо, и то очень редко, но не могу взглянуть на портрет матери моей без того, чтоб не вспомнить о нем по самому странному происшествию. Тетка моя, графиня Скавронская, будучи в Москве, пожелала иметь портреты сестер своих родных, матери моей и Ржевской, заказала их, вместе с своими, славному тогдашнему живописцу Рокотову и уехала в Италию. Рокотов²³ списал, ждал денег и присылки за портретами, но, не дождавшись ни того, ни другого, подарил их одному из учеников своих, который продал их как работу известного художника помянутому Крымову, охотнику до картин. Однажды, шедши мимо его двора, летом, удивился, приметя весьма похожий портрет матушкин в доме человека, нам незнакомого, стал доискиваться, как он туда попал и, узнав всю историю, выкупил матушкин портрет у него за пятьдесят рублей – цена самого Рокотова тогдашняя, а матушка уже изволила, стыда ради, выручить портреты двух своих сестриц, которые и теперь нам напоминают, вместе с г[осподином] Крымовым, степень дружбы графини Скавронской к своей родне.

МАРТ

ГОЛИЦЫН

1. Князь Сергей Михайлович, внучатный брат мой. Матери наши обе Строганова роду. Говоря о сем достойном человеке, я собираю в одну точку памяти все его семейство: старушку-мать, отца, сестер и брата; ибо кто из них не полагал себе в обязанность добро творить ближнему? В особенности же должен сказать, что никто не имеет столько права на звание нашего благодетеля, как всякое лицо их семейства, наипаче же князь, о котором говорится, и мать его. О! да не коснется луч солнца вежд моих, если я когда-либо забуду благотворения сего дома. Мать моя в недужной старости своей испытывала их каждодневно, и после ее все мы стали предметом их искреннего расположения. От самых детских лет я помню себя домашним между ними. Не исчисляя в подробности тех обычных доказательств благоприязни, которые мы при всяком горестном или приятном событии нашего дома от них собирали и которые также становятся очень редки, упомянем, дабы оправдать имя благодетеля, которое я даю, в лице кн[язя] Сер[гея] Мих[айловича], его семейству, некоторые отличные черты его к нам доброхотства. Покойная княгиня, мать их, делая по временам частые вспоможения матери моей, старалась всячески смягчить денежные ее недостатки. При затруднительном случае она ей дала займы восемь тысяч рублей, в которых, по кончине ее, никакого документа не оказалось. Княгиня разодрала вексель матери моей еще при жизни своей. Кн[язь] Сер[гей] Мих[айлович], следуя примеру добродетельной родительницы, когда скончалась моя в подмосковной деревнишке, ссудил меня на похороны ее две тысячи рублей, коих никогда обратно не потребовал. Во время болезни матушкиной посещал ее, насылал ей искусных врачей в деревню без мзды и отягощения; один из всего нашего родства был при погребении ее тела, потом назначил сестре моей ежегодный пансион, исправно выплачиваемый; детям моим в Петербурге помогал неоднократно деньгами и ходатайствовал об них; словам во всяком случае семейном, который обращал нас к нему, оказывал себя надежнейшим прибежищем и подпорою. Много ли родных уподобятся сему семейству? Как умолчать о таких истинно высоких и христианских добродетелях? Нет! Доколе жив я и кто-либо из рожденных мною, дотоле имя сего Голицына прославится в устах моих и не изгладится из памяти. Сегодня же особенно обязан я помыслить о нем, вспоминая последовавшую в сие число кончину матери моей.

ШАБАН

2. Monsieur Chàbane, француз. Во время войны с Наполеоном он взят был в плен, служа унтер-офицером гусарским; а так как все пленные препровождались во внутренние российские губернии чрез Владимир, где мне поручено было их рассылать по привозе с границ в разные стороны, то и Шабана привезли с собой господ штаб-офицеры, пленные же, La Grange u Ségur, потому что Шабан был старинный дворянин хорошей фамилии, сын престарелого генерала, мальчишка лет девятнадцати, и по сим уважениям они взяли его под свое покровительство и везли его с собою; на беду мальчик захворал и слег в Владимире горячкой; везти его далее было невозможно, не рискуя его уморить на пути: товарищи его сжалились над ним, просили меня оставить его в лазарете, с тем чтоб по выздоровлении отправить к ним. И так Шабан остался на моих руках: за ним приставлен был от меня особый присмотр, лечили его и содержали наилучшим образом; натура помогла, и он начал оправляться, но мне жаль было послать его к Сегюру на Вологду, потому что он был слаб, и я позволил ему жить в моем доме до совершенного его выздоровления. Между тем заключен мир, и он уже не в Вологду, а прямо на родину свою от меня отправлен, и до границы провожал его офицер в покойной бричке, так что он никакого изнурения, ни недостатка испытать не мог. Этот молодой человек, живучи в моем доме, так сильно почувствовал цену оказанных ему услуг, что плакал, как дитя, прощаясь с нами. Приехав на границу, он меня благодарил письменно; мне самому чрезвычайно его было жаль. Пусть посудят, как я удивился, когда год спустя, и я начинал уже забывать о нем, вдруг получил из Парижа письмо от Шабана, в котором он, воротясь на родину свою, снова благодарил меня, называл меня вторым отцом своим, избавителем от смерти, и в том же письме вся его семья, отец, мать, старуха-тетка, сестры, все приписывали нам чувствительнейшие свои благодарения. Как забыть такого юношу и таких родителей? Они во всю жизнь мне с приятностью вспоминаться станут, хотя я никогда их не узнаю и не увижу. Нет ничего благороднее благодарного сердца!

АЛЕКСАНДР

3. Я некогда в сей день, расставаясь с родиной, ехал в Володимир в губернаторы, проливая горькие слезы; они были предчувствием тех зол, кои меня там постигли и которых самое лютое орудие невольно приходит мне на мысль в этот день každогодно.

Александр, протопоп в Володимире Дмитриевского собора, человек от которого я сильно пострадал в моей жизни, это тот самый поп, который зашел однажды ко мне на бал мертвецки пьян и которого я велел посадить на съезжу, пока вытрезвится, потому что архиерея в то время в городе не было. Сие пустое обстоятельство, не заслуживающее ничьего внимания, так горячо было принято у двора, потому что поп Александр был в родстве с сильным и знаменитым Сперанским, что наряжено следствие, которое рассматриваемо было в Сенате московском. В оном приговорили отдать меня под суд за оскорбление святыни, но

при докладе о сем государю ему угодно было без суда написать в конфирмации, чтоб меня отставить. И так история негодного этого попа, которого, нимало не оскорбляя религии, всегда назову таким, по его худому поведению, будет мне также, как и он сам, во всю жизнь памятна.

ТЕЛЕГИН

4. Михайла Петрович, человек умный и с отличными сведениями, жене моей племянник родной. Поэтому мы и ознакомились. Охота писать стихи, общая нам обоим, сделала нас приятелями: он часто писывал их ко мне, а я к нему; его не печатают, потому что он не хочет, а из моих одно послание к нему находится в моих книгах¹. Вот все основание нашей связи. Всякое лето, когда я живу в деревне, я что-нибудь сочиню и к нему доставлю: подобных произведений у меня несколько хранится, но они не выдержат цензуры и потому лежат до времени под спудом. Знакомства, доставляемые нам симпатией склонностей, вкусов и упражнений, суть самые прочные и надежные, и я думаю, ничто не расстроит существующей между нами приятни. Музы до этого не допустят!

ОСТЕРМАН

5. Граф Федор Андреевич. Почтенный старик, которым я в молодости был обласкан более, нежели того стоил. Он, при первом моем появлении в свете из школ Университета, ободрил меня своим вниманием и похвалами, будучи сенатором и во втором классе, принял меня в доме своем, как родственника, оказывал в нужных случаях свое покровительство, снабжал рекомендациями к уважаемым лицам в Петербурге, а иногда достаивал меня и сам своими письмами. Я некоторые сохранил донныне. В первый раз, когда я к нему приехал с почтительным визитом, он меня принял в своем кабинете и, будучи один, с благородной откровенностью сказал мне следующее: «Наши предки всегда ссорились, и междоусобия их у двора были причиной ссылок и ужаснейших бедствий и вашего и нашего рода; нам, потомкам, надлежит это забыть, и прежние раны уврачевать дружелюбным между собою обращением».

Он оправдал сие признание опытами доброжелательства: я никогда этих слов его не забуду. Он умер, но я с почтением всегда воздам честь и похвалу его имени и добродетельному подвигу благородного сердца. Что может быть лестнее для юноши внимания преклонного старца, заслужившего полезными трудами уважения своего времени и соотчичей? Ныне это уже ничего не значит, но я воспитан по-старинному и привык дорого ценить подобные поступки.

ХОВАНСКИЙ

6. В сие число я некогда прибыл на губернаторство в Володимир. Естественно упомянуть под оным о первом лице, с которым я свел в городе знакомство.

Князь Сергей Николаевич. Холостой, добрый малый; я застал его тут вице-губернатором и жил с ним очень дружно. Не обзаведясь еще своим хозяйством и

на первых порах приехавши один, я стоял у него в доме, и он старался доставить мне всякое удовольствие и рассеяние; потом мы ежедневно были вместе и общались между собой, как братья. Ни по службе, ни по общественной не происходило у нас не только ссор, ниже крупной размолвки. Мы подлинно показали публике редкий пример, что две сии власти, губернатор и вице-губернатор, могут быть дружны и согласны, когда они одинаково благородно воспитаны и руководствуются равно правилами честности. Везде сии два лица ссорились: я сам был подвержен сему искушению в Пензе и скоро потом в самом Володимире, но с Хованским в таком был согласии, что никто и никакие усилия не могли разорвать оногo. Такое благосостояние собственное наше имело большую и естественную связь с спокойствием общим всей губернии. Оно недолго продолжалось: мы с год послужили вместе, и Хованской переведен в губернаторы в Симбирск. Разлука прекратила наши отношения, мы остались только знакомы, но приязнь без пищи ежедневной редко поддерживается. Он шел своим путем, я своим, и мы нигде уже не сошлись. Он женился, прижил несколько детей и скоро умер. Случаи, постигавшие нас взаимно в службе нашей, были мне назидательным уроком и утвердили меня в той непреложной истине, что все на свете суета. Будучи сперва под моим начальством, он едва попал в губернаторы, как стал меня обходить. Прежде меня ему дали столовые деньги и ленту, и хотя, признаюсь, самолюбие мое от того страдало, но благодарю Бога, что он меня подобными искушениями привел к познанию тщетности всех тех отличий, кои воздымают гордый дух и кои я ныне чистосердечно презираю.

СУХТЕЛЕН

7. Генерал-майор, очень любезный молодой человек, с которым я лишь познакомился, то и полюбились мы друг другу. Все располагает в его пользу: правила, разум, чувства и поступки; мы с ним целую зиму проводили в Москве в довольно приятном сообществе. Он до стихов охотник, я также. Это нас теснее еще соединило, и, по разлуке с ним, я получил от него стихотворную французскую пьесу, которую он, сочиня, рассудил посвятить мне. Вот все, что я могу доньше сказать об нем. Увидим со временем, чем увеличится эта статья как долго продлится отношение, столь добровольно и охотно начатого между нами знакомства.

ПОЛУБЕНСКИЙ

8. Осип Петрович. Недаром ведется у нас старинная пословица: «Не вспоя, не вскормя, ворога не купишь». Она во всякое время ко многим приложена быть может. Так точно. Я теперь вспомнил ее, говоря о сем человеке. Он из духовного звания, обучался в Университете. Когда приехал в Пензу новый губернатор, Гедеонов, он привез его с собой для письмоводства, и, не имея возможности дать ему офицерского чину по губернскому правлению, просил меня определить его в Казенную палату. Я охотно на сие согласился и скоро доставил ему чин коллежского регистратора; потом я выехал из Пензы, он остался при Гедеонове, и, казалось, мы совсем расстались. Но судьба издадека

назначила его быть орудием тяжких для меня неприятностей. При вступлении моем в звание Владимирского губернатора он скоро попал на ваканцию советника в губернское правление, и снова мы с ним зажили в Володимире. На первых порах он очень был ко мне усерден и, как после я догадался из опытов, старался заправлять мною; в этом он не мог никогда получить успеха. Я нередко уважал его советы, но не любил, чтоб меня подчиненные мои, так сказать, водили за нос. Полубенский, будучи крайне самолюбив, напыщен собою, не хотел ни с кем делиться в доверенности моей и, видя, что исключительно один похитить ее всю не может, расположился совсем другим образом. Я, идучи стезею благородной и с чувством откровенным, не примечал перемены его и обходился с ним одинаково. Посчастливилось мне доставить ему императорский подарок, состоящий в табакерке, и потом Владимирский крест 4-й степени. Все это недостаточно было, чтоб приобрести его сердце: оно требовало самовластия, а я допустить до одного не хотел ни себя, ни кого-либо иного. Полубенский стал уединяться от общества, начал пить и в блаженные минуты хмельного исступления прислал ко мне однажды просьбу о отставку, писанную его рукою. Я, не любя его характера, но умея ценить его дарования, не хотел воспользоваться его горячкой и ту просьбу скромным образом, в вечеру, сам отвез к нему и возвратил. Несколько времени спустя повторил он тот же поступок, и я в другой раз имел снисхождение сделать то же, думая, что когда-нибудь этот человек опомнится и увидит неприличность своего поведения со мной. Но чем я великодушнее и мягче обходился с ним, тем тяжелее становилось для него зависеть от меня, и он решился сделаться открытым моим врагом, что и ознаменовал самым подлым образом, не только наустя и подстрекнув вице-губернатора Дюнанта послать на меня донос, но сам сочинивши его. Может ли поступок быть чернее и зlostнее этого? Нет нужды распространяться о нем своего рассуждения. Довольно прочесть написанную страницу, чтоб возгнущаться человеком, которого ослепленное самолюбие может довести до такого раздражения, что и самая благодарность не сильна удержать стремления к злобе. Богу отдавая на суд его со мной поступки, мне остается забыть его и пожелать, чтоб случая нам не было нигде встречаться.

ТУРЧАНИНОВА

9. Анна Александровна, девушка умная, ученая и которая имела некогда случай оказать мне приятную услугу. Во время путешествия моего в Одессу, не имея квартиры, я был адресован к ней, и она меня очень благосклонно приняла, отдала мне, без всякой платы, лучший этаж в своем приморском доме, из которого я пользовался наиприятнейшими видами и наслаждался умеренным жаром. Во все краткое мое там пребывание она занимала меня своим приятным обществом, и я ей обязан многими средствами видеть Одессу во всех ее красотах; ибо, живучи там гражданкой, она доставляла мне и знакомства, полезные для цели моей, и удобства разъезжать по окрестностям. Я нигде потом с ней не встречался, но, любя тогдашнее мое странствование, как одно из успешнейших моих намерений, я и о ней забыть не могу.

КОПЬЕВ

10. Данила Самойлович, предместник мой в Пензе. Он там служил вице-губернатором, сдал мне место, остался тамошним обывателем, имея собственный свой дом, и скоро скончался. Скоро ознакомившись с ним, я сделался приятелем в его доме. Копьев был человек острый, благоразумный старик, отменно любезный в беседе, знал основательно французский язык, редко говоря на оном, и в обращении со всяким был очень сметлив. Семейство его состояло из жены, достойнейшей барыни, хотя старинного покроя, отчего она редко бывала в людях; дочерей у них было много, но из них выезжала с отцом только одна, Катерина, на все городские пирушки; прочие, приготавливаясь к монашескому искусу, в который, однако, не попали, жили в строжайшем уединении и даже долго при чужих людях не показывались. Тогда, то есть в 90-х годах, в моде было между барынями в Пензе быть святошами и ханжить. Кроме богомолья, нельзя было ни с одной из девушек Копьевых, выключая Катерины, встретиться; все они, однако же, были хорошо воспитаны и одарены умом от природы. Катерина была острее и резвее прочих, зато сын Копьев, мой хороший тоже знакомец, славился необыкновенным пострельством. Кто его не знал? Кто не помнит бесчисленных его проказ? Умен, остер, хороший писец, но просто сказать – петля. Вот картина этого семейства. Я с стариком был очень дружен: он с нами обходился скромно, благоприязненно, разделял с нами наши радости и печали и во всяком событии домашнем принимал искреннее участие. Я любил его слушать; разговор его был сладок. Прожив с ним лет пять в Пензе, мне всегда жаль, что он так рано скончался. Я в нем имел там приятнейшего собеседника; связь наших домов была прочна, потому что основалась на качествах, испытанных взаимно, а не на первом взгляде. На всех балах танцовывал с Катериной Даниловной, которая очень хорошо представлялась в публике, даже и для взора прихотливого столичного куртизана. Чуднее всего в связи моей с Копьевым было то, что, будучи смеянем мной, он никогда не получил права на меня жаловаться и мне его не дал порицать себя. Обыкновенно, кто чье место заступит, тот всегда своего предместника поносит; здесь напротив: мы друг другу последовали в должности и остались навсегда хорошими приятелями. Это доказывает, что наши нравы и рассудки были в добром согласии, и от этой гармонии связь наша осталась для меня поныне приятным воспоминанием.

БАРЯТИНСКАЯ

11. Светлейшая принцесса Голштейн-Бек, вышедшая замуж за российского князя и генерала. Она составила важную эпоху в моей жизни и должна стать в ряд со всеми особами, занимающими отличное место в моей памяти. Скоро по приезде моем в первый раз в Петербург для службы в гвардии, я приобрел ее знакомство и сделался вхож в ее дом; пустое самое достоинство отворило мне дверь в оный: я имел маленький талант театральный; несколько опытов сей забавы в Москве, и довольно удачных, развернули его и сделали меня известным в отборных обществах. В царство Екатерины, в сей век мудрости и просвещения, театр

был в большой моде у двора и между благородными людьми. Принцесса имела детей на возраст и всякую зиму забавлялась их мимикой. Богатство ее, имя, а более еще мягкость характера и любезные свойства сердца привлекали к ней весь отборный город. Она жила пышно и вместе приятно, со всеми была вежлива, благосклонна и примерно гостеприимна; будучи всегда розно с мужем своим, ей хотелось наполнить общество театральное детей своих благовоспитанными молодыми людьми, в числе коих и я удостоился чести быть принят. Знакомство и короткость в ее доме составляли лучший аттестат поведения. У нее года три сряду в каждую зиму я играл комедии; чрез нее попал я и ко двору: появлением моим туда обязан я был принцессе, которая, из особенного ко мне благоволения, рекомендовала меня великому князю и доставила мне случай препровождать приятнейшие дни года в царских увеселительных домах. Сей поступок ее в мою пользу сопровождался такой обо мне похвалой, которая давала мне право удостовериться, что принцесса не по одному актерству меня принимает, но интересуется в дальнейшей судьбе моей. Дочь ее была милая и скромная девушка; судя по разным догадкам, можно было думать, что принцесса не воспротивилась бы моему с ней соединению, но я не смел никогда о том и помыслить, по чрезвычайному расстоянию наших фортуна. Она была богата, я беден. Такие союзы никогда не начинаются с успехом, и все мое знакомство в этом доме началось и кончилось театром.

По крайней мере я весело провел несколько лет и жил в сладчайших обольщениях, о которых мне под старость и до гроба приятно будет вспоминать.

ПАВЕЛ

12. Император Всероссийский. При имени сем так много мне приходит на мысль разных воспоминаний, и горестных, и сладких, что я, в огромной смеси их, не знаю, чем начать и за что особенно приняться. Прежде всего скажем, как я сделался ему известен.

Будучи вел[иким] кн[язем], он жил довольно скучно в своих загородных дворцах, разумеется, летом: осень преимущественно проводил он в Гатчине. Любезен, умен, насмешлив, он не чуждался общества, охотник был до театра и всякой забавы. Рассудилось некогда супруге его дать ему сюрприз, для которого назначено было сыграть в Павловске драму французскую «L'honnête criminel». Никто из придворных душистых кавалеров не хотел играть роли старика-отца в девяносто лет. Всякий из них боялся, чтоб с одеянием вместе не пристала к нему и старость персонажа. Надобно было прибегнуть к городским артистам: в их словесии я более всех тогда отличался театральным искусством, и меня завербовали. Я привезен в Гатчины. Это было в сентябре, и неделю прожил под спудом, в покоях тамошнего управителя Бенкендорфа (см. лит. Б); в день представления меня выпустили: я сыграл удачно свою ролю, пропел потом куплет в опере и протанцевал в балете. Это привлекло мне внимание публики и их высочеств. После театра я призван во дворец и с того числа сделался обывателем онога. Великий князь пригласил меня ездить к нему, когда хочу; по времени эта милость распространилась далее и далее, и я в самом городе удостоен был чести ездить

на вечера к его высочеству в маленький его круг, а сверх того, единожды навсегда приглашен на все его балы, городские и загородные на Каменном Острове. Во всех катаньях придворных имел участие; не было зрелища между благородными на сцене, в котором бы я не имел употребления. Таким образом я с год посещал великого князя и всегда отменно был взыскан его милостью; иногда он сержился на меня за то, что я ленился выезжать верхом на его парады и маневры, которые происходили часа в три утра. Я тогда, утомясь от репетиции или резвости вечерней, любил спать и не разбирал, кстати ли оставлять сладости сна для того, чтоб в угодность будущему монарху смотреть, не понимая ничего в военном искусстве, как солдаты меряют ногами обширные равнины и машинально движутся несколько часов сряду. Я худой был всегда политик. Но такие минутные досады государя скоро проходили: хорошая сцена на театре меня с ним мирила, и он опять становился ко мне милостив. При всем том, однако ж, убедясь приличьем, я принудил себя раза два быть на маневре и заметил, что это очень понравилось государю; смотря по духу, в каком он находился от внешних обстоятельств, я имел при нем и восхитительные и черствые минуты; но первые, встречаясь чаще, вознаграждали за последние, когда их миновать было невозможно. Так проходило мое время, пока я был еще холост; скоро я влюбился в девицу Смирную: дошло дело до сватанья. Я открылся вел[ико]му кн[язю]. Он милостиво вошел в посредство, соизволил дать свое согласие на мою женитьбу, и, получа такое же от родителей моих, я помолвил. Тут я еще сделался короче в покоех вел[ико]му кн[язю] и мог входить к нему, когда хотел. Первый мой частный визит в его кабинет незабвен остался в памяти моей. Когда я объявил, что получил благословение родителей моих на брак, государь с удовольствием пожаловал меня к руке, потом обнял меня и с полчаса беседовал о важности супружества, давал мне полезнейшие наставления и после, отпустя несколько шуток насчет новой моей участи, простился со мной, повторяя свои объятия. Все это меня обольстило до крайности: я думал, что некогда буду первый его любимец. Во время моего женихова состояния я получил подарок, состоящий в бриллиантовом перстне с вензелем государя: их роздано было девять всем тем обою пола актерам, кои забавляли их высочества; дамам даны были вензеля государыни, а нам его: перстни были все без различия одной формы и цены; мы получили их самым приятным образом. Тогда появился в Питере фокус-покусник отличного проворства: государь потребовал его к себе; он при нас разыгрывал свои штуки и выпустил девять щегленков, из коих каждый сел прямо на плечо к тому, к кому он нес во рту подарок. Я так крепко от радости сжал бедную птичку в руках, что она в них лишилась жизни и, надев перстень, бросился, вместе с прочими, благодарить их высочества. Нетрудно было отгадать, что эта маска происходила от них. Наконец я женился. Это случилось во время путешествия Екатерины в Крым, зимой 31-го января. Свадьба самым торжественным образом совершена на Каменном Острове, где дан парадный бал для всего города и великолепный ужин. После того милости государевы продолжались к нам обоим в одинакой и той же силе. Приезд к ним остался для нас свободен во всякое время; также играли комедии и живали в Павловском. Однажды, разговорясь о недостатках наших со стороны фортуны, великий князь изволил мне сказать немецкую поговорку: «Kommt Zeit, kommt Rath», то есть: «Придет пора, придет и совет». Мож-

но ли было из сих обиняков отгадывать все то, что происходило со мною после? Недостаток понудил меня оставить Петербург, и я вышел в отставку бригадиром, а там скоро определен в вице-губернаторы в Пензу. С той поры переменялось с нами обращение вел[икого] кн[язя]. Когда я откланивался ему, уже заметил в нем холодную сухость; разлука исполнила мои догадки; между тем узнал он о моих пензенских дурачествах, кои ему совсем были иначе перетолкованы: надули ему в уши, что я привержен к французской революции, и так взволновали его воображение на мой счет, что он, тотчас по восшествии на престол, выгнал меня из службы; скоро потом хотя произвел и определил опять к должности, но не туда, куда я хотел. При первом производстве меня обошел. Во все его царство я не имел никакого знака его к себе внимания, ни я, ни жена моя, которая за меня и мои погрешности весьма невинно страдала; но рассудок Павла был уже потемнен, сердце наполнено желчи и душа гнева. И так я считал себя еще очень счастливым, что он меня совсем забыл. С тех пор, как он сел на престол, я уже не имел чести ни говорить с ним, ни быть у него иначе, как по церемониальному обряду, наряду со всеми и без малейшего отличия; зато пока он был наследником, и говаривал с ним, и шутил, и резвился невозбранно. Однажды, при Потемкине, метал с ним в волан, и раз до пятисот ударили оба в ракетки; а сколько игрывал в свайку, в жмурки и во все! Можно некоторые черты привольного моего тогдашнего житья заметить в напечатанных моих стихах под названием «Везет». Самому ему я никогда не подносил стихов и не сочинял ни для него, ни об нем, вынося с терпением, молча оборот моих обстоятельств у его двора. Таковы были мои отношения к этой самодержавной особе, доколе она не носила этого названия, и хотя много сделал мне зла Павел, однако я никогда не забуду прежних милостей его к себе, благосклонного обращения, щедрот, оказанных жене моей при составлении ей приданого, на которое, сколь оно было, впрочем, ни бедно, он принужден был занимать деньги, не имея оных в достаточном количестве сам для себя, а паче не забуду, доколе жив, той последней милости, которой он благодетельствовал нас, согласясь быть отцом крестным нашего первенца и дав ему свое имя. Он сам принимал его от купели и дарами своими ущедрил родителей младенца. Все сие останется в памяти моей и переживет праведное негодование, которое он возбудил во мне после худыми его с нами поступками. Простим их слабости человека, омраченного и потерявшего почти рассудок; но воспоминание тех счастливых дней, коими очарован я был при дворе его, наведет на чело мое приятнейшую улыбку даже и тогда, как все чувства мои оставлять меня будут.

МАРТЫНОВА

13. Проснувшись, вспомнил, что сегодня я лишился Петруши, мысленно гляжу на гроб его в Пензе, и воображению моему представляется та почтенная старушка, о которой говорить стану.

Катерина Ивановна, мать и мачеха огромного потомства мужа ее, за которой она была третья. Я вошел в дружескую связь с их семейством, живучи в Пензе. Кончина этой доброй женщины будет для меня всегда разительным памятником. По участию в их доме, я вмешался во все распорядки ее похорон и так

нагляделся на мертвое ее тело, что после нескольких бессонниц натура расстроила мое воображение до такой степени, что я занемог жестокой гипохондрией. Не имея никакой болезни, едва не сошел с ума, боялся попа, икон и приходил в трепет от малейшей нечаянности, ежедневно готовился умирать; жену свою и дом держал в беспрестанном страхе, не имея вовсе спокойного сна, и будучи в таком жалком положении, немного старше тридцати лет, прохворал с полгода. Летний воздух и рассеяние возвратили мне прежнюю свободу мыслей и обыкновенное мое благосостояние. Я и поныне не могу этой эпохи вспомнить без ужаса и с тех пор уже не видывал и не смел взглянуть ни на одного открытого мертвеца, боясь, чтоб те же впечатления не расстроили меня и теперь так, как тогда: в старости не так-то легко уж было бы и вылечиться. Странно начало и последствие сего припадка. Это произошло в Великом Посте; я уже заготовлен был скукой, которая начинала от разных обстоятельств крайне угнетать меня в Пензе. Мне хотелось переменить место. Не было еще удачи. Желчь между тем готовила мне сокровенный недуг. В четверг на первой неделе поста мы отпустили в первый раз из дома сына своего, Павла, в Москву обучаться. На второй неделе, в четверг же, умер на руках моих сорокодневный младенец, наш Петруша, которого я сам, своими руками, спустил в могилу. Все это, казалось, прошло, но внутренне давило и мысль, и душу. На третьей неделе, в четверг же, я хоронил Мартынову, и тут открылась сильнейшая, черная меланхолия, которая совсем меня с ног свалила, и я сделался почти безумным. Дорого стоило мне неумеренное мое участие в помянутой старушке, и она вечно мне будет памятна. Я долго, долго, не мог привыкнуть к тому, чтоб не бояться четвергов, и лишь этот день подходил, то я от всякого взора содрогался. После, гораздо после, я овдовел в четверг, но уже этот удар не произвел подобного действия, хотя был сильнее; ясно, что тогдашняя болезнь была приготовлена длинным рядом беспокойных случаев, коих искра вспыхла на гробе Мартыновой. Слава Богу! С тех пор я уже не имел подобных нервических припадков от меланхолии, хотя я к ней от природы очень склонен и, кажется, могла бы она неоднократно возобновиться с вящею силою после тех ударов и скорбей, кои я доныне осужден был переносить. Нет ничего опаснее, как расстроить воображение. Что душу тронет, тому время поможет, а что на голову подействует, от того редко уврачуешься.

КОРСАКОВА

14. Марья Ивановна. Театральное знакомство! У нее была большая семья; в ее доме жили очень весело. Я любил театральную забаву, изрядный талант делал меня нужным в московских обществах. Я скоро с ней ознакомился. Это было в конце царствования Павла. Я служил в Соляной конторе. Запрещения играть комедию не падали на гражданское звание, и я в доме г-жи Корсаковой имел удовольствие целую зиму забавляться в моем вкусе. Я люблю доныне приводить себе на мысль места, людей, минуты, в которые бывало мне весело. Из зрелищ, нами в то время представленных московской публике, останется мне памятной навсегда комедия «Les châteaux en Espagne»², в которой я, с старшей дочерью Марья Ивановны, играл роль первого любовника. Это происходило у же

в начале царствования Александра. Пьеса нами была удачно разыграна, но особенно замечательно то, что я был уже назначен в Петербурге в губернаторы в Володимир и сам еще этого не знал, когда выступил на сцену. В роле моей следующие два стиха возбудили всеобщее рукоплескание, которого я не знал к чему огнести:

De quelqu' emploi brilliant je puis me voir charger
Et de nouveau peut-être il faudra voyager*.

В партере знали уже многие, что я губернатор, и лишь только произнес сии два стиха, то, по применению их к моему назначению, все ударили в ладоши: эта минута долго мне будет памятна, да и вообще веселости, коими я наслаждался в приятном доме г-жи Корсаковой, не будучи ни в кого тут влюблен и занят только искусством, мне любезным, долго будут представляться моему воображению во всем их пленительном виде. Что более заслуживает место в воспоминаниях наших, как те часы, в которые мы предавались невинным забавам и одушевлялись одной чистой веселостию?

ВАКСЕЛЕВА

15. Элеонора, или Ольга Васильевна, по фамилии падчерица родного брата второй жены моей, Дм. Алек. Безобразова, а по естеству – потаенная дочь его. Девушка молодая и скромная; она, между прочими талантами, имела дар живописи и рисовала прекрасные портреты с натуры в миниатюре. Ей непременно захотелось списать и мой, который очень хорошо выработан и у меня хранится как памятник ее хорошего ко мне расположения. По портрету видно, что я писан с лишком пятидесяти лет; следовательно, я обязан почитать поступком самым дружеским с ее стороны, что она, будучи молода, согласилась уделять свои досуги на то, чтоб углублять взор в мои морщины и передать черты мои в ближайшем сходстве людям, интересующимся во мне.

СТРОГАНОВ

16. День кончины отца моего крестного. Он заслужил мои воспоминания, и я мысленно к нему обращаюсь.

Барон Александр Николаевич, родной брат матери моей, отец мой крестный и незабвенный благодетель. С оснадцатилетнего возраста моего я стал ему известен, то есть с приезда моего в Петербург. Живучи там, при отце моем, я бывал у него, когда случалось, а потом, будучи один на своей воле, я ежедневно посещал его, и во все время жизни его, которая продолжалась до 1789-го года, был у него домашним, испытывая неснократно разные от него одолжения. Чем меньше я хотел зависеть от него в пособиях жизни, дабы одолжену ими быть од-

* Вскоре, может статься, появится у меня блестящее занятие, И, возможно, снова придется мне отправиться в путешествие (фр.).

ним своим родителям, тем сильнее он участвовал во мне и вырвал насильно мою преданность. Исчислим те услуги, те опыты приязни, коих я был предметом, дабы оправдать название благодетеля, на которое я очень скуп и которое он у меня восхитил. Будучи в Варшаве с полком, он вспомнил меня и выпросил мне у короля чин полковника, о чем пространнее писано в другом месте. Для спокойного моего приезда в Петербург прислал по меня, по просьбе батюшки, лучшего офицера из своего штата. Во время первой моей страсти, от которой я впал было в горячку, он меня призрел, навещал каждый день, привозил ко мне лекаря, снабжал меня нужным и тогда всю мою приобрел доверенность, участвовал в переводе моем в гвардию, сблизивши меня с Скавронским, от которого это зависело; великодушно извинил меня в интриге Мамонова с его дочерью, за что он имел право долго, а может быть, и всегда, досадовать на меня, но, вникнувши в мои юные побуждения, не лишил меня ни ласки своей, ни покровительства. Пожуривши за потаенный поединок Ржевского, в котором я был секундantom, скоро примирился со мной и не попустил произойти от того никаким неприятным последствием. Выводил меня в люди, знакомил с лучшими домами и во всем, до меня касающемся, интересовался. Узнав нечаянно, что Лобанов сделал мне неучтивость на бале великого князя, за которую я готов был с ним драться, он предупредил историю и ездил к Репнину жаловаться на его племянника, прося его, чтоб от подобных неосторожных поступков его воздержал. Правда, что он очень твердо противился браку моему с Смирной и наклонял отца моего на свою сторону, чем, по страсти моей и молодости, охолодил меня к себе совершенно, и я даже скрывался от него в этом намерении, как от врага, но после, входя в его причины, я должен был извинить его сопротивление; ибо оно происходило от благородного источника: он знал, что я не буду иметь состояния, достаточного для поддержания семейства, а Смирная не имела вовсе ничего, и потому дядя, ища собственного моего благоденствия и зная лучше меня, что бедность его доставить не может, всячески старался разорвать мое соединение с этой девушкой. Но когда рок мой произнес приговор нашего супружества, тогда он первый, смягчив досаду и правильный гнев свой, осыпал меня дарами и благоговениями, дабы вознаградить то, чего я не мог приобрести. Прежде моей свадьбы он старался меня два раза сватать на двух богатых невестах, но они мне не нравились, и он отнюдь не принуждал меня деспотически решиться на женитьбу из корысти. Я все сие называю добродетелью, потому что не всякий дядя поступил бы с племянником так, как он обходился со мной во всех означенных случаях. Но он искренно любил мать мою, а по ней любил и меня, как сына. Имея безумную жену и ведя с ней жизнь самую плачевную дома, он, в лютейшие ее пароксизмы, разделял со мной свои сетования и слезы: я приближался к нему тогда всей душой, и он платил мне за мое усердие к нему полной своей доверенностью, незабвенной мной и доньне.

По случаю моей свадьбы у двора, батюшка просил его заменить себя, и он, как отец, отправил все, чего требовал обряд и церемониал придворный. Он возил к невесте дары моих родителей, благословил меня к венцу, и, несмотря на то что мой брак был ему не по мысли, он с благородным великодушием вошел в обстоятельство, когда увидел, что его нельзя переменить, и не показал даже вида малейшего неудовольствия. Зная, что у меня нет ничего для заведения до-

ма, он его совершенно устроил, нанял мне квартиру, снабдил экипажем, посудой, словом, всем, что только было необходимо, и поставил меня в возможность долго, долго не догадаться, что я имею в чем-либо недостаток. После свадьбы, узнав короче жену мою и найдя в ней достоинства, извиняющие ее бедность, он искренно полюбил ее, взял в свое покровительство и, не удовлетворяясь беспрестанными подарками, которых стоила ему моя свадьба, перестроил весь мой флигель в казармах, отделал для нас дом порядочный с антресолями, в который мы могли с некоторой прихотью переехать с наемной квартиры. Столько услуг и благодушных поступков можно ли не назвать благодеянием? При рождении сына моего он не покинул нас, доставлял нам все полезное и по обстоятельству необходимое, а во всяком случае ревновал быть для меня не дядей только, а настоящим отцом, вспоминая недостаткам родного своим избыточным состоянием. Какое множество дней приятных, веселых и благополучных я привожу себе на память, воспоминания время моей свычки с ним! К несчастью, он скончался без меня: я был в Москве. Он недолго хворал и, не достигши старости, умер до пятидесяти лет еще. Я в нем лишился такого родственника, каких ныне нет, и выучился более ценить его за гробом, нежели во время жизни.

СТАХИЕВ

17. Алексей Стахеич! Образец противоположных частей. Он сегодня бывал именинником: о нем и память сотворим. Брат его родной, чиновник гражданский, генеральского чина, был посланником в Царьграде и кавалер, а этот – священником в Архангельском соборе в Москве. Человек старый, простой, недужный, но прямо благоговейный и целомудренный служитель дома Господня; он был духовником всего нашего семейства: у него же исповедывался в первый раз, вступая в отроческий возраст, и у него же в последний раз исповедывался, за несколько времени до моей женитьбы. И так он был духовный ментор мой во всю мою молодость. Обе сии исповеди мне памятливы остались навсегда. Первая по моей проказе, последняя по чувствительности. Будучи ребенком и войдя к нему на поговорку³ с глазу на глаз, я испугался его бороды, морщин и, сквозь слезы начав виниться в детских шалостях, бежал вон от него с воплем, крича маме своей: «Матушка! Меня поп бить хочет!», и это я взял с того, что он мне сказал: «Ежели будешь лениться и упрямиться, то тебя лозой накажут». Насилу меня к нему воротили, и я боялся его, как медведя. Зато с каким чувством сокрушения прощался я с сим добрым старцем при последней моей исповеди. Он был уже болен и приближался к смерти. Через великую силу исповедал меня в своей комнате, у одра своего, и старался умудрить меня на предлежавший мне путь жизни трогательнейшими наставлениями. Я никогда их не забуду; смело могу сказать, что тогда, в эти патетические между нами минуты, из уст его текла рекою благодать. Я принял его последнее благословение с набожною к нему покорностию, он облобызал меня, как отец сына, и я, несмотря на мои двадцать лет, был крайне растроган. Это последняя моя была с ним беседа: он скоро потом скончался, оплакан всем нашим семейством, которого он был друг, наставник и благоразум-

ный вождь. Сей священник был не хитр, не книжник, не совопросник века сего, но качествами сердца и рассудка столь же далеко стоял от многих нынешних красноглаголивых пастырей, сколько философ девятнадцатого столетия далеко отстоит от истинного христианина веков благочестивых, и память о нем мысленная сопровождается будет всегда в устах моих искреннейшею похвалою.

ВАРЧ

18. Анна Федоровна, немка, мама всех детей моих. Лишась ее в это число, я всякий год люблю вспоминать ее заслуги и ими питать мое воображение. Случай часто благоприятствует нам странным образом. Перед первыми родинами покойной жены моей оба мы заботились о найме хорошей няни. Варч тогда жила в Смольном монастыре, отправляя должность кастелянши, и по каким-то капризам надзирательницы принуждена была искать себе места; она, между многими другими, явилась к нам. Так как жена моя, сама воспитавшись в монастыре, знала ее хорошо, да и все там называли ее *la bonne femme**, то мы тотчас ее приняли за семьдесят рублей в год. Это было в 1787-м, скончалась же она в 1817 году, и до последнего издыхания жила в нашем доме, как ни старались во многих местах ее подманить; да и из Смольного скоро по отпуске ее за нею подсылали; все было тщетно: она никуда от нас не пошла и во все наши переезды нас сопровождала, жила с нами в Питере, в Москве, в Пензе и в Владимире; всех детей наших, а их жена родила десять, она приняла, взростила и была для них второю матерью. Первого моего сына, Павла, она более прочих любила, но попечения ее обо всех были равны. Женщина во всех отношениях редкая и, смею сказать, в сем роде услуг единственная. Проживши тридцать лет в нашем доме, в котором так часто и резко менялись обстоятельства, она всегда была равна, одинакова. Ни на кого не слыхал от нее жалобы, никто не тяготился ею; все наши люди плакали о ней, когда она скончалась. Трудолюбива, деятельна, она никаких услуг от них не требовала и сама около себя все нужное исправляла; беспрестанно обращаясь с детьми, радела неусыпно о их здоровье и поведении. Сыновья мои до самых отроческих лет не сходили с рук ее. Не имея никаких прихотей, довольна была всем и во все время своего у нас пребывания никогда ничего не просила; жалованье ее по времени дошло от семидесяти до ста пятидесяти, и мы его увеличивали, а она не заикнулась. Не выходя из своей сферы, она не хотела даже никогда обедать с нами за одним столом, говоря, что это не ее место. Все ее занятия состояли в присмотре за детьми, досуги наполнялись чтением Библии и книг духовных. Сколько бы я об ней ни говорил, все будет мало, по чрезвычайности ее свойств тихих и благонравных. Она была отменно привязана к жене моей, ко мне и детям. Во время моего вдовства и при второй женитьбе, когда все в доме, более или менее, почувствовало некоторую перемену, она одна всегда была та же, умея находиться во всяком месте и состоянии. Во многих случаях я пользовался ее советами; она с кроткостью исправляла разные домашние бес-

* простодушная женщина (*фр.*).

порядки, когда еще мы были молоды, указывала их нам и учила жить хозяйственно. Бережлива была до крайности: ни одна ленточка, ни одна тесемочка детская не пропадала на руках ее; всякая мелочь находила свое место и пристойное употребление. Она имела своих собственных детей, сына и дочерей: все были пристроены и народили ей внучат. Каждому из их семейства хотелось ее успокоить при себе, вызывали ее усильно; она всем пожертвовала моим детям и, видя, сколь она для нас необходима, не решилась нас оставить ни из каких выгод своих; сын ее и внук были в службе под моим начальством, и Бог, избрав меня орудием к вознаграждению христианских подвигов ее в сем мире, допустил меня быть полезным всему ее племени. Я их распределил по местам, в которых они дослужились, еще при жизни ее, до офицерских чинов и были ей в отраду.

Такова была г-жа Варч, простая, незнаменитая дама, но над гробом которой все мое семейство пролило искренние слезы, и которой заслуги благословлять будем, доколе пожием на земле, сугубо помня, что Евгения, мать детей моих, испустила дух на руках ее, поручив ей здоровье и благосостояние юного своего потомства. И она вполне оправдала священную сию доверенность.

ЗУБОВ

19. Василий Николаевич. Когда я служил вице-губернатором в Пензе, он был несколько времени директором экономии и зависел от меня. В то время родной его племянник был фаворитом у двора; известно, что это название значило при Екатерине. Зубов, возгордившись родством и случаем, вздумал самовластвовать в палате. Он делал всякий вздор, и я ему часто ошибал крылья. Не перенеся того, он жаловался раз и два своему племяннику, князю Зубову, наконец, послал к императрице донос, в котором хотел доказать, что я похитил, обще с палатой, до двух миллионов казенных денег по винокуренным заводам. Я в оправдание сего приводил только несколько арифметических выкладок, коими доказал, что, где всего отпущено шестьсот тысяч, там похитить двух миллионов невозможно: сличили его доносы с моими рапортами и скоро увидели, что он человек неугомонный и пишет вздор. Фаворит вызвал дядюшку своего к себе в Питер и там его выгнал в отставку; оттуда уже он к нам в Пензу не возвращался, а доносы его брошены без внимания. Трудно мне было с ними бороться, но более скучно, и потому короткое время моего с ним отношения сделалось мне навсегда памятно, как полоса неприятная в моей жизни.

КАШКАРОВА

20. Девушка провинциальная, с которой я вовсе незнаком, но, бывши у родителей ее в гостях в пензенской деревне, заметил в ней редкие таланты и можно сказать чудесные, ибо отец ее был дурак, мать проста, а она, не выезжая из деревни своей, не только в столицу, ниже в Пензу, умела приобрести

все преимущества роскошного воспитания. Мастерница играть на клавикордах, говорит и пишет по-французски, во всей чистоте отборного слога, и рисует с отменным дарованием. Она мне подарила маленький труд своего карандаша, который всегда у меня на глазах в моем кабинете. Я смотрю на него в сию самую минуту и с удовольствием вспоминаю о любезной Кашкаровой.

АЛЯБЬЕВ

21. Александр Васильевич, действительный тайный советник и сенатор. Он присутствовал в московских департаментах. Мало людей в столице, да и во всей России, на которых я мог бы с такой ненавистью взглянуть, как на него. Не будучи со мной знаком, он всеми образами старался мне наносить обиды: сие доказано многими делами в Сенате, в которых голосá его всегда мне вредили. Из всех случаев подобных один особенно сохранится до гроба в памяти моей, и при произношении имени его я никогда не буду равнодушен, потому что и самое злодеяние низкого изверга менее меня ожесточить может, нежели уничтожение, а его-то я и испытал от г-на Алябьева в самую чувствительную минуту. Когда высочайше повелено было от верховного совета сделать мне, в общем собрании Сената московского, выговор за неосновательную на него будто бы жалобу и дерзкие в ней выражения, я явился в Сенат. Г. Алябьев, как старший член его по чину, имел дух, не смигая, на меня глядеть во все время исполнения сего неправоусудного приговора, и без малейшего смущения, от которого не свободны были прочие его сотоварищи, он, как бы с торжественным удовольствием, приказал чтецу сего указа подойти ко мне ближе, дабы я внятнее мог выслушать все его содержание, и без того мне весьма известное. Такая тонкость в оскорблении человека, ни в чем перед ним не виноватого, есть вывеска его характера. Эта минута всегда свежа в моей памяти, и прикосновение моровой язвы не столь, я думаю, злоторно, как для меня несносен взгляд и вид г. Алябьева был с тех пор и останется навсегда.

ЛОПУХИНА

22. Прасковья Ивановна, урожденная Левшина, милая и пригожая женщина. Я случайно с ней ознакомился вот как и когда. Я служил в гвардии и жил при отце своем в Петербурге; матушка с сестрами находилась в Москве. Однажды батюшка отпустил меня повидаться с домашними: это был первый мой отпуск в гвардии. Мне приказано было непременно явиться к сроку. Проведя зиму до весны дома, я собрался из Москвы за неделю до срока, с тем чтоб порадовать батюшку моей исправностью. Приезжаю в Тверь, останавливаюсь у старых приятелей моего отца, в семействе Чириковых, кои там служили. План мой был, повидавшись с ними, проведя вечер, поотдохнувши в ночь, очень рано с утра пуститься в остальную дорогу. Тогда Лопухин, муж ее, был тут губернатором. На беду мою в этот самый день был у него бал.

Чириковы званы и не могли для меня остаться дома. Губернатор узнал о моем приезде в город, плясуны ему надобны, он присылает ординарца с билетом пригласительным на бал. Учтивость требовала моего согласия. Я приехал, увидел хозяйку, ей было не с большим двадцать лет, влебляюсь в нее мгновенно, танцую с ней поминутно и возвращаюсь с восторгом на квартиру. Назавтра зовут меня опять обедать, я еду, послезавтра катанье на Волге, я и туда еду; словом, я делаюсь домашним у Лопухина, всякий час дня с ними, или у них, и Тверь становится для меня раем. Так прожил я тут с неделю. Все сроки забыл, все приличия потеряны, и, если бы Чириковы, увидя, что эта бабочка далеко меня увлечет, не выпроводили из города вон почти насильно, я готов был остаться в Твери навеки. Просрочивши несколько дней, приезжаю в полк и рассказываю батюшке тверское мое похождение. Добрый мой отец пожурил меня, потом улыбнулся, крепко прижал к сердцу, а я Лопухину забыл и после нигде с нею не встречался. Узнавши о смерти ее, я искренно тужил об ней и поныне помню приятные те часы, и слишком краткие, кои проводил с нею.

БАЛАШОВ

23. Сим числом подписан Указ о моей отставке из губернаторов. Воздадим за сие должное воспоминание исходатайствовавшему оный.

Александр Дмитриевич, министр полиции при императоре Александре I, человек черный, владеющий в тончайшем степени шпионским искусством и по сердцу привязанный к сему низкому ремеслу. В то время, когда лукавство называлось мудростью, а пронырства государственным достоинством, он слыл человеком необходимым в его звании. С самого начала Балашова управления начались и мои невзгоды по службе. Он обходился со мной неблагонамеренно, искал всячески меня сбить с места, потому что я не старался его удерживать низкими поклонами, – и успел в трудах своих. При нем, и чрез него, я оставлен из губернаторов. Из всех его дурных поступков со мной самый худший тот, что, когда я к нему писал партикулярное письмо, в котором просил позволения по команде пожаловаться по одному случаю самому государю на Сенат, он подлинное мое письмо, в виде официального донесения, представил Государю, и была первая пружина того огромного дела, по которому сделан мне в Сенате выговор, упомянутый в другой статье сего Словаря. Сверх того, он принял против меня жаркое участие в делах пьяного попа, родственника первого любимца государева, и из одной подлости дал самому низкому происшествию все виды важного дела, следуя меня, как нарушителя святыни. Наконец, он наряжал в губернии и тайных, и явных шпионов смотреть за мной и все усилия власти своей приложил к тому, чтоб меня сместить. Я в поведении моем с ним по службе ни в чем себя ином укорить не могу, как разве в том только, что я ему не трусил, стоял перед ним прямо и глядел ему в глаза без замешательства. По притеснениям, которые я от него вытерпел, я вправе называть его своим злодеем, и никогда не произнесется имя его в устах моих иначе.

РЯБОВ

24. Первая разлука с родиной всегда памятна. Я испытал ее некогда в этот день и поговорю о том, с кем путешествовал.

Михайла Прокофьевич. Офицер, принадлежавший к штату покойного дяди моего, барона Строганова, который прислан был за мной от него в Москву, чтоб довезти меня в Питер к батюшке. Мне было тогда осмнадцать лет от роду. Пора было служить и оставить родительский кров, проститься с Москвой, дражайшей родиной моей. Это происходило в Великий пост, я еще никуда не ездил по дорогам. Выехали мы на Лазареву суббору⁴, в ночь, и прибыли в Петербург к Великому четвергу⁵, день, в который батюшка причащался. Г. Рябов со всею попечительностью довез меня до места, лелеял в дороге, как нежное дитя, не заставлял покурьерски скакать день и ночь, давал время на отдохновение и любопытство, и я должен с признательностью вспомнить его внимание ко мне и заботливость, с какою он щадил волнения юного моего сердца, огорченного разрывом всех своих любезнейших свычек. Рябов сделался во все короткое время сего путешествия мой друг, дядька, родной, наставник и, словом, гений-хранитель. Я ему чрезвычайно обязан. Многие думают, что с юношей позволяется поступать круто, потому что его печали ребячьи, а человек в зрелом возрасте уже их не ощущает. Рябов нежнее этого чувствовал и поступал. Он, не читавши Вольтера, умел, однако, понимать, как тот прекрасно выразил:

Qui n'a pas l'esprit de son âge
De son âge a tout le malheur⁶.

В самом деле, и ребенок огорчается так же живо и несносно, как и муж совершенный. Станьте в его мерку, вы дадите справедливую оценку его чувствам и не будете почитать их за дурачества, потому что он еще не способен так принимать случаи, находящие на нас, как вы, имея уже здравый рассудок. Рябов, мой друг! Я тебя никогда не забуду.

МОИСЕЙ

25. Архиерей Феодосийский и Мариупольский. Я его знал еще в светском состоянии, когда он просто назывался Михайла Гумылевский. Он хаживал к нам в дом по часам преподавать мне Катехизис и обучать Закону Божию⁷. С тех пор я его знал в разных степенях духовных, не видал только архиереем; ибо он, завезен был Потемкиным в новоприобретенные края на Черном море, скоро там умер. Он был человек очень умный и весьма сведущий. Я до сих пор его помню, и у меня хранится портрет, который на него очень похож.

ИТАЛИЯНЕЦ

26. (Maestro). Учитель итальянского языка. Я так привык его называть и никогда не справлялся о настоящем его имени. О! мне всегда приятно будет его вспомнить. Я был офицер гвардии и жил некоторое время в отпуску в Мо-

скве у матушки. Будучи влюблен в одну ближайшую родственницу, я нанял этого иностранца обучать меня по-итальянски, потому что он и ей давал уроки; разумеется, что я худо учился, но мать моя хорошо ему платила, а он, бесовестный, сделался между мной и моей любезной самым верным и постоянным Меркурием⁸: он носил ко мне от нее цыдулочки и мои записки передавал ей. Какой скромный и легкий способ переписываться и вести роман! Те часы, в которые я будто обучался грамматике итальянской, были наименее приятными в моей жизни. Я предпочитал своего учителя и синтаксис итальянского языка всем собраниям и балам в городе. Матушка и сестры дивились такой склонности моей к Метастазию⁹: сколько было поклепов на него, Ариоста¹⁰ и Тасса¹¹, и прочих певцов древней Италии! Месяца четыре продолжался мой отпуск, и столько же моя школа. Кончилось дело тем, что я ни одного [слова] не умел выговорить по-итальянски. Все дома и на стороне дивились, каким образом я, знавший хорошо латинский и французский языки, не мог выучиться совершенно по-итальянски. Для меня для одного тут не было загадки. *Maestro Italiano* не желал мною похвастаться: его практика настоящая была прибыльнее вокабулов¹², и он благополучно брал деньги даром, которые матушка изволила с добродушием ему платить, тогда как я и не краснел от этой шалости. Молодость несет в себе семя всякого разврата. Счастлив, кто рано опомнится. Благодарю Бога, он и меня привел скоро очнуться и покаяться в дурачествах моей юности. Я, признаться, люблю иногда и теперь вспомнить итальянские уроки. Сколько они мне доставили сладких сердечных биений! А в этом роде, как и во всяком другом, что взято, то и свято.

ГОЛИЦЫН

27. Князь Николай Алексеевич, камергер при дворе, богатый, умный и любезный человек. Он очень нравился меньшому двору. Там я сошелся с ним знакомством; ибо и он принадлежал к нашей благородной труппе. Мы несколько раз вместе с ним играли во всех увеселительных домах наследника. Как театром началось наше знакомство, так им оно и кончилось; расставшись по разным сторонам, мы более уже почти не видались нигде. Отношения мои к этому человеку памятны мне наипаче потому, несмотря на слабое, впрочем, их основание, что он сильно был влюблен в девицу Смирную, на которой я женился, и страсть его к ней дошла до такой степени, что, несмотря на собственный свой брачный союз и на готовящийся мой, он искал всячески разбить мою свадьбу, обольстить мою невесту и завести с ней интригу, чего ему не удалось, ибо Евгения была слишком чистых правил и, отплата ему все его приступы презрением, запретила ему всякое с собою обращение. И так мы с ним уже нигде и никогда почти не встречались.

ДОРОФЕЯ

28. Игуменья ныне в женском монастыре в Нижнем. Она из дворянского дома Мартыновых, родилась и выросла в Пензе. Там выдали ее замуж за чиновника, далеко от нее отставшего в качествах нрава, прижила с ним несколько детей, овдовела и ранее сорока лет рассудила постричься. Я ее узнал еще в светском состоянии, приехавши служить в Пензу. Она уже тогда отставала помаленьку от света и никуда в публику не казалась. Обстоятельства ознакомили меня очень коротко со всеми ее родными, и потому я и в ней принимал участие. В мое время ее постригли в пензенском женском монастыре, и из Дарьи Михайловны Новиковой вышла монахиня Дорофея.

Бывая в том монастыре у обедни, я ее часто видал; она была собой хороша, видного роста, величавой наружности, благородна в поступках, скромна в обращении и велеречива в беседе. По случаю пострижения ее я сочинил оду¹³, которая была на ту пору очень громка и сделала ее самою известной. Потом она произведена в игуменьи, переведена в Нижний, получила наперсный крест¹⁴, и теперь живет там. Я с ней имел случай ознакомиться короче уже в монашестве, в домах ее ближних и родных, полюбил ее и навсегда остался самого выгодного мнения о уме ее и достоинствах. Она так мне нравилась, что, ежели бы не надела рясу, я бы готов был войти с ней в искреннюю связь сердечную, то есть влюбился бы в нее по уши.

МЯТЛЕВА

29. Прасковья Ивановна, дочь фельдмаршала графа Салтыкова, жена тонкого и просвещенного царедворца, который долго был на самом лучшем счете при дворе Екатерины, но скоро свихнулся и ныне, в отставке живучи в Питере, ничего не значит. Сама она дама светская, умная и любезная. Я с ними очень приятно был знаком. Редко живали мы в одних местах, но всегда, когда случалось встречаться с ними в обществе, обласкан был ими и находился с удовольствием в их компании. Самое приятнейшее для меня время в нашем взаимном отношении было то, в которое мы с ней играли комедию «*La barbier de Séville*»¹⁵; зрелище происходило на театре Волконского¹⁶; я играл роль Бартоло, а она Розины, славный француз Rivière играл Фигаро. Спектакль был очень хорош и забавен. Потом мы с Мятлевыми съехались нечаянно и совсем в другом положении, в Киеве: они въезжали чрез него в Россию после долгого путешествия в чужих краях, а мы шатались по России, были в Одессе и завернули в Киев. Я пользовался отпуском из Владимира на все лето. В Киеве мы несколько дней провели самым веселым образом, выдаясь каждодневно и составя из заезжих туда вояжеров особый свой круг. Тогда нас туда налетело много известных людей с разных сторон. Приятное то время долго не выйдет из памяти моей. Там Мятлев и жена его написали в моем альбоме всякий кое-что от себя в память сему нашему свиданию, а я сочинил в честь г-жи Мятлевой стихи¹⁷, кои сперва были в моем рукописном путешествии, а потом я их напечатал в моих общих сочинениях. Теперь сыновья мои в Петербурге пользуются их благосклонностью и часто их посещают, а я давно уже с ними не видался, но тем не меньше помню их и уверен, что везде, где ни сойду с ними, мы увидимся с взаимным, непринужденным удовольст-

вием. Здесь не надобно искать ни дружбы чрезвычайной, ни связи, основанной на каких-нибудь уважительных началах. Одно только общежитие приятное и самое простое, следовательно, веселое; а что весело, то не забывается.

КОШЕЛЕВА

30. Варвара Ивановна и сестра ее, Елена¹⁸, обе племянницы мои и милые женщины. Первая до сих пор в девушках, а вторая замужем за князем Горчаковым, и уже с ним в разводе. Я Вариньку люблю преимущественно, потому что она очень сходна с теткой своей, в которую я некогда был страстно влюблен. Обе они так ветрены, что я иначе их не называл, как сорванцами; они же, по родству и приязни, прощали мне эту шутку. Между минутами, приятными в моей жизни, как не поместить тех, кои я провел в нашем театральном комитете, когда дочь моя и Елена играли вместе комедию у Апраксина и я заправлял труппой. Елена отличалась в роле Кларансы в «Влюбленном Шекспире»¹⁹, она пленяла зрителей своей величавой наружностью, богатством костюма, но, к несчастью, не талантами. Все наши репетиции составляли приятные вечеринки; я жил в эту зиму так суетно и весело, как можно того желать и не в пятьдесят лет, кои мне стукнули попрежде. Насчет Вариньки я сочинил романс²⁰, который напечатан в моих книгах. Из него увидят меру моего к ней пристрастия. Она мне доказала, что милое личишко может заставить нашего брата дурачиться во всякие годы, согласно с французской аксиомой: «L'amour est de tout âge»*.

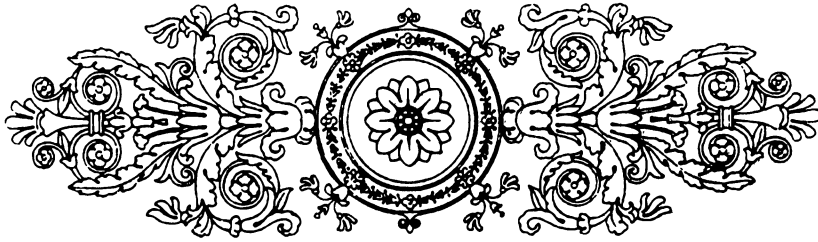
АРБЕНЕВ

31. День особенно памятный в моей жизни потому, что мы выходили сего числа из Петербурга в поход под шведа, под команду того, которому посвящается следующая статья.

Иоасаф Иевлевич, майор гвардии Измайловского полка. В Шведский поход он командовал всем отрядом гвардии и в то время оказывал мне особенное внимание. Я был у него в доме принят, как родной и могу его назвать лучшим моим знакомством во время юности моей. По дружеской его связи с покойным дядей моим родным, бароном Строгановым, он важную оказал дому нашему услугу и зятя моего, Ефимовского, который женился на сестре моей сержантом, перевел с старшинством в Измайловский полк, пособием чего ему тотчас досталось в офицеры, что тогда не так-то легко было сделать без денег, из одной приязни. Подобные заслуги не должны забываться, и потому я внес его в сей список.

* «Любовь бывает всех возрастов» (фр.).

АПРЕЛЬ

БРОМОНТОВА

1. Марья Карповна. Вдова свободного состояния. Она принята была к нам в дом в мамушки, ходила за мной во все времена моего ребячества, состарелась в нашем доме и скончалась в оном тогда уже, как я был женат и имел детей. Женщина добрая, прилежная и способная к своему з[в]анию. Она меня чрезвычайно любила. Я никогда не забуду нежных ее обо мне попечений. Всех нас у батюшки взлелеяла и возрастила, и никому из нас нельзя забыть ее. Вечная память доброй и почтенной нашей мамушке. Сегодня она бывала именинница. Тело ее похоронено на Ваганьковском кладбище.

АВВАКУМ

2. Сегодня бывал празднуем у нас день рождения покойного отца моего. Вот уже двадцать лет, как в это число, вместо праздников и торжества в нашем доме, я поклоняюсь в Донском монастыре остаткам его и привожу себе на память того из настоятелей монастыря, с которым родитель мой был дружен.

Аввакум, черногорец родом, архимандрит Донского монастыря. Первый монах, с которым я был знаком, человек умный, тонкий и благоприятного обхождения. Будучи в короткой связи с отцом моим, он в юношестве моем напитал меня хорошими наставлениями; я иногда одолжался ему денежными небольшими ссудами, всегда находя в нем мужа благодетельного и скромного. Мне приятно будет до конца дней моих вспоминать его добрые со мной поступки, и из духовенства я ни с кем не имел таких приятных и полезных отношений, как с ним. Он посещал наш дом на ноги искреннего приятеля, неоднократно служивал у нас в подмосковной и верен был до смерти обязательствам приязни к нашему семейству. Скончался в теплой церкви Донского монастыря.

АПРАКСИН

3. Степан Степанович. Я с ним ознакомился, когда он служил флигель-адъютантом и был во всей своей славе в царство Екатерины. Холост, молод, пригож, любезен, богат, он все привлекал к себе и, живучи в доме родной сестры своей, Талызиной, давал роскошные праздники. В самое то время я вступил в свет и бросился во всю житейскую суету. У него был благородный театр. Я завербовался в его общество и часто игрывал там разные второклассные роли; я не искал прославиться в этом искусстве: для меня все равно было что ни играть, лишь бы забавляться, а в Москве дом Апраксина был храм всех чувственных наслаждений. Сколько я тут насмотрелся на фигляр, наслушался виртуозов, без всякой своей собственной издержки! Знакомство мое с ним осталось для меня памятно навсегда. Я ему обязан первыми успехами моими в общежитии и удовольствием молодости. Я пробовал свои силы в мимическом искусстве, готовился к быстрому полету: беспрестанные балы, ежедневные съезды лучших людей в городе так меня притерли, что я сделался годным на всякую круговую забаву. Знакомство со многими молодыми барышнями послужило более всего к развитию моего пылкого характера, и я могу по справедливости назвать очаровательным в жизни моей то время, в которое я посещал Апраксина. Отношения мои с ним продолжают донныне очень приятно: мы оба состарелись, но я всегда люблю к нему ездить и старость свою украшать воспоминанием прошедших моих удовольствий в его доме. Недавно еще дочь моя играла разные пиесы на его театре, и я управлял этим зрелищем, как староста всей труппы.

СТРАХОВ

4. Профессор Московского университета, бывший некоторое время ректором оного. Его звали Петр Иванович. Я его начал знать еще студентом и вместе с ним на одной лавке сживал на лекциях. Он одарен был многими способностями, особенно же красотою слова, изъяснялся велеречиво, говорил громко, сладко и свободно. Никто так искусно не преподавал физики после Роста, как он. На лекции его съезжались многие обоего пола особы московского отборного общества, наружность имел сановитую, лицо благородное, орган пленительный; прекрасно успевал в театральном искусстве. Мне удавалось играть в таких собраниях, куда его приглашали на совет и для изучения своего дела. Словом, он в свое время был известен и знаменит по всей Москве. Таких профессоров, каков был он, едва ли ныне найдешь во всем сословии мужей ученых. Он был учен без педанства и не дичился сообществом городских, как нынешние педагоги, которые по какому-то несчастному заблуждению думают, что они потеряют честь профессорского титула, если не станут подражать синическим философам и не будут невежливы, нечисты, неопрятны. О, сколько различествовал с ними г. Страхов! Я, во время его ректорства, будучи владимирским губернатором, получил, за подписанием его, лист из университетского совета, в котором угодно было сему храму наук изъяснить мне свою признательность за пожертвование, сделанное

мой в пользу Влад[имирской] гимназии, всех моих сочинений при мне и по смерти моей. В возмездие за сей знак усердия и приверженности моей к Университету определено советом одного, чтоб в гимназическом владимирском доме поставлен был мой бюст, рядом с бюстом покойной жены моей, в той самой комнате, где она испустила дух и в которой поставлена библиотека, собранная на прибыток, доставленный гимназии вторым и третьим изданием известных книг моих. Все сии случаи напоминают мне сугубо Петра Ивановича Страхова, при котором оные последователи, и я, во время нашего товарищества, потом был хорошо с ним знаком, за долг почитаю, при всяком о нем воспоминании, отдавать полную справедливость гению его, талантам и благонравию. Он, во время вторжения Наполеона в Москву, удалился из оной в Нижний и там, из малодушия и праздности, впал в слабость, которая истощала его жизненные соки и прекратила дни его, посвященные доньне наукам, в дальней стороне от родины и в чужих людях. Он там и похоронен на кладбище, на котором тщетно бы кто стал искать гроба его. Он ничем не отличен, и это не делает чести тому сословию, которому он принес в жертву всю жизнь свою и благоприятствовал полезными своими трудами.

ГЕРБЕР

5. Отдавши в сие число дочь мою замуж, я воображаю, вместе с тем временем, которое она провела в собственном моем доме, иноземку, бывшую при ней случайно и очень недолго.

(Madame Guerber). Француженка, лет сорока, жившая долгое время в разных дворянских домах в звании надзирательницы над детьми ее пола, между прочими она была и в доме Лопухина в то время, как Павел I ездил тайком амуриться с его старшей дочерью, Анной Петровной; следовательно, Madame Guerber, насмотревшись таких романов, не могла быть полезна там, где их убегали. Однако приятная ее наружность, ловкая поступь, хорошие навыки большого света приобрели ей выгодную рекомендацию от людей, мне хорошо известных, и я, не зная ее похождения, принял ее к себе в дом, в Володимире, в первых годах моего супружества с второй женою. Меньшие мои две дочери попали на ее руки.

Пасынки мои и сыновья приходили уже в возраст. Мадам расположилась их пленить по очереди: сперва влюбила в себя старшего моего пасынка, потом сына, Александра. Молодые люди начали ссориться, ревновать друг к другу; мы заметили их расстройку, я стал приглядывать поближе и, перехватив записки мадамы, увидел из них ясно, что она слюбилась с моим сыном. Не было еще году, как она жила в нашем доме. Я тотчас ее отпустил, и нигде после того с ней не встречался. Скоро открылись ее затеи, и она не успела быть вредна моим дочерям, которых охраняли от зла Бог сирот, отец и юность их возраста. Но сколько раздоров и несогласий мы могли возродить в нашем семействе от интриг и коварства столь нечестивой женщины! Как часто бедные родители в России могут попадать в ошибки такого рода и горькими слезами оплакивать поздние их последствия!

КАПЕЛЕВА

6. Катерина Ивановна, вдова штаб-лекаря, служившего в Володимире. Женщина добрая и хорошая наша приятельница. Она оказала мне услугу, которая по тому только заслуживает воспоминание, что не всякая бы дама светская охотно на нее вызвалась. Один иностранец взялся с меня живого снять алебастровый слепок. Я на сие решился, выдержал сей трудный опыт, и лицо мое выразилось в гипсе самым сходным образом. К голове потом приделали руки и всего человека, и я увидел статую во весь рост, столь похожую на себя, что многие издали принимали куклу за самого меня (по счастью, что не меня самого за нее), особенно при огне. При отделке сего истукана главное затруднение состояло в волосах. Где отыскать такого цвета, как мои? К искусству прибегнуть здесь было бесполезно, надобно натуре. У госпожи Капелевой оказались волосы точно такие же, как мои, художник ей об этом сообщил, и она, нимало не задумываясь, отрезала весь свой шиньон и принесла его в жертву моему кумиру, который от того получил совершение полного сходства со мною.

MADAME CONSTANTIN

7. Родившись в это число и быв осужден, по примеру всех боярских детей, попасть на руки иноземцам, с удовольствием привожу себе на мысль ту, которую назвал.

Madame Constantin, первая самая чужестранка, которая принята была к нам в дом. Я очень долго был на ее руках, и она чрезвычайно меня любила. При ней я начал лепетать по-французски, и когда пришло время заменить ее попечения наставниками мужского пола, то я с крайним огорчением и трудом отвыкал от нее и, после нежных ее со мной обращений, не скоро привыкнул к строгому надзору учителя.

Она была женщина пожилая, добрая и всем семейством уважаема. По отбытии ее от нас мы уже не имели случая нигде с ней повстречаться, но я ее помню, помню ласки ее и маленькое баловство, и все детские угождения, коими она меня приучила к себе, помню их и до сих пор с искренней признательностию.

ОБУХОВА

8. Катерина Ивановна. Смешной случай сделал ее для меня навсегда памятной; не знаю, так ли помнит она меня. Мы были оба еще в ребячестве; при ней жила мадам, при мне учитель. На Лубянке, у Введенья, венчали Полуектова на Аргамаковой. Невеста была нашему дому знакома: меня отпустили смотреть свадьбу. В церкви мы повстречались с Обуховой. Долго ли ребятам подружиться? Мы тотчас сделались так коротки, что рассудили венчаться сами. Иноземцы наши между собой заговорились, а мы между тем стали за новобрачными, и так же, как они, поменялись кольцами. Во время шествия венечного круг налож пошли и мы двое за ними. Тут наши мусье и мадам нас схватили и развели. Дома на-

шли у меня на руке перстенок. На вопрос, где я его взял, я сказал откровенно, что мне подарила его моя невеста и что я обменялся своим. За такую детскую шалость меня высекли: думаю, что и невесте не сошло с рук. Вот все наше знакомство. Страннее всего то, что я уже состарелся и нигде во всю жизнь мою более сего одного раза не встречался с нею. Это чуднее самого происшествия, которое доньше так мне памятно, как будто бы оно произошло только вчера. Чего не сделают дети, подстрекаемые натурой и примером!

МОНЕСТРОЛЬ

9. Le Comte Monestrol, французский выходец. Болтун, краснобай и пустой человек. Во время Французской революции он, со многими другими, бежал из отечества и прискакал в Питер; там он удостоился особенного покровительства у двора потому, что он в какой-то был связи по жене с кормилицей несчастного короля. По сему уважению Екатерина восхотела его отличить от многих других изгнанников, пожаловала ему пенсией, состоящий из шестисот рублей серебром, и назначила ему пребывание в Пензе, ради тамошней дешевизны, ибо она знала, что шестьсот рублей не широки. Тут-то я с ним сошелся знакомством: он был мне от многих рекомендован, я его принял прекрасно. Ему это полюбилось, он посещал меня всякий день, и мы по вечерам наслушались от него разных французских проказ. Таким образом знакомство мое с ним осталось у меня навсегда в памяти. По смерти Екатерины все переменилось в России. Я скоро выехал из Пензы, а Монестроль возвратился в свое отечество: с тех пор мы с ним уже не видались. Настоящий был француз, болтал без умолку, и очень часто, после целого вечера, проведенного в жарком с ним споре, я не мог еще понять, чего он хочет, чего держится и в чем состоят коренные его правила. Получа свободу выехать из Пензы, он укатил, не сказав никому спасибо за услуги, каждым почти помещиком ему оказанные. Чистый француз! В то же время жил у меня другой его соотечественник, Мишел (Michelet), который некогда обучал жену мою французской грамоте, когда она, при покойной великой княгине¹, воспитывалась еще во дворе, до отдачи в Смольный. Он обучал моих ребятшек: я их бывало по вечерам стравлю, и они заспорят. Всякий доказывал свое, и оба нещадно лгали, и когда Michelet поражал Монестроля, то этот только рот разинет от удивления и скажет: «C'est vigoureux!»*. Эта его пословица доньше мне памятна, и я многие тогдашние вечера нарочно себе воображаю, когда мне соскучится, только для того чтоб улыбнуться.

ГОРЯИНОВА

10. Вера Алексеевна. Молодая девушка, отличного ума и с редкими дарованиями. Я с приятностью воображаю мое с ней знакомство, которое охолодело с тех пор, как она пошла замуж, и Бог знает, удачно ли. Я любил ее разговор: она охотно слушала мой. Мы говаривали о разных предметах, не всегда соглаша-

* «Это потрясающе!» (фр.).

лись, но всегда были друг другом довольны. Пригожа лицом, приятна в обращении, ловка наружностью, она наполнена была прелестей, которыми я не восхищался, будучи уже не молод, но редко, редко, встречал девушку способнее ее обольстить на минуту мальчика и вместе привлечь к себе уважение седой головы. Она полное имеет право занять место в этом Словаре как особа, с которой мои отношения доставили мне много приятных минут в жизни.

БРАГИНА

11. Анна Григорьевна. Дитя фортуны. Родясь от дворового человека тетки моей родной, баронессы Строгановой, она взята была ею, по бездетству ее, вверх и названа фавориткой. Тетушка имела большое состояние, привязалась к этому ребенку, воспитывала ее с большим попечением, образовала, научила иностранным языкам и, наконец, поставила ее на такую ногу в свете, что всякий забывал ее породу и пленялся талантами: она прекрасно пела и играла в операх. Тетушка дала ей хорошее приданое и выдала ее замуж за офицера гвардии нашего полку, Северина, который после дослужился до чина тайного советника и был в Белоруссии губернатором. Вот биография девицы Брагиной, с которой я был в молодости очень коротко знаком и, по тесному моему родству с ее благодетельницей, привык с ней обходиться как с родной. Во время малолетства меньших сестер моих им, вместе с ней, прививал оспу знаменитый Димздаль, выписанный из Англии для императрицы. Чего не делает слепой случай, когда он подкреплен богатством? Брагина есть доказательство, что мы все родимся равны, но что различны бываем по качеству наших естественных дарований и по средствам, какие кто имеет к нравственному образованию. Брагина достойна была той участи, которую доставила ей fortuna.

ЕВЛАМПИЙ

12. Архиерей, сперва Архангелогородский, а потом Калужский, искреннейший приятель нашего дома. Я с ним ознакомился, когда он был еще Донским архимандритом. Он очень часто посещал нас, просиживал с нами по целым вечерам, трапезничал с нами, и беседа его наполнена была приятности. Он очень ловок был в обращении с людьми большого света, даже не застенчив и с дамами, всегда благопристоен, не изменяя сану своему: он умел согласить важность его с тонкостями общежития гражданского, и едва не один ли он, во всем современном духовенстве, мог назваться достойным монахом и любезным собеседником вместе. Сии два качества соединить не все монахи наши умеют. Таков был Евлампий и в настоятелях, и в пастырях, в слове и в уединении. Он служил прекрасно, и один приблизился к Платону² с стороны сановитой наружности в облачении, был учен и доверчив. Я нередко с ним сам друг обеждал в его пустынной келье. Судьба скоро нас разлучила: я поехал в Володимир на службу, а он пасти холмогорских овец в Архангельск³. Там долго прожил в ужасной скуке, но сие послужило ему в пользу; ибо он оттуда прибыл в Калугу совершенным анахоретом⁴. Там я его видел, гостил у него и не мог с ним наговориться. Он во всех событиях моего семейства, приятных и го-

рестных, всегда принимал живейшее участие, служил несколько раз в нашей домовой церкви, будучи еще архимандритом, переписывался со мной очень часто из Архангельска и Калуги. Он уроженец владимирский, где я нашел мать его, старушку, и все его семейство; всем им старался быть полезен, паче меньшому брату его, дякону, о котором упоминается особо (см. Измаил). Сей неосторожный человек много мне наделал хлопот, кои я вытерпел из одной приязни к Евлампию, и тот мне был признателен. Столь многие и различные с ним отношения сделали нас совершенными друзьями, и любовь его ко мне продолжалась до конца дней его. По нашествии неприятеля в Москву Евлампий управлял, кроме своей Епархии, еще и Смоленской. Он там написал послание прямо в апостольском духе⁵, коим ободрял их и укоренял в правилах веры и добродетели. Сделавшись в то же время хвор, вел самую смиренную, монашескую, жизнь, принимал под кров свой больных, ходил за ними и, раздраживши тем собственные свои недуги, после кратковременной болезни скончался и погребен в калужском соборе. На камне надгробном, который иждивением брата его и отчасти моим старанием над ним воздвигнут, высечена моего сочинения надпись, которую я принес, как малую жертву, в дар праху достойного друга и пастыря, с коим я был связан долгое время жизни моей теснейшими узами чистой и нелицемерной приязни.

РАХМАНОВА

13. Степанида Петровна, или, по-моему, Stephanie. Из всей родни, приобретенной мною по второй жене, она мне особенно нравилась и, что называется, пришла по сердцу. Она племянница родная жены моей, замужем за Рахмановым. Прекрасный человек и он, готовый на все услуги: мастер сохранять все отношения родства и приязни. Я в доме их старался сделаться коротким, по одному взаимному сходству главных свойств характерных, и, кажется, ничто не разорвет нашего дружества с семейством Стефани. Она много рожала детей, к несчастью, все почти мерли в младенчестве. Ей рассудилось меня выбрать в крестные отцы, я у ней крестил трех сыновей, но из них один только остается еще в живых, и есть надежда, что этот достигнет совершенного возраста. Это связало наши дома еще теснее. Интерес денежный всегда бывал прочный камень человеческих чувств в приязни: мне случалось в этом испытывать их неоднократно. Они, муж и жена, всегда готовы были нас одолжать, и я никогда, ни в этом роде услуг, ни во всяком другом, не видал от них отказа; словом, я с удовольствием всегда вижу их, и бываю с ними, и сам бы не пропустил никакого случая им оказать мое искреннее расположение, деятельнее, нежели одними посещениями.

РОГОНОВСКИЙ

14. Уездный предводитель Владимирской губернии, с которым довелось мне служить вместе и долгое время быть хорошо знакомым, на то чтоб после рассориться совершенно. Он был женат на пригожей барышне Пестровой, и давно уже в разводе с нею, когда я начал с ним жить в одном городе. Я был так доволен служ-

бой его и вообще обращением с собой, что он имел отличную мою доверенность и очень короток был в нашем доме, особенно при второй жене моей, в семействе которой он воспитан вместе с ее братьями. Это утвердило связь мою с ним еще более. Жена его, ветреная, но пригожая женщина, обращала на себя мои взоры очень часто, и хотя я никогда за нею не волочился, но многие меня этим клепали, потому что свободно обходился с ней, а она всякому подозрению на ее счет готова была дать повод от ветрености. Я не берусь ее защищать ни против мужа, ни многих соблазнительей, которые успели их поссорить, но могу отвечать, что сам не был виною предосудительных ее поступков. Рогановский задумал разойтись с ней по форме и стал просить о разводе. Евпраксия Егоровна, жена его, прибегла к моему покровительству. Я уговаривал его, но не мог убедить, и он решительно захотел жену свою предать публичному позору. Дело такого рода производить скоро невозможно, нужны доказательства, не всякий может представить самые истинные. Сошлось Рогановскому ждать долго развода, лета его уходили, он отважился тихонько жениться от живой жены на другой, и тем дал право Евпраксии уже жаловаться на него гласно. Доведено формально до сведения моего о таком поступке предводителя. Мог ли я остаться равнодушен к оному? Все, что обращалось в соблазн публике и во вред нравственности, требовало во мне грозного блюстителя законов и порядка. Я, узнав о сем, запретил Рогановскому ездить к себе в дом и, несмотря на то что незадолго перед тем исходатайствовал ему, за хорошую его службу, орден Св. Владимира, был в необходимости о сем происшествии представить министру. Доложено государю, и мне велено, избрав на место его другого предводителя, предать его суду духовному и гражданскому. Принялось за него Консисто-рия⁶. Архиерей волочил очень долго дело, хотел освободить его от наказания, искал средств показать рапорт мой о сем неосновательным и ложным, словом, всячески запутывал дело, чтоб выиграть время. Между тем на меня клеветы лились рекой: друзья Рогановского утверждали, что он не венчан и что я на него взвел все напрасно. К счастью, или несчастью, его, после отставки моей собственные его люди убили его до смерти, а Консисто-рия потом произнесла свой приговор, по которому открылось, что он точно был женат на двух вдруг, но мертвый уже не подвержен законам человеческим. Дело так и кончилось. Евпраксия Егоровна взяла часть из его имения, а вторая жена изволила выйти замуж за другого. Прекрасный урок для добродетели! Увидели тогда, что я не солгал, не соврал, и перестали поносить меня; но поелику я уже не принадлежал к Владимирской губернии, то суд тамошней публики меня не интересовал. По всем сим обстоятельствам Рогановский остался мне памятен, а жена его, сверх того, и потому, что она была ловка, забавна и что я обязан ей многими приятными минутами в жизни моей владимирской.

БОБОРЫКИН

15. Петр Иванович, генерал-майор и премьер-майор Семеновского полку, человек посредственного смысла и отменно задорный. Ближайшее его родство с фаворитом Мамоновым⁷ доставило ему сие почетное место, и он был уже в летах, когда принял команду над нашим полком. Я служил в нем тогда полковым адъютантом и целый год находился в непосредственном с ним сношении. Много

было бы труда рассказывать все те смешные приключения, какие между нами происходили: довольно сохранить в памяти, чтоб дать понятие, сколько он был горяч, а я также пылок и ветрен, что он однажды гонялся за мной с ножом по двору в одном халате. Такому странному поступку невольно подал повод я сам, будучи принужден передавать ему разные выговоры и колкие замечания главного начальника, графа Брюса⁸, который с ним не мог ужиться. Другой постарался бы смягчить такие поручения, но я, любя выводить из них потешные сцены, слово в слово отдавал майору, что приказывал подполковник, и так всякий день поутру у нас бывала стычка, впрочем, редко выгодная для меня; ибо, будучи таким Меркурием между двух начальников, мог опасаться, что подполковник отпрется от своих слов, извинится перед майором тем, что я не так сказал или исполнил его поручение, и тем легче могло это случиться, что у майора племянник родной был фаворит, а потому я рисковал всегда попасть в неприятный переплет между двумя сильными лицами, но, по счастью моему, граф Брюс не уважал Боборыкина и нередко гораздо суровее делал ему выговоры в глаза, чем те, которые посредством моим до него доходили. При таком пламенном свойстве сего начальника и неустроенном его рассудке, он был, однако, внутренне добр, и тем скорее забывал досады, чем он сильнее за них воспламенялся, — обыкновенное свойство людей вспыльчивых! Служба моя под командой его кончилась тем, что он оказывал мне самые благосклонные услуги. Вышедши из адъютантов, я от него удалился, и все причины на меня сердиться исчезли. Он увидел, что, если я ему досаждал, причиной тому был не собственный мой произвол, а положение, в которое я был поставлен отношениями адъютантского звания. Тогда-то он меня полюбил, познакомился с моей женой, ездил иногда к нам обедать и, наделав мне пропасть огорчений прежде, заставил их забыть прекрасным своим поступком: у меня был уже тогда сын, Павел, ребенок еще. Боборыкина развели с графом Брюсом и дали ему в команду полк конной гвардии, где он, сделавшись верховным и единственным начальником на короткое время, поспешил записать нашего сына в вахмистры и, в самую неожиданную минуту, подарил жену мою этим ребячьим пашпортом, который тогда для нас был очень дорог, а паче от его лица. Вот вся история нашего знакомства.

КИРИЯКОВ

16. Помня ежеминутно то ужасное утро, в которое сего числа причастили в последний раз отчаянно больную жену мою, я собираю в мыслях моих все те лица, кои в меньшей степени, чем я, но были к ней привязаны, и посвящаю сегодняшнюю статью памяти покойного Кирияка.

Тимофей Прокофьевич. Ученый человек, принадлежавший Смольному монастырю, где он был инспектором над классами, когда я служил в гвардии. Знакомство мое с ним началось тогда, как я стал искать руки девицы Смирной. Воспитана быв в монастыре, она у него обучалась разным наукам. Он был предобрейший человек, характеристики самой кроткой и чувствительной. Мы с ним скоро подружились, а как я женился, то у нас завелась с ним переписка и продолжалась до конца его жизни. Он меня любил искренно по жене, к которой был от-

лично привязан. Я многими пользовался от него наставлениями в молодости: он был гораздо старше меня, следовательно, опытнее и благоразумнее. Кроме советов, он мне оказывал и услуги, исправляя все комиссии наши в Питере, какими бы мы его ни обременяли, живучи сами в Пензе. Важнейший залог его к нам дружбы состоял в том, что он, в суровое царствование императора Павла, при самом начале, призрел моего брата Богданова, Григорья Михайловича. Сей мальчик, записанный по примеру многих в унтер-офицеры в конный полк гвардии и проживая у меня в доме, в Пензе, был, как и все однолетки его, выключен из списков, в предупреждение чего, пока срок данный на явку малолетних не истек, я его снарядил и отправил прямо на руки к доброму Кириякову; он дал ему убежище у себя, смотрел за ним, доучивал, воспитывал и сделался по сим трудам его благодетелем, ибо как иначе назвать человека, подобные услуги оказывающего без всяких видов корысти. Ничто не возмущало нашей приязни, она через несколько лет сохранилась непрекосновенною. Наконец добрый Кирияков умер, и мы с женой искренно об нем потужили; я доньне вспоминаю его с живейшим соболезнованием: рано постигла его смерть; он мог еще жить, и долго жить, с пользою по званию своему для юношества. Слабое здоровье и деятельные труды сократили дни его прежде старости. Из всей его со мной переписки я храню, как драгоценность, поныне пространное и пиитическое описание праздника, который Потемкин давал в Таврическом дворце Екатерине, и другое письмо, известительное о ее кончине, а паче и с особенным уважением берегу последнее письмо, писанное им ко мне, за несколько дней до его смерти, в котором он с нами прощается навеки. В этом письме видны мужественный дух его, вера твердая, постоянство в чувствах сердца и философские понятия о бренности жизни. Самое истощание физических сил и страдальческий недуг не помешали ему заниматься нами и писать к нам. Он нас помнил до последнего издыхания, и мне ль его забыть, пока мое еще не исчезло?

ПУТЧИ

17. Итальянец. Их братью называют в России *rauvre diable**. Отец играл буффа на публичном итальянском театре, а сын промышлял разным штукарством; занесло его ко мне в Володимир. Он выпросил позволение пустить шар на воздух. Это еще было ново в провинции; он очень удачно намерение свое исполнил, на вокзальном поле, вне города, но покойная жена моя не могла, будучи слабого здоровья, видеть сие зрелище. Оно давалось осенью. Я хотел ее потешить и, обманут будучи успехом его за городом, решился позволить ему такой же шар пустить против нашего городского дома. Он начинил его блистательными веществами, для лучшего удивления публики; праздник присрочен был к 5-му сентября – торжественнейший день в Российском государстве⁹. Я созвал весь город и дал ему великолепный бал: народу собралось множество. Наступил вечер, жена села под окошко, все хлынули на улицу. Шар пущен, но неудачно, и, лопнувши над крышками домов, все из него начинки полетели по улице. Во-

* бедняга, неудачник (фр.).

схищение уступило место страху: не до праздника было и мне; мог бы сделаться пожар, и кто бы угадал заранее его последствия? Хотя все меры приняты были отвлечь от жителей всякую опасность, в первую минуту все перепугались. Поднялся крик, шум, волнение, но, слава Богу, проказа моя кончилась без ужасов; ничего несчастного не случилось, и прерванный бал опять в покоях моих возобновился, все отделались одним минутным страхом. Я никогда не прошу себе этой неосторожности и всегда вспомню проклятого П у т ч и, который чуть-чуть не настроил мне страшных хлопот. Кто любит свою жену так, как я любил Евгению, тот может быть извинит меня, но правительство могло очень худо поступить со мною, узнав о сем. По счастью, тогда был министром добрый и благоразумный Кочубей¹⁰, который умел различать неосторожность с умыслом и проступок с преступлением, да и шпионы были еще не в моде; следовательно, всякая щепка не выбрасывалась волной к корабельному кормилу, а все-таки я и поныне вздрогну, как вспомню Путчи и шар его.

ВЕВЕРОВА

18. Две родные сестры: имя одной Ольга, другой Александра. Обе уже лет под тридцать. Отец их был штаб-лекарь и надворный советник, мать, оставшись вдовой, сохранила дом свой в Володимире и жила в нем с дочерьми, когда я приехал в губернию. Первый мой взгляд на Ольгу решил мое к ней пристрастие: она была не пригожа, но привлекательна и пленила мое воображение, а от него недалеко и до сердца. Я в нее совершенно влюбился. Жена скоро заметила мою слабость, но, будучи не ревнива, зная, что честь мне всегда драгоценна, не опасалась никаких худых последствий для семейного спокойствия. Такое снисхождение увеличивало день от дня страсть мою; барышни езжали к нам всякий день, сделались домашними у нас, и Александра истощалась в услугах приятных жене моей, в то время как Ольга очаровывала меня и опутывала в свои сети. Во время последней болезни жены моей Александра не отходила от нее прочь, подавала ей лекарства, кормила и поила, словом, была при ней услужливее всякой горничной девки. Евгений с полной к ней доверенностью кончила дни свои. Она по смерти ее исполнила разные поручения, и жена моя ни на чьих руках не хотела умереть, как на ее, мимо всех приближенных к ней людей. Так и случилось. Из уст ее я слышал приговор судьбы своей и что Евгений не стало. Меня с старшей дочерью вывезли в подмосковную, куда она нас сопровождала и со мной воротилась в город. Услуги ее незабвенны! Я в сию несчастную эпоху до того свыкся с нею, что не умел даже разобрать и сам, которую из двух сестер более люблю: Ольгу или Александру. Обе были до крайности ревнивы, но Ольгин характер был гораздо нежнее и мягче другой сестры, а потому Ольга владела мной гораздо сильнее. Уныние вдовства, скука городской жизни, необходимость искать рассеяния после тяжелых трудов моего звания способствовали к распространению моего огня; я смертельно влюбился в Ольгу, и взаимное ее ко мне расположение связало между нами любовную интригу, которую боялся я, однако, доводить до последнего конца, дабы, по чувству чести, не быть в обязанности поставить ее на место Евгения, что мне и в мысль не входило. По прошествии некоторого времени Ольга начала выискивать средства

быть моей женой. Александра сильно ей помогала в этом намерении, и обе так вскружили мне голову, так овладели мной, что все родные мои начинали уже бояться внезапного и тайного моего с Ольгой супружества, к которому все обстоятельства были весьма наклонны, и, кажется, если б Ольга не раздражила меня излишней ревностью и меньше оказала деспотизму в управлении мною, кажется, что она достигла бы желаемой цели, но рассудок скоро пришел ко мне на помощь. Я ожесточен был ревностью, это открыло мне глаза. Я стал подозревать более тщеславия, нежели истинной любви в вольном ее со мной обращении. Скоро влюбился в другую, женился, и тем рушились все мои отношения с сими двумя сестрами, с коими после того нигде уже не встречался. Доколе я жив, не забуду ни тех угонждений, кои оказывала Александра жене моей в продолжительной ее болезни и которые дали ей право на беспредельную мою признательность, тем более, что и Евгения удостоивала ее при смерти всей своей доверенности, ни тех очаровательных минут, коими я обязан Ольге, и с которой ласковая моя связь облегчала тягость моего положения в такое время, когда без нее я, может быть, не в силах был перенести бремя жизни. Я долго, расставшись с ней, тужил более о том, что она не успела меня сделать своим, нежели о том, что я был в сетях ее: признаюсь в моей слабости; я обворожен был ею совершенно, и память тогдашних моих ощущений, не доходивших никогда до последней точки, которой она с хитрым намерением избегала, память сих сладостных взаимностей, никогда не истребится в моем помышлении.

МИКЛАШЕВИЧЕВА

19. Варвара Семеновна. Жена магистратского прокурора в Пензе, с которой я, будучи там в службе, свел приятное знакомство. Она была барыня молодая, умная и достойная, но увлеклась часто романическими восторгами, и оттого много дурачеств в свой век наделала; она была не хороша, и потому мало считала волокит за собою: от этой самой причины и я не попал в число их. Во время моих несчастных тамошних приключений, о которых говорить будет под другими именами, она самым благородным образом поступила и обязала меня чистойшей благодарностью. Я оставался один в городе, угнетен и презрен всеми, потому что губернатор со мной был в соре; жены моей не было со мною: она ездила в Москву родить. Ни одна дама не приехала бы навестить меня, чтоб не сделаться предметом недостойной молвы. Одна Варвара Семеновна все это презрела и, зная, что в моем положении сообщество мне нужнее было, чем когда-нибудь, всякий вечер приезжала ко мне сидеть, и беседой своей, весьма приятной, рассеивала мрачные мысли, коими я был до крайности расстроен в духе. Мало, конечно, людей, способных сделать из чистого побуждения благородного свойства подобное пожертвование; память тех дней привязала меня к ней навсегда; я ее видал и после, в Петербурге, в Москве, и в разных положениях, то счастливую, то злополучную, всегда принимал в ней участие искреннее и пользовался полной ее ко мне доверенностью. Несчастливая! Она имела одного сына, взрастила его, лишилась его, не могла жить для мужа, который ее не стоил, и потеряла совершенно рассудок.

ХИЛКОВ

20. Князь Михайла Петрович. Дитина не мудрый, но мне памятный по одной смешной проказе, в которой действующими лицами были только мы двое. Он служил в Семеновском полку сержантом, а я адъютантом, часто видались, и он меня крайне полюбил. Когда бывало соскучится, никого нет, Хилков всегда готов разделять со мной несносную минуту. Вздумалось мне однажды, в день моего рождения, 7-го апреля, съездить обедать одному за город, на Петергофскую дорогу, как можно далее; я предложил ему разделить со мной беседу, он согласился, и я ему сказал: «Станем, Хилков, в этот день жить для себя». Наступил сказанный день, мы поехали в коляске. Что далее мы подавались в дорогу, тем была она хуже и неприступнее. Не забудьте, что в начале апреля около Питера везде еще лежат снежные горы. Отъехавши верст пятнадцать, мы стали ни туда ни сюда: ни вперед нельзя было двинуться, ни назад подать коляски, ибо она врылась в снежную глыбу по ступицу¹¹, а выгащить некому, за нами один слуга. И так мы решились шествовать домой пешком, передрогли, как собаки, устали, как фельдъегерь, воротившийся из Сибири, и кое-как допнали к себе домой около вечера, не евши, не пивши. Дома обеда не готовили. Пока послали в лавочку, пока нам что-то состряпали, мы очень неприятно друг на друга посматривали. Когда наелись, напились, отдохнули и согрелись, начали мы над собой хохотать, как безумные. Хилков вменял себе в героический подвиг приязни, что он вытерпел такое изнеможение добровольно, а я смеялся над ним, что он так оплошал и не увернулся от моей глупой поездки, подобно прочим, коих я приглашал, и никто не согласился со мной без нужды дурачиться. Хилков с тех пор и поныне помнит этот неудачный поезд и часто говорит мне: «Я знаю, что такое жить для себя: я выучен». Пословица эта всегда меня рассмешит; не помню только, который год моей жизни я так начал, но думаю, что на самый еще благоразумный. В последующие за ним я живал очень часто для себя, но уже в другом роде, и гораздо удачнее, а Хилков только на ту пору и воспользовался моей приязнью, как надобно было, живучи для себя, в удовольствие мое вытерпеть всякое озлобление плоти и духа. Вот что значит усердие с простотой; будь Хилков поострее, так бы он не попал в этот омут, из которого мы пешком улепетывали в город, как добрые русаки, преследуемые гончими. Чего на свете не встретится? Он думал, что мы сыграли роли Пилада и Ореста¹², а на деле вышло, что я блажной повеса, а он простофиля.

БЕЗОБРАЗОВА

21. Воздадим должную похвалу и справедливость скончавшейся в сие число теще моей и вспомним кратким словом хорошие качества, отличавшие ее в нарожденном ею семействе.

Марья Яковлевна! Мать второй жены моей, старушка чадолюбивая и благочестивая. Я должен незабвенно помнить хорошее ее ко мне расположение; она любила меня наравне с своими детьми, и я старался оказывать ей всякое угождение. Обстоятельства принудили ее остальные дни жизни своей провести в Туле.

Там проживала она зиму, а летом съезжала в тульскую деревню, в которой мы с женой всякий год почти ее посещали. Деревня весьма уединенная; в ней сочинены стихи мои под названием «Семира Болеславна», насчет одной барышни, жившей у нее в доме. Теща моя скончалась почти осмидесяти лет, оставя по себе широкое племя; детей, внучат и даже правнучат, от корня сего происшедших, считалось до семидесяти человек, коими всеми она была оплакана, несмотря на ее долголетие. Толико она была добра и всем в семействе своем любезна.

ГОРЧАКОВ

22. Петр Иванович. Гвардии капитан и мой однополчанин. Мы, вместе с ним, ходили в поход под шведа в одних чинах, но он, как старший, командовал батальоном. Я этого времени никогда не забуду. Вообще вся кампания была приятна, и потому и люди, с коими я находился в ближайшей связи, часто представляются мне на мысль. Горчаков был человек ограниченного ума и слабого характера; он не умел заставить себя слушаться; отсюда рождались часто смешные явления. Меня он очень любил, но не способен был ни в каком случае ни добра сделать другу, ни врагу зла. Мякинькой человек! Сколько я напоминаю себе при имени его смешотворных приключений. Он имел привычку всякого называть: «Мой отец!» Я на это написал песенку, которой каждый куплет оканчивался словами: «Наш блудный сын». В одно время, стоя лагерем, я, обходя рундом, пустил сигнал: «Контентуйся, душа грешная!» Сигнал дошел до его ставки; он вскочил, выбежал полунагой из палатки, разыскивал, кто смутил, ничего не нашел и спокойно опять лег спать. Многие мои товарищи употребляли во зло его простодушие, а я, кроме насмешек, свойственных моему тогдашнему возрасту, ни в чем, впрочем, перед ним не виноват. У него был брат, Владимир, которого я также не забуду. Тот был до того крут и жестокосерд, что во время моего адъютантства при полку, оставшись за уряд вместо меня на сутки дежурным, забил до смерти моего писаря, давши ему, пьяному, лозонов до тысячи. Об одном брате я вспомню всегда с добродушием, а об этом всегда с отвращением.

МАМОНОВ

23. Александр Матвеевич, фаворит Екатерины. Надменный и несносный человек в коротком отношении. Мое знакомство с ним началось с юности. У него и у меня один и тот же был наставник, езуит, г. Совере. Сперва он жил в их доме семь лет и, вышедши оттуда, жил у нас столько же времени. Сходство нашего воспитания должно было, казалось, сделать связь между нами прочною; она такова и была до некоторого времени. Мамонов и я в одной степени родства находились с дядей моим родным, бар[оном] Але[ксандром] Ник[олаевичем] Строгановым; он по жене его, а я по нем самом, и так, живучи в Петербурге в одно время, хотя в разной службе, потому что я шел по гвардии, а он числился в штате кн[язя] Потемкина, мы в доме дяди беспрестанно бывали вместе, а он даже и жил у него на его коште¹³. Скоро влюбился он в дочь дяди моего, и началась ме-

жду ими цыдулочная интрига. Дядюшка узнал о том из откровенности дочери своей, которая, объявляя о склонности своей к Мамонову, просила дозволения выйти за него замуж. Барон рассердился на Мамонова, как на соблазнителья, отказал в их союзе, имея хорошим предлогом родство, и велел тотчас ему съехать с двора. Мамонов, не зная куда деться, решился скакать в Москву и в отчаянии приехал прямо ко мне в полк. Я еще был холост и принял его в свои объятия, как искреннейшего моего друга. Молодыми умами руководствует одно сердце, а над сердцем тогда владычествует не столько истинное чувство, как восторг и энтузиазм. Зная, что дядя мой выгнал его из дому, чувствуя, что я худо поступаю, давая ему убежище у себя и явно, так сказать, становясь его сообщником против дяди, я только думал о том, что он мне друг, что я обязан всем ему пожертвовать, словом, я вообразил, что я буду подобен римским витязям, когда жарко вступаюсь за Мамонова, и на сих началах сгоряча основал мои тогдашние поступки; не только принял Мамонова, но, прощаясь с ним, дал ему слово помогать в его страсти, и сделался между им и сестрой моей двоюродной передачной сумой их любовных записочек, которые ко мне почта московская от него возила всякую неделю. Я питал взаимную их страсть, помогая их переписке, и нимало не вообразал, чтоб это было дурно; напротив, в глазах моих такая услуга казалась геройским подвигом, ибо я сделался предметом подозрений моего дяди и не замедлил сам подпасть под гнев его, который я действительно заслуживал. Между тем Мамонов влюбился в Москве в другую, перестал писать к Строгановой, разумеется, забыл скоро и меня и, воротясь на службу в Питер, жил сам собой; к дядюшке не смел показаться, а со мной сохранил еще какую-то личину приятности, которую скоро сорвал самым подлым образом, но уже я испытал его и стал умнее. Скоро fortuna очутилась у Мамонова сонного в головах¹⁴. Надобно было подставить Екатерине нового фаворита. Потемкин рекомендовал его. Он был прекрасный мужчина, ловкий, статный, и в несколько дней Мамонов явился у двора флигель-адъютантом. Общая тогдашняя вывеска постельных заслуг в царской спальне! Тут-то совсем перевернулся лист, и Мамонов начал, мало-помалу входя в силу, воздыматься, как фараон. Весь нрав его вышел наружу. Дядя мой благородным образом выдержал свой характер и ни разу к нему не ходил на поклон. Я, напитан будучи правилами восторга, ставил себе в новую добродетель также не являться к нему, дабы дать чувствовать, что я любил его без видов корысти, и ожидал, чтоб он пригласил меня к себе, вспомяв прежнюю нашу свычку и, смею сказать, тяжкие мои услуги, оказанные ему на счет собственного моего спокойствия; ибо я удалял, как выше видно, от себя сердце дяди моего и терял в нем необходимого себе благодетеля. Подлинно, на минуту удалось мне мое геройство. Нечаянно встретил меня во дворце Мамонов, бросился ко мне на шею, пенял, что я к нему не хожу, и звал, когда хочу, без разбора времени. Это движение происходило от умирающего порыва юношеской нашей связи, которая невольно долго еще на нас действует и в зрелом возрасте. Неучтиво было бы мне тогда не посетить его. Я к нему пошел, был принят очень просто и ласково, и зачастую мои посещения. Мамонов тем охотнее меня допустил в свои покои, что, из всей толпы его посетителей, один я ни о чем его не просил, а я, с моей стороны, посещал его с сугубым удовольствием, потому что не имел никакой нужды в его протекции, и, видя у него весь двор на поклоне, нигде так не выучился ценить

людей, как тут, и скоро вылечился от юношеских своих восторгов, в чем особенно послужил мне на пользу нечаянный случай, который все мое спокойство разрушил, принудя отступить от стоической твердости, с какой я прежде глядел на фаворита и толпился в его парадных покоях. Пока все сие происходило в Петербурге, в Москве отец мой помолвил сестру мою, Анну, за гр[афа] Ефимовского, сержанта гвардии, и батюшка, зная связь мою с Мамоновым, писал ко мне, чтоб я через него постарался доставить ему скорей чин офицера гвардии. Для Мамонова это было ничего, но для меня жестокое искушение обратиться из свободного гостя в челобитчика у столь надменного человека, но воля отца моего, судьба сестры моей требовали сей жертвы, и я не замешкался решиться на ходатайство. При первом после того свидании с Мамоновым я попросил у него минут пять частной поговорки; он меня отвел в свой кабинет; я ему сказал, в чем дело; он чрезвычайно охотно за это взялся, и ответ его я до сих пор помню: «Поверьте мне, что я не вас одолжаю, а себе вмению в честь все, что можно будет мне сделать к удовольствию вашему, и теперь тем охотнее исполню твою просьбу, что я сам долго был унтер-офицером гвардии и знаю, как неприятно таскать кожаный темляк¹⁵: считайте на меня, это дело сделано». Сей ответ сообщил я батюшке, в надежде, что зять скоро будет пожалован, свадьба отсрочилась до офицерского чина. Спустя месяц, видя, что нет успеха, я опять нашел случай повторить мою просьбу Мамонову, опять те же ласки, то же пожатие руки, никакой перемены в наружном обращении со мной и вторичное обещание непременно чин офицерский выпросить Ефимовскому к коронации, то есть к 22-му сентября, а это было в половине месяца. Ждать не долго, думал я, посмотрим, что будет. 22-е наступило. Ничего не вышло. Я собираюсь к фавориту идти с новой и последней моей доукой, но, к удивлению моему, встречаю его во дворце, и он уже меня не узнает, мне не кланяется. Я поражен был, как громом. С тех пор нога моя не была у него, и я сведал после, что сделан был реестр, кого к нему принимать, в котором моего имени не выставлено. Так кончились мои отношения с сим высокомерным честолюбцем. Он упал скоро и сам, и больно расшибся, доживал век в Москве, брошен всеми, запершись один с женой, которая была несчастлива и опередила его в вечность. Он умер, не быв никем оплакан, и вся его слава, как дым, исчезла. Я долго думал о странной перемене его со мной и, кажется, не ошибся в следующем заключении. Мамонов, будучи очень горд, почитал для себя высочайшим трофеем заставить дядю моего ходить к себе, и зная, что он непременно участвует в судьбе будущего своего племянника, а моего зятя, не думал ли он вынудить его просить себя об нем и через то достигнуть своей цели, чтоб видеть прежнего своего благодетеля наряду со всеми в своей прихожей? Такое скаредное побуждение достойно было гнилого сердца Мамонова, но дядя мой устоял и к Мамонову не ходил, а между тем другими легчайшими средствами зять мой в тот же год, по докладу Измайловского полка, произведен в офицеры генваря 1-го (см. Арбе[нев]). Вот картина моей связи с Мамоновым, в которой я играл роль, очень похожую на юного Филибера, каков он изображен в переведенном мной романе сочинения г. Коцебу. Сколько подобных ложных друзей мы приобретаем в молодости, прежде нежели доищемся одного надежно-го, на которого можно положиться и любить без боязни и обмана?

ТУТОЛМИН

24. Тимофей Иванович. Главнокомандующий Москвою. Муж деятельный, умный, тонкий и самого благосклонного со всеми обращения. Во время повсеместного ополчения он назначен областным начальником нескольких сопредельных с столицей губерний, в том числе и Владимирской. По сему обстоятельству я попал под его начальство и вошел с ним в непосредственное по делам службы отношение: кроме признательности чистосердечной за хорошие его со мной поступки, я обязан ему и той справедливостью, что он готов был оказывать всякие услуги всем чинам, от него зависящим. Сие добродушное свойство его я испытал на себе опытом весьма замечательным. Многие гг. губернаторы, бывшие тогда, наравне со мной, под его управлением, пожалованы орденом Св. Анны за скорое сооружение милиции: некоторые из них были меня моложе в чинах и должности. Это побудило меня отнестись всю неудачу трудов моих к Тутолмину, к которому я, не чинясь, написал довольно жаркое письмо; он отвечал мне на оное коротко и скромно, приложив копию с двух представленных от него к государю обо мне самых лестных рекомендаций гораздо прежде прочих, а в то время, не упомянув мне об оных, вынужден был письмом моим, в оправдание его обо мне попечения, дать мне об них знать, дабы я не относил к нему огорчений моих по службе и искал причины их выше его. Я так был тронут сим благородным и нежным его со мной поступком, что, устыдясь моей горячности, просил у него извинения в моей подозрительной запальчивости и остался ему навсегда благодарным. Не всякий начальник так кротко примет укоризну, да еще и несправедливую, от лица подчиненного! Это возвысило чрезвычайно цену его в глазах моих, и я помянутое письмо, со всеми приложениями, храню у себя доныне, дабы, прочитывая его иногда, не забывать тех чувств благодарности, коим я памяти его обязан и за пределом гроба; ибо уже его не было на свете, когда я сие писал.

КОКОШКИН

25. День тяжкий и обременительный для совести моей, который желал бы исключить из жизни, или забыть о нем навсегда. Отношения мои с тем лицом, которое привожу сегодня на память, покажут причину сего предисловия.

Дмитрий Федорович. Их было несколько братьев, но я особенно был свычен с этим. Мы служили в одном полку, и склонность взаимная к театру сделала нас короткими приятелями. Мы несколько зим сряду играли в доме Апраксина¹⁶, где особенно весело проводили время. Каждый день тогдашний стоил многих лет в другом положении; я прямо наслаждался жизнью. Кокошкин играл уже мастерски, а я еще приучался к этому ремеслу. После мы с ним встречались в Петербурге и вместе отправили поход в Финляндию. Он служил у меня в роте капитан-поручиком. Никогда не забуду несчастного случая, который и доныне в старости моей сильно на меня действует. Солдаты наши ходили к маймисту¹⁷ красть свиней: их поймали; они, чтоб оправдаться, схватили хворого калеку, старосту церковного, и, приведя к нам, доносили, что этот старик подходил с двумя гуса-

рами шведскими к нашим форпостам и что они, как подводчики шпионов его, успели одного поймать и привели в роту, а мнимые гусары разбежались. Бог на ту пору отнял весь разум у меня и у Кokoшкина; мы старшие были офицеры в роте, я ею командовал. Мы не разобрали, что шведам еще неоткуда взяться; ибо мы стояли в ожидании весны на квартирах в своей земле и далеко от границы. Поверя доносу солдат, начали калеку допрашивать; он не разумел нас, а мы его: это усилило наше глупое подозрение. Мы уверились, что он притворяется и точно шпион: обыкновенный способ у военного человека допытываться истины, фуктель! Мы ему вlepили несколько ударов, и скорбный наш старик страдал, а не мог ни в чем признаться. Мы его отправили в главную баталионную квартиру; там, в том же расположении духа, его еще допрашивали, еще били, и, словом, бедный староста церковный несколько дней похворал и Богу душу отдал. Я доныне не могу этого случая вспомнить без того, чтоб вся внутренность моя не содрогнулась. Какому пагубному и сумасбродному заблуждению мы совесть нашу отдали на жертву! И если Бог всеблагий, видя наше раскаяние, простил нам сей грех неведения, то сам я, доколе поживу на свете, могу ли примириться с собою и извинить такой поступок? Вскоре после кампании Дмитрий Федорович приехал в Москву и захворал: у него сделалась ломота в руке, долго его лечили, вынимали кости, он томился и наконец умер. Незадолго пред кончиною, навещая его с искренним участием в его положении, он, вздохнувши крепко, сказал мне: «Помнишь ли, Долгорукой, маймиста?» Это слово проникло в глубину сердца моего. Подлинно, по стечению странному случаев, та самая рука у него была больна, которой он тогда помянутому маймисту прижигал бороду и кричал: «Присыпьте ему, присыпьте!» Все это происходило от остервенения, которое почитали мы истинным геройством, не понимая сами прямых его побуждений. Потеря Кokoшкина для меня была чувствительна, мы очень свыклись и сходны были во многих свойствах характерных. С прочими братьями его я был не так знаком, хотя в одно и то же время брат его старший, Александр, служивший со мной вместе полковым адъютантом, и вседневно был со мной в отношении по службе, но между им и Дмитриевым большая была разница во всем, и потому мы никакой связи не имели. Под старостью ознакомился я с меньшим его братом, Федором¹⁸, словесником, актером, чтецом превосходным, и успел также с ним играть на театре. Он меня посещал с приязнью, читывал мои стихи в Обществе словесности, играл роль Радина в моей комедии «Дурылом»¹⁹ и тем даже украсил все мое сочинение; но из всего этого семейства я ни с одним братом не был так коротко знаком и искренно дружен, как с Дмитрием, которого имя сохранится в памяти моей навсегда.

ЦВЕТАЕВ

26. Алексей Алексеевич. Молодой человек, который жил у меня в доме и в Пензе и в Володимире. Там он был сперва моим секретарем, потом винным приставом, а здесь секретарем же и после директором училищ. В Соляной конторе служил при мне столоначальником. Он ко мне был очень привязан. Отец его, наш приходский священник в Москве; у него только было два сына: Алексей по

службе везде путешествовал со мною, и чрез долгое время я в нем имел хороше-го сотрудника в делах царских и сотоварища в моей домашней жизни, Брат его, Лев, также хорошо был воспитан, учился в Университете, ездил во Францию, и теперь Ст[атский] Совет[ник], профессор и кавалер; он обучал детей моих российской грамоте; и брат его большой, Алексей, также взят мною сначала из Университета и, дослужась чина над[ворного] совет[ника], сделался гипохондриком, почти помешался и в жалком состоянии умер. Памятный анекдот для меня в отношениях моих с ним тот, что когда я переезжал из Москвы в Володимир на житье, то он ехал со мной в коляске и был свидетелем один тогдашней неизреченной моей тоски, которая как бы предзнаменованьем была тех событий, кои меня проводили из Володимира. Подъезжая тогда к границе Московской губернии, я остановился, выскочил из коляски, поклонился до полу моей родине и взял кусок земли ее, которую положил в карман и с собой довез в Володимир. Один Алексей Цветаев это видел, и я не забуду никогда сего случая, следовательно, и того, при ком оный произошел. Тот же Цветаев, когда я удостоился звания почетного члена Университета, подносил мне диплом, сопровождаем будучи всеми чинами ученого сословия в Володимире. Минута торжественная для тщеславия, и которой я тогда наслаждался в полном избытке сего чувства!

МЕНЬШИКОВА

27. В это число батюшка продал дом свой на Тверской в 1784 году, в котором все чаще приходит мне на память Меньшикова, и об ней я говорить хочу.

Княжна Елена Петровна, внучатная сестра моя. Мать ее, урожденная кн[язиня] Долгорукая, была в короткой связи с нашим домом и, во время отлучки батюшкиной на службу в Петербург, езжала почти всякий вечер играть с матушкой в карты. Из двух ее дочерей меньшая, Елена, была отменно остра и затейлива; ей было тогда около четырнадцати лет, а мне лет осмнадцать²⁰. Ежедневное свидание, не сопровождаемое никаким другим рассеянием, скоро нас привязало друг к другу. Мы вместе привыкли бегать, играть, резвиться; от искры загорается пожар. Открылась между нами взаимная симпатия в чувствах, и скоро мы друг в друга влюбились. Это была, так сказать, моя страсть первоученика. Новы оба в чувстве любви, всякая малейшая ласковость казалась нам блаженством, и мы спешили им наслаждаться. Чтоб показать сколько хитрости бывает в умах незрелых нашего тогдашнего возраста, я скажу, что старшая сестра ее, Елизавета, полюбя меня без взаимности, ревновала к сестре своей, а поелику она была любимая дочь у матери, то наши свидания с Еленой зависели совершенно от меры влияния сестры ее на мать их, и потому мне надлежало очень много интриговать, дабы Елизавета, находя сама собственное удовольствие быть у нас, располагала к посещению сему мать свою; от сих перепутанных между нами интересов я принужден был каждый вечер жертвовать несколькими четвертьми часа на то, чтоб казаться влюбленным в Елизавету, и в уединенных с нею беседах получа честное слово, что она опять на завтра к нам будет, обращался к моему предмету, к Елене, в которую я влюблен был смертельно и украдкой срывал на устах ее жарчайшие поцелуи.

Чем больше тайны в любви, тем она пламеннее разгорается. Они бывали у нас каждый вечер, я хаживал к ним пешком по утрам: миллионы поцелуев принужденных с одной сестрою и сладострастных с другой, на которые всегда любовники минуто сыщут, так нас соединяли крепко, что я готов был, во что бы то ни стало, жениться на Елене. Итальянец, у которого я брал уроки нарочно для того, что он и Елену обучал по-итальянски, перенашивал от нас пламенные цыдулочки (см. лит. И.); все нас разжигало и очаровывало. Никто из наших родственников не примечал этого, и из доверенности к нашим ребячьим делам не имели ни малейшего подозрения ни мать их, ни моя. Интрига наша шла прекрасно. Вот что ее расстроило. Однажды случилось мне, стоя за стулом у Елены, когда она играла на фортепиано в общей гостиной, шепнуть ей, что я хочу на ней жениться. Она возразила со вздохом: «Нельзя, мы родня». – «Что за нужда, – отвечал я. – Примеры бывали: Орлов женился на двоюродной сестре своей». Мать, вошедшая в комнату так, что я этого не заметил, вслушалась в последние мои слова и потребовала изъяснения нашего разговора. Я признался в моей страсти. Мать увидела пропасть, в которую мы оба готовы были устремиться, поворотила все это в шутку, но приняла строгую осторожность в обращении дочерей ее со мною. Так разорвались, или только затруднились, наши свидания, но мы друг другу поклялись в верности непреодолимой. Скоро настало мне время отправиться в Питер к батюшке; он меня потребовал к себе. Я простился с Еленой, и в отчаянии поехал. Долго продолжалась между нами потаенная переписка. В доверенности нашей была меньшая сестра моя; Елена отдавала ей свои письма, а та их ко мне пересылала в своем пакете, адресуя, однако, на имя батюшки, который без всякого подозрения отдавал мне их не раскрывая. Много труда стоило нам это, потому что я боялся, с одной стороны, чтоб батюшка не узнал нашей интриги, с другой, чтоб не открыла ее в Москве Еленина сестра, поджигаемая ревностью, приметив из вышписанных происшествий, как она лукаво была обманута нами и далеко увлечена своим обольщением; однако письма наши шли порядочно одно другому навстречу, и я их набрал изрядное множество. Выдержавши с год постоянно роль любовника, я случайно отправлен был в Москву и предвкушал уже то удовольствие, которое меня ожидает в объятиях Елены. Я уже не мальчик, а офицер гвардии, видел свет, известен в нем; сколько, думал я, новых преимуществ будет охранять мое счастье. Увы! ошибся в расчете. Я еще не умел, судя сам по себе, отгадать, что наличные глаза могут быть милее отдаленного взора. Елена без меня вывезена в большой свет, начала казаться в собраниях. Будучи мила, заманчива и резва, скоро приучила слоняться за собой молодых людей, развернулось женское самолюбие, оно научило кокетству, и, словом, Елена моя уже другим пленялась, когда я в первый раз встретился на бале с нею в клобе: я скоро это заметил, приревновал, рассердился, грустил с неделю, и видя, что тоска моя уже не действует на ее сердце, захотел похвастать своими правилами и постоянством; выпросил у нее свиданье, в котором, после жаркого изъяснения, решились мы расстаться сердцами; я выпросил у нее позволение при ней сжечь все ее письма, на что она согласилась и возвратила мне мои, с моим портретом вместе, который я для нее украдкой списал за дозволено дорогую цену и подарил в табакерке под секретом. Все это мне возвра-

щено, как ненужные пожитки, и она с довольным равнодушием высмотрела *auto da fé*, который я произвел из ее переписки, заставляя ее, по ревнивому побуждению, тирански выслушать содержание каждого письма, прежде нежели оно кидалось в огонь. Таков был конец первой и самой пылкой моей страсти; я об ней доныне вспоминать не могу без восторга. Так как мы были в близком между собой родстве, то должны были и видаться, и часто быть вместе, но уже не прежнее было между нами обращение. Потом мы часто и надолго расставались, по несколько лет друг друга не видали; она была в чужих краях, долго жила сама собой, без матери, в полной своей воле, не выходя ни за кого замуж. Когда она жила на даче под Москвой, я у нее бывал, игрывал с ней комедию и, переставши быть любовниками, мы остались навсегда искренними друзьями. Исчезли наши восторги и место их заступила приязнь, которая продолжится, уповательно, между нами до последних наших дней. Она очень поздно вышла замуж, влюбясь в молодца прекрасного Неелова, который был ее моложе, и теперь живет с ним в Москве, не имея детей, одна своим домом. Ум никогда не стареется, и так она все еще мила и любезна, и мне кажется такой более других, по воспоминаниям нашей молодости. Елизавета вышла в мое время замуж, народила детей и умерла. Мать их давно скончалась. Я первые мои стихи посвящал Елене; в собрании моих сочинений есть очень много песен старинного вкуса и работы, которые точно ей принадлежали по обстоятельствам нашим на то время. Что может быть приятнее, как вспоминать и живо вообразить счастье юных дней нашей жизни? В них-то и самая жизнь настоящая; они ее скрашивают, и в морщинах старости играет улыбка, когда вспомнишь первый огонь страстей своих! Так точно и я становлюсь из угрюмого человека приятным собеседником, когда встречаю взор той, которая некогда столь волшебным образом наполняла все бытие мое собою.

ЕВГЕНИЙ

28. Архиерей Курский и Белгородский. Человек достойнейший в своем звании, ума просвещенного, нрава чувствительного. Я весьма случайно с ним ознакомился: он сочинил проповедь и произнес ее над гробом митрополита Платона в день похорон его. Проповедь была хороша, но забыта частью от зависти, а больше по смутным обстоятельствам того времени. Год спустя эта предика²¹ попала в мои руки, я ее прочел с удовольствием и, уважая память Платона, хлопотал о напечатании ее, в чем и успел²². Это положило начало нашему знакомству с Евгением. Он был тогда архимандритом и гоним высшими властями; признательность его ко мне усилила нашу связь. Мы стали часто видаться, беседовать о многом, узнали друг друга короче и нашлись в приятном взаимном отношении. Участь его скоро улучшилась, достоинства сделались виднее, наконец он посвящен в епископы и нимало не кичился такой благоприятной переменой в судьбе его. Знакомство наше продолжается и поныне, и я нередко с ним переписываюсь; письма его все наполнены живости, огня и чувствительности: в них видна вся душа его, как в чистом зеркале, и такие пастыри, каков он, редко водятся в нашей Иерархии.

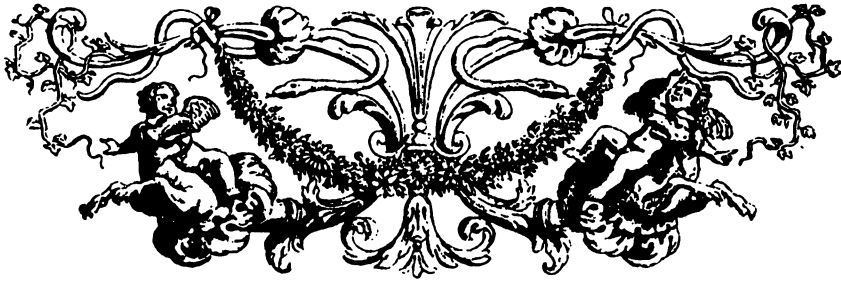
ОДОЕВСКИЕ

29. Две княжны, дочери князь Александра Ивановича и внучки родные по матери нашего командира, старика Вадковского. Будучи офицером гвардии, я к ним был въезж в дом и принят на приятельской ноге. Княжны были молоды, умны и пригожи. Сколько причин привязаться к их обществу! Я и не урежал²³ в оном. После осиротевши, когда мать их скончалась, государь Павел, из особенного благоволения к их дяде и своему любимцу, пригласил их на житье в Павловское. Там и в Гатчине я пользовался их знакомством, но никогда не был влюблен ни в ту, ни в другую, хотя старшая была прекрасна собой, меньшая гораздо острее. То время есть благополучнейшая эпоха в моей жизни; все, с кем я был тогда знаком, живут и будут вечно жить в памяти моей. Одоевские имели на то сугубое право, потому что дед их был нашего полка начальник, они жили в оном, и я также, следовательно, все способствовало приятному между нами отношению. Соскучусь ли бывало один дома? Куда деваться? Бегу к Одоевским. Грустно ли станет о чем? Где рассеять мрачные мысли? Опять к Одоевским. Женясь на Смирной, я и ее с ними ознакомил: они часто к нам езжали проводить вечера; игры, резвости и пляски оживотворяли сии невинные круговеньки, и они часто мне на память приходят.

ЛОПУХИНА

30. Дарья Николаевна, родня моя по муже. Она Павлова по себе, богатая наследница, и вышла за богатого же брата моего внучатного, Лопухина, которого я, будучи еще сущим ребенком, лет пяти, вместе с сестрой его, таким же младенцем, крестил, и потому жена его всегда шутя называла меня своим свекром. Говоря об ней, ничего более припомнить нельзя; дама умная, пышная, всегда хорошо с нами обходилась, давала пиры и на все нас приглашала. Самым дружелюбным родственным образом; при помолвке дочери моей подарила ей прекраснейшее блондовое платье²⁴, ценимое в полторы тысячи рублей. Я всегда доволен был ее со мной обхождением; но значительнее того, что сказано выше, к повести моей об ней прибавить нечего, разве вспомнить, что я в ее доме видал всякую неделю целую зиму персидского посла, который, будучи в Москве, езжал к ней на балы и всем дал разглядеть свои ожерелья алмазные и густую азиатскую бороду.

МАЙ

ФИЛАДЕЛФИ

1. Иностранец, памятный мне навсегда, потому что в самом здоровом состоянии тела заставил меня испытать все страдания, предвещающие смерть. Вот как это случилось: он снимал с природы лепные бюсты и мастерски их отработывал; появясь в Володимире, дал мне идею сделать мою куклу. Я согласился и позволил. Он не хотел при сей операции иметь свидетелей, но добрый мой Венц, наставник детей моих, хотел непременно быть тут при мне, и за эту осторожность я весьма ему был благодарен. День назначен, явился Филадельфи ко мне в кабинет, в вечеру, в прекрасный летний день; раствор алебастровый принесен в корыте, я посажен в те самые большие кресла, на которых скончалась жена моя. От шеи до ног завязан простынями, и началась штукатурка живого человека. Он не догадался для воздуха дать мне в рот соломенку, а мне это и в голову не вошло; начал кидать мне в лицо теплый алебастр, которого теплота доставляла мне сперва приятные ощущения, но по мере, как состав высыхал, чувствовал себя как бы засыпанного землею, залепил он мне все отверстия, глаза, уши, рот, оставляя нос для воздуха, но как и тот начал замыкаться известкой, то я, теряя постепенно воздух, начал ныть и дергать ногами. Тут италиянец тотчас разрезал со лба корку, и отвалилась вся моя харя мгновенно, минуту позже, и я бы задохнулся. Я этого опыта никогда не забуду. Подлинник, лицо мое вылилось отменно схоже, да и как иначе быть? Вся натура напечаталась на алебастре, после он выработал и образовал полную статую во весь рост, совершенно близко изображавшую меня, так что многие по ночам ее пугались, особенно когда я приказывал ее выставить или в домашний театр, в свою ложу, вместо себя, во время зрелища, или на бале, в зале, танцуя и проводя даму мимо моего истукана, сидящего на креслах. Многие, вместо меня, кланялись ему, а иные, находя что-то мертвенное, боялись и входить в ту комнату при освещении вечернем. Я отдал эту статую в гимназию после себя, и так как обыкновенно водится с людьми, вышедшими из моды, ее, по отставке моей, бросили, обломали, и теперь не осталось ни крошки, а я заплатил тогда на отделку ее сто рублей г. Филадельфию и смело отвечаю, что сам бы не взял тысячи с художника за то, чтоб в другой раз выдержать такую же с ним аудиенцию⁴. Долго после оной я был в страхе, чтоб не потерять зрения: ибо,

для скорейшего отъема с лица маски, надобно было ресницы и брови смазать маслом, и употребили на это какое-то самое душистое и сильное, только суток двое после от него у меня глаза горели, и я ощущал в них резь, от которой боялся, что и лекаря меня не освободят, но все прошло благополучно, и Филадельфи был в торжестве, что так удачно представил меня в кумире.

ПРОТАСОВА

2. Настасья Яковлевна. Старинная знакомка и друг покойной матери моей. Из всех давних отношений нашего дома ни одно так постоянно не сохранилось, как знакомство мое с ней. Я ее видел в нашем доме будучи ребенком, будучи взрослым человеком, женатым мужем, наконец сам приближась к старости, и всегда с тою же приятностью она нас посещает, как при родителях моих, так и после них. Нет в доме нашем никакого события, в котором бы она не приняла участия; нет званого пира, на который бы я ее не пригласил к себе; всегда с ближайшими родственниками она на равне принята в нашем семействе, хотя вовсе нам не своя по родству, и такое обращение ее с нами, вольное, радушное, искреннее, дает ей полное право на признательность всего нашего семейства, которую мы до сих пор ей оказываем и нарушить во всю жизнь ее не намерен. Признаться должно, что подобные симпатические связи, основанные на одном взаимном доверии и чистосердечной приятности, в нашем веке так редки, что заслуживают остаться навсегда памятными, как чудные явления нравственного общежития.

ВОЛКОНСКИЙ

3. Сегодня некогда помолвлена сестра моя, Анна, за гр[афа] Ефимовского. Сие приводит мне на память прежнего ее обожателя, князя Михайла Николаевича. Товарищ и друг лет моих! Он был влюблен в среднюю сестру мою, Анну, искал ее руки, но, будучи не богат, сестра моя также, родители наши не могли на брак сей согласиться; и так знакомство наше осталось, вместо родства, одной приятностью, которая донныне между нами сохранилась. Сколько приятных дней, недель целых, я воспоминаю во время нашей связи! Он был с нами ежедневно, мы езжали вместе в подмосковную, зажигали фейерверки, делали всякие детские шалости, хаживали в одноцветных фраках, словом, были каждый про себя настоящие Филиберы сочинения г. Коцебу. Время истребило сию короткость, но кто не признается, что воспоминание ребячьих наших годов всегда приятны, и кто под старость не мурлычал:

Des simples jeux de son enfance,
Heureux qui se souvient long temps!*

* Счастлив, кто долго помнит
Простые игры детских лет (фр.).

ГРАФ СКАВРОНСКИЙ

4. Павел Мартынович, сын родной сестры матери моей, следовательно, брат мой двоюродный. Я о нем уже говорил под статьею жены его, графини Литта (см. лит. Л.). Он открыл мне дорогу вступить в гвардию, и тем начал с выгодою службу, я ему и благорасположению его родственному ко мне обязан счастливым началом судьбы моей. Мать его была статс-дама; замужство ее за гр[афа] Скавронского доставило ей сие знаменитое отличие, из уважения к родству ее с императрицей Елизаветой; она тогда же пожаловала ей свой портрет. Связи между ею и матерью моей никакой не было, да и не могло быть, потому что графиня всю жизнь свою провела в чужих краях, где и скончалась, а когда, по случаю женитьбы сына своего, приезжала в Россию и была несколько времени в Москве, то обходилась с нами ласково и дружелюбно. В Петербурге живучи, я очень часто был в ее доме; сын женатый жил с нею вместе. Я не могу довольно нахвалиться ласковым обращением его со мною. Но судьбы наши так были различны, что я не мог теснее с ним связать знакомства, потому что он скоро попал в министры и в Неаполе умер. По переводу моему в гвардию, о котором он так деятельно и усердно старался, я должен его считать в том малом числе людей, которые лично мне оказали существенное благодеяние, и всегда с живейшею благодарностью вспомню о нем, наипаче в этот день; ибо сего числа отдан был в Семеновский полк приказ о пожаловании меня в оный в прапорщики.

ВОЛКОВА

5. Прасковья Воиновна. Что называется удалая барыня. Муж ее был статский советник; они жили, как кошка с собакой, но для взрослых дочерей ловили женихов и давали иногда вечеринки с танцами. С первых дней моего приезда в Петербург, не ознакомься еще в большом свете, я искал забав в среднем дворянстве и попал к ней в дом; она жила в Коломне: тут я танцывал, резвился, играл в фанты, и г-жа Волкова меня очень заманивала, но я, кроме смеху и забав, ничего у нее не искал. Однажды, просидя у нее на бале часов до двух за полночь, вздумалось ей погулять на заре по набережной. Несколькo нашей брати взьялись ей сопутствовать. Мы встретили солнечный восход на Неве и, возвращаясь домой, почувствовали, по некоторым признакам, что прогулка ее не сойдет ей благополучно с рук: ворота были заперты на крюк, насилу мы достучались; сторож впустил ее с дочерью, а нам прихлопнули ворота; мы сели по своим каретам и еще не успели отъехать, как услышали, что угрюмый ст[атский] совет[ник] г. Волков, который уже выспался, встретил сожительницу свою нагайкой, и по крику ее оставалось нам отгадывать, что вступить за нее опасно. И так я уехал домой, и с тех пор не бывал в ее доме, который почитал самым низким и невыгодным знакомством для молодого благовоспитанного человека.

БЕРХОВА

6. Александра Ивановна. Милая и пригожая девушка. Их было две сестры, они жили с матерью, женщиной весьма простой. Я с ними ознакомился в Володимире: они обе, особенно Александра, составляли красу и прелесть наших ба-лов; без них не было удовольствия, ни забавы. Все тамошние молодые и даже по-жилые люди около их увивались. Дом их стоял на горе, называемой Студеной; я прозвал ее Золотой, и, по стечению беспрестанному к ней волокит, я выпустил в шутку, что у них Златогорский комитет. Эта шутка их не оскорбляла; напротив, они сами тому смеивались, и в течение десяти лет, кои я провел в Володимире, Златогорский комитет имел важное место в моих отношениях к тамошнему обществу и людям.

ТРУБЕЦКОЙ

7. Сергей Никитич, отставной генерал-поручик. Ничье лицо меня так не пора-жало в публике, как физиогномия этого князя; он имел в чертах ее ближайшее сходство с отцом моим. В ребячестве еще моем мимо ушей часто проходило, буд-то бы на это была и натуральная причина, приписанная деду моему; но не пото-му я здесь помещаю имя кн[язя] Трубецкого, а для того, что он напоминает мне странную и романическую мою поездку в Нарву. Влюбясь в Щербатову, и не-удачно, я рассудил протрястись в кибитке, чтоб утолить волнения сердца, или, лучше сказать, кипучей крови; на сей конец я бросился на перекидной в Нарву посмотреть города и тамошних порогов. Приехавши туда, нашел кн[язя] Трубец-кого, которому, по каким-то политическим причинам, велено было там жить. Он первый посетил меня и, узнавши сентиментальную причину моего набега, был так вежлив, что возил меня по всему городу, все в нем любопытное показал, и, проведя с ним там сутки, я в той же телеге, на перекладных, возвратился домой. И так, вспоминая Щербатову, я вспомню тотчас Нарву, а с Нарвой вместе и князь Сергей Никитич является моему воображению, в котором беспрестанно меняется фантазмагория разных лиц, с коими я был в связи по свету.

СОВЕРЕ

8. Кого приличнее вспомню, как не его в день моих именин? Monsieur Sauveré. Лучший мой учитель и наставник, которому я обязан моим воспитанием, образованием и познаниями. Он был езуит французской породы, но, по изгнании этого Ордена, служил в Гишпании и пользовался мундиром с позументом на кам-золе, по которому в тогдашнее время уподоблялся штаб-офицеру российской службы. До него в нашем доме было два учителя, но об них пространно говорить не стоит труда. Первый оказался пьяница и прожил только неделю, его звали la Bourdonné, другой, Mr. Roullé, прожил года два в самое смутное время, когда ба-тюшка с матушкой были в Петербурге и возили туда большую сестру, а мы од-ни меньшие дети оставались в Москве, которая приведена была тогда в волнение

набегами Пугачева². Как скоро воротились наши и столица успокоилась, батюшка, увидев, что Рулле мало приносил мне пользы, отпустил его, и я попал на руки г-ну Совере. Он прожил в нашем доме семь лет. В течение их подбили его Трубецкие, он отошел было к ним, но с чистым раскаянием в этом поступке опять скоро воротился в наш дом. Кончив мое воспитание, он сел на корабль и отправился в свою родину, где несчастным образом погиб во время революции. Он умел меня к себе привязать; я любил его и боялся; он обучал меня по-латыни и прекрасно знал этот древний язык. Когда я записан был в Университет для профессорских лекций, ему дозволено было быть при слушании их со мною. Мы вместе туда езжали, и, воротясь домой, он проходил опять снова со мной те же лекции и протолковывал мне их. Отец бы не мог тщательнее воспитывать сына, как Совере обучал меня. Я до конца дней моих обязан помнить об нем с благодарностию. Он наконец сделался не наемником, а домашним нашим человеком. С ним уже не было рады, отец мой отлично его естимовал³, и он не имел ни в чем у нас отказа. По милости его я выучился по-латыни, что доставило мне способ чрезвычайно хорошо узнать французский язык, и, словом, всеми познаниями, какие я приобрел в юности моей, обязан я единственно г. Совере, которого память осталась для меня навсегда почтенна. Можно смело сказать, что подобных иностранцев, с его достоинством и учением, не скоро ныне отыщешь в России, даже и за самую высокую плату. Совере и теперь воспоминается с похвалой от всех тех, кои его знали.

ЗАГОСКИНЫ

9. Наталья Михайловна. Женщина милая и почтенная. Я познакомился с ней в Пензе. Она была по себе Мартынова и замужем за Николаем Михайловичем Загоскиным. Во время нашего житья в тамошней губернии она всех более снискала любовь жены моей и близка была к ней. Симпатия соединила сих двух женщин узлом искреннего дружелюбия; они взаимно друг друга уважали и заслуживали обе всеобщее почтение. Г-жа Загоскина была собой не красавица, но имела все те дары и свойства природы, которыми мужчины пленяются преимущественно. Пылкий характер, ум здравый и обработанный собственными навыками более, нежели книгами, приятное обращение, ловкая поступь и наружность заманчивая, все это влекло меня к ней чрезвычайно; я сделался коротким приятелем всего ее дома, а по ней и всего семейства добрых стариков Мартыновых, ее родственников, в разном степени и звании, ибо отец ее был женат на трех женах и от всех имел детей. У них была деревня в двадцати пяти верстах от Пензы, по имени Рамзай; я туда ездил всякую неделю, на все свободные дни от службы; там, в сельской простоте, я находил неизъяснимую прелесть в сообществе Натальи Михайловны и откровенно всегда с ней обращался. Она часто бранивала меня за мою ветреность и легкомыслие, но из любви к жене моей никогда меня не отгоняла от себя. Привыкнувши запросто с ней обходиться, я не смел ей сделать никакой доверенности, оскорбительной для ее самолюбия; она строго чтילה обязанности свои и сохраняла их ненарушимо во всякое время. Я столько почитал ее и боялся, что не смел в нее влюбиться, а приучил себя быть ее другом и старал-

ся заслужить то же название себе. Милая женщина! Я тебя никогда не забуду! Сколько случаев представляется мне на мысль таких, кои заставляют меня быть ей преданным, благодарным, обязанным. К оправданию сих громких слов приведу два примера. Когда Павел I меня отставил, а жена поскакала в Петербург, я с сестрой моей должен был переезжать в Москву, она, узнавши, что я поражен своими обстоятельствами и худо их переношу, решила, несмотря на молву, которая преследовала ее, желая очернить самую цену подвига, решила проводить нас до Москвы, и, к облегчению тоски моей, выдержала зимой самое неприятное и дальнее путешествие. Всякий ли другой это сделает? Потом, как жена моя в Володимире была при смерти больна и пожелала иметь при себе простую крестьянскую девку, которая бы за ней ходила, Наталья Михайловна, узнавши о том, тотчас ее прислала. Не грех ли забывать подобные услуги, особенно когда одна чистейшая дружба к ним располагает? Теперь, когда мы уже совсем не видимся, живучи всегда в разлуке, и по смерти жены моей, Евгении, я вдвое более люблю ее за то, что она умела ценить жену мою, умела сделаться ей хорошей приятельницей и до сих пор помнит об ней со слезами. Как приятно было мне видеть самое верное тому доказательство в последнее мое у них посещение. Скоро по смерти матери моей домашние обстоятельства заставили меня ехать в свое нижегородское имение; побывавши там, я рассудил съездить в Пензу, повидаться со всеми старыми моими знакомыми, а наипаче хотел посетить дома Струйских и Загоскиных и показать им на деле, что я люблю помнить друзей моих; со мною ездил туда жена моя нынешняя и дети. Мы были опять в Рамзае и прожили там с неделю, а дабы яснее еще доказать, что я этот путь предпринимал нарочно для Нат[альи] Мих[айловны], я не заезжал в Пензу, несмотря на близость расстояния, и прямо из Рамзая поехал домой в Москву. С каким восхищением я нашел там в новом доме, прекрасном саду и между предметами, мне вовсе не знакомыми, на каждом шагу что-либо напоминающее мне Евгению! Там ее портрет, тут ее вензель; Нат[алья] Мих[айловна] сохранила многие ее письма к ней, и я их перечитывал с удовольствием. С какими умиленными слезами я орошал каждодневно по утру темный свод акациев в сгущенном лабиринте, под которым посвящена была Евгении печальная урна, окруженная ее любимыми полевыми цветами! Долго хозяйка скрывала от глаз моих тропу, ведущую к сему пустынному памятнику. Она не для хвастовства его соорудила, но желала удовлетворить своему сильному чувству любви к бесподобной ее подруге; я напал на тайную стезю сию, сердце мое проводило меня к урне, и я каждое утро приходил обнять ее и поплакать. Подобные жертвы никогда не забываются. Там, в моих вечерних прогулках по рощам и полям, я сложил стихи, кои напечатаны в книгах моих под названием «Воспоминания в Рамзае»⁴. Скоро после сей новой разлуки с хозяевами оного я прислал Нат[алье] Мих[айловне] список с последнего миниатюрного портрета покойной жены моей, который она бережет, как редкое сокровище, и я, не обижая никого, могу сказать, что едва есть ли теперь между современницами Евгении женщина, которая бы осталась так привязана к ней, как г-жа Загоскина. Я не стану здесь говорить ни о муже ее, ни о детях: все они милы мне, потому что принадлежат ей. Из всех отношений случайных, коими я тетрадь сию наполняю, почти нет ни одного, которое бы я напоминал с таким удовольствием, как знакомство мое с Нат[альей] Мих[айловной]. Так! Я никогда

гда и нигде ее не забуду! Всегда и везде мысль моя представит мне с восхищением Рамзай, место, наполненное для меня приятнейших событий и воспоминаний.

Как часто я воображаю тот день моих именин, который мы решились проводить своими двумя семьями на большой дороге, между Пензой и Рамзаем, завтракали дома, обедали в осьми верстах от города, под шатром и с пушечной пальбой; полдничали в пятнадцати верстах под другим наметом с роговою музыкою, а к ужину доехали в Рамзай, где крестьянские хороводы довершили празднество дня. В каком городе так просто и весело расположим и проведем время? Театр природы самое лучшее место для всякого торжества и приязни!

СПЕРАНСКИЙ

10. Михайла Михайлович, человек с превосходными дарованиями, выродок, можно сказать, в своей сфере. Хотя отношения мои с ним были весьма случайные и непостоянны, но приятно вспомнить и самые кратчайшие минуты, в кои мы сближаемся с гением. Я осмелюсь назвать его таким по высоким его талантам и чрезвычайной судьбе его. Он родился от попа, учился в Владимирской семинарии, взят в учителя в Академию духовную петербургскую, вступил в гражданскую службу и, происходя чинами, дошел до тайного советника, получил Александровский орден, был довереннейшим секретарем государя и первым его любимцем, без всякой протекции, собственными своими трудами, которых не могли очернить ни зависть врагов его, ни сила боярская; несчастье постигло его в годину испытательную для России, когда Наполеон шел громить ее. Сперанский подозрен публикой в измене, предан в жертву рока, схвачен нечаянно в доме, увезен в кибитке в Нижний, потом далее, в Пермь. Война кончилась. Сперанский паки в службу возвращается губернатором в Пензу, а теперь уже и всей Сибири генерал-губернатор. Вот краткая история его повышения. Он был при первом министре, графе Кочубее, правителем всех дел его по внутренней части империи, и тогда-то я имел случай с ним ознакомиться. Он всегда принимал меня ласково, обращался со мной отменно приятно, беседовал со мной без чванства и надменности и с довольной иногда откровенностью писывал ко мне слогом благоприятным. Я не могу пожаловаться, чтоб во все время его влияния на мою должность я получил от него именно какую-либо неприятность. Я не забуду никогда последней минуты моего с ним свидания. Это было за день до его ссылки и за два до моей отставки. Он не хотел верить тому, что я без суда выгоняюсь из службы; я ему показывал письмо, которое побуждал меня подать государю Иуда-Балашов об отставке, и спрашивал его совета; он мне откровенно сказал, чтоб я этого не делал и не давал сам на себя орудия. Я его послушался. После разговора о стесненных моих обстоятельствах, с искренним участием прощаясь со мной, он меня обнял и сказал: «Мне все кажется, что я с вами не прощаюсь». Это были последние слова его разговора со мной глаз на глаз, и с тех пор мы уже не видались. Пусть люди судят его, как хотят; я не вхожу в те вещи, кои от меня сокрыты; чего не знаешь, о том и рассуждать не можно. Но, по всем явным поступкам Сперанского со мною, я всегда буду жалеть о нем, как о человеке, который мне не сделал никакого зла и не споспешествовал никому из тех, кои его со-

ставляли. Многие уверяли меня, что он обижался тайно поступком моим с владимирским попом, которого я за пьянство посадил на съезжую, а поелику он был ему близко свой, то будто бы он чужими средствами и силой за него мне мстил, стыдясь сам за попа вступиться, и по его ходатайству будто я был отставлен. Желаю остаться вечно в моем заблуждении и не верить сим внушениям; ибо нет ничего горестнее, как проникнуть такое низкое коварство в человеке, которого почитаешь выше всех, ему равных, и потому, не имея никаких причин усомниться в благорасположении ко мне Сперанского, я лучше хочу удивляться его дарованиям, нежели возненавидеть в нем врага, и при том столь подло вооружившегося на чиновника, бессильного противостать ему, каков был я, в сравнении звания его с моим и его силы с моим униженным положением.

АРСЕНЬЕВ

11. Александр Иванович. Действительный советник и член департамента уделов. Человек мрачный, напитанный мартинистским суеверием⁵ и ко всякой жестокости наклонный, а потому слыл человеком благочестивым и правосудным, ибо во времена императора Александра быть мистическим энтузиастом значило быть справедливым и честным. С сими понятиями наряжен был г. Арсеньев в Володимирскую губернию исследовать злоупотребления по лесной части, на кои дошел ко двору донос от сумасбродного морского офицера. Арсеньев принял за сие поручение с свойственным ему лукавством, преследовал жарким образом полицейских чиновников и в нелепых своих донесениях к министру, кн[язю] Куракину, писал, что Влад[имирское] губ[ернское] [правление] не покоряется законной власти и что в губернии истреблено лесу на несколько сот миллионов. Он доказывал, что Россия без флота от сего расхищения лесов, именно в Влад[имирской] губ[ернии], хотя ни одного не было в ней дерева, заклеянного морским правительством для корабельного строения. Если б его донесения были правдивы, то мало бы и Сибири для наказания за такое хищничество меня и всех моих подчиненных. Все сие он писал, обходясь со мной очень ласково и ведя со мной приятельскую хлеб-соль. Такая была мода! Я с успехом посылал на него возражения, ездил сам в Петербург, опрокинул все его злостные на меня лично рапорты и поворотил мнение властей в мою пользу. Министерство увидело ясно, что все его донесения дышали одной злобой, которая составляла основу его характера. Сколь ни счастливо для меня кончилось его пристрастное следствие, ибо, по окончании оною, я получил орден Св[ятыя] Анны первой степени, однако время его пребывания в Владимире было для меня тяжким испытанием, и память о нем твердо вкоренилась в моем воображении. Подобные искушения посылаются на нас Провидением, конечно, для улучшения наших сердец, и дабы мы чувствовали сильнее, что та же рука Божия, которая нас карает, та же одна и восставить нас может. Сколь ни отчаянны были мои надежды побороть Арсеньева, но Бог попустил его раздражением суетным исправить мое положение, и чем он злее вооружался против меня, тем сильнее защищали мою сторону те, кои знали истинные побуждения сего фанатика.

ДИМИТРИЙ СМИРНОЙ

Протопоп

12. Ужаснейший день в моей жизни! Я лишился жены, и сей убийственной минуты без содрогания и трепета не могу вспомнить. Тело ее является моему воображению окружено теми существами земными, кои ближе всех к ней стояли по природе, и о них только я помнить и говорить могу, доколе вид гроба ее поражать будет мысленные мои взоры.

Дмитрий Алексеевич, протоиерей кафедрального собора в Суздале. Человек умный и с большими познаниями, прекраснейший словесник, собеседник кроткий и утешительный. Я многократно, живши в Володимире, пользовался приятным его сообществом и с удовольствием читывал его проповеди. Они не одним слогом пленяли, но обильностью чувства. Я могу, не вдаваясь в крайнюю набожность, назвать его своим приятелем, не по сану, по которому многие становятся любезны суеверам, но по качествам души его и преданности ко мне. Посчастливилось мне как-то выходить ему знак отличия, скуфью^б, и он был так благодарен, что с тех пор, где бы я ни был, во всяком происшествии моего дома принимает участие и пишет ко мне при всяком удобном случае, он с готовностью непринужденной приезжал к нам в село освящать нашу церковь и совестился принять подарок. По прошествии года моему вдовству, он сам от себя сочинил и произнес, в архиерейском служении, проповедь в самый этот день, посему под сим числом и воспоминанию о нем преимущественно; сию проповедь я сохранил, как наилучший залог его ко мне и к покойной усердия. Повторю еще раз, что он благороднейших правил человек и что размножение таких священников было бы самый полезнейший труд наших духовных академий и истинный знак Божию к Церкви своей благоволения.

СМИРНАЯ

13. В сей и последующий день тело жены моей выставлено было и обливаемо слезами всех владимирских обывателей, кои любили ее, чтили, уважали. О ком же приличнее вспомнить, как не о той, от которой сия бесподобная женщина жизнь получила?

Авдотья Сергеевна. Мать первой жены моей. Женщина, о которой я вспоминаю всегда с искренной любовью и почтеньем. Она была бедна, сира, без воспитания, но одарена природным хорошим смыслом и добрыми качествами сердца; никакое иное отношение, как одна природа, не обязывала нас благоговеть пред ней; ибо жена моя, будучи взята от нее к двору лет четырех, совсем ее не знала и, как легко всякий может себе представить, получив светское воспитание, не могла ничего иметь с ней сходного. Мне приятно здесь показать ту сильную разницу, которая существует между нынешними и прежними нравами. Когда я сватался на Смирной, их высочества не хотели до тех пор дать своего соизволения на наш союз, доколе я не испросил одного от матери невесты. Ныне, конечно, этого бы не потребовали, ибо кто беден, тот теряет уже и самые права природы. Женившись на Евгении, я поехал с ней в Москву показать ее моим родным и по-

ставил себе в обязанность показать сам себя ее матери. Она жила у семнадцати душ крестьян в маленькой своей деревнишке, недалеко от почтовой станции на Петербургском тракте, именуемой Медное. Я завернул туда к ней с женою, свел дочь с матерью и прожил тут дни три. Старушка заставила нас помнить себя и почтительно с ней обращаться не модным каким-либо велеречием, а хорошими и искренними поступками, которыми совершенно приобрела наше сердце. Доколе жить буду, дотоле стану помнить Подзолото, убогую ее деревню, маленький дом ее, простой род жизни и непринужденную к нам ласковость. Чего она не делала, чтоб занять нас у себя, в те трое суток, кои мы у нее прожили? Потом она была и у нас, в Москве, где мы ее угостили с должным к ней уважением. Случалось ей бывать у нас и в Петербурге. Их высочества ее знали и жаловали; раза два платили за нее небольшие долги. Она ничем сим не возносилась, никогда не требовала лишнего, довольствовалась настоящим, и как скромно жила, так скромно и скончалась в той же деревне своей. Жена моя и я, мы искренно оплакали ее кончину, и теперь, когда все связи мои разрушены, не токмо с ней, но и с той, которая меня присоединила к ее семейству, я и теперь с удовольствием вспоминаю старушку и Подзолото ее, в котором неоднократно наслаждался истинным счастьем чувствительного сердца.

СМИРНОЙ

14. По завещанию жены моей тело ее до трех суток стояло в доме, и я продолжать стану беседу о ее сродниках, самую ближайшую к настоящим моим чувствам и воспоминаниям.

Савва Сергеевич. Старший брат жены моей. С ним я много разделил в жизни худого и доброго, и до самой смерти его ничто не нарушило нашей свички и приязни. Мы очень молоды были оба, когда сделались близкими родственниками. Он тогда служил винным приставом в Торжке и женат был на хитрой и проницательной женщине из рода Леонтьевых, которая не очень приятна была всему семейству, женщина, однако, с умом и воспитанием, недурна собой и еще молода. Савва был человек самый простой, добрый и откровенный. Мы очень хорошо с ним сошлись с самого начала нашего знакомства. Гражданская служба моя доставила мне приятный случай передвигать его из места в место, повышать из чина в чин. Проезжая через Володимир в Пензу, я нашел его тут расправным судьбою; скоро переведен он оттуда в Пензенскую губернию в городничие в Шешкеев, и стал жить к нам поближе. Это наше знакомство усилило. Из городничих я вытащил его в ассессоры в свою палату, где и дослужил с ним до самой отставки моей. Он в то время жил, со всей семьей своей, в нашем доме, и мы беспрестанно были вместе. Когда я вступил в Главную соляную контору, его перевели в Нижегородскую соляную же контору вторым членом; вышедши из оной в губернаторы в Володимир, я опять вспомнил Смирнова и выходил ему стряпческое место в Нижегородской губернии. Из сей должности он определен в прокуроры и, дослужась чина коллежского советника и ордена Владимирского, умер. Он мне был чрезвычайно предан и любил меня искренно; жил хорошо, любил людей и

всегда толкался в народе. Будучи уже в отставке, я приезжал в Нижний взглянуть на свое имение, которым он управлял со всевозможным рачением о выгодах наших. Он мне дал прекрасный пир, на котором мне было очень весело, и тем более, что я угощался у родного, который, без всякой примеси коварства, желал мне изъявить всю свою приязнь и благодарность. Проведя с лишком 20 лет в тесной связи между собою, нельзя, чтобы не было иногда и несогласия в мыслях и раздора в поступках, но никогда до ссоры не доходило, и мы всегда дружелюбно примирались. Из всех случаев, кои мне приходят на мысль касательно его, я часто вспоминаю, как забавно он получил Владимирский крест. Он приезжал хлопотать об нем в Питер, в одно время со мной, но мне тогда было худо; мне готовили отставку, и я уже не мог быть ему полезен. Министр юстиции, его начальник, был мой враг; он не взлюбил по мне и шурина моего, принял его сурово и выгнал почти из Питера. Скоро потом довелось мне у того же министра быть, и он, лукавствуя всячески, заговорил мне о шурине моем, извиняясь, что ежели он худо с ним обошелся, то от неведения, что он мне родня. Я стал просить об нем, и министр, усовестясь, посулил мне представить его к ордену, спрося наперед, тот ли это Смирной, которого он видал у меня, когда мы еще служили в одном полку? Я отгадал его ошибку, ибо он говорил о меньшем брате его, который служил кадетом в Измайловском полку и подлинно жил с нами, но, видя его расположение к благоговению, солгал, сказав: «Тот самый!» Это решило министра в его пользу, и с первой же почтой, вслед, так сказать, за ним, послал к нему орден Св[ятого] Владимира 4-й степени. Шурин мой, получа его, не знал, чему приписать такое счастье, ибо он уже об ордене и помышлять не смел, и недолго в нем пощеголял. Министр вывел его скоро из прокуроров в советники в Уголовную палату, место равное по классу, но низкое по уважению и средствам отличиться. Это сильно тронуло Смирнова, который перестал о себе радеть, впал в малодушие и, недолго томясь, скончался. Я об нем чистосердечно сожалел, потому что он был ко мне привязан и для пользы моей готов был бы принести всякую жертву. Редко сойдешься с таким роственником, хотя у каждого их много, но добрый родной такой плод в наши дни, которого никогда не выраешь.

АЛЕКСИЙ (МИРОНОСИЦКИЙ)

15. В этот день происходило некогда в Володимире торжественное отпевание тела жены моей, совершенное тамошним архиереем и воспрославленное проповедью означенного вития тамошней Епархии.

Алексий, священник у прихода Жен Мироносиц в Володимире. Умный и ученый муж, но не всегда осторожный в поведении: имя его пребудет незабвенно в памяти моей, потому что он обучал детей моих Закону, и при отпевании тела жены моей произнес над гробом ее красноречивое и умиленное Слово. Он сам скоро потом скончался. Проповедь его хранится у меня, как памятник пагубнейшей эпохи в моей жизни и его искреннего ко мне расположения, в честь которому записаны о нем здесь сии два слова.

СМИРНОЙ

16. В сей день отпетое тело жены моей везли в Москву, для погребения в Донской.

Владимир Сав[в]ич, племянник родной жены моей. Он при мне почти родился, и наконец я видел его женатым; малый острый, проворный, но по матери несколько трусоват; любил меня и готов был для меня все сделать. Некоторое время я был с ним в разладе, потому что он против воли отца женился, потерял прекраснейшую дорогу в службе: будучи адъютантом гвардии и в милости у государя; жениясь, он отставлен и переименован в коллежские секретари, но скоро вынырнул, и теперь, пользуясь прекрасным местом, уже надворный советник и кавалер. Потерявши молодую свою жену, с которой прижил несколько детей, он долго унывал, но опять принялся за труды и, снявши после отца своего мой завод на аренду, с пользою для себя курил на нем несколько лет вино. В счастья и злополучии он всегда был со мною одинаков. Отец, примирясь с ним, возвратил ему и мое расположение. Я не забуду особенных услуг, кои он мне оказывал, как я был болен ногами и недвижим в Нижнем; он мне отдал свой дом, не покидал меня, сзывал гостей нарочно для моей забавы, тешил меня, как ребенка, и мы у него тогда прожили месяца три на всем его коште. Этакой жертвы забыть я не должен, тем более, что он, имея небольшое состояние, всякую копейку приносил мне в жертву. Я откровенно должен сказать, что из всей приобретенной мною родни, по разным случаям и связям жизни, я редко находил таких приверженных к себе людей, каков был Владимир, отец его и все их собственное семейство, а потому я и мертвых помнить, и живых любить ставлю себе в совестную обязанность.

АЛФЕРОВА

17. Надежда Сергеевна, родная сестра первой жены моей; она воспитывалась с ней в одном Смольном монастыре, на казенном коште, и выпущена три года позже. По отъезде моем из Москвы в Пензу мы взяли ее с собой из тещино деревни, и там она, против воли нашей, несмотря ни на какие мои убеждения, вышла замуж за купца Алферова. Молодой, красивый малый, но дикарь, без всякого воспитания, медведь в человеческом кафтане; она польстилась на его богатство, надеялась управлять им и ошиблась во всех своих расчетах. Много слез и досад нанесла нам с женой эта свадьба, но не в силах наших было отклонить оную. Рок того желал и совершил. Алферов обходился с ней очень дурно, и даже жестоко; он ее запер, оторвал от общества и лишил здоровья. Недолго живши в таком мучительном состоянии, она оплакивала наконец горькими слезами свое заблуждение, скоро зачахла и скончалась бездетна. Жена моя убедила мать свою отдать ей в приданое единственную ее деревнишку Подзолowo, состоящую в двадцати двух душах в Тверской губернии. По счастью, Алферов не успел, сколько ни домогался, перекрепить ее за себя, и она по смерти ее поступила в раздел братьям. Другой поступок жены моей с ней, оказывающий великость души ее, был тот, что, несмотря на сопротивление ее сему браку, она имела твер-

дось сопровождать сестру к венцу и всеми наружными видами истинного сострадания закрыть от публики неравенство сестриного супружества, и извинить ее низкое малодушие. Я признаюсь, что не мог также себя выработать, и на пиршестве свадебное не показывался. С именем Надежды Сергеевны всегда связываться будет в мыслях моих память тех прискорбных минут, коими сия бедная жертва корыстолюбия наполнила некогда жизнь мою.

ГРЕЧИЩЕВ

18. Сегодня погребено тело покойной жены моей, и скрыто в землю до дня общего воскресения. Последнее приветствие духовное произнес над оным именуемый здесь священник.

Алексей Иванович, Протопоп Девичьего монастыря и отец наш духовный. Человек прекраснейшей нравственности и с основательным просвещением; он был друг нашего дома, и во всяком его событии принимал чувствительнейшее участие. Я лет двадцать был у него на духу, и признаться должен, что из всех людей его звания я никого в современниках его так не уважал, как его. Он хоронил моего отца, жену и старшую дочь. Перед концом матери моей приезжал к ней в деревню исповедать ее, там простудился и, воротясь в Москву, в первый день Святка, скончался. Мы всем домом об нем тужили. Он призван был совершить бракосочетание сестры моей меньшей, когда она шла за Селецкого; словом, не было праздника, ни печали в доме, в которых бы он не участвовал, как ближний. Тело его погребено в Девичьем монастыре и достойно неизгладимой нашей памяти. Во время бедствия Москвы он с геройским мужеством остался в ней, для сохранения обители, которой он был настоятелем. Жена его и дети отъезжали к нам в подмосковную и там нашли у матери моей надежное пристанище, а он, вытерпя разные искушения от врага, пребыл верен своему званию, своей обязанности, чести, совести и истине, видел пламя, пожравшее его жилище, и на развалинах его еще стоял за веру и церковь, которая доблестью его спасалась от хищничества и посрамления. Столь редкий подвиг доставил ему знаменитость между своей собратии и по смерти, память его увенчалась вечными похвалами.

ДМИТРИЕВ

19. Несмотря на то, что мне в этот день Бог даровал последний плод чрева жены моей, сына Рафаила, я больше с огорчением, нежели с радостью, вспоминаю оный, когда вообразу себя поутру в общем собрании Сената, поруганна неправосудным выговором от судей нечестивых. Обратимся к виновнику оногo и вспомним здесь имя его, с достодолжным к нему презрением.

Иван Иванович. Первое мое короткое знакомство в гвардии. Я его застал в ней унтер-офицером, а сам был уже офицером. Склонность к поэзии нас сблизила; мы оба принимались за стихи с робостью; он свои безделки читывал мне⁷, а я ему свои. Женившись и заведя свое хозяйство, я всех чаще проводил время с

ним. Он любил ходить ко мне без особенных приглашений и чинов, и мы, казалось, были хорошими приятелями. Я тогда сочинил к нему послание, которое ни в первом, ни во втором издании не было напечатано, а по переделке совсем заново оно появилось в третьем издании, под названием «Сослуживцу»⁸. Вышедши из гвардии, мы совсем расстались, и каждому из нас судьба проложила свою дорогу; он полетел в чины гражданские и при Александре сделался министром юстиции и большим барином, а я, протаскавшись в губерниях лет пятнадцать, возвратился на свое московское пепелище отставным губернатором. В сие продолжительное время удач Дмитриева он умел ковать железо, пока горячо, и совсем ко мне переменялся. Я бы простил ему холодность одну, но он, когда начинались у меня неприятности с правительством по службе, старался мне вредить, обходился со мной надменно и сурово, насмеивался над моим несчастьем и делал мне такие язвительные обиды, кои я вечно не забуду. Его коварными интригами я принужден был к публичному выговору, ибо он с умыслом повел дело так, чтобы оно могло достигнуть сей цели. Злословил меня явно и приватно, и наконец, приехавши из министров в отставку в Москву, искал снова сойтиться со мной, но я, испытывав в нем езуита и холодного эгоиста, уклонялся от него везде с большим старанием, и мы, из хороших друзей в юности, сделались, под старость, скрытыми ненавистниками друг друга. В моих сочинениях под именем «Песнь невинности», «Везет» и тех, кои напечатаны при переводе Филибера, я многие резкие места относил к нему и прямо бил в него, как в мишень. Он и в отставке был предметом царских щедрот, и с ним совершенно сбылась сия речь в одной его басне:

Он спит, а у него фортуна в головах.

И подлинно, он дошел до высших чинов в империи не столько трудами и службой, как беспрестанной отставкой; о нем я могу сказать, что он стихотворец чистый, приятный, мастерский, но никогда не назову его ни честным, то есть, по моему, праводушным, ни добрым человеком. Сух, холоден, важен и ко всему нечувствителен.

КАШИНЦОВ

20. Андрей Никанорович, отставной коллежский асессор. Я познакомился с ним в Володимире. Нас свел самый нечаянный случай. Он был ненавидим своей женой: та его обобрала, бросила и бежала из дому. Он завел с ней процесс, для которого я был ему нужен. Я с ним ознакомился, принял участие в неприятном его положении и всеми средствами старался быть ему полезным, сколько мог. Усердие мое вознаграждено было полной его ко мне доверенностью. Будучи богат, но скуп и своеволен, следовательно, утесняем часто алчностью судей и завистью соседей, он часто имел ко мне прибежище, и я в законных требованиях его не выдавал. Некоторые из его поселян вздумали бунтовать и отложиться от него; я деятельно за него вступился, и вследствие двух именных указов, на мое имя состоявшихся, которые не совсем были полезны помещику, успел дать такой оборот его делу, и так сильно поддержал поместное его право, что мужики усмирились и перестали его тревожить. Это мне стоило больших и неприятных хлопот. Между тем дети его росли и были свидетелями всех моих

поступков. Сына я записал в гражданскую службу, причислил к своей канцелярии и доставил ему офицерский чин. Таковы были мои заслуги их семейству. Оставил я губернию, принял ее родной брат жены Кащинцова, помянутой беглянки, и скоро потом старик умер. Губернатор, будучи дядя сирот его, взялся за них и за именье, выписал сестру свою, их мать, и хотел, введя ее во все права, уничтожить начатое мужем против нее уголовное дело. Дочь была уже не ребенок, а сын еще юн возрастом и умом. Собственный их человек, весьма проворный, управлял их имением и пользовался всегда неограниченной доверенностью их отца. Он тотчас смекнул делом, заметил, что Супонев, дядя малолетних, пожертвует всеми их выгодами пользам сестры своей, которая имела других детей от соблазнительного сожития с посторонним человеком, увидел необходимую нужду поставить против дяди такое лицо, которое могло бы с ним спорить. На сей конец он настроил малолетних избрать меня сперва в попечители, а потом и в опекуны. Дети прислали ко мне с эстафетой трогательнейшее письмо; я проник хитрую политику их служителя и готов был отказаться, но домашние мои, вияв одним чувствам сострадания к сиротам, убедили меня взять дела их в свое покровительство. Я согласился, а Супонев тотчас от них отстал и сделался им из родного чужим. О дочери говорено под нынешним замужним ее прозванием, а сын, Николаша, под надзором моим жил, учился и продолжал службу в Москве при Сенате. В юности он казался очень тих и скромн; никаких страстей в нем не было приметно, но как развернулся ус, то и нрав начал развертываться. Он оказался лукав и своеобычлив. Приспел срок его совершеннолетия законному. Он захотел скорей вступить в свои права и для этого не нашел лучших средств, как жениться на ком бы то ни было. Раз он мне в своем выборе открылся; я его не опробовал, и он, помолвя тихонько невесту, обманул, но в Москве скоро проведали, что он имеет хорошее состояние, уловили его в одном доме и при многих свидетелях помолвили. О сем новом замысле он мне ни слова не сказал и поступил весьма коварно. Я сведал, что он помолвлен по разосланным карточкам в городе с невестиной стороны, а как он еще был в опеке, и я формально от оной не уволен, то сей поступок меня тронул; я не хотел быть далее посмешищем такого мальчишки, разорвал с ним всякое знакомство и с тех пор перестал принимать его к себе в дом. Многие в городе думали, что я рассердился за то, что хотел упрочить его любой из дочерей моих, но он, будучи девятнадцати лет невступно⁹, не годился в мужа ни той, ни другой, как сущий ребенок. Да когда бы я имел правила, способные на такую затею, то мог бы точно также украдкой помолвить его на дочери моей, как с ним случилось ныне. Впрочем, что мне за нужды по публики? Она может болтать на досуге, что ей вздумается; молва никогда не была, и не будет, масштабом моих поступков. Коротко сказать, я с семейством Кащинцова разорвал все мои отношения, и проезжая недавно в последний раз в Шуйское его имение, в котором так много дней проводил веселых прежде, чтоб приготовить все имущество к сдаче и положить конец опеке, я поклонился гробу старого моего приятеля, их отца, на котором гробе, в воспоминание связи его со мной, высечены сочиненные мной четыре стишка, а затем затворились для меня навсегда широкие ворота села их Юрчакова, до которого мне уже более нет дела, равно как и до помещиков его.

ШЕНИГ

21. День именин падчерицы моей; ее уже нет на свете. Вспомня ее, поговорим и о том, кто всячески желал ее спасти, но против рока нет сил у человека.

Игнатий Иванович. Штаб-лекарь, который пользовал всех Безобразовых, в том числе и жену мою. Она еще жила в родительском доме и даже после при всяком случае, когда он бывал приглашаем. Я его знал давно, но короче с ним сошелся в Володимире, где он имел маленькое поместье и жил в оном, оставя практику; он был веселый и приятный человек. Я одолжен ему полезными советами при врачевании меня от самой тяжелой болезни, от которой, за помощью Божией, конечно, освобожден я прилежным и рачительным попечением гг. Бургарда и Шенига. Он никогда не отрекался помогать нам, когда б его о том ни просили, и без малейшей корысти, из одной приязни. Он сопровождал нас в Одессу, и туда и оттуда, путешествовал вместе с нами; тогда-то я с ним очень коротко познакомился и, кроме приятностей, ничем вспомнить его не могу. К сожалению, он умер, и те, которые у него лечились, потеряли большую опору, ибо он дела своего был мастер и удачно помогал многим.

ФЕОКТИСТ

22. Архиепископ Курский. Почтеннейший и маститый старец. Я узнал его в проезд мой чрез Белгород, где он жил, когда путешествовал в Одессу. Он меня принял дружелюбно, обласкал меня, жену и всю нашу свиту, показывал мне тамошнюю семинарию; из особенного к нам благоволения служил для нас обедню в Девичьем монастыре, и я истинно мало видал Святителей, кои бы так действовали на чувства молящихся, как сей преклонный старец. Он кажется бы[л] весь в Боге, не занимаясь ничем внешним. Только тут и в это время я его видел и беседовал с ним. Он был прост в обращении и благоприветлив ко всем; по разлуке нашей знакомство поддержалось перепиской. Я к нему писал иногда, и от него получал благосклонные грамотки. Судьба не судила мне еще с ним видеться; он скоро умер от слабости сил и престаренья. Ему было с лишком восемьдесят лет. Я и ныне вспоминаю с удовольствием ту литургию, которую он священнодействовал.

КЛАВЕР

23. В этот день отец мой покойный бывал именинник. В честь оному вспомню врача, который, во все пребывание наше в Петербурге, был так полезен нам обоим искусством и приязнью.

Богдан Иванович. Артиллерийский престарелый лекарь, который пользовал отца моего, когда он жил в Петербурге, и я, приехавши туда служить в гвардии, попал на его руки. Добрый, искусный и прилежный врач! Я с малолетства был золотушен, и перед тем как минуло мне двадцать лет, сделались у меня под мышкой большие нарывы. Батюшка поручил меня попечению Клавера и дал

ему полную волю над моим телом. Лекарь сей, желая радикально освободить меня от золотушных припадков, коим я в разных видах ежегодно бывал подвержен, пользовал меня месяца четыре. По мере как один нарыв созреет, он его разрежет и допустит другой; три или четыре подобные операции принужден я был выдержать, и наконец он меня совершенно вылечил. С тех пор во всю жизнь свою я не страдал от наружной золотухи, и как мне ни тяжело было вынести столь строгий карантин, а притом и строжайшую диету, ибо мне, кроме молочного, ничего почти не давали. Где же? В Петербурге! и служа в гвардии! Однако пользу, которую мне принесло впоследствии искусное сие врачевание, дало г-ну Клаверу право жить всегда в памяти моей в числе тех людей, о коих мне приятно вспомнить.

ХРУЩЕВ

24. Незабвенный день Саватайпольского сражения! Тебя ежегодно в оный с умилением вспомнит тогдашний доблестный герой, усерднейший твой подчиненный!

Алексей Иванович, генерал-майор, командовавший отдельным detaшментом во время Шведского похода, в Саватайполе, где он одержал победу над шведами, пришедшими атаковать его под покровительством любимца королевского, генерала Армфельда¹⁰. Мы с своим батальоном состояли под его командой и все лето провели у него в Саватайполе. Он был очень обходителен и любезен, а ко мне особенно милостив, чего я никогда не забуду. Он всячески старался дать мне случай отличиться, но после Саватайпольского сражения, которого мы не застали, он уже не имел никакой стычки с неприятелем. Я всякий день бывал в его обществе, и он принимал во мне усердное участие. Во свидетельство его нежного обращения со мной приведу здесь один опыт. Роты моей солдат стоял у него на часах, он знал, что я команду седьмой, и заметил, что у часового ружье без кремня. Ни слова никому не сказавши, выждал моего посещения и, пошедши со мной по лагерю гулять, остановился против солдата, взглянул на него, потом на меня, улыбнулся и сказал: «Пожалуйста, братец, заметь ротному командиру, чей караул сего дня, что у него часовые наряжаются к генералу без кремней». Я понял тотчас этот вежливый выговор, который на меня стократно более действовал, чем всякие досадительные и колкие укоризны. Он вежлив был даже и в команде. Случилось нам в ожидании неприятеля, который рекогносцировал с озера нашу позицию на лодках, расставленным быть в боевой порядок по батареям. Я стоял на берегу озера. Хрущеву вздумалось дать мне приказ, он не кричал: «Гей! ты такой-то, туда, или сюда!», как делали многие, но весьма хладнокровно, подъехавши ко мне верхом, сказал: «Господин капитан!» – и потом отдал мне свое повеление. Никто не имел случая пожаловаться на его грубость, со всеми был учтив и благоприветлив. По замирении он взял меня с собой в шведской лагерь и там доставил мне случай видеть короля и быть на всех его полевых праздниках. После Шведской войны я не видался с ним нигде почти, а он был потом употреблен в Польше и, дослужась чина полного генерала, умер. Я сохранию во всю жизнь мою в памяти милости его ко мне и отличное внимание.

МАРКОВ

25. Николай Иванович. Полковник первого Московского пехотного полка, в котором я начал службу свою прапорщиком, был пожалован сим чином при выпуске моем из студентов Московского университета. Полк этот стоял в Москве, я в нем только числился и тотчас откомандирован на бессменные ординарцы к князю Долгорукому, главнокомандующему в Москве; однако, нося того полка эполеты, я бывал иногда в зависимости от властей его и не имел случая пожаловаться ни на полковника, ни на брата его, Гераклия. Оба они обходились со мной очень хорошо, а Гераклий и в позднее уже время жизни моей не отрекся оказать мне важной услуги. Будучи во время войны с французами начальником Московского ополчения, он записал в него сына моего, Александра, и пасынка, Алексея, и был к ним очень милостив, даже до излишнего благоснисхождения, которым я обязан воспоминанию прежних моих с ним и братом его отношений в Московском пехотном полку. Все те люди, кои попадались мне навстречу в молодости моей, любили меня и хорошо со мной обращались; все живут доньне в памяти моей; я люблю с ними вместе приводить себе на мысль тогдашнее блаженное время, и два брата Марковых всегда в ней присутствуют.

САМУИЛ

26. Митрополит Киевский. Будучи еще Крутицким архиереем и живучи в Москве почти рядом с нашим домом, он часто посещал нас, был дружен с отцом моим и участие принимал в моих науках. Он мне подарил Лексикон латинский, который прислал при латинском письме, с коего хранится у меня и доньне копия, а подлинное один из товарищей моих по школе у меня выпросил прочесть, и как я по ребячеству поздно его хватился, то мне он дал с него копию, писаную очень сходно с его почерком, но оригинал видно или утратил, или хотел, просто сказать, зажилить, Бог знает, впрочем, для чего? Когда батюшка учредил в доме своем домовую церковь, с дозволения Платона, то ее освящал Самуил, и имя его в ней поминается доньне. По смерти его, в знак нашего к Пастырю сему благоговения и преданности, коих он и по сердцу и по уму от каждого был достоин.

ЧИРИКОВ

27. Николай Александрович. Молодой малый, сержант гвардии в одном полку со мной, как я был адъютантом, следовательно, иногда зависевший от меня. Он был мне хороший приятель, по равенству нашего возраста, и однажды, нарядя его на караул без очереди, потому что Ржевский, который жил в одном доме со мной, поленился выйти и сказался больным, так его огорчил, что он пришел требовать от меня причины, почему он должен служить за других? Исчезла приязнь, и началась команда. Я резко ему отвечал, что Ржевский будучи болен, настоящая под ним очередь его. К несчастью, Ржевский мой тогда очень неосторожно забавлялся в халате на голубятне и гонял турманов¹¹. Чириков его там за-

видел и сказал: «Нет! он не болен, а гоняет голубей»; я стал без оправдания и принужден был это поправить, разумеется, нарядя другого унтер-офицера, который был не так смел, как Чириков, в надежде на мою приятель, и мы все трое, он, Ржевский и я, благополучно остались дома и целое утро прошалберили¹². Мелочный анекдот, но приятно вспомнить его, потому что он указывает, как добродушно и просто молодые люди того века обращались между собою. Какое-то было между ими искреннее братство, которое наполняло удовольствием и жизнью домашнюю и самую службу. После гвардии я уже не имел случая с ним видеться, потому что он как-то несчастливо повредился в уме и жил один, запершись в своих стенах, хотя имел жену и детей, и, овдовевши от первой, успел еще до сумасшествия жениться на другой. Брат его, Петр, тот также служил под моим начальством и ходил со мной в поход, который весь отправил, будучи офицером моей роты. Мы и с ним жили очень согласно, однако между братом его, Николаем, и мной более было короткости и дружества.

ЛАНСКАЯ

28. Прасковья Николаевна, урожденная княжна Долгорукая, дочь той самой княгини, с которой я был в такой короткой связи (см.: Кн[ягиня] Нат[алья] Дол[горукая]). По знакомству моему со всеми ее родными я и с ней всегда обращался ласково, но приятель искренней никогда между нами не было. Она два раза выходила замуж и два раза овдовела. Было время в жизни моей, в которое она оказала мне самый высокий знак своей доверенности. Когда я отправлял сыновей моих в чужие края учиться с Венцем, она ему же поручила своих двух сыновей от первого брака и испросила моего согласия на воспитание их вместе с моими, не стесняя, впрочем, ни в чем моих собственных распоряжений; словом, приняла их себе за правила и последовала оным. Я сохранил донныне письма ее ко мне того времени, из коих видно, сколь далеко простиралась ее ко мне доверенность, но, при всем том, наши свойства и состояния были так различны, что я не могу похвастать тою искренною приятелью в отношениях моих к ней, какой пользовался в доме матери ее и дяди, истинного моего милостивца. Мы старались с ней казаться между собой друзьями, помня старинные связи, но в самом деле никогда ими не были, и одно путешествие детей наших вместе делает г-жу Ланскую навсегда мне памятной.

ГОЛОВИНА

29. Графиня Елизавета Сергеевна, вышедшая замуж за князя Шаховского: она была мне несколько своя. По близкому родству ее с графом Пушкиным жила до замужества в его доме в Петербурге. Я в него был вхож и короток, следовательно, почти каждый день был с нею в обращении. Она была умна, скромна и хорошо воспитана. В молодость свою славилась танцевальным искусством, в котором превосходила всех своих сверстниц, и при лице самом непригожем имела много привлекательного во взоре, в ухватках, во всей наруж-

ной поступи своей; она мне очень нравилась. Я был готов в нее влюбиться, но приметя, что успеху не получу, удерживал свою склонность и рассеивал ее частыми волокитствами. Мы с ней игравали комедии в доме Пушкина. Однажды в летнем катанье мне довелось быть ее кавалером в колясочке; надобно было править лошадьми самому, я был этого дела не мастер, навез фаэтон на кочку и чуть-чуть не опрокинул своей дамы и вместе с ней не убили до смерти. Этот смешной случай донныне мне памятен, и хотя я тридцать с лишком лет не бывал в Катерингофе¹³, куда мы тогда ездили, однако если б теперь попал, то верно бы узнал то урочище, на котором я, как всадник, покрывлся стыдом в глазах прелестной своей Дулцинеи¹⁴.

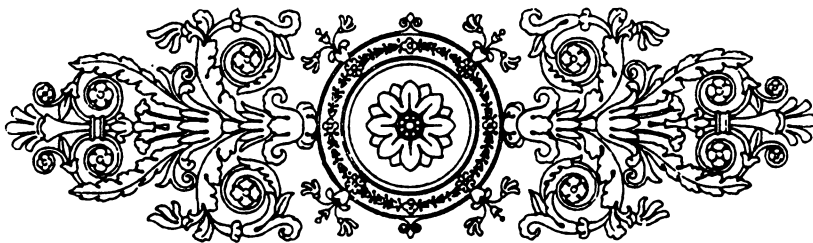
НЕКЛЮДОВ

30. Сергей Васильевич. Генерал-майор лет пятидесяти, прикомандированный к отряду Хрущева во время Шведской войны, где он ничего не делал, кроме как играл в вист, и там прожил с нами все лето в Саватайполе. Не могу вспомнить без смеха ночной нашей экспедиции, в которой он отличился. Скоро по приходе наших двух рот в Саватайполь, и после сражения с Армфельдом, вздумалось Хрущеву выманить шведа на новое дело, и для того приказал Горчакову с его ротой, а мне с моей, выйти в полночь в засеку, прочистить лес, то есть вырубить его, и на заре, подойдя к шведским форпостам, выслать казаков на перестрелку, дабы неприятеля вызвать под наши батареи. Генералу Неклюдову поручено было все сие исполнить. Мы выступили, лес к утру повалили, казаков послали, и всю ночь в этом подвиге упражнялись. Поутру приехал сам Хрущев наведаться, что у нас делается? При нем воротились наши передовые лазутчики с известием, что в шведском лагере тревога; скоро потом узнали, что идет на нас колонна. Хрущев приказал нашим ротам ретироваться, в намерении заманивать на нас шведа далее и далее, и когда он подойдет к нашим батареям, тогда приказал нашим двум ротам, под прикрытием их, вступить в бой. Я командовал младшей ротой, следовательно, мне надлежало и начинать ретираду. Стали мы отступать, но шагом обыкновенным и без малейшего замешательства, как вдруг увидел я Неклюдова, который из-за меня бежал в куртке своей и, стараясь опередить людей моих, кричал: «Шведы! Шведы! Что ж вы, г. капитан? Ступайте, ступайте, скорей!» Я ему ответствовал: «Мне приказано, ваше превосходительство, ретироваться, а не бежать». Он между тем, обгоняя меня во все лопатки, наткнулся на камень, полетел через него кубарем, и в роте моей солдаты почти все с хохотом закричали: «Эк русак-то наш как устиляет!» Хрущев ехал за колонной верхом и ничего этого не видал. Таким образом мы без пользы и успеха воротились в лагерь, не спавши всю ночь, ибо шведы, видя нашу ретираду, не рассудили дань в обман и сами также изволили воротиться в свои постели. Из всей этой ночной экспедиции не остается вспомнить ничего, кроме бегства забавного г. Неклюдова, на которого я, как теперь, гляжу, а он, нимало не беспокоясь насмешками офицеров и солдат, также сыграл благополучно свои восемь робертов¹⁵ в тот вечер, как и во все прочие дни.

ЖУКОВСКИЙ

31. Василий Андреевич. Молодой пиит, заслуживший скоро и чуть ли не рано, знаменитую славу на российском Парнассе. Я его люблю, но большой приятнью его похвастаться не могу, потому что мало имел случая с ним обращаться и не было между нами свычки, а без нее нет и приятни. Я посылал к нему иногда стишонки, коих нет, однако, в печати. Отношения мои с ним начались с моего юношества. Он числился канцелярским служителем в Соляной конторе, когда я служил в ней старшим членом, и был под моим начальством. Там я заметил его дарования, советовал ему их упражнять свободнее и исключительнее. Он скоро вышел из гражданской службы и попал в ученую сферу, в которой теперь наслаждается громким титлом лучшего нашего литератора. По сей причине упоминаю здесь о нем не так, как о личном своем друге или близком мне человеке по сердцу, но как о достойном и просвещенном брате моем во Аполлоне.

ИЮНЬ

ВОЕЙКОВА

1. Катерина Ивановна. Дама умная и охотница до стихов. Заметить должно к тому, что собой очень нехороша и немолода уже была тогда, как я с ней, по самому странному случаю, ознакомился. Она полюбила мои стихи и изъявила желание меня видеть; я же убегал всякого нового знакомства, будучи в то время в приятных связях сердечных в другом месте, и написал стихи, напечатанные в моих сочинениях под названием «Незнакомой в столице»¹. Они до нее дошли и усилили желание ее меня узнать лично; посредницей в этом была графиня Строганова, родня моя и очень милая женщина. Она приготовила для себя из нашего первого свидания самую смешную сцену в своем доме. Воейковой описала меня красавцем, а мне об ней сказала, что она прекраснейшая женщина. День свидания назначен; мы съезжаемся в сумерки. Хозяйка с умыслом не требует огня и не называет нас друг другу, так что мы с четверть часа сидели у нее в уборной, не зная, она, Воейкова, что это я, а я, что это она. Вдруг озаряют нас свечи и лампы, и мы, увидя друг друга в лицо, ужасаемся взаимно и, при первой рекомендации, отступаем назад, так мало мы были приготовлены увидеть друг в друге самые неблагообразные черты лица. Эта встреча рассмешила всех гостей графини, и свиданье наше обратилось в общую забаву. С сего случая началось наше знакомство. Оно было холодно, далеко и ничего не представляет занимательного, кроме этого анекдота, который люблю и теперь вспомнить, когда мне хочется посмеяться над собою.

ШАХОВСКАЯ

2. День рождения матери моей, в который, вместе с ней, обязан вспомнить и тех, кои услаждали бремя жизни ее своими ласками и благотворениями.

Княгиня Варвара Александровна, тетка мне двоюродная, которой я обязан многими благодеяниями, оказанными ею издавна всему нашему семейству, а особенно сыновьям моим, которые, будучи в Петербурге на службе, ей одолжены уже несколько лет пособиями, доставляющими им возможность жить в тамошнем городе наряду с сверстниками своими. При отъезде моем в Володимир она мне прислала тысячу рублей в подарок на дорогу, без кото-

рых я едва мог ли бы туда собраться. Тотчас по смерти матери моей, которой она производила ежегодный постоянный пансион, она прислала мне то, чего матушка не успела получить. Это составило с лишком тысячу рублей, и я их употребил на возобновление домово́й нашей церкви, разоренной после француза. Нужны ли дому деньги? Она в них никогда не отказывала. Надобно ли ее предстательство, в пользу детей моих, к сильным лицам у двора? Она готова хлопотать, просить и никогда ни в чем не отказывалась. Подобные обязательства кладут печать бесчестия на чело того, кто их забывает, и я до конца дней моих сохраню к ней живейшую благодарность, как к родственнице примерной и женщине, одаренной превосходными качествами сердца, умеющей добро творить прямо по Евангельскому слову, без чванства, укори́зны и провозглашения!²

СИПЯГИН

3. Николай Васильевич. Полковник не мудреный ни умом, ни статью, который беспримерным дурачеством получил право жить вечно в памяти моей. Вот какой между нами повстречался забавный случай во время Шведского похода. Жене моей, Евгенье, вздумалось побывать у меня в лагере, в Финляндии, и сделать мне сюрприз. На сей конец она оделась, и девку свою одела помужскому, в унтер-офицерский гвардейский мундир, выправила себе подорожную под именем вымышленным и полетела в Финляндию. Не зная ни путей, ни расположения войск, она, вместо нашей крепости, Вильманстранда, проскакавши далее, попала в Давыдовскую крепость. Там стоял Преображенский батальон и командовал им, с другими частными отрядами, Сипягин. Ему приказано было всех проезжающих из армии в Петербург свидетельствовать: нет ли с ними каких потаенных известий о том, что происходит на границе, ибо государыне хотелось мир заключить со шведами самой, без всякого чужого посредства, а Игельштром³, слаживая это дело по ее плану, боялся, чтоб не дошла какая-либо нескромная весть о его сношениях с шведским войском до иностранных дипломатов, живущих в резиденции. Вот причина, по которой велено было Сипягину всех свидетельствовать. Как приехала жена моя, сказавшись у шлахбаума унт[ер]-офиц[ером] гвардии, то Сипягин велел ее задержать. Она, увидя худое свое положение, принуждена была открыться и просить пропуска ко мне, но Сипягин тут еще более задумался; обыскать ее, зная, что она дама, постыдился, и не хотел стать посмешищем народным, что, вместо неприятеля, атаковал женщину, а пропустить, не уверясь, нет ли с ней каких бумаг, также побоялся, и в такой крайности объявил ей арест, запрета ее выпускать из крепости. Она тотчас отправила ко мне гонца. Я бросился к Хрущеву. По счастью, он имел право наслать ордер Сипягину, тотчас отправил к нему повеление выпустить жену мою, которую г. Сипягин продержал в полону двое суток, и заставил смеяться над собою всех тех, кои о сем приключении узнали, а я и ныне еще, спустя столько лет, всегда смеюсь этому приключению, как ни воображу себе Сипягина, гордого и сметливого нашего рыцаря.

СТРОГАНОВА

4. Баронесса Александра Борисовна, тетка моя родная, жена брата родного моей матери, тайного советника, барона Григорья Николаевича. Я ее стал знать уже вдовою. Она меня очень любила и принимала на самой приятельской ноге. Служа в гвардии, я у нее бывал почти всякий день. Кроме обыкновенной ее ласки, я могу заметить отличным то, что она была матерью моей посаженной, когда я женился на Смирной, и уже, отказавшись от света, склонилась на приезд ко двору, дабы мне сделать удовольствие. У нее в доме случились два анекдота очень любопытные, которые я здесь помещу, потому что люблю их вспоминать, когда мне хочется посмеяться. Во-первых: она, будучи набожна на старинный манер, любила слушать в доме у себя разные молитвословия на большие праздники, следовательно, на Светлое Воскресенье всегда отправляя у нее с вечера заутреню придворный поп. Однажды ей вздумалось пригласить меня к этой службе, с тем чтоб я проверил, так ли придворные попы отправляют их, как должно и как важивалось в нашем доме? Я приехал; толстый иерей начал заутреню и стал пропуски делать. Тетушка обратилась ко мне с вопросом: «Пожалуста, скажи, то ли они поют и не пропускают ли чего?» Совестно было солгать! Я сказал всю правду. Баронесса остановила попа, стала ему упрекать; он с сердцем отвечал: «А кто бы вздумал меня этому учить?» Тут юношеское мое самолюбие заиграло, я вышел на сцену доказал ему, что он сокращает всю службу и поет канон с выпусками. Убедился он, что я хоть мальчик и офицер гвардии, но дело это знаю так же, как и он, и принужден был продолжать заутреню порядком установленным, а уже не смел ничего выпустить, и все исподлобья взглядывал на меня, тут ли я, и ворчал про себя. Этот вечер мне поныне забавен. Другой случай менее смешон, но памятен по странности своей. Баронесса имела всегда по вечерам у себя круг отборных вельмож, как-то: Шувалова Ив[ана] Ив[ановича], кн[язя] Мих[айла] Вас[ильевича] Долгорукого и графа Брюса, который был мой начальник в Семеновском полку. Я служил адъютантом уже и иногда, пользуясь благоснисхождением тогдашнего военного начальства, осмеливался в домах, где бывал короток, несмотря на дежурство мое, являться во фраке. Что это не хорошо, согласен; но тогда было довольно обыкновенно. Всякий век имеет свои шалости и свои подвиги. Случилось мне как-то в день службы отобедать у этой тетушки в новом фраке, и одяние мое ей понравилось; все на мне было кстати, гладко, чисто, прилично, словом, туалет мой кинулся ей в глаза. На мою беду в тот самый день приехал к ней на вечер Брюс. Впечатления моей гардеробы еще не стерлись, и тетушка, желая меня рекомендовать графу и выхвалять, рассказала ему с удовольствием, что я у нее был и что она, любя меня, просит его быть ко мне милостивым: «Comme il était bien mis! Comme il se présente bien dans la société!»* Наговоривши несколько подобных обо мне любезностей, она рассказала и весь мой наряд прочим своим собеседникам. Граф выслушал, нахмурился и завязал на платке узелок, а назавтра, к крайнему моему удивлению, отдается в полк приказ, в котором делается выговор дежурным офицерам за то, что они не только отваживаются ездить по партикулярным домам без мундира, но еще и непомерно щеголяют, и, в доказательство такой прихоти, весь мой наряд описан в приказе. Хотя я не был именован в оном, однаго

* «Как он хорошо одет! Как он хорошо держится в обществе!»(фр.).

же мог отгадать, что на мой счет сыграна шутка, и съездил поблагодарить тетюшку. Она выместила графу за меня тем, что будировала его с неделю, а это на него всегда действовало, и так мы с ним поквитались. Эти два анекдота остались у меня в памяти, и хотя они неважны, но произошли в молодости моей, а что бывает с нами, когда мы молоды, то не расстается с воображением нашим до самых скорбных дней старости и престаренья. Не так ли? Могу спросить смело у всякого, и всякий скажет: «Да!»

ДОЛГОРУКИЙ

5. Князь Александр Яковлевич. Добрый малый! Мы с ним были не родня, а только однофамильцы, служили в гвардии в одном полку, оба офицерами, и жили в одном доме. Когда я, в волнении безрассудной страсти, вздумал однажды лишиться себя жизни, он оказал мне самое деятельное сострадание, предупредил всех родных моих в Петербурге о моем сумасбродстве и остановил губительные его последствия. Он не имел блистательного воспитания, но прекрасные врожденные качества и товарищество мое с ним приносило мне много удовольствия. По несчастию, вздумалось ему погнаться слишком рано за славой; открылась Шведская война, он был лет двадцати с небольшим, отправился на флот волонтером и там, в первое морское сражение, убит ядром наповал. Мне было очень жаль его, и тем более, что, казалось, он приготовлен был к лучшей участи, если бы жизнь его продолжалась.

ВЛАСОВ

6. Иван Петрович. Старичок почтенный, имеющий большое семейство. Он служил в одних чинах с отцом моим и жил в Петербурге. Это было первое мое знакомство по приезде туда, батюшка очень уважал и любил весь их дом, и к тому же они, как слышал я, были нам несколько свои. Я учился в их доме волочиться; первый предмет моих опытов была Анна Ивановна, меньшая дочь, которая кое-что брэнчала на клавикордах и на первый случай меня этим взманила; дом их стоял на Петербургской стороне; это так, как бы у нас, в Москве, на Бутырьках. Люди они были небогатые и жили очень скромно; сыновья служили в гвардии тогда еще унтер-офицерами. Всякое воскресенье батюшка возил меня к ним обедать, и я там забавлялся разными простыми увеселениями во весь день. Все, что с нами случится в первой нашей молодости, оставляет глубокое впечатление в сердце и всегда воспоминается с приятностью, так и знакомство мое с семейством Власовым осталось мне навсегда памятно; они являются моему воображению и доньне, как скоро я переносусь мысленно в первые дни петербургской моей жизни. Семейство их состояло из двух дочерей и двух сыновей, все это померло уже: меньшая, Анна, имела несчастную страсть и вышла замуж за лекаря в Твери. Рано скончалась мать их, Анисья Ивановна, женщина весьма умная и пронырливая, при которой семейство цвело и каждый член его мог ожидать порядочной участи. Так нередко случается, что кончиной одна лица в доме все разрушается и остаются только горестные напоминания о прошедших благах жизни.

ДОЛГОРУКИЙ

7. Сегодня родился сын мой, Александр, и при сем воспоминании я обращаюсь всеми чувствами к той особе, чье имя выставлено.

Князь Юрий Владимирович, вельможа в современниках нашего рода. Генерал-аншеф старинный, командовавший некогда Москвою при Павле в новом звании военного губернатора. Я был ему известен от сущей молодости и въезж в дом его; он, отправляя похороны однофамильца своего, Крымского, подарил меня на память по нем, по тогдашнему обряду, золотым кольцом. Это был первый знак его внимания ко мне; потом он во многих случаях оказывал мне участие прямо родственное, не быв также в родстве со мной. Состаревшись, оставя службу и живучи праздно в Москве, он многими опытами оказал мне свое доброжелательство, хлопотал о моих детях и записывал их в службу, приезжал в Володимир навестить меня, когда жена моя первая была отчаянно больна, ссужал меня деньгами при всяком необходимом случае и детям моим нередко делал пособия в их жизни, от меня отдаленной по их службе; сына моего, Александра, взял на свои руки, дал ему жилище у себя в доме и в опасном обстоятельстве избавил его от неминуемой и тяжкой беды сильным своим покровительством (см. Кн[язь] Горчаков); один из всего рода был на похоронах жены моей и двух дочерей, скончавшихся в нежном возрасте. Как забыть подобные благодеяния? Надобно быть скаредом, чтоб не прославить имени его и столь благородных опытов приязни! Я был свидетелем жестокой болезни, постигшей его на семьдесят седьмом году его жизни, от которой он чуть не умер, но выздоровел и живет еще доселе. Мне вечно будут памятны комнаты, в которых он страдал, те дни, вечера и часы ночные, которые я у кровати его просиживал, всякую минуту ожидаая его конца. В сие-то время он усугубил милости свои к моему потомству и сыну Александру отказал по духовной пятнадцать тысяч. Имевши одного сына, он потерял его, когда тот уже был генерал-майором, и отказался заплатить долги его по картам, кои простирались до полумиллиона; все его порицали за сей поступок, сам государь писал к нему и, вступясь за одну кредиторку, требовал его уплаты. Князь, искушая тогда взаимно мои к нему чувства, хотел, чтоб я написал от него отрицательное письмо к императору, и я, несмотря на важность обстоятельства, и опасные его последствия, с удовольствием и некоторым успехом принес ему сию жертву моей приверженности. Достигши глубокой старости, он стал изменяться в характере и, впутавшись в мои домашние дела, расстроил было продажу моего имения и нанес мне значительный убыток; но говоря о сем вскользь, могу ли и должен ли я дать преимущество гневному чувству над теми обязанностями, кои меня так благодательно связали с его домом? Дочь его, княгиня Горчакова, постоянно жившая при нем, всегда ко мне была милостива, и будущие мои надежды в отношениях с ними всегда связывались очень крепко с прошедшими знаками доброго ко мне расположения. Я в этом семействе всегда был родной, ближний, домашний и никогда, никогда, этого без душевной благодарности не вспомню. Кроме любви фамильной, мне приятно приводить на память, что князь имел некоторое уважение и к слабым моим дарованиям; он любил углубляться в идеал мира совершенного, писывал часто разные гражданские проекты и неоднократно вверял мне их для исправления с стороны слога. Доны-

не хранятся у меня многие его рукописи. Кроме разных услуг, оказанных мне в его доме, я могу вспомнить и множество приятных часов, проведенных в нем; я часто игрывал у него комедии: он любил театр, имел свой; жил открыто, давал балы, обеды, в которых я со всем моим семейством бывал участником. Так-то, по самому странному капризу рока, я всегда находил в племени своем благодетелей и друзей именно в тех особах, кои не были нимало со мной в родстве, тогда как о ближайших моих родственниках я принужден молчать, чтоб не сказать чего-либо худого. Да продлит Бог еще дни сего родоначальника почтенного и Нестора нашей фамилии.

ДАМАСКИН

8. День заветный! В оный скончался родитель мой, и я лишился единственного путеводителя в лабиринте света.

Дамаскин, архидиакон нижегородский. Обучившись в Университете, я был знаком со многими духовными лицами. Сей пастырь был тогда ректором Духовной академии и сльз учнейшим монахом в нашей Церкви. Он имел действительно глубокие богословские познания. С именем его воспоминается здесь самый благородный его поступок, оказывающий, что он, сверх головы, набитой всякой учености, имел и сердце, благородными чувствами преисполненное. Он уже был в отставке, когда мой отец скончался, и жил в московском загородном монастыре на обещании, брошен и презрен всеми, как обыкновенно водится. Бывши некогда с отцом моим хорошо знаком, он узнал о его кончине; без всякого приглашения прибыл в Богоявленской монастырь, где тело его отпевалось и, по собственному влечению своего сердца, проводил тело, отпетое уже, до Донского монастыря, где и предал его земле, а притом за такой подвиг приязни не согласился быть заплачен, наряду с прочими, ничем. Довольно, чтоб вспомнить о нем с признательностью. Много ли нынешних нарядных пастырей и кавалеров способны отличиться подобными поступками? Не вем их!!!⁴

НЕПЛЮЕВ

9. Николай Иванович. Сенатор Екатеринина времени. Он был очень уважаем генерал-прокурором тогдашним, кн[язем] Вяземским, и считался его другом. Человек умный, рассудительный и деловой. Отец мой, при котором я жил, доколе он служил в Петербурге, желая меня ознакомить со всеми лучшими людьми в городе, представил и к нему. Дом его был не из веселых; он вел род жизни уединенный, тихий и почти всегда сиживал один. Жена его была барыня глупая, скаредная собой, с бельмом, но родная сестра богачей Нарышкиных, и знаменитость их у двора отливалась несколько на нее, но и она все сиживала дома; сын их и баловень, Дмитрий Николаевич, был мальчик моих лет, служил в гвардии, но напитан с маленьку Вольтеровых правил⁵, то есть не чтил ни Бога, ни родителей, кощунствовал над всем священным, часто смеивался насчет отца и матери. По этой свободе племянник Нарышкиных

был везде принят, как любезный человек, и я, нов будучи в большом свете, искал в нем подпоры и привязался к Неплюеву, который сошелся со мной в знакомстве очень хорошо. Отец его принимал меня ласково и, кажется, хотел, чтобы сын его выучился думать о морали по-моему, но сын, пользуясь моей застенчивостью, заманивал меня к себе для того, чтоб занять своих родителей и менее быть с ними. У всякого в этой троице были свои виды. Мать, дура набитая, сажала меня с собой играть в пикет^б, и я был очень доволен тем, что вхож в такой почетный дом и пользуюсь в мои лета особенным вниманием сенатора, уважаемого правительством. Так я несколько лет, пока не отросли у меня крылья, на которых я помчался во все высокие компании города, был почти домашним у Неплюева, чаще всех посещал его, и это знакомство принесло мне много пользы, потому что я наслушался от старика самых здравых наставлений. Он умер, и с ним миновались почти мои посещения. Сын их, фаворит Митюша, принужден будучи по трауру некоторое время сидеть дома, всячески еще меня ласкал, чтоб иметь сотоварища в скуке. Я, вменяя в обязанность чести и совести не покидать его в мрачном уединении и облегчать тоску его одиночества, до того довел свое усердие, что несколько ночей спал у него в комнате, но когда этикет сидячей жизни прошел, он меня бросил; не соблюл даже со мной никаких приличий света, а о чувствах уже и говорить нечего; он никого не любил, кроме себя; и так мы скоро совсем раззнакомились. После ему как-то повезло у двора, он понравился Павлу; этот сделал его генерал-адъютантом, потом секретарем, и, наконец, этот Неплюев, развращенный умом и сердцем, умер, когда я уже был губернатором в Володимире. Между нами, с кончины его отца, никакого уже отношения не было, но отца его я доньне помню с признательностию, как человека, который меня любил, отличал от прочих молодых людей, удостоивал своей беседы, отменно полезной, и знакомство мое с ним было, конечно, не потерянное, хотя скудное время в моей молодости.

КОРСАКОВЫ

10. Михайла и Николай Петрович, молодые люди, прапорщики Семеновского полку, из которых меньшей, Николай, остренький мальчик, был в роте моей, а Михайла в другой; но как мы пошли в поход, то оба они, будучи в одном батальоне, жили вместе в общей ставке в моей роте, и Михайла был с нами в одной артели. Он был очень скуп и расчетлив, мы все его звали: «жила». Будучи все очень молоды, мы любили резвиться и каждое утро боролись для моциону. У нас было сделано положение, что во время сего сражения, чтобы мы друг у друга ни похитили из палатки, иначе возвращено быть не может по окончании битвы, как выкупом. На побоище давался один час, и именно первый по полудни, а во втором мир и размен добычи, и так меньшей Корсаков и я, мы, бывало, вытащим у Чирикова и у Михайлы Корсакова какую-нибудь кружку, шкатулку, или что-нибудь, и они должны выкупать. Тут-то нам и праздник; мы обложим их апельсинами, мороженым, портером, словом сказать, чем вздумается, а у маркитантов наших, я не знаю, чего не было? Они все

доставали из Питера. Корсаков и Чириков оба скупы, рассердятся, а делать нечего; вещей похищенных жаль, возратить хочется, условия нарушить нельзя, принуждены убытчиться и нас потчевать. Это продолжалось почти во все лето, и мы с Николаем много на их счет приели сластей. Я никогда того времени и веселых проказ наших не забуду.

ШЕРЕМЕТЕВА

11. Прасковья Сергеевна. Первое лицо женское, в которое влюбился. Мне было восемь лет, думаю не больше, как она с лишком двадцати шла замуж за Балка. Она была первая красавица в Москве, а он дурен, как черт, стар и ревнив; она часто меня, как ребенка, ласкала, сажала к себе на колени и так меня приучила к себе, что я не отходил от нее, когда она нас посещала. Увидевши ее замужем, увидя, что к ней ласкается прескаредной мужчина, это было тогда, как они приезжали молодые к нам обедать, в нашу подмосковную, Вольнское, я затрепетал, рассердился, чуть было не бросил в него десертного ножа, и во весь тот день вытерпел такой ужасный понос, от которого меня раз двадцать пронесло: боялись, чтоб я не занемог порядочно. Так-то рано начал разыгрываться мой темперамент и склонность моя влюбляться. Этот случай всегда будет мне памятен.

ХИЛКОВ

12. Князь Михайла Яковлевич. Было время, что мы каждый день неразлучно виделись: он охотник был до музыки и до театров, оба мы были молоды и вертелись на юру большого света. Бывало, где я играю на театре, там верно Хилков управляет оркестром. Он прекрасный имел талант музыкальный на скрипке. Где Хилков дает концерт, там я непременно его заслушиваюсь, и так мы провели несколько зим в Москве наиприятнейшим образом. Короткие наши знакомства были одни и те же, не говоря уже о нашем доме, в котором он являлся, когда ни пришлют за ним. Сколько мы с ним разделили веселых вечеров, и летних и зимних! Сколько мы в свой век резвились и в невинных забавах расставались, когда солнышко всходит! Много, много, случаев напоминает мне имя Хилкова, которые составляли прелесть жизни моей, как был я молод! Теперь мы оба ни на что не годимся; он удалился в деревню, я уединяюсь в городе, и мы уже друг с другом Бог знает сколько лет не видались. «Все со временем проходит!»⁷ Песнь моя справедлива! Тяжело переживать те опыты, которые нас в столь печальной истине удостоверяют.

ПРОЗОРОВСКИЙ

13. Князь Александр Александрович! Фельдмаршал. Разные случаи встречались мне в жизни входить в отношения с сим знатным господином, и потому я обязан чаще многих других вспомнить о нем. Во-первых, я обязан был ему некогда заботливыми трудами и попечениям его о помещении меня в граждан-

скую службу. Вышедши бригадиром из гвардии к статским делам, я явился в Москву, в которой он был тогда главнокомандующим. Отец мой служил от дворянства. Кн[язь] Прозоровский его уважал и любил. На просьбу его о доставлении мне места в Москве князь представил меня в председатели в верхний земский суд. Сей благосклонный поступок князя приблизил меня лично к нему, и я, посещая его, удостоился наконец сам по себе благосклонного его внимания. Он с огорчительной досадой получил известие, что, вместо меня, определен другой, и представление его осталось без успеха, но в этом он не был виноват. Сожаление его о неудаче служило мне ясным доказательством его благорасположения; потом, когда я был уже губернатором в Володимире, а князь, не имея никакого занятия по службе, жил уединенно то в Петербурге, то в володимирском своем поместье, в котором он курил вино и содержал откуп, я имел приятную возможность оказать ему значительную услугу и поторопился воспользоваться оной, дабы изъявить ему мою благодарность за прежние его милости ко мне и показать, что я, будучи раз кем-нибудь одолжен, не способен забывать того. У князя отнята была земля, по определению межевого правительства⁸, и отдана коронным крестьянам⁹. Мера ее двести десятин. Князь, служа в армии, потерял право апелляции, и возратить сию потерю было трудно; но по близости его к вдовствующей императрице, и уважаем по чину и заслугам своим у двора, он решился просить государя об отдаче ему той земли. Государь изволил передать это дело на мое заключение, и польза княжая зависела от тех справок, какие я представляю по делу. Я всячески старался угодить князю, не лишая, однако ж, и крестьян казенных собственности их и, найдя способ к тому довольно удобный, писал, не угодно ли будет государю те двести десятин отдать князю и такой же меры и качества землю, состоящую в оброчных статьях, выключая из оклада, отдать казенным крестьянам в их соседстве? Мысль моя одобрена была тогдашним министром финансов, гр[афом] Васильевым, доложено государю, и Прозоровский удовлетворен. Я храню доныне несколько писем, адресованных тогда ко мне князем, из коих можно видеть, как он высоко ценил сие приобретение и сколько почитал мне себя обязанным за усердное мое о пользе его рачение. По откупу его и заводу я также оказывал ему возможные снисхождения и во всю жизнь его пользовался особенным благоволением. Знакомство мое с ним приводит мне на память забавное приключение, случившееся со мной в Москве. Он, управляя столицей, жывал летом в Царицыне, за двенадцать верст от города, или в Коломенском, и в этот последний дворец однажды попал я к нему на вечер, в такой день, в который никого гостей не случилось, кроме одной дамы средних уже лет и мне незнакомой. Довольно было мне скучно, по тогдашнему моему возрасту, убить вечер у старика, но пришлось пожертвовать оным, и после ужина отправился я в город. У меня была глупая привычка, от которой я с той поры только отстал, сидя в карете ночью раздеться совсем, дабы, приехавши домой, нимало медля, тотчас броситься в постель, продолжать, не перерывая, начатый в карете сон. Со мною, разумеется, отпускали всю мою ночную гардеробу, и так я, поехавши от Прозоровского, разделся, надел халат, туфли, прикорнул в угол кареты и начал дремать, как вдруг меня останавливает слуга той дамы, которая передо мной поехала уже из Коломенского в город, и просит, чтоб я позволил ей дое-

хоть с собой до заставы; ибо у нее ось сломалась, и карета лежит на боку. Что мне было делать? Я решился сохранить правила вежливости и отказать в услуге¹⁰, велел скакать кучеру моему, обогнал ее на большой дороге, возле поверженной ее колываги, взывающую ко мне с воплем: «Милостивый государь! позвольте...» А я, закутавшись в плащ, чтоб скрыть мое одеяние ночное, притворяясь, будто сплю, проскакал опростетью в город, оставляя ее на произвол судьбы и подвизающихся вокруг кареты ее служителей. Анекдота сего я во всю жизнь мою не забуду; он довольно оригинален и принадлежит точно мне. Обращаясь к кн[язю] Прозоровскому, скажу еще, что я отменно почитал его, и мне лестно было пользоваться особенной его благосклонностью, которую я и старался заслужить во всех встречах наших на пути гражданской жизни.

ЕФИМОВСКИЙ

14. Случай, некогда сегодня происшедший в его деревне, приводит мне и село и помещика на память.

Граф Петр Андреевич, муж сестры моей родной, с которой он прижил двух сыновей и дочь, дошедших до совершенного возраста. Мы с ним служили в молодости в разных полках гвардии, но жили в одно время в Петербурге, и весьма согласно; разные шалости наших молодых лет, впрочем, очень невинные, приходят мне часто на мысль и веселят мое воображение. Мы вместе отправляли Шведский поход, предпринимали разные близкие путешествия. В Москве живучи, по моей и его отставке, проводили время приятнейшим образом, я гащивал у него в подмосковной, и там, на свободе, увеселялись разными сельскими забавами. Там последовал с нами один несчастный случай, которого испуг навсегда остался мне памятным. В деревне его, Берестове, вздумали мы с ним на крестьянских невзвуданных лошадях сами править телегой и проехаться по полям, спускаясь под гору; лошади нас помчали; мы не могли, и нечем было их удержать, оставалось предаться на волю Промысла. Лошади увлекали нас в овраг, под крутизной которого текла речка, усеянная камнями. Казалось, неизбежная и мучительная смерть в этой пропасти нас ожидала; все это происходило в глазах наших жен, которые ехали поодаль за нами в коляске, и никто из людей, их сопровождавших, не мог нам подать никакой помощи. Бог один мог спасти и спас нас чудесным образом; уже близко мы были к стремнине, как вдруг из оврага выскочила собака, лошади ее испугались, своротили вкруте на чистое поле, и при этом скачке нас обоих выкинули из телеги, а клячи поскакали порожняком. Ставши на ноги, мы уверились, что мы живы, но сгоряча не знали еще, все ли в нас цело. Приехавши домой, осмотрелись, и, благодаря Бога, все это происшествие кончилось одним страхом, и последствия его были ужаснее для жен наших, нежели для нас самих; они сильно были встревожены. На другой день прошло, и мы этому смеялись. Зять мой, по кончине сестры, женился и прижил со второй женой, совсем нам незнакомой, еще двух дочерей. Это было остудило наше взаимное друг к другу расположение; но дети сестры моей всегда привязывали наш дом к их семейству. Граф потом развелся с своей женой,

и посвятил всего себя детям сестры моей; отношения наши возобновились, и мы доньше живем в хорошем родстве и приязни между собою. Дети сестры моей переросли; старший сын женился, овдовел и вступил в новое супружество; дочь, предмет всех попечений и любви неограниченной отца своего, выдана, по склонности своей, замуж, а меньшей сын, отменных правил и свойств молодой человек, лучшенький потомок знаменитого рода Ефимовских, детище, на котором утверждались все надежды отца и семейства, вступая в военную службу и прослужа в оной несколько лет, с отличной похвалой всех своих начальников, имел несчастье утонуть, купавшись в деревне отца своего, и погиб невозвратно в то самое время жизни своей, когда фортуна льстила ему отличным повышением и генерал Дибич¹¹, у которого он был адъютантом, готовился ходатайствовать о переводе его в гвардию. Столь жестокая кончина сего молодого человека всех нас поразила. Я его любил искренно, он предан мне был без лицемерия, и я смело могу сказать, что в нисходящей черте моего родства не было человека, к которому бы я так привязан был, как к Михайле Ефимовскому, и без всякого пристрастия, а особенно за его отличные качества ума и сердца. Вот картина моей связи с Ефимовским, которая, несмотря на измену многих обстоятельств, сохранилась тверда и одинакова даже за предельном гроба сестры моей, которая была начальной и осталась единственной в памяти моей причиной отношений наших с сей фамилией.

РУКИН

15. Несчастный человек, избранный Богом быть орудием тех жестоких оскорблений, кои нанесены мне в последние годы гражданской моей службы. Он был в Володимире полицеймейстером и вел себя нехорошо, как и многие, ему подобные, то есть гулял, дебоширничал; отпустия жену законную, жил с цыганкой, которая так овладела им, что он подвергался публичному оуждению. Я не имел к нему, и сие исповедать могу даже при конце жизни, ни особенной доверенности, ни пристрастия; но, во-первых: по уважению тому, что он был побочный сын родственника моего, кн[язя] Долгорукого, и поручен мне от тетки его родной, г-жи Лопухиной¹² (см. лит. Л.), для которой я его и определил к месту; во-вторых; не видя на него ни от кого жалоб формальных, я не мог, по одной молве, действовать на судьбу его и потому терпел его при себе. История попа, будто бы им побитого, и небрежное построение мундиров рекрутских, ему порученное от меня, довели его до того, что он был отрешен и отдан под суд, последствия которого сделались для него пагубны; ибо он лишен чинов, дворянства и сослан в ссылку, а я за беспорядки, от него происшедшие, отставлен и лишен должности и службы. Здесь не место рассуждать о сих происшествиях; об них я много и пространно писал в других бумагах, единственно на сей предмет собранных, а говоря о Рукине, скажу, что он потерпел казнь гораздо выше своих проступков, кои суть общи всем его разряда чинам в столице и губерниях, и как судьба его имела тесную связь с моей, по тем оскорблениям, кои я претерпел за него, то имя его незабвенно воспоминаться будет в мыслях моих с новым огорчением и досадой за злобу человеческого рода.

БЕЗОБРАЗОВА

16. День рождения жены моей, и для меня день приятный. Я не хочу напоминать ничего горестного, хотя в сей самый день некогда начались озлобления мои по службе. Вообразим себе другое время и остановим взоры на приятные предметы.

Елизавета Алексеевна. Сестра родная второй жены моей, вышедшая замуж за графа Апраксина и скоро оставшаяся после него вдовою. Будучи в девушках, она жила из приязни в доме графини Пушкиной, где я с ней познакомился в крайней молодости. Ежедневное с нею свидание и короткое обращение были поводом моему к ней пристрастию; я не был в нее влюблен, но нравилась она мне более прочих. В то время как я только что вступил еще в свет, и ежели бы она не была уже занята Апраксиным, может быть, я б на ней и стал свататься, из того только, чтоб жениться, чего мне нетерпеливо хотелось, как скоро я стал ощущать чувство склонности к женщинам. Такое отношение мое к ней было недолговременно, но осталось памятно, потому что оно доставило мне множество приятных обольщений, а химеры всегда составляли основу моего счастья в мире. Не странно ли вообразить, что, спустя двадцать лет, или более, я женился на родной сестре той, на которой мыслил жениться прежде? Видно, в судьбе моей на роду было написано попасть в семейство Безобразовых, по сходству наружности моей с прозванием¹³.

НЕКРАСОВА

17. Варвара Алексеевна. Девушка средних лет, прекрасная собой. Их было несколько сестер. Варвара всех пригожее и певала, как ангел. В то время как голос ее пленял, еще не знали вкуса в итальянских напевах, кои часто на взвизги похожи, а пленялись голосом чистым, свободным и выражающим чувства души; так певала старинные песни старинная красота, по имени Некрасова. Я был сущий еще ребенок, мальчик, когда они к нам езжали, наслушался ее песен, сам написал ей одну, и две, долго ли потом до любви? Сердце мое было на просторе; я поставил ее образ в нем: она несколько времени, но не долго, была первым кумиром, а потом отвык от нее и чуть-чуть совсем не забыл. Однако я до сих пор, когда слышу певец наших превознесенных, часто вспоминаю приятный голос Некрасовой Варвары.

МОРДВИНОВ

18. Ему, ему принадлежит вся моя мысль сегодня, день, в который я воспоминаю рожденье милой дочери, уже не существующей.

Алексей Николаевич. Близкий родственник жены моей. Я до гроба не забуду доказательства его к нам усердия, которое сколько делает чести его чувствам и правилам, столько обязательно для нас, а паче для меня. При последнем конце жизни меньшей дочери моей, Евгеньи, которая, быв очень короткое время больна, на двадцатом году умерла чахоткой, он узнал о худом ее положении,

по целым, можно сказать, суткам жил у нас, не отходил от больной до последнего ее издыхания и после навещал меня по нескольку раз в день, был при погребении ее, выносил тело ее из дому, снабдил меня за все сии издержки деньгами, коих тогда у меня не случилось, и словом, я не знаю, мог ли кто из самых домашних моих принять более участия, чем он, в столь жестокой для меня потере. Впрочем, он самый угрюмый философ, не отдаст визиту, не приедет на званый пир, нарушит все житейские принятые обряды, но, где надобны его услуги, помощь, сострадание, он тут прежде всего и готов все сделать, что от него зависит, к отраде или облегчению недужного и огорченного. Редкий характер, которого нельзя не удостоить уважения.

ДИДРИХШТЕЙН

19. Графиня (дочь графа Шувалова, жена знаменитого человека в Нидерландии). Имя ее напоминает мне приятнейшую мечту, которая, как сон, недолго обольщала мой ум и сердце. Я имел некогда честь быть хорошо знаем в доме ее родителей и посещал его всегда с удовольствием. Тут я, от старика отца ее, наслушался отличнейших стихов Вольтера, потому что граф был великий его энтузиаст и привил мне самому склонность заниматься поэзией. Это происходило в молодости моей. Тогда же меньшая дочь его выдана замуж. Граф скончался. Я по службе оставил Петербург и, казалось, нигде уже с их семейством не повстречаюсь; но, будучи Соляной конторы членом при Павле, жил в Москве. Вдовствующая графиня Шувалова приезжала туда на зиму, и дочь ее, графиня Дидрихштейн, одна без мужа ее сопровождала. Я снова начал их посещать. Мне ничего так не хотелось, как побывать в чужих краях; молодая графиня собиралась на весну воротиться в Вену к своему мужу и предложила мне доехать с ней до сей столицы, а оттуда мог я слетать и в Париж. Столь соблазнительная химера пленила меня до того, что я начал к сему краткому путешествию готовиться и собрался проситься в отпуск только на полгода. Долее сего срока я не хотел расстаться ни с женой, ни с матушкой; все почти было слажено, как вдруг, в феврале, назначен я, по Именному указу, в губернаторы в Володимир. Испанские замки мои разошлись по воздуху, и я принужден был снова ехать жить в русскую провинцию, вместо Парижа, в котором обещал себе так много очарований всякого рода. Сбылась пословица: «L'Homme propose, et Dieu dispose»*. С тех пор я уже не видал и не слышал нигде ни о ком из Шуваловых, но дни моих бесед в их семействе, польза, которую я приобрел от оных, незабвенны для меня пребудут, а паче я всегда с удовольствием воображать стану химерическое мое предприятие побывать в чужих краях, коих уповательно никогда мне не видать.

* «Человек предполагает, а Бог располагает» (фр.).

ДЮНАНТ

20. Адриан Егорович, вице-губернатор владимирский. Человек, которого я, при самом конце жизни, еще с ужасом и отвращением вспомню. Он был жестокий лихоимец. Его при виде мзды не поражал ни стон старца, ни вопль младенца. Кормить была его божество! Я принужденным нашелся служить с ним и унимать его. Естественно было очень навлечь на себя его злобу, ибо правила наши были так между собой различны, как огонь и вода. Я был ему тяжел на весу; он всячески хотел от меня избавиться, и когда я, выведя его плутни наружу, готов был его совсем выгнать из службы, он воспользовался самым мелким беспорядком при рекрутском наборе, а именно посредственной стройкой мундиров из крестьянского сукна, за которой я сам поленился, или, лучше сказать, не имел досуга присмотреть, и, отправля на меня потаенный донос, наполненный лжи и ядовитого коварства, к министру юстиции, возжег против меня желчь всех моих петербургских завистников. Беречь меня никто не хотел, потому что я, не наживаясь, не мог ни с кем делиться. Восстала против меня буря зельная, и я лишен службы, следовательно, Дюнант был орудие Божие, нанесшее мне множество тяжких бед и болезней душевных. Имя его всегда будет приводить все чувства мои в волнение. Он не имел ни способностей, ни ума, ни правил, ниже наружного обращения, но, приведя наглое плутовство в систему, знал, как, посредством одного, угождать министерским наушникам и клевретам. Сей одной подлой хитрости обязан был успехам своим в службе и торжеством надо мной, и скоро, однако ж, после того пристойным образом отошел от дел, хотя поневоле, но без всякого оскорбления.

ПЛЕЩЕЕВ

21. Молодой человек, по имени Александр Алексеевич, муж графини Чернышевой. Я его видал несколько раз в Орле, на пути в Киев, да и только, а больше, ни прежде, ни после, не был с ним знаком, но в сем богатом именами списке могу ли не упомянуть о нем, помня минуты нашего свидания? Они были так резки, что я никогда их не забуду. Он привез жену свою лечить из деревни в Орел, потому что далее нельзя было ее передвинуть. Я ехал через город и захотел с ним познакомиться. Не успел проведать о жилище его, как, идучи мимо, увидел вдруг катафалк и тело жены его, уже выставленное на столе; она только что перед нашим приездом испустила дух. Кто чувствовал когда-либо печаль, тот станет ли в таких минутах разбирать приличия? Плещеев был перевезен в другой дом к приятелю. Я тотчас бросился его навестить и, обзрев его, так живо вспомнил себя в подобном положении несколько лет назад, что насилу мог с чувствами своими сладить. То же число оставалось у него на руках сирот, какое у меня, такой же почти возраст, да и многие отношения весьма уподобляли его мне в сию роковую минуту. Я живейшее принял в нем участие. Он не был к оному холоден, и мы вместе сливали горькие наши слезы. Я о прошедшем, он о настоящем. После того я не имел даже случая встретиться с ним нигде, но свидание сия так живо мне представляется, что я решился молвить об нем в этом памятнике чувств моих, связей и отношений.

ГОЛИЦЫНА

22. Княгиня Прасковья Андреевна, дочь знаменитого графа Шувалова, выданная за богатого князя Голицына, брата родного того, о котором было уже писано. Она была дама отличного воспитания, учена, умна, любезна. Я был вхож в дом ее родителей и знал ее с самого юного возраста. Мне приятно и теперь вспомнить ту услугу, которую я имел случай ей оказать, будучи вице-губернатором в Пензе: она там имела большое имение. Приехавши туда на короткое время для хозяйства, она останавливалась в городе, в моем доме, и мы очень приятно разделили с нею несколько осенних вечеров. Им понадобилось денег до пяти тысяч, не будучи никому в той стороне знакомы, с трудом могли они занять; иначе им не верили в такой сумме, как с моим поручительством, в котором я и не отказал. Они возвратились в Питер и тотчас деньги прислали, но, не удовлетворясь сим, княгиня, доколе я там жил, сохранила с нами самое приятное обращение, часто к нам писала, принимала участие в наших обстоятельствах и не чуждалась меня ни в каком положении. Вот прекрасные черты характера, которые воспоминания о ней и знакомстве нашем всегда сделают мне приятными.

КАРАВАЕВА

23. Именины жены моей. В этот день мне всего приятнее вспомнить удовольствия, коими я, вместе с нею, наслаждался в именины сестры ее родной, Варвары Алексеевны Караваевой. Женщина веселая и приятная. Во время моей службы в Володимире я посещал ее очень часто в ее деревне, она в ней жила каждое лето, в пятидесяти верстах от города. Путь недалний! Окружена большим и богатым соседством, сама, доколе не расстроилась, пользовалась хорошим состоянием и, имея одну только дочь, не щадила своего имения, любила роскошь, людей и все, что весело. Зато у нее, в Митине, нехотя, бывало, проживешь лишние сутки; всегда компания и очень часто пиры. Я описал один из вечерних ее праздников в стихах моих: они напечатаны под именем деревни ее, «Митино»¹⁴. Я никогда не забуду прелестного этого места, этого убежища, которым так сильно восхищался! Какой там прекрасный был сад, виды, рощи; на каждом шагу разнообразные беседки и скромные уюты для двух, трех и для общей круговеньки. Там я в саду, не редко по целому утру, занимался философскими занятиями, читывал, ходя взад да вперед по широким аллеям, уединен от хозяев и гостей, мечтал на кратких роздыхах, сидя под ветвистыми дубами или спрятавшись в прозрачную беседку, за простым столом писывал стихи, из коих многие произведены в сем очаровательном для меня месте. Свидания мои с настоящей женой усугубляли прелести тамошней жизни. Я за ней волочился, влюбился в нее и там решил на супружество с ней. О! я никогда, никогда, Митина не забуду! Из всех сельских убежищ, какие я знаю, ни одно мне так не нравилось, как сад и поместье Варвары Алексеевны, и признаюсь, что по близкому сходству наших характеров в отношении к роскоши и забавам, я из родственниц жены моей ни к кому так охотно не влекусь, как к ней:

О! роскошь! милый враг морального добра!
Хоть разум иногда велит с тобой браниться;
Но в сердце наше так умеешь ты вселиться,
Что сил недостает согнать тебя с двора¹⁵.

Любовь! роскошь! и веселье! вот три талисмана, которые меня приковывали к Митину и, по влиянию их на меня, сделали мне место это навеки памятным.

ВРАСКИЕ

24. Четыре брата родные, из которых один служил председателем Уголовной палаты, другой прокурором, третий советником винной экспедиции, четвертый в отставке, все в Пензе и тамошние помещики. Можно себе легко представить по связи мест, ими занимаемых, как они сильны были в тамошнем правительстве, и губернатор, будучи под сокровенным их влиянием, не смел ничего против них предпринять, следовательно, они делали в губернии, что хотели. Когда я вздумал поставить им собою перевес и подружился с начальником¹⁶, то они, зная его короче, чем я, постарались нас поссорить, в чем математическим образом успели, разочтя заранее действие, которое они произведут на слабую его голову своими тонкими и ядовитыми внушениями. Много я в то время вытерпел разных неудовольствий от них, о которых и вспоминать незабавно; они делали под меня всякие подлые привязки, и бороться с ними было тяжело, но уступить также я не хотел, потому что не мог руководствоваться их правилами; они искали выгоды, я чести; цели наши были совершенно противоположны, и мы, во все время моей тамошней службы, в жестоких были между собой несогласиях. Мой советник, однако ж, не выдержал сего воинственного положения и отошел от дел прежде меня. После, спустя очень много времени, я с ним съехался на житье в Москве; он на роскошной ноге повел дом свой, возобновив со мной знакомство, которое уже ни для него, ни для меня не могло быть в тягость. Мы не имели друг до друга никакого дела и стали видаться как приятели. Так-то время стирает впечатления чувств всякого рода. Между моими рукописями есть стихи, сочиненные мной в Пензе по случаю одного дела¹⁷, которое производилось в тамошней Уголовной палате и о котором я имел случай говорить пространнее под именем Полочанинова (см. лит. П). В нем все братья Враские списаны с натуры. Я не хотел их напечатать ни в котором издании, ибо не в правилах моих занимать публику негодной личностью и рассказом скарёдного дела, которое не послужило бы к чести тогдашних судилищ и нашей братьи дворян.

ВАЛЬС

25. Иностранец, сосланный за неизвестные мне проступки в Пензу, где он и умер. Он служил при канцлере графе Остермане секретарем и дослужился до чина надворного советника и до Владимирского ордена 4-й степени. Вскоре после Шведской войны явился он в Пензу, по Именному указу Екатерины, не лишен ни чина, ни креста, напротив даже с позволением употребить его и при народных

школах, но с повелением из Пензы никуда не выпускать и иметь надзор как за поведением его, так и за перепиской. На сем основании там живучи, в стороне чужой, с женой и кучей малолетних детей, он был очень несчастлив, и я принял в нем искреннее участие. Другим ничем, однако, не мог быть ему полезен, как тем, что принимал его свободно к себе в дом, и он у нас бывал ежедневно. Человек умный, с сведениями полезными и приятного сообщества; для нас он был находка в Пензе, особливо на первых порах моего там пребывания. По отставке моей, которую дал мне Павел, я вел с Вальсом постоянную переписку и всячески старался раздуть хоть малую искру сострадания к нему в старых его протекторах, но все было безуспешно; все от него отступились, никто не хотел ему помочь, и он, бедный, потеряв сперва жену, скоро, вслед за нею, умер с тоски и уныния. Я с удовольствием прочитывал и по смерти его иногда письма его ко мне, наполненные островами и очень занимательные.

РЕДЬКИНА

26. Дочь председателя Пензенской гражданской палаты, сослуживца моего в тамошней губернии, выпущенная из Смольного монастыря и отданная замуж за симбирского помещика, с которым она и жила в той стороне. Не знаю, по каким судьбам Господь занес ее в мое время в Пензу на зиму. Она приехала к жене моей рекомендоваться и ознакомилась с нею. Хотя она была недурно, но ничего в ней особенно привлекательного не находя, я обошелся с ней очень сухо. Случай заставил меня испытать французскую поговорку: «L'occasion fait le larron»*. Подлинно, сбылась она со мной. В один непутный вечер г-жа Редькина, собравшись в клуб, захотела к нам с визитом. Я сам туда же собирался; жена оставалась дома, и Редькина обещалась из клуба приехать окончить с ней вечер, и так, чем в разных каретах ехать, мы согласились с ней вместе и туда и назад съездить в ее экипаже. Что могло быть этого проще? Сели в карету, поехали, дорога была тряска, очень натурально приказать ехать тише. Вот мы двое в одной, да еще и двухместной колымаге. На дворе темно, я молод и сладострастен; товарищ мой не застенчив; мы без дальних околичностей начали роман свой, и чтоб не терять напрасно времени в воздыханиях и словесных вычурах, мы пустились в самые сладкие лобзания, расцеловались досыта. Каких вожделений мы тут не испытали! Мы горели оба огнем генским, и все возможное в карете себе позволили. Можно вообразить, в каком беспорядке мы оба появились в залу благородного собрания. Немного там повертевшись, мы с крайним нетерпением кинулись опять в карету и тем же шагом поехали ко мне; те же явления и ощущения стократно повторились. Не представилось после уже нам случая возобновить подобные поездки, но всегда, когда я с ней бывал вместе, старался так плотно к ней присесть, чтоб можно было отчасти репетировать каретную сцену. До сих пор не могу без смеха вспомнить этой фарсы. Как натура проказлива, когда ни чувство сердечное, ни рассудок ею не управляют! Мы с ней увеселялись одним животным механизмом, не чувствуя никакого иного друг к другу влечения. Вот, например, грехопадение, которое сам диавол насылает. Два

* «Случай делает мошенником» (фр.).

человека, совсем незнакомые, видятся почти в первый раз, едут в одной карете, и без всякого стыда кидаются в объятия взаимно, и разделяют вместе не любовь, не восторг, что ж? Одну срамоту! Бессловесные животные не иначе сходятся между собой, только не ищут для этого карет. Я, при всяком помышлении о сих минутах, не могу себе представить, как мы решились так откровенно, нагло и без всяких предваряющих и оболстительных глаголов, обнюхаться и тотчас пуститься в сладострастнейшие поползновения. Один только раз в жизни моей встретилось со мной такое приключение. Оно очень натурально, согласен, но смешно, странно, безобразно, и надобно было быть г-жею Редькиной, чтоб пуститься на подобный позор с мужчиной, которого она в первый раз в жизни увидела. По молодости лет моих тогдашних я очень счастлив был столь легкой победой и признаюсь, что мне очень было весело обойтись с дамой, щеголевато одетой и распрысканной духами, также свободно, как с простой деревенской бабой обходится на посиделках здоровый детина, залама шапку. При всей нашей неосторожности, я не понимаю, какими судьбами на нас не пало никакое подозрение в публике, и мы только двое знали, что можно произвести в карете, притаясь и с хорошим запасом огня в темпераменте. Я уверен, что никто не мог так далеко пустить своей догадки, не полагая нашей фарсы в числе возможных заблуждений между людьми светскими, так называемыми порядочными – чем черт не шутит! С тех пор уж я нигде дражайшей моей спутницы не видал, а не могу забыть и, конечно, во всю жизнь мою не забуду.

LA GARENNE

27. Француз, очень замысловатый, которого дядя мой родной, барон Строганов, снабдил письмом ко мне в Москву и поручил стараться о его помещении. Я был тогда офицер гвардии, молод, резов и в отпуску в Москве. La Garenne у меня, так сказать, поселился. Сперва он искал учительского места, потом стал исправлять должность врача; наскучило и это, сделался музыкантом, учил меня играть на гитаре и ничему не выучил, довершил живописью, и снимая мой портрет, никогда мне его не показал, потому что он в этом искусстве, как и во всяком другом, не знал аза в глаза. Шарлатан, каких я мало встречал, но рекомендация дяди заставила меня о нем хлопотать. Он принялся к кому-то в деревню, и с той поры уж не было об нем ни слуху, ни духу. Счастливый край Россия! Где, кроме ее, такой пустой человек найдет пристанище и хлеб насущный? Они же после нас бранят и приходили разорить Москву, а мы все-таки их честим¹⁸ и, без-разбора их достоинств, рад[ы] себе всякого иноземца, особливо француза, на шею повесить.

ЛОПУХИН

28. Светлейший князь Петр Васильевич. Случайный барин Павлова времени¹⁹. При нем и по причине страсти царской к его дочери²⁰ он сделался из рядовых дворян первостатейным и богатейшим вельможей. Будучи генерал-прокурором, когда я служил губернатором, я в частых был с ним отношениях по службе и никогда не имел случая похвалиться особенным его ко мне благоволением.

Эгоист по характеру и чувству, и равнодушен к родине, престолу и ближнему, живучи для одной только плоти, он и добро и зло делал только по встрече, без умысла и намерения. Я начал его знать еще тогда, как он при Екатерине служил обер-полицеймейстером в Петербурге. Никогда не забуду того времени, в которое я как-то с ним вместе, в одном и том же доме, свел любовную интригу. Ему назначались часы, мне другие; я езжал, а к нему езжали. От такого осторожного распорядка мы никогда не могли столкнуться вместе, но, будучи уже не без догадки, всегда при свиданиях наших в посторонних домах с улыбкой коварной друг на друга посматривали, боясь взаимно преимущества в успехах. Памятен также будет мне всегда тот момент, когда Лопухин, будучи уже князь и нося на груди алмазный портрет государя Павла, становился передо мной на колени, из того, чтоб убедить меня играть комедию с одной любимой его француженкой в доме известной и благородной дамы, за которой он также от скуки иногда волочился. Хотя это коленопреклонение происходило в шести глазах только, однако достаточно сего анекдота, чтоб сделать себе прямое понятие о свойстве кн[язя] Лопухина и удостовериться, что, кроме себя, ничего не любит, кроме своего удовольствия, ничем не дорожит, покупая оное всеми средствами, от него зависящими, без разбора их качества. Таков был Петр Васильевич, и таковы мои связи с ним, начиная от молодости до лет, соседних с старостью. Много я провел в обращении с ним то приятных, то жестоких минут, а лучшие из них, о которых я вспоминать буду всегда с удовольствием, были те, кои мы вместе с ним убивали на волокитства и праздные забавы суетной жизни.

СИМЕОН

29. День именин сына моего, первенца, и в который некогда домовая наша церковь, оскверненная французами, возобновлена полным освящением.

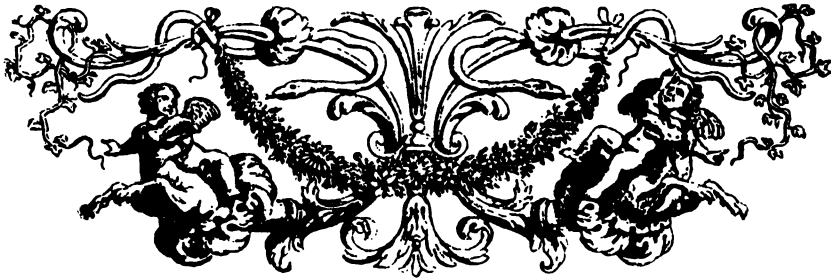
Симеон, Черниговский архиепископ, кроткий и благоразумный пастырь. Я его узнал в Троицкой Лавре, в звании тамошнего наместника при Платоне. С хорошим человеком во всяком состоянии скоро и приятно ознакомишься. С первого нашего свидания мы сделались приятелями. Он оказал мне важную услугу, когда был архимандритом Иконоспасского монастыря, рачением своим и неотступным ходатайством у викария московского, Августина, о дозволении мне возобновить домовую нашу церковь, разоренную во время нашествия французов, и когда мне дозволение было дано, он сам, по службе своей, освятил оную и неоднократно в ней литургисал. Теперь мы живем розно и по обстоятельствам так далеко друг от друга, что, может быть, во всю жизнь нашу не встретимся, но я уверен, что он меня и все семейство мое любит, так как и я не сомневаюсь, что он уверен в искренних чувствах преданности моей к нему. Время ближайших наших отношений было когда он сперва в Иконоспасском, а потом в Донском монастыре служил архимандритом; тогда мы часто взаимно посещались и откровенно о многом беседовали. Я был у него на пиру, когда он посвящен в епископы в Тулу, и не проезжал одного города в путешествиях моих, не проживши дня лишнего в оном единственно для свидания с ним. Многие наши беседы останутся навсегда незабвенны в памяти моей. При имени его мне приходит на мысль один доволь-

но важный случай. Когда приближался неприятель к Москве и всякий поспешно из оной выбирался, мы бывали ежедневно вместе, и, разговорясь, между прочим, о сокровищах церковных, я спросил: «Увезена ли хартия наследственная, читанная Павлом при коронации его и положенная в Успенском соборе?» С моих слов Симеон хватился ее, как член Синодальной канторы, прибрал, увез и сохранил. Я от него самого имею сие признание.

ОФФРЕН

30. Актер французского императорского театра при Екатерине. Игравши сам комедию, я был под руководством его в труппе принцессы Бяргтинской и, там с ним познакомясь, ходил брать уроки мимического искусства. Он меня полюбил, нашел во мне способность подражательную и, примерно обучая представлять разные роли, довел до того, что я мастерски перенимал его голос, хватки, игру и вообще всю его дикцию или произношение; сходство с ним произвело ту славу, которую я стяжал в молодости на всех благородных театрах. Оффрен сам иногда, запершись со мной в одной горнице, заставлял в другой жену свою отгадывать, кто из нас какую роль читает, и та нередко ошибалась. Сенатор Стрекалов, управлявший придворными увеселениями, увидя меня однажды на сцене, сказал мне: «Жаль мне, что вы князь Долгорукой, а то бы я вам дал тотчас четыре тысячи жалованья и принял ко двору». Имея действительно натуральную склонность к театру и охоту, я много обязан Оффрену за те успехи, коими пользовался и кои наполнили многие дни жизни моей живейшими удовольствиями.

ИЮЛЬ

ЛЬВОВА

1. Анна Васильевна, молодая девушка, сирота, монастырка, жившая в доме генеральши Бороздиной под названием барышни (см. лит. Б). Она изрядно была воспитана, пользовалась некоторыми талантами, но слишком снисходительна и готова угождать всем домашним. У Бороздиной был муж и трое сыновей, а у всей этой семьи одна Львова в сотоварищах. Что бы ни занудилось сыграть, пропеть, съездить, зазвать, удержать, заманить, словом, все попадало в должность Львовой, и она не могла ни от чего отговориться. Дом Бороздиной наполнен был мужчин, игроков и всякой всячины; за Львовой и тот и другой волочился, отвечает – беда; не сдается – другая; словом, положение ее было неприятнейшее, но кусок хлеба ее туда загнал, не хотелось его лишиться. Когда у Бороздиной составился благородный театр, я играл с ней в «Сивильском Цирюльнике»¹, разумеется, по-французски: тогда русский язык был еще под анафемой. Она представляла Розину, а я Альмавива. Не по-таю греха, что я, под испанской епанчой моего названия, любил и сам приволачиваться за ней, не только за кулисами, но и сойдя с театра. Роли наши нас так соединили, что уже мне скучно было, когда нет репетиции, а потому я, как директор этого театра, назначал их раз по шести в неделю и думаю, что мы с полгода комедию нашу пробовали, дабы, под предлогом сим, протянуть время наших свиданий и дать им как бы законное право необходимости. Львова была весела, смешлива, я редко задумывался. Прекрасное сочетание нравов! Помню донныне с удовольствием все наши проказы, ссоры, дуэли, сплетни и круговеньки, которые украшают в памяти моей время пылкой моей молодости. После того я ее уже и не видал нигде, и не слышал о ней ничего. Общая участь всех, наипаче временных, отношений: свяжется узел, кажется, крепко, затянет его еще туже, а время, расслабляющее все связи, расширит его и, мало-помалу, разорвет так, что уж вовеки конец той же нитки с другим концом не сойдется. Жива ли ты, или умерла, милая Львова? Но прими здесь дань моих о тебе воспоминаний, как бедную жертву сердца, которое причислило тебя к списку идолов моего Капища.

ЛАНСКОЙ

2. Дмитрий Сергеевич, родной деверь Елизаветы Ивановны, бывшей Виламовой. По ее ходатайству и связи со мной он некогда хотел сделаться благодетелем моих сыновей и потому стал для меня более, нежели простой знакомый, каких у меня в несчетной толпе людей, населяющих большой свет, было множество. Сыновья мои, Павел и Дмитрий, вступя в службу, были им очень обласканы. Ланской, будучи директором целого департамента в министерстве финансов, выманивал к себе Павла моего, который служил в министерстве военном и, насуля ему множество выгод, завербовал у себя. Несколько лет спустя потом, и Дмитрий, меньшей сын мой, являсь на службу в Питер, попал под покровительство старшего своего брата, к нему же, и Ланской, назнача Павлу жалованья полторы тысячи, думал, что он уже крайне обязал его и весь дом наш. Впрочем, он ему никаких выгод приятных не доставил и не исходатайствовал ему никакого знака отличия, несмотря на трудолюбие сына моего и аккуратную его службу. Можно сказать, что он добился одними урочными годами чина надворного советника, и никакого особенного внимания от Ланского ему оказано не было, а Дмитрий, тот года два числился при Ланском в чине губернского регистратора и не мог, при всем том, что он был студент, добиться офицерского класса, и так уже отошел от него в иностранную коллегия, где и произведен в офицеры. Таковы были мои отношения к г. Ланскому, которого я не могу назвать себе ни другом, ни приятелем; узнал в нем, по поступкам его с моими сыновьями, эгоиста и хитрого человекоугодника, ищущего только своей пользы и нимало неспособного быть в самом деле таким благодетелем, каким он себя любил выказывать.

СЕРАПИОН

3. В сие число скончалась бабушка моя, схимонахиня Нектария. Переносясь мысленно на гроб ее, воспоминаю тамошнего иерарха и нынешнего митрополита Киевского. Я начал его знать игуменом Богоявленского монастыря². Он был так тонок и худ тогда, что мы, ребятами будучи, прозвали его щепочкой, однако щепочка эта сделалась по времени бревном в нашей Церкви. Я не имел никакой иной причины вспомнить о нем, кроме той, самой чувствительной для сердца моего и всегда присущной моему воображению, что он, будучи уже викарием Московским, отпевал тело покойного отца моего и оказал ему сей последний знак усердия, которое он сохранил к нему во время его жизни, а сим он купил и мою некончаемую благодарность.

ШАЛИКОВ

4. Князь Петр Иванович, известный сочинитель разных романических безделок. Было время, в которое я был с ним очень приятно знаком; он часто посещал наш дом и неоднократно писал на мое имя стихи³, на которые я отвечал такими же, и его и мои напечатаны. Он издавал журнал и в оном выхвалял мои

сочинения, моих детей, все наше семейство⁴. Это пристрастие недолго продолжалось. Он, даже и в Володимир ко мне приехавши, гостил у меня дни два, во время моего вдовства; отставка моя его совсем против меня остудила; он перестал меня знать, ездить ко мне, даже говорить со мной; я ничему иному приписать не могу такого сильного поворота в приязни, как изгнанию моему из адрес-календаря⁵, с которым кн[язь Шаликов] приучен, может быть, соображать свое знакомство, и потому мы теперь уже друг другу вовсе сторонние, но я всегда, с признательностию к его ласковости, вспомню подносимые мне от него панегирики и с удовольствием представляю те субботние вечера, в которые мы с ним съезжались прочитывать его и мои стихи, приготовляя на каждую неделю новые. Все сии мелкие стихотворения напечатаны в книгах моих под названием «Мои Субботы»⁶.

ЛЯПУНОВ

5. Иван Петрович, секретарь гвардии Семеновского полку, фактотум всех его дел; человек умный, сметливый, осторожный; он умел овладеть доверенностию всех своих начальников, и ни один из них не обходился без его советов. При Брюсе он делал, что хотел; то же происходило и при Салтыкове⁷. Мне он был хороший приятель и готов на услугу. Ему я обязан назначением меня в полковые адъютанты, ему же скорым весьма неожиданным повышением в чин капитана-поручика, которого бы я не мог получить прежде, как еще через год; он же вывел меня из последних капитанов в бригады к штатским делам. Все сие заставило меня быть ему благодарным. Он не во всех офицерах был равно счастлив, тем более обязан я ему за его отличное ко мне расположение. Во всю службу мою в гвардии, после которой мы с ним совсем расстались, я ни минуты не имел случая быть им недоволен, и обращение его, хорошо начавшись, не изменялось во все восемь лет совокупного нашего служения. Как же не молвить и о нем в такой книге, в которой представляются воображению моему многочисленные ряды людей, имеющих право на мои воспоминания?

УЛЫБЫШЕВА

6. День вечно памятный, которого желал бы чтоб заря никогда для меня не восходила.

Елизавета Александровна. Женщина, которая весьма важно подействовала на судьбу мою и о которой, сколь ни болезненно мне вспомнить, но я должен всю картину нашей связи здесь представить. Она была непригожа, но заманчива, молода, ухватки самые соблазнительные, приятный разговор, хорошие поверхностные познания, ум достаточный для общежития, умела говорить и писать по-французски, читалась романов, стихотворений и мастерица была оболыщать людей неопытных. Таковой начал я знать ее в Пензе, где она, выдана будучи замуж за пьяного буяна, жила около деревень отца своего, доброго старичка Машкова, который ее любил без меры. В бытность нашу в Пензе она как-то рассуди-

ла вместе с отцом приехать на зиму в город, тут мы с ней познакомились; она скоро подействовала на мое воображение, и я к ней пристрастился. Началась между нами интрига, но самая скромная и благопристойная. По строгой морали я ее оправдывать не стану, ибо она была замужем, а я женат, но любовь ничего не разбирает; голова моя была пылка, сердце ее также; мы скоро друг друга проникли, и симпатия наша начинала похожа быть на романтическое пристрастие, которому я предался со всею неосторожностью быстрого моего характера. Многие в большом свете судят о взаимной нашей связи с крайним для обоих предубеждением и вывели из нее ужаснейшее преступление. Я, не извиняя себя отнюдь, обязан, однако же, отразить поклепы неосновательные. Во-первых, я с Улыбышевой никогда не доходил до обращения, толико вольного и свободного, чтоб она, или я, имели случай нарушить самым делом супружеские наши обязанности. Я счастлив был взглядом, вздохом, запиской и ничего более не требовал. По короткому нашему знакомству мне случилось один раз быть у нее в деревне. Муж ее, беспрестанно пьяный, бурлил и возмущал все наше общество (а нас было много) разными непристойными явлениями; мы играли в фанты, резвились, как водится в деревенских круговеньках. Довелось Елизавете Александровне, на выручку фанта, поцеловать меня в лоб, и боюсь, что я во все наше знакомство не имел другого преимущества; я вспомнил острое слово Бомарше и сказал ей тихонько: «Ce baiser m'a été bien loïn»⁸. Глаза наши проникли в сердце, и с той минуты мы вошли в решительный союз любви взаимной. На другой день поутру узнал я, что Елизавета Александровна во всю ночь не спала, будучи заперта мужем своим в конуру рядом с его борзыми собаками, и вытерпела от него разные недостойные ругательства; она и прежде несколько раз готова была с ним разойтись, но всегда старались примирить ее с мужем, хоть он, не любя ее, дорожил лишь ее именем; за нею было пятьсот душ, и он, вытрезвившись, падал к ногам ее и клялся переменить свой род жизни. Будучи в этот раз почти очевидным свидетелем всех ее несчастий и воспламенясь досадой, я решился от них тотчас уехать, но старался быть ей полезным и улучшить ее жребий. Не одно пристрастие влекло меня к тому, прошу мне поверить, но и желание освободить женщину приятную от тирании мужа негодного и ее не стоящего, словом, я вменил себе в обязанность, за несчастный ее поцелуй в лоб, защищать ее по древнему рыцарскому уставу: «Envers et contre tous»^{*}. Я уехал прямо к ее отцу, рассказал ему, сколько удручена участь любимой его дочери, и возбудил в нем благородную ревность освободить ее от такого поносного ига решительным поступком. В самом деле мои убеждения воздействовали; старик прослезился, внял моему рассказу, поехал к дочери, между тем как я воротился в город, и гласно отец дочь увез от мужа, с тем, чтоб она жила у него и более с этим пьяницей не сходилась. Елизавета Александровна, освободясь от тяжких уз, довольна и спокойна в доме родительском, рассудила ко мне писать благодарное письмо, на которое скоро получила мой ответ; переписка между нами открылась частая. Чем сильнее мы хотели друг друга уверить в чувстве любви, тем пламеннее были наши выражения, и, начитавшись оба Colardeau и Дората⁹, мы менялись самыми пылкими грамотками. Так протекла зима, и приблизились весенние дни. Открылся путь по

^{*} «По отношению ко всем и против всех» (фр.).

деревням. Елизавета Александровна хотела со мной видиться, приглашала меня к отцу в деревню и, к особенному моему несчастью, поместила как-то в письме своем известный французский стих, которого я вечно не забуду: «J'états dans le péant avant de te connaitre»**. Я загорелся, как пушечное ядро от рикшета, и посулил ей немедленно посещение; в самой вещи, несмотря на различие рек и худые еще дороги, я собрался и поехал к ней. Бывают предчувствия! Я это испытал тогда; отъехавши двенадцать верст от города, я что-то усомнился далее ехать, тем более, что мне подозрительно показалось усердие исправника пензенского, который хотел непременно выпроводить меня благополучно из своего уезда под предлогом худых дорог, но ему и многим другим было известно, один я только не знал, что от мужа Улыбышевой выставлены были на дороге люди, с тем, чтоб меня перехватить и нанести мне разные оскорбления, а, может быть, и умертвить. Сам Бог спас меня от такого ужаса. Я решился воротиться домой и отправил от себя гонца с письмом, в котором, чтоб извинить явственнее мою нерешимость ехать на свидание, я употребил все, что страсть любовная может внушить языку и перу, воспламененному воображением. Письмо было самое страстное; оно перехвачено теми подставленными людьми, и между тем шло ко мне навстречу от нее письмо, которое также перехвачено, и переписка наша таким образом очутилась в руках ее мужа. Скоро сделалась интрига наша известна всему городу и пронеслась повсюду с шумом, а потому переписка наша прекратилась, и с той поры я уже не имел никакого сношения с г-жей Улыбышевой до самой старости моей.

Обратиться должно теперь к состоянию моего семейства. Жена моя была беременна дочерью Антониной. Она езжала всегда в Москву родить, и скоро после Святой отправилась. Я оставался один; история моя с Улыбышевой разгласилась после ее отъезда, неприятели мои воспользовались ею и подстрекнули мужа ее сделать мне личную обиду, которую он и совершил в Казенной палате, когда я выходил из присутствия. Будучи в фраке, я не мог отразить его наглости, выходить с бурлаком на поединок подло и несовместно; ибо он этой части не стоил, а с каждым разбойником, который из-за угла бросит камень в голову, нельзя ведаться законами чести. Я принужден был принести жалобу государыне, тем более, что и сам губернатор покровительствовал заговору. Прислан обер-секретарь Сената исследовать дело; представлены ему наши письма, и на вопрос его о моем, моя ли рука? я отвечал утвердительно, что моя, а о ее письме сказал, что я не знаю, кто его писал и что сей вопрос до меня не принадлежит. Только от меня и требовалось: дело сие потом производилось судебным порядком, и наша переписка сделалась всем известной. К умножению неприятностей для меня, я обнаруживал в моем письме свободные мысли насчет брака, заняв их у Мирабо¹⁰ и прочих возмутительных писателей того времени во Франции. Это прибавило заключение, что я пристал к якобинской системе, что мне сугубо в последствии времени повредило. Из всего сказанного о сем происшествии, о котором я говорил потому только, что с именем г-жи Улыбышевой не могу не вспомнить и его, всякий заметит, что, кроме романического пустословия и неосторожности, ничего не было в связи моей с этой женщиной и что

** «Ничтожна я была, пока тебя не знала» (фр.).

все происшествие истекало от опрометчивого нашего свойства и испорченного воображения насчет чувствительности. Дорого я, однако, заплатил за сию интригу стыдом, которого и лета омьть не могут, и расстройкой всей моей судьбы. Улыбышев скоро после того опился и умер, а вдова его, отдав дочь свою замуж за Хрущева и не имея более детей, живет, с зятем вместе, в Москве и пользуется огромным состоянием; новые обстоятельства ввели меня под старость в новое с ней отношение: дочь моя выдана за родного племянника того Хрущева, и так я, лет двадцать пять не выдавшись с Елизаветой Александровной, опять нашелся в обществе таком близком с ней, но мы решились обходиться между собой очень холодно, как люди мало знакомые, и я стараюсь как можно реже с ней видеться. Заметить надобно здесь странную игру случая, что дочь моя, та самая, которой судьба сулила меня опять свести с Улыбышевой в новое знакомство, родилась именно в тот год, который разорвал мое с ней отношение и породил все описанные тревоги. Рад бы забыть их, но они так свежо памятны моему воображению, что я и теперь, в отдаленном времени, говоря об них, не могу удержать движения досады на себя за такие глупые и безобразные погрешности. Впрочем, сколько бы я ни считал себя виноватым в таком соблазнительном поведении, чего оправдывать никак не намерен, мне позволят, однако же, заметить, что подобная интрига не должна была иметь никакого влияния на дела службы, что до публичного характера моего она не относилась нимало, что перехваченные наши письма не должны были подвергаться ни следствию, ни публичному суду, ибо ежели подобные проступки частного лица разбирать в трибуналах, то едва ли кто спасется от общих со мной несчастий! А потому прошу всякого обвиняющего меня признаться, что во всем этом происшествии поступлено со мной от правительства незаконно, вопреки всем правилам гражданского благоустройства, и что, без личной на меня досады, я не мог быть подвержен тем озлоблениям, кои заставили меня вытерпеть, ибо человек судиться должен в деяниях публичных, но в тайном попользовании сердца, кроме Бога, испытующего наши совести, никакой мирской закон касаться нас не может и не должен.

В сочинениях моих напечатано одно только мое стихотворение, писанное мною насчет г-жи Улыбышевой, под названием «Послание к Людмиле»¹¹.

НЕСВИЦКАЯ

7. День рождения сына моего, Михайлы, который только сорок дней жил на свете. Он напоминает мне с собою время приятного заблуждения моего на родине.

Княгиня Марья Ильинишна. Женщина молодая, пригожая и приятная в коротком знакомстве. Я оного был удостоен в самой лучшей поре лет моих. Она по страсти вышла замуж за близкого своего родственника; оба были молоды, люббили жить с людьми, и в доме их беспрестанные происходили забавы. Никогда я не забуду тех удовольствий, коими наслаждался в сообществе сего юного семейства, будучи сам не старше тридцати лет; особенно той недели, которую прогостил я у них в подмосковной, где всякий день начинался и кончался праздничным

увеселением. Там были фейерверки, роговая музыка, пляски крестьянские, танцы между нами, разноцветные освещения по ночам, прогулки, в шляпках, фанты, хороводы, сельские игры, и, словом, каждый час в сутках посвящался какой-нибудь забаве; едва успевали мы высыпаться по ночам. Нас было человек до сорока вместе обоего пола, и никого старше тридцати лет. Я редко видал такое игривое и согласное во вкусах общество. Нет! Никогда без восхищения не вспомню этой счастливой и веселой недели. Все тогда, все казалось очарованным удовольствием, но скоро за сими восторгам последовали самые ненастные дни для страстных супругов. Я не успел воротиться от них в Москву, как узнал о приезде княгини в город; она прислала за мной и объявила мне, что развелась с своим мужем. Состояние ее было жалко. Я не входил в побудительные причины такого скоропостижного развода, они до меня не принадлежали, но, полюбя еще более княгиню, видя, в какое несчастное она впадает положение, я решился продолжать с ней знакомство, пристать к ее стороне и, если могу, быть ей полезен. На сем основании продолжалась самая невинная приятельская связь между нами несколько лет. Между тем муж ее, имея своих протекторов, выхлопотал при Екатерине Именной указ, по которому отобрали у матери двух малолетних дочерей и отдали в Смольный монастырь на воспитание, а вместе с тем взяли и все имение ее в опеку. За ней было до двух тысяч душ, а за мужем ее ни одной, да и своя собственная не очень благородная. Одна краска лица и свежесть молодого возраста пленили бедную княгиню; впрочем, он по уму и качествам во всех отношениях далеко не выдерживал с ней сравнения. В таком утеснении княгиня жила очень уединенно, никого не принимала, и один я почти посещал ее постоянным образом, считая обязанностью скучать вместе с той, которая умела прежде доставлять многим около себя толико удовольствий. В самое то время последовало со мной происшествие пасквиля¹², подделанного насчет одной знакомой мне дамы, и я у княгини Несвицкой был напуган потаенными его последствиями, о которых говорено в другом месте, и здесь сей эпизодический анекдот не требует уже повторения. Я не входил ни в какие скрытые дела княгини Несвицкой и, довольствуясь ласковым ее приемом, видался с ней нередко. По вступлении Павла на престол она поехала в Петербург, нашла доступ до министров, подала просьбу государю, который приказал ей разобраться с мужем чрез посредников. Ей велено было избрать двух, и мужу ее столько же. Тут она показала мне сильный знак дружбы и доверенности, поручив мне свое заступление; она не могла полагаться на мое пристрастие, ибо знала, что его нет, и между нами не было никакой интриги. Другим посредником ее был со мной Нелидов, Соляной конторы директор, с которым я вместе служил, а муж ее назначил князя Голицына, человека придворного, и Курбатова. Все мы четверо съезжались несколько раз, разбирали мужа женой. Я крепко стоял за княгиню и, получив все ее бумаги, рассмотрев их, знал, что она по чистой совести права перед своим мужем. Мы, посредники, не могли, однако ж, ни на что согласиться, и наши прения представлены были государю. Там приняты они холодно и брошены; но по вошествии Александра счастье повернулось лицом к княгине. Имение ее ей отдано, а дети выпущены из монастыря к ней, а не к отцу. Таким образом княгиня вошла по-прежнему во все свои права, но горести и удручения разного рода лишили ее здоровья, бодрости в духе и той непринужденной веселости, которая все вокруг ее

некогда животворяла; и так она осталась теперь забытой в свете женщиной, о которой никто уже не говорит и не вспомнит. Один я до сих пор одинаково ей предан. Доверенность ее, оказанная мне в ту чувствительную минуту, о которой я упомянул выше, наложила на меня обязанность быть ей приверженным до гроба. Этот случай сопровождаем был еще другим гораздо прежде, который оказал великодушную ее привязанность и участие во мне. Когда я был вице-губернатором в Пензе и скучал тамошним пребыванием, она, будучи очень хорошо знакома с Кречетниковым, тогдашним генерал-губернатором в Туле, где ее именье, не сказав мне ни слова, просила его о переводе меня в Тулу. Кречетников не умел ни в чем ей отказывать; он уже готов был представить о перемещении моем Екатерине, как вдруг скончался, не успев совершить своего намерения, и я им не воспользовался. Тем меньше ли я должен быть благодарен княгине Несвицкой? Столь многие опыты искренней ее приязни привязали меня к ней навсегда. Во время наших разлук мы вели переписку; теперь она по большей части живет в своей деревне, и мы очень редко видимся, но всегда готов принять участие во всем, что до нее касается; и так знакомство наше началось игрушками, катаньями в санях и забавами незрелого возраста, а потом, укоренясь подвигами характера чувствительного, сделались неразрывным содружеством, которого я не нарушу во всю жизнь мою, будучи опытами удостоверен, что из всех женщин, с которыми я был в союзе приязни в молодости, нет ни одной, которая бы так сильно заставляла меня помнить о себе с благодарностью и уважением, как княгиня Марья Ильинишна Несвицкая.

ВЕЛИКИЕ КНЯЖНЫ

8. Во время молодости моей, когда я ездил в загородные дворцы Павла I забавлять его театральными позорищами, тогда мне случалось по вечерам, не играя в карты и будучи праздным, тешить малолетних дочерей его разными детскими игрушками в большой гостиной, куда их приводила г-жа Ливен. Я около их стола строил им карточные домики; они дули на них; те валились, и это их забавляло. Сии ребяческие игры так были им памятны после, что когда я представлялся им уже как чиновник государственный, и сами великие княжны были в зрелом возрасте, то они благоволили, и именно Марья Павловна, мне напомнить о своем младенчестве, и по преданиям генеральши Ливен, узнав мои тогдашние отношения ко двору их родителей, оказывали мне весьма лестное благоволение, удостоив продолжительного разговора и любопытного участия в моих обстоятельствах.

ШАПОШНИКОВ

9. Молодой мальчик, призренный отцом моим, и с которым я прожил в одном доме весь мой отроческий возраст. Он был родной племянник известному в истории российской Мировичу, сын родной сестры его¹³, а потому был и несчастлив; его записали в Университет, из которого он без вести пропал, и с тех пор мы никакого слуха об нем не имели. Видно, что сам рок мстил ему за преступление дяди его, отняв у него все способы устроить судьбу свою.

РИШЕЛЬЕ

10. Начальник Одесского порта и сопредельных губерний. В путешествие мое в тамошний край, которое описано особо¹⁴, я имел случай с ним ознакомиться и никогда не забуду морской прогулки, которой он меня попотчевал в дождливое ненастье, сопровождаемое сильным ветром. Я в первый раз увидел себя на море в двенадцативесельной шлюпке, которую колыхало порядочно, хотя берега были близки, но много ли надобно ветра, чтоб опрокинуть лодку? и много ли надобно воды, чтоб ею захлебнуться? Меня и поныне дрожь берет, когда я вспомню эту отважную и глупую, смею сказать, забаву. Учтивость принудила меня принять предложение дюка¹⁵, а сотоварищество его нимало не успокоило волнения, в котором находился во все то время. Сим плаванием г. Ришелье запечатлел себя в памяти моей так живо, что я никогда об нем не забуду.

ПОЖАРСКАЯ

11. День рождения покойной моей падчерицы. Все воспоминания мои в оный обращаются к лицам, с нею связанным узами родства.

Прасковья Ивановна, племянница родная жены моей по первом муже. Я ознакомился с родителями ее, когда женился на ее тетке. Отец ее, добрый мужик и искренно любивший меня, служил исправником в мое время в Володимире по Шуйской округе. Во время путешествия моего в Петербург на него напали и отрешили, но я восстановил его во все права, обнаружил его невинность и успел помощью хороших, кроме меня, за него ходатаев в родстве Пожарских доставить ему чин коллежского асессора, в котором он, вышед в отставку, скоро умер, и я много о нем жалел, как о добром человеке. Оставлял он после себя кучу детей на руках у матери глупой и злонравной, которая не замешкалась выйти замуж за немца без всяких достоинств, ищущего только жить на чужой счет, в чем и успел совершенно; он прибрал все ее имение к рукам, а большая часть оного принадлежала ей; отец оставил сиротам только сорок душ собственно своих. Как скоро он умер, я был определен к имению малолетних попечителем, а мать опекуншей. Вотчим по времени так овладел женой своей, что она без воли его не смела пикнуть, и дети сделались жертвой его капризов; сколько я ни протестовал, ни жаловался правительству, вышедши из службы, на худые поступки вотчима и на незаконное управление имением Пожарских без всякого моего совета и спроса, ничто не действовало, и он в чужом добре сделался господином самовластным. Это расстроило наше знакомство, я перестал ездить и пускать к себе бывшую невестку жены моей и, живучи в деревне рядом с поля на поле, никогда не видались. Дети несчастные кое-как вырвались из сей темницы: мальчиков записали в корпус, а из девочек одну выдали замуж, еще во время вдовства матери, меньшую отдали в пансион ярославский; одна средняя оставалась при матери и терпела всю тягость своего состояния до некоторых пор с крайней скромностью. Вотчиму и она сделалась лишней. Ему хотелось простора в доме, чтоб, лучше поработив жену, высосать из нее все, что только он мог приобрести в свою пользу. Для того он удвоил скверные свои поступки против Пашеты, подбивал мать ее на

досаду. Прасковью Ивановну бранили, мучили, наконец, потеряв все меры терпения, она потаенно требовала от нас помощи; я решился взять ее в наш дом. Однажды в праздничный день пригласили мы ее к себе, мать не смела не отпустить, она к нам приехала, а я, как попечитель, обнаружив в письме к предводителю все поступки вотчима, уведомил мать, что я дочь ее взял под свое покровительство, и с тех пор она не могла видаться с ней. В доме нашем живучи, Пашета занемогла жестоким образом, сделался с ней припадок с такими ужасными конвульсиями, от которых, несмотря на искуснейшее врачевание, нельзя было ожидать никакого облегчения. Бог сохранил ее чудесным средством. Тогда много толков было в Москве о магнетизме, всякий рассуждал по-своему. Доктор наш домовый предложил мне сей способ лечения для Пожарской. Я согласился, и целую зиму ежедневно она была магнетизирована при мне и домашних. Всем опытам я был свидетелем; они совершенно удались. Пожарская, после годового почти лечения, наконец так оправилась в силах и раздобрела, что не только припадку, она даже и истерике реже подвержена, и нервы ее чрезвычайно укрепились. Наши об ней старания привязали ее к нам, и она составляет члена нашего семейства, будучи почти посторонней в доме матери своей, которая ничего ей не дает, не пускает к себе на двор, отказывает даже иногда в благословении и совсем ее бросила. Посредством сей нечаянной болезни Пожарской я имел случай узнать, что такое магнетизм, и получил о нем ясное понятие. Я не гляжу на него, как на благодать, но как на врачебный счастливый способ помогать страждующему человечеству во всяких нервических немощах, для которых единственно он и целителен. Как кончится судьба Пожарской со вступления ее в наш дом, выгодно или нет? Этого узнать нельзя, но, по крайней мере, судя по отношениям между ею и нами, донныне существующим, уповательно, что она спокойнее проживет, чем у вотчима, и не будет терпеть тех оскорблений, какие мать ее допускала из пристрастия к мужу недостойному и употребившему во зло не токмо мои, но и покойного Пожарского благоснисхождения и милости жены моей, без коих он жить и существовать не мог бы, будучи у них у всех, так сказать, как нищий иностранец на хлебах, из одной христианской жалости по человечеству. Все сии эпизодические лица долго будут жить в памяти моей, ибо доставляли мне по временам самые смутные минуты и побуждали к поступкам неприятным, кои совсем несвойственны моему характеру. Одну Пашету я всегда вспомню с удовольствием, потому что она была умна и скромна; я ею был очень доволен и люблю искренно.

НЕЛИДОВА

12. Катерина Ивановна, старшая фрейлина меньшого двора, когда я начал к оному ездить. Девушка умная, но лицом отменно дурна, благородной осанки, но короткого роста, черна, как жук, и уже лет за тридцать была тогда. Она воспитывалась в Смольном монастыре; до того умна и любезна, что всякий, говоря с ней, забывал, что она дурна. Павел несколько лет был в нее чрезвычайно влюблен, и она многое из него умела делать. Я игрывал с ней комедии и был как-то всегда от нее далек, ибо она мне не нравилась. Покойная жена моя, до некоторо-

го времени живучи с ней в одной комнате, была очень дружна, но как рассталась после замужества за меня, она заметила многие опыты холодности ее к ней. Нелидова, притревновавши жену мою к великому князю, вздумала оказывать ей презрение, которым жена моя любила со всеми киваться; она, не посматривая на старшинство той и ход у двора, сама с ней обходилась очень ярко, потом, как Нелидова увидела, что ревность ее не имеет никаких основательных причин, они обе опять сошлись очень хорошо и, по крайней мере, по наружности обходились приятельски. Во время моей отставки из Пензы, когда жена моя одна странствовала в Петербург, при восшествии Павла на престол, а Нелидова была уже в большом случае, она без надменности обошлась с ней, как старая приятельница, и старалась о пользах ее очень усердно, но, к несчастию, без выгодных успехов, в чем не ее винить должно, а несчастную мою планету. Я, с моей стороны, не был, с начала моего знакомства с Нелидовой, ни жарок, ни холоден, таков остался и доныне и, при случаях нашего свидания, кои бывают очень редки, всегда доволен ее обращением со мной. Из всех приключений, кои с именем ее приходят мне на память, я тверже всех удержал в мыслях театральный наш анекдот. У двора года два сряду благородные играли комедии; это была мода и вкус того века; на театрах их высочеств разыгрывались все драматические творения, комедии, оперы и балеты. В Павловском, в Гатчине, на Каменном Острове, везде я был актером, и во всякой пиесе в связи театральной с Нелидовой. Довелось мне играть роль любовника ее в опере французской «Rose et Colas»¹⁶. Тут есть ария всем известная: «C'est ici que Rose respire»*. Я ее певал изрядно. В одном куплете, когда Colas в восторге целует вертено и прясло¹⁷ своей возлюбленной, есть восклицание следующее: «Que je la baise (т.е. la quenouille) et cette chaise, ici tout est, tout est, charmant»**. Государь Павел хаживал на наши пробы и ими наполнял скучные свои вечера в богатых дворцовых замках. В один вечер после пробы всходит он на сцену, встречает меня и говорит: «Мне кажется, ты, в одном куплете своей арии, не так слова произносишь». – «Совершенно так, Государь! Я всю арию знаю от слова до слова». – «Прочти мне ее, я припомню и укажу тебе, в чем ты ошибаешься». Тотчас я сказал говорком всю арию, и он, остановив меня на выше приведенных восклицаниях: «Вот где ошибка. Ce n'est pas comme cela, qu'il faut chanter, il faut dire: que je la baise sur cette chaise»***. Относя слова, принадлежащие вертено, самой той, которая садится за оно, из чего выходил обиняк¹⁸ очень забавный. Павел, сказавши, расхохотался, я также, и мы пошутили над Нелидовой, которая, однако, уже слыла тогда его любовницей. Этот анекдот может служить дополнением ко множеству тех странностей, кои принадлежали свойству Павла, и дают понятие о его характере; он был временем самый любезный, а иногда самый блаженный человек. Нелидова умела править и умом его, и темпераментом. Мне она знакома только по театральному искусству, в котором, при всех своих успехах, была, однако, ниже моей жены покойной. Она напоминает мне лучшие годы моей жизни, и, оглядываясь назад, я всегда воображаю ее с удовольствием по отношениям к тому именно веку.

* Здесь Роза снова пробуждается к жизни» (фр.).

** «Я хочу ее (прялку. – В.К.) поцеловать, и этот стул, здесь все, все очаровательно» (фр.).

*** «Петь надо не так, надо сказать: я хочу ее поцеловать на этом стуле» (фр.).

БОБРИНСКАЯ

13. Графиня, супруга вдовствующая известного сына свободного Екатерины¹⁹, по породе лифляндка. По веселому ее характеру ей очень прилично стать в знакомстве моем рядом с Бороздиной; та же веселость, та же доброта в намерениях, простота в обычаях, но другие времена, другие средства, другие обстоятельства делали разницу и в отношениях моих. Я свел знакомство с ней уже в старых, а не молодых годах моих; если б я не продолжил еще для собственного своего увеселения забавляться актерскою игрой, то, вероятно, никогда бы и не узнал, что есть на свете графиня Бобринская. Она приехала в Москву, купила дом и расположилась, во что бы то ни стало, жить весело и забавлять весь город. Вся публика к ней хлынула. Она была и сама уже немолода, но здорова и во всех физических силах; чрезвычайно богата, она увлекалась во все роды житейского удовольствия; скоро появился в доме ее театр, и тотчас приглашен я был в ее общество. Первое намерение мое, познакомиться с ней, клонилось к пользе взрослых двух моих дочерей, коим я хотел доставить приятный выезд; вместо того попал я сам в актеры и, из снисхождения, согласился участвовать с дочерью ее, княгиней Гагариной²⁰, в венецианской фарсе; дан был у нее маскарад, во время которого несколько человек благородных, смешанных с иноземцами, в том числе и я, мы сыграли пресмешную трагикомедию под названием Клеопатры²¹. Все мы одеты были в маскарадное платье и спрятаны под живописные личины; я представлял роль самой Клеопатры; это было очень смешно, вся публика хохотала и была в ладоши поминутно. Подобные праздники у нее давались очень часто, и я во всяком был каким-нибудь действующим лицом. Нельзя забыть и того, который воспоследовал 6-го генваря. Кроме маленькой комедии, которую мы разыграли втроем: Пушкин²², я и один француз, да не просто в комнате, а на возвышенном помосте, и с оркестром, мы играли в короли, то есть *Jour des Rois*²³, я был обер-шенк, в разных пестрых орденах, а потом прохаживался в версте из бумаги и никем не был признан. Превращение сие было ново и очень позабавило весельчаков. После пиесы, о которой упомянуто, каждый из нас, трех действующих лиц, пропел в честь графини куплет французский, и мне посчастливилось за свой получить всеобщие рукоплескания. Передаю его здесь читателю:

Moi sans pretendre à la couronne,
 Je vais droit mon petit chemin
 Et tour à tour je m'abandonne
 Au sese aimable et au bon vin.
 Près de la cour qu' ici s'apprette,
 Quoi de plus doux, qu' être échançon,
 Car quand le coeur est de la fête,
 Ou aimé a perdre la raison*.

* Не претендую на корону,
 Я иду прямо своей скромной дорогой
 И то и дело посвящаю себя
 То женскому полу, то вину.

При этом жеманном дворе
 Что может быть лучше, чем быть виночерпием,
 Потому что когда в сердце праздник,
 Приятно терять разум (*фр.*).

Знакомство это как пришло, так и исчезло. Она только одну зиму жила в Москве и переселилась в Питер, но забавы, коими я пользовался в ее доме, сохраняют навсегда имя ее в моей памяти.

ШУВАЛОВА

14. Графиня Катерина Петровна, мать графини Дидрихштейн, о которой говорено в своем месте (см. лит. Д). Дама уважительная и по летам, и по чину, и по качества своим, отменно любезная в простом и приятельском сообществе. Я имел счастья сие испытать, бывая принят ею очень милостиво, и при муже ее, и во время ее вдовства, любил часто посещать их семейство. Муж ее²⁴ был человек весьма начитанный и остроумный, и с удовольствием слышал и его стихи, и читанные им чужие; он пристрастен был к французской поэзии, особенно к Вольтеру, он имел в себе какую-то смесь высокого и легкого, так что нельзя не вспомнить живо и с удовольствием разных примеров сей резкой противоположности. Однажды в Петергофе, в самый тот праздник, в который ему дали Андреевскую ленту²⁵, он, слоняясь со всеми в придворных залах поутру, до выхода Екатерины, увидел меня и, с особенным каким-то тоном дружеской приязни, предложил мне погулять с ним в саду; мы пошли в густые тенистые аллеи, и там на просторе, один со мной, удален от всех взоров, граф Шувалов начал декламировать Вольтеровы стихи, и именно эти:

*Ces hochets fastueux d'une caduque enfance**.

Он с таким жаром и чувством произносил их, что я, как простак, принял всю его декламацию за истину и ударился бы об заклад со всяким, когда узнал, что на него надели голубую ленту, что он нимало этим не восхищен. Но какое было мое удивление, когда я пришел на квартиру к нему поздравить с царской милостью и увидел, что тот же самый мнимый философ, граф Шувалов, в чадку от радости, бегал из угла в угол, примеривал всю свою гардеробу, чтоб видеть, к какому цвету из его кафтанов лучше пристанет голубая лента. Он был важен у дел и ветрен дома в одно и то же время; мне приятно было ездить к нему насматриваться на чудесный контраст его поступков. Графиня была женщина гораздо характернее его; я преисполнен был к ней почтения, и доныне с удовольствием привожу себе на память то время, которое я препровождал в их любезнейшем семействе. Тут науки, художества, стихи, театр и все пленяющее воображение похищало первое место в разговоре, в занятиях и забавах. Такого дома, каков был их, в нынешнее время отыскать трудно. Жаль для молодых людей, потому что подобные общества суть для них самая лучшая практическая школа общежития.

* Эти пышные погремушки отживающего детства (*фр.*).

ДОЛГОРУКОЙ

15. Князь Владимир Сергеевич. Добрейший человек, какого только себе представить можно. Он долго, и много служил отечеству, был уже генералом во время Семилетней войны, потом обратился в дипломаты и двадцать лет с лишком был Посланником нашего двора у прусского короля, Фридриха Великого, что можно назвать важной заслугой, наконец, состаревшись, возвращен в Россию, отставлен с чином действительного тайного советника; будучи без имения, получил пенсioen, состоящий в четырех тысячах рублях в год, и скромно проживал его в Москве, в доме невестки своей родной; во всю жизнь свою был холост; скончался близ осмидесяти лет. Я чрезвычайно почитал этого добродетельного старичка; он общее к себе привлекал уважение, я гордился его благосклонностью, и действительно он меня искренно любил. Я часто посещал его, его собственно, независимо от связи моей с его невесткой, о которой говорено будет ниже. Его беседа была богата и занимательна; простота удивительная во всем наружном его виде, благородство отличное в поступках. Я мало могу поставить с ним рядом людей возвышенных саном и почестями. Он жаркое принимал участие во всех моих обстоятельствах, и, посредством женитьбы племянника на дочери графа Васильева породнившись с ним в то время, как тот сделался вельможей, он крайне хлопотал о улучшении судьбы моей по службе, и его особенному ходатайству, может быть, обязан был я тем, что попал в список кандидатов, истребованных от Сената государем для замещения губернаторских вакансий. До конца жизни своей он не менял со мной обращения, писал ко мне часто в Володимир, и отношения мои с ним, основанные на твердых началах, не прекратились по гроб его. Потеря сия была для меня крайне чувствительна, и я долго спустя после смерти его теперь с удовольствием гляжу на портрет его, подаренный мне наследником. Богатство все его состояло в прекраснейшей библиотеке, которой я нередко пользовался по особенной его ко мне благосклонности. Жаль, что добрые качества ума и сердца его мало были в согласии с его лукавым временем, и потому он скрылся в уединении, посвятив себя одним связям родства и дружбы.

ДОЛГОРУКАЯ

16. Княгиня Наталья Сергеевна, невестка вышешписанного князя. Она была за братом его родным, сама же по себе роду Салтыковых, прижила с ним сына и дочь, овдовела и жила с ними и с деверем своим домом в Москве. Я с ними не имел никакого родства, но короче был всякого родственника по свычке частого с ним обращения. Княгиня была женщина умная, рассудительная, сметливая, но подвержена слабости горячих темпераментов, и в самой даже старости платила дань своим восторгам. Я был уже женат, когда ознакомился с ней, но юн в страстях, и, чем более сберег себя в молодости, тем сильнее обуревал меня самого пылкий мой характер; и так знакомство мое с княгиней уподобилось соединению огня с соломой. Почитая себя рабом моих должностей, а наипаче супружеского союза, я никогда не смел нарушить прав его и отдать себя вполне другой женщине, но не было той ласковости, сколь бы далеко ни заводило нас воображение,

которых бы я не истощил с княгиней. Она сама была еще в тех годах, в которых можно понести бремя, для нее по вдовству слишком позорное, и потому рада была, что наша молодого человека, которого удовлетворять могла одними нежными и вальными ласками, не решаясь на последний и соблазнительный шаг в интриге. По правде сказать, мы весьма близко от него вертелись, и чуть-чуть... Сколько минут восторгов, сколько очаровательных ощущений мне на мысль приходит! Чужды от всякого подозрения внешнего, по неравенству наших лет, мы тем свободнее могли следовать волнению крови. В их доме по вечерам съезжалась всегда мужская круговенька, небольшая, но отборная: поиграют в карты, побеседуют, отужинают и разъедутся; деверь ретируется спать, а я останусь с ней один, и часто до двух, трех часов за полночь, предаваясь чувственности, не выходишь из обморока страстей естественных. Нет! никогда я так не наслаждался животным моим существом, как у нее и с нею. Это продолжалось несколько лет, до поездки моей в Пензу, и по возврате оттуда несколько времени еще длилось; она начала, наконец, ослабевать в силах телесных, душа тогда возмужала. С примерным великодушием переносила наихлещайший недуг, мужественно встретила последнюю свою минуту, простилась со мной за день до смерти, как искренний друг, умирала с твердостью во всех Христианских отрадах Веры, очистила грехи свои горячим прибежищем к Богу с раскаянием и предузнала почти минуту своего конца, в благочестии уснула навек. Я с искренними слезами сожаления проводил гроб ее до Девичьего монастыря, где высечены на камне надгробном стишки мои, и таковые же написаны на смерть ее²⁶, кои напечатаны в моих книгах. Деверь пережил ее немногими годами и положен с ней рядом.

Во время связи моей с княгиней случилось происшествие между нами, достойное частей моих воспоминаний. Однажды получил я, в виде письма на мое имя, прегнусный пасквиль на ее счет. Она была разругана, не пощажена и я. Почерк так был подделан под ее руку, что если бы не самое ее бранили, то можно бы подозревать, что это собственная ее шутка. Я тотчас с письмом бросился к ней, она его прочла, никого, кроме нас двух, в комнате не было; под окошком никто не слонялся, за дверьми никто в щелку не заглядывал, словом, мы были точно одни. Поговоря о таком наглom поступке и условившись доискиваться, от кого онный произошел, она при мне сожгла грамотку, оторвала печать, спрятала в столик, заперла ключом, и делу край. Скоро потом явился я в другой дом, совсем ей незнакомый, и где я был короток. Там, по некоторым насмешкам догадавшись, что есть какое-нибудь сведение о полученном мною пасквили, выспрашивал у двух хозяек, с которыми я остался один, не знают ли они, что за странное письмо ко мне на днях было адресовано и от кого? Долго хохотали они, долго запыривались, и я, наконец, потеряв терпенье, угрожал им, что без их доверенности найду средство открыть эту тайну, сличая руки тех, с кем я в переписке. На сие вдруг возразили мне. «Трудно будет сделать проверку, потому что письмо сожжено, и одна только печать осталась, которая заперта». Тут я признаюсь, что побледнел и испугался их, как чародеек. Кроме этого ничего не выведал, и до сих пор, спустя лет тридцать потом, не довелось мне сведать, ни кто сочинял этот пасквиль, ни для чего адресован был именно ко мне. Так это и прошло. Больше одного раза никто не предпринимал повторить со мной подобной глупой шутки, и я скоро насчет последствий успокоился, да их и не произошло.

ЧЕМЕСОВ

17. Ефим Петрович, бывший некогда воеводой в Пензе, зажиточный та-машний помещик, человек многосемейный, роскошный и тщеславный. При-ехавши туда на службу, я с первым с ним ознакомился, потому что один из сы-новойй его служил в мое время в Семеновском полку сержантом, и поэтому я въехал прямо в дом к отцу его; казенный слишком был огромен для меня од-ного. Он очень гостеприимно удержал меня у себя до приезда жены моей с се-мейством, отвел мне хорошие покои и обходился со мной, как с родным. Я не могу поныне забыть такого доброхотства, тем более достойного признатель-ности, что г. Чемесов не имел до меня никакой нужды и тут нельзя было пред-полагать личной выгоды, а единственно проистекало оно от благосклонного его свойства, при маленьком тщеславии. Он любил давать балы и пиры, я их очень много отпраздновал в его доме, и он, несмотря на ссору мою с губерна-тором, всегда обходился со мной ровно и хорошо, хотя был тому, по жене его, дядя родной. У меня есть в рукописных стихотворениях отрывок, в котором говорится шутливым образом о Пензе и его воеводстве²⁷. Оно никогда не выйдет в свет. Ефим был плохой судья, плохой воевода, но добрый мужик, не знал ни одного слова иностранного, а влюблен в Вольтера. Несмотря на все его прочие недостатки, я его всегда буду помнить, как доброго человека, ока-завшего мне, во время жительства моего в Пензе, разные приятные услуги, а пословицу его я очень часто приводил себе на память; он сплошь говаривал губернатору, не обинюясь, когда тот, рассуждал о градоправительстве, сби-вался с толку: «Эх, ваше превосходительство! вить городом-те править не ру-кавом трясти». Много у него было подобных выражений собственно своих, которые погрешали, может быть, против чистоты отборного светского раз-говора, но никогда не были в раздоре с здравым смыслом.

РЕЙХЕЛЬ

18. Университетский профессор. Он преподавал исторические лекции по-латыни. Никто так красноречиво не изъяснял ее, как он. Приятно было его слушать; ни одно слово не пропадало, ни одно событие не терялось. Дар сло-ва принадлежал ему в превосходстве. Я поныне вспоминаю с удовольствием те часы, которые просиживал в его классе, умел занять своих слушателей, и я, несмотря на юный мой возраст, пленялся его беседой. Он не долго жил, и в нем Университет сделал такую потерю, какую едва вознаградил ли и после. Похороны его были блистательны. Все мы провожали гроб до лютеранской кирки и отдали без принуждения последний долѣ полезнейшему из наставни-ков наших. Он уважаем был и сотоварищами своими, и во всем сословии уче-ных после него никто уже не преподавал истории по-латыни, ибо никто так хорошо этого языка не знал, как он, и редкий профессор того времени умел так выработать его как Рейхель. Я смею сослаться в этом на всех сверст-ников моих и знатоков латинского слога.

МОЛДАВАНКА

19. День знаменитый в жизни моей по событию, которое опишется при вышесказанном имени рабы, меня спасшей от ужасной смерти.

Горничная служанка нынешней моей жены, которой я обязан жизнью. Как же ее забыть? Может ли услуга какая-нибудь быть важнее сей? Мы ехали на Макарьевскую ярмонку, и, переправляясь на пароме через реку Луг, в селе кн[язя] Федора Николаевича Голицына, Мытах, в Володимирской губернии, рассудилось мне пройти по лавам; жена мне отсоветывала, но я нетерпеливо хотел переправиться, а паром долго не шел, и так, перейдя одну часть реки с детьми и частью людей наших, я увидел, что надобно, пройдя небольшую отмель, опять по другим лавам перебираться на настоящий матерый берег; паром между тем шел к жене, а гребцы кричали мне, что дальние лавы плохи, надобно было воротиться. Я, перепустя пред собой всех домашних, побрел за ними по тем же лавам, по которым шел уже за четверть часа прежде; глаза у меня вдруг как-то помутились, и я упал в воду во весь рост с картузом на голове. Дна не доставши, я не вспомнил, и не знаю, каким образом успел ухватиться за жердину, на которой держались лавы. По счастью, за мной шла молдаванка, она увидела руку мою над водой, подбежала и успела схватить меня подмышки, прежде нежели я сорвался совсем. Освободя таким образом мне голову, она доставила случай опомниться, и я, прыгнувши с усилием, попал ляшкой на лаву и присел, после чего нетрудно уже было мне спастись и быть живу. Я подал тотчас голос жене, которая, видя все происшествие с берегу, лежала уже без памяти, и вся дорожная услуга была при ней. Дети также совались без ума и памяти по берегу и не умели сыскать себе помощи от страха и тоски. При мне была одна молдаванка в эту ужасную и для меня, и для нее минуту, ибо если б она, нагнувшись до половины тела, чтоб вытащить меня под плеча, потеряла перевес, будучи увлечена мною и моим грузом, то бы и я не спасся и она, всеконечно, погибла. Сильный подвиг усердия ее ко мне, за который я остался ей обязан на всю жизнь мою. Само Провидение поставило ее тут как бы для того, чтоб сделать ее, а не другого кого, орудием моего спасения; без нее я совершенно погибал в волнах, все ближние мои потерялись и не знали, что делать, увидевши, что я упал в воду и головы не видать. Она бросилась, не соображая, что сама может утонуть, высвободила меня и стала навсегда предметом уважения и признательности моего семейства. Ах! этой ужасной минуты я без трепета доньше вспомнить не могу; но, слава Богу, сей случай не имел никаких опасных последствий в здоровье ни для меня, ни для жены и детей, которые вытерпели только самый жестокий страх, а я почти без чувств был, доколе не присел на лавы и не увидел, что Бог благоволил избавить меня от насильственной и ужасной смерти, а дом мой от плачевного сиротства. Ибо да будет Бог препрославлен, и да ущедрит милостью своей избавительницу мою, молдаванку, так прозванную женой моей, ибо она, впрочем, русская, и настоящее имя ее Марья, жена деревенского нашего садовника.

ТИХОМИРОВ

20. В сей день домовый праздник в нашем летнем убежище, Александрове. Мысленно туда переносюсь, вспоминаю всех, лежащих там, сродников жены моей и с сугубым вздохом останавливаюсь на могиле сего бедного человека.

Дмитрий Романович. Приятное эпизодическое лицо в моей жизни. Он родился в духовном звании, обучался в семинарии Владимирской, там заметили в нем необыкновенные способности. Он сам от природы прилежен был к учению, и его замучили школьными трудами до того, что он пробыл несколько лет учителем, потерял зрение и от несчастного случая зашиб ногу, которую уврачевать в тамошнем месте никто или не умел, или, по бедности его, не хотел; и так он остался во всю жизнь свою хром и слеп, двигаясь на костылях. В таком несчастном положении лишился почти хлеба насущного, потеряв все средства приобретать его трудами; он приютился в погост Ильи Пророка, к которому мы, по Шуйскому имению, прихожане. Тут от благотворений некоторых соседей был призрен и не оставлен. Приезжая ежегодно в летнее время в ту деревню, я с ним ознакомился, часто возил его к себе и беседовал с ним. Я в нем нашел благородные правила выше его состояния, чувствительность характера отличную и ум, украшенный многими полезными познаниями. Войдя с ним в ближайшее отношение приязни, узнал, что он, будучи учителем в семинарии, жил вместе с знаменитым сыном фортуны Сперанским, которому и преподавал некоторые уроки; я читал многие письма того, писанные к нему уже во время его случая у двора, по которым должно было надеяться, что Тихомиров никогда оставлен не будет, однако же, во оправдание пророческой сентенции: «Не надейтесь на Князи, на сыны человеческие»,— Тихомиров, кроме писем Сперанского, ничего от него не получил существенного; дошло дело до того, что он его и совсем бросил. Я осмелился привести его на память Сперанскому, писал об нем и не получил никакого отзыва. Ясно, что Сперанский уже забыл об нем, по искреннему произволу сердца не быть ему полезным; тогда я удвоил мои попечения об этом несчастном слепце, еще теснее с ним подружился, навещал его, брал к себе в деревню и проводил летом столько времени с ним, сколько мог, дабы усладить горестное его уединение, которое он выносил мужественно и без ропота. Часто мы с ним певали обедню на крылосе нашего погоста; недуги его день от дня увеличивались, и он, бедный, едва достигши пятидесяти лет, скончался. Я его видел за сутки до смерти. Он не мог уже ни узнать меня, ни говорить со мной. Тело его погребено при погосте, и хотя на нем не воздвигнуто памятника, но я при всяком посещении его могилы дарю ему несколько слез, в воспоминание того усердия, с которым расположен был к нему живому и коим возвратно пользовался от него. Для достоинств нет породы! Они драгоценны во всяком человеке! Еще не умолчу черты его благонравия, оказанной при самой кончине! Он не хотел никаких писем Сперанского оставить после себя и все их велел предать огню (что и исполнено), дабы спасти от упреков гордого своего сотоварища.

ИВКОВА

21. Девушка милая, острая, любезная, а вдобавок собой пригожая, воспитана в Смольном. Я за ней некогда волочился, а ныне уже не помню и имени ее. Таковы отношения наши в юности и в большом свете, где все создается на песке и уносится вихрем. Она жила в доме принцессы Барятинской, под скромным наименованием барышни; богато одарена природой, заменяла все прочие недостатки фортуны любезным обращением. Будучи короток в доме принцессы, по случаю забав и театральных зрелищ, я часто с г-жой Ивковой играл комедии. Ничто так не сближает молодых людей; я чуть-чуть в нее влюбился в комедии «Le Philosophe marie»²⁸, в которой я, по одобрению публики, играл удачно первую роль, то есть самого философа. Она мастерски мне помогала в роли субретки. Известно, что подобные роли достаются всегда самым острым и проворным девушкам. Такова точно была пригожая Ивкова; она скоро потом попала замуж, я оставил Петербург, и мы уже нигде не встречались, а как эпоха жительства моего на Неве есть одна из счастливейших в моей жизни, то с ней в памяти моей всегда тесно связана будет фамилия и образ г-жи Ивковой.

ШАТОФОР

22. День именин покойной дочери моей, Маши, в которой является мне на мысль ее надзирательница.

Mademoiselle de Châteaufort, француженка. Когда я овдовел и остался с тремя дочерьми, из которых старшей уже было пятнадцать лет, мне нужна была для надзора за ними мадам, и ее нам отлично рекомендовали. Я ее принял; она прожила в нашем доме сперва года четыре и по кончине Маши отошла, но так привыкла к нашему семейству, что опять вступила в мой дом и жила года с два, до тех пор, как болезни принудили ее основать пребывание свое в Москве, для способности леченья. Я о ней не могу ничего сказать, кроме хорошего; женщина отменно добрая, благонравная, но до излишества чувствительная, что и препятствовало часто ее благосостоянию. Характер ее был отменно привязчив, но она не умела любить с мерой и оттого подвержена бывала разным огорчениям. Я никогда не забуду услуг ее и пребывания при моих дочерях; она особенно за старшей смотрела как мать, любила ее пристрасно и с трудом переносила ее кончину. К особенной чести ее помещу здесь один поступок; не всякая иноземка способна оказать подобный. Во время самых сильных неприязненных действий нашего двора с французским велено было всех выходцев той земли привести к присяге и взять с них клятвенное обещание, что они ни с кем в отечестве своем переписываться не станут. Мамзель Шатофор не могла быть изъята из сего правила, поелику жила в моем доме, при детях губернаторских, следовательно, для примера я должен был первый выслать ее к присяге. При мне самом она дала подписку правительству, в узаконенной форме. В тот же день она, пришедши ко мне, просила, чтоб, вместо тысячи рублей, кои получала в год, я ей производил

только шестьсот рублей, ибо, не имея уже возможности доставлять остальных четыреста в Лотарингию к матери своей и зная, что мне, по собственным недостаткам моим, тяжело ей платить тысячу, она может удовлетвориться и половиной. Разумеется, что я ее не послушался; но пусть скажут мне, много ли людей ее состояния будут в возможности выдержать с ней сравнение в таком благородном подвиге сердца? Нет! Я никогда ее не забуду и никогда не раскаюсь, что доверил сей почтенной женщине воспитать племя Евгении, которое воспользовалось с успехом и учением ее и образованием. Она и поныне принимает участие во всем, что касается до моего семейства, и когда недуги ее позволяют, посещает нас, сохраняя к нам постоянную приверженность. Я вечно сожалею буду о том, что Бог не дал мне способо быть ей ничем иным полезным, как одной любовью и благодарностью весьма бесплодной, ибо она не в цветущем состоянии находится, лишена будучи средств трудами своими улучшить оное.

ГАГАРИНА

23. Княгиня Прасковья Юрьевна, ныне за вторым мужем Кологривая, урожденная княжна Трубецкая. Я с ней знаком был во время ее вдовства, и довольно коротко. Она женщина смолоду взбалмошная и на всякую проказу готовая. Во время тесной связи ее с Карамзиным²⁹, я не урежал к ней моими посещениями. Всех резвостей исчислить невозможно, какие она выдумывала для приятного провождения времени и на даче, то есть за городом, и в городском ее доме. Я с ней часто игрывал на театре, на котором она затевала разные зрелища единственно для того, чтоб привлечь к себе людей, и из одного чванства, впрочем, в этом искусстве она худо успевала. Я никогда не забуду оперы «*Serva Padrona*»³⁰, которую мы с ней сам-друг разыграли на театре Шаховского под Донским³¹. Хуже этого позорища едва ли кто видал что-нибудь на сцене? Княгиня не умела ни петь, ни играть; театр поместить мог до ста пятидесяти человек, а мы с ней роздали триста билетов; разумеется, что была страшная давка, шум, крик и всякое неустройство. Ее все это забавляло чрезвычайно. Знаменитый Карамзин преклонял пред ней колена и отражал на нее сияние своей славы. Из всех вечеринок, которые я проводил в ее обществе, памятнее для меня прочих та комическая круговенька, в которую мы, верные ее поклонники, человек до шести, съехавшись, оплакивали самоубийство одного молодого сотоварища нашего Шпренхпортена, который застрелился; мы призывали дух его с неба, мистические делали воззвания к царству мертвых, весь воздух около себя очаровывали, словом, из доброй воли пришли все в такой ужас, у камина сидя, что я, доехавши домой, вытерпел страшную бессонницу, и доньше для меня незабвенную. Прошла ее и моя молодость, вся наша компания разбрелась по сторонам, и теперь я уже с этой дамой вовсе незнаком. Одни дурачества юности делали ее заманчивой; исчезли шалости, кончились и отношения. Стихи мои под названием «Параше»³² обращены были на ее лицо и, напечатаны будучи в моих книгах, суть памятник моего с ней знакомства и приятного провождения времени в ее кругу.

ЖУКОВ

24. Василий Михайлович, хороший приятель мой в молодости. Мы с ним видались очень часто, он посещал дом наш и был в нем короток, любил стихи, большой энтузиаст был Вольтера, и сходство наших вкусов связывало наше дружество. Однажды, просидя у нас весь вечер и с жаром говоря о словесности, поехал, отужинавши с нами, не поздно домой; на завтра нужно было доставить ему какую-то книгу; старичок наш Классон к нему поехал, но Жуков уже простился с миром; сильный паралич убил его скоропостижно, и едва он испустил дух, как посланный наш застал еще свежее тело его на постели, у которой стоял столик его ночной и на нем погашенная свеча с разогнутой книгой; это были Вольтеровы сочинения, которые он читал, видно, ложась спать, каждодневно. Весть о кончине его, и столь скоропостижная, нас очень тронула; мне было его очень жаль, отношения наши были очень приятны; я любил его беседу, прения, образ мыслей; он умер еще молод, и мог бы быть полезен обществу смертных в разном смысле. В книгах моих напечатаны стихи, сочиненные мной на сей печальный случай, и которые ныне еще напоминают мне его очень живо, и продолжают мое искреннее о нем сожаление.

ЯКОВ

25. Воспомявая о том, что сегодня праздновался день именин матери моей, отдадим должную дань усердия лицу священному, предавшему земле смертные ее остатки.

Яков, священник нашей подмосковной, которая хотя уже не наша, но связи мои с ним не разорвутся, доколе я живу. Он, не будучи духовником матери моей, призван судьбой напутствовать ее в последние минуты жизни и в истинном христианском духе исполнил сию обязанность. Прежний постоянный духовник всего нашего семейства, протоиерей Гречищев, незадолго пред концом матушкиным умер, и так, когда постигла мать мою роковая минута, она должна была, живучи в подмосковной, прибегнуть к нему, как ближайшему священнику. Он ее исповедал, причастил, отпел тело ее, и я из Шуи послел проводить, вместе с ним, гроб ее до Донского монастыря. Он от самой церкви своей до обители, что составило сорок верст, шел пешком из чистого усердия, а я, во изъявление ему моей сильнейшей благодарности за сии священные минуты, сам пошел к нему на дух. Какой опыт может более доказать почтение, доверенность и любовь к служителю Веры? С тех пор он меня ежегодно исповедует, и как я исполняю сей христианский долг обыкновенно в Рождественский пост, к 24-му числу декабря, то он безропотно приезжает ко мне в Москву и, причастя меня, возвращается домой. Такое отношение должно быть вечно и не подвержено никакому случайному изменению, в чем я наиболее удостоверюсь, испытав благонравные его качества, которые привязали меня искренно к нему навсегда.

ОБРЕСКОВА

26. Жена сенатора и совершеннейшая красавица. Служба в Володимире доставила мне случай узнать ее с выгодной стороны, и я не забуду хороших поступков ее с нами. Муж ее наряжен был некогда ревизовать несколько низовых губерний, между прочими поручено ему было осмотреть и Владимирскую по пути. Он к нам приехал на масленице и всю эту бешеную неделю провел в Володимире. Будучи добр, но горяч, скор, брюзглив и немножко спесив, он, в часы гнева и досады, готов был погубить человека ни за что; трудно было с ним ладить. Я смолоду с ним был знаком, но время переменяло наши отношения; он меня ревизовал, а я давал ему отчет. Сам по себе я не мог бояться его опрометчивости, но жаль было низших чиновников, на которых он кидался, как разъяренный тигр. Жена его смягчала все сии порывы, выработывая нрав его дома, и много удержала неблагоприятные его намерения, о которых сам бы он после стал сожалеть. В этом смысле я должен г-же Обресковой отдать большую и полную справедливость; всю масленицу она провела с нами, и по милости ее, она была очень приятна. Муж и жена принимали нас к себе, езжали к нам; я могу припомнить такие милые вечера, какими не всегда пользуется московский обыватель в большом свете. Штат Обрескова наполнен был людьми молодыми, благовоспитанными и лучшего поведения. Утро посвящалось ревизии и всем ее сражениям, а в вечерние круговеньки мы игравали в курочку³³, читывали стихи и сочиняли на скорую руку, словом, во всю мою десятилетнюю жизнь в Володимире я не могу вспомнить времени, которое бы я провел веселее их пребывания. Наконец им жаль было расставаться с нами, а нам с ними. С этого времени я преисполнен уважения к г-же Обресковой, как к женщине добродушной, благонравной и очень приятной в коротком обществе. После сей ревизии мы получили повальное благоволение от двора, но никто не был отличен никакой наградой; полно и того, что никто не сделан несчастлив, и все миновалось крутыми выговорами, шумом и досадой. Что до меня лично принадлежит, то мне остается хвалиться вниманием и разборчивой их лаской. Кто читает от скуки, или бессонницы, мои стихи, то в них найдет два приветствия, сочиненные в честь г-же Обресковой³⁴ в самое то время, о котором я здесь пишу и которое с удовольствием вспоминаю.

МОГИЛЕВСКИЙ

27. Александр Иванович. Молодой киевлянин, учившийся с успехом в Московском университете, откуда попался мне под начальство. Назначен будучи в губернаторы в Володимир, я имел нужду в грамотном человеке и искал его между студентами Университета. Мне рекомендовали Могилевского, я его взял с собой, и он был при мне несколько лет секретарем. Он хорошо обучен был словесности, имел, сверх наружных преимуществ, все те дарования, которые отличают в обществе, знал иностранные языки, и я был отменно им доволен. Он жил у нас в доме. Поутру мы с ним служили, а ввечеру он в нашем обществе резвился, танцевал, играл комедии и соединял в себе человека делового с приятным собеседником. В доме моем всегда былолюдно, весело; он вел себя благородно

и далек был от того круга простых приказнослужителей, которые развращают молодых людей и в одном пороке ищут своих выгод. Во время вдовства моего он сделался мне необходим для товарищества; я с ним разделял унылые часы мрачной тогдашней моей жизни. После покойной жены моей одна оставалась у меня приманка для молодого человека – Анна Михайловна Богданова (см. лит. Б). Могилевской скоро в нее влюбился; он равномерно ей понравился, и я почти готовился соединить их, как вдруг судьба нас разлучила. У него старший брат был правителем дел при Цицианове³⁵, в Грузии. Этот генерал, нуждаясь в людях письменных, вздумал его потребовать, и государь приказал мне его к нему отправить. Таким образом я лишился секретаря и вместе, смело могу сказать, хорошего приятеля; первым мог быть у меня всякий, потому что я сам любил работу гражданскую и упражнялся в ней неусыпно, но последнего не скоро найдешь в толпе скитающихся чиновников по прихожим губернаторским в провинциях. Расставаясь с ним, мы друг о друге весьма много сожалели, и отношения мои с ним дали ему поместиться в этом алфавите. Между тем Цицианов погиб от кинжала разъяренного перса; Могилевский, не доехав до него, узнал о сем и воротился ко мне. Я не мог уже принять его в мой штат; ибо он попал под непосредственное распоряжение верховной власти; но, снабдя его письмами к министру и Сперанскому, просил о неоставлении его; ходатайство мое получило благоприятный успех; он причислен к канцелярии министра внутренних дел, потом попал в штат принца Ольденбургского³⁶, где он достиг чина коллежского советника и получил два ордена; теперь он все служит при водяных коммуникациях. Время и разлука прекратили прежние наши связи. На все есть час. Ничто так не изглаживается в жизни нашей, как отношения; их уподобить можно волнам морским. Так точно было время, когда мы с Могилевским плыли вместе и с одного берегу смотрели на валы морские, кои разбивались у ног наших, или пробегали мимо, а ныне мы уже так далеки стали, что я не знаю, ни где он, ни что он? Подобно и он обо мне едва ли известен. Но это не мешает мне его помнить, любить заочно и, вспоминая время службы его при мне, отдавать всю справедливость в познаниях как секретарю и в чувствах сердца как человеку близкому ко мне и некогда почти назначенному быть моим домашним. Судьба строит все по-своему! Во время пребывания его у меня в доме я обязан ему перепиской нескольких тетрадей из моей истории с моего почерка набело, что ему стоило большого труда и, не входя в круг занятий его по службе, есть, с одной стороны, приятельское одолжение его мне, которого я не забуду, а с другой – вернейший знак моей к нему доверенности, следовательно, и уважения к личным его достоинствам.

БУРГАРД

28. Доктор и член Владимирской врачебной управы. Его искусством и трудами я вылечен был от тяжкой и опасной болезни, отдавшись в полную волю его с самого начала оной, и, с искренней доверенностью к его познаниям, я не ошибся в выборе моего врача, четыре месяца с лишком бывши на одних его руках, я возвращен к жизни с новыми силами и крепчайшим здоровьем; он меня лечил

более как друг, нежели как медик, который ждет за визит денег. Я должен был даже насильно заплатить ему за труды его и попечение, и врачество его я обязан почитать самой важной для себя услугой. Медики редко бывают вместе и друзья своих больных, а в нем я находил и то и другое; он всячески старался быть полезен моему семейству, ездил со мною в Питер и Москву, забывая все свои местные выгоды в Володимире, лечил дочь мою и падчерицу, и хотя ни с тем же счастьем, как меня, но ему ли я в вину поставлю волю Провиденья; назначившего их обоих быть жертвами неизлечимого недуга, чахотки? Впрочем, он все то делал, что мог, к облегчению их немощи, и я ни на какого бы другого доктора так не положился в опасном случае, как на него; столько-то был я уверен в его усердии, знании и тщательности. Вышедши из Владимирской губернии, из которой и он тотчас после меня выбыл, не желая ни от кого, кроме меня, зависеть, я уже расстался с ним совершенно, но всегда буду помнить об нем с признательностью.

ИЗМАЙЛОВ

29. Лев Дмитриевич, капитан Семеновского полку, с которым я в одних чинах, но старше его по списку, ходил в поход под шведа; я командовал осмой, а он седьмой, ротой; нам почти всегда в походе доводилось быть в одном отряде, и я с осторожностью избегал всякой с ним встречи, потому что он был до бешенства запальчив и никому не хотел покориться, своевольничал чрезвычайно и, будучи богат, имея знатных протекторов, не боялся никого; трудно было с ним ладить. Я имел несчастье попасть с ним в одну историю, которой долго не забуду. Его солдаты и мои украли у маймиста корову. Маймист пожаловался нашему генералу, Хрущеву, тот велел нам хозяина удовлетворить; я с ним разделался порядком, а Измайлов не послушался, нагрубил генералу публично при всех офицерах и был арестован. Хотя это произошло уже после сражения, за которое он получил Георгиевский крестик, арест этот произвел много шума, но рассказ о сем не принадлежит к моему повествованию, а довольно мне сказать, что чуть-чуть и я в горячем движении за сей арест не подверг и себя оному, когда генерал стал со мной беседовать о сем происшествии. Я не был у него тогда, как он взял у Измайлова шпагу. Это происходило в воскресенье, во время публичного обеденного стола в генеральской ставке. Измайлов прискакал без памяти ко мне в палатку и, рассказав свое похождение, обещал такой же участи и мне, ибо это случилось по новой жалобе маймиста, все за ту же несчастную корову, и так как наши солдаты вообще обвинены были в этой шалости, то и я, казалось ему, должен был подлежать тому же штрафу. Я в обыкновенное время явился под вечер к Хрущеву и нашел его очень смешанным. Подойдя ко мне, он сказал: «Я, сударь, имел несчастье сегодня арестовать гвардии капитана». Я, снимая свою шпагу с крючка, отвечал: «Я думаю двух, ваше превосходительство!». Хрущев удивясь, спросил меня, что это значит? «Измайлов арестован за корову; мои солдаты также виноваты, как и его, следовательно, и я...» Хрущев, видя, что я в жару, а сам уже он от утренней сцены опамятовался, схватил меня за руку и отвечал: «Нет, сударь, не за корову, а за безчинное и грубое обращение с начальни-

ком своим». – «О! в этом я виноват быть не могу», и, оставя шпагу на крючке, успокоился. Так кончилась в отношении ко мне эта глупая и проклятая коровья история, по которой и сам Измайлов остался мне памятен навсегда. Впрочем, я с ним не имел никакой связи.

ТРАУБЕ

30. Человек пронырливый и неблагодарный! Что может быть хуже? Я не могу его забыть, потому что он множество причинил мне хлопот и неудовольствий самых чувствительных. История его начинается тем, что он в доме тестя моего, Безобразова, жил долго без места, гол и оборван, имея, по милости его, крышку и хлеб насущный. Когда жена моя после первого мужа овдовела, Траубе был в доме у нее в роде управителя и, пользуясь чином армейского поручика, жил в отставке, не делая ничего. По покровительству жены моей еще до нашего союза, он втерся в дворянские выборы и попал в заседатели в Шуйский земский суд, когда в оном был исправником деверь жены моей, Пожарский. Тут он подобрался к жене его и завел с ней интригу. Когда я женился, протекция жены моей сделалась еще уважительнее для Траубе, а я, считая его человеком преданным всему дому Безобразовых, старался всячески доставить ему хорошее место. Скончался Пожарский, он его заместил в исправнике и не замешкался жениться на вдове его. Тут-то он развернул свой характер, прибрал ее к рукам, притеснил всех ее детей и заставил их распырять по корпусам и пансионам, чтоб, оставшись с ней одному на просторе, удобнее владычествовать над ее имением. Она имела изрядное состояние, он всем начал в доме самовластно править, коснулся даже и имения малолетних Пожарских, у которого мать была опекунша, а я попечитель; я принужден был входить в протесты, требовать на него удовольствия в судах; все старания мои были безуспешны, потому что, будучи в отставке, я уже не имел силы политической, а он имел самую действительную, то есть деньги, коими располагал все в свою пользу, и загордился так крепко от всех, что теперь ни в чем остановить его невозможно. Вот свойства и поступки негодяя Траубе, о котором я бы охотно забыл, если б не имел на глазах своих беспрестанно одну из несчастных жертв его самовластия, и именно: живущую в сиротстве, в нашем доме, среднюю дочь покойного Пожарского, Пашету (см. лит. П).

СТРУЙСКИЙ

31. Николай Еремеевич³⁷. Со всем этим семейством я доньне приятельски знаком, и особенной должен похвалиться дружбой жены его³⁸, нынешней вдовы, Александры Петровны. Сам он был оригинал в своем роде. Он пользовался прекрасным именем, хлебопашенным в Пензе и, по случаю моей службы в той стороне, я сначала, понаслышке, возжелал из любопытства узнать его, как человека необыкновенного, и подлинно нашел таким. Оставя службу прапорщиком гвардии и пристрастившись к стихотворству, он имел у себя собственную свою вольную типографию и в ней отпечатывал все свои сочинения. Тиснение его бы-

ло доведено до наилучшего в то время в России искусства, он подносил Екатерине разные свои труды, и она изволила красотой издания хвастать даже пред чужестранными посланниками, дабы они видели, что и за тысяча верст от столицы, в глуши, под скиптром ее процветают искусства и художества, а ему неоднократно, для вящего одобрения, посыловала перстни бриллиантовые в подарок. О качестве самих творений его я умолчу, из уважения к приязни. Он мне подарил все свои произведения, собранные в одной книжке in quarto нарядного издания³⁹ и множество других отдельными тетрадками. Все, что он ни сочинил, у меня было и хранится донныне, как редкость. Я вывез кучу писем его к себе из Пензы, потому что он меня полюбил и, живучи от губернского города во сте верстах, часто переписывался со мной. Странен был в образе жизни, в обращении, в одежде, в правилах, во всем. Дом его в деревне был высок и огромен; в нем, на самом верху, он отвел себе кабинет и назвал его Парнасом. Там он предавался своим вдохновениям пиитическим; этот кабинет завален был всякой всячиной и представлял живое подобие хаоса. Я никогда не забуду, как однажды, увлечен будучи им самим туда, с одним товарищем моим дорожным, для выслушания новой какой-то его пьесы, он с таким восторгом и жаром читал, что схватил внезапно моего товарища, рядом с ним сидевшего, за ляжку, и так плотно, что тот вздрогнул и закричал, а Струйский, не внемля ничему, продолжал чтение свое, как человек в исступлении. Много бы можно было рассказать о нем истинно чудесного, но здесь дело идет не о его истории, а об моих отношениях. Я к нему приезжал раз с женой, и он, показывая ей свою типографию, вдруг при ней велел тиснуть стихи, сочиненные им на ее приезд, и поднес ей экземпляр, отпечатанный на атласе, который до сих пор у меня хранится. Также и мне он поднес элегию, узнав о кончине отца моего. Сочиненный мной тогда «Камин» был у него напечатан и очень исправно, так как и песенка, посвященная мною жене моей, которую он тиснул на атласе, и та у меня цела. Сии две пьесы означают в высшей степени его ко мне усердие, ибо он, кроме собственных своих стихов, ничего не любил печатать чужого на станках своих. Он на типографию свою не жалел никаких расходов, и это составляло главную его издержку, а стихи единственное его занятие; никогда не ездил в города и все жил в своей Рузаевке⁴⁰, которая заслужила внимание отделкой и красотой своей в летнее время. Этот человек столько меня любил и так обходился со мной просто, откровенно, что мне грешно было бы и по смерти его не быть к памяти его признательным. Я часто и ныне люблюсь на весьма сходный гипсовый слепок его лица и фигуры в медальоне, где он очень живо изображен, и думаю, будто вижу его еще перед собой со всеми его восторгами и в пиитическом его исступлении. Начав с ним знакомство из одного любопытства, как сказано выше, я гораздо прочнее и дружественнее после него свел оное с женой его и семейством. Он оставил после себя человек девять детей обо-его пола⁴¹. Вдова его, Александра Петровна, урожденная Озерова, женщина совсем других склонностей и характера; тверда, благоразумна, осторожна, она соединяла с самым хорошим смыслом приятные краски городского общежития, жила в Петербурге, и в Москве, любила людей, особенно привязавшись к кому-либо дружеством, сохраняла все малейшие отношения с разборчивостью прямо примерной в наше время. Мать моя в старости и я донныне обязаны бывали ей многократно разными приятными услугами, которые грех забыть. Так, напри-

мер, однажды она, заметя, что дочери мои учатся играть на старинных клавикордах, потому что я не имел средств скоро собраться купить хороших, купила, будто для своих дочерей, прекрасное фортепиано и, под предлогом, что до зимы ей нельзя будет перевезти их в пензенскую деревню, просила нас взять их к себе и продержат до тех пор, как она за ними пришлет. Этому прошло уже близ двадцати лет, она не поминала об них, и инструмент обратился в мою собственность. Можно всякому подарить, но с такой нежностью едва ли дано всем одолжать другого. Все ее обращение с нашим домом прекрасно; заочно всегда к нам пишет, бывает ли сама в Москве, всегда посетит и разделит с нами время; дома в деревне строгая хозяйка и мастерица своего дела; в городе не скряга, напротив, щедра и расточительна. Я признаюсь, что мало женщин знаю таких, о коих обязан я бы был говорить с таким чувством усердия и признательности, как об ней. Из всего ее семейства сын ее старший – лучший мой приятель, и знакомство мое с ним обратилось в дружескую связь, которая, думаю, никогда не разорвется; я и прочих детей ее люблю, но не так коротко с ними сошелся, как с Юрием Николаевичем. Когда вспомнишь подобные отношения в жизни, твердые, постоянные, основанные на чем-то нравственном и не воздушном, то не хотя о них долго заговоришься: так и я пространно побеседовал о Струйских, находя в этом чистое, сердечное, удовольствие. Что приятнее простой искренней дружбы? Мне случилось из одного побуждения благодарности, будучи свободным по отставке моей из Владимира, съездить, побывав в моей Нижегородской деревне, к ней в Рузаевку со всем моим семейством; там я неделю у них прожил, по народному наречью, как у Христа за пазушкой. Сколько их я обрадовал этим, столько сам был доволен! Вошедши в дом и переступя порог, я с слезами обнял Александру Петровну. Сколько лет не бывши в этом селении, с каким удовольствием нашел я все в покоях, все до последней безделки, на том самом месте, на котором что стояло при покойном. Казалось, никто после него тут не шевелился. Казалось, я вчера только выехал оттуда. Это так живо мне напомнило не Струйского одного, но время тогдашнее, мою молодость, блаженный век Екатерины! Словом, от всех ощущений, кои вкрались мгновенно в мою душу, брызнули у меня слезы, и я долго, долго, не мог спокойно вступить с домашними в посторонний разговор. Такие минуты глубоко врезаются в ум и сердце!

*Императрица Екатерина II.
Портрет работы Ф.С. Рокотова.
1760-е . МТ*

*Император Павел I.
Портрет работы С.С. Щукина.
1810-е. МТ*

*Великая княгиня Наталья Алексеевна.
Портрет работы А. Рослина.
1776. ГЭ*

*Великая княгиня Мария Федоровна.
Портрет работы А. Рослина.
2-я половина XVIII в. МТ*

*Великие князья
Александр и Константин Павловичи.
Портрет работы Р. Бромптона. Около 1781. ГЭ*

*Великий князь Михаил Павлович.
Портрет работы неизвестного художника.
Фрагмент. Начало 1800-х. МТ*

*Великий князь Константин Павлович.
Портрет работы неизвестного
русского художника. 1-я четверть XIX в. МТ*

*Император Иосиф II.
Гравюра М. Свейнля
по оригинальному рисунку Кимли. 1777. РГБ*

*Король Густав III.
Пастель Л. Паши.
1780-е. РГБ*

*Граф Станислав Август Понятовский.
Пастель неизвестного польского художника.
После 1755. Варшава. Национальный музей*

*Митрополит Платон.
Гравюра И. Клаубера с портрета
Л. Гутенбрунна. Конец XVIII – начало XIX в.
Из альбома «Русская портретная галерея»*

*А.Г. Бобринский в детстве.
Портрет работы Ф.С. Рокотова.
Середина 1760-х. ГРМ*

*Граф П.И. Панин.
Портрет работы неизвестного художника.
Начало 1770-х. РГБ*

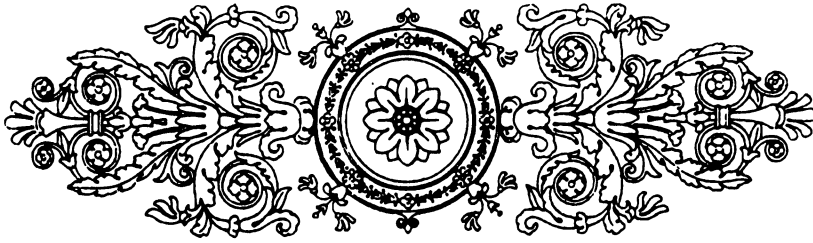
*Граф К.Г. Разумовский.
Портрет работы П. Баттони. Фрагмент. 1766.
Из альбома «Русские портреты»*

*Граф Ан.К. Разумовский.
Портрет работы Шмидта. 1770-е.
Из журн.: Старые годы. 1914. № 3*

*Граф И.П. Салтыков.
Миниатюра А.Х. Ритта.
1780–1790-е. ГЭ*

АВГУСТ

СЕН-ПРИ

1. St.-Priest, муж богатой княжны Голицыной, француз, служащий ныне в России губернатором в Херсоне. Я ознакомился с ним в Одессе, где он был президентом Коммерческого трибунала, когда я там путешествовал. Там я разделил с ним несколько дней незабвенных по опасностям, которыми тот край был тогда угрожаем. Россия была в войне с Францией и Портой¹, торговля одесская имела самый жалкий вид. Ришелье, главный начальник порта, отлучился на несколько дней осмотреть береговые посты. Сен-При принял правление и вдруг получил известие, что турецкий флот в виду Севастополя: не мудрено было в Одессе ожидать тревоги и бомбардировки. Сен-При ночью прислал мне о сем записку, прося без чинов удалиться вместе с ним, в случае волнения, в приморский его хутор. Покушение турок не состоялось, они возвратились, не достигая Одессы; страх жителей и наш миновался, но я не забуду ни того дня, в который я ожидал в Одессе суматохи, не зная, чем она кончится и что с нами будет, ни добродетельной услуги Сен-При, который с такой поспешностью уведомил меня о предстоящей опасности; записка его о сем хранится до сих пор в моем «Путешествии». Мы с ним прожили с неделю, как самые искренние приятели, несколько времени потом и заочно переписывались. Я некоторые его комиссии исправлял внутри России, он мой в Одессе; но как время все изглаживает, то, мало-помалу, и знакомство наше кончилось так, что мы теперь уже никакого сношения между собой не имеем, но долго, долго, не забуду ни Одессы, ни турецкого флота, ни приязни графа Сен-При, который на память написал мне в мой альбом несколько прекрасных стихков своей рукой. Я их часто перечитываю, ибо что может быть приятнее, как воспоминание тех кратких минут жизни, которые мы проводили некогда с удовольствием непринужденным? Таковы были все мои свидания с этим умным и достойным иностранцем.

НЕЛИДОВ

2. Василий Иванович, сенатор. При восшествии Павла учреждена Главная соляная контора в Москве, в которую он определен главным директором, а я – старшим членом. Это начало нашего знакомства. Нелидов был человек умный, деловой и до некоторой степени прямо государственный, что называют французы

Homme d'Etat^{*}, но он нестерпимой был надменности, заносился высоко, много о себе думал и мало о всех прочих, и так мы не могли долго быть между собой в добром согласии; однако же я, уважая его ум и познания в камеральных делах (finances), всячески приноравливался к его характеру и старался быть с ним в хорошем отношении, что и удавалось мне, доколе господствующая страсть его не приводилась ничем в волнение; но тогда исчезала всякая пристойность, и мы принуждены были ссориться. Так, например, приведу здесь опыт его властолюбия надо мной в следующем происшествии. Приходил срок откупу Крымских солей; вызваны желающие. Являются двое: Калугин, старый откупщик, и новый охотник, жид Перетц; больше никого. Калугин бывал близок к кн[язю] Зубову² некогда и сохранил покровительство Безбородки³, а Перетц действовал силой и капиталом Кутайсова⁴, новоявленного дворцового чудотворца. Безбородко писал к Нелидову, и просил за Кулагина, а Кутайсов за жида, который представлял его лицо, а ко мне писал один Безбородко, совсем меня не зная. Я снесся с Нелидовым, отобрал его мысли; он коварно объявил мне, что пусть торгуются оба, и Калугин, и Перетц. Так и надлежало, но ни слова мне не сказал о Кутайсова переписке и между тем начал действовать так, чтоб Кулагина от торга оттереть. Я, поняв его замыслы, остерегся, требовал, чтоб к торгу допущены были оба, и подал голос, которым, вопреки определению, на большинстве голосов основанному, доказывал права Калугина на соревнование с Перетцом и расстраивал план Нелидова, не зная еще, что он поступает таким образом оттого, что прошен Кутайсовым, который тогда уже был сильнее Безбородки у двора, да и пуще всего оскорблялся Нелидов тем, что Безбородко не удовлетворился письмом одним к нему, а удостоил одного и меня, следовательно, полагал, что я пользуюсь некоторой противоборствующей силой в Конторе. Это соображение укололо Нелидова прямо в сердце; он не умел прощать обид самолюбия и решился сделать мне зло в месть за внимание ко мне Безбородки; подлинно бы и удалось ему погубить меня, если бы я не взял моих мер и не предостерегся перепискою со многими покровителями моими, сильными у двора, ибо в определении Соляной конторы, подписанном, кроме меня, всеми семью членами, после решительной отдачи Крымских озер исключительно Перетцу, вопреки всем выгодам казенным, страха ради Кутайсова, рассуждаемо было о голосе моем и, с отступлением от юридического порядка, определено представить высшему начальству, то есть Сенату, что я подал голос от гордости и не покоряюсь законной власти, словом, вошли в такой разбор моральный всего меня, который нимало не принадлежал к делу. Вот поступок против меня Нелидова. Мог ли я после одного быть с ним в согласии? Однако всегда отдам ему справедливость, что он умел дело делать, умел соображать, учреждать и приводить вверенную ему часть финансов в порядок. Кроме означенного случая, мы с ним были очень хорошо знакомы; тут заиграло оскорбленное самолюбие, и он на минуту сделался моим злодеем самым низким образом; по счастью, это мне не повредило, и я откровенно скажу, что, впрочем, приятнее было иметь дело с ним, нежели с Мясоедовым⁵; сей сменил его по какой-то придворной намутке⁶, а после, когда Нелидов опять поправился и попал в сенаторы, то Павлу рассудилось посадить его членом в ту же Соляную контору, которой он был недавно директором. Странное опреде-

^{*} Государственный человек (фр.).

ление! Но кто смел противиться Павлову указу? И так Нелидов, будучи сенатор, поравнялся правами со мной в Конторе, и мы оба имели один ровный голос. Тут открылась несносная оппозиция против Мясоедова; я и Нелидов во всем ему противоречили, партия наша была сильнее: тому приходило от нас тяжело. Он поскакал в Питер это переделывать; дождавшись там восшествия Александра, на другой же день выходил указ, по которому Нелидов высажен из Конторы и остался только сенатор. Окончив мою с ним службу, я остался хорошим его знакомым и умел простить ему зло, которое он готов был мне сделать, потому что я видел, что оно происходило не от злобного характера, а от излишнего самолюбия, которым он не мог овладеть и предался его недостойному побуждению. Во всех других случаях он оказывал мне особенное уважение и заслужил совершенное мое почтение, как человек умный и прямо опытный гражданский чиновник.

ВОЛКОНСКИЙ

3. Князь Григорий Семенович. Старец почтенный, бывший военным начальником Оренбургских стран. Он был всегда ко мне очень милостив; доказательством его хорошего расположения служат многие письма его ко мне, в разное время писанные. Он особенно чтит и уважал мать мою, помня всегда, что он в малолетстве воспитывался в доме деда моего, барона Строганова, и с матушкой вместе обучался по-французски у одного учителя. Странного будучи характера, он прославился в публике многими проказами, которые сделали его настоящим чудачком. Все это не освобождает меня от той благодарности, на которую он приобрел полное право своим благосклонным со мной обращением; он однажды, отправляя курьера в Питер из Азии, прислал ко мне с ним в подарок прекрасный тамошний тулуп. Проезжая через Володимир ко двору, любил останавливаться у меня в доме иногда по целым суткам и довольствовался самым простым угощением; всякий год имел обыкновение писать ко мне два раза, в Святки и в Святую неделю, и, поздравляя с обеими сими праздниками, приписывал несколько почтительнейших приветствий престарелой моей матери. Тронут будучи такими поступками, я написал к нему послание в стихах⁷, напечатанное в моих книгах. Он до чрезвычайности был обольщен сим моим приношением и, в знак благодарности, прислал мне очень похожий с себя портрет, писанный в Вене отличным живописцем. Я его храню до сих пор, у себя, на виду в кабинете. Всего страшнее то, что, будучи так им обласкан, я не имел ни случая, ни удобства сойтися не только близко, ниже шапочным знакомством с кем-либо из его семейства, напротив, жена его и дети очень сухо и холодно меня всегда встречали.

ЯКОВЛЕВА

4. Катерина Петровна, супруга бывшего орловского губернатора. Ни с кем я так не обманулся в самом себе, как с ней при первой встрече. Проезжая два раза Орел, я так много там об ней наслышался, что получил любопытство ее узнать и чуть было дорого за него не заплатил. Судя по летам моим, коих мне с лишком пятьдесят, казалось мне, что я никакой женщины уже бояться не должен, и в этом

уверении, слишком дерзновенном, я искал ее видеть, чтоб узнать, правильно ли она приобрела тот восторг, с которым говорили мне многие известные люди отличного вкуса, образования и с тонким разбором о приятных качествах ума ее и сердца. Это все зажгло во мне желание самому оценить ее; я встретился с ней нечаянно в одном знакомом доме, в день гулянья, на улице, на которой хозяйева жили. Тут, пока гости, в окошках сидя, глядели на кареты и дрожки, я имел время ознакомиться с нею. Внимание, оказанное мне от нее в такое рассеянное время гулябою, расположило меня в ее пользу. С полной благонадежностью на мои годы, я поехал к ней, и как муж ее нанимал квартиру так близко от меня, что я мог без труда и пешком иногда к ним завернуть, то я повадился очень часто посещать ее. Видеться с ней вошло для меня в такую приятную привычку, что я, наконец, каждый день пользовался этим удовольствием, и нечувствительно так к ней пристрастился, что скучал везде, кроме ее общества. Этого для меня было все мало; долго живши без восторгов, к коим я сроден, я искал взаимности в таких, кои зарождаются в самом сердце, а не в голове составляются от минутной фантазии. Когда я не мог ее видеть, я к ней писал утренние летучие записки и получал всегда заманчивые ответы, наконец я ее прозвал волшебницей. Подлинно я ничего не видывал очаровательнее ее взора и всего обращения с нашим полом; она имела дар пленять, и ей стоило только захотеть чьего-либо знакомства, чтоб тот, побывавши раз и два, начал беспрестанно к ней ездить. Пристрастие мое дошло до того, что я находил большое сходство между ею и покойной женой моей, и оттого я еще более и более восхищался ею; с тех пор полно на себя надеяться; я увидел ясно, что ни в какие лета человек ручаться за сердце свое не может, когда встретит предмет, способный его пошевелить, но подобные огни обманчивы и недолго горят. Яковлева была соблазнительна, но холодна и любить не умела; одни глаза ее без сердца не могли долго владеть мною, что и случилось и о чем я нимало не сожалел; беспрестанно бывая и у нее, или с нею в других местах, я выучил ее свойство и видел одно утонченное кокетство. Где есть искусство, там тщетно искать чувства. Приязни искренней я не нашел, пристрастие мое исчезло. Скоро, переменя квартиру, она стала жить далее от нас; болезни мои, коим движение становилось противно, отучили меня от частых посещений. Меньше говоря с ней, а холоднее размышляя об ней же, я остался при одном хорошем с ней знакомстве, которое, думаю, не прекратится никогда, но от которого мне уже опасаться будет нечего. Всегда отдам ей ту справедливость, о которой слышался от многих еще не знавши ее, что она удивительное имеет мастерство обольщать, но, узнавши в обращении с ней, как далеко может заблуждаться ум, когда сердце способно воспламеняться, я мог предвидеть, что г-жа Яковлева еще не последнее было звено в кольце моего бытия сердечного.

БАРСОВ

5. Антон Алексеевич. Университетский профессор, умный и достойный человек, искусный в риторстве и изящной словесности. Я у него обучался слугу и поэзии и выслушал полный курс его лекций. Он оказывал мне особенное внимание, к которому я был до конца жизни его признателен, да и за гробом чту обязанностью

вспоминать его попечения с похвалой; я ему должен первыми опытами моего пера; он с отличной благосклонностью выправлял перевод мой с одной французской комедии⁸, и не только в классе, но и вне оного, в домашних своих беседах, давал мне полезные наставления. Когда по его факультету назначены были диссертации на латинском языке, он присудил мне дать установленную в награждение медаль серебряную, которой я более был обязан его снисхождению, нежели достоинству моего сочинения. Таких мужей, каков был г. Барсов, во всяком царстве и веке немного, и он в сословии ученых был отлично уважаем.

ПЛАТОН

б. Сегодня праздник в Вифании; там гроб Платона; перенесемся мысленно туда и вспомним сего великого Святителя.

Платон, митрополит Московский, Гений Российского духовенства. Церковь долго его не забудет, а Россия вечно восхвалится его риторским искусством. Я долго имел несчастье худо слыть в его разуме. Расстояние между им и мной так было далеко, что я никогда не смел с ним знакомиться. Бывал у него иногда, но редко хорошо принят; он уважал, однако, моих родителей, посещал их, и, в доказательство его приязни, мы доныне имеем, по милости его, домовую церковь, которую он дал батюшке. Как-то найдя в сочинениях моих, а именно в «Послании к швейцару», следующий стих:

(Скажи) Попам, что и без них спастись один умею,

он не понял порядочно моей идеи, вообразил, что я атеист, и стал меня таким оглашать в кругу своих приятелей. Будучи со многими духовными лицами хорошо знаком, я скоро о том узнал и, посредством их, кое-как вразумил его в истинном смысле моей идеи. Потом, будучи губернатором в Володимире и в соседстве с его Вифанской пустыней, в которой он уже склонялся к закату дней своих, я возымел смелость, раза два в год объезжая губернию, посещать его и добился, что он удостоил меня откровенной своей беседы. Много я услышал из уст его назидательных истин, коих не забуду. Я ему поднес, в библиотеку его, «Жизнь Фенелона»⁹, по-французски; он благодарил меня самым ласковым письмом, показывал мне свои школьные заведения и церковные строения. Бывая у него в Вифании¹⁰, я забывал, что я у пастыря, и думал, что меня принимает философ. Жизнь его под конец была самая простая, тихая, натуральная. Дошло до него однажды, что я, увидя заготовленный для него гроб, рядом с старой гробницей, в которой некогда схоронен был Сергей, сказал в невольном восторге: «Придет время, что будут на сем месте поклоняться Платону». Он посмеялся моему восхищению, но оно принесло желаемый плод, и с тех пор Платон уже не глядел на меня, как на ругателя Веры, а, удостоверясь в моем чувстве по Христианству, беседовал со мной о разных предметах с свободною непринужденною. Сей великий муж скончался в самую лютую годину нашего времени и мало был оплакан, ибо слез не доставало после разорения Москвы в зеницах рассеянных и уничиженных чад ее. В это смутное еще время я дерзнул написать стихи¹¹, кои напечатаны были после

моих книгах, а тогда особым экземпляром разосланы во всю Россию при московских газетах. Говоря о сем иерархе, я ничем лучше кончить не могу моего панегирика, как повторить здесь паки и паки с благоговением и жалостью печальную мою на гроб его сентенцию:

Собор Владык велик, но, ах, Платона нет!!!¹²

ПУШКИН

7. Граф Аполлос Аполлосович, Камергер. Человек придворный. Он составлял члена Павловского театрального общества, и по тому мы с ним были хорошо знакомы, часто разыгрывали вместе разные роли, беспрестанно, по несколько недель, живали в одном месте, одним и тем же кумирам поклонялись. Все, что в то время было мне знакомо, имеет право на всегдашнее мое воспоминание, так и этот Пушкин, которого давно я пережил. Он рожден был для наук и, упражняясь в натуральных изысканиях в Грузии и горах, ей сопредельных, нашел конец свой там, где ожидал ученой славы. Лучше бы, по-моему, продолжать играть комедии, и, может быть, он еще и теперь наслаждался физическими благами; зато он не боится уже так, как я, каменной болезни и не предан докторами в аренду лихим аптекарям. Нут худа без добра. Худо умереть рано, а иногда и того хуже жить запоздавши.

ЛОБАНОВ

8. Князь Дмитрий Иванович. Я с ним служил в одном полку Семеновском, и долго были в одних чинах, стояли рядом в списках, но потом он скоро вышел в армию, имел случай отличиться храбростью, наконец сделался генерал-аншеф, Андреевский кавалер и генерал-прокурор, чем и теперь служит. Я с ним никогда не был знаком, а ныне почитаю его врагом своим и, кроме презренья, ничего ему оказывать не могу. Вот тому причина: в самой тот год, когда государь отставил меня и набег французов скоро потом нанес тяжкие напасти всей Москве, кн[язь] Лобанов формировал полки во Владимирской губернии; государь изволил прибыть в Москву один и, за большим столом с Сенатом и первыми чинами разговорясь о Владимире с кн[язем] Лобановым, спрашивал о тамошних обстоятельствах. Князь Лобанов чернил меня всячески и, несмотря на русскую благородную наших предков пословицу: «Лежачего не бьют», раздражал против меня государя, и так уже оказавшего мне полное негодование. Спрашивается: такой поступок кн[язя] Лобанова, который, впрочем, ни меня, ни дел моих не знал, соответствует ли правдивому и высокому характеру? Я о сем в тот же день узнал, и с тех пор один вид Лобанова есть уже для меня самый неприятный предмет.

КЛАССОН

9. Иван Николаевич. Иностранного племени российский уроженец. Я его начал знать, будучи еще мальчиком, когда уже он служил при одном дяде моем, Ржевском, старшим адъютантом. Он часто посещал наш дом; по смерти дяди остался домоправителем вдовы его, а моей одной тетки, и вышел в отставку майором. Скончалась и тетушка, тогда он переехал к нам и так полюбил наше семейство, что в нем остался навсегда. Он еще и теперь жив, и вот уже тридцать лет, как не расстанется с нами. Человек отменно к нам привязанный, сердца наидобрейшего, честности, не повреждаемой никакими искушениями! Теперь он составляет всю почти мою домашнюю беседу: он во всех наших событиях первый и ближайший участник; услуг его, оказанных дому, пересчитать невозможно: всегда готов трудами своими всякое поручение исполнить. Мы с ним часто политикуем и состязаемся о правительстве, коммерции и законе, и часто ни в чем не соглашаемся, но это не мешает мне его, а ему меня любить, потому что мы, хотя розно видим вещи, но всегда ощущаем одни и те же чувствования терпимости, кротости и добра, а сего довольно для мирного сожития людей между собою. Дай Бог, чтоб это так продлилось до последних наших дней, чего я и надеюсь несомненно. Я упоминал о нем в некоторых моих стихотворных посланиях¹³; есть даже в печати одно и на его имя, насчет французской поварни, писанное тогда, как мы оба еще любили угождать чреву, и так публика, читавшая мои книги, знает, что под именем Классона разумеется хороший мой приятель.

БЕРХМАН

10. День, начавшийся некогда сильным страхом и, по милости Божией, увенчанный полным торжеством радости, ибо в оный жена моя родила близнецов, Дмитрия и Рафаила.

Берхман – славный своего времени акушер и притом врач некорыстолюбивый, редкое достоинство в этом роде людей. Он до глубокой старости исправлял повивальное искусство. Во время трудных родов первой жены моей, когда она произвела на свет двух мальчиков, Дмитрия и Рафаила, Берхман был к нам призван, и особенным его рачением жена моя спаслась от угрожавшей ей опасности; он вынул обоих младенцев, сохранил и их, и мать; с тех пор так полюбил нас, что даже без всякой в нем нужды бывал при всех родах жены моей и никогда не хотел взять ничего деньгами, а довольствовался самыми ничтожными подарками, кои назначал сам, как то: жилет, иногда простую косынку. Я никогда его не забуду, не только как врача, оказавшего нам самую важную услугу и в такое время, когда она бывает столь необходима, но как человека редкого в доброте сердца и внимания к страждущему человечеству. Подобные люди насылаются в дома наши благостью самого Провиденья, и множество жен, множество чад должны вечно помнить имя старика Берхмана.

ПОЛИТКОВСКИЙ

11. День, в который родилась дочь моя Антонина¹⁴, и в который тот, о ком говорить намерен, был всех нужнее для благополучия сего события, при столь нездоровой женщине, какова была жена моя.

Федор Герасимович, искусный доктор, с которым я обучался вместе в Университете; мы оба слушали лекции физические у Роста и тут познакомились. Вышедши из Университета, мы на долгое время расстались. Он поехал в Париж доучиваться там медицине и приехал оттуда в Россию с большими познаниями; при первом нашем свидании мы встретились как старые приятели; это было для меня очень выгодно, потому что батюшка становился уже недужен и, лиась доктора Пегелау, совсем не знал, за кого приняться. Я убедил его веритья Политковскому, и он много ему помог, поддерживал его с большим искусством и сохранил дни его до определенного Провидением времени. Что ж может сделать больше врач искуснейший? Натуры закон извес-тен, его никто не избежит. Политковский, врачюя весь наш дом, сделался нашим другом и до самой смерти своей посещал нас и освобождал от временных немощей, с прилежанием и усердием делая свое дело. Под конец жизни своей он сам впал в слабость, столь естественную нашему народу, стал пить, и это ускорило его кончину; он имел обширные познания, был умен от природы, характера веселого, чувствителен до слезливости, когда что трогало его душу. Жена моя долго была на руках его, рожала при нем несколько раз, и во все ее кровохаркания он ей всячески помогал; часто, когда дело шло худо, он плакал над нею, и чрезвычайно был к ней привязан. Я никогда не забуду его усердия, доброхотства и услуг, оказанных нашему дому. Мир праху его! Ежели он и имел слабости, то в замену приносимая им польза страждущему человечеству заступит его у Престола Божия, паче многих жертв и туков набожных тунеядцев.

ЛЕХОВОЙ

12. Семен Семенович, тайный советник, Человек, с которым я не только незнаком, но мало знал и по службе, да и встретя, ныне едва узнаю его в лицо. С ним меня поставил в отношении, и самое короткое, заочно, друг мой, а его хороший приятель, Кирияк (см. лит. К). Он, при смерти своей, назначил Леховова своим душеприказчиком. Когда тот скончался, этот, собравши, по его приказанию, всю мою с ним переписку, возвратил оную ко мне, и сим началась новая между нами; потом жена моя покойная перевела на имя Леховова доверенность, данную Кирияку, на получение и пересылку к ней царского пенсиона, состоящего в трехстах рублях. Все поручения, какие мы возлагали на Кирияка, обращались к Леховому, и он охотно их исполнял. По кончине жены моей связь наша разорвалась, дел у меня до него и с ним никаких уже не было: несколько писем его остались одни свидетельством нашего заочного знакомства и тех услуг, кои г. Леховой, в память друга своего, рачительно мне оказывать старался и за которые обязан я ему своей признательностию.

ШАХОВСКОЙ

13. Князь Николай Григорьевич. Человек низкий, трусоватый, который весь свой век посвятил на то, чтоб устроить из людей своих труппу актеров и, ею забавляя нижегородскую публику, составить себе доход. Выпусая в свете мою оперу «Любовное волшебство», я не смел и заикнуться ни в которой столице о том, чтоб ее сыграли; она того не стоила, а, требуя больших издержек, конечно, обратилась бы в заклад содержателю театра, но кн[язь] Шаховской этого не утратился, купил ее, она была напечатана, заставил своего капельмейстера сделать на нее музыку, несколько сцен выпустил, арии иные уничтожил, словом, обрезал не по своему вкусу и в таком виде начал ее давать на нижегородском театре. К счастью, она понравилась там и навсегда попала в его репертуар. Вот уже лет двадцать, как он написана, и все ее играют раза два зимой в Нижнем и один раз у Макарья, на ярмонке. Мне случилось дважды быть там, и я с жадностью дожидался об ней афиши. При мне ее представляли, я ее видел, сам над собой не мог наохотаться. Откуда мне такая горячка пришла в голову? Публика ее любит, охотно смотрит и бьет в ладоши. Кн[язь] Шаховской прислал мне, в первых порах ее появления на сцене, раскрашенный, с разными атрибутами, билет, на котором написано было: «Билет для входа в Нижегородской театр везде»; я его получил в Москве и выжидал, как ворон крови, случая им воспользоваться. Наконец он представился; я нанял домашним своим ложу, а сам, с своим билетом необыкновенным, не платя ни гроша за вход, явился в театр; мне отвели креслы, на которых я, сидя, любовался на свое дитя и чудился поминутно то актерам, то оркестру, то публике, словом – посмешище. Это не мешает мне, однако же, помнить о кн[язе] Шаховском, как об отце крестном моего неуклюжего ребенка, из которого, по милости его, вышло что-то забавное вправду.

ВОЛКОНСКИЙ

14. Князь Павел Михайлович, Один из богатых царедворцев Екатеринина времени. Он служил камер-юнкером; знакомство мое с ним началось и кончилось на театре, в увеселительных домах наследника престола. Там, игравши комедии вместе, мы были близки в отношениях; он памятен мне остался наиболее потому, что был мне совместником, влюбился, как и я, да и прежде меня, в девицу Смирную, но супругом ее сделался я, не он. С тех пор мы с ним нигде не встречались, а теперь уже его давно нет на свете.

ЛЕВАНДА

15. Протоиерей Киевского Софийского Собора. Превосходный витий и знаменитейший проповедник своего времени. Я так много слышал о нем из детства, так восхищен был его предиками, что нетерпеливо желал иметь случай видеть его и беседовать с ним. Обстоятельства мне оный представили; я ездил в Киев, и там, в 1810 году, ознакомился с ним. Он уже был стар, но еще занимался учением и пропове-

вал слово Божие раза три. Я его посетил и беседовал с ним. Разговор его был приятен, выражение пленительно, голос нежен. Его-то можно назвать «муж сладкоглаголивый». Он, как философ, принимал нас без чинов, в маленькой своей горнице, завален книгами, журналами, рукописями, в скромном подряснике; под окошками его небольшой сад, за которым он сам присматривал; в обращении прост и благодарен. Я с отменною приятностью воспользовался несколькими часами его досугов. Не удалось мне видеть его в служении, но уверен, что он сановит в наружности и благочестив в чувствах, действуя по званию своему перед Престолом Господним. Он привлек единственно талантами своими на себя внимание двора, всего своего начальства и просвещенной публики. Имя Леванды никогда не забудется в России. Во второе мое путешествие в Киев я уже его не застал и поклонился с благоговением смертным остаткам его, погребенным в том же Софийском Соборе, в котором он столь долго и славно служил Богу живому пред избранным его народом; ибо Киев, и именно сей Собор, есть мать всех церквей Российских. Между моими двумя путешествиями в тамошний край я удостоен был заочно его внимания. Он мне несколько раз писал, все письма его коротки, но сильны и означают высокую степень его доброт и дарований; я их старался сохранить со всякой бережливостию. Он мне присылал свои проповеди, те, кои произнес после нашего знакомства, и я о сем знаменитом учителе церковном никогда не забуду. Подобные служители веры еще весьма редки в отечестве нашем, и едва ли можно кого сравнить в ораторском красноречии с Левандой, как из многих предшествовавших ему, так и из современников его, наипаче же в одинаковом с ним состоянии, то есть в белом духовенстве.

АВГУСТИН

16. Архиерей Московский. Охотно забывая грубое его со мной обращение в разных случаях, доводивших меня иметь с ним дело, я с признательностию храню в памяти услугу, от него мне оказанную в самое злосчастнейшее время нашего государства. Когда Наполеон покорил, сжег и разорил столицу нашу, Москву, и я, имея в ней дом, потерпел общие со многими убытки, более всего огорчило меня осквернение моей домовою церкви, которую имел я от родителей, как залог их благословения. Августин позволил мне ее возобновить, дал новой антими[н]с¹⁵ на мое имя, отобрал тот, который дан был отцу моему, и хотя долго затруднялся оказать мне это одолжение, однако решился удовлетворить моему желанию и тем загладил все прочие худые со мной поступки, о которых не хочу упоминать, потому что они происходили более от худого его образования, недостатка общежития, нежели от порочных начал сердца и рассудка.

НЕЛЮБОВА

17. Наталья Алексеевна. Бедная девушка, жившая в нашем доме до самой кончины матери моей. Намерение ее было эту девушку пристроить в какой-нибудь институт, дабы оттуда удобнее было совершить судьбу ее в будущем; но сего не удалось. Некоторые родственники наши делали ей временные денеж-

ные пособия, кои способствовали ей только поучиться кое-чему в частных пансионах, и по некотором времени матушка изволила взять ее к себе, и при ней она проживала скромно в нашем семействе. Она была девушка умная, приятная в обществе, игрывала с успехом некоторые роли в наших домашних зрелищах, и привыкла к нашему дому так, что с трудом вышла из него, о чем и я крайне сожалею, потому что она, расставшись с нами, надеялась быть счастлива, вместо того теперь терпит самую бедственную участь. После матушки она еще оставалась с нами и ездила вместе в Нижний на Макарьевскую ярмонку; сопровождая нас всюду в наших путешествиях, нигде не была нам в тягость, напротив, услугами своими и разговором часто приносила пользу и помогала рассеянию нашему своей природной веселостью. По странному стечению случаев, мы с ней расстались без всякого ее желания и без решительного нашего на то приговора. Сестра моя, приехавши с нами повидаться из Малороссии, где жили родители Нелюбовой, из сожаления ко мне, потому что, при недостатках моих, тяжело было содержать эту барышню по-прежнему, при моем большом и без того семействе, предложила Нелюбовой ехать с ней к своим родным в Киев. Мы ее отпустили, и она, хотя со слезами, но по рассудку решилась оставить нас, чувствуя, что нет причины отречься ехать к своим родным, когда способ на то готов. И так мы ее нехотя из дому нашего выпроводили; по несчастью, отец ее и мать жили розно и в разных городах; сестра ее старшая, будучи за достаточным человеком замужем, овдовела и не могла ей сделать никакого вспоможения, не имея сама по себе состояния; другая сестра вышла замуж за хворого человека, которого разбил паралич, словом, бедная Нелюбова попала в самую несчастную тарелку, из которой и я уже вытащить ее не могу. Все это произошло от прекрасного побуждения сестры моей в отношении к моим пользам, но слишком опрометчиво ею поступлено, а мы слишком безрассудно на это склонились. Дело сделано, поправить его трудно, и мне очень этого жаль, потому что я не могу освободить себя от обязанности, по изволению матери мой, делиться с ней, по крайней мере, моим благосостоянием, когда лучшего доставить не в силах, а теперь она бедствует, и я помочь ей не могу. Когда мы ездили в Киев, она нас встретила в Нежине и оттуда приезжала с нами вместе к сестре; там осень мы прожили вместе, и она новые слезы пролила фонтаном, когда ей пришлось снова расставаться с нами. Она, к несчастью, привыкла в нашем доме к жизни совсем не той, какую нашла между своими семейными; в молодом возрасте такой перелом приводит в уныние, и не всегда самый крепкий рассудок с чувствительным сердцем сладить может. Она ведет с нами переписку, но это слабая отрада. Мать ее спилась; отец держит сераль, сестры безнадежные ей опоры, и так она в полном смысле слова несчастлива, а если бы мы ее с сестрой не отпустили, то бы, конечно, она терпела меньше горя и всякого недостатка. Есть люди, которые бывают жертвой обстоятельств самым нечаянным и непридуманым образом. Так точно пострадала Нелюбова. Я, не имея никакого к ней пристрастия, ибо она и непригожа, но часто, очень часто, тужу, что, испортивши участь ее, потерял возможность ее поправить, и если бы мне встретился легкий способ возвратить ее в дом свой, то, конечно, бы от одного не отрекся; по крайней мере доставил бы ей тогда если не выгодную партию, то самое приятное общежитие, которым она прежде пользовалась.

ДЕШАН

18. Deschamps. Французской службы полковник. Человек, оказавший мне такой знак приязни, какого, признаюсь, не от всякого своего ближнего в отечестве моем мог бы ожидать, и пусть после этого привязываются к людям не по личным достоинствам, а по предубеждениям отчизны. На что нам отечество, если мы в нем не находим тех услуг, какие предлагают нам добрые чужеземцы? Этот полковник взят был нашими войсками где-то в полон и, по распоряжению правительства, должен был явиться в Володимир, для отсылки, с другими сотоварищами своими, в разные отдаленные губернии; увидевши его, я продержал сутки у себя и постарался, сколько мог, облегчить его положение приятным обхождением, потом отправил его на Вологду. Скоро заключен мир, пленники возвращены, и Deschamps, проезжая назад через Володимир, прогостил у меня еще сутки. В разговоре со мной о моем семействе он узнал, что старшие мои два сына обучаются в Геттингенском университете, и с любопытством расспрашивал, как они там живут, и не препятствуют ли мне политические смуты доставлять им по временам нужные деньги? Все эти расспросы казались мне пустой французской вежливостью; мы расстались, и я скоро забыл о нем, как вдруг получаю из чужих краев от наставника детей моих письмо, в котором он уведомляет, что некто полковник Deschamps, своротя с большой прямой дороги, заехал в Геттинген, отыскал их, пожелал у них отобедать, осведомлялся о их учении и содержании и предложил им все деньги, которые имел при себе, в ожидании моего перевода, говоря, что посылка денег затруднительна и что он будет рад, ежели окажет сей услугой признательность свою за хорошие мои с ним поступки во время его неволи. Разумеется, что учитель пособий его не принял, а чувствительно отблагодарил, сказав, что сообщит и мне о том. Пусть судят, в каком я был изумлении! Где нередки подобные поступки? Я не знал, куда к нему писать, как благодарить? Совестно было, однако ж, остаться равнодушным. Я написал коротенькую газетную статью, которую отослал к своему немцу, для помещения ее в иностранных листах, дабы он из них мог видеть, что он одолжил людей, умеющих ценить великодушное побуждение нежного сердца. Не знаю, впрочем, исполнилось ли мое желание и сведал ли он о моей благодарности? С тех пор я нигде с ним не встречался и уповательно во всю жизнь мою не увижусь, но забуду ли когда-нибудь этого иноплеменика и благородный его подвиг? Вот ближний мой по слову Евангельскому:

Будь родственник мне друг, я буду его другом,
 Быть с ним не отзовусь подложным недосугом,
 Копейку разделяю...¹⁶

Точно в этом разуме написаны сии стихи: они относительно к пленнику, которого я люблю напоминать при каждом благородном поступке соотчичей своих, когда случается мне их испытывать, или по крайней мере узнавать из опытов других. Deschamps! Я вспоминаю тебя при всяком взоре, который кину на детей моих, следовательно, всегда, всегда, даже до гроба.

КАКОВИНСКАЯ

19. Настасья Николаевна. Ныне она старушка Хитрова, дочь ее уже в летах, замужем за князем Урусовым. Я вспомнить должен ее молодость, когда она еще жила в родительском доме и была пригожая девушка. Тогда я был гвардии офицер и, наезжая в отпуск в Москву, преимущественно строил ей куры, танцевал с ней чаще всех в Благородном собрании (которое называлось еще просто клубом) и в руде при театре¹⁷. Всякий приезд мой на родину ознаменован был новым волокитством и новой героиней. Сколько я нашептывал ей сладостей в круглом польском, который, кажется, выдуман был для интриг; он продолжался по несколько часов; все, в свою очередь, отделив по условию фигуру, стояли на своих местах, и каждая пара о чем-нибудь перебывала; разумеется, что разговоры такие были не философские, тут скромная и благородная любовь искала торжества чувствительного и нежного. Каковинская была молода, хороша; я молод и влюбчив: можно себе представить, что мне и теперь, обративши взор на сии протекшие года, приятно вспомнить те удовольствия, которыми я, в отношении к ней, наслаждался. В память их вношу сюда ее имя, и строчки сии тому веку посвящаю.

ПОЛОЧАНИНОВ

20. Дмитрий Егорович, уголовный судья пензенский. Человек средних лет с изрядным достатком, хорошо воспитанный и женатый на родственнице губернатора, о которой я ниже поговорю особо, потому что обе сии особы весьма важную роль играли в мой жизни. Дмитрий Егорович, при появлении нашем в Пензу, тотчас влюбился в жену мою. Этого избежать, узнавши ее, никто не мог; в самом деле, она богата была очарованиями и, к счастью моему, одарена рассудком твердым, с душой непобедимой соблазнами. И так Полочанинов, как и многие другие, ходил к нам всякий день обедать, ужинать, вздыхать, выкалывать рисунки, и все часы жизни его, кроме двух, трех, коими он должен был жертвовать службе, проводил в нашем доме; разумеется, что спал у себя, с своей постылой супругой, с которой он не мог прижить ни одного ребенка. Он готов был доставлять нам всякие забавы и, отлагая бесполезное волокитство его, был с нами искренно дружен и расположен к участию во всяком деле, которое по службе или огорчало, или утешало меня. Во время ссоры моей с губернатором, когда многие из трусости не смели ездить ко мне, он постоянно был мне предан и старался удвоить веселости нашего дома. На сей конец он построил у себя особый театр; на нем мы целую зиму играли комедии всякую неделю; и нам, и публике было очень весело. Весь Сумарокова театр явился тогда на сцене¹⁸. Время веселое и незабвенное в жизни моей пензенской! Чтобы дать понятие о том, в каком затруднении находились тогда благородные подвиги, помещу здесь случившееся со мной, по отношению моему к г. Полочанинову, происшествие. Он служил советником в Уголовной палате; в оной производилось дело над крестьянами богатого помещика графа Разумовского, кои доносили на управителя его, в имени живущего, Гогеля. Дело скаредное и решено незаконно; Полочанинов, будучи че-

стен и благороден, прежде чем подписать приговор, рассудил посоветоваться со мной. Я счел за грех не сказать ему правды и расположил его подать голос, который несколько остановил быстрый ход столь интересного процесса. Казалось бы, что за беда? Я был очень покоен. Но, к несчастью моему, того управителя Гогеля брат был тогда при Воспитательном доме, лицо уважительное и значащее. Мать моя должна в Опекунском совете и как-то просрочила, зная, что некоторое время даются льготы кредитору. Дошли слухи до московского Гогеля, что я удручал брата его моими будто интригами, кои состояли все, как выше видно, в одном очень натуральном совете приятелю, и я увидел в газетах, что наше имя за помянутый долг матери моей велено описать; тучу эту мы отвели, но не меньше она наделала матушке много беспокойства. Вот как плут плута далеко в плесе видел, что из Пензы в Москву тотчас настроен ков¹⁹ и брошен камень самым посторонним людям в ноги. Я обязан также с отличной благодарностью отозваться о Полочанинове и за участие, которое он принял в несчастной моей пензенской истории в пользу мою. Во все время службы моей в Пензе он был усерднейшим приятелем нашего дома, и хотя в большой расчет входили сюда бесплодные восторги любви его к жене моей, однако ж я все не меньше обязан за пользу и удовольствие, которое они мне приносили. Он был по временам то жалок, то смешон, и жене моей не стоило ни большого труда, ни притворства, чтоб из него сделать все, чего хотелось. После моей отставки из Пензы я имел только два раза случай с ним видеться в Володимире; он приезжал туда один раз сыграть с нами комедию на нашем театре, в другой раз он был завлечен сенатором Обресковым, который привыкнувши играть с ним в карты в Нижнем, привозил его за тем же в Володимир. Больше сих двух раз я с ним нигде не видался, и столь продолжительная разлука, перемена обстоятельств, все так нас охолодило взаимно, что уже мы теперь, я думаю, увидимся без всякого удовольствия, разве только по одним воспоминаниям прошедшего.

ПОЛОЧАНИНОВА

21. Федосья Егоровна. Я говорил выше о ее муже, теперь очередь за нею. Соберемся с духом, чтоб откровенно, не тая ничего, поговорить об ней. Она была не дура, но ветрена, взбалмошна, со всеми искренна, кстати и некстати, любила щеголять нарядами и ими только могла привлечь на себя внимание, впрочем ни бедсы, ни обращения; собой была нехороша, лицо в веснушках, красный волос, изрядный рост и жеманство самое площадное. Вот рисунок той, которая непонятным образом умела встревожить физику мою до того, что я едва он попал во тьму крошечную; она слаба была до крайности насчет мужчин, и кого только поймает несчастная, тотчас отдается вся в неволю хоть на сутки, хоть на неделю, ей все равно, лишь бы попасть в объятия нашего пола. Муж, зная ее очень коротко, бросил на произвол страстей, и из великодушия только, или самолюбия, почитая в ней свое имя, жил с ней в одном доме и содержал ее. Она бывала всегда у нас и прислуживала жене, как горничная, а при гостях величалась короткой с ней приятелью, но публика давно ее знала и вещи видела в настоящем их виде. Вольное обращение с благородной дамой, которая наряжается в цветное платье и выписыва-

ет моды, скоро мне полюбилось, ибо оно было для меня ново; я смолоду никогда не водился с такими ни барынями, ни бабами, и тут мы, шутя порядочно, и коротко ознакомились; она не стыдилась чваниться тем, что вице-губернатор будто в нее влюблен, а я просто без любви и пристрастия чмокал ее в уста; когда хотел; жена моя, не боясь опасного от меня пристрастия к ней, глядела на мое вольное обращение с ней, как на шалость, но как она езжала родить детей своих в Москву, то, при рождении нашего сына, Александра, была в отлучке месяца три, и тут-то я попался было в лабиринт. Скучно мне было жить одному в моем большом казенном доме. Полочанинов пригласил меня к себе и отвел мне флигель в саду, в котором я и поместился; будучи уверен в моей честности, он оставил меня с своей женой, а сам уехал на некоторое время в нижегородские свои деревни. Оставшись один с его супругой, я скоро заметил, что я в большой опасности потерять и качество доброго мужа, и свойство верного друга; я возгнушался этой бездны порока и всячески старался как можно дешевле от оной отделаться. Федосья Егоровна одна со мной поутру, днем и за ужином, зажигала меня, как сатана; доходило дело до того, чтоб короновать последним успехом всю эту подлую интригу, но я преодолел себя и решительно ей отказал из уважения к гостеприимству мужа ее, с которым я хороший приятель. Нечего было делать; она досадовала, что не может иначе со мной разделаться, как некогда Путифарова жена с Иосифом²⁰, и требовала от меня ласковостей одних, которые бы сколько-нибудь утоляли пламень ее темперамента; я откупался поцелуями и всякими угождениями, кои, не похищая сердца моего у жены, оставляли совесть мою в покое. Чего я с ней не делал? Не станем даже говорить о срамотах всякого рода, довольно, и в этом я клянусь честью, что я не сделался виной ни ее, ни моих преступлений против супружеских обетов; впрочем, она натешилась плодами своего воображения, разжигаемого и устами, и руками. Что же вышло из этого? Она сама расславила все по городу, все над ней смеялись, и она почитала себя несчастной, что не могла меня решить разделить с ней последних наслаждений физики. По возвращении жены моей, это было так гласно, что дошло и до нее; сама г-жа Полочанинова во всем ей призналась и желала уверить даже, что мы живем вместе; но крик всей публики, которая была в ее доверенности, успокоил Евгению, и она уличила ее, что врет, а сим прекратилось и знакомство наше с ней, и все городские насмешки. Для соблюдения приличий с мужем ее мы ее принимали иногда, но уже она потеряла право быть короткой в нашем доме. Выехав из Пензы, я с ней почти нигде уже не видался. Я до сих пор не могу вообразить, как вошло в голову этой бедной женщине собственным свой позор почитать за какое-то для себя преимущество, потому что она разделяла его с первым чиновником города? Что тут за слава? что за честь? Пойми, пожалуй, женщину сладострастную, когда она не имеет другого путеводителя в поведении, как собственные свои страсти, необузданные никакими правилами. Много я вытерпел от нее дней горьких в моем семействе. Богу благодарение, что они не принесли никаких ужасных бедствий за собою; и доньне, когда я вспоминаю то время, то я виню себя и ужасаюсь ее. Чего не делает бес, когда разум молод и своеволен!!! Надеюсь, что лета, морщины и болезни исправили ее, и желаю от всего сердца, чтоб она меня забыла так, как и мне приятно забывать наши по-тогдашнему наслаждения, а по-нынешнему дурацкие треволнения. Поган всякий союз, в котором не сердце, а кровь одна участвует!!!

САЛТЫКОВА

22. Графиня Дарья Петровна, мать г-жи Мятлевой²¹ (см. лит. М), фельдмаршалыша. Я имел честь быть принят в их доме с самых первых дней появления моего в петербургский свет. Выдавались такие времена, в которые я бывал и короток в их семействе по комедии и для комедии, когда она там игрывалась. Однажды, во время градоначальства мужа ее в Москве, вздумалось графине, чтоб сыграли у них трагедию «Танкреда»²², в которой и мне дана была роль Аржира; зрелище это не состоялось, о чем я и не очень тужил, потому что нет ничего тошнее, как тешить знатных господ, которые ни на минуту не совлекают с себя ни лент, ни патентов. Кроме сего случая я не имел никаких других ни приобрести, ни искать милостей графини.

НАРЫШКИНА

23. Марья Павловна. Знатная дама, пожилая, у которой все молодые люди обучались бон-тону²³ в Петербурге. Дом ее был первая моя школа, когда я туда появился. Старики езжали к ней для того, что у нее был лучший повар тогда в городе, а молодые приобретали благопристойные навыки. Она была очень строга насчет общежития и не пропускала ни одной мелочи, касательной до того, без насмешки или порицания, смотря по человеку и по свойству проступка. Дом ее был для меня очень полезен в этом смысле; она принимала меня милостиво, иногда шпетила²⁴, иногда поправляла, и все это усовершенствовало меня в науке жить в свете. Я никогда не забуду смешной и невольной моей проказы с ней. Она стóбит пространного рассказа. Марья Павловна, вдова обер-егермейстерская, следовательно, дама второго класса, щеголяла чрезвычайно своими нарядами, была всегда отлично одета, красно нарумянена и всех щеголих, как говорится, любила за пояс заткнуть; она боялась по ночам ездить одна в карете и, запоздавши где-нибудь на даче, всегда приглашала попутчика проводить ее до дому. Пал сей жребий один раз на меня; мы вместе отужинали на даче у такой же старушки, фельдмаршалыши княгини Голицыной. После стола Марья Павловна пригласила меня сесть с ней в карету и доехать до города; семнадцать верст пути. Отказаться неучтиво, принужден согласиться. Я сел напротив, что совершенно мне не по натуре, но учтивость того требовала. Петергофская дорога всегда освещалась яркими фонарями; при всяком сиянии их я вздрагивал, потому что лицо г-жи Нарышкиной представляло мне ужаснейшую харю. Мудрено ли? Все ее краски пропадали и стирались; оставалась одна престарелая голова, без волос и зубов, с тьмочисленными на всем лице морщинами. Я думал, что со мной ведьма сидит в карете, и невольно приходил в содрогание. Марья Павловна, удивляясь моим конвульсиям, спрашивала, отчего они происходят? Не было средства вывернуться хорошим комплиментом, а правду сказать невежливо. Как отделаться? Ответ мой бывал: «Так!» Марья Павловна стала бояться и меня не меньше дороги, подзревая, что я подвержен эпилепсии, только мы взаимно очень не ловко путешествовали. Натура, наконец, последнюю свою проказу приготвила; я плотно поужинал и, сидя долго напротив, стал чувствовать тошноту. Некуда деваться,

*Князь Н.И. Салтыков.
Гравюра А.Г. Ухтомского с портрета
работы М.Ф. Кваделя. 1807. ММС*

*Князь А.А. Вяземский.
Портрет работы Л.С. Миропольского.
1780-е. ГЭ*

*И.И. Бецкой.
Портрет работы А. Рослина (?).
1770-е. МОКМ*

*Граф А.М. Дмитриев-Мамонов.
Портрет работы М. Шибанова.
1787. ГРМ*

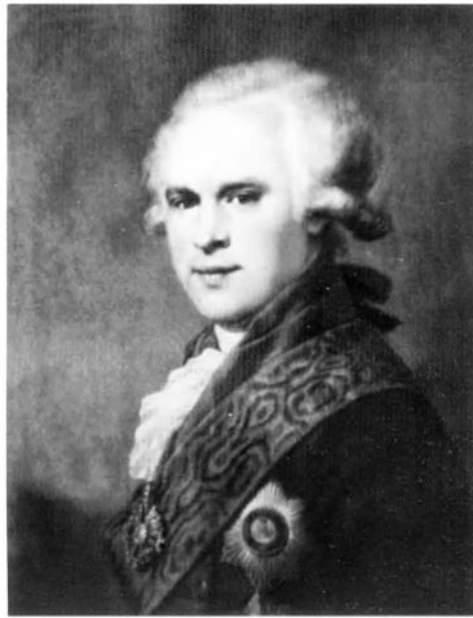
*А.Н. Самойлов.
Миниатюра А.Х. Ритта. 1780–1790-е.
Из альбома «Русские портреты»*

*Князь М.Н. Волконский.
Портрет работы неизвестного художника.
1770-е. РИХМ*

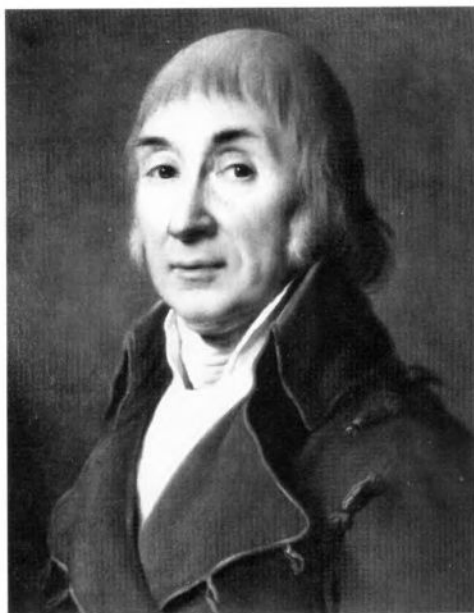
*Граф В.П. Мусин-Пушкин.
Портрет работы Д.Г. Левицкого.
1780-е. ПДМ*

*В.С. Попов.
Портрет работы И.-Б. Лампи Старшего.
1790-е. СГХМ им. А.Н. Радищева*

*М.М. Сперанский.
Альбом Пушкинской юбилейной выставки*

*Князь Ю.В. Долгоруков.
Портрет работы Д.-Б. Дамон Ортолани.
1800-е. МТ*

*Император Александр I.
Портрет работы Г. Кюгельхена.
1800-е. МТ*

*Н.М. Карамзин.
Альбом Пушкинской юбилейной выставки*

*И.И. Дмитриев.
Альбом Пушкинской выставки*

*Граф Д.И. Хвостов.
Альбом Пушкинской выставки*

*Князь П.И. Шаликов.
Альбом Пушкинской выставки*

*В.А. Жуковский.
Портрет работы П.Ф. Соколова.
1820-е. МТ*

нечего делать! Час от часу хуже, час от часу я бледнее, взволновался желудок, и еще мы далеко не доехали до города, как меня приняло рвать. Что я ни съел у Голицыной, все выложил на платье г-жи Нарышкиной, которая в страшном замешательстве металась из стороны в сторону в карете, балансируя всячески, и бранила меня с яростью, но мне уже было не до нее и не до извинения, а самому до себя. И так повторив, доколе мешок желудочный истощился, раза три ту ж забаву, я осквернил все богатые и щеголеватые ее утвари с ног до головы совсем иначе, нежели она, садясь со мной в карету, могла, может быть, ожидать от мальчика в двадцать лет. Кое-как дотащились мы до ее дома, и слуги ее не без ужаса осмотрели свою барыню, выходящую из колымаги с полным грузом во всех складках ее платья моего неумеренного аппетита. Всякое извинение было бы нестати. Я выскочил из ее экипажа, бросился в мой, и с большой головной болью лег в постель. Долго после того я не смел нигде встретиться с ней; после все это обошлось. Она извинила мою физику, но была осторожнее и уже не предлагала мне провожать ее домой, о чем я, с моей стороны, признаюсь, и не сожалел. До сих пор мне этот случай смешон, и я не излишним счел сообщить его моим читателям. Пусть похочут и за улыбку свою скажут мне спасибо!

БЕРЕВКИН

24. Сверстник мой, бедный дворянин, которого отец мой содержал в своем доме, для сотоварищества со мной; мы росли и воспитывались вместе. Однажды играя с ним в мяч, мне случилось попасть ему оным прямо в висок так сильно, что он чуть не упал; весь день тот у него болела голова; я вообразил, что он умрет, что я убийца; это меня так испугало, что я никогда не мог забыть несчастной моей резвости, но ему ничего худого от нее не произошло. Он, окончив свои науки со мной в нашем доме, вышел из оногo, и с тех пор мне уже не довелось ни встретиться с ним где-нибудь, ни слышать что-либо о судьбе его. Так прерываются связи наших юных лет! Время все узлы ослабляет и уничтожает.

ЛУБЯНОВСКИЙ

25. Сегодня я получил орден Св. Анны 1-й степени. Не хочу никому иному воздать за то моей признательности, кроме г. Лубяновского.

Федор Петрович, ныне губернатором в Пензе. Я с ним сошелся знакомством, когда он был производителем дел при графе Кочубее, во время его министерства. Он оказал мне самую важную услугу в критическую минуту, которой я никогда не забуду. В то время как по доносам в истреблении лесов по Тамбовской и Владимирской губерниям наряжен был от князя Куракина чиновник 4-го класса, г. Арсеньев, производить исследование, я был отпущен, при конце того следствия, для личных о нем объяснений, в Петербург и явился к министру, кн[язю] Куракину. Тут, по старому со мной знакомству, Лубяновский принял за мои дела, обрабатывал их с крайним прилежанием и доброхотством, видался со мной без затруднения, выслушивал меня терпеливо, соединенными со мной силами опровергал в до-

кладных своих записках вздорные рапорты Арсеньева, которых открывши всю неосновательность министру, побудил его искать средств удовлетворить меня за нанесенные мне разные от Арсеньева обиды и оградить против дальнейших его хищений; сие следствие обратилось в мою пользу так выгодно, что мне пожалована Анненская лента, к получению которой, откровенно скажу, способствовали мне усердие и деятельность г. Лубяновского более, нежели протекция Салтыкова, который прашивал тогда министра обо мне, когда знал, что министр сам готов что-нибудь сделать более, нежели ходатайствовал мнимый протектор, да и сам кн[язь] Куракин не решился бы вступить за меня, если б обработанные Лубяновским бумаги не показали ему, что он будет крайне несправедлив, когда, выдав меня, так сказать, на жертву Арсеньеву, по пустым наклепам, дает ему и силу меня неповинно задавить. И так, хотя кн[язь] Куракин как министр, представивший меня к ордену, и имеет некоторое право на мою признательность, но мне приятно здесь откровенно исповедать, что я ей гораздо более одолжен трудам и благорасположению ко мне г. Лубяновского, которого по тому во всю жизнь мою помнить буду с приязнью. Впрочем, состояния наши и образ жизни так различны, что мы оба, в Москве живучи, очень редко видались, и ко всему сказанному я добавить должен, что Федор Петрович, делавши мне добро, ничем, кроме приязни моей, не был никогда заплачен, и тем сильнее я обязан ему быть навсегда благодарным и уважать благородные свойства его сердца.

КАРЯКИНА

26. День именин меньшей дочери моей, которую я потерял на двадцатом году ее жизни. Не неприличным считаю под сим числом выставить имя девушки, совсем нам посторонней, оказавшей дочери моей разные приятные услуги без всякого иного за них вознаграждения, кроме ласки нашей, которой статья сия назначена быть новым свидетельством.

Она живет донныне в доме князя Юрия Владимировича, при княгине Горчаковой; не имея никакого сама по себе состояния, пользуется ее содержанием. Я воспоминаю в ней хорошую приятельницу меньшей моей дочери. Она занималась часто ее нарядами и разными безделками вкуса, когда та выезжать начинала в большой свет: оплакала потом смерть ее живейшими слезами, и я на память подарил ей кораллы меньшей моей дочери, которых Карякина не снимает, воспоминая ежедневно милую мою Евгешу, а я не забуду никогда и той, которая столь многими по возрасту ее услугами старалась из одной чистой приязни угождать ей и тем купила мое сердце.

ШЕРЕМЕТЕВ

27. Граф Николай Петрович. Род и племя его напоминает мне такие плачевные события, которые всегда меня выводят из спокойного положения. В истории моей описано пространно, как отец его лишил мать отца моего, а его сестру родную, всякого достоинства законного, отняв у дома нашего до четырех

тысяч душ. Здесь о сем ни вспоминать, ни говорить не хочу. В сочинениях моих есть пьеса под названием «Торжество совести»²⁵, в которой я описал сие фамильное происшествие иносказательно. Граф Николай Петрович сам был человек низкий, скупой, тщеславный и во всей отношениях пустой. Настоящий сатрап, более ничего. Он любил оперу, и у него свои люди их играли, что водилось и при отце его. Наследственный вкус! Когда мы приехали с первой женой моей в Москву, в отпуск из Питера, зимой, после того как жена моя удачно сыграла там Нину, графу захотелось, чтоб мы эту оперу сыграли у него, дабы любимая его певица, на которой он после женился, Параша, нагляделась на игру жены моей и заняла бы ее искусства. Он тогда всячески ходил за нами, чтоб мы его этим одолжили; батюшке хотелось видеть, как жена играет; другого случая не было. Желая сделать ему угодное, мы решились оказать это снисхождение графу и собрались у него на театре сыграть Нину, но дабы быть в этом деле совершенными хозяевами и уничтожить всякое подозрение, что мы из раболепного угождения этому Крезу²⁶ его тешим, мы постановили с ним условие, что роли раздадим сами тем, кому пожелаем, не заимствуя никого из тех, коих он сбирался предложить, и что две трети билетов будут наши, а одна его, но и из тех он не властен был отдать ни одного без нашего сведения. Таким образом, удержав за собой полное господство на его театре, мы назначали репетиции, во время которых он сам, сидя за фортепианом, управлял оркестром. Наша труппа составлена была из нашего семейства; играли жена и сестра моя меньшая, я, Рукин и Яковлев. Хоры составлялись из графских певчих. Назначено дать Нину на Масленице, но вдруг представляется новое и важное искушение; приезжает в Москву князь Потемкин; Шереметев, как первый богач в государстве, обязан дать ему праздник. Он уже готов был попотчевать его нашим зрелищем, но я имел уважительные причины не согласиться на это и одержал победу. Сколько ни боролся сам с собой граф Шереметев, но принужден был не только не дать этого праздника Потемкину, но даже и билета не смел ему поднести. В самый день заговенья мы сыграли нашу оперу, и, несмотря на то что для Потемкина был огромный бал в Благородном собрании, несмотря на то что этот бал был последний зимний съезд дворянства, театр графский, помещавший до полутора ста зрителей, был наполнен лучшими людьми в городе. Ни одного места пустого не было, и граф сам правил музыкой. Опера представлена с большим успехом, все от жены моей были в восхищеньи, а я радовался более всего того, что приносил сию жертву преданности отцу моему, которого, любя чрезвычайно, хотел потешить, во что бы ни стало моему самолюбию, и признаюсь, что мне очень было тяжело у графа на театре играть комедию, ибо я, кроме чувств отвращения и презрения, ничего к нему не питал во всю жизнь его.

МАНСУРОВА

28. Катерина Александровна. Бедная дворянка, прославившаяся своей красотой, которая доставила ей блистательнейшую фортуна, ибо она, не имея никакого состояния, попала замуж за богатого князя Трубецкого и весь век свой ныне проводит в изобилии и всяком довольстве. Их было несколько сестер при

старушке вдове, дом их был очень беден. Я с ними ознакомился у Молчановых, посещая их каждый день; там почасть бывали веселые пирушки. Будучи офицером гвардии тогда, я волочился за Катериной Мансуровой, танцовывал с ней беспрестанно, но скоро знакомство наше юношеское прекратилось; потом она, сделавшись богатой дамой и московской жительницей, имела у себя в доме благородный спектакль, в который я попал и неоднократно играл у них в доме; театр был очень хорош, лучшие люди в городе к ним съезжались, балы и великолепные вечера опять меня с ней сблизили, но уже прелести ее изменились, и мое стремление к ней было тише; я продолжал это знакомство не для нее собственно, а для забав и удовольствий, которыми я у нее наслаждался несколько лет без малейшего возмущения. Из всех представлений, кои там даны были, удачнее всех шла комедия «*Le bon ton*»²⁷, в которой успехи мои доньше мне памяты, а, вместе с ними, вспоминая место славы моей, не могу забыть и виновницы многих моих удовольствий, Катерины Александровны Мансуровой, в честь коей помещается имя ее в сем списке моих сердечных обывателей. Ныне она стала стара, дети заступили ее место. Дом их не так пышно содержится, и знакомства моего с ним в помине нет.

РЖЕВСКИЙ

29. День знаменитого побоища, на котором я был секундантом. Вспомним рыцаря такого незабвенного сражения или единоборства.

Григорий Павлович. Сын брата родного моего родного дяди, Степана Матвевича; следовательно, мы находились в самом ближайшем сватовстве. Мы были сверстники, одних почти лет, и очень дружны в ребячестве, как обыкновенно это везде бывает. Он знал мои амурсы, а я его, и мы друг другу помогали. В доме Ржевского ежедневно видаясь, мы думали, что связи нашей не будет конца; но едва расстались, как уже и не сходились нигде; мы служили сперва в гвардии в одном полку, он был сержант, а я офицер. Во время караула и дежурства, несмотря на приязнь, я поднимал носок над ним, и после вместе хохотали над моим донкишотством. Долгое время мы обитали в одном доме в полку, когда я еще был холост; живучи в Питере, мы вместе играли комедии у Бороздиной (см. лит. Б); и тут-то по случаю ссоры между Ржевским и Даниловым, нашего же полку унтер-офицером, я принужден был выехать секундантом с его стороны, Молчанов был с другой. Драка продолжалась с четверть часа, бились рыцари на шпагах, Ржевского ранили в руку, но, слава Богу, рана зажила недель в шесть без опасных последствий и, к крайнему счастью нашему, сошла с рук им и нам благополучно. Тогда подобные проказы наказывались, еще и довольно строго. Я не мог отказаться от сей услуги Ржевскому, несмотря на все ее опасности, потому что в близком был с ним свойстве, да и жили вместе. После этого поединка и театров Бороздиной, где настоящий был вулкан всяких происшествий, я расстался с Ржевским и не имел уже случая иначе с ним видеться, как нечаянно и по встрече. Мы живали в разных местах, видались редко, и так теперь охолодели взаимно один к другому, что и признаков не осталось нашей свычки. Более всего я люблю напоминать теперь наш образ жизни полковой; оба мы были небогаты и не могли больших делать издержек, следова-

тельно, хозяйство наше было не блистательно; доволилось иногда приезжать домой ночевать не ужинавши, а есть хотелось; дома нечего, да и не на что готовить. Денег чистых мало, но кредит всегда хорош. Мы у итальянцев ходящих всегда могли брать в долг прихотные вещи, как то: помаду, духи, шоколад, горчицу французскую; одна она годилась к столовой приправе, и так, когда бывало проймет нас голод, мы велим, как водится, собрать на стол, разложат салфетки, подадут два прибора и поставят нам банку горчицы, которую мы оба с хлебом уберем до самого дна, и назавтра перед своей братией безбожно хвастаем, что мы ужинали у себя, полнясь ехать в гости. Все мило, что о молодости ни вспомнишь, даже и до столь глупого фанфаронства.

ГОРЧАКОВ

30. День именин сына моего, князя Александра, обязанного избавлением своим от тяжелой участи тому лицу, которое по сей причине в настоящий день привожу себе на память.

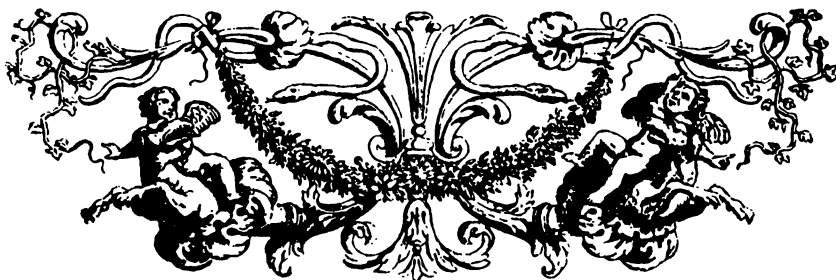
Князь Алексей Иванович. Военный министр и зять князя Юрия Владимировича Долгорукого. Благodeяние, оказанное им сыну моему, Александру, заслуживает незабвенную и беспредельную благодарность. Когда сын мой, наделавши всяких шалостей в ополчении был без службы и состояния, князь Горчаков призрел его, определил с выгодами в полк и отправил к оному на казенный кошт, сын мой, будучи до крайности ветрен, наделал новых проказ такого рода, что подвергался суду и всем ужасным последствиям. Кн[язь] Горчаков и тогда возобновил свое покровительство, скрыл его проказы, выходил ему благородную отставку и, так сказать, вытащил его из бедственнейшей пропасти. Пусть все сие сделано из уважения к кн[язю] Долгорукому, который все семейство мое протезировал, и зять угождал тестю, но меньше ли я от того, как отец, обязан почитать кн[язя] Горчакова благодетелем моего сына, следовательно, и моим. Относя все сие наиболее к князю Юрию Владимировичу, не хочу отнять у Горчакова ни чести его подвига, ни моей признательности.

ПРИКЛОНСКАЯ

31. Анна Дмитриевна. Не стану говорить ни об уме ее – она имела его достаточно, ни о характере – он был жив и весел, ни о воображении, всегда романическом, с примесью меланхолии. Остановимся на одних глазах. Боже мой! Какие очи! Какой небесный взор! Я нигде не встречал подобного, я влюблялся в него всегда, когда он с моим сообщался; впрочем, я мало был знаком с ней, но видал ее часто и всегда искал случая быть в ее обществе, для того только, чтоб смотреть ей в глаза. Она по себе была Измайлова, и выдана замуж за пострела Приклонского, который теперь разжалован в солдаты, а она состарелась и с сиротами своими бедствует. Лучше вспомнить, говоря об ней, отдаленное время. Я часто съезжался с ней на пирушках у Волынского, на Трех Горах; там у него была дача и житье самое привольное. Я писал о нем в стихах под названием «Прогоул-

ка на Трех Горах»²⁸; они напечатаны. Приклонская была в доме его дружна и посещала их беспрестанно; тогда как она, будучи в раздоре с мужем, жила с ним розно, сама по себе, случилось в один вечер, что муж ее встретился с ней в этом доме в числе гостей. Хозяйка хотела всячески их примирить, Анна Дмитриевна и слышать о том не хотела. Хозяева устроили так свой заговор, что Анна Дмитриевна поставлена была в необходимости ехать с мужем своим вместе до своей квартиры, дабы его отвезти к нему, потому что на ту пору будто бы у него не случилось экипажа. Как мужу отказать в праве сесть с женой в одну карету? Но Анна Дмитриевна, желая избежать всякой нечаянности, зазвала и меня для компании, чтоб из этого сделать ночную прогулку, а ночь летом, особливо после вечеровой пирушки, одна минута, и так мы все трое, почти на рассвете, поехали друг друга завозить по разным домам. Я никогда не забуду этой смешной и веселой проказы. Хитрость мужнина не удалась; жена осмеивала его в карете поминутно; я наслаждался глядением ей в глаза, и что мигнет она, то я в восторге, а муж в досаде. Забавное соединение! Можно ли не вспомнить во всякое время жизни такие сумасбродные минуты молодости? Как ни умничай, человек создан так, что он без обольщения чувств и без дурачества никогда вполне счастлив не будет. Сохраним высокие качества души для Неба, а в мире, чтоб выносить всю тягость жизни старой, хворой, иногда и горестной, надобно вспомнить заблуждения юношества, чтоб над самим собой с удовольствием посмеяться и отогнать хоть на минуту настоящую скорбь скучной старости. С таким точно намерением я здесь теперь болтаю о даче Вольнского, о Трех Горах и вообразил живо бесподобные глаза Анны Дмитриевны Приклонской, которой желаю также какими-нибудь своими воспоминаниями облегчить ужаснейшее бремя настоящей ее жизни.

СЕНТЯБРЬ

УШАКОВА

1. Молодая девушка, которой я и назвать не умею, ни бывши с ней никогда знаком. Странный случай заставил меня помнить об ней. Помолвив при дворе на Смирной и участвуя в веселых и резвых обществах по загородным дворцам их высочеств, я чуть-чуть не попал, по милости этой Ушаковой, в самую неприятную сплетню, которая могла подействовать на мое счастье, отняв у меня Евгению. Как-то случилось однажды, после очень веселой и игривой вечеринки в Павловске, что гоф-фурьер¹ нашёл на полу потерянный маленький дамский портфель; в нем нашли записочку и мой силуэт. Гоф-фурьер тотчас заявил о сей пропаже; хозяйка нашлась, но насчет силуэта моего пошли порядочные и забавные толки, которые не послужили бы к чести моей, тогда как я искал руки девицы Смирной, и, будучи уже почти гласно женихом ее, затевал поволочиться за другой. Долго я беспокоился, не зная, как объяснится эта странность; наконец открылась проказа барышни. За ней волочился один придворный кавалер; ей хотелось возбудить в нем ревность, она не нашла лучшего средства, как, нарисовав меня, умысленно бросить свою книжку, с тем, чтоб он, найдя ее, жарче воспламенился и не мучил ее длинным ожиданием его признанья. Вместо его попалась книжка к гоф-фурьеру и чуть-чуть не наделала мне хлопот, которые бы совершенно расстроили все счастье моей жизни, поссоря меня с Евгенией и лиша удовольствия владеть ею. Бывают со всеми забавные приключения, но таких, какое случилось со мной, почти никто другой не испытал в своей жизни.

ЛАВРЕНТИЙ

2. В этот день французы ворвались в Москву, захватили и мой дом, нарвние с прочими, но, благостию Бога, он спасся от огня, и люди, в нем остававшиеся, от меча вражия. Честь и хвала воспоминаемому служителю.

Лаврентий, вольный и препьяный человек, которому, однако, я очень много обязан. При выезде нашем из Москвы и по вступлении в оную неприятеля Лаврентий, будучи у меня в услуге, оставался в моем доме без всякого поручения. Мог ли я вообразить, что он отстоит и сохранит мой дом? Однако так случилось.

Ко мне поставлены были два генерала; Лаврентий сделался у них и слуга, и шут, с солдатами вместе пил и гулял, а с начальниками приближивал, и так им понравился, что он был у них дворецким и распорядителем их увеселений; сперва его били и даже ранили один раз, а потом уже он мог других протезировать. Он служил при столе господ генералов, прибирал трупы солдат, которых они расстреливали, таскал к ним вместе с их денщиками всякую добычу, причем, вероятно, не забывал и себя, но при всем том, когда загорелось в доме моем, он просил их, чтоб они помогли его отстоять, и генералы велели солдатам работать. Дом мой таким образом спасся от всеобщего пожара, и стены мои остались целы. Важнее всех услуг в глазах моих было то, что Лаврентий успел из домово́й церкви нашей выгнать антими[н]с, найденный им на полу, и спрятал его до времени, а с сохранением оного я не лишился права после возобновить престол свой. За все сии подвиги, которых трезвый слуга, может быть, мне и не оказал бы, я положил ему десять рублей ежемесячной пенсии, которую он получает аккуратно, и дал ему свободу жить и служить, где хочет, ибо пьяный человек может иногда быть очень полезен, но за то тысячу раз в других случаях опасен и даже вреден. Сие заключение, однако, не освобождает меня от признательности, которой, доколе я проживу, назначенный от меня пенсион пребудет залогом и прочным для него доказательством.

ГУСТАВ

3. Некогда в этот день мы воротились из Финляндского похода. И так сегоднешняя страница принадлежит тому, кто войне сей был причиной.

Густав, король шведский, против которого вела войну Екатерина с 1787-го года по 1790-й год. Я был наряжен в поход в последнюю кампанию и дождался в Финляндии мира. При торжестве оного удалось мне быть лично в лагере короля; там я его увидел во всем сиянии и славе. Он был Донкишот не из последних, но умница и сладкоглаголивый человек. Я видел его молящегося пред войсками на коленях, под сводом небес, при пении торжественного молебна по его закону. Я слышал речь, им произнесенную под знаменами великого своего предка, Густава, собранному воинству. Наконец, я был приглашен в ставку его на обед и вечернее пиршество и тут удостоился его внимания. Он изволил говорить со мной по-французски, и этой чести я веки не забуду, потому что в тогдашнем моем возрасте говорить с королем не казалось еще безделкой. В записках той войны, писанных мной², упоминая о сем самодержце, я входил в разные подробности, а здесь помещаю только главные черты моего к нему отношения.

МОЛОЖЕНИНОВ

4. Иван Николаевич, отставной полковник, человек холостой, не старый, но большой и отменно угрюмый. Моралист жестокий. Всякое слово – нравственная проповедь! Я с ним познакомился в доме князя Волконского, в котором он взрос, воспитан и жил почти безвыходно, хотя сам по себе имел состояние изрядное.

В то время как я был в связи с княж[ной] Вар[варой] Пет[ровной] (см. лит. В), я его боялся, как царя и владыки, и влияние его на меня сильнее действовало, чем чье-либо иное во всю жизнь мою. Я в беспрестанной был работе, стараясь, чтоб он не приметил моей интриги с княжной, и угодил ему, как раб господину своему, дабы приобрести его внимание и тем усилить права мои быть коротким в этом доме, ибо Моложенинов был оракул своего семейства, и всякий, от хозяина до последнего гостя, уважал его. Раскрывая здесь картину моего сердца во всей наготе его, я признаюсь, что он был причиной моего разрыва с Волконской, и от него точно я не женился на ней. По некотором времени моего вдовства, продолжая любовную с княжной переписку и, согласно с ней, предполагая, что мы, при первом удобном случае, обвенчаемся, я получил от нее одно письмо, в котором она, между прочим, беседуя со мной о разных подробностях будущего нашего соединения, внушала мне, что Моложенинов, как человек порядочный, расчетливый, бережливый, словом совершеннейший, может жить в нашем доме и управлять нашим хозяйством. Я так испугался этого сухого, холодного и угрюмого мизантропа, что тут же стал колебаться... дочь моя довершила мою решимость, и княжна потеряла случай навсегда сделаться моей супругой. С одной стороны, будучи ревнив, я остерегался того преимущества, которым пользовался исключительно Моложенинов в доме Волконских, и боялся скрытой страсти его к княжне, такой же, какова была моя; с другой, самолюбие мое страдало; я боялся попасть к нему под опеку и принужденным быть действовать по его наставлению и произволу во всяком деле; сии два страха так овладели моим рассудком, что я, при всей любви моей к княжне, за месяц, может быть, только перед тем, как надеялся в объятиях ее увенчать давнишнюю мою к ней склонность, охолодел вдруг до того, что решился, наруша, может быть, все приличия, отказать, без всякой причины гласной, такой союз, на который сам вызвал со всей пылкостью взволнованной души. Вот в каком я нашелся отношении с г. Моложениновым. Вот как он сильно подействовал на судьбу мою! Я, переставши быть с ним знаком, не могу, однако же, позабыть его доныне, и верно во всю жизнь мою. Эпоху связи моей с ним, весьма, впрочем, побочной и принужденной, помнить буду. Как не сказать, вспоминая подобные мятежи сердца человеческого, что оно есть бедное игрище страстей!

КУТАЙСОВ

5. Ныне граф и Андреевский кавалер. Я начал знать его камердинером при последнике престола. Он был из турок; я помню, что он отворял мне дверь в кабинет великого князя, когда я приходил просить его высочество окрестить моего первого ребенка, и прежде еще, когда я приходил просить дозволения жениться на Смирной. Во время наших театров он же нашивал на меня и снимал с меня бриллианты придворные, и я худо знал тогда, как его зовут, а теперь, встречаясь с ним, титулую его сиятельством, и на пирах он очень далеко от меня садится. О Tempora! O Mores!³ Впрочем, когда же этого и не бывало? Меншиков торговал блинами!⁴ Разумовской певал на клиросе!⁵ Сиверс был скороходом!⁶ Почему же и Кутайсов не быть графом? Он же и мастерски брил бороду Павлу! Это не безделица!

ОФРОСИМОВ

6. Павел Афанасьевич. Не имея с ним никакого особенного знакомства, или связи, я нашелся, по милости его, некогда в затруднительнейшем положении, из которого Бог меня вывел самым приятным образом для меня и выгодным для него. Я был губернатором в Володимире; вдруг однажды является он ко мне, прискакавши без памяти из Москвы, просить, чтоб я избавил его от беды. В чем она состояла? Он, не имея никакого понятия о своих делах, хотя был уже пожилых лет человек и в отставке генерал-майором, при продаже какого-то имения своего в Володимирской губернии продал чужие пустоши и попал в самый жестокий процес с помещиком тамошним, лифляндского происхождения, который, не любя шутить ни деньгами, ни собственностью, принялся за него очень круто. Надобно было старику помочь и вывести из этого лабиринта. Я принужден был помещика к себе выписать, вошел с ним в переговоры, упросил помириться, бросить дело и кое-как, не без тягости и труда, успел кончить их спор так, что Офросимов, заплатя некоторую сумму за свою неосторожность, возвратился спокойно в Москву. Кроме сего случая мне не довелось нигде иметь с Офросимовым ни встречи, ни знакомства, да и после отставки моей он довольно холодно со мной обошелся. Дело не новое между людьми в большом свете! За то сыновья его сугубо вознаградили меня, вместо отца, поступками своими. Будучи мало знакомы со мной, они все приехали навестить нас, когда дочь моя меньшая скончалась, и гроб ее вынесли из дома на руках своих. Я никогда этого не забуду и во всю жизнь мою сохраняю к ним живейшую благодарность за сей опыт благородного чувства и сострадания ко мне.

БАРКОВ

7. Николай Александрович, сын крестный матери моей и приятель мой в юношеском возрасте; мы служили с ним в одном полку. Я был гвардии офицером, а он сержантом. Мне всегда смешно вспомнить ребяческий анекдот, которому он подал причину. Мы стояли на карауле летом в пустом Зимнем дворце, он старшим сержантом, а я начальником отряда; мне хотелось над ним почваниться своею властью; я придрался к какой-то мелочи, осматривая часовых, и поставил его в бутку⁷. Эта шутка не продолжалась пяти минут, но во всю жизнь нашу мы, при всяком свидании, напоминали эту проказу, и он мне всегда говаривал: «Помнишь ли, как я у тебя сидел в бутке?» Такие детские случаи живее возобновляются в памяти нашей многих важных происшествий зрелого возраста. Мы с ним потом были в походе, и он недолго числился у меня в роте, а после выбыл в другой батальон, следовательно, с детскими нашими годами прекратились почти все наши отношения, и под старость осталось между нами одно шапочное знакомство.

ИГЕЛЬСТРОМ

8. День, в который торжественно праздновалось при дворе замирение с шведами. Виновник оного приходит прежде всех на память.

Барон Осип Андреевич. Известный генерал Екатеринина времени. В Словаре моем нельзя его не поместить; ибо он был начальником над войсками, кои вели войну со шведами в Финляндии, в 1790-м годе, в котором и я был в походе, следовательно, находился под его командой. Я во все то время отличен был от многих хорошим его со мной обращением, при заключении мира, в котором он тогда знаменито кончил возложенное на него дипломатическое посредничество⁸. Я несколько дней прожил в его лагере, был у него всякий день и составлял с прочими военную его свиту. По окончании войны имел случай неоднократно с ним видеться в резиденции, и после, переменя службу, остался с ним хорошо знаком. Он всегда со мной обходился без надменности и даже очень ласково, а как подобные поступки не всегда бывают сродны большим господам, то мне тем лестнее было искать и сохранить его благорасположение, которым я без чванства мог похвалиться до самого предела его жизни.

ГОЛИЦЫН

9. Князь Борис Андреевич. Генерал-поручик, богатый человек, владеющий значительным имением в Володимирской губернии. Будучи начальником оной, я имел случай оказывать князю разные услуги, которые были мне заплачены непохвальной со стороны его холодностию. Во время общих российских ополчений против Наполеона Владимирская губерния, наравне с прочими, обязана была избрать своему войску губернского начальника; выбирать его должно было по ба́лам; я, силою доверенности, которую ко мне лучшие дворяне имели, наклонил выбор в пользу кн[язя] Голицына и был, конечно, орудием его избрания. Звание сие льстило его самолюбию, но он скоро забыл, что был оным обязан мне, и когда я вышел в отставку с явным негодованием государя, кн[язь] Голицын оказал мне самые равнодушные поступки и обходился со мной, как с человеком, едва ему знакомым. Если мне приятно в этом собрании имен человеческих упоминать о тех людях, кои получили права на всегдашнюю мою об них память, зачем же я умолчу и о тех, кои столь же постоянной холодностью ничего от меня не заслужили.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ

10. Великий князь. Как еще он воспитывался под надзором Ламздорфа⁹, я, будучи губернатором, имел счастье несколько раз представляться его высочеству и был удостоен благосклонного его приема, но потом я уже не имел случая ни видеть его, ни слышать его беседы, и прежние краткие минуты свидания моего с ним остались в памяти, как лестные эпохи в жизни, которые должны навсегда сохранить место в воспоминаниях моих, ибо я принадлежу еще к

тому веку, в который новомодная философия не научила людей почитать пустым преимуществом честь приближаться к порфирородным отраслям своих государей, да и племя Екатерины могло ли быть для россиянина ее времени равнодушно?

МЯСОЕДОВ

11. Николай Ефимович, сенатор. Отношения мои с сим человеком были непродолжительны, но наполнены разными неприятными случаями, которым повод давал всегда лукавый его характер и особенный навык к интригам. Впрочем, он был ума неширокого и совсем неделовой человек, но пролаз самый хитрый и удачный; бываю люди очень простые, которые так хитро сведут интригу, что и сам гений в сети их попадет. Лукавство не делает еще ума. Таков был Мясоедов, везде все вышнырит, ко всем подъедет, всего в пользу свою добьется, а дойдет ли до настоящего государственного дела, он строчки не умеет написать, не смыслит резолюцию дать. Меня Бог привел, по несчастию, с ним служить; он был после Нелидова главным директором Соляной конторы, а я старшим по нем членом; мы очень часто разбивались в наших суждениях, и по многим делам я входил против него в голос. Натурально, что он не мог на меня смотреть приятными глазами. Вся Контора перед ним раболепствовала, я один стоял прямо и не соглашался ни на что, противное моим понятиям и правилам. Главные досады, которые он успел мне сделать и из коих открылся его злобный и мстительный характер, состояли в следующих поступках. Нужно ему было, по делам службы, откомандировать чиновника счесть соляные заводы в Перми; они так были запутаны, что комиссия сия могла продолжиться без успеха до нескольких лет. Самое неприятное поручение! Это было во время Павла I. Нас, членов, в разных классах считалось семь человек, я старший и действительный статский советник; все мы были налицо. Ему вздумалось меня туда послать, именно с тем, чтоб удалить меня надолго от Конторы и делать в оной все, что ему вздумается, лишась последнего сопроотивника; если же отговорюсь я от сей поездки, то справедливое получал право выставить меня правительству как ослушника, дабы, силой известного ему худого расположения ко мне императора Павла, выгнать меня из Конторы и лишиться тяжкой против себя оппозиции в оной. Замысел был не худ, мое положение очень тесно; бросить жену хворую, кучу детей, мать престарелую, для которой я не согласился ехать служить в Петербург, и удалиться в Сибирь на несколько лет по пустякам (что само время доказало), из одного каприза директора, неприятно! Я все настроил против него свои пружины так, что он наконец согласился послать надворного советника, который прожил там три года, запутался было сам и кое-как воротился назад. С этого времени мы стали с Мясоедовым, как говорят французы, à conteaux tirés, то есть, на ножах. Я ему не уступал ни по булату. Довелась необходимость отправить члена в Саратов распутать тамошние соляные операции, которые сам Мясоедов испортил глупыми своими распоряжениями. Тут я сам попросился туда ехать. Мясоедов смекнул, что мой взор для него там будет невыгоден, и сам, споря против себя, теми же резонами отклонял мое отправление в Саратов, которым не хотел дать весу, когда

я оные противопоставил определению, составленному им незадолго пред тем, нарядить меня в Пермь. В таком враждебном состоянии служил я года три и всякое утро принужден был с ним видеться. Редкое свидание проходило без размовки. Однажды, желая меня чувствительно огорчить, он отрешил шурина моего, Смирнова, который служил членом в нижегородской Соляной конторе, и чтоб показать во всей красе его злобу, скажу, что он протокол об отрешении его велел вслух при мне прочесть, тогда как он мог бы сделать свое дело, но, щадя своего товарища, не раздражать его таким публичным и наглым образом. Со всем с этим будучи иногда до крайности высокомерен, бывал и подл до низости пресмыкающихся животных, когда дело шло о его пользе собственной. Обыкновенное свойство подобных людей! Ему раза два нужно было мое перо, для отделки таких бумаг, которых он не умел сам сладить, и тогда он вился около меня ужом и жабой. Во все время моей с ним службы он не доставил мне никакой награды, но, не смея обойти меня представлением, не рекомендовал, пока я был в Соляной конторе, никого из членов; никто ничего не получил; напротив, меня и Волконского, в общем производстве, обошли чином тайного советника, он, мнимо соболезнуя о том, коварно взялся вступить за нас, писал холодные письма для виду и, разумеется, ничего не произвел в нашу пользу. Наконец, сама судьба как-то разлучила меня с ним; я попал в губернаторы в Володимир; тотчас после меня он всех членов рекомендовал, все получили знаки отличия, кроме меня, и в то же время он в самом ласковом письме приветствовал меня с губернаторским местом; я благодарил Бога ежедневно, что вырвался из проклятой Соляной конторы; потом по всем моим делам в Сенате Мясоедов явился сильным мне недоброжелателем, и сии последние опыты злобы сделали его мне столько ненавистным, что я без отвращения ни встречаться с ним, ни помышлять о нем не могу. Он много во мне крови испортил; я рад, когда могу забыть все мои с ним отношения, и кажется, поелику он также теперь в отставке, брошен и забыт всеми, нам не доведется друг с другом иметь никакого дела, да и дай Бог!!!

ЛАФЕРМЬЕР

12. Иностранец швейцарской нации (la Fermière). Я его узнал при дворе великого князя, при котором он находился чтецом и занимал его в досужные пополуденные часы словесностию. Он сочинил для благородного театра их высочеств две оперы: одну под названием «Le faucon», а другую «Don Carlos»¹⁰, которые с успехом и всей возможной пышностью в одеяниях и декорациях были нами разыграны в Павловске и на Каменном Острове. Я в первой играл доктора, а в последней отца и был одет во все брильянты великого князя. Сей иноземец был хорошо ко мне расположен, я часто с ним беседовал. Потом он жил в Володимирской губернии, у графа Александра Романовича Воронцова, где и умер, и схоронен на монастыре или в ограде сельского храма, и над гробом его воздвигнут графом прекрасный памятник. Я никогда не забуду приятных часов, которые делил у двора в обществе с Лафермьером, и, очень долго спустя после свиданий моих с ним, приехавши в деревню графа Воронцова, уже по смерти того и другого, я как очарован был, войдя в комнату, обитае-

мую иностранцем. Там я нашел портреты многих лиц, коих он знал у двора в ближайшем кругу великого князя; все они были очень похожи, все так живо представили мне золотые дни моей цветущей молодости, что я заплакал от сильного влияния событий прошедших на настоящее мое тогдашнее положение. Все бы чины свои отдал за то, чтоб быть тем офицером гвардии, которому было весело, который был счастлив и не умел ничего пожелать, кроме чистейших удовольствий сердца. Имя Лаферьера всегда те же возбудит во мне ощущения, и довольно было ему принадлежать тому двору, при котором взлелеяна была Евгенья, им любимая с нежностью, довольно, чтоб я никогда не забыл об нем и сохранил ему право на мою память и уважение.

ПРОКУДИНА

13. Феоктиста Даниловна. Женщина прекраснейшая собой, супруга оглашенного плута; я за ней волочился целую неделю. Вот мое с ней похождение. Назначен будучи в вице-губернаторы в Пензу, я должен был, ехавши туда, завернуть в Нижний и явиться к нашему генерал-губернатору, Ребиндеру, который правил обеими губерниями. Мне было двадцать семь лет; отроду в провинции не жила. Ребиндер надо мной сжалился и, будучи очень добр, позволил мне в Нижнем прожить неделю, дабы в этом веселом городе сколько-нибудь познакомиться с губернским родом жизни. Подлинно в Нижнем тогда было очень весело: и театр, и балы, и вечера, и обеды. Я во всю неделю не имел времени вздохнуть о московских забавах, хотя очень незадолго слезно расставался с ними. Феоктиста Даниловна обворожала всю тамошнюю публику своими прелестями; муж ее служил директором экономии и держал открытый дом на самой пышной ноге богатого вельможи. У него была домовая церковь пребогатая; эрмитаж на двенадцати кувертах¹¹, то есть подъемный стол на машинах; зимний сад в одной из комнат просторного дома; птичник, в котором всегда происходил гармонической концерт разнородных пернатых, словом, он был в Нижнем то, что Шереметев в Москве; а как брат его родной такую же должность отправлял в Пензе, какую он в Нижнем, то ему и нужно было сойтись со мной покороче; на сей конец он мне дал большой пир и кормил меня на серебре, потом другой на фарфоре, а наконец прощальный ужин на аглийском сервизе, апплике¹². Имея позволение пробыть там неделю, я прожил десять дней, и если бы Ребиндер не выпроводил меня к должности, может быть, я тут остался бы навсегда, точно так, как некогда в Твери не мог расстаться с Лопухиной (см. лит. Л). Я в Феоктисту Даниловну влюбился по уши, ежеминутно был у них, и с ней, и восхищался до крайнего степени ее красотой, но где пленяет нас только цвет лица и расположение его, там очарование непродолжительно. Прокудина, кроме красоты, ничем не отличалась, и так едва образ ее исчез в глазах моих, как и воспоминание погасло. Я иногда видал ее и после, но урывками, и только затем, кажется, побывал тогда в Нижнем, чтоб умножить ею алфавит моих кумиров.

ЕРОПКИН

14. День, напоминающий сильный патриотический подвиг того лица, о котором говорить намерен.

Петр Дмитриевич. Человек, знаменитый подвигами героизма ратного и отечественного духа. Он один защитил столицу от мятежников и убийц архиепископских¹³ и восстановил в ней спокойствие тогда, как все чиновники бежали из нее, убоясь повальной заразы, свирепствовавшей во всей Москве. Сей великий муж был потом и сам главнокомандующим в Москве, в последних годах царствования Екатерины; он, по жене своей, был с нашим домом несколько в родстве, и поэтому я был к нему въезд во всякое время. Он имел превосходный дар слова и, в состязании о разных ученых предметах в дни собрания, умел занимать своих гостей разумной беседой. Все слушали его с удовольствием; я до ныне помню разговор его с приятностью; в нем я много почерпнул для себя полезного. Дом Еропкина и нескольких других старейшин в Москве служили мне, так сказать, приготовительной школой ко вступлению в общежитие гражданское. Этот старичок удостоивал меня своего внимания, принимал благосклонно, не отвращался иногда от разговора со мной, и я должен имя его помнить с постоянным уважением.

АЛЕКСАНДР I

15. Император Всероссийский! Во время малолетства его я, по поручению начальников того полка гвардии, в котором служил тогда офицером, обучал несколько солдатских детей военной экзерциции для забавы его высочества и имел счастье представлять оных ему не только в городском дворце, в собственных его покоях, но неоднократно возил их в Царское Село, в летнее время, и жил там по неделе, занимаясь одной школой сих ребят, дабы ею забавлять порфирородного ребенка. Несмотря на сии мои разъезды, которые стоили мне труда, убытков и не приносили никакого удовольствия, я никогда не был удостоен великими князьями, Александром и Константином, ни приглашения к их столу, ниже какой-либо особенной милости, и суетное сие упражнение не принесло мне никакой пользы; как тогда, так и по времени, до самых тех пор и до той эпохи, как Александр воцарился, я не имел никакого отношения к его особе. При вступлении его на престол, будучи отцом его обойден в чине тайного советника и служа в Соляной конторе членом 4-го класса, я подавал государю два письма о возвращении мне моего старшинства, неправомерно у меня похищенного; обе мои просьбы не имели успеха. Я решился на странный поступок: написал четыре стиха¹⁴, изъявил в них всю мою просьбу и подал через секретаря; на доклад его последовал отказ с выговором за то, что я стихами подал прошение по делу службы. Скоро потом Сенат представил меня кандидатом на губернаторское место. Государь изволил меня определить в Володимир, где я, в течении десяти лет моего правления, получил чин тайного советника, награжден столбовыми деньгами, при всемилостивейшем рескрипте, удостоен по делам службы многими именными повелениями за собственноручным подписанием, пожалован орденом Св. Анны 1-й степени и наконец с негодованием

отставлен от службы, отдан под следствие, наказан денежными штрафами и публичным выговором в общем собрании московских Сената департаментов. Вообще, говоря о расположении ко мне государя, я не могу похвастать его ко мне благоволением. Все, что получил приятного, доставлено было мне ходатайством окружающих его министров, сам же он оказывал мне всегда явные знаки своего личного негодования, которого побудительных причин я никогда не мог проникнуть. Во время моего губернаторства имел две аудиенции у него и, кроме холодного обращения, не был ничем ободрен к разговору с его величеством. Вот все мои отношения к сему монарху, который так жестоко расстроил судьбу мою, что я никак не могу имени его поставить в ряд с моими благодетелями, и, со страхом и трепетом служа престолу его, как член деспотического государства, не испытал ни милости его в гражданском поприще, ни правосудия в искушениях.

ХВОСТОВ

16. Граф Дмитрий Иванович. Ревностный, но несчастный писатель нашего времени; он всякое сочинение свое доставляет мне, при благосклонных письмах, и, не удовлетворясь тем, рассудил на мое имя написать послание¹⁵, на которое я отвечал ему таким же, но оно не попало в последнее издание моих трудов¹⁶. По сенаторству человек неважный, по стихотворству еще меньше, он сделался предметом общей критики, но я не почитаю себя вправе судить его в этом роде, а жалею, что он без вдохновения Аполлона пишет, как цеховой, стихи на всякий случай, какой бы ни повстречался у двора, при дворе и для двора.

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ

17. Великий князь. Когда он, будучи в ребячестве еще, воспитывался, мне довелось быть ему представлену его наставником, генералом Ламздорфом. Я служил губернатором. Он меня удивил до крайности своим вопросом; я считал, что, поцеловав у него руку и низко поклонясь, выйду из комнаты, едва приметя взор его и наружность, но он меня спросил: «Любят ли науки в губернии, и какие успехи имеет просвещение?» В устах ребенка, хотя он был и царский сын, такое любопытство меня поразило, и я вышел от него гораздо довольнее сей аудиенцией, нежели мог и должен ожидать по возрасту его высочества. Я искренно в эту минуту пожелал, чтоб кто-нибудь из династии Павла привязался к наукам и полюбил просвещение, не в превратном, а в настоящем его смысле: но вряд исполнится ли такое желание?

ЛОПУХИН

18. Иван Владимирович, сенатор. Говоря о нем, в смысле публичном он не заслуживал похвал народных, ибо слыл человеком не самых честных правил, но я здесь, рассуждая о всех тех людях, коих имена найдутся в моем лексиконе, не по отношениям их к миру вообще, а ко мне лично, обязан и похвалить

его, и возблагодарить за его со мной обращение и услуги, им мне в разные времена оказанные. Во-первых, он, послан будучи в Володимир ревизировать не губернию, а образ устройства первых ополчений, поступал со мной благородно, как сенатор, а отнюдь не так, как фискал, снисходительно наставлял меня в столь тяжком и новом деле, осмотрел его во всех подробностях и, с искренним желанием мне добра, поспешил рекомендовать меня государю. По его представлению, согласно желанию моему, которое он прописал в своем рапорте, сын мой старший, находившийся тогда в чужих краях, произведен из кол[легии] юнкеров в титулярные советники. Во-вторых, когда меня отставили и попал я под следствие в тот департамент Сената, в котором присутствовал Лопухин, он с жарким участием вступился за меня, не приставал никогда к моим злодеям и громко держался выгодного обо мне мнения. Сими двумя поступками он приобрел искреннюю мою признательность, и я остался до смерти ему предан. Впрочем, и без всяких дел со мной хорошо был знаком. Он любил ученость и словесные науки; это меня приближило к нему. Я сохранил несколько писем его, из коих видны главные черты доброго ко мне расположения. В этом широком океане, который в столицах именуют большим светом, мы с ним иногда, то часто, то редко, сталкивались по связям и отношениям сторонним, но везде и всегда я с ним сходился приятно и ни одного поступка против себя не могу припомнить такого, который бы давал мне право, после собственных моих опытов, приставать к тем людям, кои, зная ближе приватную жизнь его, злословят память и отзываются об нем худо. Для меня он был человек услужливый, добрый, и я обязан о нем вспомнить всегда с благодарностью. В книгах моих напечатаны стихи под названием «Савинское»¹⁷, его подмосковное, которые от меня ему и были посвящены.

ЗЛОВ

19. В этот день я определен в вице-губернаторы в Пензу. По тогдашнему времени это было важное событие в моей жизни.

Злов¹⁸, молодой мальчик, обучавшийся в Университете, с которым меня свел счастливый и памятный случай. Живучи бригадиром в Москве, скучая праздностью и желая получить место в столице, но не успевая в моих исканиях, решился я на отважный поступок, написать письмо прямо к государыне, и так как мой почерк всегда был очень дурен, надобен сделался мне хороший переписчик. Набежал тогда на меня этот Злов, переписал, отправил, и письмо мое увенчалось желаемым успехом, ибо я тотчас определен в вице-губернаторы в Пензу. Такая удача заставила меня предложить мои услуги Злову; я его подзывал с собою в службу, но он, имея уже решительное пристрастие к театру, обратился на оный и со мной не поехал. Думаю, что он не ошибся в выборе, ибо, вместо крестов, чинов и тяжелой неволи, он сделался отличным артистом, титулуется придворным актером, публике нравится, везде принят прекрасно, денег имеет довольно и, конечно, менее затрудняется в способах жить во всяком довольстве, нежели многие гг. председатели и кавалеры, которые по провинциям часто кушают пустые щи с ржаными сухарями.

ТОЛСТОЙ

20. Граф Варфоломей Васильевич. О нем вспоминаю я только по верховой езде, до которой поелику я не охотник, то и Толстой неважное занимает место в моем помышлении. Когда он был молод, а я еще мальчик, он влюбился в среднюю дочь Ржевского, мою двоюродную сестру, и искал на ней жениться. Поэтому он ездил и к нам, стараясь всей родне оказывать услуги. Тогда я учился в манеже, и меня заставляли по улицам верхом ездить, для скорейшей привычки; у Толстого были две старые лошади, смиренные, точно по мне, и я, с дозволения его, то ту, то другую мучил по Москве. В каждый день гулянья не было для меня никого интереснее Толстого, потому что он один мог доставить мне способ пощеголять на коне. Сватовство его не удалось, сестра за него не пошла, я перестал его конюшней пользоваться, и тем все наше знакомство рушилось. Как часто на пути жизни безделка нас сводит с людьми, и безделка другая разлучает, да так, что и вспомнить знакомство после нечем, подобно и я с Толстым после того времени почти уже не встречались нигде на прежней приятельской ноге, и время от времени совсем сделались друг для друга посторонними.

ТЕРЕНТЬИЧ

21. Звали его Александром. Крепостной наш слуга, которому я дал свободу и который, несмотря на то, остался в моем доме. Он попеременно был дядька всех моих четырех сыновей; с двумя старшими ездил в чужие края, жил при них три года в Геттингенском университете и воротился с ними в Россию. Я не выдывал раба столь усердного к господам своим. Простительно ли позабывать такие заслуги в человеке, какого бы он ни был низкого разряда? Не порода, а сердца нас делают благородными. Терентьевич мой истинное тому доказательство, и я многих бояр не осмелюсь сравнять в качествах души с сим достопочтенным служителем. Кстати о нем сегодня и речь, для именин сына моего, Дмитрия, при котором он находился в услугах во время его учения в пансионе пастора Кроненберга.

ВЯЗЕМСКИЙ

22. Князь Андрей Иванович. Человек светский, весьма приятного обращения. Мы с ним несколько были в родстве. Мать его нашего племени. Он счастливо служил, много путешествовал и рано попал в генералы, женился на англичанке¹⁹ и в Москве открыл дом. К нему съезжались лучшие люди, вечера его были очень занимательны. Я с первой женой моей нередко посещал его сообщество, и он также иногда ездил поболтать к нам. Так текло приятное наше знакомство до тех пор, как я попал в гражданскую службу. Вдруг переменялась картина; пожаловали его в генерал-губернаторы в Пензу. Он меня застал там вице-губернатором; кн[язь] Вяземский обходиться со мной стал очень надменно, и я от него удалился; поступки его со всеми чиновниками были таковы, что никто его

не взлюбил и всякий называл его фанфароном, а в самом деле он был для столь высокого звания слишком пустой человек, и так знакомство наше по службе было для обоих взаимно неприятно. Недолго он над нами чванился. Воцарился Павел! Ходули наместников затрещали, все они сошли с них долой, и Вяземский возвратился в Москву диспутовать в Сенате. По смене моей из Пензы я опять с ним встретился на родине, и снова старое наше знакомство продолжалось; во время службы моей в Соляной конторе членом он был наряжен ревизовать ее и оказал при сем случае много пустого педантизма, которое на соль в государстве не прибавило ни цен, ниже не понизило. Таковы были мои с ним отношения; я времена их напоминаю себе в двух различных видах; с приятной стороны, когда воображаю наши словесные беседы, чтение стихов, острые его шутки и образованность; напротив, неприятной, когда воображаю себе его в качестве государственного чиновника, с бесприкладными его теориями и нелепыми затеями ума, испорченного аглинскими предрассудками. Он хотел в Пензе создать Лондон, и начав с сей точки, что ни делал, что ни писал как начальник русской провинции, все было не у места и некстати. У всякого свой конек! Впрочем, он не успел, и не мог, мне сделать ни худа, ни добра, а в обществе был отменно приятный товарищ.

АКТЕРЫ

23. При воспоминании побега нашего в сей день из Московской губернии, во время французов, живо представляются мне на мысль тогдашние наши сотоварищи.

Все, что происходило в этот год, когда Наполеон овладел российской столицей, заслуживает наше всегдашнее воспоминание, нисходя даже до самых малейших происшествий. Мы в то время укрывались в Никольском, нашей подмосковной, по Стромьинской дороге; туда набежало к нам два семейства актеров: Мочалов, трагик, с своей матерью, сыном и дочерью, перед сим только выпущенной из института, и Насова²⁰, оперная певица с матерью. Матушка кое-как разместить их изволила в маленьком своем доме, совсем неспособном дать убежище кому-нибудь, кроме самой хозяйки; но тогдашнее время таково было, что налагало обязанность не только крышку, но и все разделить с ближним. И так они у нас укрывались до тех самых пор, как мы сами, усмотря опасность хорониться так близко от Москвы, принуждены были оставить свое сельцо; ибо партизаны неприятельские уже начинали грабить около нас; тогда мы снабдили гг. актеров подводами и доставили им возможность дотащиться до Ярославля, куда из Москвы выехали их начальники. При всем сокрушении сердца, в котором всякий из нас находился, чему поверить нетрудно, были минуты, в которые нельзя было не расхотаться, например, когда я увидел, что Насова натягивала дугу у телеги и сама в нее впрягала лошадь, Насова, которую я помню на театре дающею оперу в свой бенефис, которой, кроме четырех тысяч сбору в один вечер, летали еще из партера на сцену кошельки с особенными подарками признательности, видеть ее же около логуна с дегтем²¹ и клячи было вместе и жалко, и смешно. Не меньше был забавен и Мочалов, когда он вдруг прибежал к матери моей и трагиче-

ски вопиял против невежества нашего века, так, что матушка приняла его за сумасшедшего, а сцене этой подал повод поступок действительно самый низкий со стороны начальника лосинного завода. Мочалов, видя, что мы сами очень утешены его семейством, желал нанять квартиру в соседстве и ходил осмотреть одну светелку на заводе, с которым мы жили в версте расстояния. Там, узнавши, что он актер, запретили давать ему квартиру, дабы Бог не покарал всего завода за прием актера в свои ограды. Какое невежество! Тогда-то Мочалов отпустил нам свою тираду, над которой мы все смеялись. Подобные встречи, сколь ни мало важны, останутся навсегда в памяти моей по отношению к незабвенным бедствиям того времени.

КОЛОКОЛЬЦЕВ

24. Владимирский вице-губернатор, которого, к удовольствию моему, я забыл как и зовут. Человек без правил и без всякого воспитания, подлый подьячий, который происками втерся в чины и попал ко мне в товарищи. Я долго старался как-нибудь с ним ладить, но он наконец вывел меня из всякого терпенья. Кроме неприятностей по службе, которые сделались так гласны, что и правительство рассудило прекратить их, я принужден был отказать ему от своего дома, как невеже, который не заслуживал чести быть в порядочном обществе. В таком положении застал нас друг против друга граф Головкин, когда, ехавши в Китай с посольством, ревизовал Владимирскую губернию. Я имел счастье одержать верх над Колокольцевым, и нас развели, переведя его в Казань. Говоря о нем, я заметить должен, что, по какому-то странному стечению случаев, фамилия Колокольцевых вообще для меня была несчастлива на знакомство. Еще в Пензе поессал меня один старик этого рода, тамошний помещик и судья, которому не удалось быть там вице-губернатором потому, что я попал на желаемое им место; у него были два сына, молодые люди; они езжали к нам часто, но и со всем их семейством не было у нас никакого согласия, и я обязан был ему разными тяжкими неприятностями в моей приватной жизни, по участию, которое они приняли в интриге моей с г-жой Улыбышевой, которой муж на все, что ни сделал, был научен и подстрекаем тем Колокольцевым; и так, расставшись худо с этой фамилией в Пензе, я не примирился с ней и в Владимире. Нестор их племени, знаменитый сутяга и сенатор Колокольцев, также был не из доброхотов моих, когда дела мои доходили до его суда; словом, я не встречал во всю жизнь мою приятного лица в фамилии Колокольцевых, и, кажется, само Небо положило постоянную вражду между семенем их и моим. Да будет тако! Тужить о сем никогда не стану.

ЧЕРНЫШЕВ

25. Граф Григорий Иванович. Камергер при Екатерине, сын знаменитого вельможи того времени. Встречаясь с ним часто в большом свете, я приобрел личное его знакомство и приятнь; тогда и то и другое имело некоторую цену. Он мне подарил множество французских книг, кои были у него вдвойне и из которых

иные с его вензелями у меня доныне сохранились. По милости его я попал в актеры ко двору; он заправлял этой забавой при дворе их высочеств и, услышав о моем таланте, расположил великую княгиню к приглашению меня в их труппу. Все переговоры об этом шли через него, и я наконец завербовался. Говоря в другом месте о подробностях сего случая, я уже здесь повторять их не стану (см. лит. Б. Бенкендорф), а расскажу анекдот, который именно относится к Чернышеву. По представлении той драмы, которая дана была для сюрприза великого князя, когда я пере[о]девался из костюма в свой кафтан, Чернышев прибежал ко мне и торопливо известил меня, что их высочества приготовили мне прекрасный подарок, который тотчас и принесут. Признаюсь, что я до такого малодушия тронулся этим, что вдруг заплакал, и Чернышев остался поражен; я ему успел изъяснить, сколько это обидно и унижительно для меня быть на равне с артистами наемными, что я ожидал чести быть допущен в общество их высочеств, но что ежели сего им не угодно, то я тотчас же поеду обратно домой, а подарка не только не приму, но, может быть, в первом движении с грубостью отзовусь, и для того просил его меня избавить от всяких хлопот и неудовольствий. Чернышев вошел в мое положение, понял правильное мое оскорбление и, растрогавшись сам моим замешательством, побежал в дворец, предупредил подарок, не допустил прислать его ко мне, и очень скоро после того пришел ко мне Бенкендорф звать меня в покои. Тут я отдохнул и, удостоясь быть их высочествам представлен, получил свободный вход к ним, на все публичные их приглашения. Живучи по временам в загородных домах великого князя и всегда играя комедии с Чернышевым, я сделался с ним коротко знаком, и связь наша продолжалась столько же, сколько театр и забавы меньшого двора. Потом мы расстались, разъехались в разные стороны, и короткость наша исчезла; но я и теперь, как вижу с ним, хотя и редко, люблю вспоминать время моего с ним знакомства, и, встретившись, оба наслаждаемся воображением тех дней, в которые были молоды.

ОСТОЛОПОВ

26. Стихотворец, которого я совсем не знаю; он любит словесность и выдал книжку своих сочинений²²: его имя и труды известны в нашей литературе. О нем особенно упомянуть я здесь обязан, потому что он адресовал мне послание в стихах по случаю оды моей на «Невинность»²³, в котором далеко за пределы заслуг моих меня выхвалил. Я поставил долгом вежливости отблагодарить его и написал послание к нему в стихах²⁴, которое напечатано, сперва в журнале, потом и в собрании моих сочинений. В этом состоят все мои с ним отношения.

ВОРОНЦОВ

27. Граф Александр Романович. Канцлер и вельможа российского двора. Я не имел никогда чести ни зависеть от него, ни даже быть вхож к нему в дом, но по одному случаю удалось ему оказать мне услугу, которой я забыть не должен. Достигши глубокой старости и надоевши двору, он приехал окончить не-

дужную и мрачную жизнь свою в богатое поместье родовое, состоящее в Владимирской губернии. Тогда я был там губернатором и вменял себе в обязанность ездить к нему, как к барину, что называется, на поклон, раза два в год. Он всегда принимал меня очень учтиво, но холодно, потому что он был самого мизантропического свойства, а женщин вовсе терпеть не мог. Владимирская губерния вся была ему знакома, потому что отец его несколько лет был в ней генерал-губернатором при Екатерине и наполнил ее своими креатурами²⁵, а сам он, будучи еще сенатором, ревизовал ее. По сим отношениям все чиновники в губернии и дела их были ему известны. Некто Борыков, худой исправник Переславского уезда, подпал уголовному суду по моему предписанию. Он жаловался на меня Сенату. Сенат брал с меня ответ, и в послаблении исправнику послали мне самый жесткий указ, на который я отвечал довольно горячо. Сенат захотел подать на меня доклад государю. Граф Воронцов о сем сведал и, зная Борыкова, зная меня, нашел сенатский поступок со мной противозаконным. Он вытребовал от меня полное сведение о сих бумагах, лично со мной переговорил и, поехавши по привычке своей на зиму в Москву, с некоторыми сенаторами снесся, защитил меня, доказал им неправильность их приговора, отклонил предложенный доклад, который по убеждению его не состоялся. Все его рассуждение о сем предмете было в мою пользу, и я оставлен в покое. Такой поступок требует моей признательности. Не всякий, может быть, приятель и родственник оказал бы мне онный, и я для сохранения его в памяти моей поместил здесь сии строки в честь и похвалу правосудному свойству графа Воронцова. По смерти его долго спустя, я имел неприятное поручение от государя императора, не знаю по какой-то придворной сплетне, опечатать все его бумаги и дела, и все, что найду письменного, отправить по почте в Питер, вместе с его домоправителем, и я при исполнении сего кругого повеления всячески старался смягчить суровость оного благоприятными поступками со всеми оставшимися после него в доме доверенными лицами в управлении его имения. Вот краткая история моих походов относительно особы канцлера.

НЕКТАРИЯ

28. Схимонахиня, дочь фельдмаршала графа Шереметьева, бабка моя родная²⁶. Она была за дедом моим, отцом моего отца, князем Иваном Алексеевичем, и по кончине его вступила сего числа в монашеский орден, в котором наконец посхимилась²⁷, и похоронена в Киеве, в Печерской Лавре. Кто не знает истории сей достопамятной женщины в летописях наших? Кому не известны подвиги мужественного ее духа, героическая жизнь и кончина ее? Кто не прослезится, читая собственные ее записки о себе, ссылке мужа ее и общем пребывании ее с ним в Сибири? О ней говорить здесь много нет нужды, мало говорить о ней невозможно! Оставим собственную ее биографию. В сем сочинении рисуются одни только мои личные отношения к тем особам, коих имена приводятся на память, и так молвим только об них. Я родился еще при жизни ее, но застал ее уже в облачении монашеском. Отец мой, путешествуя всякие три года в Киев, для свидания с ней, возил и меня ей показывать. Так видела она меня полугодовым

ребенком и потом четырех лет. Я худо ее помню, но знаю, что она меня очень жаловала и забавлялась моими резвостями в ее келье. Я сохранил доныне самые важнейшие ее письма к отцу моему, из которых видны смирение в духе благочестия того времени и горячая любовь ее ко мне, напоминающему ей драгоценное имя любимейшего супруга. Рукописные ее записки, о которых выше сказано, дошли до меня из рук отца моего; они были напечатаны, подлинник их у меня, как редкость священная, хранится, из особенного благоговенья к добродетелям ее. Я два раза был в Киеве и падал с умилением на гроб ее, который сравнен с землею и ничем по воле ее не украшен. Описавши мое путешествие тогдашнее в Украине, я и об ней не пропустил с восторгом сообщить читателю, ибо имя ее и подвиги заслуживают по справедливости вековечной памяти, по изречению Соломона: Память праведного с похвалами²⁸. Такова пребудет и ее, доколе не потеряется вовсе почтение к высоким добродетелям, к изящным подвигам души и сердца, и доколе лучи истинного христианского света будут озарять ум и сердце россиян, прилепленных к древнему своему отечеству и умеющих ценить деяния предков своих.

БАБАЕВ

29. Под сим названием знакомо было мне целое семейство: брат, служивший при мне в владимирском почтамте, и несколько сестер. Они были у нас в доме очень коротки, брат мастер играть комедии. Он одарен был от природы лицом сатирическим и крайне способен представлять *buffo caricato**. Я никогда не забуду того удовольствия, которое доставлял он мне в роли советника в «Бригадире»²⁹; так совершенно, как он, конечно, никто этой роли не разыгрывал; сестра его меньшая, Катерина, образована была в одном знатном доме, для лучшего света, но по бедности решилась выйти за изувеченного офицера. Сколько я ни старался отклонить ее от этого намерения, предлагая ей даже способ жить у нас в доме, доколе сыщется ей жених надежнейший, но к бедности всего семейства присоединилось и тайное пристрастие к этому молодому человеку, который, лишась ноги по труп³⁰, сохранил однако милое лицо двадцатилетнего юноши. Все это решило судьбу ее, она вышла за него, и с тех пор уже я об ней ничего не слышал и самой не видел.

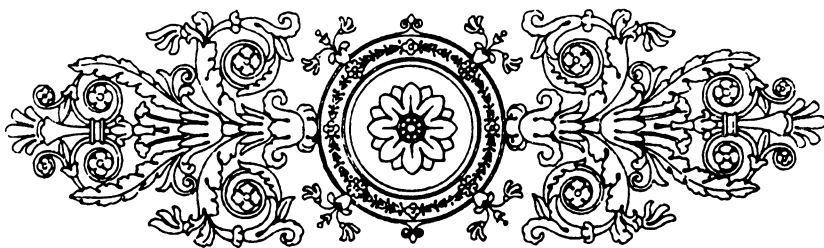
МУХАНОВ

30. Алексей Ильич, сенатор. Я с ним мало был знаком. Но часто на пути жизни люди, кои далее всех от нас стоят, оказывают нам такие поступки, кои заставляют невольно их заметить, отличить и всегда помнить. Так точно удалось поступить со мной в одном случае и г. Муханову. Когда по определению совета призван я был в общее собрание Московских департаментов выслу-

* преувеличенно смешной (*ит.*).

шать по Именному указу выговор, то Муханов, не будучи со мной связан ни узами родства, ни союзом особенной дружбы, а убежден только будучи в несправосудии сего приговора, один из числа всех сенаторов мне сторонних не поехал в тот день присутствовать и записался больным, дабы не быть свидетелем такого уничижительного для меня позорища. Как остаться равнодушным к такому благородному подвигу сердца? И простиительно ли мне позабыть о нем? Пусть сия статья послужит залогом моей признательности, которой я вовек не изменю.

ОКТАБРЬ

ЛОПУХИН

1. Александр Васильевич, отставной полковник, брат родной светлейшего, упрямый и просвещенный русский дворянин, помещик неважного имения в Владимирской губернии, в которой он женился Бог знает на ком, и мнимый был отец многих чужих детей разных племен и народов; между прочими подарила ему жена сынка, от сожития с владимирским полицмейстером, немецким бароном Бутом, приобретенного. Я был губернатор и начальник барона. Г. Лопухин пригласил меня окрестить его Николиньку. Из уважения к светлейшему я отправился к нему в деревню и там сделался отцом крестным чужого подкидыша, получившего имя Лопухина. Вот главный и достопамятнейший случай, который напоминает мне всегда знакомство мое с этим гнусным семейством, ибо скоро тот же барон Бут, приживший с матерью ребенка, женился на дочери ее и сделался хозяин в доме. Такой разврат заставил меня войти в переписку неприятную с князем. Он делал мне разные досады за то, что я гласно вооружился против беспорядков, происходящих в семействе брата его. Бут попал в прокуроры, нарядился в орден Владимирский по протекции князя, стал задиравать меня бумагами, начертил пропасть вздорных дел, и дома, и по службе, дал волю своему буйному молодечеству и вынудил меня к мерам строгим. От одной истории беспрестанно рождались новые; как иначе при подобном распутстве целого семейства? Я писал, представлял, жаловался, выводил наружу все их мерзости, князь, по словице: свой своему поневоле друг, вступался всегда за брата, а я от их связей, на соблазне явном основанных, вытерпел множество неприятностей, кои в истории моей службы большое заняли место и здесь новой подробности не требуют. Впрочем полковник Лопухин до того был туп, что можно было во всем его уверить, но при первой оглядке он по характеру способен был и кинжалом попотчевать всякого того, кто навлечет на себя его подозрение. Все они и теперь живы, но я с тех пор как оставил Владимирскую губернию уже никакого с ними отношения не имел. Лопухин сохранял ко мне всегда приличное уважение, боялся меня и никогда при мне не выходил из пределов благопристойности. Я обязан даже вспомнить его приятную услугу. Перед отставкой моей безвременной, имея нужду в деньгах, дабы съездить в Питер, я через третье лицо адресовался к нему, и он тотчас меня ссудил на вексель двумя тысячами рублей, кои я ему по прошествии срока с процентами отдал.

ЛИТТА

2. Графиня Катерина Васильевна, урожденная Энгельгардова, племянница князя Потемкина, женщина прекраснейшая собой. Их было несколько сестер, все лица бесподобного, и во всех дядюшка изволил влюбляться; влюбиться на языке Потемкина значило наслаждаться плотью. Любовные его интриги оплачивались от казны милостью, отличиями и разными наградами, кои потом обольщали богатых женихов и доставляли каждой племяннице, сошедшей с ложа сатрапа, прочную фортуна на всю жизнь. Дошла очередь до Катерины Васильевны; она всех сестер была пригожее. Во время ее интриги с дядей появился ко двору из чужих краев молодой и богатый граф Скавронский, брат мой двоюродный; матери наши были родные сестры. Он влюбился, его заманили и женили на этой Энгельгардовой. Тогда умер князь Долгорукий, главнокомандующий в Москве, при котором я служил; меня привезли к бабушке в Петербург; я оставался без места и занятий, надобно было куда-нибудь попасть. Скавронский обошелся со мной как самый ближайший родственник, без малейшего чванства; его ласкали при дворе для Потемкина выгод. Он его попросил обо мне, и по этому случаю я попал в гвардию. После того я живал часто на даче у Скавронского летом и сошелся с ним довольно коротко, ездая в его каруселях, пользовался, словом, всеми его роскошными забавами и весело проводил время. Скавронский скоро попал в министры в Неаполь; я вышел в штатскую службу, и мы с ним расстались навсегда, ибо он там скончался, а жена его, повдоевши несколько, вышла за нынешнего своего супруга, морского генерала и итальянского графа Литта. Хотя сим супружеством всякое родство между нами кончилось, однако ж графиня усиленным образом старалась его поддерживать наружными ласками, и когда мне случалось видеться с ней в Петербурге, всегда приглашала к себе, называла топ cousin*, и казалось, что мы очень близки друг к другу. В бытность мою в Володимире, я имел случай оказывать ей разные услуги. Она там покупала через меня недвижимые собственности, давала мне полные доверенности и употребляла меня во все свои финансовые предприятия, без всякой, впрочем, для меня пользы в общем смысле и, смею сказать, с большими выгодами для себя, ибо она избегала тех убытков, коих потребовали бы поверенные и разные другие расходы. Вот на какой ноге мы были с ней знакомы. По отставке моей я уже не имел случая с ней видеться, и, кажется, совсем забыт ею, о чем тужить не стану, а с приятностью вспомню всегда, что она была нечаянным орудием по замужеству моему с моим братом к моему возвышению в чины, чрез вступление в гвардию, в которую я попал, так сказать, по милости и из снисхождения к Скавронскому, имевшему тогда право потребовать от нее сей услуги в возмездие за все те блага, кои он доставил ей женитьбой своею на всю жизнь ее, ибо все имение его пришло в ее руки. Что лежит до второго мужа ее, графа Литты, я бы забыл о нем совершенно, если б не приходил мне часто на мысль тот прекраснейший летний день, во время нашего Финляндского похода, в который я, будучи в Фридрихсгаме, из любопытства катался на море и заезжал к этому Литте на галеру, посмотреть как там живут наши однополчане.

* мой кузен, мой двоюродный брат (фр.).

ТРУБЕЦКАЯ

3. Княгиня Варвара Александровна. Семейство ее состояло из трех главных лиц: ее самой, мужа и деверя. Первого звали князь Николай Никитич, последнего князь Юрий. Я не коснусь их историй; они наполнены разных и смутных и счастливых обстоятельств. Я о них говорить буду только в то время, которое приводит мне на память самые веселые дни моей жизни. Они любили жить роскошно и весело; во вкусе их были театр, бал, маскарад и все вообще увеселения; по зимам они жили в Москве. Тут мы игравали комедии, наряжались в хари на бал¹ и всеми забавами молодости наслаждались. Самое блистательнейшее зрелище была драма, сочиненная самой княгиней, под названием «Эдуард и Эмма». В ней только были два лица; они назначены в удел мне и одной из родственниц, и мы это произведение разыграли с полным успехом перед всей московской публикой. В летнее время они живали в подмосковной, называемой Очаково, в восьми верстах от города. Путь близкий и всегда удобный. Там ежедневные происходили очарования, разнородные сельские пиршества, театры, иллюминации, фейерверки и все, что может веселить ум и чувства. В таком роде жизни я, учащая мои к ним набегу, не видал, как время летит; оно и подлинно летело. С ними жил в одном и том же убежище бессмертный наш пиит, старец Херасков, который, в липовой роще ходя задумавшись, вымышлял свои песни в то время, как в регулярном саду вся фамилия Трубецких предлагали гостям всякие сюрпризы. Москва переносилась вся в их мирное и волшебное уединение. Так текла вся жизнь их, но увы! Теперь под старость они дорого платят за прежние веселости; дом их разорен; Очаково уже не их; московское жилище сожжено французами, а построить нового нечем. Кн[язь] Юрий Никитич скончался, и супруги выбрались из Москвы в Кострому, где и теперь живут в нужде, брошены всеми, и испытывают с недугом лет их все недостатки физического бытия. Я не могу без чувства радости, смешанного с горестью, вспомнить об них, переносясь в прошедшее, и вообразить, обращая взор на настоящее. Княгиня Варвара Александровна — женщина самого твердого характера, умна, любезна и пишет прекрасно, ей даже и стихотворство знакомо: она была душа всего семейства! Я от нее получил неоднократно стихи², и сам на них отвечал стихами же; они все собраны в книгах моих, под названием «Переписка с княгиней Трубецкой». Когда третье издание их было выпущено, я послал к ней экземпляр, на который она мне отвечала слогом приятным и философским. В Очакове был у нее кабинет в саду, в котором помещены вензеля всех занимающихся литературой. В том числе я имел удовольствие найти и свое имя. Теперь все это руины, все мертво, все сгнило; одни Трубецкие могли населять там забавы, а после них Очаково сделалось пустыней. Все это семейство имело какой-то дар производить удовольствия и разделять их с другими. Нет! Я никогда не забуду тамошних наслаждений! Это был храм любви, в котором все горячило воображение, воспламеняло душу и облекало разум в радужную ризу веселости! Восторги были их стихия, жизнь, бытие и воздух! Долго, долго я этой пустыни не забуду и, бывая в ней у других владельцев, со мной связанных давнишней при-

язнью, не могу без слез вспомнить ни времени того, ни Трубецких, творцов сего минутного рая в вещественном мире.

Тогда, чтоб счастливым с утра до ночи быть,
Довольно было день в Очакове прожить,
Тогда мои стихи с вниманием читали,
И что в них чувствовал, со мною разделяли.
Теперь, оледенев, я чище стал писать,
Тогда в восторге сам, умел и восхищать.

ПОХВОСНЕВА

4. В сей день умерла дочь ее, а моя сводная сестра Анна Михайловна. Я мысленно переносюсь на гробы их и питаю воображение свое воспоминанием о сей несчастной женщине и порождении ее.

Аксинья Любимовна. Я, может быть, не должен бы был упоминать в сей книге об ней по роду отношения, которое между нами существовало, но поелику поступки ее со мной были всегда таковы, что я без искренней благодарности отозваться о них не могу, то забывая слабости ее, ни суду, ни размышлению моему не подлежащие, вспомню о ней во всю жизнь мою с чувством истинного к ней почтения. Имея всю возможность делать мне неприятности и много нанести вреда нашему семейству, она напротив искала случая каждому из нас угодить, и в особенности мне оказывала отличное усердие. По смерти отца моего все связи между нами могли рушиться, но к похвале ее скажу, что они не только сохранились до последнего дня ее, но даже и укрепились. Я к ней был сердечно привязан; она произвела сие обращением своим. Я гроб ее проводил с чувством искреннего сожаления до могилы и буду помнить об ней, доколе сам жить буду.

ПУШКИН

5. Граф Валентин Платонович, фельдмаршал, женатый на дочери благодетеля моего, князя Василья Михайловича Долгорукого-Крымского. Когда он находился при великом князе, Павле Петровиче, я был домашним в его семействе. Не проходило дня, чтоб я или не отобедал, или вечера не провел в его доме, и так пригляделься к лицу моему, что меня не почитали за чужого. По милости его я получил право ездить на балы великого князя без очереди полковой; он мне выпросил сие отличие от прочих офицеров, из коих обыкновенно наряжали по два с полку на балы к его высочеству. Сей первый шаг ознакомил меня с его двором и повел далее. У графа Пушкина заняты были те четыре тысячи, кои государь пожаловал жене моей в приданое. На свадьбе моей он был отцом моим посаженным и привозил меня из церкви обвенченного во дворец. Во все время моей петербургской жизни я пользовался особенной милостью и графа, и графини. Сия последняя удостоивала меня чести быть участником во всех приватных беседах и играх ее семейства. Графу однажды вздумалось дать ей спектакль; дело это поручено было мне; оно приготавлилось к именинам графини, 28 октября. Я сочи-

нил оперетку французскую по числу домашних актеров; никого не было на сцене сторонних, все были князя Долгорукие, а из женщин дочь графини и жившие в ее доме графиня Головина и Безобразова. Оперу очень удачно разыграли, она понравилась хозяевам и зрителям, а вот что всего страннее и всегда меня удивляет, как ни вспомню о том вечере. Я знал, что из учтивости после оперы вызовут автора, да я же и сам играл и на сей случай приготовился сказать краткое приветствие графине. Действительно, едва стал опускаться занавес, как подняли его опять и закричали: автора; я вышел, и подойдя к зрителям, произнес довольно твердым голосом: Madame. Графиня встала, компания вся также; я так оробел от этого общего движения человек ста зрителей, что не мог ничего выговорить, и принужден был подать письменно приветствие мое графине. Вот какая разница между тем, чтоб говорить с театра именно кому-нибудь или играть на театре для многих лицо чужое. Тут помогает обольщение, там оно пропадает, и человек ценится не по роли своей, а по качеству и достоинству собственному. Так, по крайней мере, мне кажется, и опыт мой обратился в пользу моего заключения. Подобно всем временным отношениям, основным по большей части на минутной выгоде или удовольствии, и это скоро исчезло. Выезд мой из Петербурга охолодил многих ко мне, а меня ко многим, и я, не будучи ни на что приятное никому не нужен, перестал ездить к графине, которую, однакож, доньше люблю и почитаю, как даму, оказавшую мне множество приятных услуг, когда я и сам мог иметь счастье быть полезен и забавен. Граф давно уже скончался, но я помню и его ко мне благоволение с чувством искреннего почтения к его имени и достоинствам.

ТРУБЕЦКАЯ

6. Княгиня Наталья Сергеевна. Сестра родная г-жи Мальцовой (см. лит. М). Я ей столько же обязан, сколько и той за услугу, или доброжелательство, оказанное мне, когда дело шло о производстве пасынка моего в офицеры; она приняла равномерно жаркое в этом участие, будучи с нами знакома очень не коротко. В доме ее тогда квартировал генерал Закревский, от которого это зависело, и она в один день раза три приступала с просьбой за сына жены моей, подавала записки, хлопотала, как о собственном своем сыне, и все из одного чистого желания сделать добро. Подобные поступки бессовестно забывать, и потому я навсегда обязан остался благодарностью сим двум почтенным и благотворительным женщинам.

ПАНИН

7. Граф Петр Иванович. Знаменитый вождь, патриот российский. Дела его пребудут вечно громки, ибо они текли из источника чистого и одушевлялись прямой любовью к родине. Я за счастье почитал удостоен быть его благоволения. Я ездил к нему всякий праздник поутру, по-тогдашнему, на поклон. Он принимал меня благосклонно, любил говорить и говорил красно; беседа его была поучи-

тельна; всякий день я от него возвращался с каким-нибудь правилом, умудряющим смысл и назидующим нравственность. Подобные дома для молодых людей моего времени были гораздо полезнее самих школ, где научишься многому, но редко приобретешь науку мыслить и чувствовать. Многие изречения Панина памяты мне и доныне. Похвала его давала превосходное титуло в обществе, которого я искал всего тщательнее на свете.

ИЗАБЕ

8. Madame Isabeу, француженка, жена наиприятнейшего музыканта. Они оба жили в доме князя Куракина, в пензенском его имении. Бывая часто в гостях у князя, когда я там служил, я с сими иностранцами познакомился. Она была женщина ловкая, приятная и очень не дура; у меня до сих пор хранятся некоторые письма, писанные ко мне ею в разных случаях во время моих отлучек. Я никогда после того времени с ней не видался, но признаюсь, что был к ней неравнодушен и готов был для провозждения времени, которое так скучно убивается в провинциях, завести с ней интригу, но время и обстоятельства до того не допустили; я же не мог быть всегда с нею вместе, а для меня разлука была меч-кладенец в самой пылкой страсти, не только в беглой фантазии воображения. И так одно имя мне напоминает приятные черты ее и милую улыбку, а мелодия, с какой муж разыгрывал на скрипке творения Плееля³, особливо фаворитный мой рондо, известный тогда между нами под № 42-м, никогда не выйдет из памяти моей, и я, слышавши многих виртуоз после него, не умею ни одного сравнять с ним.

ЗОНОВА

9. Катерина Андреевна, урожденная Кашинцова (см. лит. К). Она по смерти отца своего, моего хорошего приятеля в Володимире, будучи без мала двадцати лет, рассудила, обще с малолетним братом своим, выбрать меня себе в попечители, а ему опекуны. Я не мог отказаться от такого, по-видимому, лестного преимуществва пред всеми их родными, свидетельствующего и приязнь, и уважение ко мне, но нравы человеческие не скоро развертываются, и что я принимал за подвиг душевный, из того открылся по времени политический расчет ума и раннего его пронырства. Поставим рядом взаимные наши поступки, чтоб видеть, в чью пользу обратится их сравнение. Я дал способ ее брату подарить ей значительный денежный капитал независимо от следующей ей четырнадцатой части в имении; за ними было с лишком тысячу душ и богатый кожевенный завод. Капитал сей состоял из ста с лишком тысяч, которого бы она без содействия моего получить не могла. Пробывши лет пять их опекуном, я ни в чем не стеснил ее свободы и сохранил к ней все нежнейшие отношения носимого мною звания. Рассудилось ей выйти замуж за Зона, я ей дал все возможные наставления, и поелику они были безуспешны, то нимало не воспротивился ее супружеству. Мог бы, имея четырех сыновей, любому приготовить ее в невесты, и совестился даже помыслить о том. Таковы были мои действия, как опекуна ее, она с своей сто-

роны обходилась со мной прекрасно и с неограниченной доверенностью. В одном случае, когда мне надобно было непременно вносить в казну для освобождения погибающей под залогом моей подмосковной до десяти тысяч, она предупредила меня и, узнав о моих хлопотах, ссудила меня сею суммою, не взяв даже в ней росписки, но скоро потом потребовала у меня закладной настоятельно, и я ту самую деревню, которую выкупил в казне ее деньгами, заложил ей в оных: в подмосковной было до пятидесяти душ. Немного времени спустя обстоятельства мои потребовали, чтоб я подмосковную продал; из первых покупателей явилась она, и почти помолвил я оную продать ей за сорок шесть тысяч. Срок закладной приближался; я должен был ей сделать уступку, но как в мае присрочено было совершиться купчей, и задатку я не брал, то между тем набежал другой покупатель и дал мне пятьдесят тысяч, из коих я сумму по закладной ей тотчас заплатил и получил свободу совершить купчую с другим. Г-жа Зон слишком явно показала мне тогда, что она хотела воспользоваться тесными моими обстоятельствами, чтоб дешево купить хорошее имение; сим поступком помрачился прекрасный ее подвиг при ссуде меня деньгами, ибо нетрудно было отгадать, что и тогдашнее ее великодушие основано было на дальновидном намерении воспользоваться моею собственностью. Тогда-то разорвались все наши отношения, знакомство наше пресеклось, и мы уже не видимся нигде; очень этого жаль, но пусть посудят: кто из нас прав или виноват? Там, где я писать стану о брате ее, я подробнее изъясню причины и интриги, по которым я попал тут в опекуны, здесь, говоря об ней одной, добавлю, что она до самого нашего разрыва обходилась со мной, как с отцом, была учтива, ласкова, покорна и любила сообщество всего моего семейства; я часто гащивал у них, они у меня; им я обязан был многими приятными вечерами осенью в шуйской деревне, где они нам соседи, и сколько мне эта опека ни нанесла потом неудовольствий разного рода, я всегда с приятностью вспомню сельскую нашу жизнь, когда г-жа Зон делила ее с нами и участвовала в наших домашних играх и театральных зрелищах, к которым она впрочем не имела собственной охоты, но одарена была хорошей способностью. Сими воспоминаниями прекращаются все наши взаимные связи приязни и короткого знакомства.

БРЮС

10. Граф Яков Александрович, подполковник Семеновского полка и мой начальник. Я ему обязан многими приятными событиями в моей жизни. Кроме того, что он всегда благосклонно со мной обходился, не оказывал мне никогда кривого вида и с участием в разные времена занимался судьбой моей. Я по особенной его милости произведен из полковых адъютантов в капитан-поручика; мне бы пришлось еще лишний год прослужить в адъютантах, если б граф не очистил нарочно в пользу мою вакансии, дабы меня произвести скорее. По случаю размолвки его с майором Боборыкиным, в которую я был часто употребляем (см. лит. Б), он никогда не отдавал меня ему на жертву и защищал против его неприязни, несмотря на связь родства его с любимцем государыни. По милости его я, год только прослужив капитаном, был отставлен к статским делам бригадиром,

не смея по старшинству даже и ожидать столь отличного повышения, ибо я был последний капитан по списку. Он был на первой свадьбе моей у двора отцом посаженным со стороны невесты, и потом даже по отставке моей из гвардии, когда я искал службы гражданской, ходатайствовал о определении меня к должности, и хотя старания его не имели успеха, но тем менее ли должен я ему признательностию? Будучи уже вице-губернатором в Пензе, я во всяком случае смело прибегал под его покровительство и всегда находил его расположенным мне оказывать всякие полезные услуги. Таковы были мои отношения к сему знаменитому и твердому царедворцу. Он характера был спокойного и умел вступаться за тех, которых разумел хорошо во всяком опасном наитии рока. Граф Брюс есть один из тех вельмож Екатеринина века, о котором я не могу иначе отозваться, как с похвалой и благодарностью.

ВОЛКОНСКАЯ

11. День рождения ее, в котором я несколько лет так часто был одушевляем Амуром и Аполлоном.

Княжна Варвара Петровна. Говоря о ней, должен признаться, что несмотря на возраст ее, ибо ей было уже за тридцать лет, когда я с ней познакомился, на черты лица ее, которыми она весьма далеко была от того, что мы называем не только прекрасным, даже пригожим, я, однако, был в нее чрезвычайно влюблен. Первому моему знакомству с нею подал повод брат ее, с которым я служил вместе в Соляной конторе. Мне было тогда самому за тридцать лет, следовательно, я не в самом энтузиазме молодости очарован был ею; у меня же тогда была бесподобная жена и миленькие дети; все это не удержало меня в границах целомудрия и рассудка. Дивиться этому не должно. Тот вечно ошибется, кто понадеется на свою мудрость, когда любовь зажжет его душу. Достоинства княжны, острый ум, познания -- все меня в ней пленило. Чем труднее мне казалось приобрести взаимность склонности, тем сильнее я напрягал к тому все средства моего разуменья. Дом их был при отце, а после и при брате всегда открыт и содержался пышным образом; игравши у них очень часто комедии, привыкнувши постепенно из гостя делаться у них домашним, я, по сотовариществу службы с братом, скоро влюбился в нее до безумия. Жена моя, безошибочно полагаясь всегда на честность моих правил, глядела и на сие иступление, как на новый метеор, который, подобно многим другим, должен был погаснуть, как скоро лишится своей пищи. Интриги все имеют один ход. Толковать об них не стоит труда; во всяком романе он списан с природы. Сперва были свободные разговоры, потом тайные доверенности, догадливые молчания, потом ежедневная утренняя переписка под разными предлогами, вслед затем скромные свидания наедине, где ласковости разного рода заставили нас мысленно посвятить себя друг другу. Судьба назначила мне непременно разлуку с княжной. Я поехал в Володимир. Горьких слез стоило мне прощанье с ней, но переставши ее видеть, внимать ей, впиваться в страсть свою, я чувствовал, что жар мой начал простывать; однако и заочно переписка с каждой почтой питала еще мое пристрастие; брат ее по обстоятельствам домашним переехал жить в свою владимирскую деревню. Она

была только в трех верстах от города. Все споспешествовало продолжению нашей связи; княжна приезжала туда летом, мы с ней видались по-прежнему; портрет ее не выходил из моего кармана; уста наши смыкались нежнейшими поцелуями, кои умножали восторг мой и любовь ее ко мне. Изменив жене моей для нее, я и ей становился часто неверен, но она столько же имела преимущества над минутными моими заблуждениями во время интриги с ней, сколько, в сравнении с моей женой, теряла сама в тех искренних чувствах сердца, коими я был привязан к Евгеньи. Скоро явилось тому пагубное доказательство. Я лишился жены и низринул в бездну отчаянную всякого зла. В первом волнении чувств мне опротивела княжна Волконская. Я перестал к ней писать, разорвал с ней всякое знакомство, отказал свидание с ней в проезд мой через Москву и, казалось, вырвался из сетей, кои несколько лет опутывали меня у ног ее. К такому сильному и внезапному отвращению много послужил весьма замечательный сон, который видел я, уснувши очень крепко на голом полу, в последние часы жизни Евгении. Я видел себя во мраке, и в нем явственно мне представилось лицо княжны, окруженное отовсюду мглою. Вид сей меня поразил! Я вскопчил, услышал около себя шум, хотел идти к жене... ее уже не было на свете. Сон сей предтечей был моего вдовства и разрыва с княжною. Но всякая печаль имеет свое время. Моя была сильна, однако не выше естественного закона сердец человеческих. При первом отдыхе от сильных волнений образ княжны Волконской снова начал действовать на мои чувства; приступ ее к сердцу был тем опаснее, что к несчастью оно сделалось свободно: я снова стал искать отрад в ее любви, мало-помалу переписка наша возобновилась и не только получила прежнюю волшебную силу, но дело дошло до взаимного обещания соединиться новыми крепчайшими узами навсегда. Все между нами положено было на мере. Однажды, в разговоре о необходимости моей искать товарища, дабы избежать, при большом семействе, развратности вдовьей жизни, от которой не всякий имеет силу и мужество остеречься, дочь моя старшая, будучи уже пятнадцати лет, и любимейшее мое дитя, при исчислении многих сверстниц моих в ее поле со слезами спросила меня: «Ужели, папинька, вы женитесь на Волконской?» Этого было довольно. Пистолетный выстрел не попадал так метко в цель свою; с той минуты я оледенел скоропостижно к княжне Волконской, отослал ей портрет ее, решительно прекратил связь мою с нею и остался при холодном одном к ней уважении. Вот история сей страсти моей, которая продолжалась почти десять лет. В нескольких страницах не поместил бы я всех тех случаев, кои знакомство мое с ней приводят мне на память; да и к чему расстраивать ими свое воображение? Главные черты моей связи описаны. Тогдашнее время составляет одну из важнейших эпох в моей жизни. Я был пресыщен наслаждениями души и сердца, я любил пламенно, был любим с жаром. Лучший свидетель моего положения есть книга моих сочинений; там все, что найдет читатель на имя Глафиры, посвящено было княжне Волконской⁴. Она произвела из меня стихотворца; без любви к ней я бы, может быть, никогда не написал лучших моих сочинений; ей, точно ей, обязан был вдохновением Аполлона, и по сему уже одному имя ее не умрет в памяти, доколе сердце мое будет биться. Она казалась мне образцом всех совершенств. Одна Евгенья стояла выше ее в сердце моем и одерживала всегда над ней победу; все прочее в природе уступало ей преимущество,

и я, сотворив себе идеал, поклонялся ему в ней раболепно. У меня доньне хранится, и всегда на глазах, памятник моей страсти к ней, тот силуэт, который на одной забавной вечеринке у них в доме, в Великий Пост, снял с меня один из собеседников наших; подлинный остался у князя, а у меня копия с него. Я, как теперь, гляжу на тот стул, на котором я списан, протянув руку к компании и важно говоря: «Je gave». Так говаривали тогда из проказы, вместо того чтобы сказать: «Я говею»⁵. Чего не вспомнишь, когда заглянешь в старинку.

ЛАНСКАЯ

12. Елисавета Ивановна. С ней мы в дружеском отношении уже более тридцати лет, которое доньне продолжается. Она по себе была Виламова, дочь небогатых иноземцев, кои приютились в России; мать ее помещена была дамой-надзирательницей над классами в Смольном монастыре, в котором воспитывались и обе дочери ее, Елисавета и Анна. Первая была очень дружна с покойной женой моей, от самой нежной юности. Это заставило меня искать знакомства с Луизой (так ее звали в монастыре), когда я влюбился в подругу ее, Смирную, у двора, и через нее я нашел случай сблизиться сердцем с моей Евгенией. Судьбы человеческие, по каким-то неведомым нам случаям, чрезвычайно играют нами. Когда девица Виламова была бедная только монастырка и едва имела чем одеться, тогда Смирная, взятая ко двору, привыкла всякий день к прекраснейшим надеждам и питала их в душе своей. Не так устроил Бог взаимные их обстоятельства в будущем. Виламова попала также ко двору в учительницы великой княжны Александры Павловны и проложила себе дорогу гораздо вернее моей жены полезными своими трудами. Великая княжна полюбила ее, привыкла к ней, возвысила ее жребий, и когда Виламова, влюбясь в молодого офицера гвардии, Ланского, испросила позволения за него выйти, то награждена была хорошим пенсионом. При вступлении Павла на престол муж ее сделался камергером, ей пожаловано шестьсот душ, и она вышла барыня. Моя жена, напротив, с великою пышностию выданная за меня при дворе, ничего не могла со мной делить, кроме роковых моих несчастий и уничтожений, и от высоких благодетелей своих не получа ничего, кроме обыкновенного приданого из нарядов и ожерельев, прожила их скоро со мною вместе и нашла в удел себе недостатки всякого рода. Таким образом в политическом мире Виламова стала по времени столько выше жены моей, сколько ниже ее была при появлении их обеих из Смольного к одному и тому же двору. Подобная разница в обстоятельствах расторгает часто связи дружества, но здесь они были прочно основаны, и потому Ланская с женой моей остались искренними между собой навсегда; бывали по временам от разлук и разных недоразумений краткие между нами остуды, но мы всегда возвращались с большим жаром к прежним нашим отношениям, и даже, по вдовстве моем, Ланская сама, потеряв мужа своего, достигшего сенаторского звания, сохранила ко мне и детям моим то самое расположение, в каком я нашел ее против себя, когда мы начинали еще свykаться в дружбе. Я с ней вел постоянную переписку из всех тех мест, в которых розно с ней жил;

писывали мы друг к другу не слишком часто, но постоянно отвсюду и в одинаковом духе приязни. Я ей обязан многими полезными советами в разных случаях жизни; она всегда принимала искреннее участие в моих обстоятельствах. Во время приключений моих в Пензе много споспешествовала жене моей по связям своим у двора к повороту в пользу мою расположения императора Павла, и хотя он меня перестал уже жаловать, восшедши на трон, но, по крайней мере, не раздражался против меня до такого зверского степени, до какого он доходил с другими, нечестными ему людьми. Во время невзгод самой Ланской – ибо кто их не имел при Павле? – когда и они ненадолго сосланы были в псковские свои деревни, я учащал свою с ней переписку и, не боясь угрозы шпионских, удержал прежние мои дружеские отношения. Сей знак моей искренности стократно заплачен был мне ею в дни моих новых бедствий, когда я отрешен из губернаторов. Тут она развернула весь свой доброжелательный характер, просила обо мне министров, наклоняла их в мою пользу, хлопотала всячески и, когда не могла мне быть полезной, умела сострадать мне и плакать вместе со мною. В ближайшие к нам времена оказывала разные вспоможения сыновьям моим, служащим в Питере и часто терпящим нужду, словом, искала всегда, везде, ищет и доныне всех средств доказать мне, что она, искренно меня полюбив с начала, не меняется ни в чувстве дружества, ни в поступках, кои от него истекать должны, и потому я обязан во всю жизнь мою помнить Ланскую, бывшую Луизу Виламову, быть ей всегда благодарен и отзываться об ней с той непринужденной похвалою, которую заслуживают любовь истинная и благородные ее пожертвования.

ПОСНИКОВ

13. Захар Николаевич, сенатор, человек, с которым, не будучи знаком, я попал в случайное отношение по службе; оно мне всегда памятно будет по важности обстоятельства. Судим был в Володимирской уголовной палате по настоянию моему крестьянин графа Шереметева, сильно подозреваемый в делании фальшивых ассигнаций; он был богат, а потому и защищался неотступно; палата готова была его оправдать, что и сделала, воспользовавшись моим отпуском в Питер, без меня. Но я довел сие дело до государя и просил о наряде чиновника стороннего рассмотреть дело на месте. Наряжен Посников; он тогда был за обер-прокурорским столом в московском Сенате. Приехал в Володимир, вступил в Уголовную палату и, по данному ему повелению, произвел дело в звании председателя палаты, решение свое и голоса членов отнес по порядку ко мне на утверждение. Так приказано было, и я, видя его согласным с собою во мнении, дал делу надлежащий ход далее. Ни он, ни я не успели в нашем намерении: виновник откупился деньгами, и совет выпустил его на свободу в вотчину. Вот случай, который положил начало моему знакомству с Посниковым. Я его знал и прежде, когда он правил делами канцлера графа Воронцова и при нем дослужился до чина статского советника; потом, будучи обер-прокурором в Петербурге, он жарко вступался за меня во время производства дел моих и всегда был на моей стороне, за что я сохранию к не-

му навсегда должную признательность, ибо он не имел никаких причин страстно расположиться в мою пользу, связи между нами никакой не было, и ежели он хорошо думал обо мне, то сим я обязан собственному его убеждению, а не посторонним проискам и ходатайствам, и потому я во всякое время с искренним удовольствием встречаюсь с ним.

МАЛЬТИЦ

14. Барон Петр Федорович. Он первый был мой частный начальник в гвардии, командовал второй ротой, в которую я был причислен прапорщиком, поэтому стал мне памятен. Он был приятного обращения человек, хорошо воспитанный, и все имел вкусы светские. Я много заимствовал пользы из его беседы, он хорошо со мной обходился, ласково принимал; мы часто езжали по дачам вместе и много, и много веселых случаев разделяли с ним. Вышедши из гвардии, он попал в посланники, жил в чужих краях, и мы с ним уже нигде не встречались. Будучи в одном полку, я дорожил его знакомством, более многих других сотоварищей наших, ибо он был приятно образован, и я говорю здесь об нем, как об человеке, с которым мы были чрезмерно согласны во вкусах. Тогда знакомство такого офицера было приобретение для молодого рекрута, как я, в большом свете.

ДИЦ

15. Отставной обер-офицер, нанесший мне значительный убыток, которого я зыбыть никак не могу. Он некогда употреблен был мною в Володимире по казенным делам; на руках его отстроился каменный корпус присутственных мест в Муроме, и он отдал мне в употреблении сорока тысяч казенных денег верный и хороший отчет. Это обратило на него мое особенное внимание, как на человека благонадежного. Будучи уже в отставке и дома в Москве, после всех ее злоключений, увидел я Дица, ищущего себе места по Казенной палате; там не принимали иначе в казначеи, как с залогом: у него ничего не было, кроме сюртука на плечах, а у меня в подмосковной душ до пятнадцати крестьян было свободных. После выше приведенного опыта честности его совестно было мне не помочь ему; я ему доверил мои пятнадцать душ, он их представил в залог, определился в уездные казначеи и, три года прослужа очень порядочно, явился ко мне с отличным аттестатом и квитанцией Казенной палаты за все три года. Вместе с тем он повторил просьбу о продолжении еще ему на три года прежней доверенности. Не было причины отказать; я согласился, но не прошло месяца, как у него пропало казенных денег до тринадцати тысяч. Он хотел утопиться и бросился в воду, но спасен для путешествия в Сибирь, потому что с него взято было нечего. Из всего начета некоторое число поступило в казну взысканием с уездных чинов, а мой залог стали продавать с аукциону; доплатить приходилось восемь тысяч. Я их внес, и дал себе после этого урока честное слово не вдаваться в излишние добродетели и ни за кого по денежным делам не жертвовать ни имением своим, ни

письменным поручительством. Этот убыток, весьма для меня чувствительный, тем еще тягостнее, что он связан был с такими домашними обстоятельствами, которые поставили меня в необходимость поторопиться продажей всей моей подмосковной, и потому имя г. Дица получило право жить в памяти моей незабвенно.

БРОГЛИО

16. Графиня Анна Петровна, урожденная Левашова. Она была за двумя мужьями, сперва за князем Трубецким, а потом за французом. Она любила театр, и, по согласии сей склонности с моею, я с ней познакомился во время первого ее мужа. Мы с ней разыграли драмму под названием «Эдуард и Эмма», сочинение одной княгини Трубецкой, в которой представлены только две роли. Частые пробы сделали между нами приятельскую связь, а как я имел пламенное воображение и сердце, то и почувствовал к ней любовь сильнее той, которую можно назвать приязнью. Графиня была хороша, видного роста и приятного обращения. Будучи вместе с ней и на сцене, и в отборных круговеньках, я до того к ней пристрастился, что начинал скучать там, где ее не было; несколько зим сряду мы забавлялись театром в разных обществах, и комедия «Воп топ» была одна из тех, которые мне привлекли наиболее похвал от публики. Кто читает мои сочинения, тот должен знать и низовую повесть, под заглавным титулом «Ана»⁶. Ей была посвящена эта сказка; для нее и написана. По чувству, с которым она вылита из пера, можно отгадать, в каком расположении были сердце мое и голова во время частых свиданий с любезной княгиней Трубецкой. Отсутствие мое из Москвы прекратило короткость в ее доме. Театр был основанием моего пристрастия, сойдя с него, я нашел в ней постороннее лицо. Воротясь по долговременной отлучке на родину, я уже нашел ее женой генерала, эмигранта графа Броглио, и знакомство наше возобновилось, но уже в другом виде; я не пленялся ею и не играл комедии, лета много перемены произвели в нас в обоих. Умные и ученые люди съезжались к ней уже не в очаровании питать, а наслаждаться хорошим столом, к которому и я бывая нередко приглашаем, воспоминал те счастливые порывы молодости, которые составляют сокровище дней человеческих и, как легкий сон, скоро проходят.

ПОБЕДИНСКИЙ

17. Федор Яковлевич, скончавшийся в самой несчастной доле. Я был в одном полку гвардии с ним; он старшим капитаном, я прапорщиком, следовательно, часто попадал под его начальство, особенно когда он правил некогда за майора всем полком, а я был адъютантом. Тут я совершенно бывал ему подчинен. Он всегда принимал меня ласково и обходился без грубости. Я этого не забыл, как увидят ниже. Переменилось время, и настало самое крутое для него. Будучи уже генерал-майором отставлен, он при Александре подпал жестокому приговору дворянства ярославского, которому поручено было, по

воле государя, судить его при выборах за тиранические будто бы поступки с крепостными его поселянами в той губернии; кончился суд тем, что Побединский, по Именному указу, сослан на покаяние в Ефимьев монастырь⁷, имение его взято в опеку, а на содержание его велено отпускать только по рублю в сутки, или еще, помнится, по полтине; за ним было душ до трехсот. Я тогда был губернатором в Володимире, и поражен как громом, как вдруг он представился мне арестантом. Тяжко было сердцу моему, чтоб он ни сделал, старого моего начальника запирает в обитель, но долг службы того требовал, и я его исполнил, соблюдая, сколько мог, совестное к нему сострадание в моих поступках. Хвала Господу Богу! Он привел меня разными путями облегчить его участь; не мог я совершенной доставить ему свободы, по крайней мере, настояния мои помогли мне исходатайствовать ему дозволение жить в губернском городе под моим присмотром, с тем же, однако, содержанием, какое ему назначено было в монастыре; по крайней мере, он мог жить с людьми равными ему и иногда находить отрады в сообществе, ему свойственном. Так он прожил во все время моего губернаторства, а после меня скоро стал хворать и недавно умер в самом жалком положении. Я не знаю, правильно ли его судили, не знаю и того, в чем? но, видев из присланных ко мне бумаг, что суд над ним произведен самовластный, без сохранения узаконенных на то форм, ибо трибуналы, а на толпище дворян, уполномочены у нас определять наказание, заключаю из самого сего отступления, что Побединского хотели погубить и лишиться имения в пользу родственников, которых власти покровительствовали, потому что он не был женат, а по сему разуменью я не могу не жалеть об нем, как о несчастной жертве жесткого деспотизма.

ПРИКЛОНСКИЙ

18. Михайла Васильевич. Директор Московского университета, при котором я вступил в оный, по милости его принят прямо студентом. У него в комнате и при нем меня экзаменовали в латинском языке гг. профессора Барсов и Чеботарев; заставили меня перевести какую-нибудь статью из газет с русского на латинский язык и после записали на лекции. Г. Приклонской всегда обходился со мной очень хорошо и отличал меня. Две проказы он мои заметил, но видя, что они происходили от ребячества, не поставил мне их в сильное преступление и только пожурил со всей кротостью приязни. Был у нас учитель французского языка, г. Пинжет, старичок, который по утрам зимою, приходя в классы, всегда отогревался на печке; однажды я, вообще с своими товарищами, вздумал с ним сыграть шутку. Он пришел, иззяб, продрог и полез на печь; лежанка была высока, почти у карниза, мы подставляли ему лестницу. Чуть лишь он сел и задремал, а мы лестницу прибрали. Директор хаживал по классам почти всякое утро; он и жил в доме Университета. Услышав, что он идет к нам, мы вскочили. Приклонский в двери. Толпа ребят, а учителя нет! «Где же ваш Пинжет?» Мы молчим. «Что ж вы, господа, не скажете?» Между тем старик от стуку проснулся; сойти нельзя, спрыгнуть опасно. Директор оглянулся, и Пинжет на печи. Он его потазал⁸ за эту оплош-

ность, поглядел на всю нашу компанию сурово, а мне погрозил пальцем и сам после улыбнулся. Оно и подлинно было смешно. В другой раз, по университетскому обычаю, когда не приходил какой-либо учитель нижних классов, то посылали из студентов кого-нибудь в тот класс надзирать над школьниками во время его часов до звонка и роспуска. Французский азбучный учитель не бывал, дано знать Барсову. Я у него сидел на лекции, он меня туда и нарядил. Там было ребят до семидесяти, мал мала меньше. Я сделался важной у них особой и, взявши на себя характер педагога, стал их испытывать в азбуке, и поминутно то того поставлю на колени, то другого в угол, а иным и по рукам линейной доставалось, что не очень приятно ощущать, когда она ребром хватит по косточкам. Начался у меня в классе шум, вопль и визготня; настала инквизиция во всей форме; опять директор шествует по классам, и прямо к нам. Увидя весь класс в волнении и сумятице, спросил: «Где учитель?» Я, вставши с кресел, громогласно воскликнул: «Я за него, ваше превосходительство, отряжен из факультета высших наук». Приклонский велел всем школьникам по своим местам сесть, а меня выгнал опять в высший мой факультет, в котором я менее имел случаев тогда проказить. Тем все и кончилось. С тех пор уже я не был никогда удостоен чести играть роль педагога и долго досадовал, что Приклонский слишком либерально поступил с учениками алфавита французского. Кто не шалил, будучи ребенком? Но кому не весело вспомнить проказ своих тогда, как уже сил нет их делать ни в каком роде? Имя старичка Приклонского так связано с моими детскими годами, что мне всегда приятно будет вспомнить доброту сердца его и благосклонное ко мне расположение.

ГОЛОВКИН

19. Граф Юрий Александрович. Китайский посол и значительный чиновник в государстве. Он в биографии моей должен найти особенное место по тем приятным отношениям, в которых я с ним некогда находился. В молодости нашей, служа в полках гвардии, мы были знакомы, но не коротко; потом, происходя придворными чинами, он скоро достиг важных дипломатических званий. Когда я был губернатором в Володимире, он наряжен послом в Китай, и поручено ему было сделать ревизию всем по пути лежащим губерниям, в том числе и моей; в это время он оказал мне свое расположение, и я остался ему за оное обязан незабвенно благодарностию. Он жил в городе с неделю, занимаясь прилежно делами губернии, был лично во всех присутственных местах, подвергая каждое строгому, но благоразумному испытанию. По его рапорту о губернии и представлении лично обо мне я был удостоен весьма лестного рескрипта⁹, с пожалованием мне столовых экстраординарных денег¹⁰ по двести рублей в месяц, что было еще не очень обыкновенно в то время; сей рескрипт прислан был мне от графа Кочубея, министра, и подписан государем за границей в Моравии. По представительству графа Головкина все мои представления имели надлежащий успех, и даже мне удалось переменить вице-губернатора, которым я был очень недоволен. На возвратном пути из Китая граф опять остановился проездом в Володимире, и хотя по смутным временам тогдашним очень спешил с отчетом ко двору, однако

посетил меня в моем доме и оказал мне всякое доброхотство. Такие услуги тем памятнее быть должны, что не всякий большой барин готов их оказывать, особенно людям, подверженным его оценке. В первое пребывание графа у нас я был уже вдов, но, единственно из уважения к нему, дал маленький у себя праздник, и дочь моя старшая играла французскую пиесу на нашем домашнем театре с большим успехом. Нет ничего приятнее под старость, как воспоминание тех случаев в жизни, в которые мы испытали хорошие поступки от лиц, связанных с нами по отношениям службы или приязни.

СОКОВНИН

20. Сергей Петрович. Родственник наш по матушке; старик почтеннейший по благочестию и благонравию; мы редко видались, потому что он большую часть времени проживал пустынною уединенным в своей деревне; там он любил заниматься пером, иногда писал и ко мне, доставляя небольшие отрывки своих благочестивых произведений, ибо он особенно любил исследовать древности церковные¹¹. Отзывы его обо мне, со всеми, кто видал его, так были лестны, любовь его ко мне была так искренна, что я, без почтения и взаимной приверженности, не могу о нем вспомнить. Он недавно скончался, и я с сожалением тем большим сведал о сей потере, что незадолго пред тем он побывал в Москве, провел в ней целую зиму, и я, в частых свиданиях с ним, узнал всю цену сего достойного и почтеннейшего мужа.

АНДЖЕЛИ

21. Недужный и престарелый майор. Ему было с лишком восемьдесят лет, когда я с ним случайно познакомился. Он служил во время похода нашего в Финляндии в гарнизоне Вельманстрандском. Когда жена моя приезжала для свидания со мной в армию, то она останавливалась на квартире в этой крепости, и я тут с ней несколько дней прожил. В это время Анджели был всякую минуту у нас; он имел хорошие познания, знал иностранные лучшие языки, рассказчик неутраченный старинных анекдотов, из которых иные скрашивал мастерски своим повествованием. Беседа с ним была для нас находка в таком пустом месте; мы ему были обязаны приятным проведением самого скучного времени в жизни нашей. Он волочился за моей женой, и это делало его очень забавным; он ей подносил французские стишки, которые сочинял на финляндских холмах и утесах, ходя туда до света углубляться в мистические мечтания. При случившейся вдруг в лагере тревоге, когда я должен был бросить жену и скакать к своей роте, стоявшей в тридцати шести верстах отсюда, жена моя оставалась целые сутки на его руках, и он оказал ей всякое попечение, отвращая от нее страхи и беспокойства, столь естественные в ее разлуке со мной на чужой стороне. Сей опыт усердия дал ему право помещения в Лексиконе моих отношений.

ЗАКРЕВСКИЕ

22. Две молодые благородные девушки, жившие с вдовым отцом своим на даче в соседстве графа Строганова, у которого, на Каменном Острове, мы с первой женой целое лето препроводили в особом домике, на Неве, весьма приятно. Я с ними не был вовсе знаком, несмотря на близкое соседство, ибо они вели какой-то особый род жизни, им свойственный; слыли наездницами на конях, сожигали у себя на даче частые фейерверки, производили пальбу из пушек, словом, проводили время наподобие молодых людей в военном стане, или кочующих народов. Я бы совсем об них забыл, не выдавши их потом несколько лет, если б не приходила мне часто на мысль, вместе с именем их, смешная проказа. Против нашего флигеля была на берегу Невы уютная беседочка, в которой я бывало, раздевшись поутру, пойду купаться и, воротясь из воды, опять в ней оденусь. Однажды лишь только я вошел в реку и искал места, где погрузиться, как услышал топот лошадей и взвидел скачущих на них двух барышень Закревских; я тотчас кинулся в воду, и они проехали, потом я, вынырнув, стал плескаться водою; барышни опять проскакали. Я опять нырнул в воду, и как след их совсем пропал, я выкупался, вышел и достигал беседки, но вдруг они же, и шагом, опять ехали по берегу. Я стоял уже на отмели, но беседка была еще шагах в пятидесяти, броситься в воду негде, да и не спрячешься; и так я рассудил очень тихим шагом, в воде только по колени, шествовать к моему домику, а они, нимало не смущаясь, шажком переехали и имели все время высмотреть, счастливо ли я был одарен от природы.

ПАВЕЛ

23. Архимандрит Данилова монастыря в Переславле и ректор Володимирской семинарии. По несогласию с архиереем и болезненным припадкам он уже мало обучал, а жил уединенно в своей обители и занимался науками, до которых он был охотник, и во многих сведущ. Я его любил с уважением к блистательным его дарованиям, кои хотя потемнены были слабостию, столь многим духовным лицам, к несчастью, свойственною, однако ж должно и по смерти отдать ему справедливость, что он был красноречивейший проповедник своего времени. Многие проповеди его заслуживают особенное внимание. Во время службы моей в той стороне, бывая иногда в Переславле, я всегда его навещал, и люблю вспоминать даже теперь наши беседы в хороший летний вечер под липами, где, на простых скамейках, оба, сидя рядом и бросая взор на озеро и все окрестности переславские, мы с ним вдавались в глубокие размышления. Он говорить умел не об одной богословии; мы часто вступали в философские диспуты, и в полях словесности пожинали приятные цветы. Он выучен был иностранным языкам и читывал лучших авторов французских; разговор его пленял меня совершенно. Я с ним вел переписку, и когда он скончался, то я, из особенного усердия к его талантам, велел поставить на гроб его памятник с надписью: «Мертвому Смертной». Сей камень еще и доньне над ним существует, и я, бывая там случайно, всегда захожу пропеть над ним духовные наши гимны и помолиться Творцу Неба о даровании душе его вечного блаженства.

БОРТНЯНСКИЙ

24. Искусный музыкант и директор придворной певческой капеллы. Он один из тех людей, о которых вспоминая, я живо привожу себе на мысль картину молодости моей и лучшие ее минуты. При меньшем дворе были частые театральные зрелища между благородными особами, составляющими штат наследника престола. По врожденному таланту имел и я счастье быть причислен к их обществу. У меня голос был хорош, но не обработан. Я обучался петь у г. Бортнянского; он руководствовал нашими операми, и при имени его я с удовольствием воображаю многие репетиции, от которых создалось постепенно и совершилось блаженство средних лет моих. Он был артист снисходительный, добрый, любезный; попечения его сделали из меня в короткое время хорошего оперного лицедея, и не зная вовсе музыки, не учась ей никогда, я памятью одной вытверживал и певал на театре довольно мудреные оперные сцены, не разбиваясь ни с оркестром, ни с товарищами, что почесть можно было диковинкой природы. Государыня Марья Федоровна никак сему верить не хотела; Бортнянский пригласил ее на одну из репетиций; она изволила пожаловать; он сел за фортепьяно и заставил меня петь арию. Я взял ноты и затянул. Государыня подошла ко мне и удивилась чрезвычайно, увидя, что я держу ноты вверх ногами, и на вопрос ее, где я пою и что, не умел ей ничего сказать, между тем как всю арию пропел без ошибки против музыки, слух и память одни мне в этом деле помогали, а Бортнянского терпенью честь и слава, потому что его надобно было иметь со мною очень много.

ДОБРОКЛОНСКИЙ

25. Добрый малый, сын очень знакомого мне и умного священника, который часто меня посещал и хорошо писал стихи. До сих пор хранится у меня ода, поднесенная им жене моей и писанная мастерским почерком его руки. Он умер в чахотке. Я навещал его и почти был свидетелем последних его минут. После него остался сын, Сергей Яковлевич, воспитанный кое-как матерью. Пришедши в отроческий возраст, он записан в Университет и выключен по слабости здоровья из духовного звания. В нем открылись хорошие дарования; он, с успехом обучаясь сам, начал преподавать в Москве многим уроки и мог содержать себя с своим семейством. Благородные качества сердца его скоро ознакомили со мною. Он сделался у меня домашним, и я его в шутках прозвал: «il grando Visconti; del Pegino»*. Под сим комическим названием он был известен мне и всем моим приятелям. Однажды мне вздумалось пошутить, и я, несколько карточек визитных написавши с этим прозвищем, развез их вместе с своими по некоторым коротким мне домам, в какой-то большой праздник. Все думали, что он гишпанский путешественник, рекомендовались ему в моем доме, и это произвело много забавных сцен. Я написал и подарил ему шуточную песенку на его счет, которая певалась только между нами и в свет не выпущена. Он поныне в одних и тех же со мной отношениях, и, сколько за человека ручаться можно, кажется, ничто их не переменит.

* «великий виконт дель Пежино» (ит.)

КСЕНОФОНТ

26. В этот злосчастный день жена моя лишилась милой и единственной дочери своей, Елены. Воспомяв гроб ее, нельзя забыть и первосвященника, испривившего над оным последние обряды Веры.

Епископ Владимирский. Во все время моей службы губернатором в Володимире, что продолжалось ровно десять лет, я был с ним в разных отношениях, и по должности и по общежитию. До того времени я его вовсе не знал и нигде не видывал. Мы скоро познакомились довольно коротко и по наружности сошлись приятельски; но человека узнавать трудно! Иногда самый простой случай развертывает в нем такие свойства, которые могут таиться и обманывать очень долго. Так случилось и со мной. Он казался очень хорошим против меня до некоторого времени; размолвки бывали у нас, но не важные, и долго, долго ничто не нарушало нашего согласия. Мне поручено было однажды от государя исследовать под рукой жалобу, поданную на него от священника и родственника Сперанского. Этот господин был тогда всемогущ у двора; я, однако ж, несмотря на то и следуя коренным моим правилам, представил по изысканию дела в таком виде об нем, что архиерей нимало не пострадал, и не раскаиваюсь в том, ибо архиерей был прав, но кажется, нельзя было бы ему не остаться мне признательным за такую услугу. Дошла до Ксенофонта очередь в подобном же случае оказать мне взаимное одолжение, и он поступил совсем иначе. Зашел ко мне на бал пьяный поп, родня Сперанского; я его посадил в полицию, что случалось и прежде довольно часто, ибо поп был негодяй. Архиерей вывел из этого страшную историю, наклепал на меня всяких небылиц, воздвигнул против меня страшную тучу в Питере, возжег негодование государя на меня, как на богохульника; словом, соединяя мысленно и душевно со всеми моими врагами в губернии, действовал на всю судьбу мою, подав первую и сильную причину к изгнанию меня из службы. Не хотел пастырь сей и того вспомнить, что в один мой приезд в Петербург, тогда как Синод готов был почти сменить его, по многим дошедшим до него беспорядкам в епархии, я одобрением моим усилил ходатайство в пользу его первенствующего митрополита Амвросия, личного его покровителя, и спешествовал его оправданию. Все это забыл Ксенофонт и иезуитски на меня напал. Тут я узнал, но поздно, что я змия согрел в утробе, и с тех пор уже мы с ним избегали всякого между собой свидания. Прощать недругов наших и творящих нам напасть есть долг христианский, и я охотно его прощаю, помня, наипаче то, что он похоронял покойную жену мою и предпосылал о ней молитвы к Небу, помня и те знаки искреннего усердия, какие он мне иногда оказывал и на которые я слишком много полагался, не изведав лукавого его свойства. Прощаю его; но если я помню добрые его поступки, то могу ли забыть худые? Память есть способность одинаковая для добра и зла; она и то и другое нам отражает и, кладя на весы хорошее с худым в отношении моем к нему, я невольно принужден дать перевес последнему и вспомнить о нем с чувством самым неприятным, ибо что может глубже и тверже врезаться в помышление наше, как злонамеренные поступки тех людей, коим мы изъявлять готовы наше доброжелательство, и что хуже, как лицемер под митрой!!!

ДУРОВ

27. Дмитрий Петрович, тамбовский помещик и владимирский и постоянный обыватель. Описывать его я не стану. Любопытные могут портрет его найти в моей комедии «Дурылом». Я его узнал, живши в Владимире. Шурином его родной был мне дядя, и это сделало начало нашего знакомства; он охотник был до всякой церемонии, а потому отправлял похороны первой моей жены и женитьбу мою на второй; при сем последнем обстоятельстве он выпустил пресмешную штуку; зная, что до второй моей женитьбы у меня была связь с одной женщиною, и вообразив, что та особа от ревности может меня потаенно изурочить, он рассудил к дверям спальни нашей поставить часовых для охранения нашего брачного ложа от порчи и корешков. Кому, кроме такого чудака, каков был Дуров, войдет подобная мысль в голову? Я долго этому смеялся и никогда не забуду. Жена его, добрая женщина, благословляла меня образом при отпуске к венцу, потому что, не имея родных в Владимире, она была со мной в ближайшем сватовстве. Сколько случаев важных, воспоминающих мне это семейство!!! А сам Дуров будет всегда тревожить мое воображение, когда я укорять себя стану в моей над ним насмешке, слишком публичной и напечатанной. Я себе не прощаю, что выпустил в свет на счет его комедию «Дурылома», и хотя таких оригиналов, какой осмеян в ней, везде много, даже и в столицах, однако я сам от себя никогда не утаю, что она точно писана на Дурова, и потому он всегда возбуждать будет во мне неприятные укоризны совести.

БЕЦКОЙ

28. Иван Иванович. Главный попечитель Смольного монастыря и всех воспитательных домов в России. Я его лично имел честь знать и пользовался благосклонным его приемом, особенно же как женился на Смирной, которую он отличал и в Смольном. По случаю нашей свадьбы он нам давал обед, и очень ласков был с нами во всякое время. Старик почтенный, добрый, уважительный, о котором я долго поставляю помнить, как о протекторе такого заведения, в котором образовалась моя Евгенья, и человека, оказавшего ей самой лично особенные знаки своего благорасположения во все время воспитания ее и потом. Отец мой некогда служил в Опекунском совете под его начальством, и когда он в Петербург изволил ездить с матушкой и возил туда одну сестру мою большую, лет тринадцати, то Бецкой ее очень полюбил и разные знаки своего благоволения ей оказывал; даже хотел выпросить ее у батюшки в Смольный, а как сегодня день именин той сестры моей, то я нарочно о нем сегодня и вошел в речь.

ПЕГЕЛАУ

29. Доктор, у которого на руках был несколько лет весь наш дом. Он более был друг наш, нежели наемный врач; искусен в своем деле, он много опытов знания своего открыл в нашем семействе и весьма долго поддерживал силы как родителей моих, так и недужной первой жены моей. Мы все чистосердечное опла-

кивали в нем нашу потерю, когда он умер, и никто из нас, конечно, услуг его не забудет. За деньги найдешь всегда врача, но Пегелау был к нам привязан, что трудно отыскать в людях его звания, даже ростою большие суммы. Сей признательной похвалою весь наш дом останется ему обязан при всяком воспоминании об нем; оно еще горестнее сегодня, день, в который скончалась некогда сестра моя родная, графиня Ефимовская, которую, к несчастию, не он уже пользовал, ибо его не было на свете.

ГЛЕБОВ

30. Федор Иванович. Старый и почтенный генерал Екатеринина войска. Он истари был знаком с нашим домом, и я, проживая в Петербурге, по службе, часто у него бывал; жена его, дочь и он сам обходились со мной очень хорошо, и я всегда ласково был у них принят. Дядя мой родной, барон Строганов, был с ним очень дружен; ему рассудилось сватать меня на его дочери; она была недурна собой, хорошо воспитана и с состоянием, но мне не нравилась: я что-то находил злое в чертах лица ее, и удалился от сего выгодного для меня союза, но сим не прекратилось наше знакомство. Я доньне посещаю вдову, генеральшу Глебову. По смерти мужа ее, и достойного нашего полководца, я сочинил стихи на его кончину¹², кои напечатаны вместе с надгробными стихами¹³, написанными мной по убеждению Елисаветы Петровны: они и высечены на памятнике его в Донском; рядом с отцом схоронен и сын их, дослужившийся генеральского чина. Мать опять просила у меня стихов на гроб его¹⁴; я их сложил. Они напечатаны в моих книгах и вырезаны на камне. Сколько случаев, приводящих мне на память сие почтенное семейство.

ЩЕРБАТОВЫ

31. Князь Андрей Николаевич, супруга его княгиня Антонина Воиновна, из полячек; племянница его, монастырка княжна Елизавета Павловна. О каждом из лиц сего семейства я поговорю особо и пространно, ибо они все вместе составляли ближайшее и лучшее наше знакомство во все времена пребывания нашего в Петербурге, где в их доме мы бывали как в своем.

Князь Андрей Николаевич служил сенатором и жил безвыездно в городе; дядя мой, Строганов, был с ним очень дружен, и на это были потаенные причины; впрочем, они совсем несходствовали характерами. Князь любил жену свою страстно, будучи гораздо ее старше, баловал ее, не смея ей слова сказать вопреки и, в удовольствие ее, принимал по вечерам небольшой круг посетителей, из которых иные из милости игравали с ним в шашки. Всякий гость в этом доме имел свой предмет. Я, холост будучи еще, ознакомился с ними, и не проходило дня, чтоб я к ним не завернул. Князь меня принимал ласково, и вообще все домашние обращались со мной хорошо.

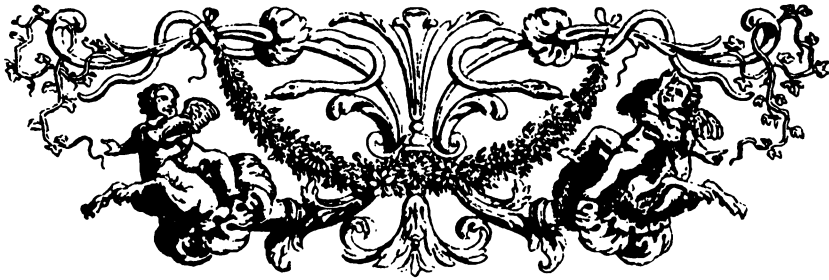
Княгиня была женщина молодая, пригожая и вдвое была бы милее, если б гордый характер и своенравие неограниченное не портили прочих ее хороших

качеств; она была до чрезвычайности горяча, опрометчива, неосторожна и за всякое слово не по ней готова была вспыхнуть, несмотря ни на что и ни на кого; случалось нередко, что она, за столом сидя, кинет салфетку в гостей и уйдет к себе, но когда она была в хорошем духе, то действительно можно было в нее влюбиться. В эту западню попал и дядя мой, с которым у нее была интрига; тут ничего не происходило важного; одни взгляды и украдкой лобзанья составляли их наслаждение, которому и я, как ближайший наперник дяди моего, иногда бывал свидетелем, особливо когда их свиданья происходили у нас самих. Княгиня была с нами так дружна и коротка, что она, в пристрастии своем к дядюшке, от нас не таилась, и поистине надобно было ей простить сию преступную любовь, потому что муж ее так был стар и неприятен, что она ни сердца, ни чувств делить с ним без отвращения не могла. По сей-то связи и я с женой был всегда ею принят с отличной лаской, а князь, покорный слуга жены своей, не смел и скучать нами.

У меня, до женитьбы моей, свои были занозы в этом доме. Княжна Елизавета Павловна, милая, достойная и любезная девушка, меня так страстно пленила, что, несмотря на то, что ей было тридцать лет, а мне только двадцать, я хотел на ней жениться и так решительно на это вознамерился, что сам ей признался в любви моей и просил руки ее. Я никогда не забуду тех благоразумных советов, коими она меня отвела от моего дурачества; поблагодаря меня за честь, как водится, она представляла, что ни лета наши, ни положение не позволяют ей решиться на союз столь неровный, что страсть моя пройдет и тогда я буду скучать женщиной неровной мне годами, а ее сделаю несчастной навек. Без грубости, желчи и досады она, мне отказав, предложила, взамен супружества, искреннейшую дружбу. По достоинствам ее оно было для меня нужно и полезно; я принужден был сим довольствоваться, однако не без волнений все эти переговоры происходили между нами. Я не поверил искренности ее наставлений, логика ее мне показалась подозрительной; я искал другой причины ее отказу и, по недоверчивому моему свойству, скоро ее приревновал. Тогда-то, в яром исступлении любви страстной, я собрался было застрелиться, и дядя мой, привезя ко мне лекаря, велел при себе кровь пустить, чем и остановили в ней воспаление, от которого я мог угрожаем быть или повредиться, или вытерпеть опаснейшую горячку; то и другое меня миновало, но я долго был под строгим надзором, как пришел в себя и успокоились чувства. Таким образом княжна Щербатова важнейшую роль играла в драме моей жизни: из всех тех женщин, с коими я находился в связи донныне, я ее вечно не забуду. Скоро потом влюбился я в Смирную, потому что я не мог дня провести без страсти и, из особенного почтения к княжне Щербатовой, не прежде стал свататься, как получа на то ее согласие и услыша из уст ее одобрение моего выбора. Не имея средств жениться на ней самой, я хотел, по крайней мере, иметь жену, достойную ее похвал. Можно ли далее отнести границы преданности и дружбы? Я расположился ненарушимо сохранить и то и другое к этой бесподобной девушке. Скоро ее очередь пришла переменить состояние; она вышла замуж за полковника Поликарпова, с которым я был приятельски знаком. Почти в одно и то же время совершилась наша свадьба, и, по странному стечению случая, мы даже некоторое время, нанимая квартиры, жили в одном доме, она в верхнем, и мы в нижнем этаже. Суеты и развлечения новых союзов не допустили нас ни часто видеться, ни с прежней короткостью об-

ращаться; мы почти с тех пор совсем расстались, но доколе прожили Щербатовы, я и жена моя, мы всегда на одинаковой ноге были приняты в их доме, и я, приезжая из Пензы в Петербург, всегда бывал у них у первых, прощался с ними с последними. И они померли, и дядя мой, и жена моя скончались. Но дни того времени никогда не изгладятся из памяти моей. Из всех лиц, кои составляли тогдашние наши круговеньки, существуют доньяне мое и несчастной Поликарповой; она овдовела, имеет детей на возрасте, состарелась, живет в Питере и несколько уже лет недвижима ногами. Бывая там уже губернатором Владимира, я всегда посещал ее и не мог без слез видеть в том недужном положении, в которое судьба ее поставила навсегда. До сих пор я не могу слышать об ней без живейшего участия и уверен, что чувства почтения и приверженности моей к ней сопутствовать будут мне до гроба. Так-то сильно действует на нас истинная добродетель! Во время сей страсти я почувствовал первые вдохновения Аполлона, и самые первые мои стихи были приветствие княжне в день именин ее¹⁵; сколь они ни посредственны, я решился напечатать их в моих книгах, дабы оставить памятник той счастливой эпохи моего бытия, ибо мы тогда только и счастливы в мире, когда мы сильно и горячо любим.

НОЯБРЬ

ВАДКОВСКИЙ

1. Федор Иванович. Подполковник старший Семеновского полку. Я еще застал его и несколько лет был под его начальством. Я не имел причины быть недоволен его со мной поступками, впрочем, не видал от него ни зла, ни добра, но и за то должен быть благодарен, что он снисходительно прощал мне разные мои шалости по службе, за которые другой строгое бы обратил на меня взыскание. Вот два довольно забавные происшествия. В обычае было тогда читать по субботам на съезде ротном дворе всем солдатам артикул¹; наряжался младший офицер в роте для порядка; мне дошла очередь отправить эту службу. Я только что попал в офицеры и понятия не имел о воинских регулах². Приехавши на съезжий двор, проклинал всю роту, и по перекличке не явился один молодой мальчик из дворян унтер-офицерского чина. Он пришел, когда тец читал уже артикул громогласно; я, как новый страж благочиния военного, счел себя обязанным наказать унтер-офицера, но как и чем? Дворян бить нельзя; надобно пристыдить самолюбие. Мне лучше ничего не вошло в голову, как велеть ему лечь на широкий стол и, в виде усопшего, принимать от солдат последнее целование. Затея глупая, но я был командир, делать нечего, надлежало повиноваться. Мальчика разложили, и вся рота с ним просталась; усастье солдаты наши расцеловали его в пух, тем и кончилась аудиенция. Проказа моя скоро разнеслась по полку, дошла и до Вадковского; все хохотали, а он, добрый старичок, только сказал мне при первом после свидании в собраньи всех офицеров: «Скажи-ко мне, пожалуй, проказник, где ты нашел правило заживо людей хоронить?» Сим кротким выговором все дело обошлось. В другой раз, будучи дежурный при полку, я прискакал на пожар в полковой лазарет, в котором выкинуло из трубы без всяких опасных последствий; в досаде я обоих лекарей, ни в чем в этом не виноватых, по приказанию майора арестовал, а потом сам от себя рассудил посадить их лицом к стене каждого, в противоположный угол комнаты, что произвело явный смех между больными и здоровыми. В таком положении хирурги мои просидели с полсутки, и потом я их выпустил. Старик Вадковский, узнав о сем, покачал только головой и посмеялся. Я при нем поступил в полк прапорщиком и получил чин подпоручика. При погребении его я отдал ему последнюю честь экспантоном (Hallebarde)³ в парадном полковом строе, перед своим взводом, и проводил его до земли с искренним желанием душе его небесных благ.

ВАДКОВСКИЙ

2. Федор Федорович, сын выше помянутого моего начальника, камергер при большом дворе и любимец наследника престола. Я с ним был в приятельских отношениях, когда ездил ко двору играть с ним на театре великого князя. Он меня любил, и я льнул к нему преимущественно пред всеми прочими шаркателями царских чертогов. Во время моей страсти к Смирной и сватовства на ней он принял жаркое участие в успехе моих намерений. Ему я обязан первыми свиданиями с любезной, он входил за меня и от меня в разные с ней переговоры и был единственным поверенным сердец наших. Старанием его я достиг своей цели и приобрел лестные знаки внимания великого князя. Он был на нашей свадьбе шафером со стороны невесты и держал на голове ее венец. Назавтра сего торжественного дня он был первый наш гость, и мы самтретей с ним отужинали в новом нашем хозяйстве. Я каждое мгновение того времени воспоминаю и ныне с восторгом. Вадковский остался и потом хорошим моим приятелем; мы часто видались и в сообщениях наших не было ни коварства, ни принуждения. Редкое преимущество в связи с придворным! Он недолго прожил, томился в мучительном недуге и слишком рано скончался для всех тех, кои способны были разуметь и ценить, несмотря на холодный с виду характер, отличные его достоинства.

БОЛОТНИКОВА

3. Молодая замужня дворянка, живущая в орловской деревне. Не зная ее в лицо, не ведая даже, что она существует, я привлечен был к знакомству с ней заочному и весьма странному ее стихами. Она их писывала очень посредственно, чтоб не сказать худо, но любила ими заниматься, изволила сочинить книжку под названием «Плод моего уединения» и рассудила посвятить ее мне⁴, напечатала, пустила в публичную продажу и мне при письме прислала препорядочный экземпляр в сафьяне. Надобно было писать, благодарить, хвалить; я истощился в приветствиях, надеясь, что ими все кончится; напротив, г-жа Болотникова, начитавшись моих сочинений и приходя ежедневно от них в восторг, не по заслугам моим, а по капризу ее воображения, повела со мной переписку, которая, хоть изредка, но приняла характер твердого знакомства. Неожиданное сие отношение между нами началось уже после московских бедствий и долго ли продолжится. Не знаю. Нередко я от нее получаю новые стихи, стараюсь отвечать моими, и не без крайнего удивления вижу на опыте, что можно быть очень близко знакому с человеком, которого от роду в глаза не видывал. Сей диковинкой я обязан г-же Болотниковой и потому дал ей право гражданства в моем Словаре. В то время как я упражнялся собранием оногo, г-жа Болотникова прибыла на короткое время по делам своим в Москву; я ее видел наконец и ознакомился с ней лично; нашел даму скромную, тихую, застенчивую даже, и с трудом мог понять, каким образом, будучи благоразумна, она так свободно приняла на себя звание автoра, с которым кажется вовсе не сладит.

ОБОЛЬЯНИНОВ

4. Петр Хрисанфович, генерал-прокурор при Павле. Он, не зная меня в лицо, но по внушениям, как думать надобно, Мясоедова, с которым был в союзе дружбы, расположился ко мне очень худо. При нем, в большое производство в тайные советники, я был обойден. Я писал к нему, он не отвечал, и во все время его барства я не удостоился никакого его внимания. Прошли те времена. Александр вступил на престол, Обольянинов стал жить в Москве, в отставке и сделался, после многих предварительных оскорблений, губернским предводителем Московской губернии. По прежним отношениям первого мужа жены моей она обязана была ему некоторой благодарностью за покровительство и ласки, оказанные им Пожарскому, когда он по провиантскому штату зависел от него. Я долго не хотел с ним знакомиться, помня худые его поступки со мной; но дабы жена не обвинялась неблагодарностью, для нее единственно, решился к нему ездить и нечаянно сделался с ним знаком. Он меня принимал вежливо, ласково, посещал и сам, не вспоминая ничего прежнего, записал меня в Дворянскую книгу, дал мне чугунную медаль, при письменном виде, и оказался против меня совсем другим человеком. Так-то несчастие собственное исправляет человеческие нравы! Но сколько бы я ни был им обласкан и знаком с ним, я никогда не забуду, что, будучи силен у двора, он допустил государя, имевшего к нему полную доверенность, обойти меня чином и тем публично обидеть, не имея на то никакой причины.

ВОЕЙКОВА

5. Авдотья Александровна, женщина добрая и очень романтическая. Ей вздумалось однажды, не будучи со мной знакомой, писать ко мне и просить некоторых моих стихов; я их послал. За сим последовал зов к себе, и я познакомился с нею. Начались доверия и откровенности; она не очень была счастлива со стороны мужа; знакомство наше от того укоренилось, сделалось продолжительным и до конца дней ее постоянным; она меня очень полюбила и имела ко мне большую доверенность. Я посещал ее иногда в Владимирской ее деревне и там, в унылые дни моего вдовства, посвятил ей стишки под названием «Гальша»⁵ (см. «Сумерки моей жизни»). Связь моя с ней основана была на чистых началах бескорыстной приязни, и я многими приятными часами в жизни обязан доброму и приветливому ее характеру.

ФАЛЛЕНШТЕЙН⁶

6. Под сим названием, с титулом графа, путешествовал император Иосиф, и был в Москве. Я никогда не забуду времени, столь лестного и приятного для всего нашего дома. Во-первых, я имел счастье производить при нем один физический опыт на лекции профессора Роста, и благосклонно им приветствован. Мне велено было показать на воздушной машине силу воздуха и давле-

ния его на гладкую поверхность стекла; я подошел к насосу, сам действовал, опыт удался, император подозвал меня к себе и просил изъяснить ему полатыни, от чего произошел видимый феномен. Ответом моим он совершенно удовлетворился. Сверх того, одна из сестер моих, будучи пригожа собой, обратила на себя его взоры в публике, и он на балах приметя ее, хотел, чтоб она танцевала, смотрел на нее с благоволением и ободрял ее похвалами. Внимание такого знаменитого путешественника к девушке, едва вышедшей из ребячества, не может не оставить сильного впечатления, и я сохраню его во всю жизнь мою.

ШУЛЬГИНА

7. Софья Алексеевна. Женщина не важная по чину, ибо она замужем за городничим шуйским, но милая и приятная дама во всех отношениях, как супруга, как мать, как приятельница. Воспитана бывши в Вологде, никогда не выдавши большого света, она, по дарованиям природы, всегда готова представиться в оной с благонадежностью в общих похвалах. Живучи ежегодно большую часть лета в жениной деревне, в Шуйском уезде, я пользуюсь часто ее беседой. Кроме прелестей короткого нрава и образованного ума, я должен ей и мужу ее вообще уважительным обязательством. Когда французы выгоняли нас из Москвы, и я не имел другого убежища, кроме Шуи, она нас приняла как родных, мужу ее пришли на мысль маловажные услуги, оказанные мною ему в то время, как, будучи губернатором, я имел его под своим начальством, и он, в изъявление мне своей благодарности, далеко за пределы приличия одного, пожертвовал нам своим домом и, имея возможность дорого его на ту пору отдать в наймы, презрел всеми выгодами расчета и просил нас в оном расположиться. Мы в нем прожили почти всю зиму того несчастного года. Она занималась детьми нашими, когда мы отлучались, и имела об них такое попечение, какого только от родных ожидать можно. По несчастию, сделался нечаянно в этом доме пожар, и загорелась крышка; тотчас весь город сбежался его отстайвать и отстояли, но без поправок в нем жить было нельзя. Они, стесняя себя всячески в своих казенных покоях, отдали нам лучшие комнаты и никак не допустили нанять в городе квартиры. Во время сумятицы, когда загорелось, Софья Алексеевна, будучи на сносях, брехата, забывши, что она может терять свою собственность, бросилась вытаскивать мои книги, бумаги, дабы спасти мою принадлежность, и именно ту, которая нужнее была прочим. Как забыть подобные опыты искреннего усердия, на которое уже не было тогда ни причин, ни видов, ибо до меня им дела не было! И тем-то более оно пленяет, тем бессозвезднее забыть его! Я написал в ту зиму стихи под названием «Плач над Москвою»⁷. Они напечатаны. Я их посвятил Софье Алексеевне, и в этом сочинении постарался изъявить ей и семейству ее ту благодарность, то трогательное чувство приязни, какое навсегда буду питать в душе своей, как совестный долг признательного сердца.

БОБРОВ

8. День, с которого не прекращался почти через две трети века плач Иеремиев в нашем племени⁸, ибо в оный, с отрубленной на эшафоте в Новгороде головой деда моего, пало огромное здание нашего счастья, надежд и фортуны. Лютое воспоминание! Мысль моя летит в Сибирь, ищет темницы страдальца и там находит доброго Боброва.

Сын дворянина того же имени, который был приставлен в Сибири у Березовского острога все время заключения в оном деда моего. Сей достопамятный для нас чиновник оказывал всякое христианское сострадание несчастному узнику, томящемуся под его присмотром; он облегчал его участь, сколько мог, и потому заслужил от рода нашего вечную к себе признательность. По странному стечению случаев г. Бобров, о котором теперь говорится, сибирский постоянный житель, приезжал в Россию для того, чтоб внуку свою родную, девицу Хитрову, единственную наследницу достаточного имения, выдать замуж за племянника моего родного, старшего сына графа Ефимовского, правнука самого того несчастливца, за которым надзирал темничный страж г. Бобров, отец его. Игра фортуны! По окончании свадебных пиров Бобров, возвращаясь на родину свою, в Сибирь, остановился на сутки у меня в Володимире. Свидание мое с ним была одна из трогательнейших минут моей жизни. Я кипел сердцем и заливался слезами, слушая изустные от него предания насчет деда моего, и разные злоключения, постигавшие его в темнице. Один только раз я с этим почтенным старичком виделся, беседовал, и никогда повествований его не забуду.

АДАДУРОВ

9. Алексей Петрович. Я с ним познакомился, в то время как он был офицер гвардии и кавалер при великом князе, Александре Павловиче. Сходство лет и нравов сделали нас приятелями; мы были очень коротки. Во время Шведской войны, в которой я был в походе, равно как и зять мой родной граф Ефимовский, он жену мою и сестру провожал к нам в армию и доставил им легчайший способ до нас туда достигнуть. Вышедши из гвардии, я так удалился от двора и столиц, что не мог продолжать приятной с ним связи, и мы под старость совсем почти раззнакомились. Общая участь свычек наших в молодости.

БАРОН АШ

10. Отставной бригадир и узник Спаса-Ефимьева монастыря, в котором я его нашел, приехавши в губернию; судьба его зависела некоторым образом от меня; он уже по разным тюремным домам заключаем был и лет тридцать жил в неволе. Вина его состояла в том, что он не хотел ни которому из государей присягать, доколе жил известный Алексей Ангонович, брат малолетнего царя Иоанна⁹. Политическое сие упрямство помутило в нем разум, и долговременное заключение сделало его вовсе безумным. Он возбудил во мне чувство сострадания. Я на-

ходил в нем жалкого сумасброда более, нежели злостного преступника, и старался улучшить жребий его сколько мог. Ему было уже восемьдесят лет. Он не мог долго тяготить собою никого; покойный угол и чашка кофию составляли все его благодетствие, но в страшных башнях Ефимьева монастыря он его иметь не мог. Я представлял неоднократно министру об освобождении его; старания мои хотя не совершенный получили успех, но достаточный к облегчению его участи. Мне позволено выпустить его из монастыря и, взяв поведение его на собственную свою ответственность, содержать под присмотром в губернском городе. Таким образом барон Аш освобожден и приведен к присяге, против которой уж он в то время ничего не возражал, и начал жить у меня в доме. Казна производила ему до трехсот рублей в год на содержание; сверх того он имел собственных своих денег до четырех тысяч рублей, которые я с большим трудом у брата его родного вырвал по окончании над ним предохранительной опеки. Деньги сии отдавались в процент из Приказа общественного призрения, и сей бедный старец, желая мне оказать свою благодарность за мои о нем попечения, вздумал сделать меня наследником сего капитала, о чем писал он от себя и к министру, но я от подарка его отказался, и по смерти его сии деньги отданы мной его ближайшему наследнику, барону же, Казимиру Ашу. Не долго он пожил у меня в доме, и без всякой болезни, от одной старости и расслабления сил, весьма тихо скончался. Я его похоронил на кладбище. Когда он говаривал о предметах, касающихся до политики времен Елизаветы Петровны, то рассуждал с здравым смыслом, любил читать газеты более всего и завирался в отвлеченных соображениях; впрочем охотник был до людей и сообществ, чванился своим бригадирским чином, и вообще более был жалок, нежели кому-либо опасен. Да и что бы мог затеять вредного человек в восемьдесят лет? Если бы он умер в тюрьме, то, конечно, от одного только равнодушия к подобным несчастливцам со стороны подозрительно-го нашего правительства.

АНЕМОНА

11. Так назвал я в стихах моих, и привык потом называть всегда, барышню, живущую в нашем доме с самого малолетства и на попечении моих сестер. Ее звали Аграфеной Федоровной. Будучи незаконный младенец нашего родственника Ушакова, она получила прозвищем у нас в доме простое названье Груши, а о фамилии ее никто не заботился; слыла, однако же, она Любавской; я ее нарек Анемоной¹⁰, потому что она была очень пригожа собою. Эта-то самая красота была для всех для нас, а паче для нее, источником слез, кои сделали ее для меня всегда памятной. В нее влюбился пасынок мой старший, Алексей; Груша ему отвечала: они умыслили тайно обвенчаться; все уже готово было к ее с ним побегу; но рок не допустил сему случиться, намерение их не удалось; я о том сведал еще вовремя. Жена воспротивилась сему союзу, ничего, кроме обоюдных бедствий, не обещавшему, по недостаткам жениха и невесты; сестра моя также на сей брак не соглашалась, и он не состоялся; но между тем затея сих молодых людей наделали нам страшных тревог, и я никогда не забуду той несчастной эпохи, в которую обременен был трудами прискорбными о уничтожении плана моего па-

сынка, приступившего к исполнению своего предприятия во что бы то ни стало, с отличной отвагой, раздражил мать свою всячески и мне нанес чувствительнейшее огорчение, ибо каждое из лиц, прикосновенных к сему случаю, жена моя, сестра и дети, страдали каждый от собственного своего смятения, а я, от общего их негодования и досады, страдал за всех вдруг один и во всех связях сердца принимал несносные язвы. Время все уврачевало и страсть юношей потушило. Такова история человеческих заблуждений!

БЕШЕНЦОВА

12. Варвара Ивановна. Бедная монастырка, вышедшая замуж за бедного же генерала Еврейнова. Я с нею ознакомился до ее замужества; это первая девушка, за которой я волочился, показавшись в московскую публику. Мне было осмнадцать лет, ей год или два меньше. Я ни с кем в жизни моей так странно не сходилась знакомством, как с ней. Первое наше свидание было в клобе (я говорю языком того века), на бале. Я увидел девушку в мордорстовом платье¹¹, сперва приглянулся мне цвет наряда, а потом и личико полюбилось; я поднял ее танцевать, прыгал с ней с одной весь тот вечер и повел приятную болтовню, без всякого любопытства насчет имени ее и чина. Отправился я с балу домой в приятнейших мечтах. Через неделю опять собрание; я тут ищу глазами мою дулцинею и по цвету платья опять встречаюсь с ней же. Новые танцы, новые разговоры. Так провел я целую зиму, и она, видно, не имея пышного гардероба, выезжала всякий раз на бал в том же самом платье, в котором так мне понравилась. Кончилась зима, кончились и наши отношения, и так я могу назвать мою к ней склонность – любовь по платью!

КУРИКА

13. Малороссиянин, студент Московского университета, с которым я вместе обучался разным наукам; он хаживал ко мне давать private уроки, и помощью его я достиг чести получить серебряную медаль за диссертацию на латинском языке, на которую наряд был из класса изящной словесности г. Барсова. Тема нам дана была «*Laus Ciceroni*»*. Не хочу себе присвоить ее достоинства; оно принадлежит вполне г. Курику, которого поправки составили почти все то, что почитали за собственный мой труд. За такое одолжение я остался ему обязан навсегда и, вспоминая мои упражнения в классах, не могу не вспомнить Курика, доброго моего учителя и сотоварища, все вместе. Он потом ездил в Париж усовершенствоваться в медицине, и был бы искуснейший врач, если б смерть не прекратила дней его в лучшей поре человеческой жизни. Я упомянул о нем в предисловии к третьему изданию моих сочинений¹², и Курика, давно уже скончавшийся, не забыт мною в списке тех мужей, коим я чту себя обязанным за труды, подъятые ими в моем образовании.

* «Похвала Цицерону» (лат.).

БИБИКОВА

14. Настасья Петровна. Ей было уже тридцать лет, когда я ее узнал, а мне только двадцать. Она охотно со мной танцевывала на балах в клобе, и мое самолюбие всегда меня влекло к ней преимущественно; от сего танцевального между нами союза произошел анекдот, который мне навсегда остался памятным. Некто был князь Голицын, прозванный в публике, не знаю почему, Чепурой¹³. Сестра его родная была в замужестве за отцом моим до второго соединения его с моей матерью; она, скончавшись бездетна, истребила всякое родство между своим домом и нашим, но отец мой ставил себе в обязанность сохранить со всеми родственниками первой жены своей уважительное отношение. Чепура был в Бибикуму влюблен, и скуп, как все старые холостяки; он присматривал за нею Аргусовыми глазами¹⁴ на всех балах и скоро приметил, что из молодых мужчин я всех чаще и охотнее с ней танцую; случалось ей после сильного движения в контреданце пожелать чашки чаю или стакана прохладного питья. Я, как ветреный мальчик, бегал в буфет и успевал прежде попотчевать ее, нежели Чепура, который четверть часа поторгуетса бывало, что заплатить за лимонад или чай, следовательно, всегда опоздает с своим подносом, а Бибикова, напившись, чего ей угодно, отзовется ему, что она уже ничего не хочет. Для Чепуры два наклада разом, и деньги потеряны, и труд услужить пропал. Подобные случаи наконец до того его встревожили, что он не постыдился жаловаться на меня батюшке и требовать, чтоб мне заказано было танцевать с Бибиковой. Сколь ни глупо было такое требование, но батюшка, не замечая, чтоб я сам особенное имел пристрастие к этой девушке, убедил меня ласковым словом не тешиться такой над стариком проказой и оставить его в покое. С тех пор я стал удаляться от Бибиковой: она это заметила, мы изъяснились, и Чепуре досталось. Он выдержал весь гнев ее и снова жаловался, но батюшка посмеялся его сумасбродству, и пляска наша возобновилась по-прежнему. Время все это унесло в мрак вечного забвения, но для меня всегда приятно будет вспомнить всякую безделицу относительно к моей молодости.

БОРОЗДИНА

15. Настасья Андреевна. Дама средних лет, милая и веселого духа. Семейство ее составляли муж генерал-поручик, который давал ей волю делать все, что она хотела, три сына, нашего полку унтер-офицеры, и барышня, приживающая у нее из ласки, о которой особая есть статья в этом Лексиконе (см. Львову). Г-жа Бороздина была полная владычица в своем доме; страсть ее к карточной игре привлекала к ней множество гостей нашего пола, а чтоб еще было веселее, она затеяла театр, на котором дети ее игравали комедии по-французски. В то время стыдно было заниматься русским языком. Скоро по приезде моем в Петербург на службу в гвардию я с ней ознакомился, и она меня очень полюбила. Дело до того дошло, что я был всякий день у нее в доме, и нигде, кроме ее. Я заправлял ее спектаклями, и тут сам, как говорится, набил руку к этому ремеслу. Всех замечательнее был у нас спектакль «Сивиль-

ского цырюльника»; я играл Линдора¹⁵ с успехом; вся публика к нам съезжалась, но как репетиции гораздо забавнее самого представления, то я целый год занимался ими, прежде нежели мы пиесу сыграли. Что до того за дело? И ей, и нам было весело, вот и главное. В течение столь продолжительного времени мы, как водится между благородными охотниками до театра, и сердились, и ссорились, и также скоропостижно мирились. Однажды дошло до того, что сын ее старший вызвал меня на поединок, мальчика уняли, и мы расцеловались. Нигде нельзя было так строго наблюдать этой пословицы: «Сору из избы не выносить», как в доме любезной Бороздиной, ибо в нем Бог знает чего по временам не происходило. Я всегда с приятностью вспомню время моего с ней знакомства и потому, что я тут провел два года моей молодости отменно весело. Ласковость ее ко мне была искренна и всегда равна; мы с ней иногда езжали вместе из Царского Села в город, в светлые летние ночи, проводя прескучный вечер из приличия в покоях графа Салтыкова, дядьки великих князей, и в карете во всю дорогу поем водевили, как безумные; она имела прекрасный голос и все навыки образованного общежития; обращение ее было приятно и просто; я обязан ей многими сладкими минутами в жизни, без всякого превратного смысла моему выражению. Нет! Мы не влюблены были друг в друга, но друг друга взаимно искали по сходству нравов и наполняли время нашего знакомства невинными забавами, которые одни составляют истинное счастье жизни. Мне живо представляется и теперь, как я, однажды приехавши к ней на вечер, воротился домой в семь часов утра, и что ж я делал во всю ночь? Оба сына ее, я и барышня, мы наставили стульев и между ими плясали кадрили да променады под музыку пьяного домашнего скрыпача, между тем как хозяйка с кем-нибудь игрывала в макао¹⁶ и покрикивала с бессоницы в игрецком иступлении: «Миллион с прессом!» Пусть назовут это все, как хотят: шалостью, блажью, дурачеством – согласен; но нам было весело – и полно!!!

ПАРФЕНИЙ

16. День прискорбный сердцу моему; лишась в оный милой дочери своей Евгении, на двадцатом году ее жизни, ни о ком не могу вздумать при гробе ее, как о сем добром и благочестивом слугителе Веры.

Архимандрит Донского монастыря. Умный и чувствительнейший человек. Я начал его знать еще простым монахом; проповеди его наполнены душевного витийства. По сходству некоторых свойств нашего характера я с ним скоро сделался знаком и приятелем. Он отпел и предал земле тело меньшей дочери моей, Евгеньи, плакал вместе со мной, когда мне бывало грустно, и благодушеествовал, когда Небо посылало мне отраду. Он неоднократно служил у меня в домово́й церкви и посещал с усердием; в разлуке писал мне непринужденно, и во всем, что до меня касалось, принимал живое участие, защищал меня против клеветы, но никогда не льстил в глаза и обличал мои пороки в дружеской и сокровенной беседе. Вот почему я люблю Парфения и буду помнить об нем всю жизнь мою.

САЛТЫКОВ

17. Александр Васильевич. Человек, оказавший мне и всему семейству моему много приятных и уважительных услуг. Случайно познакомься с ним в Пензе, где, будучи вице-губернатором, я делал ему, как поставщику, разные вспомоществования, я стал предметом искреннего его доброжелательства. Когда лично сошелся с ним в Петербурге, где он жила, удален от своего хозяйства и расстроивал свое состояние, по мере как его управитель на месте, в Пензе, старался, под покровительством моим, его поддерживать. В это время его отлучки мы имели с женой летом позволение обитать в его деревне Бессоновке, в которой наслаждались всеми благами земли благословенной; там гуляли ежедневно по обширным его садам. Я ездил в Казенную палату всякое утро на его лошадях, в его кабриолетах, после обеда купался в прекрасной ванне, роскошно отделанной, а по вечерам забавлялся его музыкой, ибо он все это имел, а я пользовался, в оправдание пословицы г-на Beaumarchais, который сказал: «Posseder c'est peu de chose, mais c'est jour qui rend heureux»¹⁷. Точно так случилось с ним и с нами в Бессоновке, которая была от города в двенадцати верстах, следовательно, мне можно было ежедневно ездить в свою палату, и служба от сей отлучки моей нимало не страдала. По воскресеньям мы слушали у обедни хороших его певчих, и все, что было у него в доме, к нашим посвящалось услугам; разумеется, однако же, что я покупаемых вещей не брал даром, дабы не употребить во зло хозяйского снисхождения. Так проводжали мы несколько лет в его поместьи самым приятным образом. Наконец явился он и сам в Пензу и водворился в ней; он полюбил жену мою с пристрастием, беспрестанно бывал у нас в доме, везде и всегда искал случая чем-нибудь нас обязать, давал нам пиры, вечера роскошные, и словом, таял, как Селадон¹⁸, у ног Евгеньи, что было очень тягостно для нее, ибо всякий поверит, что волокита в семьдесят лет не забавный гость для женщины милой, достойной и благонравной, но услужливость его требовала и от нас некоторого снисхождения; он имел множество книг, но, не любя ни наук, ни чтения, а заведя библиотеку из чванства, подарил мне все лучшие книги, кои у него были. По смерти Екатерины переехали мы скоро в Москву, и он, будучи с лишком двадцать лет бригадиром в отставке, потащился туда же за нами, чтоб искать счастья у нового двора. И подлинно, он втерся в удачную минуту в службу, посажен в Воспитательный дом, там получил два чина, две ленты и сделался сенатором. Ничто не переменило его расположения к нам, всякий день в вечеру он являлся к жене пить чай и, будучи лаком до съестнова, всякое утро присылал к нам какое-нибудь блюдо его домашней стряпни. Лишь только появлялся новый роман, а жена моя была до них охотница, тотчас он привозил его в нашу библиотеку, и чем меньше он видел успеха в своих услугах, тем более их усиливал, желая, по крайней мере, быть благодетелем нашим, когда он не смел надеяться ничего другого. Пришло время детям моим меньшим прививать оспу; он их выпросил к себе в дом, ходил за ними, как нянька, и не отпустил к нам прежде, нежели они совсем выздоровели. Некоторых из детей моих он крестил с матерью моею. Вот до чего доходили его старания, весьма при всем том бесплодные, уловить склонность Евгении, которая его почитала, уважала, как отца, но любить никак не могла. Наконец вздумал он составить жене моей прочный капитал в недвижимой

собственности. За ним было с лишком тысячу душ. Он женат был уже в третий раз, но жил в разводе с женою, имел одну дочь, но и ту невзлюбил, решил отдать все свое имение жене моей и, приготовив черный акт, привез его ей показать. Та столько была великодушна и благородна, что не только отказала ему в этом приобретении, но даже потребовала клятвенного обещания от него никому, кроме дочери, имения своего не отдавать, решительно объявляя, что ежели он поступит иначе, то она его на глаза к себе не пустит. Старик пленился сим поступком до того, что пал пред ней на колени, сулил все уничтожить, оставить по себе дочь свою всею наследницей, и во весь остаток жизни его исполнен был боязливой к жене моей благоговения; а это очень трудно было произвести в сердце, омраченном такими низкими страстями, как его. Подобные действия может показывать свету одна чистая добродетель, какой отличалась моя Евгенья. При переводе нашем в Володимир он сопровождал туда жену мою, когда она ко мне с детьми перебиралась, пожил там с нами и, воротясь в Москву, не мог перенести скуки и лишения свидания с нашим домом. Он скоро взял отставку, поехал в свою Бессоновку; еще раз мы его видели на пути, он собирался воротиться к нам на зиму, и всякую почту писывал оттуда к жене предлинные письма, но скоро постиг его удар, и он умер в той вотчине, в которой мы и при нем и без него так много проводили дней веселых и счастливых. Сим кончу мое о нем повествование и, воздав памяти его дань должной благодарности за все, что он для нас сделал, находя нас в недостатках и судьбе не самой красной, усердно желаю, чтоб суд Божий был для него благоприятен и отверз ему вход в небесное царство.

САМОЙЛОВ

18. Граф Александр Николаевич, бывший генерал-прокурором при Екатерине, родственник Потемкина. Вот и все его права на отличие; впрочем, природой отличен совсем в другом роде; глуп, спесив, груб, бестолков, дурен и, по выражению дяди моего, Ржевского, настоящий Магометов штандарт¹⁹. Довелось мне и у него быть под начальством, когда я служил в Пензе. Он до того наконец был против меня взволнован, что запретил мне прямо к себе писать, за что же? За то, что, по дурачеству его, вздумалось ему дать Казенной палате моей такое предложение, в котором не было ни логики, ни здравого смысла, ни сведения о том деле, насчет которого он наслал бумагу. Другой, может быть, пропустил бы ее без внимания, не сказав ему ничего и описавшись с его секретарями, но я, не любя никаких побочных дорог, решил ему отвечать и указал, как дважды два четыре, что все его предписание – нелепица. Самойлов вспыхнул; но как на правду слов мало, то он, пропусая сей случай, придрался к безделкам, стал мне делать выговоры, я их отражал резонами, и кончилась наша переписка вышеписанным запрещением. С тех пор уже я к нему лично ни о чем не относился, а писал в его экспедицию. Он был главным побудителем гнева на меня государыни, когда она изволила мне отказать в Владимирском кресте. Не удовлетворясь сим, он хотел вовсе меня удалить от должности, но сего ему не удалось, и государыня отказала ему в представлении о том; словом, этот титулованный скаред и дурак старался мне сделать всякое зло на свете. Кстати здесь обнаружить случай, никому не

известный, но приносящий особенную честь монархине. Будучи раздражен умышленной проволочкой, которую Пензенский губернатор допускал в деле о личной обиде, мне нанесенной Улыбышевым, я повторил прошение мое государыне и, зная, что Самойлов против меня также действует, откровенно просил Екатерину, чтоб она того письма моего не сдавала генерал-прокурору, потому что он мне злодей; другой владыка за дерзость такую Бог знает что со мной бы сотворил, но Екатерина письмо прочла, сожгла, никуда оно не сдано, никто его не видел, не читал, а догадаться можно было, что оно до нее дошло, потому что Самойлов тотчас после того, по Именному указу, предписал поспешить окончанием моего дела. С такой царицей, не смотря и не боясь невежд, каков был Самойлов, можно было всякому подданному и с удовольствием трудиться и с благонадежностью отдыхать. При ней дураки были не страшны, а плуты не опасны.

НОВОСИЛЬЦОВА

19. Варвара Филипповна. Знакомство приятное моего юношества, о котором и донныне, уже состаревшись, мне весело вспомнить. Она была нам несколько родня. Отец ее, гипохондрик, посещал нас довольно часто и всегда привозил ее с собою. В старину люди жили проще и дружелюбнее; между родством было более связи и короткости. В то-то время сошелся и я нравом и свойствами с сей милой девушкой, которая одарена была от природы характером любезным и простодушным. Видаюсь часто в круговеньках у родственников, я свыкся с ней, отличал ее от других и любил проводить с ней время. Тут не было ни страсти, ни огня геенского, ни безумных восхищений, одна чистая и непорочная приязнь нас сблизила. Век и нравы скоро переменялись; всякий из нас, вышедши в большой свет, проложил себе свою дорогу, и мы с ней редко уже стали видеться; обстоятельства удалили нас друг от друга еще более, и теперь мы почти вовсе не видимся, но когда я вспоминаю первые дни молодости моей, я всегда встречаю в мыслях своих образ наружный и любезность Варвары Филипповны, и не переставал ее любить донныне столько же, сколько я ее любил прежде. Таково свойство настоящего чувства сердечного; она вышла замуж, имела детей и теперь уже и бабушкой сделалась. По болезненному своему состоянию и нервическим припадкам живет, по большей части, далеко от Москвы, у разных теплых вод, и я не надеюсь уже где-либо с ней встретиться, но всегда с удовольствием об ней вспомню.

ШУМИЛОВА

20. День печали и тяжких воспоминаний! Я лишился в оный старшей дочери моей, Марьи, на двадцатом году ее возраста.

Настасья Ивановна. Давнишнее и постоянное знакомство. Я узнал ее в Пензе; муж ее служил секретарем в Казенной палате, и опытный работник в гражданском деле. Я им всегда и там, и после был доволен; супруги сии к нам так привязались, что судьба их почти неразлучна была с моею. Настасья Ивановна, об-

разованная выше той сферы, в которой по чину мужа своего находилась, сделалась скоро в Пензе домашней собеседницей жены моей, которая любила ее и ценила ее достоинство. Она прекрасно игрывала на театре и в этом искусстве служила нам в провинции большим пособием. По выезде моем оттуда долго пропала она у нас из виду, но при водворении моем в Владимир, узлавши, что Шумилов потерял от пожаров всю собственность свою, состоявшую в доме, и находился в тесных обстоятельствах, я предложил ему служить при мне и, выписавши его из Пензы в штаб-офицерском уже чине, определил его, после Могилевского, на первый случай, к себе в секретари. Он с женой своей перебрался в эту губернию, и мы опять стали жить вместе, но жены моей она уже не застала. По времени и тут, как в Пензе, Настасья Ивановна участвовала в наших домашних заботах, и с дочерью моей взрослой играли комедию с успехом. Старый друг, говорится, лучше новых двух; так сбылось и с нашим знакомством; усердие их к нам и преданность везде были одинаковы. Съездивши в Питер, мне посчастливилось Шумилова определить в советники в Владимирское губернское правление и укоренить его в городе на прочном месте. В то же самое время, возвращаясь оттуда, привез я дочь свою, Марью, так больную, что ее надобно было оставить в Москве лечиться; у нее открылась жестокая чахотка, от которой никакое искусство спасти ее не могло, и я ее лишился. Тут начались подвиги и не простые уже услуги Настасьи Ивановны. Она, узнав о болезни дочери моей, бросила мужа, детей своих, прискакала в Москву, остановилась в нашем доме, ходила за моей Машей и до последней минуты жизни была при ней безотлучно. С той поры я стал ее почитать, как женщину редкой добродетели. Доныне, живучи в Володимире, они всегда к нам привержены. Настасья Ивановна по целому лету иногда живет у нас в деревне и делит с нами скучные осенние вечера; когда я в городе, у меня нет другой квартиры, как их дом, словом, нет услуг, каких бы муж и жена не старались взапуски нам оказывать. При замужестве второй дочери моей, Вариньки, Шумилова прилетела из Владимира, шила, кроила ее приданое и всячески нам угождала. Редкие, почтенные люди! Они приобрели у меня в сердце собственность, не похищаемую ни временем, ни случаями, – любовь и признательность до гроба!

ВЕНЦ

21. День рождения первого моего младенца, сына Павла. Обязан будучи благими успехами образования его сему иноземцу, стану о нем и говорить.

Он прожил несколько лет в моем доме для воспитания старших сыновей моих. Я с ним нечаянно сошелся и принял еще при покойной жене моей. Он имел хорошие познания и прилежен был в своем звании; мне всегда памятны будут его заслуги. Он до того приобрел мою доверенность, что я нимало не поколебался во время моего вдовства отпустить с ним старших моих сыновей, Павла и Александра, в чужие края, где он с ними прожил два года с половиной в Геттингене, ничем другим не занимаясь, как их обучением. Он был умерен в требованиях, бережлив в издержках, и по возвращении своем в Россию представил мне сыновей моих в том состоянии, в каком я желал их увидеть. Решимость моя верить ему

столь драгоценный залог произошла от того уважения, которое ему оказывала мать детей моих; сам собой я никогда бы на сей поступок не отважился, но оценка Евгении была мне законом и по смерти ее; я уверен был, что она сделала бы то же, и потому отпустил юношей своих в чужие края, несмотря на смутные обстоятельства Европы в то время. Наставник умел их предостеречь от общей заразы нравов, и я ни минуты не раскаивался в моем предприятии ни тогда, ни потом. Венц поехал от меня холост, но в Германии, приблизясь к своей родине, увидя все свое семейство, по убеждению одного, женился и привез в дом ко мне жену свою; к несчастью, она ни в чем не сходствовала с ним и отравила дни его. Он, по возвращении своем, еще долго жил в моем доме, при второй жене моей; оба сыновья ее были также у него на руках, но скоро он сделался болен. Гипохондрия начинала его мучить беспрестанно; он стал пить, и невозможно было уже держать его при детях. Мы расстались. Он принялся в дом к кому-то в отъезд и там скоро скончался. Грех был бы тяжкий на душе моей, если б я когда-нибудь забыл его ко мне усердие; он привязан был до чрезвычайности ко всякому члену моего семейства. Во все эпохи моей жизни, при нем замечания особого достойные, он был мне друг, сострадатель и подпора; наставляя правильно детей моих, был мне самому полезен своими советами; обучая их рачительно, посвящал беседе со мной все прочие минуты своих досугов; не вмешиваясь ни в какие посторонние дела, жаркое принимал участие во всем, что собственно до дома моего касалось. Он первый со слезами объявил мне о потере моей дочери; словом, везде был со мной, при мне, около меня, как самый ближайший мой родственник, и до конца дней своих сохранил к моему дому, к моему семейству примерное усердие, о котором я обязан отзываться всегда с похвалою, и да не помыслит кто, что он таков был из прибытков. Нет! Он получал меньше всякого иноземца в моем доме; всеми его услугами одолжен я был сердцу его, а не расчетам ума любостязательного. Да будет убо Бог мздовоздатель его за то добро, которого он так много опытов оказал мне и моему потомству.

МУРАВЬЕВ

22. Михайла Никитич. Попечитель Московского университета. Я с ним мало был знаком, но упомянуть о нем обязан, потому что в его время удостоился получить диплом на звание почетного члена Московского университета, с которым вместе приобрел право носить его мундир, и так всегда, когда я его надеваю, я вспомню г. Муравьева, которому угодно было почтить меня сим преимуществом.

ЛОПУХИНА

23. Анна Александровна. Тетка моя двоюродная по отце, вдова, урожденная княжна Долгорукая. Бывши случайно в Володимире, когда я еще был женат на первой жене моей и только что вступил в управление губернии, она раскудила подарить меньших детей моих тремястами рублей, которые, сколь ни уничижительно мне было принять, но, уважая родство, которое ей давало на

то право, тем более, что ей, по должности моей, никакого до меня дела не было; я остался ей благодарен за сие внимание и ласку к моим ребятишкам. Кроме сего поступка я никакого ни близкого знакомства, ни связи с ней не имел, и мы, как до того были, так и после, поныне остались друг от друга очень далеки. Сей ничтожный подарок был как камень, брошенный мне под ноги, о который я споткнулся и крепко ушибся. Триста рублей эти мне вечно будут памятны по их непредвидимым и ужасным последствиям. У Лопухиной был побочный брат, Рукин, которого она поручила в покровительство мое и просила определить к месту. Старинная вражда между нашими стариками²⁰, дедом моим, умершим на плахе, и братом его родным, отцом сей Лопухиной, вражда, которая не смягчалась и между потомками, ибо отец мой худо со всеми с ними был знаком, вражда, которой я сам был напитан с младенчества, не могла сделать мне приятным ни подарка Лопухиной, ни расположить меня к охотным ей и брату ее услугам; но, будучи еще в тех летах, в которые мы так легко обольщаемся героизмом великих подвигов, я почел себе в обязанности за подарок Лопухиной стократ больше ей отплатить, принудя себя, в удовольствие ее, сделать добро сыну, или потомку, ненавистного мне племени. Я определил сперва Рукина в приставы, потом и в полицмейстеры; он был расторопен, но без поведения. Я никаких проступков его не смел наказывать с надлежащей строгостью, боясь сам себя, чтоб под предлогом правильного взыскания не питать внутреннего расположения к мщению и не ожесточаться потому только, что он сын врага, и так старался, побеждая себя, снисходить ему. Побуждения мои, смею сказать, были чисты и благородны и текли из источника великодушного, но Рукин, худо образованный, воспользовался во зло себе моим снисхождением, попустил себя на разные беспорядки и довел участь свою до того, что его сослали в Сибирь, а я, по фальшивому понятию о моих поступках, в правительстве был признан сообщником в его шалостях и лишился службы. Вот что произвели триста рублей, которые тетка, полюбя малолетних ребят, бросила к ним в колыбель, и может быть, из одного чванства, а я, рабски покоряясь долгу благодарности, согрел, ради ее, змею за пазухой и был от нее жестоко уязвлен. Не странный ли промысел рока? Из всех людей, кои именуются в этом списке, может быть ни одного лица нет, с которым бы был я менее знаком, как с этой теткой, и никто, однако, не сделался для меня столь памятен по событиям, как она.

ТУРЧАНИНОВА

24. Александра Степановна. Дама, с которой я познакомился в Пензе; тамошняя уроженка. Подобных знакомств я имел очень много в жизни, и ничего в нем не происходило такого, чтоб заслуживало особенного моего замечания, но об ней говорю здесь исключительно для того, что она чрезвычайным случаем подействовала на мое воображение. Она некогда решилась, будучи в Москве, сесть в воздушный шар с воздухоплавательницей г-жой Гарнерень²¹ и подняться с ней на воздух. Зрелище было всенародное; путешествие их удачно кончилось. Такая отвага сделала Турчанинову известной повсюду, и, по необыкновенности

случая, я решился ее отличить от всех моих площадных знакомств и дать ей место в списке тех людей, кои произвели во мне какое-либо, горестное или приятное, но прочное впечатление, а Турчанинову я, конечно, не забуду, потому что и поныне не могу без особенного удивления представить себе такой резкий опыт неустрашимости в женщине.

САЛТЫКОВЫ

25. Князь Николай Иванович и княгиня Наталья Владимировна, урожденная княжна Долгорукая, сестра родная князя Юрия Владимировича. Первостатейные бояре российские, вельможи Екатеринына двора и высокопочтенные особы при императоре Александре I; ибо светлейший князь был вицерой²² всей России, когда император отлучался года на два от отечества во время французских походов. Сии две особы были так противоположны в свойствах и в самых отношениях ко мне, что я об них говорить стану отдельно.

Салтыков правил Семеновским полком, в котором я был года три адъютантом, следовательно, ежедневно хаживал к нему и, снискав его благоволение, пользовался оным до последних дней его жизни. Но сие благоволение было самое пустое и оказывалось токмо в наружных видах. Внутренно Салтыков любил только себя и неспособен был благодетельствовать, когда требовалась на то некоторая упругость в характере, настойчивость в поступках и твердость в правилах; он был тонкий политики и настоящий царедворец, ласков, приветлив, но пуст, когда дело доходило до настоящих услуг. Доколе я был молод и бегал к нему в покои во дворце, в котором он жил по званию наставника великих князей, он оказывал мне разные мелочные снисхождения, ничего ему не стоящие, как-то: отпускал меня в отпуск, давал мне отсрочки, приглашал на свои балы, и, по наружности судя, всякий думал, что я взыскан особенною его ко мне милостью. Доныне не уверишь иных, чтоб он не был мой благодетель; но я никогда не дам ему этой чести и, кажется, основательно докажу многими опытами, что он не только не сделал мне никакого существенного добра во всю жизнь свою, но даже и простыми средствами не воспользовался, от него единственно зависевшими, показать мне истинное в судьбе моей участие.

Когда ему повелено было воспитывать великих князей и составить для них штат, батюшка просил его назначить меня в число кавалеров, что совершенно зависело от него; он отыгрался самым бедным резонном, будто бы государыня не желает иметь при внуках своих фамильных людей, а дозвано было, что он не смел ни об одном ей доложить и принял тех, коих доставили фавориты и прочие случайные люди.

Поручил он мне обучать школьников, для забавы их высочеств, егерским экзерцициям²³. Я их возил несколько раз в Сарское село представлять великим князьям, ребячился с ними, и за все это не был, даже из учтивости, ни разу приглашен к их столу, что совершенно зависело от Салтыкова, но он, от излишней тонкости придворной, не смел даже наставить своих воспитанников быть со мной учтивыми.

Когда меня государыня определила в вице-губернаторы, публика отдала это

на счет Салтыкова протекции. Неправда, это произвело случайно мое отважное письмо к императрице, а ходатайства его ни малейшего не было.

Будучи, наконец, губернатором по имению его владимирскому, я оказывал ему всякие услуги, кои доказать могу его письмами, у меня сохранившимися, и он ни при каком случае не вступал за меня, не замолвил слова в мою пользу, а охотно брал на себя успех сторонних обстоятельств, приписывая оной своему старанию, когда его совсем не было; так, например: при пожаловании мне ленты он не прежде заикнулся министру, князю Куракину, о том, как узнавши, что она мне уже назначена, дабы вид дать, будто для него мне ее пожаловали. Неправда, хлопотал об этом Лубяновской, докладывал по порядку и справедливости министр, потому что мне сие отличие следовало, и князь поспел только тунне²⁴ принять мою благодарность из одного дворского лукавства, чтоб потешить суету тщеславного вельможи.

Таким-то образом поступал он, когда дело шло о доставлении мне каких-либо выгод по службе; с другой стороны, когда встречали меня злоключения, он никогда не подал мне руки помощи и отыгрывался пустяками. Когда Павел, рассердясь, выгнал меня из Пензы без причины, Салтыков никакого не оказал мне участия. В истории попа не смел за меня слова молвить, и при последнем следствии о мундирах, когда меня отставили, он коварно при мне плакал, а сам не действовал не только у государя, но даже зная, что Балашов меня теснит и имеет вес у двора, он не смел и ему заикнуться в мою пользу, будучи с ним за свой.

Таковы были случаи, в которых мог сей вельможа быть, так сказать, моим спасителем и, расточая мне тьму похвал в приватном отношении, публично не смел даже похвалить меня при людях, мне враждующих, ежели только они были в силе у двора. Для довершения сей исповеди оставляю последний и самый резкий опыт его эгоизма.

В отсутствие государя дошло до Совета дело о письме моем к Балашову на счет Сенатом наложенных на меня штрафов, и кн[язь] Салтыков не только не отклонил от меня публичный выговор в Сенате, но даже, несмотря на то, что издан был манифест, прощающий все, кроме смертоубийства, грабежа и лихоимства, пропустил и приказал исполнить определение Совета, по которому присуждено было мне сделать выговор за дерзкие выражения в означенном письме. Сим кончил князь все свои поступки против меня, потому что я уже не имел никакого с ним сношения, и он скоро умер.

Сын мой старший, ежедневно бывая у него в доме, читая ему газеты иностранные, во время его болезни, не мог добиться и того, чтоб он что-нибудь в пользу его сделал, и тот ничего в службе по его ходатайству никогда не получил.

Пусть судят теперь, чем я этому мнимому протектору обязан и должен ли я память его чтить. Охотно всякому и все, по християнству, прощая, не считаю себя, однако, обязанным праху его ни благодарностью, ни уважением.

Совсем другие чувства возбуждает во мне память супруги его. Прямо светлейшая дама, не по титулу одному, но по качествам души. Сердце человека глубоко; проникнуть в нем трудно, нам дано только по наружным чертам судить о внутреннем характере нам подобных. Княгиня Наталья Владимировна тверда в правилах, постоянна в отношениях и великодушна в поступках. Оставим ей не-

которые женские странности и причуды, но основные свойства ее были благородны, чувства возвышенны, характер мужествен; она оказывала мне особенную благосклонность и отличала меня от многих в обращении. Язык мой не произнесет на нее хулы вовеки; нередко я удостоиваем был самой искренней ее доверенности насчет поведения мужа ее при дворе, которого трусость и уклончивость она видела с отвращением. В случаях несчастных для меня всегда принимала во мне живейшее участие, побуждала супруга своего действовать в мою пользу и с сокрушением примечала слабость его характера, когда он должен был мужаться и возвышать голос. При последней моей отставке она так растрогана была моею судьбою, что на простом лоскутке бумаги начертила мне несколько строчек, в которых виден весь беспорядок чувствительности раздраженной; она именно пишет: «Не прощайся со мной: я не могу тебя видеть без сострадания». Эта коротенькая записка хранится у меня, как дар неоцененный, как плод ее милости и внимания ко мне, коих вовеки не забуду. После этого я уже ее и не видал, ибо она скоро скончалась от беспрестанных волнений сердца, производимых неудачами политическими и в союзах, и в брани двора нашего с Наполеоном. Сколько я мало сохранил преданности и почтения к имени князя Салтыкова, столько, напротив, доколе уста мои отверзутся и язык возглаголет, не престану чтить доблестей супруги его и молитв Всещедрого о ниспослании ей вечного блаженства за те благие дни и отрады, кои я находил в беседе, в наставлении ее, в увещаниях христианских, среди самых злейших наитий рока на меня.

КОЛОГРИВОЙ

26. Степан Иванович. Племянник мой двоюродный и искренно преданный мне человек. Приязнь открывается опытами; он имел случай оказать нам оный и с усерднейшей готовностью то исполнил. Когда я лишился меньшей дочери своей и не мог остаться в своем доме, представляющем столь плачевное зрелище, он, живучи в Москве на квартире, вызвался одолжить меня ею и перевез меня к себе. Там я провел первые дни моего уныния в возможном спокойствии; он истощал все средства облегчить горестное мое положение, и не прежде согласился отпустить меня в мой дом, как когда я мог собраться с духом въехать в оный. Такой знак истинного родства и дружбы я никогда не забуду, а с воспоминанием о потере милой дочери всегда рядом станет в моем воображении мой добрый Кологривой.

ТАВАСТ

27. Шведский штаб-офицер. Знакомство мое с ним началось и кончилось в шведском походе. После Саватайпольского сражения, которое одержано было 24-го мая, до самого замирения, последовавшего в начале августа, беспрестанные были сношения военных властей наших с шведскими, и вся переписка Игельстромова с Армфельдом должна была доходить к нему через Хрущева, генерала того деташамента²⁵, который стоял на границе, именно в Саватайполе, и

в котором служил я с своей ротой. Хрущеву для доставления сих писем нужен был офицер, знающий иностранный язык; жребий пал на меня, и я почти каждую неделю посылан был с трубачем на шведские форпосты. Тут-то я познакомился с Тавастом, и мы так хорошо свыклись между собою, что во все лето, когда ездая к ним я на переговорку, вызывал Таваста, а когда он приезжал в наш корпус с ответом, то спрашивал меня. Мне до сих пор памятен весь обряд наших свиданий; его взвод заедет ко мне в тыл, мой к нему также, оба взведут курки и в этом положении стоят, пока мы толкуем. Сперва это приводило меня в какой-то ужас, от которого я старался сокращать наши беседы, но потом мы так к этому пустому церемониалу привыкли, что иногда добрый час, ходя между взводами, как в зале, взад да вперед, о всякой всячине разговаривали; я с удовольствием вспоминаю и теперь наши тогдашние свидания. Однажды мне случилось очень тяжело быть обмануто моим генералом, и совершенно против воли его. Он узнал, что наш флот линейный разбил шведский, и захотел этой славной победой похичиться перед шведами; тотчас меня верхом с нарядной свитой отправил сказать об этом в их лагерь и велел приметить, как эта весточка на них подействует. Я приехал, вызвал Таваста и с торжественным видом объявил ему о новых успехах нашего войска; Таваст, выслушав меня со всею скромностью, отвечал мне на мое самохвальство, что он уже об этом знает, да также известно им и то, что на другой день нашей победы король их также атаковал сам лично наш гребной флот под командой принца Нассау, и так его разбил, что одних пленных штаб и обер-офицеров до ста пятидесяти человек у него назавтра обедали. Это меня так поразило, что я не знал, что сказать, и, внутренно браня генерала за такую глупую посылку, возвратился домой, стыдясь и богатых своих чепраков, и великолепной свиты. Приехавши назад и войдя в ставку Хрущева, застал уже его за столом с генералом Ферзенем, который, без меня приехавши, рассказал ему об этой неудаче русского флота, вознаградившей шведскую, претерпенную ими накануне. Таваст не солгал, все было справедливо. Хрущев, не давши мне рта разинуть, понял смущение лица моего и закричал: «Все знаю, все знаю! Жаль, что похвастались не в час». Эта поездка едва мне не сделалась пагубной, потому что я, услышав такую ужасную весть от Таваста, хотел доказывать ему, что это быть не может, вошел в горячий спор, и если б он не был благоразумнее и рассудительнее меня, то, может быть, мы бы тут же, в виду наших трубачей мирных, открыли между собой поединок. Таваст только пожалел о фанфаронстве моего генерала и принял участие искреннее в моем замешательстве, которое долго, однако же, меня не возбуждало снова ехать в шведский лагерь. По замирении я уже нигде не видал Таваста в шведском войске при короле, и чаятельно мы никогда друг друга не встретим.

ИЗРАИЛЬ

28. Архимандрит Нижеломовский, а потом Макарьевский, где он недавно скончался. Он родом был из дворян, по фамилии Данилов, сын секретаря Пензенской казенной палаты, записан был в гвардию, вышел армейским офицером в отставку и, молод еще, пошел в монахи. Он имел редкий талант нравиться на-

божным барыням, отличая тех из них, которые были помоложе и с состоянием, и талант сей, кажется, возделывал тщательно; многими пожертвованиями, кои делались ему в честь его смиренню, он украшал те обители, коими проходил до архимандричьей митры. Нахлобучив ее, скоро получил и орден Св. Анны 2-й степени, был духовником знаменитого вельможи, князя Куракина, и его представлением поставлен на виду Синода. Вот что такое был Израиль! Я с ним сошелся знакомством в Пензе, когда он был еще простым монахом в глухой пустыне; будучи вице-губернатором, я имел случай быть ему полезным, и потому мы, сделавшись там приятелями, остались таковыми до последних дней его жизни. Если б я говорил не о монахе, то много бы привел себе на память приятных вечеров, лакомых обедов и занимательных посиделок, которые разделял я с ним там и сям в Пензенской губернии, где он, между прочим, постригал Новикову прекрасную в монахини²⁶, а я в тот же день сочинял лирическую песнь в память ее самоотвержению, но как Израиль уже умер, то древняя пословица «De mortuis aut bene, aut nihil»^{*27} заставляет меня с умилением пожелать ему вечного блаженства. Мир его праху!!!

ХЛОПОВА

29. Анна Ивановна. Молоденькая, хорошенькая девушка, в которую я влюбился в театре. Не прогневайтесь; так случилось. Это дурачество продолжалось целую зиму. Я к ним не ездил и только мог видеть ее в театре, ибо у матери ее была ложа годовая, а я был еще мальчик; так как мне не всегда давали довольно денег, чтоб платить всякой раз за вход в театр, то я нарочно пригонял к тому времени, как бывал из театра разъезд, заверну в него и дожидаюсь ее в коридорах. Тут, при выходе из ложи, встречу ее, солгу, что я был в партере, возьму за руку и провожу до кареты, отпущу ей слова два о своей страсти, тяжело вздохну, пожму беленькую ее ручонку и, посадя в карету, поспкачу домой удивительно как счастлив и целый вечер там от радости улыбаюсь. А когда не было театра, то я, зная, где их дом, ездил раз по пяти в сутки мимо, в чайнии увидеть ее под окошком. Амур мой был так прост, что я не умел и этого разобрать, что зимой, за двойными окончинами, кои снегом занесло и морозом заиндевело, никакой барышни из кареты не разглядишь, ни самой Венеры. Так дурачился я и волочился за ней целую зиму; после никогда и нигде ее не видал. Говоря о ее семействе, помещу здесь анекдот весьма любопытный насчет ее матери. Она женщина была добрая и, как думать надобно, проста в обычаях. Я был еще сущий ребенок и болен к смерти; мать моя в горях страшных. Одного сына терять ужасно! Приезжает как-то старушка Хлопова к нам с визитом, застаёт матушку в отчаянных слезах, узнает причину и предлагает ей купить меня, говоря, что сим средством часто исцеляются малолетние дети. Суеверие пустое, но на что не согласится мать, которой жаль ребенка? Матушка меня продала, взяла за меня гривну. Что же вышло? Я действительно выздоровел и живу, слава Богу, шестой

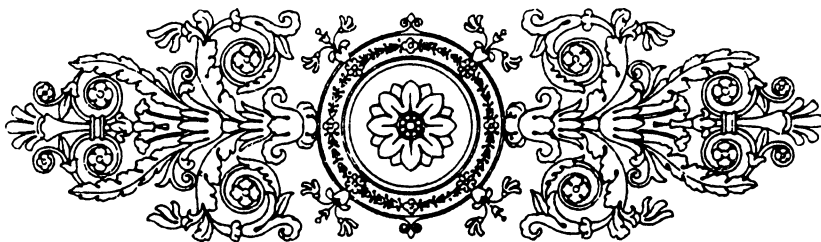
* «О мертвых хорошо, либо ничего» (лат.).

десяток, а бедная Хлопова, имевши четырех дочерей, всех перехоронила на возраст и одна осталась как перст; все померли чахоткой. Та самая, в которую я был влюблен, Анна, успела выйти замуж и в молодости умерла. Странный, но резкий случай роковой! Когда после того г-жа Хлопова выдалась с матушкой, всегда напоминала ей этот случай, говоря: «Ну уж соком вышла мне моя покупочка!» Она, я думаю, бедная, более и чаще вспоминала обо мне, нежели я о любезной дочери ее, когда театры перестали быть для нас местом ежедневного свидания.

ВЯЗЕМСКИЙ

30. Князь Александр Алексеевич. Знаменитый и долговременный генерал-прокурор при Екатерине. Отец мой служил под его начальством и был им уважаем. При появлении моем в Петербург батюшка тотчас меня ему представил, и это было первое мое знакомство. Я постоянно ездил в дом его и пользовался ласковым приемом. Потом довелось мне и служить в гражданской службе еще в его время, но уже он почти не действовал, разбит будучи параличом. Я нашел его в самом жалком положении, когда, для формы, представлен ему был в звании пензенского вице-губернатора; он катался по зале своей в колясочке и едва меня узнал; все мое обращение устремилось тогда к Васильеву (см. лит. В). Семейство кн[язя] Вяземского было большое; жена его любила иностранное общежитие, несколько дочерей, богатых невест, привлекали молодежь, а старики езжали к князю наслушиваться государственных соображений. Посещения мои в этом смысле были для меня очень полезны; я и забавлялся по вечерам на их домашних балах, и учился со временем быть штатским чиновником. По сим выгодам нельзя не упомянуть мне здесь об этом вельможе, у которого, впрочем, я не могу вспомнить ничего приятного для сердца. У меня хранятся доныне несколько писем его к отцу моему, из коих видно, что он умел ценить его труды и был к ним признателен.

ДЕКАБРЬ

СТРОГАНОВА

1. Сегодня крещен при дворе сын мой первородный и, по отношению к сему действию, выставлено имя матери его крестной.

Баронесса Наталья Михайловна. Тетка моя родная, вдова меньшого брата матери моей, барона Сергея Николаевича. Она была восприемницей сына моего Павла. Его крестили в маленькой придворной церкви. Надобно было привезти младенца туда кому-нибудь из родственников, а не маме одной с бабушкой. Я просил тетушку, и она охотно взяла на себя этот труд. Кому противно ездить в царский дом? Павел, наследник, увидя ее в церкви, пригласил быть с ним кумою: и так она, вместе с ним, прошла около купели. Недавно скончавшись, она, по завещанию своему, изволила пожаловать этому крестнику тысячу рублей, от такого большого состояния, какое оставила она, умирая бездетна, ибо сын ее единородный, несчастный человек, умер за несколько времени до нее, лет сорока, будучи уже давно и слеп, и недвижим. Вот все, что я могу сказать в воспоминание сей родственницы; сын мой не смел не принять столь ничтожного подарка и унижительной, смею сказать, милостины. Вопрос: если бы Павел мой был генерал-адъютант, осмелилась ли бы бабушка его и мать крестная, раздавая лекарям и другим таким же родственникам по пятидесяти и по сту тысяч из одного тщеславия, осмелилась ли бы она пожаловать тысячу рублей? Думаю, что нет! Что ж сказать о сем, соображая, что племянник сей оставался без фортуны и только был надворный советник без протекции? Что сказать? Пожать плечами и молвить старинным русским языком: «Бог с ней!»

ФЕТТЕР

2. Иван Андреевич. Отец его был штаб-лекарь и лечил весь наш дом; у него было два сына. Когда Совере, мой учитель, собрался в свою родину, он, по просьбе моего отца, взял их с собою на корабль и отвез в германский университет; там они воспитавшись, воротились сами по себе в Россию, один из них умер, а Иван остался жив, был записан в гвардию, отставлен полевым офицером и приютился ко мне, как я ехал в Пензу; там он жил в моем доме, и, по желанию его, окрещен мною из лютеранского в наше исповедание. Я его определил к месту, потом же-

нил на молодой девушке с некоторым достатком; с ней он прижил несколько детей, и в это время, как я служил в Соляной конторе, переведен в смотрители на Балахонский завод. Нигде и никогда он от меня не отставал. Во время моего губернаторства он, с женой и семейством, перебрался ко мне в Володимир, и тут я его пристроил к Инвалидному дому, дав ему место надзирателя. Здесь он овдовел и, несколько лет спустя потом, женился на племяннице родной второй жены моей, Александре Ивановне Пожарской, почему и сделался уже из клиентов моих, так сказать, мой родственник. По отставке моей он втерся в исправники и, потеряв мой надзор, начал портиться, привык гулять и пить и, разойдясь с своей женой, слонялся несколько времени по разным уездам, и привезен больной в Москву, где в больнице несчастным образом жизнь кончил. Я в нем всегда принимал участие и жалел о его худом поведении, но, не имея уже на него такого бдительного и строгого влияния, не мог воздержать его и с соболезнованием узнал о его смерти, которая была следствием беспорядочной жизни после нашей разлуки.

ЧЕБОТАРЕВ

3. Харитон Андреевич, профессор университета. Батюшка его узнал еще в молодости его; он был студентом и давал нам уроки. Он меня выучил латынскому языку и доставил мне случай слушать университетские лекции, которые тогда преподавались в оном по-латыни. Чеботарев экзаменовал меня при вступлении в университет и удостоил студенческого звания. Я продолжал у него обучаться и там. Он сочинил ту речь, которую я произнес с кафедры в торжественном собрании по случаю рождения нынешнего императора. Всякий год после экзаменов я удостоиваем был получать за успехи в классе его какое-нибудь награждение. Он со мной обходился как человек, искренно меня любивший. По его рекомендации я был наименован авскультантом¹ Вольного российского собрания, которого он был членом, словом, я ему обязан как успехами моими в образовании по университету, так и всеми приятными преимуществами, коими я в оном отлично пред другими пользовался. Он остался мне хорошим наставником и после окончания наук, посещал дом наш, принимал меня дружелюбно к себе; по делам владимирской гимназии переписывался со мной, просто, без этикетов, способствовал печатать разные мои произведения и до конца дней своих не переменял приятных со мной поступков. Я часто посещал его в параличном его недуге, и он со мной беседовал непринужденно. Я с сердечным сокрушением узнал о его кончине и проводил гроб его до Ваганьковского кладбища, на котором, когда бываю, всегда вспомню его и с умилением помолюсь о упокоении души его.

ДОЛГОРУКАЯ

4. Княжна Варвара Николаевна. Отцы наши долго были в ссоре по причинам, коих начало искать должно в ссылке моего деда и сиротстве моего отца, но под старость батюшка с этим домом примирился, и я был в его ввезен еще мальчиком. Тогда я сошелся склонностью и вкусом с княжною, которая по

родству доводилась мне быть теткой, но мы почти росли вместе; я привык ее любить, привык к ее приятному сообществу и сделался так короток у них в доме, что находил необходимость видеться с княжной почти всякий день. Между нами не было никогда романтической связи, я не был в нее влюблен, но, горячо привязавшись к ней, любил делить и веселье ее, и печали. Она воспитана была наилучшим образом, умна от природы, одарена рассудком, который от опытов сделался тверд и основателен; беседа наша была взаимно нам полезна; мы с ней часто читывали вместе, сообщали друг другу свои познания, забавлялись приватными театральными зрелищами, не для публики, а собственно для нас и удовольствия ее ближних, словом, мы свыклись и сделались хорошими друзьями. Так продолжалось наше знакомство лет двадцать с лишком. Я отъезжал на службу в Петербург, потом удален был от Москвы лет пять в Пензе, наконец жил десять лет в Володимире, и ничто не переменало нашего обращения. В разлуке мы часто друг к другу писывали; увидясь, беспрестанно повторяли свидания, и казалось, что самое время скрепило союз сердец наших до гроба в той силе, в какой оно было нам прилично и по родству, и по согласию характеров. В книгах моих напечатаны многие стихи, коими я дарил ее в дни семейного праздника². Когда я был в Володимире, она приезжала навещать жену мою в первой ее болезни и прогостила у нас с теткой моей, а ее сестрой, Лопухиной, дни три. Все сии опыты приязни укрепляли нашу дружбу; я готов был ручаться головою, что ничто ее не ослабит, но поздний и горестный опыт доказал мне истину пророческого слова: «Всяк человек лож!»³. Когда меня отставили из губернаторов и возвратился я в Москву, княжна не приняла никакого участия в униженном тогда моем положении и ни разу меня не посетила; я более был этим тронут, что ни от кого не ожидал столь скорых и действительных отпад, как от нее. Что было причиной такой холодности, можно сказать, жестокой? Не знаю и доныне. Она была свободнее в поступках своих, нежели когда-нибудь, ибо, лишась отца, матери, живучи сама собой в девушках и перейдя границы молодости, могла располагать временем своим, как хотела. Соединясь теснейшей дружбой с старинной приятельницей своей, княжной Хованской, она не имела причины, ни нужды жертвовать ей моим знакомством. Я не искал ни наследства после княжны, ни даров ее, ни денежных пособий. Я хотел быть ее другом, и у Хованской желание мое не могло отнять ничего из выгод, от связи ее с княжной ожидаемых. Как то ни на есть, первый сей опыт равнодушия княжны к угнетенной участи моей сильно на меня подействовал. Он повторился еще двукратно при других весьма важных случаях, и в которых друг бывает нужнее, чем в обыкновенном общежитии. После отставки моей скоро загорелась война с французами; они взяли Москву, жили в ней, сожгли город, ограбили обывателей разбежавшихся, в числе коих был и я с моим семейством; по возврате многих из нас в прежние наши жилища, княжна, принявши какой-то новый род жизни, уединенной и подражательной французскому тону, бросила все обычаи русских семей, пренебрегла всеми отношениями родства и, смею сказать, приличия, и после такой общей беды не удостоила меня исключения и не рассудила, как друга старого (я уже не говорю, как родню, слово, сделавшееся тогда без смысла), посетить меня, проведать, где я, что со мною делается, цел ли мой дом, сохранил ли я мир-

ную и убогую крышку свою на общей с ней родине? Все это сделалось недостойно ее забот и внимания. Скоро потом я лишился матери; княжна и тогда, по принятому и веками освященному закону общежития, нимало во мне не интересовалась, и я ее в глаза не видал. Проведя в такой остуде года два, я выключил ее из моего знакомства и старался забыть ту приятнейшую связь дружества, которой я долго гордился как чудным примером в наши дни постоянной свычки. После таких опытов холодности не должен ли я был удивиться, получа вдруг от княжны записку, в которой она, жалея о долгой нашей разлуке, приглашала побывать к ней назавтра? Слог записки этой был таков, как будто бы мы с неделю только не видались и недавно еще сообщали друг другу свои сокровенные мысли. Самая дружеская цыдулка! Я ею был изумлен до крайности, и на записочку сию, собравшись с духом, написал пространный ответ, в котором, откровенно изложив непристойность обращения княжны со мной, решительно просил ее забыть меня навсегда и оставить меня в покое; ибо дружество, потерянное раз такими резкими пренебрежениями, уже не возобновляется, а видеть себя в ее обществе в качестве только светского краснобая, которого многие привлекают для прогнания скуки, я не могу, не умею и не расположен, и так с тех пор вот уже шесть лет мы нигде не встречались. Строгое ее уединение, по большей части в подмосковной и изредка в Москве, удалило всякий случай нам видеться и примириться. Уповательно, мы столь же далеко сердцами проведем остальные дни жизни нашей, сколь тесно соединены были ими на заре и в лучшее время нашего существования, однако я всегда буду то время помнить как лучшее в молодости моей, всегда буду сожалеть о разрыве той приятной свычки, в которой я проводил с лишком двадцать лет, но и сия долгота времени не предохранила наших отношений от общих колорватностей мирских случаев и расчетов. Таковы люди! Тужить о том естественно, а переделать их невозможно.

ГАРТФЕЛЬД

5. Фрейлина принцессы Виртембергской, родной невестки императрицы Марии Федоровны. Имя ее мне напоминает забавный ответ, который я дал ее высочеству на спрос довольно яркий, с какого умыслу я ссудил ее фрейлину для чтения романом «Элоизы»?²⁴ «Для того, – сказал я очень спокойно, – что в те лета, коих достигла ваша фрейлина, можно без опасения читать всякую книгу». Принцесса очень косо на меня поглядела, и тем кончилось. Подлинно, г-жа Гартфельд была немочка непригожая и в летах; после, по некоторым догадкам, заметил я, что принцессе хотелось навязать мне ее на шею, ибо во время вечеровых игрушек у двора в жмурки как доходила до меня очередь ловить с завязанными глазами, я ищу Смирной, а мне попадается Гартфельд, потому что принцесса изволит ее подталкивать в мои объятия, однако я от этой напасти ускользнул, не подав никакого повода к явному на себя приступу, и с тех пор этой барышни нигде не видал.

МАШЕНЬКА

6. Первая горничная девушка покойной жены моей, при которой она вошла ко мне в дом. Она была немецкого происхождения, верна в услугах и очень привязана к Евгенью, которая не могла долго без нее обойтись. Я никогда на забуду того смешного происшествия, как жена моя, в первую ночь после нашей свадьбы, потребовала, чтоб Машенька ее ночевала у ее кровати; та, будучи в летах уже и, следовательно, опытнее жены моей, которая, по новости ее положения и совершенной простоте во нраве, не могла решиться остаться одна с мужчиной на ночь, хотя этот мужчина был ее муж, та, сколько ни отговаривалась, не могла отбиться до тех пор, как я дал ей способ ускользнуть невзначай вон из нашей спальни. До сих пор помню их общее тревожное в эту минуту и мой тогдашний неумеренный смех над обеими. Жена принуждена была наконец совсем с ней расстаться, ибо Машенька, по болезненным припадкам, уже не могла быть при ее услугах, а как она была вольная, то и должны были мы ее отпустить. Время все пожинаяет, и барыня скончалась! и Машенька ее там же!

РУБЕЦКАЯ

7. Софья Николаевна, дочь побочная князя Трубецкого, милая и несчастная девушка! Я с нею виделся почти всякий день несколько лет сряду у княжны Волконской, где она игрывала с нами комедии по-русски и по-французски с одинаковым искусством и отлично нравилась в роли *Céliante*⁵. Она была непригожа, но крайне привлекательна, и я любил ее без всякого восторга, но всей душою. Она имела приятный голос и, образовав его новейшей методой, певала, как ангел, обучалась многому с успехом. Я ей посвятил все собрание песен моих, которые напечатаны и между коими иные собственно ей принадлежат. Она скончалась в девушках, без судьбы, без состояния, и заслужила, чтоб всякий, кто ее знал, потужил об ней искренно. Трогательный голос ее поныне отзывается в ушах моих, и ни одна певица из охотниц не владела так моим чувством, как она. Да! Сонюшка Рубецкая никогда не истребится в памяти моей, доколе я буду помнить, что я был молод и некогда имел веселые дни в жизни; кроме того, что она, принадлежа к сообществу княжны Волконской, имела право на мою приязнь; ибо все, что окружало княжну во время очарования моего, все мне было любезно; независимо от сей волшебной причины Рубецкая была мне мила сама по себе и по приятным ее дарованиям. Не я ли про нее написал и подтвердить всегда готов:

На что в безумии стараться
Восток с полуднем соединить?
Чтоб вечно в радости смеяться,
Довольно Сонюшку любить!⁶

КОЧУБЕЙ

8. Граф Виктор Павлович. Министр внутренних дел. Он первый получил сие звание при образовании министерства в России, и в его заведывание вошли все губернаторы, в том числе и я. Во всю службу мою я не могу вспомнить времени, в которое бы она столь приятна была для меня, как под начальством Кочубей; я находил честь и удовольствие зависеть от него. По мнению моему, не было министра в России просвещеннее его и способнее к его званию. Сам он обходился с губернаторами благородно и без надменности. Холоден от природы, он не допускал ни которого из них ни к какой короткости с собой, но всегда был вежлив и благопристоен. В письменных его сношениях не было никакой суровости: приятно было исполнять его приказания; он не играл службой, а исправлял ее со всей возможной деятельностью; не кичился своим титулом, но всю его тягость понес и разделял нашу неослабно, был строг с разборчивостью, никогда злобен или спесив. Канцелярия его наполнена была людьми опытными в делах, сведущими в познаниях теоретических и ко всякому благосклонными, словом, служить под ним было истинное удовольствие; труды имели награду, усердие свою цену, ходатайство – успехи; утеснение – защиту, и не тщетно летали к нему наши представления; всякое было уважено, по возможности исполнено или отринуто без желчи и с изъяснением доводов, на кои не оставалось места возражению. Я лично отменно был счастлив его ко мне благорасположением; всякое отношение мое удостоено было его внимания. Во все четыре года, что я зависел от него, я не имел двух раз отказа в моих требованиях. В течение сего времени я был два раза в Петербурге и до пяти аудиенций приватных у него выдержал; он любил говорить о делах губернии, расспрашивал обо всем, что до нее касалось, не сбивался в посторонние материи, но, очертя круг своего разговора, всегда находил в той губернии, о которой давался ему отчет. После всякой такой беседы я выходил от него сугубо доволен его обращением. Я шел к министру и находил его в Кочубее. Всякий год мы обязаны были доставлять ему отчеты письменные, которые составляли важную часть издаваемых при министерстве его журналов во всеобщее сведение. Сими журналами ознакомилась публика с губернаторами и статистикой Российского государства, которая при нем сделалась известною. Кочубей искал всячески обратить на начальников губернии особенное внимание государя. Я ежегодно удостоивался счастья получить по несколько рескриптов за собственноручным подписанием его величества. Под его начальством я получил, при весьма лестном рескрипте, столовые деньги сверх штата и пожалован в чин тайного советника. По его предательству сыновья мои отпущены были в чужие края обучаться в самое критическое время; старший из них, не теряя и там службы, а числясь заочно при мне, получил чин коллегии юнкера. Такие знаки доброхотства привязали меня навсегда к Кочубею, а паще всего тронуло меня утешительное письмо, писанное им ко мне в то время, как я лишился первой моей жены. Это уже не принадлежало к публичному нашему званию, а служило доказательством личного его благорасположения ко мне, которого я не забуду во всю жизнь мою. По подобным деяниям откажу ли я Кочубею в названии его моим благодетелем? Конечно, он был таким, и я приобрел сие преимущество не по давнему какому-либо с ним придворному знакомству, а точно по удостоению трудов моих и службы, оценки выгодной с его стороны. При увольне-

нии его от министерства он писал ко всем губернаторам циркулярные письма, в коих, расставаясь с ними, благодарил за споспешествование ему в исполнении собственных его обязанностей их деятельными трудами; сям последним поступком он до того меня растрогал, что я едва не решился оставить тотчас места своего и выйти в отставку, но обстоятельства семейные не допустили меня оказать ему столь глубокой приверженности, основанной на искренних чувствах почтения и уважения к нему, которые сохраню до конца дней моих ненарушимо.

ГЕНДРИКОВА

9. Графиня Софья Ивановна, предмет некогда моих пустых вздохов. Я за нею волочился при первом моем появлении в свет, будучи в штате тогда главнокомандующего в Москве простым напольным офицером и лет шестнадцати. На балах в его доме я беспрестанно увивался около графини Гендриковой, которой тогда было лет двадцать с лишком; я ей разные оказывал домашние прислуги: попросит пить, я ей добыю лимонаду, вместо морсу или меду; тогда народ был неприхотлив! Захочет танцевать, и молодцы гвардейские не поднимают, – я тотчас тут и с нею променад пляшу; сижу на бале, пока мать ее, старушка, соберется ехать, спрыгну тогда на улицу, отыщу их людей, велю подавать карету, сведу ее с лестницы, посажу в колымагу и с жаром поцелую у нее руку. Вот мои с этой графиней похождения; они не приносили ей убытку, ни мне пользы, но приятны были в то время и до нынешнего с удовольствием на мысль приходят.

ЗИНОВЬЕВ

10. Михаила Николаевич. Стихи меня с ним ознакомили и сделали нас хорошими приятелями под старость. Он ведет со мной дружескую переписку; живучи всегда в орловской своей деревне, мало имеет случаев со мной лично видеться, тем занимательнее наши сношения. Он так меня любит, что без восторга говорить о произведениях моих не может. Недавно он, переведя осмую сатиру Буало⁷, поручил ее моему рассмотрению и потом, напечатав оную, посвятил мне с приветствием в стихах. Я также часто к нему писал деревенские послания, из коих можно видеть степень нашей взаимной короткости. Бог знает, долго ли протянется это новое мое отношение, но поелику оно началось уже за пятьдесят лет моей жизни, то, вероятно, не подвергнется изменениям слепого случая, тем более, что и он уже немного отстал от меня годами.

КАРАМЗИН

11. Николай Михайлович. Российский историограф. Не имея с ним ни связи, ни близкого знакомства, хотя по временам мне случалось бывать с ним в одних и тех же домах в частом обращении, как, например, у княгини Гагариной, после Кологривой, и у княжны Натальи Сергеевны Долгорукой. Упоминаю здесь об нем только потому, что я случайно имел с ним переписку о гробах великих кня-

зей, погребенных в разных церквах и обителях Владимирских; о сведениях, какие я мог ему доставить, он рассудил упомянуть в примечаниях на свою историю. Там же, говоря о Киеве, он приводит на мысль читателю бабушку мою, схимонахиню Нектарию, и по сим строчкам, касающимся до меня, в знаменитом его творении, я внес имя его в сей домашний памятник.

БУТЕНЕВА

12. Благородная девушка, жившая в доме княгини Варвары Юрьевны Горчаковой, выданная оттуда замуж за чиновника мелкого, г. Эри. Она, по любезности своей, заслуживала лучшей участи. Вот случай, по которому она незабвенно останется в памяти моей. В те лютые для сердца моего часы, в которые погребали тело меньшей моей дочери, милой Евгешы, и я один с моей женой сидел заключен в чужих стенах без чувств и помышления, сострадательная эта девушка одна приехала к нам поутру, не отходила от меня, вспомоществовала мне лекарствами во время сильных моих нервических потрясений, и я во всю жизнь мою не забуду той рюмки гофманских капель⁸, которую она мне, в сии несносные минуты, насильно влила в горло, заливаясь сама слезами. Подобные движения означают полный характер человека, и, вспоминая дочь мою, я всегда представляю себе глазами воображения почтенную Бутеневу как образец чувствительной женщины, в самом верном смысле слова.

КУРАКИН

13. Князь Александр Борисович. Отношения мои с ним основаны были на личном интересе, и потому не могли быть ни прочны, ни полезны, ни приятны. Если б я писал здесь его биографию, то много бы поместил презабавных анекдотов насчет его сиятельства, но я упомяну, следуя моей цели, только о том, что связи моей с ним принадлежит. Он был первый и ближайший любимец наследника престола, Павла, и при дворе его знал меня и жену мою как молодых людей, которые тешутся на театре. Когда Павел принял престол, кн[язь] Куракин мгновенно призван ко двору, из оставших камергеров скоропостижно произведен в канцлеры 1-го класса, обогащен имением, изукрашен разноцветными орденами, следовательно, вышел большой барин, но пока царствовала Екатерина, которая его не жаловала, он принужден был скрываться в своих пензенских и саратовских вотчинах и вел жизнь самую потаенную. Определясь в вице-губернаторы в Пензу, я скоро попал в близкое с ним знакомство, ибо он был поставщик и откупщик, следовательно, в том и другом упражнении имел нужду в моем покровительстве, к которому прибегал весьма часто, не разбирая ни чинов, ни этикетов; я, из уважения к особе великого князя и зная их дружескую связь, старался оказывать ему разные услуги, иногда и с большой ответственностью, за что князь казался мне человеком преданным до гроба. Куча писем его ко мне в то время были свидетельством того, что для выгод и корысти своей князь способен был написать все, что угодно, не щадя самых сильнейших выражений дружества.

По счастью, я на это никогда не полагался и при перемене обстоятельств его не был им обманут. Я очень знал, что придет время, в которое князь первый оправдает следующие мои стихи:

Кого чуть солнышко пригреет,
Тот редко, редко, разумеет,
Что многим очень студено⁹.

Но, признаюсь, никак не ожидал того сильного переворота судьбы моей, который последовал именно от него. Во время службы моей в Пензе революция французская была в самой пущей своей силе; она не нравилась князю Куракину, а я, как энтузиаст, пленялся софизмами гг. философов и равнодушен был к их успехам. Тогда во Франции брошены титлы, наряды, ордена; я, находя это очень покойным, перенял моду не чесаться и не пудриться. Отличительная наружная черта республиканца в Париже; по ней судил меня слишком бегло кн[язь] Куракин и утвердился в тех мыслях, что я якобинец, как будто бы помада и пудра, или цвет шапки, делают человека и образуют его характер. Случилось как-то, когда кн[язь] Куракин был в Петербурге, в коротком сообществе с великим князем, что речь зашла нечаянно об нас. Их высочества, вспомяв прежние милости свои к нам, пожелали узнать, как мы поживаем в Пензе. Тут кн[язь] Куракин с соболезнованием сообщил великому князю свои обо мне заключения. Павел был напуган уже потоком революции; это внушение подействовало на него, и он убедился, что я преопасный гражданин и, как говорилось тогда, «un républicain enragé»*. Довольно было того несчастного впечатления, чтоб погубить меня со временем совершенно. Куракин от простоты этого не разобрал и сделался причиною многих тяжких для меня неприятностей. Павел, взойдя на престол, тотчас выключил меня из службы, в которую я с большим трудом вступил после опять, но во все царствование его был гоним и обижаем собственно им самим, а кн[язь] Куракин, попавши ко двору в вельможи, скоро позабыл меня; прекратилась наша переписка, остыл жар его приязни, и превратилось сердце его в ужаснейшую льдину. Так-то рвутся связи наши житейские, когда не что иное, как подлая корысть, бывает им причиною. Впрочем, мне всегда приятно будет вспомнить время моего знакомства с князем. Он так выучен был твердо придворному тону, что, не любя меня нимало, умел казаться искреннейшим мне другом. Мы часто угощали его у себя и угощались у него превосходство. Чего не происходило в честь нашу в поместьях Павловском и Надежине? Мы ему давали театры, а он нас забавлял балами, на которых, собравши всю свою дворню, разыгрывал при ней роли немецкого принца и мечтал, что он при дворе. Любил пирушки и давал нам, мужчинам, такие обеды, за которыми сидя, мы часто воображали, что мы не у князя, а у откупщика собраны в богатую гостиницу. Тут и хозяин, и гости бывали часто так пьяны, что не умели ни дверей сыскать, ни без помощи слуги сесть в свою карету. Это называлось на языке князем «des diners à huis clos»**. Хотя весь город бывал свидетелем такого подлого соблазна, но для лишнего рубля доходу чего не сделает любостяжатель, хотя бы он был потомок ста поколе-

* «заядлый республиканец» (фр.).

** «закрытые обеды» (фр.).

ний рыцарских? Можно ли описать и исчислить все те сплетни, дурачества, проказы, в коих, во дни оны, кн[язь] Куракин был или первое действующее лицо, или иногда страдательное, а всегда более или менее главная побудительная причина? В знак отличной своей ко мне приязни он изволил мне подарить портрет из масляных красок покойной великой княгини Натальи Алексеевны, который я храню, как драгоценность, не по воспоминанию, однако, княжей ко мне лукавой ласки, а по благоговению моему к особе, которой холст изображает передо мной живейшие черты ума и добродетели, вылитые на лице ее самой природой. Между посланиями моими в стихах, кои напечатаны, есть одно к швейцару¹⁰; оно написано в Пензе, и я должен откровенно повиниться, что я в нем описывал кн[язя] Куракина, и многие стихи относятся прямо к нему и к образу его жизни. Из них можно будет видеть, что я князя, гораздо прежде случая его, проник, выучил его твердо и уверен был, что он тотчас оборотится ко мне спиной, как скоро фортуна прямо кинется ему в глаза. Так и случилось, и оттого я с хладнокровием перенес чудную перемену обращения его со мной, когда он из ничего сделался – нечто!!!

КУРАКИН

14. Князь Алексей Борисович. Брат родной того, о котором писано выше. Совсем другого свойства человек; тот был тщеславен, этот чрезвычайно горд. Он при Екатерине еще начал упражняться в гражданских трудах и причислен был, с камергерским достоинством, к экспедиции графа Васильева, под главным управлением тогдашнего генерал-прокурора князя Вяземского, и он также был современником отца моего в государственных казначействах; я его в них застал, когда поместился в вице-губернаторы и призван был для навыки в счетах сидеть с ним за одним круглым столом в присутственной камере Васильева. В царство Павлово сей кн[язь] Куракин также вырос в чинах и был сам генерал-прокурор, а потом я, уже будучи губернатором, попал под его начальство. когда он сменил графа Кочубея в звании Министра внутренних дел. Тогда ощутительна сделалась разница, какая существует между настоящим министром и надменным вельможей. Первый приступ его ознаменовался самым грозным циркулярным письмом ко всем губернаторам, в котором он обещал их наказывать и подвергать монаршему гневу, если будут ими недоволен; это меня взволновало до того, что я никогда не мог себя принудить быть ему искренно преданным. Скоро позабылись все наши прежние отношения по Саратову и Пензе. Он оказался очень ласков в наружном обращении, но в управлении делами после Кочубея должен был показаться несносным. Все чины вокруг него переменились; временем он был слишком надут, а другим – слишком фамильярен. Я никогда не забуду, что из особенной ласки ко мне, будучи позван в его кабинет, я застал его за бритьем; ему мылили бороду, а перед ним по одну сторону стоял какой-то домашний шут, а по другую я. Такое отличие перед теми, кои ожидали выхода его в зале, было для меня до крайности уничижительно, но князь Алексей Борисович не понял бы вечно, что такое, по его мнению, благоволение может другому, по различию характеров, обратиться в осорбление, ибо губернатор не должен быть у минист-

ра, особенно же поутру, в часы отправления им его должности, каким-то потешным собеседником; на все есть своя пора! Князь думал, что он этим поступком чрезвычайно меня отличил. Подобное обращение мне так было противно, что никакими, даже снискаемыми при нем, успехами по званию моему я не мог быть обрадован и непрестанно тужил о Кочубее. Я обязан, однако, благодарностью кн[язю] Куракину за Анненскую ленту, которую получил по представлению его и в то самое время, когда я мог быть, хотя неправомерно, но по настройке Арсеньева (см. Лит. А), очернен им по следствию о лесах в Владимирской губернии. Все сие дело, затеянное при Куракине, кончилось без всякого для меня вреда, напротив, я был пожалован в кавалеры, получил рескрипт, и всем тем обязан охотному содействию в пользу мою кн[язю] Алексея Борисовича, но при всех сих его одолжениях я не мог быть ни счастлив, ни доволен под его начальством оттого единственно, что он не умел обращаться; то был горд, то слишком приветлив; все зависело от минуты, и такой характер в начальнике несносен. При нем я был однажды в отпуску в Петербурге и удостоился быть представлен на аудиенцию личную к императору, кои ввел этот министр в обычай, желая чтоб государь изволил сам узнать начальников губерний, допуская их к себе в кабинет и беседа с ними, но, кажется, от сего преимущества не произошло ни пользы для службы, ни выгод губернаторам. В другой раз князь оказал мне также приятную услугу, выпрося, по представлениям моим, разные награды чиновникам владимирским, употребленным мною для предохранения той губернии от заразы, открывавшейся в низовых областях, с коими я сообщал и связывал обе столицы. За все сие я обязан быть ему благодарным, но служить под ним не находил никакого удовольствия. Всякий знак его внимания, даже самого благодетельного, был тяжел, потому что он покушался не столько подвигами, званию свойственными, как разными низкими угождениями, кои так противны всякому благородному сердцу. У меня долго и много сохранялось писем его, напоминающих мне старинную связь мою с ним и с братом его, когда мы были еще в чинах почти равня. Теперь мы оба в отставке, и я, после того как вышел из-под его начальства, нигде уже с ним не встречался. Умолчим о многих других случаях, между нами происходивших, в коих я бывал действующим лицом во взаимном нашем кругообращении по свету и кои служили бы к пополнению только собственной его биографии, я останавливаюсь здесь на тех событиях, кои лично до меня касались и показывают сущность нашего отношения. При нем начала служба губернаторская становиться очень тягостною, потому что завелись фискалы, тайные шпионы, доносчики, следствия стали размножаться, а министр не смел и не умел ни за кого вступить и, по влиянию двора, или отдавал на жертву часто достойного начальника, или покровительствовал шалуна, который забавен был в его прихожей. Надменность его все превышала, и когда он даже выпрашивал милости монаршие своим подчиненным, то об нем можно было сказать, что сказал один придворный своему принцу на вопрос «Отчего его не любят?»: «C'est que vous faites tomber vos dons de si haut, qu'ils écrasent ceux, à qui vous les accordez»*.

* «Оттого, что вы роняете ваши дары с такой высоты, что они разбивают тех, кому вы их предназначаете» (фр.).

КУРАКИНА

15. Княгиня Наталья Петровна. По роду нынешней связи дружества моего с ней, в такие лета ее и мои, в которые ничего уже пристрастного, а паче пылко-го, подозревать не можно, она, конечно, после семьи моей первое место занимает в моем сердце, и нет человека, с которым был бы я так доверчив, откровенен, как с ней! Нет человека, который бы меня лучше знал, как она! Нет такого, чьи советы, одно слово, один взгляд, мог производить на меня такое действие, как ее! Я беспрестанно жил, действовал, думал даже под ее влиянием, и потому говорить об ней мало – трудно, писать много или все – значило бы писать без конца! Молвим сперва вкратце о собственной ее истории.

Она родилась от Нарышкина и бывшей за ним сестры родной знаменитого вождя, князя Репнина. Получа, согласно с ее рождением, воспитание и от природы одарена будучи отличными свойствами ума и сердца, при способности ко всем приятным талантам, выдана она замуж в сушей молодости за кн[язя] Куракина, Степана Борисовича, который ни по качествам характера, ни по склонностям своим не был ее достоин и стоял гораздо ниже в оценке моральных совершенств. Княгиня заплатила общую дань слабости, естественной ее полу; она страстно влюбила в себя и сама влюбилась в первого красавца своего времени, Апраксина, и связь ее с ним скоро сделалась известна всей публике. Мог ли не заметить ее муж? Будучи только что матерьялен, князь не умел приобрести ее сердца; интрига усилилась и дошла до того, что Куракин приступил к гласному с женой разрыву. Влюбясь между тем и сам в девицу Измайлову, воспользовался случаем своей фамилии у двора Павла и требовал формального развода. Княгиня, в сие злосчастное время тяжкого для нее искушения, оставила мужа, жила при матери своей, удалилась от света, не хотела видеть и любить ничего, кроме Апраксина, а по смерти матери своей жила у дяди, князя Репнина, который ценил и уважал ее достоинства, но ничего не сделал ни при жизни своей в защиту чести ее и свободы от публичного нареkania, ни по смерти своей завещал что-либо в пользу ее, кроме беднейшего пансиона, о которой, для чести вельможи, упоминать не смею. Настояния кн[язя] Куракина получили желаемый успех; развод его с женой, на самых гнилых основаниях, в Консistorии владимирской приговорен, утвержден Синодом, и Куракин тотчас на Измайловой женился. Еще недоставало последнего и жесточайшего удара для поражения княгини, и он скоро нанесен ей судьбою. Апраксин, изменяя ей, влюбился в красоту лица княжны Голицыной, выехавшей из Парижа, опутан ею и обвенчался. Таким образом княгиня, принеся все в жертву идолу своего сердца, поругана мужем, обманута в любви, отвержена миром, и с мужеством испив чащу прискорбий человеческих до дна, заключилась в владимирской своей деревне, там устроила себе жилище и в нем, посвятя остаток дней своим молитве, смирению, раскаянию, присягу дала уединению строжайшему, отвратила взор и слух от всех мирских прелестей, схоронилась, можно сказать, заживо и без схимы умела стать подвигами веры и добродетели выше всех отшельниц мира. Вот сокращенная биография сей великой жены, которую не постыжусь назвать героиней, ибо истинное мужество не в том состоит, чтоб не погрешить, но в побеждении страстей во время их волнения, в отвержении их среди наслаждения и в полном раскаянии совести. Все сие княги-

ней исполнено. Мир ее бросил, но тот же мир воздаст ей по смерти похвалу. Это произнес не энтузиазм, а истинное чувство уважения моего к ней, основанное на близком и глубоком познании всех ее достоинств. Поговорим теперь об отношении ее ко мне.

Я узнал княгиню в доме г-жи Галызиной, сестры родной Апраксина, в котором он сам жил и давал праздники (см. лит. А). Ей было тогда двадцать четыре года. Я был офицер гвардии, прапорщик только, и мальчик; Куракина бывала тут по целым дням, и все общество Апраксина очаровывала; меня она не могла заметить, и так я ее мало знал, но, следуя общему мнению, искал ее одобрения, потому что она возвышала цену всякого юноши, вступающего на поприще большого света. Во все время княгининых злосчастий я редко имел случай встретиться с ней и узнать ее порядочно; приключения ее были громки, вся публика была ими наполнена, но, до меня они не касаясь, были мне очень равнодушны. Приехавши в Владимир править губернией, я узнал о скромном ее жилище и уединенной жизни; я был издавна дружен с братом ее родным, и поставил себе в обязанность оказывать ей как помещице все зависящие от меня услуги. Отсюда начались мои с ней сношения; она пожелала при жизни своей упрочить малое свое имение, состоящее в трехстах душах, детям брата своего; на сие нужно было исходатайствовать особое царское повеление. Дело делалось при Александре. Я во всех сих актах содействовал ей и сей услугой, увенчанной желаемым успехом, положил начало нашей приязни. Обстоятельства усилили ее, и если есть на свете дружба, если слово сие не мечта, а содержит идею существенную, то, конечно, могу почтить сим высоким названием настоящую мою связь с княгиней, в которую не входит ничего предосудительного. Княгиня, приняв на себя, по слову Евангельскому, свой крест¹¹, посвятила всю себя отношениям родства и дружбы; она не щадила никаких усилий, когда случаи требовали, чтоб она развернула в пользу несчастного свои способности и чувства; тем и другим она была богата. Когда я лишился первой моей жены, она оплакала ее вместе со мной и приняла в потере моей искреннее участия. При конце старшей дочери моей в Москве без меня она плакала со мной, как дитя, прискакала ко мне в пущее зимнее время из деревни в Владимир и всячески старалась облегчить несносное положение мое. Во время тяжелой болезни моей опять ко мне приехала, и не навестила только, но жила у нас и поехала к родным своим в Москву, когда я вышел из опасности. Вторую женитьбу мою решила она, узнавши мое намерение, утвердила меня в одном и пеклась об улучшении судьбы моей, сколько ей было возможно. С обеими женами моими сохранила приятное обращение, с детьми моими ласкова, обходительна со всеми моими домашними. Княгиня могла еще пленять, подобно некоторым женам древнего века, которых любезность изглаживала признаки старости, могла, но никто бы и помыслить о том не дерзнул, ибо княгиня Куракина, любивши только один раз в жизни пламенно и страстно Апраксина, показала свету пример, что два раза любить страстно невозможно сердцам прямо чувствительным, в чем нельзя не признать черты высокого характера. Во время моих злополучий по службе она не удовлетворилась одним сожалением, она действовала потаенно через брата своего в мою пользу; он был сенатор. Все голо-са, им поданные, были ею настроены и руководимы. Скрывая везде и всегда свой подвиг, она, единственная она, помогала моим оправданием своей убедительно-

стию, разговорами, свидетельством о моих поступках. Все это имело вес, влияние и мне споспешествовало. Какой друг ныне окажет столько сердоболia и заботы к защите человека ему искреннего? Мне было бы грешно, бесчестно и бессовестно забыть княгиню Куракину, пока пар есть в крови моей, пока бьется мое сердце. В таком тесном союзе дружества естественно, что мы в разлуке постоянно переписывались. Вот уже двадцать лет, как всякую почту, когда мы розно, я пишу к ней, она ко мне. В письмах наших нет площадного рассказа городских вестей; мы рассуждаем и беседуем друг с другом. Нет ничего в душе моей, в помышлении, в разуме для нее сокровенного. Она приобщена ко всем моим семейным происшествиям первая и прежде всех об них знает и, как полная владычица моего сердца, распоряжает всеми побуждениями оногo по своей воле. Когда мы живем в деревне, она гостит у нас по месяцу и больше. Когда она бывает в Москве для свидания только с родными своими, она всedневно посещает и нас, и несколько зим после французов, за недостатком для нее помещения в обгоревшем доме брата ее, она жила в нашем; словом, нет, я думаю, любовников, которые бы могли так постоянно друг друга любить, как мы взаимно привязаны с начала нашей связи и доныне. Я много уж об ней написал здесь, но все мало в сравнении с тем, что мог бы сказать, напоминая каждый случай, в который она была мне или полезна, или необходима участием своим и наставлением. Стихи мои, напечатанные в «Сумерках жизни»¹² под названием «Дружба», посвящены ей, также как и описание «Софиевки» в «Путешествии моем рукописном в Одессу»¹³ принадлежит к моей с ней переписке. Она недавно была отчаянно больна, но Провиденье возвратило ее к жизни, и дай Бог, чтоб дни ее продолжались до глубочайшей старости, ибо всякий тот, кто умеет любить, кто находит в этом чувстве истинное счастье жизни и одарен приобретением взаимной ее приязни, тот, конечно, познает безутешное сердечное сиротство, лишась сей неоцененной женщины, с которой я не умею сравнивать ни одной из знаемых особ ее пола ни по чувствительности сердца, ни по твердости души, ни по качествам разума, обогащенного всеми полезными познаниями.

ЕВГЕНОВ

16. Учитель российской словесности в мое время в Владимирской гимназии, молодой человек с хорошими познаниями и благородными правилами. Он некоторое время обучал меньших детей моих, и я доволен был их успехами. Будучи в толпе простолюдинов, и по низкому еще чину, и по незнатному своему происхождению, он памятен мне остался по одному событию, от которого я навлек на себя неприятные хлопоты. Достоинства, отличавшие его от прочих сотоварищей в школе, скоро возбудили против него ревность местного начальства; начали его притеснять и добились от министра просвещения выключки его из университетского ведомства. Евгенов лишился почти пропитания; он имел жену, детей, и я готов был принять в нем участие, но не мог ополчаться против правительства, постороннего в отношении к моему званию. Министр был граф Разумовский¹⁴, знатный барин и послушник своих секретарей; непосредственный под ним начальник над гимназиями, приписанными к Московскому округу, в том числе и

Владимирской, был сенатор Кутузов¹⁵, также сильный человек в пронырстве и в связях с своим министерством. Он, не удовлетворяясь выключкой Евгенова, пустил злобу свою далее и требовал от меня, чтоб я выслал его в двадцать четыре часа из Владимира. Будучи вовлечен в сию распрю, я письменно отрекся исполнить такое требование, которого не только одно лицо, ниже какой трибунал произнести не может без формального суда и царского соизволения. Кутузов хотел отстоять свое мнимое право, защищал министра, сей того же от меня потребовал; я торжественно и ему отказал. Дело сделалось громко, переписка наша становилась колка, но как со мной ни боролись учебные власти, однако принуждены были отступить от своей претензии. Евгенов не только не выслан из Владимира, но скоро потом снова принят в ученое ведомство и помещен был в такую же в должность, какую отправлял в Володимире, и с тем же окладом, в тульскую гимназию, где имел более случая оказать свои дарования, сочинял прекрасные речи, из коих иные были напечатаны в журналах, и по всем сим происшествиям имя его всегда будет мне памятно.

НЕПЛЮЕВ

17. Иван Николаевич, сын сенатора Неплюева от первой жены, которого я начал знать тогда уже, когда он был сам сенатор и приближался к старости, – человек ограниченного ума, но богатый, чинный, степенный и ни к чему не пригодный; об нем точно можно сказать:

Мурашки не стряхнет без лайковой перчатки¹⁶.

Я, однако же, имел один раз случай испытать его характер, и хотя негде было ему развернуться в худом смысле против меня, дело того не стоило, однако в такое время, когда всякий мог вредить кому и как хотел, для чего ж бы и ему мне не навлечь хлопот? Мы с ним порядочно разошлись, и он после того случая остался доньне хорошим мне знакомым, помнит меня и сыновей моих в Петербурге ласково принимает. Случай, который нас свел, следующего рода. Я был в Володимире губернатором, а Неплюев сенатор и откомандирован в Астрахань предохранить тамошний край от чумы. В это время у меня полицмейстер ударил в щеку майора губ[ернской] роты. Началось дело и ничем не кончилось; обидчик просил прощения, обиженный простил; после его настроили искать бесчестья, и я не мог никак с этой мерзкой сплетней сладить. По родству с полицмейстером вмешался в эту ссору князь Лопухин. У двора тогда любили из мухи делать слона; история эта так заняла правительство, что рассудили нарядить особого чиновника рассмотреть, как производится в Владимире столь важное дело. Пал жребий на Неплюева. По Именному указу велено ему отправиться из Астрахани в Владимир, разобрать дело о знаменитой пощечине. По сему-то случаю я с ним и ознакомился. Он с неделю жил у нас в городе, встретил с нами Новый год и со всей церемонией возможной 1-го генваря перед обедней, при мне и губернском предводителе, ездил с майором губернской роты, который уже тогда был в отставке, к полицмейстеру, притворившемуся больным, и там совершил торжественную мировую. Все это вздорное и пресмешное дело он производил как бы самое важнейшее. Мне бы очень скучно было с ним с одним возиться и рассуждать

с утра до вечера о таком обстоятельстве, которое не заслуживало внимания не только сенатора, ниже хорошего советника палаты, но, по счастью, с ним была его жена, дама умная и приятная; пока муж ее занимался следствием о пощечине, мы с ней беседовали об Астрахани, тамошней жизни и их туда и оттуда путешествии. Иван Николаевич меня очень полюбил, чему особенным доказательством служит то, что он, будучи очень скуп, подарил меня, как старший кавалер, медальоном ордена Св. Анны, какие нашивали в старину при фраках и которых ныне никто уже не употребляет. Этот медальон был серебряный, позолота давно с него слиняла, по оценке он стоил восемь рублей. Неплюев почитал такой подарок весьма важным и думал, что он отменно приятельски со мной поступил. Я редко видал человека скучнее, тягостнее и беднее в обращении с стороны навыков и познаний этого напудренного и смазанного сенатора. С тех пор мы с ним знакомы, но, живучи в разных городах, никакой связи у нас нет, а пребывание его в Володимире при мне и тамошние его подвиги незабвенны пребудут в памяти моей.

СТУПИШИН

18. В этот день некогда рассудилось императору Павлу подписать указ об отставке моей из вице-губернаторов и от службы вовсе, а вслед за тем уничтожилась и Пензенская губерния, разделяясь, как Польша¹⁷, по разным окрестным областям, сам же город губернский, Пенза, наименован уездным. При сем воспоминании кинем последний взор на тамошний край и мое жилище и поговорим о бывшем во все время моей службы губернатором г. Ступишине.

Иван Алексеевич. Генерал-поручик армейский. По смерти генерал-губернатора Пензенского и Нижегородского Ребиндера он сделался главным начальником губернии. Пять лет я с ним жил и служил вместе в лучшее время моей жизни. Что мне сказать об нем? Хвалить его? Язык не поворотится. Бранить? Долг христианский запрещает: он уже умер. Мало говорить о нем трудно; он чрезвычайное имел влияние на судьбу мою, и настоящую тогда и грядущую. Много говорить опять трудно; ибо против воли загорится желчь и вырвется худое слово; но рассуждать не есть еще судить; и так постараюсь выпутаться из этого затруднения и расскажу просто только важные случаи, в коих он имел участие. Сначала он сошелся со мной очень хорошо и полюбил даже меня горячо; всякий день хотел быть со мной. Я сам, на первых порах, захавши в Пензу, один, без жены, осенью, имея двадцать семь лет от роду, повадился всякий день к нему ездить, потому что у него жена была пригожа и я стал строить ей куры. Приезд жены моей несколько остудил мой пламень, и я чаще был дома, нежели у них: это убавило с обеих сторон внезапное пристрастье, и мы похолоднее начали обращаться. Но все еще серая кошка, как говорится, между нами не пробежала. Ступишин был упрям, своенравен и вместе всегда руководим другими, потому что у него череп был крепок, но голова слаба; мы были совершенно разных свойств; согласие между нами не могло продолжаться. Чиновники в губерниях всегда старались ссорить губернатора с вице-губернатором; эта глупая тогдашняя система во всех провинциях именовалась политикой. Заметили, что губернатор оказывает ко

мне доверенность, отличает меня и любит; боясь, чтоб я не вырвал его из рук у тех, кои привыкли уже владеть им, искали многие удобного времени нас поссорить, дабы в мутной воде еще легче было ловить рыбу. Ступишин вздумал прарвить мои именины, восьмого мая, дал обед и пир; я взаимно праздновал его именины у себя в доме, 25-го мая, и дал ему спектакль. Играли приказные и живущие у меня офицеры какую-то фарсу, которую я в проказливую минуту сочинил для смеха. Имя ее одно уже означало качество произведения. «Трагилирография». Клянусь (дело прошлое), что у меня в уме не было тогда кощунствовать насчет Ступишина, но раздуватели провинциальных ссор вздумали его уверить, что я эту пьесу сочинил на него. Почему же? Там сказано было об одном комическом лице, что он плешивый супостат о трех этажах. Вздор! Но ему протолковали вымышленный иносказательный смысл: «Вы без волос, вы генерал-поручик, то есть в третьем классе; ergo*, супостат этот – вы». Довольно для заключения.

Сомнение его тревожить начал,
Наморщилось его и харя и чело¹⁸.

Успех достигнут. Ступишин укусил ядовитое яблоко, рассердился и стал мне грубить дерзко и явно. Я не попятился и твердо возражал ему. Упорство загло ссору горячее; желчь перешла в бумаги; наконец мы так раздражились друг против друга, что верховному правительству довелось разнимать нас, и ссора наша дошла до подножия царского престола. Сам Сенат уже тяготился нашим междоусобием. Сколько ж я на месте терпел разных оскорблений, и глупых и чувствительных, об этом и напоминать не хочется! Злоба в упрямом характере люта! Ступишин не удовлетворился маловажными для меня нападками; он настроил против меня пьяного и бешеного дворянина, который атаковал меня в самой присутственной моей камере и, найдя меня в беззащитном положении, ибо тогда езжали к должности во фраках, нанес мне оскорбление, о котором писано в другом месте (см. лит. У, имя Улыбышевой). Ступишин все эту сцену покровительствовал, не дал мне никакой обороны, поставил меня в необходимость пожаловаться государыне. Прислан секретарь Сената исследовать дело; донесли государыне, что я соблазнил жену этого дворянина и похитил ее у него; обстоятельство увеличено, отравлено, искажено. Я с нею был в переписке, это правда, но она давно была розно с мужем и разведена с ним отцом своим, а не мной, да и муж бы ее ни за чью интригу с ней не вступился, если б не был подстрекаем моими врагами, а шайкой их предводительствовал сам губернатор. Это дело обратилось мне в крайнее предубеждение; обидчик отдан под суд, но суд при Ступишине норовил ему и ничего не делал. За эту историю при Екатерине я лишен Владимирского креста, который назначен мне был капитулом¹⁹. При Павле дошло дело сие до ревизии его, и он обидчика простил, а меня выгнал из службы, следовательно, я все потерял, что можно было потерять, в политическом моем состоянии. Одному Ступишину я был этим обязан, и простить мертвое тело его должен по-христиански, но забыть не могу до последнего издыхания. Время все уносит, скоро

* следовательно (лат.).

переменились и мои обстоятельства. По случаю поставки хлеба из Пензы в Петербург велено было мне, вообще с губернатором, заняться сей операцией. Ему хотелось иметь дело с подрядчиками, а я предлагал хозяйственные распоряжения. Хлопот больше для нас, говорил я, но больше пользы для казны. Губернатор меня не послушался, Казенная палата с ним согласилась, я записал мой голос. Он представлен Сенату с жалобой на меня, что я препятствую делу царскому и не повинуюсь начальству. Сенат любил подряды, пристал к стороне губернатора и меня опубликовал по всему государству печатными указами как человека надменного и непокорного власти. Но между тем на контракт надлежало исходатайствовать монаршее соизволение. Екатерина, увидя высокие цены, прогневалась и приказала подряд отставить, а губернатору и мне объявить, что ежели мы не приведем этой поставки в умеренное состояние, то и он, и я будем отрешены от мест. Тут я, увидя себя вдвойне наказанным, и гневом государыни и публикацией Сената, решил все прописать Екатерине в жалобном письме и просил ее защиты против самовластия ее чинов и судов. Прощение мое получило желаемый успех, и скоро потом губернатор без просьбы отставлен и даже без пенсии. И так мне уже после него довелось и караван отправлять, и губернию с рук его снимать. Не говоря о тысяче жестоких минут, которые я под начальством его вытерпел в течение пяти лет, довольно заметить два уважительные случая, здесь упомянутые, чтоб простить мне ту злобу, которую я вправе был к нему питать во всю жизнь его; однако я старался всегда умерять мои поступки, по пословице: «Лежачего не бьют!» Губернию снимая, я нашел хаос и в собственной его канцелярии, и в губернском правлении, однако стараясь испорченное поправить, я никуда на него никакой бумаги не послал и сменил его без всякого шума и протеста. Потом, когда я был сам губернатором в Володимире и он проезжал в Пензу из Москвы, я к нему явился на квартиру и почтил старость его рапортом. Он доволен до крайности и тут-то признался (но поздно; «Снявши голову, по волосам не плачут»), что он меня не знал, что он виноват передо мной и что злые люди его смутили, но зло было сделало, и уже он не мог поправить пагубных его последствий. Я поныне еще стражду от пензенской моей службы. Всему этому был причиной Ступишин. Он умер! Я должен все забыть, или, по крайней мере, не распространяться в укоризнах, напоминая его имя. Достаточно сказано, чтоб читатель мог видеть и судить, в какое тяжелое отношение я попал с этим человеком. Не приведи только, Господи, вперед иметь с упрямыми дураками дело.

СТУПИШИНА

19. Агния Дмитриевна. Жена вышеписанного г. губернатора. И об ней поговорить надо особо. Женщина молодая, пригожая, жеманная, но без всякого воспитания. Такою я ее узнал, и где бы она могла образоваться? Отец ее был подьячий, не дослужившийся до офицерского чина, который дошел до него, когда уже он умер. Мать ее, пронырливая женщина, умела как-то пробиться в люди и, заметивши скудоумие своего зятя, когда он прибыл управлять Пензой из Польши, расположила свои замыслы на него так удачно и проворно, что он,

поволочившись за дочерью ее, наконец почти насильно принужден был на ней жениться, чем возвысилась судьба и тещи его. С тех пор она начала гласно и явно заправлять им, и он был весь в их руках. Узнавши эту губернаторшу в лучшем беседе ее лет, с личиком заманчивым, я не искал очарования разговорного в беседе с ней, я пленялся наружностью и точил ей любовные побаски, которые подстрекали самолюбие г-жи Ступишиной, и таким образом я несколько месяцев, доколе не вспыхла между мужем ее и мной самая жаркая ссора, был прилежным ее обожателем. Сказавши, говоря о муже ее, все, что кипело у меня на сердце, я не распространюсь на собственный ее счет; еще менее говорить намерен о матери, потому что она была женщина самого низкого презрения достойная, но с удовольствием вспомню здесь анекдот, который позабавит читателя. Губернатор, желая приблизить, или, может быть, по совету женщин своих, покорить меня себе, вызвался в делах важных давать мне свои советы; я, не узнав еще его и доверяя его летам и опытности, был этому очень рад, и в один вечер, имея важный процесс по палате между казенными поселянами, приехал к нему потолковать об нем и привез свои бумаги. Он был один, не занят. Тотчас я вошел в материю и заговорил о таяже. Читаю, извясняя и все еще не могу добиться никакого его мнения. Заметить надобно, что он, служа очень долго в армии, охотник был большой до военных учений и полковых сумятиц. Не знаю, отчего, а как-то кстати, пришлось ему вспомнить что-то похожее на драку, о которой повествовалось в выписке моей при межевании крестьян. Остановя вдруг мое чтение, он мне говорит: «Вы, верно, слышали о Цорндорфской баталии?»²⁰ – «Слышал, сударь», – отвечал ему я, читавши деписание Семилетней войны. «Позвольте же, я вам расскажу подобный этому случай», – и вот началась реляция баталии. Недовольствуясь рассказом, он рассудил в лицах представить мне сражение, воспламенился, вскочил и начал ставить стулья в комнате в боевой порядок, образуя положение войска. «Тут, – говорил он, – стоял я с полком, а там был полк Нашебургский²¹. Станьте, пожалуйста, на минуту!» Встал и я, принялся за стул, который изображал пехотный полк в деле. Между тем он еще ставил стулья, еще крестил их разными именами и в гостиной у себя приготавливал план нападения. Из этой комнаты двери были растворены в спальню, а оттуда сквозила уборная Агнии Дмитриевны, в которой она сидела за пядьцами. Я благополучно, оставя его устраивать деревянные колонны, легонько вошел в спальню и прокрался к губернаторше, с которой начал перебивать²². С добрый полчаса я был тут забыт и сраженью не зандобился, но вдруг потребовался мой Нашебургский полк, и Ступишин, не найдя меня у стула, прибежал к нам, и с досадой, оборотясь ко мне: «Куда же вы девались? Пойдемте, я вам покажу, как баталия происходила! До вашего полка доходит дело». Принужден я с ним воротиться, но тем временем кто-то приехал; слуга установил стулья по местам. Ступишин долго не нашелся, чем встретить гостя, и не мог выйти из своего рыцарского смущения, а я, подхватя мои выписки, насилу дошел до кареты, в которую бросившись, захохотал во все горло и, до дома ехавши, смеялся, как безумный. Вот с каким начальником я обязан был иметь всякий день интересные сношения. О! этой баталии я вечно не забуду, и она меня всегда развеселит.

ПОТОЦКИЙ

20. Граф, тайный советник в российской службе. Я имел случай узнать его тогда, как он ездил с графом Головкиным, сотоварищем его в китайском посольстве. Он меня полюбил и на обратном пути из Сибири, будучи свободнее во времени, жил восемь дней в Володимире и ежедневно у меня обедал и ужинал. Я тогда был вдов. Он показался мне человеком приятным, ума образованного и скромным в обращении, в чем я и не ошибся. Он посещал меня ежедневно, оставил мне на память несколько ученых своих сочинений. Он был несколько странен, оттого, думаю, что смолоду заучился. Он взялся перевести одну из песенок моих на французский язык, написал ее своей рукой в моей книге, которая донныне у меня хранится. Иногда, расставшись со мной, писал ко мне. После сего осмидневного сожития почти вместе я уже нигде с ним не видался, и он бедственно погиб на родине, умертвля сам себя пистолетом. Так, по крайней мере, дошло до меня. Минуту только, и самую краткую, можно сказать, в жизни, разделил я с ним, а помнить об нем буду долго, ибо он приязню своей и радушным со мною обращением сделал на сердце мое и мысль приятное впечатление.

СИНЯВСКАЯ

21. Ульяна²³. Одна только актриса, с которой я был во всю жизнь мою знаком. Она принадлежала к московскому вольному театру, который содержал Медокс²⁴. Мне вздумалось перевести французскую комедию «La soirée à la mode»²⁵; она играла на московском театре, и я хаживал на ее репетиции. Там-то случай свел меня с Ульяной; она была недурна, играла хорошо, и я, по милости ее, имел право целую зиму торчать за кулисами, когда хотел, но сей род забавы мне не понравился; я от него скоро отстал и одну только Ульяну сохранил в памяти моей. И так могу сказать о себе в молодости моей, с Волтером вместе, испытал всякой род удовольствия:

Tous les goûts à la fois sont entrés dans mon âme,
Tout art à mon hommage, et tout plaisir m'en flamme* .

САФОНОВА

22. Надежда Николаевна. Родственница моя и хорошая знакомая, приятного ума женщина. Я за удовольствие считал и беседовать с ней, и в разлуке иногда дружески переписываться. Замечательнейшее происшествие в отношении нашем было то, что я, при замужестве ее, был отцом посаженным и той же чести удостоился у сестры ее родной, потому что я в их семействе был искренно любим; отец их часто меня ссужал небольшими деньгами, когда я в них нуждался, и это такая большая услуга в наше время, которой никогда забывать не должно. Сафонову я могу решительно поставить в списке второклассных женщин, близких моему сердцу.

* Все страхи разом овладели моей душой.
Все искусства мне в дар, и все удовольствия меня воспаляют (фр.).

ФИЛАТЬЕВА

23. Софья Ивановна. Дочь двоюродной сестры моей, княгини Урусовой, от первого мужа ее, Кологривова. Девушка воспитанная в монастыре, скромная, тихая и благонравная, искреннейшая подруга моей старшей дочери, покойной Маши. Она была замужем за Филатьевым и, прижив с ним несколько детей, в молодости еще цветущей скончалась. Союз дочери моей с ней так был тесен, что она, написавши отрывками картину своих чувств и мыслей, разительным слогом сердца, никому при кончине не хотела рукописи своей доверить, кроме Софьи. Я брал ее читать и с сугубым сожалением видел в ней статьи, означавшие высоту духа дочери моей и непоколебимую твердость ее характера. Эта рукопись, сильно на меня подействовав, никогда не изгладится из памяти моей, в которой и Филатьева, по связи ее с дочерью моею, вечно жить будет. Обе эти подруги живут теперь в селениях небесных, а мне осталось в удел оплакивать ту и другую неразлучно как юных жертв неумолимого рока, похитившего их у света, в котором они сотворены были и свое найти счастье, и доставить его другим. Но Вечный таким чистым сердцам предназначает всегда жилище Неба, как говорит Соломон²⁶: *Да не леств прельстит душу его, или злоба изменит разума его.*

[ЕВГЕНИЯ]

24. Сегодня бывала именинница Е в г е н ь я! Существо бесподобное на земле! Ангельское за гробом! Я уверен в том всеми моими чувствами. Сегодняшнее число было для меня семнадцать лет днем торжественным всех радостей земных, и вот столько же, что он сообщает сердцу моему одну духовную радость в высшем степени ее в Человечестве. Так! Со времени кончины Евгеньи я день сей посвятил одному Богу, давшему ее мне и похитившему от взора моего навеки. С того времени я принял непреложное обетование причащаться божественной трапезы по очищении грехов покаянием. И так я сегодня не существую в мире, я весь на Небе! Я там, где Евгенья! Я мысленно соединяюсь с ней и, приняв чашу спасения, стремительно теку на гроб ее. Там, лобзая холодный камень, сокрывающий прах ее, проливаю умиленные слезы глубокой печали. Жажду, жажду сокрыться там же. Никто не представляется моему помышлению, все забыто около меня в мире. Кроме могилы ее, нет предмета, кроме меня при ней, нет существа во всей подсолнечной для моего воображения; и оно, и ум, и сердце, и дух; все пригвождается ко кресту моих страданий, к вместилищу смертных остатков Евгении; весь я тут, но нигде более; весь я в ней, и никто участия во мне не имеет; весь я в Небе, и земля ничем моим не владеет! Того ради не выставлено под сим числом ничье имя стороннее, ничье, кроме Евгеньи, которую одну воспоминаю с восторгом во все минуты ее жизни, на всяком месте общего нашего пребывания, в бедах и в радости, в праздник и в будни, в чертогах и в тесноте, в изобилии и в убожестве – везде, везде, где я ни разделял с ней любовь, дыхание и жизнь! И кто из смертных, кто станет рядом с сей женщиной, не-

сравненной в моих чувствах? Никто из земнородных! Никто! Бог! и Евгения!!! Все прочее чуждо мне сегодня.

Евгения была изящность Естества!
Семнадцать лет вкушал с ней райских дней блаженство;
В чертах ее лица – зрел мира совершенство!
В чертах ее души, – зрел благодать Божества!²⁷

Так о ней разумел! Так вещал, писал, печатал в книгах – чеканил на монументах гибельных – врезывал в скрижалю души нетленной, так чувствовал и чувствовать буду до последнего моего издыхания!

НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

25. В сей день некогда родилась первая жена моя, Евгения. Родясь по естеству от родителей, странствующих с места на место, ибо отец ее служил в нижних чинах офицерских и был тогда в Стардубе, вскормлена вдовствующей матерью своей в пустынной деревнишке под Тверью, предназначена она была судьбою возродиться снова изящным воспитанием, и сему-то возрождению нравственному Бог велел быть орудием воспоминаемой мной благодетельнейшей отрасли царского дома.

Великая княгиня Наталья Алексеевна, первая супруга наследника российского престола, Павла Петровича, принцесса Дармштадтская. По благодеяниям, оказанным ею жене моей, она, конечно, первое место занимает сегодня в моих воспоминаниях. Быв семнадцать лет счастливейшим супругом бесподобной женщины, могу ли я не благоговеть до последнего дня в моей жизни к имени той, которая открыла ее пути к воспитанию, образовала ее и первое основание положила моральному ее бытию? Жена моя, девица Смирная, росла при матери, в глубокой тишине в то время, как двор, и с ним великая княгиня, путешествовали в Москву. Случай велел этой девочке, которой едва исполнилось четыре года, попасть на глаза великой княгини; ребенок ей понравился, она изволила приказать привезти ее к себе во дворец. Занявшись ее воспитанием, как мать, учредила за ней присмотр, снабдила учителями, и, казалось, эта малютка, Евгения, превзойдет в счастии всех своих сверстниц под таким высоким и благотворным покровительством. Промысл Вышнего расположил сие иначе. Великая княгиня скоро скончалась, и Смирная осталась сиротой. Необходимость тогда заставила ее отдать в Смольный монастырь, в который она принята была и содержалась до выпуска на счет великого князя. Покойная жена моя до последнего издыхания вспоминала о великой княгине Наталье с уважением и беспредельной благодарностью. По ней привык и я относить к памяти ее те же чувствования, и, сохраняя донныне у себя портрет покойной великой княгини, не могу взглянуть на него, не вспомнив давно протекших событий и не вздохнув о ней из глубины сердца, искренно ей преданного, как нежной матери, как необыкновенной благодетельнице женщины, любезнейшей для меня на свете и с которой я наслаждался счастьем примерным.

ЯНЬКОВЫ

26. Возвращаясь очень далеко в жизни моей назад, я вспоминаю семейство Яньковых. Отец мой был очень дружен с их домом и так тесно связан приязнью, что, по смерти отца и матери, дети их, два сына и две дочери, вошли именем своим и сами собой в полное батюшкино распоряжение. Сыновья, Николай и Дмитрий, тотчас отданы в кадетский корпус, а девушки, Анна и Клеопатра, перевезены к нам в дом, в котором жили и росли с нами вместе. Клеопатра была лучше лицом, и потому понравилась мне больше; я был, в сравнении с возрастом ее, еще мальчик, но это, по пылкому моему свойству, не помешало мне в нее влюбиться. Чтоб показать, до какой степени разгорелся к ней страстью, скажу следующее: она чахла и постепенно видимым образом теряла все жизненные силы. В таком болезненном состоянии, живучи в одном доме с ней, я не выходил из ее комнаты, резвился около ее, и малейшая невинная ее ласка приводила меня в восторг, которого ни понимать, ни унять я не умел. Наконец она лишилась жизни, и тело ее выставлено было в особую комнату. Несмотря на то, что в ребячестве человек способен очень бояться всего, а паче мертвеца, я украдкой по ночам хаживал к ее гробу и с жаром лобзал ее руки. Вот как сильно кровь моя волновалась и как я любил Клеопатру. После нее я не помню, чтобы я равнодушно приблизился к чьему-либо телу, но здесь, обманут будучи румянцем молодости на лице ее, которого нес скоро лишаются умирающие чахоткой, я искал наслаждений чувств, прикасаясь к мертвым ее остаткам. Доне, спустя с лишком сорок лет, я вспоминаю живо еще ее взор и наружные прелести лица, и уповательно никогда уже не забуду. О прочих членах сего семейства упомянуть должен, что каждый из них с беспредельным уважением к нашему дому обходился с нами до последних дней жизни; Анна умерла недавно, оставшись девушкой и живучи своим домом, ибо она имела порядочное состояние. Братья, вышедши из корпуса, поженились и получили потомство. Один остался Николай, а Дмитрий также умер. Жены их и дети равно нам преданы, и связь наша с ними есть связь самая прочная, твердая и постоянная.

КОЛОБОВ

27. И ты, мой Меркурий, и ты заслужил место в памятнике людей, на кои устремляются иногда мысли мои в прошедшем! Так прозывался крепостной батюшкин слуга, который был пожалован мне и до гроба верен был моим тайнам. Он только исправлял около меня два дела: или мое, состоявшее в том, чтоб носить мои утренние цидулки, приносить на них ответ, или свое, чтоб пить горькую чашу, как он бывал свободен от трудов моих. При такой опасной слабости для всего потаенного, он, однако же, никогда не сделал ни ошибки, ни промаха и всегда был верный исполнитель моих поручений. Сколько раз я, в восхищении от приятной записки, им доставляемой, бросался ему на шею и ущедрял его; но несчастному это не шло в прок; вся моя мзда втекала в питейные дома, барин жествовал Венере, а служитель Бахусу²⁸. Он один вел порядок в получении почто-

вых моих переписок, журналов и газет, принашивал ко мне письма, отдавал мои, словом, был Меркурий в полном смысле. Сколько было у него знакомств, связей и кумовства в почтамте! Все его знали; он отличался особенным проворством, за то я и честь ему отличную воздал. Кто будет читать мои книги, тот набежит и на строчку об нем²⁹. Сотоварищ мой во всех сентиментальных поездках! Чего он про меня не знал и где со мной не бывал? Об нем я точно могу сказать в отношении к себе:

Je n'est pas de heros pour son valet de chambre*.

Обращение его со мной было совершенно свободно и без церемоний; прекраснейший случай дает тому доказательство. Я куда-то ехал в карете, он на запятках; попадается нам чемодан с почтой из какой-то провинции. Почталион ему приятель, заахали они оба от радости, карета моя остановилась, Колобов долой с запяток; ну обнимать курьера, а тот его, и пока они разделяли взаимную радость, я должен был простоять на улице. Таков был Колобов, незабвенный поверенный моих сердечных дел. Мир праху его! Он уже не существует, но имя его связывается с многими лицами, коих мне всегда приятно будет вспомнить, следовательно, придется и об нем потужить.

ЯЗВИЦКИЙ

28. Молодой человек, вышедший из духовного звания в гражданское состояние, уроженец города Коврова в Володимирской губернии, но я его там уже не застал и не имел случая нигде с ним встретиться. Счастье возвысило на несколько времени жребий его, ибо он попал в учителя русского языка к царствующей императрице, Елизавете Алексеевне; но сей-то самый случай низринул его в бездну жесточайших зол. Он был энтузиаст; воображение его увлекло за пределы рассудка. Он лишился ума, и принуждены были запретить его в дом сумасшедших, где он умножил число несчастных жертв романического воображения. Он заслужил особенную мою признательность и место в этом Словаре неумеренным своим восторгом к моим сочинениям; все в них, все без исключения, ему нравилось. Он издал легиновый трактат о словесности, в котором выписывал мои стихи³⁰, не выбором и отрывками, а можно сказать пудами. Он ознакомил с лирою моею высокую свою ученицу, и таким пристрастным расположением к моему стихотворству, которого я, конечно, не заслужил, поставил меня в обязанности сохранить, по крайней мере, имя его в памяти моей, когда судьба не дала мне других способов ни благодарности моей изъяснить, ни быть ему в чем-либо полезным, а жалеть о нем буду всегда с искренним участием.

* Лакею не узнать в своем хозяине героя (*фр.*).

КОЗОДАВЛЕВ

29. Осип Петрович. Я начал его знать в чине надворного советника и с тех пор непрерывно был с ним знаком; большой короткости между нами никогда не было, но он всегда со мной хорошо обращался, и по времени ему довелось оказать мне множество приятных услуг, которые обязали меня помнить об нем во всю жизнь мою. Служа в разных чинах и должностях при Екатерине, Павле, Александре, он, происходя чинами, дошел до самой высшей степени в гражданском разряде и был сам министром внутренних дел, когда я служил губернатором, следовательно, я несколько времени находился по его начальством. Самая замечательная эпоха во взаимном между нами отношении была та, когда он в звании сенатора и товарища еще министра внутренних дел, князя Куракина, отправлен был по Именному указу в Саратов для предохранения сей области и сопредельных с ней губерний от возникшей в том краю заразы. Многие полагали, что ее никогда не бывало, но это не касается до меня. Верно то, что Козодавлев был за сим командирован в Саратов и, проезжая через Володимир, прожил тут с неделю без всякого дела, по одной только безрассудной молве, будто и тут чума показалась. Тогда это был какой-то модный обморок³¹, который схватывал всех, от Петербурга до Каспийского моря, везде и всем казались карбункулы. Козодавлев, напугавшись в Москве слухами о заразе в Володимире, счел нужным вывернуть этот слух на месте лично и потому вошел со мной в огромную о сем переписку. Я тогда был тяжело болен и не мог иначе принимать его, как лежа в постеле. Собравши все свои силы, я постарался, в большой и основательной бумаге, ополчиться прогив общего подозрения, и посчастливилось мне документом удостоверить его, что чумы в Владимирской губернии точно не было и нет. За общим нашим подписанием пошел о том рапорт к государю, после чего Козодавлев отправился от нас в Саратов. Во все время его пребывания с нами он прекрасно со мной обходился, навещал меня всякий день, сожалел о моем болезненном состоянии. С ним ехала жена его и огромный штат молодых людей; все они нас посещали и старались оказать нам свое добротство разными наружными поступками. Козодавлев не удовлетворился одной ласковой вежливостью; он, возвратясь в Петербург после своей комиссии и принят быв двором очень хорошо, скоро столкнул кн[язя] Куракина и попал на его место. Я много обязан Козодавлеву хорошими его обо мне представлениями и вообще внушением его насчет моей службы, кои много способствовали к доставлению мне ордена Св. Анны. По мере как сыновья мои вступали в службу, Козодавлев охотно их записывал в свое министерство, выводил в первые чины и всегда старался снискать мою благодарность разными подобными услугами. В переписке по делам всегда был со мной вежлив и благопристоен, что заметить надобно, ибо Куракин не знал науки приветливости. Кроме официальных бумаг, я часто к Козодавлеву писал партикулярно, и он, не лениясь, отвечал мне пространно и ласково; словом, во все время жизни его и моих с ним отношений, я не мог быть недоволен его со мной поступками; они на том же тоне продолжались и по отставке моей, о которой он искренно сожалел, разумея меня лучше, нежели те, которые меня теснили. Он любил словесность, науки, был сам в них сведущ, а к подобным людям всегда можно найти доступ, не прибегая к подлым искательствам или ябедническим

пронырствам. Козодавлев и жена его оба уже скончались. Я не принимаю на себя говорить здесь об нем как о министре и государственном человеке; я гляжу на него с той точки зрения, которая ставит его передо мной в отношении собственно ко мне, и с удовольствием платя ему дань признательности за его постоянное ко мне благорасположение, вменяю себе в обязанность всегда об нем помнить, как о человеке, который желал мне добра и, когда мог, старался его делать!

ВЕЛЬЯМИНОВА

30. Анисья Федоровна. Молодая девушка, прекрасно образованная, с которой я нечаянно и почти нехотя познакомившись, чувствую, что никогда не перестану ее любить. Она, войдя в мое сердце, заперла за собой в оное дверь всем прочим женщинам. Все ее семейство состоит из людей, более или менее заслуживающих некоторое усердие. Отец ее, потеряв зрение, не так уже весел, как прежде, но все еще сохранил врожденную доброту в характере, которая делает его любезным. Мать, женщина добрая и нрава самого обходительного; сестры все любезны; одна из них замужем. Сыновья отстали во всем от дочерей, но посреди всех сих лиц Анисья Федоровна отличается, как солнце от звезд, умом, разговором, познанием и многими приятными дарованиями ума и сердца. Не быв хороша лицом, она лучше многих красавиц, физиогномия ее выразительна, и ни на одной я не видал такого соединения прелестей, что французы называют *charmes*^{*}, как на ней. Она знает разные иностранные языки, обучалась многим наукам, и не без успеха, словом, я мало знаю девушек так тщательно, и даже роскошно, воспитанных, как она, несмотря на самое умеренное состояние семейства, которого доходы очень ограничены. Не знаю, положен ли Промыслом срок настоящему моему с ней отношению, по крайней мере теперь оно таково, что я не могу вспомнить в целой жизни моей связи с другим человеком столь крепкой, как та, которая сближает меня с ней. Везде, более или менее, чувственность вмешивалась в мои душевные припадки, здесь она никакого участия не имеет, совершенно никакого, и тем-то самым усиливается чувство сердца, доводя его до возможного степени восторга в мои годы. Натуральное следствие человеческой организации. Чем меньше тревожит физика, тем сильнее работает душа, и вот где надобно искать зародыша пламенных страстей наших. Человек влюбляется только тогда, когда он еще не наслаждается, или уже перестает наслаждаться, и потому неудивительно, что многие старики пламеннее любят, чем юноши. Сердце и душа суть такие существа в нашем составе, которые никогда не стареются. Я, узнав Вельяминову, расположился к ней сначала очень холодно; долго даже не собрался быть у них в доме, но, ознакомясь с ней, я нашел все те качества, кои способны подействовать на такой живой характер, каков мой, несмотря на прожитый мною полвека, ибо я не хочу скрывать, что мне тогда уж было полных пятьдесят лет. Скоро постигла ее жесточайшая болезнь; она была на праге смерти. С лишком год отчаявались в ее выздоровлении. В это время, любя ее уже с горячностью, страхась ее потери и из

* Очарование (фр.).

сострадания к ее семейству, которое лишилось бы в ней последних отрад в жизни, я посещал ее сколько мог чаще, и чем больше распознавал великость души ее в таком отчаянном положении, еще в молодых ее летах, тем сильнее привязывался к ней, и с той поры должен признаться, что люблю ее с необыкновенным пристрастием. Давно уже я искал сердца нежного, с которым мог бы разделить свое, и, найдя его в этой девушке, позволил своему привязаться к ней. Я люблю ее с таким жаром души, с каким, говоря здесь откровенно сам с собою, едва ли я любил кого, кроме Евгеньи, потому именно, что везде была какая-то примесь, которой здесь нет, и быть не может, и потому-то сердце мое сильнее чувствует, разум пылче восхищается, весь я предаюсь чувству, давно уже меня не оживотворявшему. Здесь нет ничего материального, все проистекает от души, все восторг и ничего более. Когда она выздоровела, я плакал от радости, что Бог ее возвратил к жизни. Никогда, о! никогда, конечно, не забуду того мрачного вечера [в] сегодняшней день ее именин, в который, посреди многих гостей, ужинавши за маленьким столиком в ее спальне сам- третьей с доктором ее и с ней, я, пивши за здоровье ее бокал шампанского, глотал слезы, можно сказать, огненные, воображая, что сей бокал есть предтеча надгробного сетования, вместо многих лет, которые я желал ей дрожащим голосом. Когда Провидение возвратило ее к жизни, я почувствовал тогда, сколько она мне необходима, ибо без любви к ней я не мог бы выносить моего положения, и потому, доколе отношение наше продолжится, я могу быть уверен, что оно послужит мне средством перенести многие тяжкие минуты, коими участь моя обременяется. Не имея возможности столько часто ее видеть, сколько бы желал, я испросил у нее дозволения вести с ней переписку; всякий день она составляет наиприятнейшее для меня удовольствие. Она еще резва, скоро и суетой мирской слишком пленяется; от этого между нами бывают споры, и довольно жаркие, после которых всегда победа на ее стороне, ибо она действует на меня с такой силой убеждения, что я не могу не дать ей полной веры во всем. И так, после всякой нашей распри, я вспоминаю старинный финал простой пастушеской песни:

Je me plains toujours d'elle,
Et je l'aime toujours*.

Вот истинная картина моего сердца в отношении к Вельяминовой. Я смело могу применить к ней старинный мой стих:

Все пали пред тобой Параши, Селимены³².

Одна могла ей противоборствовать в мире женщина, одна, конечно, Евгения! С ней нет сравнения в мире. Более никто! Сегодня ее именин, и я здесь ставлю памятник сему новому кумиру, и последнему, в моем сердце; он не расшибется в нем до гроба. Изменятся, может быть, наружные виды моего восхищенья: так много причин могут на это подействовать, но любовь моя к ней всегда и везде в одинаковой мере сохранится. В этом ручаются мне мои годы и внутренние достоинства ее, столь близкие к понятию, которое я имею об изящном чувстве любви, в превосходном, нравственном смысле.

* Я всегда жалею на нее,
И всегда ее люблю (фр.).

КУЛИКОВ

31. В последний день года, возобновляя их, доколе жизнь моя продлится, кого приличнее вспомнить, как не того верного служителя, который в первых годах моего ребячества ходил за мной? Степан Сергеевич Куликов был дядька мой. Он принадлежал князь Владимиру Сергеевичу Долгорукому и, как крепостной его человек, находился при нем во всю [немецкую]³³ Семилетнюю войну, в походах и сражениях. Не знаю я, чем он провинился, но князь рассудил его продать. Батюшка, желая иметь при мне, в моем ребячестве, человека, который бы сколько-нибудь лепетал по-немецки, купил его и приставил ходить за мною. Степан в Пруссии выучился тамошнему наречью; во всю жизнь свою отец мой был им очень доволен. Степан взростил меня, смотрел за мной, не баловал меня и был юношеству моему очень полезен. Он служил при мне и тогда, как я женился. Я его привык любить и уважать. Он был первый человек в моей немногочленной дворне. Перед женитьбой моей батюшка, по просьбе моей, изволил пожаловать ему отпускную, с которой он, однако, остался при мне и умер бездетен в нашем доме. Он похоронен в бывшем нашем сельце, Никольском. Вдова его поныне живет у нас и получает от меня половинное жалованье мужа своего, которого я заслуг никогда не забуду. Добрый был мужик и около меня весьма рачителен. Вечная ему память!!!

**ОГЛАВЛЕНИЕ ИМЕН, НАХОДЯЩИХСЯ В СЕМ СЛОВАРЕ,
С ПОКАЗАНИЕМ ЧИСЛА, ПОД КОТОРЫМ КТО ВЫСТАВЛЕН**

Месяцы	Ч.	Названия	Месяцы	Ч.	Названия
А			В		
Генваря	4	Аксакова.	Февраля	8	Васильев Алексей Ив. (гр.).
Генваря	26	Апочинина Катер. Николаев.	Февраля	9	Вилоклер (мадам).
Марта	3	Александр (протопоп).	Февраля	27	Визапур (граф).
Марта	17	Алексей Стахеич.	Марта	15	Вакселева (Елеонора Вас.).
Марта	21	Алябьев (сенатор).	Марта	18	Варч (Анна Фед. мамуш.).
Марта	31	Арбнев Иоасаф Иовл.	Апреля	18	Веверовы.
Апреля	2	Авакум (архимандрит).	Мая	3	Волконский (кн. Мих. Ник.).
Апреля	3	Апраксин Степан Степан.	Мая	5	Волкова Прасковья Воин.
Мая	11	Арсеньев Александр Иван.	Июня	1	Воейкова Катерина Иванов.
Мая	17	Алферова Надежда Сергеев.	Июня	6	Власов Иван Петрович.
Августа	16	Аввакум (Архиеп. Москов.).	Июня	24	Врасские.
Сентября	15	Александр I (императ.).	Июня	25	Вальс (сослан. в Пензу).
Сентября	23	Актеры (Мочалов и Насова).	Июля	8	Великие княжны.
Октября	21	Анджели.	Августа	3	Волконский (кн. Григ. Сем.).
Ноября	9	Ададуров Алексей Петр.	Августа	14	Волконский (кн. Пав. Мих.).
Ноября	10	Аш (барон).	Августа	24	Веревкин.
Ноября	11	Анемона Аграф. Фед. Люб.	Сентября	22	Вяземский (кн. Анд. Иван.).
Б			Октября	11	Волконская (кн. Вар. Пет.).
Генваря	13	Безобразова Полина.	Ноября	1	Вадковский Фед. Иван.
Генваря	16	Бехтеев.	Ноября	2	Вадковский Ф.Ф., сын его.
Генваря	24	Бенкендорф Ермолай.	Ноября	5	Воейкова Авдотья Алексан.
Февраля	21	Бенедиктов Мих. Степ.	Ноября	21	Венц (учитель детский).
Марта	11	Борятинская (принцесса).	Ноября	30	Вяземский (кн. Алек. Алек.).
Марта	23	Балашев (министр Пол.).	Декабря	30	Вельяминова Анисья Фед.
Апреля	1	Бромонтова (мамушка).	Сентября	27	Воронцов (гр. Канцлер.)
Апреля	11	Брагина (потом. Север.).	Г		
Апреля	15	Бабарыкин Петр Иван.	Генваря	9	Гринвальдовы (барышни).
Апреля	21	Безобразова Марья Яковл.	Февраля	2	Горич (генер. Казачий).
Мая	6	Берхова Александра Иван.	Марта	1	Голицын (кн. Серг. Мих.).
Июня	16	Безобразова Елисавет. Алекс.	Марта	27	Голицын (кн. Ник. Алек.).
Июля	13	Бобринская (графиня).	Апреля	10	Горяинова Вера Алексеевн.
Июля	28	Буркарт (доктор).	Апреля	22	Горчаков Петр Иван.
Августа	5	Барсов (профессор).	Мая	18	Гречищев (духовник).
Августа	10	Берхман (акушер).	Мая	29	Головина (гр. ныне кн. III.).
Сентября	7	Барков Николай Александр.	Июня	22	Голицына (кн. Праск. Анд.).
Сентября	29	Бабаевы.	Июня	27	Гарен (француз.).
Октября	10	Брюс (граф Яков Алекс.).	Июля	23	Гагарина (кн. Праск. Юр.).
Октября	16	Броглио Анна Пет.(графиня).	Августа	30	Горчаков (кн. Алексей Ив.).
Октября	24	Бортнянский (капельмейст.).	Сентября	3	Густав (король Шведск.).
Октября	28	Бецкой Иван Иванович.	Сентября	9	Голицын (кн. Бор. Андр.).
Ноября	3	Болотникова Марья Петр.	Октября	19	Головкин (гр. Пос. Кит.).
Ноября	8	Бобров (сибиряк).	Октября	30	Глебов Федор Иванов.
Ноября	12	Бешенц[ова] (по мужу Евреин.).	Декабря	5	Гартфельд (немец. фрейл.).
Ноября	14	Бибикова Настасья Петр.	Декабря	9	Гендрикова (графиня).
Ноября	15	Бороздина Настасья Андр.	Апреля	5	Гербер (Madame Gerbert).
Декабря	12	Бутенева.			

Месяцы	Ч.	Названия	Месяцы	Ч.	Названия
		Д			
Генваря	30	Долгорукий (кн. Вас. Мих.).	Февраля	16	Корсаков Ив. Николаев.
Февраля	11	Демидова Софья Александр.	Февраля	29	Крымов (охотник до карт[ин]).
Марта	28	Дорофея (игуменя).	Марта	10	Копиев Дан. Самойлович
Мая	12	Димитрий (протопоп).	Марта	14	Корсакова Марья Ивановна.
Мая	19	Дмитриев (Иван Иван.).	Марта	20	Кошкарова (барышня).
Июня	5	Долгорукой (кн. Алекс. Як.).	Марта	30	Кошелева Вар. Ивановна.
Июня	7	Долгорукой (кн. Юрий Вол.).	Апреля	6	Капелева Катер. Иван.
Июня	8	Дамаскин (архиерей).	Апреля	7	Константин (Mad. Constantin).
Июня	19	Дидрихштейн (графиня).	Апреля	16	Кириakov Тимоф. Прокоф.
Июня	20	Дюонанд.	Апреля	25	Кокоскин Дмитр. Федор.
Июля	15	Долгорукой (кн. Влад. Сер.).	Мая	20	Кашинцов Андр. [Никанор.].
Июля	16	Долгорукая (кн. Нат. Серг.).	Мая	23	Клавер (лекарь).
Августа	18	Deschamps (франц. пленный).	Июня	10	Корсаковы (два бр. в пох.).
Октября	15	Диц Иван Иванович.	Июня	23	Караваева (Вар. Алексеев.).
Октября	25	Доброклонский (иначе Пеж.).	Августа	9	Классон Иван Никол.
Октября	27	Дуров Дмитр. Петрович.	Августа	19	Каковинская (по муж. Хит.).
Декабря	4	Долгорукая (кн. Вар. Ник.)	Августа	26	Карякина (барышня вedom.).
		Е	Сентября	5	Кутайсов (граф).
Генваря	1	Екатерина II	Сентября	24	Колокольцов (вице-губерн.).
Генваря	10	Елагина Люб. Володим.	Октября	26	Ксенофонт (архиер. Влад.).
Апреля	12	Евламий (архиерей).	Ноября	13	Курика (студент).
Апреля	28	Евгений (архиерей).	Ноября	26	Кологривой (Степ. Иванов.).
Июня	14	Ефимовский (граф П.А.).	Декабря	8	Кочубей (гр. Мин. Вн. Д.).
Сентября	14	Еропкин Петр Дмитриев.	Декабря	11	Карамзин (историограф).
Декабря	16	Евгенов (учитель).	Декабря	13	Куракин (кн. Алекс. Бор.).
		Ж	Декабря	14	Куракин (кн. Алек. Бор.).
Мая	31	Жуковский Васил. Андр.	Декабря	15	Куракина (кн. Нат. Петр.).
Июля	24	Жуков (Вас. Михайл.).	Декабря	29	Козодавлев (мин. внд.).
		З	Декабря	27	Колобов (мой слуга).
Марта	19	Зубов Вас. Николаевич.	Декабря	31	Куликов (дядька мой).
Мая	9	Загоскины.			Л
Сентября	19	Злов (актер).	Генваря	5	Лицына Катер. Александр.
Октября	9	Зонова Катерина Андр.	Генваря	6	Левашев (майор гвард.).
Октября	22	Закревский (барышни).	Генваря	17	Ливен (граф. шт. дама).
Декабря	10	Зиновьев Мих. Николаев.	Февраля	17	Лафонша (Madame Lafond).
		И	Марта	22	Лопухина Праск. Иванов.
Генваря	11	Измаил (дьякон).	Апреля	30	Лопухина Дарья Николаев.
Генваря	29	Ильин (генерал Артил.).	Мая	28	Ланская Праск. Николаев.
Марта	26	Итальянец (учитель).	Июня	28	Лопухин (светл. князь).
Июля	29	Измайлов Лев Дмитриев.	Июля	1	Львова (монаст. Анна Вас.).
Сентября	8	Игельстром (генер. Анш.).	Июля	2	Ланской Дмитр. Сергеев.
Октября	8	Изобе (Madam Isobe).	Июля	5	Ляпунов Иван Петров.
Ноября	6	Иосиф (император).	Августа	8	Лобанов (князь Дм. Ив.).
Ноября	28	Израил (архимандрит).	Августа	12	Лихован Семенов.
Июля	21	Ивкова (монастырка).	Августа	15	Леванда (протоп. Киевск.).
		К	Августа	25	Лубиновский Фед. Петр.
Февраля	4	Калерджи (студ. из грек.).	Сентября	2	Лаврентий (вольн. наш. сл.).
Февраля	13	Климов (губ. регистр.).	[Сентября]	18	Лопухин Ив. Влад.].
			Октября	1	Лопухин Алексан. Васильев.
			Октября	2	Литта (граф).
			Октября	12	Ланская Лизав. Ивановна.
			Ноября	23	Лопухина Анна Александр.

Месяцы	Ч.	Названия	Месяцы	Ч.	Названия
		М			
Генваря	25	Мальцова Анна Сергеевна.	Сентября	6	Офросимов Пав. Афанас.
Генваря	31	Марья Федор. (императр.).	Сентября	26	Остолопов (стихотворец).
Февраля	1	Мелиссино Иван Иванов.	Ноября	4	Обольянинов (ген.-прок.).
Февраля	28	Молчанова Анна Николаев.			П
Марта	13	Мартынова Катер. Иванов.	Генваря	2	Поспелов (секретарь мой).
Марта	25	Моисей (архиерей).	Февраля	7	Приклонский (Дмит. Иван.).
Марта	29	Мятлевы.	Февраля	15	Попов Вас. Степанович.
Апреля	9	Монестроль (Monestrol emig.).	Февраля	22	Протасова Наталья Иванов.
Апреля	19	Миклашевичева Варв. Сем.	Марта	8	Полубенский Осип Петр.
Апреля	23	Мамонов (граф. фавор.).	Марта	12	Павел (император).
Апреля	27	Меньшикова (кн. Елен. Пет.).	Апреля	17	Путчи (фигляр итальянск.).
Мая	15	Мироносицкий (священн.).	Мая	2	Протасова Наст. Яковлевн.
Мая	25	Марков Ник. Иванович.	Июня	13	Прозоровский (кн. Фельд.).
Июня	18	Мордвинов Алексей Никол.	Июня	21	Плещеев Алексан. Алекс.
Июля	19	Молдаванка (горничная).	Июля	11	Пожарская (Пашета).
Июля	27	Могилевский (мой секрет).	Августа	6	Платон (Митроп. Моск.).
Августа	28	Мансурова Катер. Алексан.	Августа	11	Палитковский (доктор).
Сентября	4	Мамонинов Иван. Никол.	Августа	7	Пушкин (гр. Аполлос. Ап.).
Сентября	11	Мясоедов (сенатор).	Августа	20	Полочанинов Дмитр. Егор.
Сентября	17	Михаил Павлович (В.К.).	Августа	21	Полочанинова Федос. Егор.
Сентября	30	Муханов Алексей Ил. (сен.).	Августа	31	Приклонская Анна Дмитр.
Октября	14	Мальтиц (барон.).	Сентября	13	Прокудина Феок. Данилов.
Ноября	22	Муравьев Мих. Никитич.	Октября	4	Похвиснева Акинья Любим.
Декабря	6	Машенька (горничная).	Октября	5	Пушкин (гр. В.П. Фельд.).
		Н	Октября	7	Панин (гр. Петр. Иванов).
Генваря	8	Нестеров Васил. Петров.	Октября	13	Посников З.Н. (сенатор).
Генваря	18	Нарышкина Авд. Иван.	Октября	17	Побединский (ген.-майор).
Генваря	27	Нарышкин Петр Петр.	Октября	18	Приклонский (дир. Унив.).
Генваря	28	Николева (Орловская).	Октября	23	Павел (Архимандрит).
Февраля	12	Николай (Nicolaу).	Октября	29	Пегелу (доктор).
Мая	30	Неклюдов (генер.-майор).	Ноября	16	Парфений (архимандрит).
Июня	9	Неплюев Н.И. (сенатор).	Декабря	20	Потоцкий (граф Поляк).
Июня	17	Некрасова Варв. Алексеев.			Р
Июля	7	Несвицкая (кн. Марья Ил.).	Генваря	3	Рост (профессор).
Июля	12	Нелидова Кат. Ивановна.	Февраля	23	Ржевская Федос. Степан.
Августа	2	Нелидов Вас. Ив. (сенат.).	Февраля	24	Ржевский Степ. Матвеев.
Августа	17	Нелюбова Н.А. (барышня).	Февраля	26	Ребиндер Иван Михайл.
Августа	23	Нарышкина Марья Павл.	Марта	24	Рябов Михайло Прокоф.
Сентября	10	Николай Павлов. (вел. кн.).	Апреля	13	Раханова Степанида Петр.
Сентября	28	Нектария (схимонахиня).	Апреля	14	Рогановская Евпраксия Егор.
Ноября	19	Новосильцова Варв. Филип.	Июня	15	Рукин (Влад. полицм.).
Декабря	17	Неплюев Ив. Николаев.	Июня	26	Редькина.
Декабря	25	Наталья Алексеевна (В.К.).	Июля	10	Ришелье (в Одессе).
		О	Июля	18	Рейхель (профессор).
Марта	5	Остерман (гр. Фед. Анд.).	Августа	29	Ржевской Григор. Павл.
Апреля	8	Обухова Катерина Иванов.	Декабря	7	Рубецкая (Сонюшка).
Апреля	29	Одоевские (княжны).			С
Июня	30	Оффрен (акт. франц. труп.).	Генваря	14	Станислав (король Польск.).
Июля	26	Обрезкова (сенаторша).	Генваря	19	Строганов (гр. Алек. Серг.).

Месяцы	Ч.	Названия	Месяцы	Ч.	Названия
Генваря	20	Строганова К.П. (графиня).			Ф
Февралья	20	Селецкий В. Лав. (зять мой).	Мая	1	Филадельфи (художник).
Марта	7	Сухтелен (генерал-майор).	Мая	22	Феоктист (архиерей).
Марта	16	Строганов (барон А.Н.)	Сентября	12	Фермьер (La Fermière).
Марта	17	Стахий Ал. Стах. (духовн.).	Декабря	2	Феттер Иван Андреев.
Апреля	4	Страхов (профессор).	Декабря	23	Филатьева Соф. Ивановна.
Мая	4	Скавронский (гр. Пав. Мар.).			Х
Мая	8	Совере (Mr. Sauveré).	Генваря	21	Херасков Михайло Матв.
Мая	10	Сперанский М.М.	Марта	6	Хованский (кн. Серг. Ник.).
Мая	13	Смирная Авд. Сер. (теща моя)	Апреля	20	Хилков (кн. Мих. Петр.).
Мая	14	Смирной (шур. мой Сав.Сер.).	Мая	24	Хруцов (ген. под Швед.).
Мая	16	Смирной (сын его Вл. Сав.).	Июня	12	Хилков (кн. Мих. Яковл.).
Мая	26	Самуил (Митроп. Киевск.).	Сентября	16	Хвостов Дмит. Иванов.
Июня	3	Сипягин (полк. в пох.).	Ноября	29	Хлопова Анна Ивановна.
Июня	4	Строганова (барон. Ал. Бор.).			Ц
Июня	29	Симеон (Архиерей).	Февралья	3	Цесаревич (Конст. Пав.).
Июля	3	Серапион (Митроп. Киевск.).	Февралья	14	Цуриков Алексей Лавр.
Июля	31	Струйский Николай [Ерем.].	Февралья	18	Цыциянова (княгиня) Ва. Ег.
Августа	1	Сен-При (Saint-Priest).	Апреля	26	Цветаев Алексей Алексеев.
Августа	22	Салтыкова Граф. Дар. Петр.			Ч
Октября	20	Соковнин Серг. Петров.	Мая	27	Чириков Никан. Алексан.
Ноября	17	Салтыков Алекс. Васил.	Июля	17	Чемесов Ефим Петров.
Ноября	18	Самойлов (граф Ал. Ник.).	Сентября	25	Чернышев (гр. Григ. Ив.).
Ноября	25	Салтыковы (св. кн. и кн.).	Декабря	3	Чеботарев (профессор).
Декабря	1	Строганова барон. Нат.Мих.			Ш
Декабря	18	Ступишин (Пенз. губерн.).	Генваря	12	Шувалов (обер-кармер.).
Декабря	19	Ступишина (жена его).	Генваря	22	Ширяев (книгопродавец).
Декабря	20	Синявская (актриса).	Генваря	23	Шниц (доктор).
Декабря	22	Сафонова Над. Николаевна.	Марта	2	Шабан (пленный).
			Мая	21	Шених (лекарь).
			Июня	2	Шаховская (кн. Вар. Ал.).
			Июня	11	Шереметева (по муже Б.).
			Июля	4	Шаликов (кн. П.И., стих.).
			Июля	9	Шапошников (плем. Мир.).
			Июля	14	Шувалова (гр. Кат. Петр.).
			Июля	22	Шатофор (Mlle Cheauteaufort)
			Августа	13	Шаховской (кн. Ник. Григ.).
			Августа	27	Шереметев (гр. Ник. Пет.).
			Ноября	7	Шульгин (Шуйск. город).
			Ноября	20	Шумилова Наст. Ивановна.
					Щ
			Октября	31	Щербатова (после Полик.).
					Ю
			Февралья	6	Юшкова Анна Петровна
					Я
			Июля	25	Яков (духовник мой дер.).
			Августа	4	Яковлева (волшебница).
Июля	6	Улыбышева. Елис. Алексан.	Декабря	26	Яньковы.
Сентября	1	Ушакова (при дворе).	Декабря	28	Язвический (учитель имп.).

**ОГЛАВЛЕНИЕ МЕСЯЧНЫХ ДНЕЙ, ДЛЯ ПРИИСКАНИЯ,
ПОД КОТОРЫМ ИЗ ОНЫХ КАКОЕ ИМЯ ВЫСТАВЛЕНО**

Ч.	Названия	Ч.	Названия
ЯНВАРЬ			
1	Екатерина II	15	Попов Вас. Ст.
2	Поспелов.	16	Корсаков Ив. Ник.
3	Рост.	17	Лафонша.
4	Аксакова.	18	Цыциянова.
5	Лицына.	19	Танеев.
6	Левашов.	20	Селецкий.
7	Таптыков.	21	Бенедиктов.
8	Нестеров.	22	Протасова Н. Иван.
9	Гринвальдовы.	23	Ржевская Ф. Ст.
10	Елагина.	24	Ржевский Ст. Мат.
11	Измаил.	25	Татищева М. Ст.
12	Шувалов И.И.	26	Ребиндер.
13	Безобразова Полина	27	Визапур.
14	Станислав К.П.	28	Молчанов Ник. Ав.
15	Толстой Ф.М.	29	Крымов.
16	Бехтеев.	MART	
17	Ливен (генеральша).	1	Голицын Кн. Серг. Мих.
18	Нарышкина А.И.	2	Шабан.
19	Строганов. Гр. Ал. Серг.	3	Александр (Протопоп).
20	Строганова. Гр. К.П.	4	Телегин.
21	Херасков.	5	Остерман.
22	Ширяев книгопродавец.	6	Хованский.
23	Шмиц Доктор.	7	Сухтелен.
24	Бенкендорф.	8	Полубенский.
25	Мальцова.	9	Турчанинова.
26	Апачинина.	10	Копьев.
27	Нарышкин П.П.	11	Барятинская (принцесса).
28	Николева.	12	Павел (император).
29	Ильин Артил. Ген.	13	Мартынова.
30	Долгорукой (Крымской).	14	Корсакова М.И.
31	Мария Федоровна	15	Вакселева (Елеонора).
ФЕВРАЛЬ		16	Строганов (бар. Ал. Ник.)
1	Мелиссино.	17	Стахийев (духовник).
2	Горич.	18	Варч (мамушка).
3	Цесаревич К.П.	19	Зубов В. Ник.
4	Калерджи.	20	Кашкарова.
5	Тургенев.	21	Алябьев.
6	Юшкова.	22	Лопухина Пр. Ив.
7	Приклонской.	23	Балашев.
8	Васильев Граф.	24	Рябов
9	Виллоклер (madame).	25	Моисей (архиерей)
10	Таракановы.	26	Итальянец (учитель).
11	Демидова С.Ал.	27	Голицын Кн. Н.Ал.
12	Николай (иностранец).	28	Дорофея (игуменя).
13	Климов.	29	Мятлева.
14	Цуриков.	30	Кошелева Вар. Ив.
		31	Арбенив.

Ч.	Названия	Ч.	Названия
	АПРЕЛЬ		
1	Бромонтова (мама).	19	Дмитриев И.И.
2	Аввакум (архим.).	20	Кашинцов.
3	Апраксин Ст.Ст.	21	Шениг (лекарь).
4	Страхов (профессор).	22	Феоктист (архиерей).
5	Гербер (madame).	23	Клавер (лекарь).
6	Капелева.	24	Хрущов.
7	Constantin (madame).	25	Марков.
8	Обухова.	26	Самуил (архиерей).
9	Монестроль (француз).	27	Чириков.
10	Горяинова.	28	Ланская Пр. Ник.
11	Брагина.	29	Головина.
12	Евлампий (ахиерей).	30	Неклюдов.
13	Рахманова.	31	Жуковский.
14	Рогановский.		ИЮНЬ
15	Бабарькин.	1	Воейкова.
16	Кирияков.	2	Шаховская кн. В.А.
17	Путчи (италиянец).	3	Сипягин.
18	Веверова.	4	Строганова А.Б.
19	Миклашевичева.	5	Долгорукой К. А.Я.
20	Хилков (кн. М.П.).	6	Власов.
21	Безобразова М. [Як.].	7	Долгорукой Кн. Ю.В.
22	Горчаков П.И.	8	Дамаскин (архиерей).
23	Мамонов.	9	Неплюев Н.И.
24	Тутолмин.	10	Корсаковы (два брата).
25	Кокошкин.	11	Шереметева Пр. Серг.
26	Цветаев.	12	Хилков Кн. М. [Як.].
27	Меньшикова.	13	Прозоровский.
28	Евгений (архиерей).	14	Ефимовский.
29	Одоевские.	15	Рукин.
30	Лопухина Д.Н.	16	Безобразова Н.Ал.
	МАЙ	17	Некрасова.
1	Филадельфи (иностранец).	18	Мордвинов.
2	Протасова Н.И.	19	Дидрихштейн.
3	Волконский К. М.Н.	20	Дюнант.
4	Скавронский.	21	Плещеев.
5	Волкова.	22	Голицына Кн. П.А.
6	Берхова.	23	Кораваева.
7	Совере (мой учитель).	24	Врасские.
8	Трубецкой К. С.Н.	25	Вальс.
9	Загоскины.	26	Редькина.
10	Сперанский.	27	Гарен.
11	Арсеньев.	28	Лопухин (Светл.).
12	Смирной (протопоп).	29	Симеон (архиерей).
13	Смирная А.С.	30	Оффрен (актер).
14	Смирной С.С.		ИЮЛЬ
15	Алексей (поп).	1	Львова.
16	Смирной Вл. Сав.	2	Ланской Д.С.
17	Алферова.	3	Серапион (архиерей).
18	Гречищев (протопоп).	4	Шаликов. Кн. П.И.

Ч.	Названия	Ч.	Названия
5	Ляпунов.	25	Лубяновский.
6	Улыбышева.	26	Карякина.
7	Несвицкая.	27	Шереметев. Гр. Н.П.
8	Великие княжны.	28	Мансурова.
9	Шапошников.	29	Ржевский Гр. П.
10	Ришелье.	30	Горчаков Кн. А.Н.
11	Пожарская (Пашета).	31	Приклонская.
12	Нелидова.		
13	Бобринская.		СЕНТЯБРЬ
14	Шувалова Гр.	1	Ушакова
15	Долгорукой К. В.С.	2	Лаврентий (слуга).
16	Долгорукая К. Н.С.	3	Густав (барон шведской).
17	Чемесов.	4	Моложенинов.
18	Рейхель (профессор).	5	Кутайсов.
19	Молдаванка.	6	Офросимов.
20	Тихомиров.	7	Барков.
21	Ивкова.	8	Игельстром.
22	Шатофор (мамзель).	9	Голицын Кн. Б. Ст.
23	Гагарина.	10	Николай Павлович (Великий князь).
24	Жуков.	11	Мясоедов.
25	Яков (священник).	12	Лафермьер (иноземец).
26	Обрескова.	13	Прокудина.
27	Могилевский.	14	Еропкин П.Д.
28	Буржарт ([лекарь]).	15	Александр I (император).
29	Измайлов.	16	Хвостов.
30	Траубе.	17	Михаил Павлович (Великий князь)
31	Струйский.	18	Лопухин Ив. Влад.
		19	Злов (актер).
	АВГУСТ	20	Толстой.
1	Сен-При (принц).	21	Терентьич (дядька).
2	Нелидов.	22	Вяземский. Кн. Ан. Ив.
3	Волконский Кн. Г.С.	23	Актеры.
4	Яковлева.	24	Колокольцов.
5	Барсов (профессор).	25	Чернышов.
6	Платон (Митрополит).	26	Остолопов.
7	Пушкин.	27	Воронцов А.Р.
8	Лобанов.	28	Нектария (баба моя).
9	Классон.	29	Бабаев.
10	Берхман (акушер).	30	Муханов.
11	Политковский (доктор).		
12	Леховой.		ОКТАБРЬ
13	Шаховской.	1	Лопухин Ал. Вас.
14	Волконский. Кн. П.М.	2	Литта (граф).
15	Леванда (проповедник).	3	Трубецкая Кн. В.А.
16	Августин (архиерей).	4	Похвиснева Акс. Люб.
17	Нелюбова.	5	Пушкин (граф).
18	Дешан ([француз]).	6	Трубецкая (кн.).
19	Каковинская.	7	Панин Гр. П.К.
20	Полочанинов.	8	Изабе (француженка).
21	Полочанинова.	9	Зонова Кат. Анд.
22	Салтыкова. Гр. Д.П.	10	Брюс Гр. Як. Ал.
23	Нарышкина М.П.	11	Волконская. Кн. В.П.
24	Веревкин.	12	Ланская Лиз. Ив.

Ч.	Названия	Ч.	Названия
13	Посников.	22	Муравьев.
14	Мальтиц.	23	Лопухина Ал.Ал.
15	Диц.	24	Турчанинова.
16	Броглио (Графиня).	25	Салтыковы (Светлейшие).
17	Побединский.	26	Кологривой.
18	Приклонский.	27	Таваст (швед).
19	Головкин (Граф).	28	Израил (архимандрит).
20	Соковнин Серг. Петр.	29	Хлопова.
21	Анджели.	30	Вяземский. Кн. Ал.Ал.
22	Закревские.		ДЕКАБРЬ
23	Павел (архимандрит).	1	Строганова Нат. Мих.
24	Бортнянский.	2	Феттер.
25	Доброклонский.	3	Чеботарев (профессор)
26	Ксенофонт (архиерей).	4	Долгорукая Кн. В.Н.
27	Дуров (Дурылом).	5	Гартфельд (старейшина).
28	Бецкой Ив. Ив.	6	Машенька (служанка)
29	Пегелау (доктор).	7	Рубецкая.
30	Глебов.	8	Кочубей (министр).
31	Щербатовы.	9	Гендрикова (графиня).
	НОЯБРЬ	10	Зиновьев.
1	Вадковский Ф.И.	11	Карамзин.
2	Вадковский Ф.Ф.	12	Бутенева.
3	Болотникова.	13	Куракин. Кн. Александр Борис.
4	Обольянинов.	14	Куракин. Кн. Алексей Борисович.
5	Воейкова.	15	Куракина Кн. Н.П.
6	Фалькенштейн (импер.).	16	Евгенов (учитель).
7	Шульгина.	17	Неплюев Ив. Ник.
8	Бобров.	18	Ступишин Ив. Ал.
9	Ададунов.	19	Ступишина А.Д.
10	Аш (барон).	20	Потоцкий (поляк).
11	Анемона (Груша).	21	Синявская (актриса).
12	Бешенцова.	22	Сафонова.
13	Курика.	23	Филатьева.
14	Бибикова.	24	[Евгения]
15	Бороздина.	25	Наталья Алексеевна (Вел. княгиня).
16	Парфений (архиерей).	26	Яньковы.
17	Салтыков А.В.	27	Колобов (слуга мой).
18	Самойлов (граф).	28	Язвицкий (писатель).
19	Новосильцова.	29	Козодавлев Ос. Петр.
20	Шумилова.	30	Вельяминова Ан. Фед.
21	Венц (учитель).	31	Куликов (дядька мой).

ПРИЛОЖЕНИЯ

В.И. Коровин

КНЯЗЬ ИВАН ДОЛГОРУКОВ
И «КАПИЩЕ МОЕГО СЕРДЦА»

В десятой главе романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкин упомянул народное слово «авось» и заметил:

Авось, о Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплет великородный
Меня уже предупредил.

«Стихоплет великородный» – князь Иван Михайлович Долгоруков (7/18 апреля 1764 – 4/16 декабря 1823), написавший ироническую оду «Авось». Кроме этой известной сатиры, И.М. Долгоруков создал множество произведений в различных жанрах. У него есть и лирические сочинения, в сборниках «Бытие моего сердца», «Сумерки моей жизни», и прозаические, и драматические, и переводы. За пять лет до смерти И.М. Долгоруков завершил работу над мемуарами, не полностью изданными под заглавием «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни». К тому же роду сочинений относится и «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни».

На судьбе и писаниях И.М. Долгорукова лежит отпечаток событий первой трети XVIII в. До 1730 г. род Долгоруковых вписан в историю России крупными несмываемыми буквами. После 1739 г. князья Долгоруковы никогда не поднимались на вершины власти, хотя подчас и занимали видные должности в Российском государстве. Воспоминания о прежнем блеске и последующем падении славной и древней фамилии окрасили судьбу И.М. Долгорукова. Мрачный отсвет казней лег и на мемуарные сочинения князя. В биографических произведениях он отказался от изложения исторических событий, а писал исключительно для себя и своих потомков, притом о тех лицах, которые часто не играли значительной роли в истории России, а если и были с ней связаны, то он о ней не распространялся, предпочитая писать о том, какое место эти люди занимали в его личной жизни, как складывались его отношения с ними и какое впечатление они произвели на него. Подчеркнуто «не-исторический» характер мемуаров, из которых исключены родители и «государственные люди», свидетельствует о том, что Долгоруков демонстративно мыслил себя частным человеком, не принимавшим участия в государственных делах. Если в его воспоминаниях и встречаются императоры, государственные деятели, ученые, писатели, композиторы, художники и актеры, то автора интересует их отношение к нему, Ивану Михайловичу Долгорукову, как человеку, и их влияние на его частную жизнь. Этот взгляд

характерен для мемуаров: многие события и многих людей Долгоруков оценивает пристрастно, не принимая во внимание глубоких причин, вызвавших те или иные поступки и душевные движения и не входя в их обсуждение. Однако тот же взгляд содержит и несомненные достоинства, позволяя лучше понять быт, нравы, психологию людей, их личные взаимоотношения, от которых часто зависело управление государством, производство и течение дел. Словом, отпрыск некогда могущественного, знатного и богатейшего рода, как бы смилив гордыню, писал о себе как об обыкновенном человеке. Но такова только видимость: князь Долгоруков всегда помнил, что он, его предки и потомки, принадлежат русской истории, и всегда мечтал о возрождении знаменитой ветви русских князей, об их новом взлете на вершины власти, с которых они были низвергнуты беспощадной, непостоянной и изменчивой судьбой.

Зловещий отблеск роковых событий 1730–1739 гг. отбрасывает тень на мемуары. Его мерцание ощутимо в воспоминаниях, которые трудно понять и оценить без исторического фона, тем более, что чувство обиды на несправедливость при всей его завуалированности проступает и в «Повести о рождении моем, происхождении и всей жизни», и в «Капище».

Князя Долгоруковы, как писал в «Сказаниях о роде князей Долгоруковых» их историк П.В. Долгоруков, были прямыми потомками по мужской линии Рюрика, Святого Владимира Равноапостольного, правнука Рюрика, крестившего Русь, Святого Михаила Черниговского, не поклонившегося Орде и принявшего мученическую смерть. Из рода Долгоруковых вышли знаменитые полководцы, воеводы, фельдмаршалы, умелые дипломаты, знаменитые государственные деятели. Они породнились со столь же знатными русскими фамилиями, составившими славу нашего отечества. Родоначальником династии собственно Долгоруковых считается князь Иван Андреевич Оболенский, получивший прозвище «Долгорукой», «вероятно по длине рук своих»¹. Его сыновья сделались основателями четырех различных ветвей дома Князей Долгоруковых. С тех пор, с XV века, Долгоруковы имели свой герб, состоявший из щита, разделенного на четыре равные части. В первой был изображен герб княжения Черниговского: в золотом поле черный одноглавый орел с золотым венцом на голове, крылья у орла распростерты, и в лапе своей он держит золотой крест. Во второй части представлен герб княжения Киевского: в красном поле помещен Ангел в серебротканой одежде, держащий в правой руке обнаженный серебряный меч, а в левой золотой щит. Третья часть покрыта черным цветом: из облаков появляется в латы облаченная рука со стрелой. Четвертая часть являет собой серебряную крепость на голубом поле. Весь герб в виде щита покрыт княжескою мантиею и российско-княжескою шапкою.

Род Долгоруковых отличался нравом пылким, надменным, неукротимым в желаниях и страстях, слыл гордым и неуступчивым. Так, известны подвиги Якова Федоровича Долгорукова, видного сподвижника Петра I, который следовал правилу: «Царю правда – лучший слуга! Служить – так не картавить, картавить – так не служить!» Об Я.Ф. Долгорукове и его частых спорах с Петром I хо-

¹ Долгоруков П. Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840. С. XVIII. О других версиях происхождения рода см. подробнее в Примечаниях.

дили легенды и сочинялись анекдоты. Однажды, например, в Петербурге случился недостаток в хлебе. Сенаторы решили переложить бремя поставок хлеба на народ и положили собрать по четверику с каждого крестьянина в Новгородской губернии, чтобы не везти из дальних мест. Петр I согласился с мнением Сената. Я.Ф. Долгоруков не присутствовал на заседании, но потом приехал, прочел определение, потребовал сургуча, запечатал все изготовленные указы и отправился на своей одноколке к обедне. Сенаторы обиделись и пожаловались Петру I. Тот трижды посылал за Долгоруковым и велел, наконец, ему объявить, что если он немедленно не явится в Сенат, то с ним поступят, как с послушником верховной власти. На это Долгоруков, продолжая молиться, глубокомысленно изрек: «Воздадите Божия Богови, а Кесаря Кесареви». Посланец царя спросил: «Что прикажете донести Государю?» Князь отвечал: «Донеси, что видишь и слышишь». Вскоре обедня кончилась, и Долгоруков поспешил в Сенат. Петр I, отличавшийся не менее крутым нравом, встретил его едва ли не взбешенным. Обняв свой кортик, он гневно вскричал: «Ты должен умереть, как противник Государев!» Тут коса нашла на камень. Я.Ф. Долгоруков чрезвычайно хладнокровно ответил: «Вот грудь моя – не страшусь лишиться жизни за правду; но ты будешь Александр, а я Клит!» При этих словах Петр I опустил руку и, отступив на несколько шагов, спросил: «Как ты осмелился остановить мое повеление?» Тогда князь сказал: «Ты сам приказываешь представлять тебе истину и стараться о пользе своего народа». Петр I смягчился и уже другим тоном спросил: «Но где же мы возьмем хлеб?.. Разве ты хочешь видеть печальное следствие голода?» «Нет, Государь, – отвечал Долгоруков, – Боже нас от него сохрани!» После этого он изложил свой план: надлежит, говорил он, взять хлеб не у крестьян, которых к тому же оберут воры-комиссары, а у сенаторов и вельмож. Князь отдал свой запас, а сенаторы и приближенные императора последовали его примеру. Подводя итог этому происшествию, Петр I сказал: «Вижу, что можно вам сносить его упорство и противоречия». В самых лестных выражениях он благодарил Долгорукова за его прозорливость и просил у него прощения в гневе своем.

Из этого рассказа видно, что мужество Долгорукова принимало черты какого-то античного, греко-римского гражданства, сочетавшегося со старинными обычаями и европейскими нравами. Такого же рода были и другие легенды и анекдоты, в частности, широко известный случай с разодранным петровским указом.

И.М. Долгоруков находился в прямом родстве со знаменитым предком петровского времени, поддержавшим реформы, направленные к преобразованию России. Он происходил от Григория Федоровича Долгорукова, родного брата Якова Федоровича. У Г.Ф. Долгорукова было пятеро детей: сыновья Алексей, Иван, Сергей, Александр и дочь Александра, вышедшая замуж за В.Ф. Салтыкова. Алексей Григорьевич занимал губернаторское место в Смоленске, был Президентом Главного магистрата, кавалером орденов Св. Александра Невского, Св. Андрея Первозванного, действительным тайным советником, а впоследствии членом Верховного тайного совета. О характере и личности Алексея Григорьевича и современники, и историки держались невысокого мнения. А.Г. Долгоруков не отличался ни умом, ни познаниями, был спесив, надменен, не в меру горд, тщеславен и весьма корыстен. Он всегда хотел власти и денег, хотя

состояние Долгоруковых совокупно и по отдельности было по тем временам несметным. Достаточно сказать, что Сергей Григорьевич Долгоруков, родной брат Алексея Григорьевича, по некоторым, возможно неточным и преувеличенным сведениям, имел 200 000 душ². Алексей Григорьевич, как и большинство Долгоруковых, за немногими исключениями, оставался до конца дней приверженцем старины, древних русских обычаев и нравов, непримиримым противником иноземцев, в особенности немцев, занимавших тогда видные места при царском дворе. Однако приверженность старине не надо понимать в том смысле, будто Долгоруковы выступали против реформ, начатых Петром I, и против европеизации России. Эта мысль очень часто и несправедливо приписывалась Долгоруковым иностранными дипломатами, оставившими свои воспоминания и письма. На самом деле речь шла о другом; Долгоруковы выступали сторонниками Петра I в государственных делах, но хотели бы сохранить старинные нравы и обычаи в частном быту, в своих имениях и в укладе русской жизни. Там, где Петр I укреплял государственную мощь России и где он стремился включить Россию в число первых европейских государств, он встречал неизменное сочувствие и полное содействие Долгоруковых. Там, где преобразовательная деятельность Петра I вторгалась в частный быт и нарушала вековые порядки и обычаи, он встречал яростное сопротивление со стороны Долгоруковых. Самый, может быть, показательный пример – князь Василий Владимирович Долгоруков, генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I и в то же время страстный поборник старины, с негодованием относившийся ко всем новшествам императора, касавшимся упразднения древних обычаев. Привязанность к старинному образу жизни заставила его примкнуть к царевичу Алексею, за что он в 1718 г. был арестован и сослан в Казань. Позднее Петр I, помня его заслуги, в день коронации Екатерины I (7 мая 1724 г.) дозволил В.В. Долгорукову вступить в службу полковником. В.В. Долгоруков и в последующие царствования остался верен своим взглядам – одобрял и поддерживал государственные преобразования и порицал всякие нововведения в частном быту России, за что, кстати, неизменно подвергался репрессиям. Словом, Долгоруковы «звали не к обветшалому прошлому», а готовы «были допустить культурность России, но на условии сохранения старинного быта в частной жизни, отказавшись только от одного – от азиатского обычая запирания женщин». Услугами иностранцев, полагали они, можно пользоваться, но нельзя допустить их к высоким должностям в государстве, исключая тех, кто принимал православие и вступал в брак с дочерьми русских вельмож³.

Другой стороной того же противоречия стало для Долгоруковых, в том числе и для А.Г. Долгорукова, предпочтение Москвы Петербургу. Оно сыграло весьма заметную роль в их роковой судьбе. Петербург как официальная резиденция русских государей, по мнению Долгоруковых, создавался для управления империей. Церемонии, парады, увеселения – все приобретало здесь государственный смысл. Петербург символизировал «ум» нации, Москва – ее «душу». Она выполняла роль государственной столицы преимущественно «во дни торжеств и

² Фадеева Н. Заметка о родословии князей Долгоруковых // Русский архив. 1866. № 5. Стб. 1362.

³ Из записок князя П.В. Долгорукова. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. М., 1909. С. 32.

бед народных»⁴ и была более пригодна и уместна для частной жизни царей. «Коренной России град», Москва предоставляла больше возможностей для воспитания в духе старинных обычаев, непосредственного общения придворных с царями и как бы неформального влияния на государственные дела.

Помимо двоюродного брата Василия Лукича Долгорукова, умного, хитрого, лукавого царедворца и талантливое дипломата, не чуждого ни тщеславия, ни корысти⁵, сохранявшего привычки и манеры французских придворных (в молодости он был секретарем русского посольства при Людовике XVI), из родных братьев Алексея Григорьевича Долгорукова самым способным и образованным был, несомненно, Сергей Григорьевич, служивший на дипломатическом поприще при российских посольствах во Франции, Австрии, Англии и дважды бывший посланником в Варшаве. Его женитьба на Марфе Петровне Шафировой, дочери барона Петра Павловича Шафирова, упрочила положение Долгоруковых при дворе и помогла сокрушить всесильного А.Д. Меншикова, врагами которого были П.П. Шафиров и князь Долгоруковы.

После смерти Екатерины I реальными претендентами на российский престол были дочь Петра I Елизавета Петровна, которой исполнилось 18 лет, и Петр Алексеевич, внук Петра I от его казненного сына Алексея Петровича. Ему в ту пору, в 1727 г., было 12 лет. Согласно завещанию Екатерины I, на трон был возведен Петр II, а управление государством должно было осуществляться Верховным тайным советом, но решающее мнение принадлежало большинству опекунов государя. Его первым наставником-воспитателем был А.И. Остерман. Однако фактически бразды правления держал в своих руках А.Д. Меншиков, хотя в духовной он не назначался правителем при императоре-отроке. Меншиков уничтожил опеку и стал полным властителем. Для того чтобы упрочить свою власть и оказывать постоянное влияние на мальчика-царя, Меншиков перевез его в свой дом на Васильевском острове и решил женить его на своей дочери Марии Александровне, которая была гораздо старше Петра II и не отличалась миловидностью. 25 мая 1727 г., т.е. на восемнадцатый день после вступления на престол Петра II, состоялось обручение императора с дочерью Меншикова, и с этого дня в церквях стали почитать княжну Марию Александровну как царскую невесту. А.Д. Меншиков предпринял несколько шагов, чтобы успокоить завистливую к его возвышению знать. А.И. Остерман был назначен обер-гофмейстером, А.Г. Долгоруков – гофмейстером при умной и любимой Петром II его сестре Наталье Алексеевне, которая, судя по мемуарным свидетельствам, оказывала на императора сильное и благотворное влияние. А.Д. Меншиков хотел заручиться поддержкой Долгоруковых и привязать их к себе. Так, он сделал князя Михаила Владимировича сенатором. Обласканный им Василий Владимирович Долгоруков благодарил Меншикова в самых

⁴ См.: *Архангельский А.* Мистика империи в русской политике и культуре начала XIX века // *Cahiers du Monde russe*, XXXVI (4), octobre-décembre 1995. P. 417–418.

⁵ См. отзыв о нем герцога де Лириа, испанского посла в России: «Князь Василий Лукич Долгорукий, также член Совета, был человек весьма умный и приятный. Он занимал место Посланника в Швеции, Дании, Польше и Франции и везде снискал себе славу благоразумного и искусного Министра. Ему известны были весьма многие языки, на которых говорил он весьма хорошо, и вообще был человек, с которым можно было жить и иметь дело; но в то же время главнейшего его слабостью, как говорят, было корыстолюбие» (*Сын Отечества*. 1822. № 20. С. 247–248).

лестных и преданных выражениях:” ...все получаем через ваше предстательство, и со всякою охотою свидетельствую самим Богом и всем сердцем, сколько слабого моему смыслу есть, с радостью служу, не жалея своего здоровья...”⁶. Однако планы Долгоруковых простирались далее того предела, который отводил им Меншиков. К тому же Меншиков не мог опереться на старые боярские и дворянские роды: он был им чужд. Они помнили, что князь Меншиков – совсем иной породы. Но и среди новой знати, возвышенной Петром I, у Меншикова нашлось немало врагов. Когда Меншиков приблизился к императору и стал его фаворитом, чувству зависти не было конца. Выдающийся историк С.М. Соловьев, исследуя причины быстрого падения Меншикова, пришел к печальному выводу: «Новая Россия не наследовала от старой – аристократии; она наследовала только несколько знатных фамилий или родов, которые жили особенно, без сознания общих интересов и обыкновенно во вражде друг с другом; единства не было никакого, следовательно, не было никакой самостоятельной силы: сильною могла стать та или другая фамилия через фавор»⁷.

Замыслы Долгоруковых заключались, как будет видно из дальнейшего изложения, не только в том, чтобы оттеснить Остермана, Голицыных и других вельмож, в том числе и Меншикова, от Петра II, но шли значительно дальше: Долгоруковы пытались стать во главе правящей олигархии, ограничив императорскую власть. В этом не было ничего необычного. Такую же цель преследовали и другие древние роды, например Голицыны. Попытки ограничения самодержавия свойственны и прежним временам. Это прекрасно выражено А.С. Пушкиным в «Борисе Годунове».

Падение А.Д. Меншикова историки связывают с дворцовыми интригами и происками Долгоруковых. Несомненно, Долгоруковы причастны к удалению всеильного временщика от двора. Они сумели воспользоваться целым рядом благоприятных для них обстоятельств.

Одно из них заключалось в том, что Петр II стал тяготиться назойливым и слишком ревностным присмотром А.Д. Меншикова. Мальчик-император фигурой и статью пошел в деда, Петра I. Сведения, дошедшие о нем, противоречивы. Мемуаристы, однако, сходятся на том, что Петр II имел смуглый цвет лица, выглядел не по годам мужественно. Черты его лица были правильны и красивы, но взгляд мрачен, и часто окружающие не находили в Петре II приятности и привлекательности. Он был высокого роста, строен, волосы имел черные (некоторые мемуаристы говорят о светлорусых волосах. – В.К.), глаза того же цвета, велики и красивы, бледен, но здоров и крепкого телосложения, наделен большим и проницательным умом, который не развивали; обладал чувствами снисходительными и великодушными, сердился, когда мешали его удовольствиям, важными делами интересовался мало, в еде и питье соблюдал умеренность, но последние качества не касались верховой езды, охоты и женщин⁸. Хотя император мало и неохотно учился, будто бы даже не умел читать, он хорошо владел латынью, гово-

⁶ См.: Соловьев С.М. История России от древнейших времен. СПб., 1851–1879. Кн. 4, т. XVI–XX. С. 1026.

⁷ Там же. С. 1065.

⁸ См.: Из Олденбургского архива // Русский архив. 1904. № 3, кн. 1. С. 382–383.

рил по-немецки и по-французски⁹. По словам князя П.В. Долгорукова, основанным на семейных преданиях, «народ любил Петра II, знал его доброту, любовался его благородной красотой; любил в нем последний отпрыск Романовых, царствовавших более ста лет, радовался его любви к Москве белокаменной и отвращению к нелюбимому Петербургу»¹⁰. П.В. Долгоруков писал, что Петр II отличался умом необыкновенно беглым, соображением быстрым, душой доброй и благородной. Будучи неограниченным властелином своей особы и желаний своих, он был крепок телесно. Склонный к доброму и возвышенному, он и по уму напоминал своего деда, Петра I, но не имел его исполинской воли¹¹. Другие историки держатся иного мнения. При Петре II, утверждал, например, П.К. Щербальский, не было казней, но не было и милости – все решал произвол. И вообще Петр II обладал характером слабым, непостоянным, сердцем холодным и своенравным¹².

Вскоре после вступления на престол Петру II наскучил надзор Меншикова, а Мария Александровна стала для него обузой. О своей невесте он говорил: «Разве не довольно, что я люблю ее в сердце; ласки излишни; что касается до свадьбы, то Меншиков знает, что я не намерен жениться ранее 25 лет»¹³. Однажды Петр II пришел к своей сестре Наталье Алексеевне и на коленях просил ее, чтобы она воспрепятствовала его браку с княжной Меншиковой, обещая в подарок за эту услугу карманные часы (при разговоре присутствовал граф Лесток)¹⁴.

Другим поводом к недовольству императора послужило корыстолюбие Меншикова. Как-то раз петербургские каменщики подарили Петру II 9 000 червонцев. Император отослал их сестре. Меншиков повелел отправить деньги к себе, сказав при этом, что государь очень молод и не умеет распоряжаться деньгами как следует. Петр II гневно выговорил Меншикову: «Я тебе покажу, что я император и что мне надобно повиноваться»¹⁵.

Долгоруковы быстро и успешно воспользовались промахами Меншикова. При этом, как обычно бывает, недруги временно объединились с целью свергнуть фаворита, а затем их соперничество вспыхнуло с новой силой. В союз против Меншикова вступили Долгоруковы, Голицыны, Остерман, дальние интересы которых были совершенно различны.

Враги Меншикова сделали ставку на сына Алексея Григорьевича Долгорукова – Ивана Алексеевича, который еще Екатериной I был назначен гоф-юнкером к великому князю Петру Алексеевичу. Ивану Алексеевичу (1708–1739), деду Ивана Михайловича Долгорукова, было во время его тесного сближения с великим князем 17 лет, а Петру Алексеевичу – 10 лет. Князь Иван воспитывался,

⁹ Записки дока Лирийского и Бервикского во время пребывания его при Императорском Российском Дворе в звании посла Короля Испанского 1727–1730 годов. М., 1909. С. 53.

¹⁰ Из записок князя П.В. Долгорукова. С. 44.

¹¹ Долгоруков П. Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 110.

¹² Щербальский П.К. Вступление на престол императрицы Анны Иоанновны // Русский вестник. 1859. Т. 19, № 1. С. 30.

¹³ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 1057.

¹⁴ Вейдмейер А. Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елисаветы Петровны. СПб., 1832. Ч. I. С. 62.

¹⁵ Там же. С. 1056.

как и его сестра Екатерина Алексеевна, будущая невеста Петра II, в Варшаве, у своего деда Григория Федоровича Долгорукова, а после его смерти возвратился в Петербург. У князя Ивана были веские основания ненавидеть Меншикова, который запутал его в дело Девиера (известный заговор против Меншикова) и хотел отправить поручиком в армейский полк. И только слезы Петра Алексеевича смягчили Меншикова. Он позволил Ивану Алексеевичу, не предвидя в нем опасного соперника, остаться при дворе и быть неразлучным с императором. Иван Долгоруков помнил обиду и никогда не мог простить Меншикову, «выскачке пирожнику»¹⁶. К тому времени Иван Алексеевич сделался уже незаменимым другом Петра II и в полной мере узнал слабости и достоинства мальчика-императора. По словам князя Щербатова, Иван Долгоруков «рассудил сыскать его к себе милость и доверенность». «В единый день, – писал Щербатов, – нашел его (т.е. великого князя Петра) единого, Иван Долгорукий пал перед ним на колени, изъясняя всю привязанность, какую весь род его к деду его, Петру Великому, имеет и к его крови; изъяснил ему, что он по крови, по рождению и по полу почитает его законным наследником Российского престола, прося, да уверится в его усердии и преданности к нему»¹⁷. Петр II искренне полюбил Ивана Долгорукова и не расставался с ним. Алексей Григорьевич, Василий Лукич и А.И. Остерман наставляли Ивана Долгорукова, как описывать императору поступки, поведение и толковать слова Меншикова. Тот вскоре заметил, что его попытки привлечь на свою сторону Долгоруковых обернулись полной неудачей. Тогда Меншиков обратил свои взоры на князей Голицыных, но было уже поздно, потому что Алексей Григорьевич Долгоруков успел войти в сношение с ними, графом Головкиным и графом Апраксиным, чтобы добиться удаления Меншикова. Усилия Меншикова по привлечению Голицыных не имели никакого успеха. Может быть, единственным человеком, который убеждал Петра II, что фаворит Меншиков ничем не хуже фаворита Долгорукова, а фаворит Долгоруков ничем не лучше фаворита Меншикова, была умная и рассудительная сестра царя, великая княжна Наталья Алексеевна. Она говорила брату, что Долгоруковы такие же деспоты, как и Меншиков¹⁸. Но Наталья Алексеевна при всем ее влиянии на Петра II не могла противостоять натиску придворных, прежде всего Долгоруковых и Остермана. К тому же она вскоре умерла. Причина, по которой Иван Алексеевич Долгоруков пользовался безусловным воздействием на императора, была проста и заключалась не только в нем. Она коренилась в характере Петра II. Мальчик-царь очень скоро познал вкус принадлежащей ему неограниченной власти, не терпел возражений и не мог даже помыслить, что его желания встретят какие-либо препятствия. Он не любил дел, но зато обожал удовольствия, охоту, развлечения, гуляния. Его нельзя было заставить или приохотить к серьезным занятиям, необходимым для управления государством. Прошло со-

¹⁶ См.: Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII век». Казань, 1891. С. 95; Долгоруков П. Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 109. По другой версии, Иван Долгоруков был понижен в чине и записан в полевые полки из-за его противодействия сватовству государя за княжну Меншикову (Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842. С. 210).

¹⁷ См.: Корсаков Д.А. Указ. соч. С. 95.

¹⁸ См.: Записки о России генерала Манштейна. 1727–1741. СПб., 1875. С. 16.

всем немного времени после его воцарения, а он уже тяготился опекой Меншикова, отставил учебу и с необузданной страстью предавался наслаждениям. Ему было весело и с тетушкой Елизаветой Петровной, и с Иваном Долгоруковым, который был мастер выдумывать для развлечения императора всевозможные необременительные уму юного царя увеселения. Конец Меншикова был предопределен. Через несколько месяцев, в сентябре 1727 г., он был сослан в Березов, а невеста Петра II, Мария Александровна, отправлена в свои деревни, и о ней отныне не разрешалось упоминать. Падение Меншикова – начало необыкновенного возвышения Долгоруковых, в котором, однако, легко угадывался и печальный исход. История, пусть и не совсем так, как в случае с Меншиковым, но все же удивительно сходно повторилась в судьбе Долгоруковых: попытка женить Петра II на дочери Алексея Григорьевича, вновь дворцовые интриги, зависть и ненависть других родов и, наконец, ссылка в тот же Березов...

После удаления и ссылки Меншикова, коронации Петра II в Москве (февраль 1828 г.) и обручения его с Екатериной Алексеевной Долгоруковой на семейство Долгоруковых пролился золотой дождь: Алексей Григорьевич назначен вторым воспитателем императора, он и Василий Лукич сделаны членами Верховного тайного совета (впоследствии туда вошли еще двое Долгоруковых), Василий Владимирович пожалован в фельдмаршалы, Иван Алексеевич стал оберкамергером императорского двора, кавалером ордена Андрея Первозванного, а затем получил чин майора гвардии. Как из рога изобилия, на Долгоруковых посыпались дорогие подарки, имения (по воспоминаниям современников, Алексей Григорьевич получил однажды поместье с 12 000 душ). Петр II, привязавшийся к Ивану Алексеевичу, стал игрушкой в руках Долгоруковых, а Иван Алексеевич – исполнителем воли Алексея Григорьевича и Василия Лукича. При этом в семье не было согласия: Алексей Григорьевич ревновал своего старшего сына к Петру II и сам хотел занять его место или отдать любимому сыну Николаю; Василий Лукич стоял на стороне Алексея Григорьевича, Василий Владимирович принял руку князя Ивана; Екатерина Алексеевна не любила Ивана, который платил ей той же монетой. Взгляды на своих сторонников также расходились: Алексей Григорьевич почитал А.И. Остермана, Иван Алексеевич был его врагом, хотя впоследствии они помирились. Однако интересы рода, семейства так или иначе брали верх, и Долгоруковы держались вместе, отгесняя другие фамилии от Петра II. Некоторое препятствие для них представляла Елизавета Петровна. Император был к ней милостив. Чтобы не допустить сближения с ней Петра II, решили выдать ее замуж за Ивана Алексеевича, угрожая в случае отказа монастырем. Когда же Елизавете Петровне удалось избежать брака, ограничили и почти прекратили ее встречи с Петром II. Так же поступали и с другими соперниками. Императору понравились князь Голицын и граф Бутурлин, но одного вскоре отправили посланником в Берлин, а другого не допускали к царю, надолго увозя Петра II из Москвы. Монарх был заперт в кругу Долгоруковых, не отпускавших его от себя ни на шаг. Чтобы сделать общение с царем как можно более тесным, его удерживали в Москве и поселяли в Измайлово и в Горенках (имения Долгоруковых), откуда выезжали на охоту. Царь, как уже сказано, слышать не хотел ни о каких занятиях и еще в Петербурге, а затем и в Москве гулял дни и ночи с князем Иваном, которого здесь все чаще стал сменять Алексей Григорьевич.

Петр II любил охоту и «потехи», а князь Иван с готовностью доставлял царю разнообразные удовольствия: балы, кутежи за городом с иллюминацией, бенгальскими огнями и фейерверком. Император, свидетельствуют современники, každодневно с наступлением ночи вдвоем со своим любимцем выезжал из дворца и неизвестно где пропадал до утра, в семь часов ложился спать и потом все повторялось сначала¹⁹. Дружба императора с князем была настолько глубока, что князь Иван почивал в покоях царя. Испанский посол де Лириа доносил своему правительству: «Расположение царя к князю Ивану таково, что царь не может быть без него ни минуты; когда на днях его ушибла лошадь, и он должен был слечь в постель, Его Царское Величество спал в его комнате»²⁰.

Император всецело доверял Ивану Алексеевичу, а тот был трогательно предан государю. Мемуаристы по-разному пишут об Иване Долгоруковом. Некоторые полагают, что он имел доброе сердце, живой ум. В нем не было коварства, но он был лишен дальновидности, проницательности и не любил трудиться. «Ему, – писал де Лириа, близко знавший его и часто общавшийся с ним, – хотелось управлять всем, но он не знал, как к тому приступить. В нем замечен был недостаток воспитания и учения»²¹. Князь Иван, по словам П.В. Долгорукова, внешне блестящий, внутренне – совершенно легкомысленный, развратный и ничтожный человек²². Такого же мнения придерживался историк С.Н. Шубинский, комментировавший письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе. Иван Алексеевич Долгоруков, утверждал он, не отличался ни умом, ни способностями, был малообразован и безнравствен²³. Современники оставили многочисленные описания «подвигов» Ивана Алексеевича в молодости. Непомерное честолюбие, надменность и грубость по отношению к другим дворянским фамилиям, ничем не прикрытое пренебрежение, сочетавшееся с кутежами, озорством и нарушением этических норм, принесли ему дурную славу. Так, Феофан Прокопович, не примыкавший ни к какому стану, писал, что «Иван сей пагуба паче, нежели помощь роду оному (т.е. Долгоруковых. – В.К.) приносит. По-неже бо и природою был злодерзостен, еще к тому толиким счастьем надмен, и ни о чем, яко бы себя не доводилось, не думал; не только весьма тех презирал, но и многим зело страх задавал: одних возвышал, а других низлагал по одной прихоти своей: а сам на лошадях окружен драгунами, часто по всему городу, не обычным стремлением, как бы изумленный, скакал, но и по ночам в честные дома вскакивал, – гость досадный и страшный! И до толикой продерзости пришел, что кроме зависти нечаянной славы, уже праведному всенародному ненавидению, как самого себя, так и всю фамилию свою, аки бы нарочно подвергл. Да и прочие Долгоруковы, хотя по внешнему обходительству виду будто бы и умеренными являлись, однако же делами своими в великое властолюбие подозрения

¹⁹ См. свод мнений в сочинениях: *Щебальский П.К.* Вступление на престол императрицы Анны Иоанновны. С. 19; *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 1066.

²⁰ Письма из России в Испанию дука де-Лириа // Оснадцатый век. Исторический сборник. М., 1869. Кн. 2. С. 61.

²¹ Характеры знатнейших особ в России в царствование Императора Петра II и Императрицы Анны // *Сын Отечества*. 1822. № 20. С. 245.

²² Из записок князя П.В. Долгорукова. С. 39.

²³ Письма леди Рондо. СПб., 1874. С. 157.

приходили»²⁴. Князь Щербатов в своей книге «О повреждении нравов в России» рассказал про открытое нарушение Иваном Алексеевичем нравов: не скрывал своей связи с женой князя Никиты Юрьевича Трубецкого, офицера-кавалергарда, генерал-майора, и на дому его вместе со своими сообщниками «пивал до крайности и ругивал мужа», который с терпением сносил стыд от жены своей. Князь Щербатов, по его словам, был свидетелем безобразной сцены, когда разъяренный Иван Алексеевич намеревался выкинуть Н.Ю. Трубецкого в окошко и если бы не заступничество И.В. Лопухина²⁵, то непременно исполнил бы свою угрозу. Шайка распутников, предводительствуемая им, довела до того, что «честь женская не менее была в безопасности тогда в России, как от турков во взятом граде»²⁶.

До нас дошли, однако, и другие свидетельства, о которых для полноты картины, нужно упомянуть.

Первоначально и великая княжна Наталья Алексеевна, и Иван Алексеевич Долгоруков пытались приохотить Петра II к учению. Князь Иван напоминал царю, что нужно заниматься науками. Он, судя по рассказам современников, внушал ему милосердное отношение к подданным и останавливал юношу-императора от вынесения несправедливых приговоров. Ни Наталья Алексеевна, ни Иван Алексеевич успеха не имели. Петр II по-прежнему все время посвящал лесам, охоте, собакам и празднествам. С переездом в Москву Иван Алексеевич, оставаясь любимцем императора, уже не столь часто ездил с ним на охоту в подмосковные леса. Место его занял Алексей Григорьевич. Разногласия между отцом и сыном принимают все более острый характер. Внимательные иностранцы замечают, что царь ведет беспорядочную, утомительную и изнуряющую жизнь в длительных отлучках из Москвы, что он ежедневно подолгу бывает в седле и на холоде. Для не окрепшего еще организма это было опасно, и в обществе возникает мысль, что Долгоруковы не заботятся о здоровье царя. Впоследствии это станет одним из обвинений в их адрес. Князь Иван жалуется де Лириа, что Алексей Григорьевич, Сергей Григорьевич и Василий Лукич всячески оттесняют его от императора. В новые фавориты они метят князя Николая, брата Ивана Долгорукова. Князь Иван говорит де Лириа, что устал от интриг своих родственников и теперь отказывается ездить с государем. Он объясняет свое поведение тем, что не хочет быть свидетелем тех «глупостей», которые делает государь по наущению старших Долгоруковых, и тех «наглостей», которые его отец и дяди допускают в отношениях с царем²⁷. Де Лириа подозревает, что князь Иван «не спутствует царю, чтобы во время царских выездов наедине предаваться собственным

²⁴ История о избрании и восшествии на престол блаженныя и вечнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийския. Сочинение Феофана Прокоповича. 1730 год. СПб., 1837. С. 11–12. О том же писал и П.В. Долгоруков: «По ночам, окруженный сбродом негодяев, вооруженный, он вламывался в дома, совершая самые гнусные насилия, и никто не смел ни оказать сопротивления, ни пожаловаться на царского фаворита». Его отец, когда ему говорили о непристойном поведении сына, называл его поступки «молодечеством» (Из записок князя П.В. Долгорукова. С. 40).

²⁵ По другим сведениям, Степана Лопухина (см.: Из записок князя П.В. Долгорукова. С. 40).

²⁶ См.: Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII века. С. 100.

²⁷ Письма из России в Испанию дука де-Лириа. С. 147.

удовольствиям и наслаждениям»²⁸. Однако тут возможно и другое соображение: князь Иван теперь пускается в кутежи и увеселения от бессилия повлиять на императора и образ его жизни. Тому же де Лириа в одном разговоре он признается, что доведен до отчаяния бесконечным недовольством отца и спорами с ним и что ныне желает, чтобы император перестал его любить и удалил от себя, освободив «от всех этих придворных интриг»²⁹. Между тем Долгоруковым не удаётся победить А.И. Остермана, Голицыных и других. Чтобы продлить и усилить свое влияние на Петра II и таким образом ни с кем не делить власть, Долгоруковым приходится постоянно держать царя при себе, ни на миг не отпуская из поля своего зрения. «Положение Долгоруких и деятельность их, – писал С.М. Соловьев, – были очень просты и легки; они должны были как можно чаще находиться с императором, во всем угождать ему, делать себя через это приятными и необходимыми, приобрести фавор. Долгорукие, как видно, сделали уже большие успехи на этом поприще и при Меншикове, когда князь Алексей был гофмейстером при великой княжне Наталье. Теперь, чтоб иметь право быть еще чаще при Петре, он выпросил себе место помощника воспитателя, т.е. помощника Остерманова при самом императоре; сын его, князь Иван, сделан камергером на место Левенвольда, а Левенвольд получил место гофмаршала при великой княжне»³⁰.

Как всегда бывает в таких случаях, всякое усиление одной персоны или одного семейства, группы, «партии» вызывает яростное сопротивление, противодействие и зависть остальной знати. Очень скоро Долгоруковых стали обвинять в том, что они раздают места своим родственникам и клевретам³¹. Зависть и негодование вызывают также корыстные аппетиты Долгоруковых, их надменность, боярская спесь и грубое, пренебрежительное отношение к придворным и высшим чиновникам. Упрекают Долгоруковых в дурном влиянии на царя не составляло большого труда. Государственные дела находились в полном небрежении. Дворцовые интриги поглощали все время. Императорский двор напоминал ристалище, на котором испытанные бойцы силились победить друг друга. Соперники, нападая и защищаясь, думали только о власти. Долгоруковы, по свидетельствам современников, уговаривали Петра II перенести столицу в Москву, навсегда поселиться в ней и оставить Петербург. А так как Петербург был своего рода символом новой, европеизированной России, то широко распространилось мнение, будто Долгоруковы вознамерились вернуть Россию к допетровским временам, к «небытию», к замкнутости Московского царства. Через Ивана Долгорукова многие придворные и иностранные послы пытаются склонить царя к переезду в Петербург, но князь Иван, расположенный сначала посоветовать Петру II покинуть Москву, затем, не в силах противостоять отцу и всему семейству, взял сторону Алексея Григорьевича, и отправка царского дома в Петербург была отложена. К тому же Петру II полюблилась Москва и ее окрестности, богатые лесами и охотой. Русская знать негодовала. Конечно, находились и те, кто заискивал перед Долгоруковыми, но большин-

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 80.

³⁰ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 1067.

³¹ Записки о России генерала Манштейна. 1727–1741. С. 27.

ство из приближенных ко двору государственных деятелей и вельмож недовольны их чрезмерным влиянием и крайним произволом. «...В Москве все ропщут на образ жизни царя, вина в этом окружающих его. Любящие отечество приходят в отчаяние, видя, что государь каждое утро, едва одевшись, садится в сани и отправляется в подмосковную с князем Алексеем Долгоруким, отцом фаворита, и с дежурным камергером, и остается там целый день, забавляясь как ребенок и не занимаясь ничем, что нужно знать великому государю»³². Главными виновниками праздности государя придворные считают Алексея Григорьевича и Ивана Алексеевича. «Фаворит, – сообщает своему правительству де Лириа, – уверенный в царской к нему любви, не следует за Его Величеством с должным рачением, но большую часть времени проводит в собственных удовольствиях»³³. Все чувствуют, что над Долгоруковыми сгущаются тучи: «Понятно, что не станет дело, – писал де Лириа, – за людьми, которые постараются погубить фаворита, рассказав царю об его дурной жизни. Я даже думаю, что его отец, из зависти к нему, будет говорить против него же»³⁴.

В этих условиях Долгоруковы стремятся еще прочнее привязать Петра II к своему семейству, идя тем же путем, что и свергнутый ими Меншиков. Алексей Григорьевич вынашивает мысль о женитьбе Петра II на своей дочери Екатерине.

Екатерина Алексеевна, хотя и старше Петра II на четыре года, но, не в пример прежней невесте М.А. Меншиковой, красива, бела лицом, с томными глазами и стройным станом³⁵. «Княжне было 18 лет; с нравом кротким соединяла она доброе сердце, ум и знание обращаться в свете, чему выучилась в Польше, у деда своего, князя Григория Федоровича Долгорукого, у коего воспитывалась»³⁶. «Она, – писал об Екатерине Алексеевне П.В. Долгоруков, – была очень хороша собой, высокая, стройная, с прекрасными выразительными глазами и тучей темных чудесных волос»³⁷. О красоте, уме, образованности, светском и ласковом обращении, чистосердечии и кротости Екатерины Долгоруковой повествовали и другие мемуаристы и историки³⁸. Что касается кротости, мягкости характера, то они были скорее наружно, чем внутренне присущи Екатерине Алексеевне. Напротив, внимательные современники замечали природную властность княжны, исключительную надменность и даже резкость, которые искажали ее облик. Гордость и спесь, свойственные едва ли не всем Долгоруковым, делали ее злой³⁹. Иначе говоря, Екатерина, несомненно, обладала цельным и энергичным характером, но душевная щедрость, отзывчивость, кротость и мягкость, видимо, не были в числе ее добродетелей.

³² Письма из России в Испанию дука де-Лириа. С. 146.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Долгоруков П. Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 112.

³⁶ Отрывок из Опыта Истории путешествий по России, составляемого А.О. Корниловичем // Сын Отечества. 1822. № XXIV. С. 161.

³⁷ Из записок князя П.В. Долгорукова. С. 40.

³⁸ См., напр.: *Вейдемейер А.* Указ. соч. С. 94.

³⁹ См.: Письма из России в Испанию дука де-Лириа. С. 193; Из записок князя П.В. Долгорукова. С. 40.

По романтической версии, идущей, вероятно, от самих Долгоруковых, как только Петр II увидел Екатерину Алексеевну, он сразу в нее страстно влюбился и в ту же минуту решил на ней жениться. «С сим твердым намерением пришел он 18 ноября (1729) к князю Алексею Григорьевичу, который был тогда болен, сел к нему на постель и, взяв его за руку, сказал: «Я имею до тебя просьбу и надеюсь, что ты мне в ней не откажешь. Я чувствую к твоей дочери искреннюю любовь и желаю на ней жениться»». Услышав эти слова, князь Алексей Григорьевич пал к его ногам и благодарил. Тут же пошел он за дочерью и привел к Императору, объявив ей о намерении Петра II. Екатерина пришла «в большое замешательство», но справилась с собою, благодарила Государя за оказанную ей честь, а Петр II, в свою очередь, повторил ей о своем к ней расположении⁴⁰.

На самом деле все обстояло не столь романтично и скоропалительно. Как иронически заметил С.М. Соловьев, «охотники до разных соображений сейчас же обратили внимание на то, что у Долгорукова хорошенькие дочери, которые должны играть роль»⁴¹. Осада Петра II длилась довольно долго, а подготовка в ней началась с момента его коронации (24 февраля 1728 г.). С осени 1728 г. планы Долгоруковых становятся известны при дворе. «Отец фаворита, – сообщает де Лириа в Испанию, – думает женить царя на своей дочери...»⁴² Вплоть до осени 1729 г. князь Алексей Григорьевич, увозя Петра II в свои вотчины и имения, главным образом в Горенки, старался сблизить его со своими домочадцами и прежде всего с дочерьми. 21 марта 1729 г. де Лириа извещает своего короля: «Я также должен довести до сведения Его Величества, что жена, две дочери князя Долгорукова, отца фаворита, последовали за царем на охоту, куда отправился Его Царское Величество. Это многих заставило призадуматься. Мысль Долгорукого женить царя на одной из своих дочерей известна всем»⁴³. В конце октября тот же де Лириа, ссылаясь «на одного из семейства Долгоруковых», сообщает, что царь вновь на охоте вместе с Алексеем Григорьевичем и что тот «таскает своих дочерей во все экскурсии с царем, и там царь по вечерам привык играть с ними в карты. Таким образом, – подытоживает он, – оказывается, что брак дело решенное, и думают наверное, что Его Царское Величество возвратится в столицу уже женатым...»⁴⁴.

Инициатива женитьбы царя на Екатерине Алексеевне принадлежала, несомненно, Алексею Григорьевичу, хотя многие мемуаристы и историки пишут о деятельном участии Ивана Алексеевича. Мысль князя Алексея не встретила в семье единодушия. Во-первых, Екатерина Алексеевна была влюблена в родственника австрийского посла Вратислава графа Мелиссимо (начертание фамилии в разных источниках неодинаково), кавалера недалекого ума, но внешне блестящего и умевшего придать себе светский лоск. В придворных кругах даже поговаривали о предстоящем браке, потому что и граф Мелиссимо был неравнодушен

⁴⁰ Вейдемейер А. Указ. соч. С. 94.

⁴¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 1067.

⁴² Письма из России в Испанию дука де-Лириа. С. 114.

⁴³ Там же. С. 153.

⁴⁴ Там же. С. 183.

к княжне⁴⁵. Алексею Григорьевичу пришлось, видимо, приложить немало усилий, чтобы сломить сопротивление княжны и уговорить ее пойти навстречу семейным замыслам и интересам. Во-вторых, против брака выступили Иван Алексеевич и Василий Владимирович Долгоруковы. Отец князя Ивана и князь Василий Лукич опять-таки доказывали желательность этого брака для семейства Долгоруковых, и Ивану Алексеевичу пришлось уступить. С той поры он стал содействовать намерениям других Долгоруковых. Любопытно, однако, что Екатерина Алексеевна, казалось бы, должна была испытывать благодарные чувства к брату, который препятствовал ее замужеству и разлуке с графом Мелиссимо. Но, согласившись на брак с Петром II, она жестоко обидела на князя Ивана за его возражения против ее замужества и, по свидетельствам современников, не простила ему до конца своих дней.

Когда все преграды были устранены, семейство Долгоруковых стало упорно и настойчиво добиваться своей цели. Можно думать, что юный император уже давно, не без влияния Долгоруковых, предавался эротическим мечтаниям и что Екатерина ему сначала очень понравилась. Но затем в мемуарах все чаще появляются намеки, что по мере наступления решающих дней, пылкость императора заметно поостыла. Долгоруковы, однако, были непреклонны. Князь Алексей Григорьевич намеренно заставлял Петра II подолгу жить в Горенках, где царь находился в обществе его дочери. Одно из не вполне подтвержденных историческими источниками преданий гласило: «Как-то в сентябре, в одну из этих поездок, после веселого ужина, за которым было много выпито, государя оставили с княжной наедине...»⁴⁶. Далее биограф Долгоруковых писал: «Петр II был рыцарь и решил жениться»⁴⁷. Пусть и не совсем достоверное, но все-таки это предание объясняет, почему охладевший к Екатерине Петр II согласился на обручение и выказывал намерение вступить в брак: «Молодой император казался грустным, подавленным. Как ни хороша была его невеста, он ее не любил, не имел ни малейшего желания жениться и, несмотря на свой четырнадцатилетний возраст, действовал, как действовал бы человек взрослый, решившийся ценой своей руки покрыть минутную потерю самообладания...»⁴⁸.

⁴⁵ Придворные сплетники донесли до нас мелодраматическую душщипательную историю о том, как во время обручения Петра II и Екатерины Алексеевны граф Мелиссимо подошел к руке Екатерины Долгоруковой, как она встретила его жест и как изменился в лице Государь: «Государь держал правую руку своей невесты, давая ее целовать присутствующим: ибо все были к тому допущены; наконец, к большому удивлению собрания, пришел и несчастный влюбленный в княжну: до тех пор она сидела, потупив глаза; но тут вдруг встала, отняла свою руку от Императора и дала целовать ее тому, которого любила. В эту минуту разные страсти выразились на ее лице. Молодой Монарх покраснел; друзья успели вывести несчастного любовника, посадили его в сани и поспешили увезти из города» (*Вейдемейер А.* Указ. соч. С. 97–98). Однако по другим и, вероятно, более достоверным сведениям, граф Мелиссимо уехал из России до обручения Петра II с Екатериной Долгоруковой. Ссылаясь на семейные предания, П.В. Долгоруков писал, что граф Мелиссимо при поздравлении не присутствовал (Из записок князя П.В. Долгорукова. С. 41).

⁴⁶ Из записок князя П.В. Долгорукова. С. 40.

⁴⁷ Там же. С. 41. Согласно тем же семейным преданиям, Екатерина Долгорукова 1 апреля 1730 г. решилась от бремени мертворожденной дочерью (Там же. С. 68).

⁴⁸ Там же. С. 43.

Так или иначе, но осенью 1729 г. произошло событие, которое усердно готовили и которого с нетерпением ожидали все Долгоруковы, надеясь, что отныне и надолго они останутся у трона, будут управлять государством, а их враги умолкнут и присмиреют. 8 сентября 1729 г. Петр II в сопровождении Долгоруковых выехал из Москвы с 620 собаками и возвратился в старую столицу 9 ноября того же года. Почти тотчас по приезде вице-канцлеру А.И. Остерману было дано повеление объявить об обручении императора с княжной Екатериной Алексеевной Долгоруковой, что и было им исполнено 19 ноября. Само обручение назначалось на 30 ноября 1720 г., а свадьба – на 19 января 1730 г. Долгоруковы торжествовали. Нечего и говорить, что по случаю обручения все они были более чем щедро награждены Петром II.

Церемония обручения была обставлена с подобающей пышностью. Руководил ею князь Иван. 30 ноября, в Андреевский день, князь Иван Долгоруков днем отправился в Головинский дворец, где находилась Екатерина Долгорукова. Из Головинского дворца процессия проследовала в Лефортовский, местопребывание государя. Впереди ехали две кареты, запряженные каждая шестью лошадьми. В них сидели камергеры. Далее следовала карета с обер-камергером князем Иваном. Кареты сопровождалась четырьмя скороходами и двумя камер-фурьерами на лошадях верхом, затем верхом ехали шталмейстер, гренадеры гвардии и четыре императорских почтальона. Потом двигалась карета невесты в шесть лошадей. В ней находились княжна Екатерина, ее мать и сестра Елена. Впереди кареты гарцевали четыре пажа, а позади – камер-паж. По сторонам карету с невестой охраняли гайдуки и камер-лакеи. За каретой невесты расположились кареты родственников Екатерины, придворных дам и порожные. По приближении невесты ко дворцу в залу вошла вдовствующая императрица с царевнами. Посреди залы был послан большой персидский ковер, на нем поставлен стол, покрытый золотой парчой. На столе стояло золотое блюдо с крестом и двумя золотыми тарелками, на которых лежали обручальные перстни. При входе княжны Екатерины во дворец караул отдал ей честь без барабанного боя. Ее встретили гофмаршал и обер-церемониймейстер. Прибыв в залу, Екатерина села в креслах, а около нее кресла заняла вдовствующая императрица. Царевны и мать княжны-невесты поместились рядом на табуретах. Кресла для императора были приготовлены напротив кресел невесты. По правую руку назначено было стоять иностранным министрам, а по левую – князьям Долгоруковым и лицам первых двух классов. Петр II, оповещенный обер-камергером, прибыл в залу, сопровождаемый князьями Долгоруковыми и бароном А.И. Остерманом, и сел в кресла. Обер-камергер подвел невесту под балдахин, который поддерживали шесть генерал-майоров. Архиепископ Новгородский Феофан Прокопович совершил обручение. Речь при обручении произнес и фельдмаршал В.В. Долгоруков. Он сказал: «Вчера я был твой дядя, нынче ты моя государыня, и я буду твой верный слуга. Позволь дать тебе совет: смотри на своего августейшего супруга не как на супруга только, но как на государя и занимайся только тем, что может быть ему приятно. Твоя фамилия многочисленна, но, слава Богу, она очень богата, и члены ее занимают хорошие места; итак, если тебя будут просить о милости кому-нибудь, хлопочи не в пользу имени, но в пользу заслуг и добродетели: это будет настоящее средство быть счастливою, чего тебе желаю». Окончание обряда бы-

ло возвещено пушечными выстрелами. Все, за исключением вдовствующей императрицы (в числе прочих – Елизавета Петровна), целовали руки у обрученных. Современники заметили, что на лице Петра II не было оживления, оно оставалось холодным и даже грустным, а с лица Екатерины не сходило выражение надменного презрения. После отданного обрученным салюта последовали фейерверк и бал, который продолжался недолго по причине усталости невесты. Вся церемония заняла четыре часа. Домой невеста отправилась в карете, запряженной восемью лошадьми в сопровождении кавалергардов, пажей и гайдуков. На выходе из дворца караул отдал ей честь с барабанным боем. Отныне Екатерина называлась новым титулом: «Ее Императорское Высочество Государыня-Невеста». Ей придан был придворный штат, а в храмах на ектении было велено помянуть ее. За обручением последовали бесконечные празднества.

Долгоруковы полагали, что их могущество теперь неизбежно и что их торжество разделяется если не знатью, то уж во всяком случае народом. Отголоски этих мнений слышатся в воспоминаниях, основанных на семейных легендах. Так, П.В. Долгоруков писал: «Народ не знал ни придворных интриг, ни характера княжны Долгоруковой и ее родных, и искренне радовался, что государь, «наше красное солнышко», как называли Петра II, женится, как встарь, на своей, на русской, православной, и переносит опять столицу в Москву...»⁴⁹. На самом же деле все обстояло не так просто и безоблачно. Может быть, народ действительно почитал Петра II, но уж никак не Долгоруковых. Наблюдательные современники тут же провели разительные параллели между домом Меншикова и домом Долгоруковых: то же стремление «привязать» царя к одной семье и женить на дочери, тот же архиепископ Феофан, который совершал обручение с Меншиковой и с Долгоруковой... Следовательно, должен быть и тот же конец. Расположенные к Долгоруковым, в частности к Ивану Алексеевичу, дипломаты настоятельно советуют им возвратиться в Петербург, причем, помимо других соображений, выдвигается и довод в пользу безопасности. Герцог де Лириа убеждал фаворита вернуться в Петербург, говоря ему, что это будет полезно России, Петру II и дому Долгоруковых, «потому что (чего не дай Бог!), впоследствии какое-нибудь несчастье с царем, они все погибли, так как ненависть народа к этому дому такова, что он наверное передумит их всех; но случись это роковое событие в Петербурге, они не рискуют так, потому что народ там вовсе не так силен»⁵⁰.

В стане Долгоруковых по-прежнему нет согласия. Василий Владимирович хоть и смирился с общим мнением семейства, но уверен, что брак княжны с царем не может повести к добру. Князь Иван употребляет все силы на то, чтобы завершить задуманное венчанием, пока император не передумал и не сменил милость к Долгоруковым на гнев, ибо многие современники подмечают, что Петр II начинает тяготиться неусыпным наблюдением Долгоруковых и не любит своей невесты. Еще до того, как произошел сговор, де Лириа размышляет о последствиях: «Если князь Алексей Долгорукий сделает эту глупость (второй том глупости Меншикова. – Sic!), он рискует ускорить гибель всего своего дома,

⁴⁹ Из записок князя П.В. Долгорукова. С. 44.

⁵⁰ Письма из России в Испанию дука де-Лирия. С. 120.

против которого раздражены все здешние. Царь еще очень молод, и всего можно бояться от его благоволения к князьям Долгоруким – отцу и сыну. Если состоится этот брак, тогда решенное дело: Россия возвратится к своему прежнему варварству»⁵¹. Сразу же после обручения он докладывает своему правительству: «Им (предстоящим браком. – В.К.) весьма недовольны все русские магнаты, которые не могут скрыть своего неудовольствия, что дом Долгоруких делается таким сильным. Скажу только, что я того мнения, что это первый и важный шаг к возвращению этой монархии к ее прежнему варварству»⁵². Новый знак могущества Долгоруковых вызвал едва ли не всеобщий ропот и радостное ожидание скорого падения их дома, тем более, что современники видят: царь тяготеет к «опекой» Долгоруковых и не любит свою невесту. Он холоден, не показывает нетерпения видаться с ней, скуп на знаки внимания. Нельзя сказать, будто от Долгоруковых ускользают настроения придворных. Они принимают меры, чтобы обеспечить свою безопасность. В день обручения без ведома фельдмаршала В.В. Долгорукова князь Иван вводит во дворец целый батальон, тогда как раньше караул несла одна рота. Неуверенность Долгоруковых выражалась и в том, что они торопят венчание и свадьбу, не вполне надеясь на акт обручения. Но, странное дело, вместо того, чтобы в эти дни привлечь сердца на свою сторону, они поступают совершенно иначе, не смиряя, а, напротив, демонстрируя гордыню и высокомерие. Князь Алексей Григорьевич заставлял приезжавших поздравлять гостей целовать себе руку, а князю Юсупову, подполковнику гвардейского Преображенского полка, кричал: «Эй, ты, татарин!» Раздражение знати этими и другими жестами «попавшей в случай» семьи увеличило и без того многочисленных врагов Долгоруковых.

Вскоре после обручения императора с княжной Екатериной произошло еще одно важное для семейства событие. 4 января 1730 г., незадолго до предполагаемой свадьбы императора, состоялось обручение князя Ивана Алексеевича Долгорукова с графиней Натальей Борисовной Шереметевой. На обручении были царь, иностранные министры и все высшие сановники. Князь Иван давно имел намерение жениться, и среди его несостоявшихся избранниц были дочь Петра I Елизавета Петровна, графиня Ягужинская и дочь Миниха. Но все сватовства расстраивались по тем или иным причинам. Наконец выбор пал на Наталью Борисовну Шереметеву (1714–1771), дочь сподвижника Петра I фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева от второго брака с Анной Петровной Нарышкиной, урожденной Салтыковой, вдовой дяди Петра I Льва Кирилловича Нарышкина. Отец умер, когда Наталье Борисовне было всего пять лет. Мать дала ей прекрасное воспитание и образование, кроме того она была очень хороша собой. Когда графине Наталье исполнилось четырнадцать лет, скончалась мать, и девочка жила уединенно. Сватовство князя Ивана было ей по сердцу. Она сразу полюбила своего жениха. «Я очень была счастлива женихами, – писала Наталья Борисовна в своих «Памятных записках...», – однако то оставлю, а буду вам то писать, что в дело произошло. Правда, что начало было очень велико; думала, я – первая счастливица в свете, потому что первая персона в нашем государстве

⁵¹ Там же. С. 153.

⁵² Там же. С. 186.

был мой жених»⁵³. В отличие от Ивана Алексеевича, проводившего время в удовольствиях и увеселениях, Наталья Борисовна вела жизнь тихую, скромную, наполненную занятиями и размышлениями. «Вы увидите, – обращалась она к своим внукам, – что я и в самой молодости весело не жила, и никогда сердце мое большого удовольствия не чувствовало. Я свою молодость пленила разумом, удерживала на время свои желания, в рассуждении том, что еще будет время к моему удовольствию; заранее приучала себя к скуке. И так я жила после матери своей два года; дни мои проходили безутешны»⁵⁴.

Предложение князя Ивана, сговор, а потом и обручение наполнили сердце Натальи Борисовны радостью и счастьем. «Я не иное что воображала, – признавалась она впоследствии, – как вся сфера небесная для меня переменилась»⁵⁵. На обручении Ивана Алексеевича и Натальи Борисовны была «вся императорская фамилия», «все чужестранные министры, наши все знатные господа, весь генералитет». «Обручение наше, – продолжала Наталья Борисовна, – было в зале, духовными персонами, один архиерей и два архимандрита. После обручения все его (т.е. князя Ивана. – В.К.) сродники меня дарили очень богатыми дарами, бриллиантовыми серьгами, часами, табакерками и готовальнями, и всякою галантерею; мои б руки не могли б всего забрать, когда б мне не помогали принимать. Наши перстни были, которыми обручались, его в двенадцать тысяч, а мой в шесть тысяч. Напротив и мой брат (Петр Борисович Шереметев. – В.К.) жениха моего дарил: шесть пудов серебра, старинные великие кубки и флаши золочены»⁵⁶.

Свадьба князя Ивана и графини Натальи приурочивалась к свадьбе Петра II и Екатерины Алексеевны. «Брак этот, – доносил де Лириа, – совершается одновременно с браком царя, и невеста, как меня уверяют, будет сделана первой фрейлиной»⁵⁷. Тут же испанский посол замечает: «Боюсь, что брак фаворита будет началом его падения, о чем сильно хлопчат его отец и сестра, будущая царица. Он поместится в доме отдельном от дворца, поэтому не будет так часто с царем, как было доселе, и противники его, конечно, воспользуются этим случаем, чтобы погубить его. Его сестра ненавидит его, и меня уверяли, что она поклялась погубить его; но в то время как она хочет подкопаться под своего брата, она не совсем уверена в собственном счастье. Царь не имеет к ней ни капли любви и относится к ней весьма равнодушно; кроме того, он начинает ненавидеть дом Долгоруких и сохраняет еще тень любви только к фавориту. Ему еще недостает решимости, лишь только он обнаружит ее, погибли оба (т.е. фаворит и его сестра. – В.К.) и здесь произойдут новые и ужасные перемены»⁵⁸.

Беда действительно настигла Долгоруковых, но с иной, неожиданной стороны. 6 января (по ст. ст.), в день Крещения, при совершении водосвятия на льду Москвы-реки были выстроены войска. На церемонию прибыли император и его невеста (княжна Екатерина – в карете, Петр II – на запятках). Стояла жестокая

⁵³ Памятные записки Натальи Борисовны Долгоруковой // Русский архив. 1867. № 1. С. 9.

⁵⁴ Там же. С. 9.

⁵⁵ Там же. С. 11.

⁵⁶ Там же. С. 12.

⁵⁷ Письма из России в Испанию дука де-Лириа. С. 193.

⁵⁸ Там же. С. 193.

стужа, а обряд продолжался четыре часа. Сразу по возвращении во дворец император почувствовал себя плохо, жаловался на головную боль. Врачи уложили его в постель, а на следующий день у Петра II открылась оспа. По некоторым данным, со ссылкой на Шмидта-Физельдена («Материалы к русской истории»), Петр II заразился от Сергея Григорьевича Долгорукова, дети которого лежали в оспе, но он, тем не менее, ездил во дворец⁵⁹. Ничто еще не предвещало близкого конца, потому что 15 января император стал поправляться, но неосторожно встал, подошел к окну и смотрел на проходящие мимо войска. Тут он «застудил оспу», и все надежды на выздоровление были потеряны. В ночь с 18 на 19 января, т.е. на тот самый день, когда было назначено бракосочетание Петра II и Екатерины Алексеевны, император скончался. При нем были Иван Алексеевич Долгоруков и Андрей Иванович Остерман. Как только Наталья Борисовна узнала о кончине императора, она тут же сказала себе: «Пропала»⁶⁰.

Со смертью Петра II Долгоруковы потеряли свое могущество. Подводя итоги деятельности семейства на государственном поприще в этот период, их дальний потомок П.В. Долгоруков писал: «Обязанность, не всегда приятная, быть беспристрастным заставляет нас признать, что в действиях Долгоруковых, этой эпохи, не было никаких побуждений, кроме личных, эгоистических, имевших целью разбогатеть, удалить от двора всякое влияние, кроме своего, и пользоваться жизнью и ее наслаждениями, нисколько не считаясь с правами и достоинствами ближнего. Единственная их заслуга в том, что они не были жестоки...»⁶¹.

Предчувствие Натальи Борисовны сбылось, но не сразу. Долгоруковы были очень сильны. Многие современники не сомневались, что шансы на престол Екатерины Долгоруковой весьма велики, что «успеет скорее, по причине большой силы Долгоруких, которых фамилия многочисленна»⁶². Долгоруковы не хотели, конечно же, выпускать из своих рук власть, понимая, что, ввиду множеству врагов и обиженных семей, это может обернуться для них катастрофой. Петр II не успел еще испустить дух, как Долгоруковы собрались у Алексея Григорьевича с одним намерением: как возвести на трон государыню-невесту Екатерину Алексеевну. Этому акту надобно было придать юридическое основание. Князь Алексей, выдвинувший кандидатуру своей дочери в императрицы, тотчас заручился поддержкой Сергея Григорьевича, Василия Лукича и остальных членов семейства. Мысль о юридическом оправдании замысла подал Сергей Григорьевич: «Нельзя ли написать духовную, будто его императорское величество учинил ее наследницею?»⁶³. Однако приглашенный на домашнее совещание фельдмаршал Василий Владимирович Долгоруков гневно возопил: «Неслыханное дело вы затеаете, чтоб обрученной невесте быть Российской престола наследницею! Кто захочет ей подданным быть? – не только посторонние, но и я, и прочие нашей фамилии – никто в подданстве у нее быть не захочет. Княжна Катерина с государем не венчалась». Князь Алексей возразил ему: «Хоть не венчалась, но обру-

⁵⁹ См. примечания С.Н. Шубинского в книге: Письма леди Рондо. С. 162.

⁶⁰ Русский архив. 1867. № 1. С. 15.

⁶¹ Из записок князя П.В. Долгорукова. С. 31.

⁶² Письма из России в Испанию дука де-Лирия. С. 197.

⁶³ См.: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 1144.

чалась». «Венчание иное, а обручение иное, – стоял на своем Василий Владимирович, – да если б она за государем в супружестве была, то и тогда бы во учинении ее наследницею не без сомнений было». Понимая, что убедить Василия Владимировича нет никакой возможности, Алексей и Сергей Григорьевичи стали упираться на силу: «Мы уговорим графа Головкина и князя Дмитрия Михайловича Голицына; а если они заспорят, то мы будем их бить. Ты в Преображенском полку подполковник, а князь Иван – майор, и в Семеновском полку спорить о том будет некому». На эти слова раздраженный Василий Владимирович произнес: «Что вы, ребята, врете? как тому можно сделаться? и как я полку объявлю? Услышав от меня об этом, не только будут меня бранить, но и убьют»⁶⁴. После этого Василий Владимирович вместе с братом Михаилом Владимировичем покинули дом князя Алексея. Рассказ этот передавался всеми мемуаристами, и в его достоверности нет оснований сомневаться. Он нашел отражение и в опросных листах спустя несколько лет, когда Долгоруковых призвала к ответу Тайная канцелярия, уничтоженная Петром II, но восстановленная Анной Иоанновной.

По семейному преданию, завещание, в котором Екатерина объявлялась наследницей трона, существовало и было подписано Петром II. На самом деле, согласно мнению историков, подписать завещание, составленное Долгоруковым, тяжело больной Петр II при неотлучном близ него А.И. Остермане не мог. Утверждения семейства о подлинности духовной должны были опровергнуть обвинения в неблаговидном поступке Долгоруковых, совершивших, попросту говоря, подлог.

Писать завещание начал Василий Лукич, которому диктовал Сергей Григорьевич и помогали Иван и Алексей. Но затем хитрый царедворец Василий Лукич уклонился по причине плохого почерка. Его сменил Сергей Григорьевич, составивший черновик, с которого он же набело изготовил два экземпляра уборным письмом. Один экземпляр князь Алексей оставил у себя, а другой отдал Ивану с приказом подписать во что бы то ни стало у императора. Ту бумагу, что осталась у Алексея Григорьевича, князь Иван подписал: «Петр». Другую, без подписи, повез во дворец⁶⁵. О похожести подписи Долгоруковы могли не беспокоиться: при дворе знали, что Иван Алексеевич «обыкновенно» подписывался за императора и умел имитировать его почерк⁶⁶. Сочинив духовную, Долгоруковы

⁶⁴ Там же. С. 1144–1145.

⁶⁵ По другим сведениям, князь Иван держал оба беловых экземпляра духовной при себе до 20 января 1730 г., а 20 января отдал их отцу, и тот их сжег (См.: *Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII века.* С. 105). Но это маловероятно.

⁶⁶ «Во время большой охоты в окрестностях Тулы государь для шутки стал писать свое имя – по-французски и по-русски, а для забавы, при его величестве, я писал имя его величества таким же почерком, как его величество писать изволил» (Там же. С. 103). Долгоруковы впоследствии утверждали, что подпись Петра II не вызвала сомнений у членов Верховного тайного совета. По их словам, Михаил Михайлович Голицын будто бы сказал: «Что рука императора – в том спорить нечего...» Это стало основанием и для суждения о подлинности документа, представленного А.Г. Долгоруковым Верховному тайному совету: «Предание говорит, что Петр II подписал завещание, в коем оставлял престол невесте своей». Согласно тому же преданию, А.Г. Долгоруков представил десять свидетелей: А.И. Остермана, духовника, князя Василия Лукича, доктора и др. Однако Василий Лукич не был у смертного одра императора, Остерман ничего не засвидетельствовал, об остальных история молчит (см.: *Князь Алексей Долгорукой и Наталья Шпилевская.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Издатель князь Всеволод Долгорукой. СПб., 1869. Ч. 1. С. 113–114).

уничтожили черновик и отправили князя Ивана с неподписанным листом во дворец с целью убедить императора начертать на нем свое имя. Но Петр II находился в бреду и от него не отходил барон Остерман. Понудить императора подписать документ никакой возможности не было.

Ночью с 18 на 19 января 1730 г. Петр II умер. Тут же разнесся слух, будто князь Иван вышел из покоев императора с обнаженной шпагой и закричал: «Да здравствует императрица Екатерина!» Но так как ему никто не ответил, то он вложил шпагу в ножны и уехал домой. Однако этот слух, воспроизведенный затем генералом Манштейном в его записках о России, был убедительно опровергнут: князь Иван не мог дерзнуть провозгласить Екатерину Долгорукову императрицей, потому что, согласно другим свидетельствам, находился почти в беспамьятстве и ничего не знал о намерениях Верховного тайного совета, который должен был вынести вердикт о престолонаследнике.

Сразу после объявления о смерти Петра II находившихся во дворце сановников и духовенство известили, что съезд чинов состоится в 10 часов утра. Сами же «верховники» удалились в отдельную комнату для обсуждения претендентов. Тут Долгоруковы поняли, что они уже не всевластны. Когда Алексей Григорьевич представил завещание⁶⁷ и заявил о правах Екатерины Долгоруковой, его предложение было тут же отвергнуто, а подлинность бумаги признана сомнительной. Впрочем, особенного внимания на подлог не обратили и значения ему не придали. Верх в Совете взяли князья Голицыны, которые ранее не были приближены к трону, но претендовали на управление государством, гордые своим происхождением, знатностью и личными достоинствами. Когда между Голицыными и Долгоруковыми разгорелся спор, то слово взял фельдмаршал Василий Владимирович Долгоруков, сказавший, что никогда князья Долгоруковы не затеют междоусобной брани ради своих выгод и не прольют крови своих сограждан для возвеличения своего рода. После его речи князь Алексей положил завещание в карман, а придя домой, сжег оба экземпляра.

Намерение Голицыных состояло в том, чтобы не только отбить атаку Долгоруковых, а это оказалось делом легким, но и в какой-то мере повернуть историю России. Ближайшая цель – исключить фавор, ибо при нем ни ум, ни достоинства, ни знатность не играли никакой роли, так как доступ к источнику власти зависел от любви государя. Дальней целью для Голицыных было осуществление старой мечты о боярской олигархии, управляющей государством при ограниченном в правах монархе и без самодержавного единоначалия. Речь, конечно, шла не о республике, не о конституционном демократическом, а об аристократическом правлении. Но для этого надо сначала ограничить самодержавие, примеры чему видели в шведском и английском устройствах. Однако совпадение было чисто внешним, поскольку никакие широкие демократические выборы даже не предполагались. Старинное боярство в России, взыскующее полной власти, решило, что наступил его час и воспользовалось представившимся случаем. И тут интересы Голицыных и Долгоруковых не противоречили друг другу. Среди иных совпадающих и сближающих две фамилии позиций было еще две. И Голицыны, и Долгоруковы стремились вернуть древние обычаи и нравы, отстранить от уп-

⁶⁷ По ироническим словам Феофана Прокоповича, «некое письмо, якобы Петра II завет».

равления иностранцев, в особенности немцев, и жить своим умом. Князь Дмитрий Голицын прямо говорил: «Зачем все эти иностранные затеи?.. Деды наши обходились и без них!..»⁶⁸. Это мнение встречало сочувствие у многих Долгоруковых. Кроме того, ни Голицыны, ни Долгоруковы не желали видеть на троне Елизавету Петровну. Так создалась почва для совместных действий Голицыных и Долгоруковых. В ту пору, не соединись они с Голицыными, Долгоруковы не остались бы у власти. Поэтому когда князь Дмитрий Михайлович Голицын сказал, что мужская линия Романовых пресеклась со смертью Петра II и что надо обратиться к женской, притом старшей, а из дочерей Ивана, брата Петра I, свободна только Анна Иоанновна, вдовствующая герцогиня Курляндская (Екатерина Иоанновна была замужем за герцогом Мекленбургским), то Долгоруковы согласились⁶⁹. У них не было оснований опасаться за свою судьбу и по той причине, что Василий Лукич Долгоруков был некогда любезно принят Анной Иоанновной в Митаве и надеялся на ее память. Итак, выбор был сделан. О нем «верховники» объявили высшим сановникам утром 19 января 1730 г. За Анной Иоанновной нарядили посланцев во главе с Василием Лукичом Долгоруковым.

Об остальном члены Верховного тайного совета умолчали. На том же собрании князь Д.М. Голицын неожиданно, уже после сделанного выбора, добавил: «... надобно себе полегчить, чтобы воли себе прибавить»⁷⁰. На недоуменные взгляды и вопросы Голицын пояснил в ответ: ограничить самодержавие, а всю полноту власти передать Верховному тайному совету. Василий Лукич не был против: старая и заветная мечта русского боярства приятно волновала его сердце, но он сомневался в том, что она может сбыться. «Хоть и зачнем, – сказал он, – да не удержим того». Д.М. Голицын возразил: «Неправда, удержим!» В конце концов решили составить «пункты», чтобы Анна Иоанновна их подписала. «Кондиции» были сочинены. Суть их заключалась в том, что Анна Иоанновна без согласия «верховников» не может ни вступить в брак, ни назначить преемника, ни при себе, ни после себя, самостоятельно не имеет права начинать войны и заключать мир, отягощать подданных податями, государственных доходов в расходы употреблять, в знатные чины, статские и военные, выше полковничьего звания производить, к государственным делам кого-либо определять, без суда у дворян ни жизни, ни имений, ни чести отнимать, вотчины и дсревни жаловать, в придворные чины ни русских, ни европейцев возводить. Гвардия и другие войска изымались из ее власти, и командование ими возлагалось на Верховный тайный совет. Анне было запрещено также ввозить в Россию Бирона, хотя в «кондиции» этот пункт не вошел. В случае нарушения оговоренных условий Анна лишалась Российской короны. С этими «кондициями» Василий Лукич Долгоруков вместе с другими посланниками отправился в Митаву. Там все прошло благополучно. Условия были подписаны: «По сему обещаю все без всякого изъятия содержать. Анна».

После подписания «пунктов» Анна Иоанновна в сопровождении В.Л. Долгорукова, которьй, «как дракон», по словам генерала Манштейна, ее стерег, вы-

⁶⁸ См.: *Щебальский П.К.* Вступление на престол императрицы Анны Иоанновны. С. 7.

⁶⁹ См.: Там же.

⁷⁰ См.: Из записок князя П.В. Долгорукова. С. 49; Анна Иоанновна, ее личность, интимная жизнь и правление. Берлин, 1912. С. 6–8.

ехала в Москву. Однако сохранить втайне противосамодержавный замысел «верховникам» не удалось. Анна, подписывая документ, уже знала, что не все дворяне были согласны на «пункты». Ее известили об этом посланцы от Ягужинского и от Левенвольде, несмотря на строжайшие меры, принятые «верховниками» для выезжающих из Москвы.

Как только дворянство узнало о «кондициях», оно составило сильную оппозицию, а «верховники» по странной беспечности, не заметили ее или не придали ей должного значения.

В то время в русском дворянском обществе было, условно говоря, две «партии» – «русская» и «немецкая». «Русская» партия, которую возглавляли Голицыны, хотела ограничения самодержавия по шведскому или английскому образцу, мечтала об установлении аристократического правления древних боярских родов. По плану конституции правит знатнейшее боярство, а дворянство отстраняется от власти и лишь оберегает себя, купечество, городских жителей и народ от правления знати. «Русская» партия в частном быту пересматривает преобразования Петра I, возражает к нравам предков и не допускает иностранцев к власти, хотя и не возражает против их услуг, если они примут православие и станут родственниками русских вельмож. «Немецкая» партия, состоявшая из сподвижников Петра I и дворян, выдвинувшихся при нем из прибалтийских немцев, вступивших на русскую службу, ратует за развитие и углубление петровских реформ. Но общая картина была, конечно, сложнее. Ни в той, ни в другой группах не было единства и полного согласия. Так, Долгоруковы были приближены к престолу, а Голицыны нет. Дворянство хотело большей власти и большей независимости. Шляхетский корпус и сочувствовал «верховникам», и был раздражен ими, поскольку его во власть не пускали и «в дружество свое не призвали». Секретарь французского посольства Маньян писал из Москвы: «Здесь на улицах и в домах только и слышны речи об английской конституции и о нравах английского парламента»⁷¹. Прусский посол Мардефельд сообщает, что русские дворяне хотят свободы, но не могут сговориться насчет ее меры и степени ограничения абсолютизма⁷². Иначе говоря, и бояре, и дворянство не прочь были ограничить самодержавие и устранить фаворитизм. Но в случае удачи их выгоды были бы различны: бояре получали всю власть, а дворянство управлялось бы аристократической олигархией. Вместо одного государя и одного фаворита оно стало бы зависеть от целой группы правителей. Совершенно ясно, что опасность подпасть под управление многих превозмогла опасность подчиниться одному. К тому времени все уже знали о «кондициях» и удивлялись тому, что Анна Иоанновна их подписала. Дворянство сделало выбор в пользу самодержавия. Князь Щербатов писал, что «верховники» «вместо одного многих государей сочинили». От лица среднего дворянства была составлена записка, ходившая по рукам: «Слышно здесь, что делается у вас или уже сделано, чтобы быть у нас республике; я zelo в том сумнителен: Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий, и так мы, шляхетство,

⁷¹ Анна Иоанновна, ее личность, интимная жизнь и правление. С. 18, 16.

⁷² Там же. С. 14, 17.

совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать, да еще и сыскать будет трудно»⁷³. В замысле «верховников» дворянство увидело корысть и жажду власти. Феофан Прокопович, бывший колоколом дворянских мнений, свидетельствовал: «Жалостное ведро по городу видение стало и слышание; куда ни прийдешь, только горестные нарекания на осьмилчных оных затейщиков; все их жестоко порицали, все проклинали необычное их дерзновение, несытое лакомство и властолюбие»⁷⁴.

В феврале Анна Иоанновна въехала в Москву. Василий Лукич Долгоруков поместился рядом с ее комнатами и никого до провозглашенной уже императрицы не допускал. Но дворяне нашли способ известить ее о несогласии с решением «верховников» и сносились с ней, обходя бдительное око Василия Лукича. Наконец дворянство добилось свидания с императрицей. Ей вручили бумагу от имени дворян, в которой содержалась просьба быть самодержавной повелительницей. На прошение Анна Иоанновна начертала «быть по сему» и велела принести акт, подписанный ею в Митаве. С притворным удивлением она спросила: «Разве эти пункты не были составлены по желанию всего народа?» Дворяне отвечали отрицательно. «Так ты меня обманул, князь Василий Лукич?» – обратилась Анна к Долгорукову⁷⁵. Императрица разорвала «кондиции». Участь Долгоруковых была решена.

Хотя главным вдохновителем ограничения самодержавной власти был Д.М. Голицын, фамилия Голицыных пострадала меньше. Всю вину возложили на Долгоруковых. Уже через месяц над Долгоруковыми разразилась гроза. Екатерина II впоследствии писала: «Безрассудное намерение Д о л г о р у к и х, при восшествии на престол императрицы А н н ы, неминуемо повлекло бы за собою ослабление – следственно и распадение государства; но к счастью намерение это было разрушено здравым смыслом большинства»⁷⁶. По другим основаниям, но тоже отрицательно оценивал олигархическое правление А.С. Пушкин, связывая опять-таки боярский замысел с именем Долгоруковых: «Аристократия после его (Петра I. – В.К.) неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастью, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных»⁷⁷.

Именно Долгоруковы вошли в историю как основные организаторы заговора, хотя они сами, а также мемуаристы и историки, приводили немало свидетельств того, что зачинщиками ограничения самовласти были Голицыны. Причины

⁷³ Там же. С. 18.

⁷⁴ Там же. С. 14.

⁷⁵ См.: Там же. С. 29.

⁷⁶ Русская старина. 1875, февраль. С. 388.

⁷⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 8. С. 90.

возложения вины почти исключительно на Долгоруковых были просты. Во-первых, они только что были в фаворе, и многие бояре и дворяне пылали мстостью к недавно могущественному и богатейшему роду, не допускающему остальных к управлению государством и всячески унижавшему их достоинство; во-вторых, зависть к Долгоруковым, помноженная на их высокомерие, надменность и спесь, породила множество врагов, которые при Анне Иоанновне вошли в силу и старались сокрушить род. В числе злейших недругов Долгоруковых называли не только Анну Иоанновну, но и Бирона, Остермана, Левенвольде, Волынского.

Через месяц после принесения присяги Анне Иоанновне и вступления ее на российский престол Долгоруковы подвергаются гонениям. 6 апреля, когда уже было совершенно ясно, что Долгоруковым не избежать наказаний (их арестовали и предали суду), состоялась свадьба Натальи Борисовны и Ивана Алексеевича. Перед этим родственники Натальи Борисовны всячески отговаривали ее от брака, но она осталась непреклонной в своем слове, данном жениху, и разделила с ним тяжесть последующего изгнания. Ее нравственный подвиг, верность в любви и силу духа воспели К.Ф. Рылеев и И.И. Козлов. С неизменным почтением и преклонением писал о ней и И.М. Долгоруков в «Повести» и в «Капище».

Обвинения против Долгоруковых были выдвинуты серьезные. Они касались непомерного честолюбия и властолюбия, которые выразились как в стремлении ограничить самодержавную власть, так и в желании подчинить себе Петра II, женив его на Екатерине Долгоруковой, хотя император еще не созрел для супружеской жизни. Также им вменялось в вину, что они отвращали Петра II от государственных дел и жестоко изнуряли его, не заботясь о здоровье императора, а напротив, подрывая его. Одно из преступлений Долгоруковых заключалось в том, что на государственные посты они назначали своих родственников и доверенных лиц. Наконец, их с полным основанием укоряли в корыстолюбии, напоминая, что Долгоруковы не брезговали ничем. Действительно, богатство Долгоруковых во время их близости ко двору увеличилось безмерно. К ним в руки после ссылки А.Д. Меншикова попали его сокровища, конфискованные в казну. Долгоруковы присвоили великолепные бриллианты, украшения всякого рода, наличные деньги, дорогую мебель, охотничьи принадлежности, завладели частью дворцовой серебряной посуды, перевели в свои конюшни лучших лошадей и заполучили лучших собак царской охоты. Убыток казне составил полтора миллиона рублей. Долгоруковы не пощадили даже церковного имущества. Так, например, Иван Алексеевич приказал вынуть драгоценные камни, которыми были украшены многие предметы, принадлежавшие главному храму: евангелие, скипетры, священническое облачение⁷⁸. После ареста Долгоруковых и их ссылки в Кремле была поставлена палатка, в которую складывались вещи, отобранные у Долгоруковых. Сохранилось семейное предание, будто Сергей Григорьевич, не доверяя Анне Иоанновне, перевел в Лондонский банк 100 000 рублей сроком на 100 лет. Долгоруковы потом искали эти деньги, но они так и не вернулись.

На второй день после свадьбы Ивана Алексеевича и Натальи Борисовны, 8 апреля 1730 г., последовал указ о назначении Василия Лукича губернатором

⁷⁸ Русский архив. 1866. № 1. С. 16–17.

Сибири в Тобольск, Михаила Владимировича – воеводой в Астрахань, Ивана Григорьевича – воеводой в Вологду, а их сторонники направлялись в отдаленные города России. На следующий день вышел новый указ: Алексей Григорьевич лишился чинов и орденов, ему было приказано жить в дальних деревнях вместе с детьми. Сергею Григорьевичу предписывалось то же самое. Иван Алексеевич отправлялся с отцом (Наталье Борисовне разрешено было ехать с мужем позднее; брат дал ей на дорогу 1000 рублей; проститься с ней никто из родственников не посмел). Александр Григорьевич посылался в дальний город, по усмотрению Сената. На сборы отводилось три дня. За это время Долгоруковы успели кое-что припрятать. Наталья Борисовна свое и мужнино имущество (даже шубы князя Ивана!) отослала к брату на сохранение. Драгоценные и дорогие памятью вещи взяты с собой («все по карманам прячут» – писала впоследствии Наталья Борисовна⁷⁹). Из Москвы выехали на пяти лошадях, с десятью собственными людьми. Путь Алексея Григорьевича и его семьи лежал в село Никольское Пензенской губернии. В Коломне их нагнал капитан Преображенского полка Петр Воейков, который отобрал ордена и другие знаки отличия. Под тем предлогом, что Долгоруковы ненадолго остановились в Касимове и будто бы не желали следовать дальше, появился новый указ от 12 июня 1730 г. Его привез 20 июня капитан-поручик Артемий Макшеев. По этому указу Василия Лукича сослали в Соловецкий монастырь (указ от 14 апреля уже снял с него чины, ордена и определил местом жительства дальние деревни под караулом). Михаилу Владимировичу указом от 8 мая велено было жить безвыездно в его Боровской деревне. Ивана Григорьевича заточали в Пустозерске, Александра Григорьевича зачислили матросом в астраханскую флотилию, Сергея Григорьевича с семейством сослали в Ораненбург, Александру Григорьевну постригли в инокини. Семья Алексея Григорьевича без изъятия направлялась в Березов. Сначала плыли на стругах Окою, миновав Муром, Нижний, Казань, потом Камой. 1 августа сели на подводы в Соликамске, а 3 августа семейство догнал прапорщик Любовников, который описал все имущество, но пока не отобрал. 24 августа прибыли в Тобольск, а оттуда с капитаном Сибирского гарнизона Петром Шарьгиным и солдатами караула – в Березов. Если учесть, что Василий Владимирович и капитан Юрий Долгоруков были сосланы в Иван-город и в Кузнецк (указ от 23 декабря 1731 г.), то можно без преувеличения сказать: кара так или иначе коснулась всех Долгоруковых. Первоначально особенно тяжкие испытания выпали на долю Алексея Григорьевича и его семейства. После окружавшего их великолепия, роскоши и пышности Долгоруковым было невыносимо трудно переносить арестантское состояние и нехватку пищи (каждому полагалось на день по рублю на содержание). Жизнь в Березове была в подробностях описана Натальей Борисовной: жители ели сырую рыбу, ездили на собаках, носили оленин кожи, жили в кедровых избах, где вместо стекол были ледяные окончины. Зима длилась 8–10 месяцев, морозы несносные, ничего не родится – ни хлеба, ни капусты. Кругом непроходимые леса и болота. «До такого местечка доехали, что ни пить, ни есть, ни носить нечего. Ничего не продают, ниже калача; тогда я плакала, для чего меня реки не

⁷⁹ Памятные записки Натальи Борисовны Долгоруковой. 1867. № 1. С. 26.

утопили или не залили!»⁸⁰. Семье А.Г. Долгорукова отвели просторный дом, а князю Ивану и княгине Наталье – сарай, где поставили две печи. Во дворе острога, в котором они находились под караулом, был пруд, в нем плавали утки, гуси и лебеди. Ели точеными деревянными ложками и пили из оловянных стаканов. Женщины занимались вышиванием святых икон по камке и кисее. Покидать острог было строго запрещено, выпускали только в церковь по праздничным дням. Долгоруковым не разрешали писать писем и общаться с местными жителями. Но так как Долгоруковы увезли с собой, спрятав, множество дорогих вещей, то они одаривали ими местное начальство, приезжавших чиновников, жителей и получали некоторое послабление. По дошедшим сведениям, к ним допускали гостей, а самих даже выпускали за пределы острога. Впоследствии за это жестоко пострадали офицеры караула и березовский воевода Бобровский. Первое время Долгоруковы надеялись, что «осмотрятся и возвратят нас в первое наше состояние», ибо «держала нас невинность наша»⁸¹. Но шли годы, а перемен в их судьбе не было. Силой духа обладала, пожалуй, только Наталья Борисовна, у которой в остроге родились два сына – Михаил, отец Ивана Михайловича, и Дмитрий, красавец, уже после ссылки тайно принявший пострижение и вскоре умерший в Киево-Печерской лавре. Наталья Борисовна смирилась со своей участью, уповала на Бога и с терпением сносила страдания. Она любила своего легкомысленного мужа, и эта любовь поддерживала ее. «Вот любовь до чего довела, – писала она, – все оставила, и честь, и богатство, и сродников, стражду с ним, и скитаюсь; этому причина – все непорочная любовь, которой я не постыжусь ни перед Богом, ни перед целым светом, потому что он один в сердце моем был; мне казалось, что он для меня родился, и я для него, и нам друг без друга жить нельзя. И по сей час в одном рассуждении, и не тужу, чтоб мой век пропал; но благодарю Бога моего, что Он мне дал знать такого человека, который того стоил, чтоб мне за любовь жизнью своею заплатить, целый век странствовать и великие беды сносить, могу сказать, беспримерные беды»⁸². Остальные члены многочисленного семейства не обладали таким достоинством, какое выказала в изгнании Наталья Борисовна, и жизнь Долгоруковых в Березове превратилась в сплошную и нескончаемую муку. В семье сразу после водворения в острог вспыхнули ссоры, начались безобразные раздоры. Князь Алексей, княжны Екатерина и Елена, князь Александр постоянно укоряли князя Ивана и открыто враждовали с ним. О распри в семействе донес в Петербург надзиравший за Долгоруковыми капитан Шарыгин, и 9 декабря 1731 г. последовал указ, в котором написано: «Сказать Долгоруким, чтоб они впредь от таких ссор и непристойных слов конечно воздержались и жили смиренно под опасением наистрожайшего содержания»⁸³.

Не обошлось и без потерь: умерли Алексей Григорьевич и его жена.

Однако самым страшным потрясением для рода была утрата огромного состояния, после которой дом Долгоруковых никогда не оправился. Фактически

⁸⁰ Там же. С. 49.

⁸¹ Там же. С. 45.

⁸² Там же. С. 36. И далее: «Я все в нем имела: и милостивого мужа, и отца, и учителя, и старателя о счастья моем» (с. 50).

⁸³ Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII века. С. 117.

семья была разорена. Кроме нескольких вотчинных деревень, оставленных на прокорм, у Долгоруковых отобрали все вотчины, имения и деревни вместе с крестьянами. Анна Иоанновна приказала отписать конфискованные земли «на нас» (т.е. на себя) и на казну. Так, указ от 15 июля 1730 г. гласил: «... все оное их движимое и недвижимое имение отписать на нас. У Князь Василья, Княж Лукина сына, вовсе и деревни приписать ко дворцовым, а у других до пребудущего Нашего Указа. И для того Сенату Нашему повелеть учрежденной Канцелярии Конфискации в Московских их домах всякое движимое их имение переписать и запечатав поставить караул. Також и в деревнях всякие пожитки и заводы переписать же из той Канцелярии Конфискации и определя для надзирания управителей, поступать по данной ей инструкции, опричь Князь Васильевых деревень, кои велено приписать ко дворцовым. А людей их, кои имеются в Московских дворах и в деревнях всех переписать; а при той переписки у них, или кому дома их приказаны, взять сказки с подкреплением, чтоб объявили без всякия утайки: сколько они, Долгорукие, взяли с собою каких пожитков, денег и прочих вещей всяких и что где в домах оставили, или куды в другие дома развезли и без себя развезть велели, и кому они тех домов своих и пожиткам главное управление поручили; а к ним самим послать нарочных гвардии офицеров, которым взять у них сказки, сколько каких пожитков и денег и других вещей они при себе взяли и сколько пожитков же и денег и каких вещей в домах их осталось и у кого на руках или где в посторонних домах поставлено или на ком в долгах сколько имеют и в чужих краях в каких местах без всякия утайки. – А что чего при них имеется, то тем посланным, купно с теми офицерами, которые при них Долгоруких обретаются, осмотреть и переписать; а у Князя Василья все что найдется при нем взять и учиня обстоятельную роспись за своими и тех офицеров, которые с ними при той описи будут руками, привезть с собою к Москве и объявить в Сенате, а Сенату о том рапортовать нам. А по взятии имения Князь Василью давать корму по рублю на день; а другим Долгоруким довольствоваться до предбудущего Нашему указу из того, что с собою имеют»⁸⁴. Обыски производились несколько раз. Уже после многократных обысков и описей имущества в письме от 4 марта 1732 г., направленном С.А. Салтыкову, императрица требовала: «Семен Андреевич, по получении сего изволь выбрать доброго унтер-офицера от гвардии, и немедленно пошли, и вели ему у Долгорукова князь Алексея со всеми детьми отобрать все вещи алмазные, и золотые, и серебряные, и как помянутый офицер к вам привезет, то немедленно к нам в Петербург отправьте все; так же и у разрушенной (т.е. у Екатерины Алексеевны. – В.К.) все отобрать, и патрет Петра второго маленькой взять»⁸⁵. Исполняя приказ императрицы, С.А. Салтыков послал в Березов сержанта лейб-гвардии Преображенского полка Ивана Рагозина с двумя солдатами, который вернулся в Москву из Березова 18 апреля 1732 г. Сержант отобрал у Долгоруковых алмазные, золотые и серебряные вещи и составил им опись. О портрете Петра II доложил, что тот утерян (на самом деле

⁸⁴ Долгоруков П. Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 243–244.

⁸⁵ Книга записная имянным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732–1742 гг. М., 1878. С. 2.

портрет Долгоруковым удалось утаить). «Он же Рагозин объявил, – сказано в донесении, – что из оных вещей (т.е. подлежащих конфискации. – В.К.) в городе Березове в церкви у образа Пресвятыя Богородицы Деогитрии (т.е. Одигитрии. – В.К.) привесил он, князь Алексей Долгоруков, звеску в серебре под золотом, а в ней искр яхонтовых девять, алмазных восемь. И оныя вещи он, Рагозин, взять не посмел для того, что оныя привешены к образу». Все отобранное было затем Рагозиным доставлено в Петербург и сдано по описи⁸⁶.

Искали не только в семействе Долгоруковых, но и у родственников других фамилий. В письме от 16 апреля 1732 г. С.А. Салтыкову императрица повелела: «Известно нам, что князь Иван Долгорукой свои собственные пожитки поставил вместе с пожитками жены своей, а где оные стоят, того не знают: надобно вам осведомиться, где у Шереметевых кладовая палата, я чаю тут и князь Ивановы пожитки, и вы призовите к себе, кому дом приказан у Шереметевых, чтоб он конечно объявил все пожитки князь Ивановы, и когда возьмешь, то немедленно к нам пришли все, а жены его пожиток не бери, и без приглашения сие учини, а надобно с пристраием его спросить, чтоб он конечно, объявил, худо ему будет, ежели после същется...»⁸⁷. Помимо этого, приказывали допрашивать дворовых и вообще всех, у кого есть имущество Долгоруковых или кто знает, где оно спрятано. В указе от 11 апреля 1733 г. говорилось, что те, кто донесет, будут награждены, а дворовые даже освобождены от крепостной зависимости. Ежели не донесут, но об этом будет узно, то виновных ждет жестокое наказание⁸⁸.

Кроме того, у Долгоруковых требовали возврата 40 тысяч рублей, пожалованных Петром II Алексею Григорьевичу и Ивану Алексеевичу, возмещения затрат на обручение и на штат Екатерины Алексеевны.

В ссылке Долгоруковым было запрещено иметь бумагу, чернила, но они в этих условиях умудрялись учить детей, например, французскому языку, и дали им приличное образование и воспитание. Однако обстановка в семье оставалась невыносимой. Князь Иван, по слухам, задарив чиновников и караульных, бражничал и небрежно относился к жене. Екатерина Алексеевна вошла в любовную связь с офицером Овцыным, хотя Долгоруковы считали это клеветой. Невоздержанность и ссоры отчасти погубили фамилию. Испытания ее еще не закончились.

Из документов, дошедших до нас, трудно понять, почему в 1738–1739 гг. вновь всплыло дело о подложном завещании, сочиненном Долгоруковыми и подписанном Иваном за Петра II. О сомнительности духовной знали и в 1730 г. Недаром «верховники» отвергли ее как фальшивую. О ней было известно и Анне Иоанновне. Вряд ли можно допустить, что «благожелатели» Долгоруковых при начале гонений на них упустили подходящий предлог, чтобы окончательно расправиться с князьями. Следствие расспрашивало Долгоруковых о завещании, но тогда им удалось отпереться. Но почему именно в 1738–1739 гг. оно столь остро заинтересовало императрицу, нет сколько-нибудь убедительных версий. Остает-

⁸⁶ Русский архив. 1866. № 1. С. 47.

⁸⁷ Книга записная имянным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732–1742 гг. С. 74.

⁸⁸ Долгоруков П. Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 248.

ся предположить, что самодержавие не могло забыть государственного преступления, касающегося престолонаследия, хотя бы и семилетней давности, и что поводом к возбуждению дела послужили злободневные события конца 1730-х годов.

Одна из версий состояла в том, что Долгоруковы будто бы вступили в сношения с Польшей, надеясь на ее помощь в возвращении им имущества, если шведы одержат в войне победу над Россией. Россия тогда вела неудачную кампанию, но думать, будто Долгоруковы могли как-то повлиять на ее ход и извлечь для себя из поражения выгоды, было бы неосторожно. К тому же совершенно непонятно, каким образом они смогли наладить переписку с кем-то из польских деятелей, находясь в Березове, где их бдительно охраняли. Следствие, наряженное Анной Иоанновной по делу о ложной духовной, несколько не интересовалось связями Долгоруковых с Польшей и Швецией после 1730 г. Им был рассмотрен лишь один эпизод, относившийся ко времени смерти Петра II. Словом, изложенная некоторыми историками версия выглядит надуманной и не подтверждается какими-либо документами.

Гораздо ближе к истине свидетельства, восходящие к показаниям самой семьи. Одно из них таково. П.П. Шафиров выхлопотал у Бирона своему зятю, Сергею Григорьевичу (он был женат на дочери Шафирова), освобождение из ссылки. Князь Сергей Григорьевич, опытный и умелый дипломат, возвращался на дипломатическую службу. Однако враги Шафирова Остерман, Ушаков и Волынский стремились не допустить прощения Долгоруковых и решили навсегда с ними покончить. Генерал Манштейн, например, в своих записках высказал суждение, согласно которому пока князья Долгоруковы находились в удалении от двора, враги их оставались в спокойствии, но лишь только императрица вызвала из заточения одного из них, князя Сергея Григорьевича, все враги рода Долгоруковых из боязни того, чтобы «род сей не приобрел прежней силы, истожили все возможные усилия для пагубы этого дома и достигли успеха». Говорят, утверждал Манштейн, что их гибель торопил кабинет-министр Волынский. С этим мнением Манштейна был согласен П.В. Долгоруков⁸⁹. Сами Долгоруковы были убеждены, что их главным гонителем был Бирон. Но если он внял хлопотам П.П. Шафирова, то должно было случиться событие, которое сделало его дальнейшее заступничество невозможным. Этим событием, по всей вероятности, стал донос на Долгоруковых, поступивший уже после призвания на службу князя Сергея Григорьевича.

Поводом к доносу послужили ссоры в семье, пьянство Ивана Алексеевича, у которого развязался язык, и который непотребными словами бранил Анну Иоанновну, задевая Бирона и Елизавету Петровну.

В начале 1738 г. Екатерина Алексеевна приглянулась бывавшему в остроге и навещавшему Долгоруковых таможенному подъячему Осипу Тишину. Напившись пьяным, Тишин в грубой форме потребовал, чтобы она стала его любовницей. Княжна пожаловалась Ивану Алексеевичу, а тот поручику Овцыну, караульному офицеру, своему собутыльнику и, как гласила молва, любовнику Екате-

⁸⁹ Там же. С. 258.

рины Алексеевны. Овцын подговорил двух березовцев, и втроем они избили Тишина. Случай отомстить представился подъячему очень скоро. Однажды князь Иван снова напился и в присутствии Тишина стал поносить Анну Иоанновну и Елизавету Петровну. Впоследствии из допросов Тишина и Ивана Алексеевича прояснилось, что говорил князь Иван: «Какая она государыня, она – Шведка; мы знаем, за что она Бирона жалует...» Он утверждал также, что Елизавета Петровна имела от своего фаворита Шубина детей, «мужеска и женска полу», и что он сам видел этих прижитых ею детей. Тишин будто бы возражал князю Ивану, а когда тот спросил его, не хочет ли он донести, то Тишин отвечал, что он доносить не собирается, а донесет майор Петров. Впрочем, князь Иван хвастался, что в случае доноса сам Тишин и пострадает, а Петров, мол, доносить не будет, потому что он уже задарен Долгоруковыми. Тишин рассказал об этом разговоре майору Петрову, но тот замял дело. Тогда Тишин послал донос в Тобольск сибирскому губернатору и на Долгорукова, и на Петрова, и на воеводу Бобровского. В мае 1738 г. в Березове появился капитан Ушаков, родственник начальника Тайной Канцелярии А.И. Ушакова. Он прибыл инкогнито, был безденежен и разузнал все, что хотел. Но по прибытии в Тобольск дал делу ход и начал следствие.

Тут нужно добавить, что был еще один не совсем проясненный эпизод, с которого, по словам княгини Натальи Борисовны, начался перебор всего сделанного и сказанного в 1730 г., т.е. восемь лет тому назад еще в Москве. Свидетельства о нем противоречивы. Н.Б. Долгорукова называет виновницей старшую сестру князя Ивана Елену Алексеевну (другие мемуаристы и историки – Екатерину Алексеевну). Будто бы она неизвестно почему подговорила младшего брата князя Ивана, Александра, закричать на него «слово и дело» (по иным сведениям, это приписывается Осипу Тишину или слуге Долгоруковых). Во времена Анны Иоанновны этот возглас, как известно, означал, что человек, к которому он адресован, – государственный преступник. Следовательно, речь шла о доносе и фактическом обвинении князя Ивана в тяжком преступлении против власти⁹⁰. Доказательством слов Н.Б. Долгоруковой служит то, что князь Александр, увидев вскоре последствия своего поступка, распорол себе живот. Его спасли. В Москве потом его звали «князь с поронным брюхом»⁹¹. В какой конкретно связи этот эпизод состоит с доносом Тишина и приездом Ушакова, свидетельства умалчивают.

9 августа 1738 г. на дощанике увезли князя Ивана, разлучив с женой и детьми. Затем всех Долгоруковых разбросали по разным углам империи. Александра и Николая направили в Вологду (по некоторым сведениям, Александра и Николая били кнутом, и им были урезаны языки⁹²), а затем вместе с Алексеем – на Камчатку, Екатерину – в Воскресенский Горичский монастырь (туда, под Волегду, и раньше заточали родовитых узников – Прасковью Михайловну Соловую, жену царевича Ивана, сына Грозного, Ксению Годунову), после перевели в Рождественский монастырь (Томск), Елену – в Успенский (Тюмень), Анну – в Пок-

⁹⁰ Памятные записки Натальи Борисовны Долгоруковой. С. 51.

⁹¹ Там же; см. также: Из записок князя П.В. Долгорукова. С. 100.

⁹² Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов, издаваемый В. Каширевым. СПб., 1871. Т. 1. С. 193.

ровский (Верхотурье). Из местного березовского караула, духовенства, слуг, обывателей пострадало по делу Долгоруковых более шестидесяти человек.

В Тобольске князя Ивана посадили в сырую тюрьму, заковали в ручные и ножные кандалы, приковали к стене и не давали спать. Применив несколько раз пытки на дыбе, следствие добилось от князя Ивана признаний (впрочем, как сказано в донесении, князь Иван без «всякого спроса», т.е. еще до пыток, сознался, что духовная сочинена князем Алексеем Григорьевичем, дядями – Василием Владимировичем, Сергеем Григорьевичем, что писал Василий Лукич⁹³). Он ответил на все 16 вопросных пунктов и рассказал о том, как было составлено и подписано ложное завещание Петра II⁹⁴. Василия Лукича, Сергея и Ивана Григорьевичей, Василия и Михаила Владимировичей допрашивали в Шлиссельбурге и в Санкт-Петербурге. Там показания снимали А.И. Ушаков и А.И. Остерман⁹⁵.

Тут нужно вспомнить, что следствие весьма заинтересовалось ложным завещанием Петра II еще в 1730 г. при аресте Долгоруковых (вопросы о нем были заданы Василию Лукичу, Ивану Алексеевичу, Алексею и Сергею Григорьевичам и другим членам семейства). Тогда Долгоруковы от всего отказались. Так, Василий Лукич заявил, что «о завещательном письме государя императора Петра Второго... никогда не слыхал и ни о чем таком не ведает»⁹⁶. Но, очевидно, уже в то время он допустил промах. Судя по вопросам, Василий Лукич, стремясь снять с себя возможные обвинения в составлении завещания, рассказал о духовной самой императрице Анне Иоанновне и назвал виновника сочиненной и написанной духовной – П.П. Шафирова. Когда следствие спросило, «в какой силе о том Ея Императорскому Величеству приносил», В.Л. Долгоруков, понимая двусмысленность своего положения, отвечал: «Упоминал или нет, не помню, ни о письме, ни о Шафирове, если же царица помнит, то соврал ложь и прошу императрицу милостиво простить»⁹⁷ (т.е. отказался от признания). Следствие не удовлетворилось ответом Василия Лукича, и его прямо спросили: «доносил или не доносил Ея Величеству, что есть духовная, написанная и сочиненная Шафировым?» Тут уж Василию Лукичу ничего не оставалось делать, как взять вину на себя и просить о снисхождении: «Ея Величеству государыне императрице о духовной доносил с прорезвости ложно, желая за то Ея Величества больше к себе милости»⁹⁸. На втором допросе Василия Лукича снова спрашивали, почему он раньше о сво-

⁹³ Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Книга первая. М., 1864. С. 1. Василия Владимировича князь Иван, возможно оговорил.

⁹⁴ Положение князя Ивана осложнялось тем, что следствие располагало сведениями о его исповеди пятилетней давности, согласно которым он сообщил священнику Федору Петровичу Кузнецову о том, что подписал за Петра II духовную (см.: Памятники новой русской истории. С. 168).

⁹⁵ Любопытно, что после освобождения Долгоруковых при Елизавете Петровне в правительствующий Сенат по делу барона Остермана, графа Головкина и фельдмаршала Миниха был приглашен и действительный тайный советник Михаил Владимирович Долгоруков (январь 1742 г.). А.И. Остерману вменялся в вину умысел против славных и древних российских фамилий. Остерман это отрицал, но ему пришлось признать, что он вместе с А.И. Ушаковым присутствовал при допросе князя С.Г. Долгорукова в Петербурге и спрашивал о духовной (см.: Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. СПб., 1872. С. 276).

⁹⁶ Памятники новой русской истории. С. 153.

⁹⁷ Там же. С. 153–154.

⁹⁸ Там же. С. 154.

ем доносе отговаривался беспамятством и почему заперся. Он отвечал: «приношу вину и рабски прошу о милосердии»⁹⁹.

Из всего этого следует, что в 1730 г. следствию не удалось доказать, что духовная была сочинена, написана и один экземпляр подписан Долгоруковыми. Почему это произошло, опять-таки неясно, поскольку Алексей Григорьевич показывал духовную, как помним, «верховникам». От попыток взвалить вину на Шафирова (неуклюжая мечта отвести подозрение от себя и одновременно привлечь к себе сердце Анны Иоанновны!) Долгоруковы резонно отказались, заявив о своей клевете и уповая на милость государыни, потому что доказать авторство Шафирова они не могли, а только лишь усугубили бы тяжесть своей участи. Так или иначе, им удалось избежать обвинений в подлоге завещания. Дело приостановили, но не прекратили. В таком случае можно высказать предположение, что двор не мог оставить без последствий факт ложного завещания, относившийся к наиболее серьезным государственным преступлениям. События же конца 1730-х годов позволяли возобновить старое дело, и правительство незамедлительно этим воспользовалось.

Однако теперь, в 1738–1739 гг., следствие располагало признанием князя Ивана, и остальным Долгоруковым пришлось туго. Василий и Михаил Владимировичи подтвердили слова князя Ивана и подробно рассказали о том, как сочинялось, писалось и подписывалось завещание, указав на главных зачинщиков – Алексея и Сергея Григорьевичей и Ивана Алексеевича. Вследствие того, что Василий и Михаил Владимировичи были против возведения на престол Екатерины Алексеевны и в составлении духовной участия не принимали, приговор в отношении их был смягчен. Суд счел, что оба достойны смерти, ибо не донесли, но Анна Иоанновна повелела отправить их в ссылку. Остальные Долгоруковы, кроме Ивана, вероятно, запирались и говорили, будто ничего не помнят. Особенно характерно «беспамятство» для Сергея Григорьевича, который почти на все заданные ему вопросы отвечал неизменным: «Не помню»¹⁰⁰.

После окончания следствия Иван Алексеевич, Василий Лукич, Сергей и Иван Григорьевичи были свезены в Новгород, где их казнили. Василию Лукичу, Ивану и Сергею Григорьевичам 8 ноября 1739 г. отрубили головы. Иван Алексеевич был четвертован, а затем у него была отрублена голова¹⁰¹.

⁹⁹ Там же. С. 155.

¹⁰⁰ Там же. С. 173–174.

¹⁰¹ Иван Михайлович Долгоруков болезненно относился к неточности историков: «Некто из молодых россиян, описывая деяния великих мужей нашего отечества, упоминая о Деде моем, сказал и напечатал, будто он был колесован. – Стыдно Русскому так мало знать происшествия столь близкого к нам времени! – еще стыднее писать историю и так неосмотрительно лгать!» Комментаратор А. Поляков в своих примечаниях возразил: «Автор, видимо, умышленно старается скрыть некрасивую роль, которую играл его дед в составлении фальшивой духовной от имени Петра II, в пользу его сестры, княжны Екатерины» (*Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. 1764–1800. Пг., 1916. С. 13, 14*). И.М. Долгоруков действительно старался представить дело так, будто его деду лишь отрубили голову, как и другим Долгоруковым, а не подвергли особой, мучительной и позорной казни. Это неверно. Но в данном случае претензию И.М. Долгорукова можно понять, так как слово «колесован» употреблено неточно, вместо слова «четвертован». При колесовании колесом ломали кости, а при четвертовании сначала отрубали правую руку, потом левую ногу, затем лишали левой руки и правой ноги, а уж после этого отсекали голову.

Потомки Ивана Алексеевича считали, что он и прочие Долгоруковы пострадали напрасно. Происшедшее с ними объяснили природной склонностью Анны Иоанновны к тирании. И.М. Долгоруков до конца жизни был убежден, что дед его «без вины приговорен к смерти»¹⁰². О том, как князь Иван встретил казнь и принял смерть, Долгоруковы в своих описаниях разошлись. И.М. Долгоруков ограничился словами: «Палач отделил голову его; она покатила прежде нежели уста его успели произнести последние слова кающегося пророка»¹⁰³. Напротив, П.В. Долгоруков, называя суд над своими предками «Шемякинским», живописал более картинно: «Когда палач отрубил ему правую руку, страдалец возопил: благодарю тя, Господи; по отсечении левой ноги: познать тебя, Владыко!»¹⁰⁴.

Подводя итоги всей истории, И.М. Долгоруков имел полное право воскликнуть: «С эшафотом Деда моего сокрушился и пал безвозвратно род князей Долгоруких!»¹⁰⁵. Но падение дома, как писал П.В. Долгоруков со ссылкой на И.М. Долгорукова, означало для семьи искупление вины. «Смерть столь неожиданная, суровая и мучительная, – цитирует П.В. Долгоруков И.М. Долгорукова, – искупила все грехопадения юности его, и кровь, обagrившая Новгородскую землю, сию древнюю колыбель геройских подвигов, должна примирить прах его со всеми врагами племени нашего!»¹⁰⁶.

Н.Б. Долгорукова была освобождена из ссылки еще императрицей Анной Иоанновной и прибыла в Москву¹⁰⁷. В ноябре 1739 г. прапорщик Преображенского полка Челищев доложил Тайной канцелярии, что «князя Ивана Долгорукова жена просит, чтоб ежели муж ея еще жив, то б ее не разлучать с ним, а если не жив, то постричь ее»¹⁰⁸. По возвращении из Сибири она, однако, получила дозволение отложить свое намерение, чтобы воспитать детей. Тогда же Наталья Борисовна начала хлопоты о возвращении вотчин, имений Долгоруковых и, прежде всего, своей доли Шереметевского наследства. Но ей и другим Долгоруковым удалось исходатайствовать лишь ничтожную часть огромного некогда движимого и недвижимого состояния. Обещания вернуть конфискованные земли и имущество не пошли далее мелких подачек. Так, секретарь саксонского посольства Пецольд сообщал своему королю 16 апреля 1742 г.: «В скором времени сюда прибудет из Сибири еще множество других несчастных, сосланных туда в предшествующие царствования. Оттуда прибыла уже княжна Долгорукая, бывшая невеста Императора Петра II. Несколько дней назад Государыня принимала у себя во дворце княжну и подарила ей при этом 6000 руб. Рассказывают, что при первом свидании обе женщины не могли удержаться от слез»¹⁰⁹. Во многом напрасны были и хлопоты

¹⁰² Там же. С. 12–13

¹⁰³ Там же. С. 13.

¹⁰⁴ Долгоруков П. Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 124.

¹⁰⁵ Долгоруков И.М. Повесть... С. 13.

¹⁰⁶ Долгоруков П. Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 124.

¹⁰⁷ Остальные Долгоруковы вернулись при Елизавете Петровне.

¹⁰⁸ Памятные записки Натальи Борисовны Долгоруковой. С.52.

¹⁰⁹ Сборник русского исторического общества. СПб., 1871. Т. 6. С. 422–423. Елизавета Петровна приняла деятельное участие в сестрах князя Ивана. Она, например, выдала замуж княжну Екатерину за графа Брюса, племянника знаменитого Брюса-Планетника. Возможно, вместо того чтобы возвратить состояние, она стремилась замужеством обеспечить княжну. Однако Екатерина вскоре скончалась.

Н.Б. Долгоруковой. Впоследствии И.М. Долгоруков писал: «С свободой вместе возвращены ей и некоторые вотчины, но вообще о всем конфискованном имении последовал указ, чтоб, сочиня ему ведомость, представить; которая ведомость сочиняется и доньне, а между тем все роздано фаворитам. Какая пленительная вывеска российского правосудия!»¹¹⁰. Семья была уверена, что имения можно было получить обратно, если бы не скупость графа П.Б. Шереметева, который, по убеждению всех Долгоруковых, обобрал их, хотя некоторые историки это оспаривают, полагая, что большую часть состояния брат Натальи Борисовны взял за своей женой, урожденной княжной Черкасской. Мнение же Долгоруковых основано на том, что близкий к Елизавете Петровне граф Лесток принялся было ходатайствовать перед императрицей, но попросил себе в качестве мзды старинные часы, бывшие в доме Шереметева, а тот часы не отдал, и Лесток остыл. Но главная обида Н.Б. Долгоруковой касалась самого Шереметева. В одном из писем к сыну, Михаилу Ивановичу, и невестке она иронически просит их: «Когда вы будете у него обедать, заверни мне в бумажку от крупниц, падающих от трапезы богатой, да и я буду участница его благ. На том свете на оправдание ему в день судный, что и я, странница, питалась от дому его»¹¹¹. (Скупость П.Б. Шереметева доходила до того, что его племянник, М.И. Долгоруков, очень часто носил сапоги без подошв.) Так что Н.Б. Долгорукова по возвращении из Березова вновь почувствовала всю тяжесть нищенства и бесконечных мытарств: «И так, приехавши к Москве, три года скиталась по чужим дворам, и так бедственно вдовствующую жизнь препроводила, детей воспитала, сколько бед претерпела, нападков, разорения, нестроение домашнее, тому Бог свидетель!»¹¹². И только после того, как Н.Б. Долгорукова женила старшего сына, Михаила Ивановича, отца автора «Капища» (первый раз – на княжне Голицыной, второй – на баронессе Строгановой), она удалилась в Киев, постриглась, стала схимонахиней и приняла имя Нектарий¹¹³. О детях своих она писала Екатерине II, которая отвечала ей: «О сыновьях ваших будьте уверены, что по справедливости милостию и покровительством моим оставлены не будут. Впрочем, поручаю себя молитвам вашим и пребуду вам всегда благосклонная Екатерина»¹¹⁴.

Иван Михайлович Долгоруков после всех неудачных попыток его родных вновь обрести состояние и вернуть прежнее положение в обществе, хотя некоторые имения Долгоруковым были возвращены, всегда считал, что он живет в нищете, на которую отныне был обречен его род. Этим чувством отпрыска знатного дома, постоянно держащего в уме бывшее могущество и бывшее богатство, а теперь потерявшего власть и разоренного, пронизаны страницы его мемуарных сочинений. И.М. Долгорукова переполняла гордость за своих предков, родичей, за эшафот деда, за стойческое терпение и смирение бабки, но, как писал его биограф, «судьба дала ему почувствовать

¹¹⁰ Долгоруков И.М. Повесть... С. 14.

¹¹¹ Памятные записки Натальи Борисовны Долгоруковой. С. 54.

¹¹² Там же. С. 52.

¹¹³ В Киеве она похоронила младшего сына, Дмитрия Ивановича, который постригся тайно, и окончила свою жизнь.

¹¹⁴ Памятные записки Натальи Борисовны Долгоруковой. С. 52.

тягость общественного положения, не подкрепленного выгодами богатства»¹¹⁵.

В «Капище» в полной мере обрисованы тяготы И.М. Долгорукова, наследника надменного и могучего рода и не обеспеченного материальным достатком чиновника и человека, вынужденного прибегать к займам, к закладу дома при женитьбе сына и ждущего наград и солидных пожертвований от царских особ или богатых родственников. Именно бедность, сравнительная, конечно, заставляет И.М. Долгорукова осознать, что он, потомок богатейшей фамилии, ныне выброшен из числа первых лиц государства и низведен до положения второ- и даже третьеразрядного деятеля в государственной машине и не может влиять на судьбу России.¹¹⁶

Деньги вследствие этого становятся значительной темой «Капища» и во многом определяют отношения Долгорукова с людьми. Он никогда не забывает благодарно отметить тех, кто оказал ему услуги по части приобретения имущества или подарил ему и его семье значительные суммы, и равно не пропустит лиц, принесших ему убытки, недостаточно наградивших его и поскупившихся на подарки. При этом сам Долгоруков не был скареден, но его уязвляла невозможность одаривать близких к нему людей столь широко, как это, по его понятиям, полагалось ему по происхождению и титулу. «Капище» сохранило свидетельства крайне примечательные. Так, Долгоруков восхищается поступком Селецкого, мужа своей сестры, который возвратил выделенную в приданое часть имения в пользу дочерей князя: «Какой родной и друг нынешнего образования поступит столь нежно и благодетельно! Я до гроба не забуду сих его одолжений, коими более обязан правилами его, нежели родству, а потому-то он и превосходит в глазах моих; ибо здесь побудительной причиной был не случай, не пристрастие, по словосице старинной: «Своему своему поневоле друг», а характер, готовый на все благородное, возвышенное и доброе». В той же степени он славит и другую родню – Голицыных: «Покойная княгиня, мать их, делая по временам частные вспоможения матери моей, старалась всячески смягчить денежные ее недостатки. При затруднительном случае она ей дала займы 8000 руб., в которых, по кончине ее, никакого документа не оказалось. Княгиня разодрала вексель матери моей еще при жизни своей. Князь Сергей Михайлович, следуя примеру добродетели

¹¹⁵ Дмитриев М.А. Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения. М., 1863. С. 188.

В стихотворении «На план города Березова» Долгоруков писал:

Под стражей мой отец на месте сем родился,
Мой дед и друг царев в остроге здесь томился;
А я, как Павел крест, всех выше титлов чту
И дедов эшафот, и отчу нищету.

¹¹⁶ То, что Долгоруков считал нищенством, для других родственников и знакомых выглядело иначе. Например, его внук от побочного сына Якова, Н.Я. Афанасьев, вспоминал: «В конце прошлого столетия место губернатора во Владимире занимал князь Иван Михайлович Долгорукий, известный в свое время писатель и поэт. Богатый человек, он жил на широкую ногу, подобно всем большим барам тогдашнего времени. Будучи хорошо образованным по своему времени, он интересовался не одною только литературою, но и искусством, преимущественно музыкаю. У него был свой оркестр, составленный отчасти из крепостных, отчасти из наемных людей, для управления которым он выписывал постоянно артистов из-за границы. Кроме этого, обыкновенного (симфонического) оркестра, у него был еще роговой» (Исторический вестник. 1890. Т. XL1, июль. С. 23).

тельной родительницы, когда скончалась моя в подмосковной деревеньке, ссудил меня на похороны ее 2000 р., коих никогда обратно не потребовал». Перечислив заслуги Голицыных; И.М. Долгоруков патетически вопрошал: «Много ли родных уподобятся сему семейству? Как умолять о таких истинно высоких и Христианских добродетелях?» Он не забывает упомянуть даже о единичных, но богатых подарках, всегда называя их цену. Например, Д.Н. Лопухина подарила его дочери «прекраснейшее блондовое платье, ценимое в полторы тысячи рублей».

С такой же тщательностью исчисляет И.М. Долгоруков и все убытки, понесенные им вследствие доверчивости, неосторожности или промахов. Но особенно возмущают его незначительные подарки, всевозможные упущенные выгоды из-за жадности или просто по забывчивости разных особ. Он искренне оскорблен тем, что двоюродная тетка, А.А. Лопухина, посмела одарить его детей тремястами рублями, суммой обидной по своей скромности и для тетки, и для князя Долгорукова. Ему досадно, что, сколь «ни уничижительно» было принять эти деньги, он не мог отказать А.А. Лопухиной, «уважая родство», что он принужден был из рабски понимаемого долга благодарности ответить на этот «дар», который тетка «бросила... в колыбель» его детей, может быть, «из одного чванства». Помогая ее протезе Рукину, он потерял должность. Конечно, князь Иван Михайлович преувеличивал значение истории Рукина в его отставке с поста Владимирского губернатора, но характерна та сила не затихшей со временем иронии, с какой описана А.А. Лопухина.

С еще большей обидой пишет И.М. Долгоруков о Павле I и его жене императрице Марии Федоровне, принявших участие в судьбе их воспитанницы, Евгении Сергеевны Смирновой (Смирной), невесты Ивана Михайловича, ставшей впоследствии княгиней Долгоруковой. Как-то Екатерина II сжалась над Евгенией Сергеевной, отец которой был убит пугачевцами, и взяла сироту под свое покровительство. Она поместила ее в Смольный институт, чтобы дать образование и воспитание, и поручила заботам своего сына и невестки. Тут, при дворе великого князя Павла Петровича и великой княгини, Евгения Сергеевна познакомилась с И.М. Долгоруковым. На первых порах Иван Михайлович и его будущая жена были приняты ласково. Великий князь и великая княгиня с удовольствием развлекались их игрой на сцене придворного театра, приглашали к своему столу и допускали «к ручкам». Павел и Мария Федоровна благословили их обоих на супружескую жизнь, а впоследствии Павел стал крестным отцом первого сына Долгоруковых, названного в его честь. Но потом все изменилось, и отношение императорской четы к Долгоруковым ухудшилось. Причины этих перемен Долгоруков отчасти изложил в «Капище». С недоумением писал он о незаслуженном равнодушии царских особ к их воспитаннице, муж которой терпел «всякие недостатки»: «...на самых первых порах, при вступлении их в самодержавное звание, когда Павел отставил меня из службы, супруга его, приняв жену мою очень милостиво, сильно ходатайствовала о том, чтоб я определен был паки к должности, в чем и успела; но потом остуда ее, по мере, как она привыкла к высокому сану, стала становиться решительнее и сильнее. Тогда император раздавал многим вотчины, но ни я, ни жена моя не удостоились этой щедрости, и Мария Федоровна изволила назначить мне моей из кармана своего только 300 рублей пенсии в год. Можно ли назвать та-

кую милостыню благодарением, особливо тогда, когда простые прислужницы получали по 200 и по 500 душ?» Однако недовольство Павлом и его женой касалось и того времени, когда Иван Михайлович и Евгения Сергеевна были близки к «меньшому двору». В «Капище» (очерки о Павле и Марии Федоровне) Долгоруков еще в превосходных степенях упоминает о щедротах императорской четы, но в портретах других лиц проскальзывают презрение и досада. Так, например, в очерке об Е.И. Ланской (урожденной Виламовой), сравнивая ее участь с уделом своей жены, И.М. Долгоруков сообщает, что та преуспела по части материальных благ значительно больше, чем Е.С. Долгорукова: была награждена хорошим пенсионом, Павел пожаловал ей 600 душ, а мужа сделал камергером. «Моя жена, – продолжал Долгоруков, – напротив, с великою пышностью выданная за меня при дворе, ничего не могла со мной делить, кроме роковых моих несчастий и унижений, и от высоких благодетелей своих не получа ничего, кроме обыкновенного приданого и ожерельев, прожила их скоро со мною вместе и нашла в удел себе недостатки всякого рода. Таким образом в политическом мире Виламова стала по времени столько выше жены моей, сколько ниже ее была при появлении их обеих из Смольного к одному и тому же двору».

Между тем обида Долгорукова на Павла вряд ли основательна. И.М. Долгоруков знал, что Павел, будучи наследником, был стеснен в средствах и зависел от Екатерины II. На приданое Е.С. Смирновой он принужден был занять деньги у графа В.П. Пушкина, как явствует из текста «Капища». Долгоруков в очерках о Павле и Марии Федоровне пренебрежительно упоминает об «обыкновенном приданом и ожерельях», о 4000 рублей и о бриллиантовом перстне, посланном ему в клюве щегленка. На самом деле перстней было два (такой же перстень был подарен и Евгения Сергеевне), и каждый был ценою в 5000 рублей. Но и это еще не все. Более откровенен Долгоруков в «Повести». Там он подробно описал и саму свадьбу, и пожалованные подарки. Издержки графа Строганова составили, по словам И.М. Долгорукова, 5000 рублей¹¹⁷. Расходы Павла и Марии Федоровны многократно превысили эту огромную по тем временам сумму. Так, великий князь и великая княгиня взяли на себя приглашения на свадьбу и полностью ее оплатили. Предполагалось собрать 160 человек, но столы были накрыты на 200 кувертов. Они прислали Долгоруковым приданое – ящик с бриллиантами, в котором были серьги, нитка на шею и 4000 рублей ассигнациями. Всего подарков было на 14 000 рублей. Затем прибыли сундуки с платьями на четырех цугах. Содержимое сундуков состояло, по описанию Долгорукова, из прекраснейших кружев, шелковых платьев, превосходного белья, разнообразных нарядов последнего вкуса, полного серебряного дежене (кофейного прибора). На следующий день камердинер их высочеств вручил Долгоруковым перстень бирюзовый, осыпанный бриллиантами¹¹⁸.

За две недели до рождения первого ребенка, сына Павла, их высочества прислали ему кровать, белье и наряды, а после крестин великая княгиня подарила две бриллиантовые астры с аметистами¹¹⁹. Правда, Долгоруковы не получили

¹¹⁷ Долгоруков И.М. Повесть... С. 111.

¹¹⁸ Там же. С. 111–116.

¹¹⁹ Там же. С. 133.

имений и крепостных, но Павел еще не был императором. Когда же он им стал, то охладел к Долгоруковым из-за «якобинства» и фрондерства Ивана Михайловича. Деньги же и дары молодые супруги тут же спустили, потому что повели образ жизни, несоразмерный с состоянием¹²⁰. И все-таки подлинная причина недовольства Долгорукова высокородным семейством заключалась в ином.

Князь Иван Михайлович сетовал на то, что «у двора все непостоянно; так кто чаще всех на глазах, тот и милей»¹²¹. В этих словах есть правда, но далеко не вся. Долгоруков прав и тогда, когда он пишет о нравах двора, для которого судьба подданных – игра, приятное развлечение, а устройство их – ни к чему не обязывающая прихоть или лестная в глазах придворных благотворительность: «Двор очень был рад, что мог пристроить девушку молодую, сироту, попечением его вверенную, и при замужестве ее доставить ей не токмо титул нарядное в свете, но и родство большое и уважительное, короче сказать: их высочества всегда любили играть свадьбы, нимало не заботясь об участи тех, коих они соединяли, лишь бы было это по наружности пышно и громко»¹²². Долгоруков в «Капище», в стихах, в «Повести» настаивал на том, что он женился по любви на бедной девушке-сироте. Все это правда. Иван Михайлович любил свою жену, а в печатных текстах даже боготворил ее. Это не мешало ему страстно увлекаться другими женщинами при жизни Евгении Сергеевны, вызывая ее ревность. Долгоруков мог выбрать себе богатую невесту – предложений и намеков, в том числе и от их высочеств, у него было множество. В очерке о принцессе Голштейн-Бек он заметил: «Дочь ее была милая и скромная девушка; судя по разным догадкам, можно было думать, что принцесса не воспротивилась бы моему с ней соединению, но я не смел никогда о том и помыслить, по чрезвычайному состоянию наших фортуна. Она была богата, я беден. Такие союзы никогда не начинаются с успехом, и все мое знакомство в этом доме началось и кончилось театром». Получается, что Долгоруков не женился на дочери принцессы из-за ее богатства, а его бедности, и напротив, избрал в спутницы жизни Смирнову вследствие любви и бедности невесты. Тут князь Иван Михайлович лукавит. Увлеченность Смирновой и любовь к ней были – в этом нет сомнений. Но был и расчет. Решительным противником брака выступил барон Строганов. Он убеждал И.М. Долгорукова, что любая девушка из богатой семьи и знатного рода с честью для себя согласится стать женой князя. И Долгоруков это тоже хорошо знал. Но настоял на своем. Ему удалось убедить и отца. Причина была не только в пылкой любви, но и в мечтах о будущем благоденствии, будущем величии и богатстве. А поскольку мечты не сбылись, то осталась одна обида.

И.М. Долгоруков рассудил по молодости опрометчиво, но в согласии с историей рода и с психологией того времени. Евгения Сергеевна была обласкана при дворе вследствие того, что осталась сиротой (ее отец был убит пугачевцами). Ее взяла на воспитание Екатерина II и поручила заботам сына и невестки. У Смирновой был голос и драматический талант. Ее пенье и игра нравились великому князю и его супруге. Долгоруков надеялся, что Павел никогда не оставит свою

¹²⁰ Там же. С. 122.

¹²¹ Там же. С. 137.

¹²² Там же. С. 101.

воспитанницу и через нее вновь приблизит род Долгоруковых к трону. Тем самым бедность Смирновой в глазах Ивана Михайловича вполне искупалась ее положением при дворе и сулила в дальнейшем блага и привилегии Долгоруковым. В «Повести» Долгоруков прямо писал о надеждах отца, который был уверен, что «Великий Князь, отдавая за меня свою питомицу, конечно, во время свое (т.е. став императором, – В.К.) устроит и наше состояние, не только устроит, обогатит и возведет наш род в древнее его сияние»¹²³. Эти честолюбивые и далеко простиравшиеся замыслы волновали воображение отца и сына Долгоруковых: Михаил Иванович был очень доволен тем, что Иван Михайлович приблизился ко двору Павла: «...на ласках его основал то счастливое заблуждение, что П а в е л, вступив на престол, возвратит дому нашему прежний блеск его и силу»¹²⁴. Это «счастливое заблуждение» коснулось и отца, и сына, оно было свойственно всему роду: «Дым честолюбия заражал часто моего Отца, кровь деда моего, пролитая на плахе, не излечила его потомства от сей мучительной болезни»¹²⁵. В полной мере это отозвалось и к молодому князю Ивану. Вспоминая о любезных приемах у великого князя, он признавался в «Капище»: «Все это меня обольстило до крайности: я думал, что некогда буду первый его любимец». Иван Михайлович уже чувствовал и видел себя фаворитом будущего императора, а следовательно, полагал, что именно на него, женившегося на Смирновой, падет честь и долг снова возвысить свой род. Эта мечтательная миссия двигала им не меньше, чем любовь к своей невесте. Он и его жена предпринимали отчаянные попытки напомнить Павлу о прежнем расположении и прежней близости. Но все было напрасно. Справедливости ради надо сказать, что князь вел себя достойно. Он смирил свою гордость и нашел утешение в супруге. Постепенно и честолюбивые иллюзии пошли на убыль, хотя так и не остыли до конца жизни. С годами князя больше стали привлекать домашние радости, спокойный и простой семейный быт. «Чудно! – писал он в «Повести», – что человек никогда не умеет предпочитать истинных благ своих и удовольствий настоящих в жизни мечтательным замыслам своего воображения. Честолюбие почти всякого более льстит нежели спокойная домашняя жизнь. В такой борьбе естественных наших чувств с химерами надменного сердца как можно быть счастливым в мире?»¹²⁶

Однако «борьба естественных наших чувств с химерами надменного сердца» – не что-то свойственное другим людям и постороннее князю Долгорукову, а внутренне присущее ему, о чем свидетельствуют страницы «Капища». Этот мотив становится одним из основных в сочинении князя. Долгоруков оставлял на память и в поучение своим потомкам мысль о превосходстве радостей частной жизни над революционными гордых и честолюбивых замыслов. К такому итогу князь пришел уже на закате своей жизни, изобилующей крупными неудачами, радостными минутами, неосторожными приключениями и неумными вспышками часто не управляемой разумом души. «Капище», представляющее своего рода «экстракт», компендиум «Повести», из которой оно было извлечено, писалось

¹²³ Там же. С. 101.

¹²⁴ Там же. С. 84.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. С. 51.

без расчета на публику, на широкое оповещение. Цели, которые преследовал князь своим сочинением, скромны. И.М. Долгоруков не раз возвращался к принципам, побудившим его к мемуарной прозе, и уяснял для себя смысл своих писаний, причем задумывался не только над тем, о чем и что он пишет, но и как. Иначе говоря, рефлексия была направлена и на содержание, и на форму, на само повествование, его стиль и манеру.

«Капище» – не мемуары в обычном смысле слова. В нем нет хронологически последовательного изложения ни исторических, ни биографических событий. Каждый календарный день года посвящен какому-нибудь лицу, причем приуроченность дней к лицам весьма прихотлива и причудлива: иногда она вызвана рождением или именинами, иногда горестными или радостными воспоминаниями совсем не об описываемом знакомом, а совершенно о другом человеке, тем или иным образом связанном с близкими князя или им самим. Принцип отбора людей, которых посвящают очерки, капризен и по преимуществу ассоциативен. Поэтому было бы напрасно воспринимать «Капище» в качестве мемуаров или биографии, хотя основные этапы и отдельные вехи жизни И.М. Долгорукова легко прослеживаются. Скорее в «Капище» можно увидеть историю жизненных впечатлений князя, пришедшего в конце концов к примирению с судьбой и почувствовавшего, что частный быт человека относительно независим и способен доставить не меньше удовольствий и наслаждений, чем бурная государственная, военная и любая другая деятельность на виду у всех. Так, рассказ о князе Хованском И.М. Долгоруков заключает следующими словами: «Случаи, постигавшие нас взаимно в службе нашей, были мне назидательным уроком и утвердили меня в той непреложной истине, что все на свете суета. Будучи сперва под моим начальством, он едва попал в губернаторы, как стал меня обходить. Прежде меня ему дали столовые деньги и ленту и хотя, признаюсь, самолюбие мое от того страдало, но я благодарю Бога, что он меня подобными искушениями привел к познанию тщетности всех тех отличий, кои воздымают гордый дух и кои я ныне чистосердечно презираю». Предмет размышлений князя – внешние события, впечатления жизни и отношения с людьми. Однако они описываются не с точки зрения их собственного внутреннего смысла и их объективной логики, а с точки зрения их субъективного значения для личности и характера И.М. Долгорукова. Во взгляде на них он держался одного метода – какую роль события сыграли в его жизни, каковы их последствия для его положения в обществе, для его семейных дел, для его нравственности. Долгоруков почти ничего не пишет о своем мирозерцании, об увлечении философскими и гражданскими идеями, он чужд самоанализа и меланхолической мечтательности. Несмотря на сентиментальное название – «Капище моего сердца», как раз жизнь «сердца», «души» меньше всего интересует князя. Он понимает слова, вынесенные в заглавие своего сочинения, как историю происшествий, случившихся с ним, и как историю внешних сношений с людьми. Но так как и в службе, и при дворе, и в военных походах, и за карточным столом, и на театре, и в тихих молитвах, и в дружбе или распрях с разными лицами проявляются душевные движения, нравы, психология, чувства, «душа», то и они, конечно, получают освещение в «Капище». Материальная сторона жизни занимает Долгорукова в ее субъективном выражении – служебной, имущественной или нравственной пользы для него – и подвергается проверке

«сердца». Более того, именно субъективное содержание благодеяний или утрат волнует князя и составляет пищу его раздумий.

И.М. Долгоруков прекрасно понимал уязвимость и необычность его «Капища» с точки зрения принципа объективного изложения событий и рисуемых им портретов. Намеренная отвлеченность мемуаров от «большой» истории – многочисленных войн, в том числе Отечественной войны 1812 года, от дворцовых переворотов (например, убийства Павла I), от политических и других интриг, даже от культурных явлений, имевших общенациональное значение, но как бы обойденных князем (он был современником Державина и Карамзина, Жуковского и Батюшкова, Крылова и Пушкина), нисколько не тревожила автора, хотя он и предвидел, что его могут упрекнуть за пустоту изложения, за пристрастность и за то, что принято называть крайним субъективизмом. В таких нападках есть резон. Герой каждого очерка – сам князь И.М. Долгоруков, а вовсе не то лицо, о котором он пишет. Персонажами его описаний становятся знакомые и даже совсем незнакомые люди, с которыми он никогда не виделся, но которые то ли поступками, то ли письмами запомнились ему, произвели впечатление, вызвали в нем душевный отклик, ту или иную сердечную реакцию.

Устранение крупных исторических событий из повествования не прошло бесследно: И.М. Долгоруков лишил себя возможности правильного, т.е. более или менее объективного, понимания людей и явлений. В «Капище», как и в «Повести», он предстал не государственным, политическим и культурным деятелем, а простым смертным, человеком дворянской толпы, служилым дворянином с ограниченным подчас и узким кругозором, который не нуждается в истине, поверхностен в суждениях, неглубок в выводах, который держится «пошлых», как тогда говорили, расхожих, всем известных и обыкновенных правил, не избегая ни опрометчивости оценок, ни горячности отзывов. От субъективности не свободен и общий тон «Капища»: его писал человек, обиженный судьбой, недовольный своим положением, не забывший ни местничества, ни ущемленного достоинства, ироничный, иногда завистливый и желчный, самолюбивый.

И все-таки эти стороны еще не определяют всего содержания «Капища». Субъективность была не только недостатком, но и ценным качеством сочинения. Князь передал впечатления от событий и лиц такими, какими их видел он сообразно своему разуму, своим чувствам, своим нравам. Он сообщил повествованию своеобразную интимность и неподдельную искренность. Это произведение создано для себя и своих потомков. Перечитывая его, дети и внуки, по мысли автора, должны извлечь уроки из жизни отца и деда, чтобы подражать хорошему и избежать дурного. «Капище» было уготовано для семейного чтения, для узкого круга родных, которые, вспоминая о своем предке, могли вздохнуть, улыбнуться, порадоваться и попечалиться. Оно призвано было передать из рук в руки, от души к душе те нехитрые моральные правила, которых держался Долгоруков и которые он выстрадал. Оно предназначалось для облегчения опыта жизни. Поэтому в сочинении князя много сентенций, адресованных потомкам, а вовсе не человечеству. Эти сентенции общежитейского свойства, а не философские максимы, принадлежащие знаменитым моралистам и проповедникам. Их отличает скромная цель – облегчить своим близким сношения с людьми в обществе и в частной жизни. Долгоруков «учит» своих детей и внуков не доверяться

мечтам и обманам, быть благодарным за участие к ним и отвечать добром на добро. Он хочет, чтобы они внимали словам любви и дружбы, следили за движениями своих сердец и понимали, что любая мелочь в семейных отношениях достойна самого серьезного и самого пристального внимания. Она, эта незнающая, казалось бы, мелочь может быть важнее для счастья или несчастья частного человека, чем войны, интриги, карьера, материальные успехи и неудачи.

Писатель надеялся также, что в старости, просмотрев это и другие сочинения, он сравнит настоящее с прошедшим и ощутит ту сладость памяти, которая соединялась с унынием и рождала грустное и вместе с тем приятное чувство, которое скажет ему: надежды судьбы отчасти не были напрасными и жизнь не прошла впустую. Удовольствие вообразить себя молодым и снова переживать волнения прежних лет двигало пером князя. Два побудительных мотива – польза и наслаждение – скрепляли замысел «Капища», в котором художественное начало сливалось с этическим. Основанное на биографических фактах, повествование было не только художественно обработано, но и содержало значительную долю вымысла прежде всего в оценках действующих лиц, в освещении событий, в той самой субъективности изложения, которая присуща «Капищу». Резкости, несправедливости, скорые и горячие суждения – не одно лишь следствие ущемленного самолюбия и ограниченного понимания событий и лиц, но и художественно рассчитанные способы их подачи, рельефнее представляющие происшествия и их участников. И.М. Долгоруков вовсе не стремился к точности передачи фактической стороны дела, он отступал от нее, потому что хотел оживить и попытаться восстановить то настроение, которое владело им в момент совершавшегося события. Он пробуждал в себе чувства, которые в давнее время испытывал к тому или иному персонажу «Капища». Следовательно, он добивался не точности эмпирической или исторической, а точности произведенного на него впечатления, точности его нравственной и чувственной реакции. Мемуарная проза, имеющая установку на передачу личных ощущений, чувств, настроений, переживаний, оценок, не достигая психологизма как такового и психологической точности в особенности, становится важным и заметным этапом на пути к ним. Она, не порывая с рационализмом, вводит в литературу формулы выражения чувства, которые потом, спустя много лет, уже в ином художественном контексте, наполняются более глубоким психологическим содержанием. Рассказывая о своих впечатлениях, автор исповедуется, сообщает интимные подробности и стремится к искренности. Он не страшится предстать самым обыкновенным человеком, не боится писать о своих прегрешениях и заблуждениях, не скрывает ошибок и слабостей, недостатков и пороков, не выпячивает лучших и сильных черт характера. Словом, Долгоруков изображает себя таким, каким был в повседневной жизни. Он погружается в прошлое и пишет о том, что он думал о том или ином лице, какие чувства к нему питал, как и почему поступал так, а не иначе. Особенная трудность, во многом преодоленная автором, состояла в том, чтобы сохранить прежнее настроение, уловить и запечатлеть отошедшие, умолкнувшие и канувшие в Лету переживания, вызванные очень конкретными встречами, эпизодами и случаями. Долгоруков воскрешает их с исключительной внутренней правдивостью. И даже понимая, что автор не всегда объективно прав в своих оценках, ему не отказываешь в истинности передачи

чувств. Эти художественные и внехудожественные достоинства «Капища» бесспорны.

Речь в «Капище», как известно, идет о событиях и лицах известных и незаметных, затерянных в повседневности и никогда не бывших историческими. Через отношение к ним Долгорукова угадывается эпоха, ее дыхание и психология людей, давно ушедших с исторической арены и подчас не оставивших на ней следа. В мелких происшествиях и поступках, каких-нибудь одолжениях или ссудах, в подсиживаниях и наветах, в корыстных побуждениях, в ссорах и забавах, в благодарной отзывчивости и в ничтожных, но памятных услугах, в досадных недоразумениях, в обычных каждодневных встречах, в общении людей вдруг оживают нравы, страсти в их особенном, специфическом обличье, которое можно назвать исторической повседневностью. Она узнаваема и соотносима с нашей, но все-таки иная и непохожая. Это та историческая повседневность, без которой трудно понять великие события и великие грехи, героизм и суету, высокое и низкое. «Капище» – еще не художественная история, переданная «домашним образом», как у Вальтера Скотта или Пушкина, но шаг на пути к ней, шаг в том же направлении, пусть и обозначенный с меньшей художественной силой. Во всяком случае исторически конкретные нравы людей конца XVIII – начала XIX в. уловлены Долгоруковым и помогают живо представить движущие пружины исторических событий, отношения людей и те скрепы, которыми держалось тогдашнее общество, поддерживаемое не только законами и учреждениями, аппаратом принуждения и управления, всем своим устройством, но и мыслями, чувствами этих людей, пропускавших законы и все прочее через свои души. В этом смысле «Капище» – своего рода личностная история, или история, представшая в личных связях, отношениях и взаимных впечатлениях.

Она особенно ценна еще и тем, что период, изображенный Долгоруковым, – переходный и переломный. Уходил в прошлое XVIII век, и наступало новое, XIX столетие. Князь Долгоруков был одним из тех, кто помнил Екатерину II и чьи последние годы прошли в царствование Александра I. На его глазах произошел культурный взлет нации, сформировался национальный литературный язык, русская литература стремительно набирала художественную высоту, пройдя важнейшие стадии своего развития от классицизма до романтизма и первых реалистических начинаний.

Сам характер князя отражает сложное и противоречивое содержание эпохи. Многие черты, убеждения и привычки выдают в Долгорукове человека XVIII века. Он упорно держится старого правила и поддерживает родовые, фамильные связи. Он помнит каждого родственника, даже самого дальнего, не полагает зазорным просить о месте у своих сродников, напоминает через них о должных последовать чинах, наградах, увеличении жалованья. Князь нисколько не стесняется выпрашивать у царей или влиятельных лиц ходатайств и всегда досадует, если его усилия пропадают втуне, и обвиняет в этом нерадивых, по его мнению, заступников, трусливых и недостаточно настойчивых вельмож. Вместе с тем, он считает своим долгом оказывать помощь или услуги состоящим с ним в родстве, не гнушаясь ни лжи, ни лукавства. Например, опекая старшего брата жены, Савву Сергеевича Смирнова, Долгоруков просит ему орден. Чтобы доставить его, он, не задумавшись, воспользовался оплошностью министра юстиции. Министр,

писал Долгоруков, «посулил мне представить его к ордену, спрося наперед, тот ли этот Смирной, которого он видал у меня, когда мы еще служили в одном полку? Я отгадал его ошибку; ибо он говорил о меньшом брате его, который служил кадетом в Измайловском полку, и подлинно жил с нами, но, видя его расположение к благотворению, солгав, сказал: «Тот самый!» Это решило министра в его пользу, и с первой же почтой, вслед, так сказать, за ним, послал ему орден Святого Владимира 4-й степени. Шурин мой, получа его, не знал, чему приписать такое счастье...»

На многих страницах «Капища» рассказывается о живучести фаворитизма, о людях, попавших «в случай». И сам Долгоруков не прочь заручиться помощью царственной или сильной при дворе особы. Деловые качества людей подчас не принимаются во внимание, а решающую роль играют неожиданная «влюбленность» в то или иное лицо, очарованность иллюзорными достоинствами. При этом многие вознесенные в сан или приближенные ко двору сразу проявляют непомерное честолюбие, лелеют свою гордость и становятся надменными и неприступными для ниже их стоящих на иерархической лестнице. И.М. Долгоруков не был лишен этих качеств, он всегда помнил о своем происхождении и отмечал тех, кто от него зависел и был ему предан, но не спускал обид и оскорблений даже тогда, когда эти обиды и оскорбления были вымышлены и преувеличены. Уязвления самолюбия, какими бы тонкими и изощренными они ни были, он распознавал легко. Многие картины, живо нарисованные Долгоруковым, свидетельствуют о царившей еще грубости нравов, об «азиатской» культуре бытового и служебного поведения, больно ранящей душу не только безвестного и маленького чиновника, но и состоящего в сравнительно высоких чиновничьих должностях, вроде губернаторского. Рассказывая, например, о сенаторе и действительном тайном советнике А.В. Алябьеве, Долгоруков с возмущением упоминает о «злодеянии низкого изверга», по воле которого он испытал «уничужение»: «Когда высочайше повелено было от верховного совета сделать мне в общем собрании Сената московского выговор за неосновательную на него, будто бы, жалобу, и дерзкие в ней выражения, я явился в Сенат. Г. Алябьев, как старший член его по чину, имел дух, не смигая, на меня глядеть во все время исполнения сего несправедливого приговора, и без малейшего смущения, от которого не свободны были прочие его сотоварищи, он как бы с торжественным удовольствием приказал чтцу сего указа подойти ко мне ближе, дабы я внятнее мог выслушать все его содержание, и без того мне весьма известное; такая тонкость в оскорблении человека, ни в чем перед ним не виноватого, есть вывеска его характера».

Сохраняя взгляды старинного боярства в различных отношениях с людьми, в семье и в быту, Долгоруков вместе с тем испытывал мощное воздействие новых веяний, проникших в чиновничью жизнь и в общество. Изменилось время, а с ним перемены коснулись психологии и характеров людей. В Долгорукове уживался человек XVIII века с человеком века XIX. Эта противоречивая и во многом странная смесь определила психологический облик князя. И.М. Долгоруков получил домашнее воспитание под руководством учителей и наставников-французов. У него был и учитель-итальянец (служа в гвардии, он нанял его, очевидно, не столько для обучения языку, сколько для общения с возлюблен-

ной, которой маэстро также давал уроки), хотя итальянским он так и не овладел, потому что учитель играл роль вестника, «верного и постоянного Меркурия», переносившего записочки влюбленных. Он обучался в Московском университете, но, главное, получил воспитание в обществе и в разных домах. Поводырями в искусстве светского обхождения, привившими ему приятные манеры, хороший тон, были женщины. Эти превосходные педагоги навели на характер Долгорукова светский лоск, воспитали в нем вежливость, но так и не могли отучить от упрямства и вспыльчивости, которые проявлялись всюду, внезапно и некротимо. Воспитание, полученное Долгоруковым, отвечало духу галантного поведения французских придворных и посетителей модных салонов. В литературе вторая половина XVIII в. ознаменовалась увлечением чувствительностью, вниманием к внутреннему миру человека, и это тоже оказало влияние на личность князя.

Дворянина тогдашнего времени не устраивало давление власти, пытавшейся ограничить его свободу. С этим связано увлечение Долгорукова французскими просветителями и революцией 1789–1793 гг., за ходом которой он наблюдал. Его даже подозревали в «якобинстве», что послужило не последним поводом к отставке князя с поста пензенского вице-губернатора. Но столь же тревожила дворян угроза, особенно после Пугачевского бунта, со стороны разъяренных народных толп. Оказавшись между молотом и наковальней, дворянин уходил в себя, в мир своих чувств и переживаний. Пытаясь найти опору своему общественному положению, дворянский интеллигент погружается «в размышление самого себя» и утверждает в мысли, что основой объединения с людьми может стать душа, чувства, которые одинаково присущи как ему, так и постороннему человеку, в том числе крестьянину. Долгоруков не остается чуждым к духовным запросам своего времени, но его общественно-культурная позиция весьма специфична. Он не принимает сентиментализма, избегает самоанализа, не стремится в выражении индивидуальной психологии. Вместе с тем, он сосредоточивается на внешних биографических фактах, на происшествиях и на своих впечатлениях о людях. В этом отношении он отчасти сходен с Державиным (недаром Вяземский назвал его «простонародным Державиным») и Крыловым. Долгорукова, далее, интересует не государственный муж, а обыкновенный человек и его поступки на службе, в быту, в семье. Он принципиально внимателен к человеку неизвестному. Первое печатное стихотворение Долгорукова, например, было написано на смерть казака Горича, павшего при штурме Очакова. Князь Волконский, тоже погибший в этом сражении, был оплакан во множестве сочинений, а о Гориче забыли. Это раздосадовало Долгорукова, потому что льстецы делали различие между одинаково патриотической смертью князя и смертью казака, «один... воспет публично, из уважения к титулу и достатку его, а Горич, бедный и незнатный казак, известен стал по одной реляции, которую не все прочтут».

Испытывая воздействие сентиментализма, но не став сентименталистом, Долгоруков остался поздним классицистом, неудовлетворенным, однако, устаревшими «правилами» классицизма. Он сохранил в своих взглядах на искусство рациональную основу и полагал, что художественное произведение должно содержать «пользу» и «мораль», но осуждал классицистические проповеди за их нежизненность. Проповедники стоицизма и умеренности, считал он, живут не по пропове-

дям, провозглашаемым ими, а следовательно, не верят своим словам. Отсюда проистекает искусственность их сочинений. Что же касается сентименталистов, утверждающих, будто поселения ближе к природе и более естественны, просты, свободны, чем городские жители привилегированных сословий, то, по Долгорукову, их участь нисколько не лучше и не слаще последних. Возражая сентименталистам и Руссо в этом пункте, он соглашался с французским философом в конечном выводе: успехи просвещения не приводят к успехам морали. Таким образом Долгоруков заключал, что в мире господствует суета сует и что человеку любого сословия ничего не остается, как жить в уединении, признать верховенство личного, частного мира над общественным, публичным и надеяться на случай, ибо фортуна слепа. Однако надежда на случай вовсе не означает, будто человек должен полагаться на «авось» и «везение». Воля к жизни и действию не исключалась Долгоруковым, а стремление к уединению выглядит у него скорее вынужденной и печальной необходимостью, чем идеальной позицией. Кстати, Долгоруков откровенно говорил и писал, что любит общество, что ему гораздо приятнее быть в обществе, чем одному, что его не очаровывает ни природа, ни деревня, что он не понимает прелестей охоты, а предпочитает публичную жизнь. На этом противоречивом фоне и рождаются стихотворения Долгорукова, в которых любовь, дружба становятся предметами лирических переживаний и принимают все более личный и даже интимный тон.

Любовная лирика Долгорукова восходит к салонной чувствительной поэзии, созданной в ключе русской и французской позднеклассицистической поэзии. Она изобилует личными, автобиографическими подробностями и демонстрирует жанровую и стилевую неупорядоченность. В таких стихотворениях всегда есть русская краска. Долгоруков – не эпигон сентименталистов, но слезливый Шаликов. Светским дам и светскую обстановку он описывает не только посредством отвлеченно-книжных фраз, французских цитат и светско-европейских оборотов, передавая утонченность ума и культуру чувств, но и шутит, буффонствует, балагурит, болтает и забалтывается. У него везде виден русский «сгиб» поэтического выражения. Сколь бы ни была очевидна салонная струя в его лирике¹²⁷, она не отделена от искренности и чистосердечия. В любовных стихах, галантных и чувствительных, он отдает предпочтение не искусству передачи чувства, не художественной отделке, а самому чувству, как оно родилось в его душе. «У него, – писал П.А. Вяземский, – была своя публика, разукрашенная разными Глафирами, Парашами, Людмилами, Раидами и многими другими, которые все вместе и каждая в свою очередь одаряли поэта вдохновением. В предисловии к третьему изданию сочинений своих он прямо говорит: «Первое издание стихов, вышедшее в 1802 году, и второе в 1808, были посвящены женскому полу». И чистосердечно, и похвально! Критике нечего тут совать свой нос и перо свое. Это не по ее части»¹²⁸.

¹²⁷ Это в полной мере относится к оригинальной прозе и к переводам. О переводе «Филибера» один из критиков писал: «Читая перевод Князя Ивана Михайловича Долгорукого, кажется, что читаешь по-французски: состав речи, выражения, обороты – все французское» (Современный наблюдатель российской словесности, издаваемый П. Строевым. Ч. 1. М., 1815. № 2. С. 56).

¹²⁸ Вяземский П.А. Полн. собр. соч. СПб., 1878–1896. Т. VIII. С. 478–479.

Именно искренность, чистосердечность и безыскусственность доставили Долгорукову благодарных читателей и почитателей, одаривших его письмами и похвалами. Они кожей чувствовали, что поэт действительно влюблен в того или иного адресата его песнопений, что он преклоняется перед женщиной только за то хотя бы, что она женщина¹²⁹. «Он, – замечал о Долгорукове тот же Вяземский, – влюбчивый поэт. – Он – поэт-сердечкин, но не в роде Шаликова. В нем была искренность, была нередко глубина чувства»¹³⁰. Эти качества в стихотворениях Долгорукова принимали форму счастливых и смелых выражений. Пушкину, например, очень нравились не только сатирические стихотворения, вроде «Авось», но и такие обороты, как «сердца сладкие обманы», изящные и, вместе с тем, точно передающие состояние влюбленности. В любовных стихотворениях Долгорукова чаще всего и встречается книжная, восходящая к поэзии французского классицизма, галантная речь светского человека, утонченного и отменно вежливого, как, по словам Ф. Корша, маркиз времен Людовика XV. Но она непременно сплавлена с балагурством, шутством, с речью разговорной, просторечной, с пословицами и поговорками. Шутливый, скомороший тон становится также ее очевидной приметой. Так, например, описывая светскую даму в стихотворении «Параше» и обстановку ее дома (боскет, «В диване зеркальные стены», розовый паркет, бархат и мрамор), Долгоруков дает живую характеристику в «простонародном» стиле:

Она нередко пустошь мелет
 Про тех, кого спешит обнять;
 По-русски молвить: мягко стелет,
 Да жестоко, сказывают, спать.

Иному даст такую зóрю,
 Что кровь приводит всю в игру.
 Востра, бойка – я и не спорю;
 Да только мне не по нутру.

В бойкую куплетную стихотворную речь Долгоруков вставляет русизмы, простонародные выражения и обороты, воспринимаемые современниками нарочитой и художественно не обработанной грубостью. Обычно шутка в поэтическом языке того времени опиралась на французский каламбур, на тонкость ума. Долгоруков в качестве шутки использовал пословицы, поговорки, крылатые выражения и идиомы русского толка, которые еще не были освоены художественной речью. Многим, например Батюшкову, балагурство и болтливость Долгорукова казались слишком «низкими» и рассчитанными на невзыскательный вкус. Такие

¹²⁹ Критик «Московского Меркурия» считал, что в стихах Долгорукова «довольно остроумия» и находил в них «философию приятную, чувствительную, и наконец, величайшую преданность к любезному полу» (Московский Меркурий. 1803. № 8. С. 118). Ф.И. Буслаев спустя много лет вспоминал, что «самую избранною, самую любимую» книгой его матери, которой она «никогда не могла дочитатьсь досьята», было собрание стихотворений князя Долгорукова под чувствительным названием «Бытие моего сердца» (Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 75).

¹³⁰ Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 477.

стихи Батюшков называл «"пряниками" Долгорукова», имея в виду стихотворение «Пир»:

Посовестившись брать с собой в дорогу книжку,
От голоду в запас взял вяземску коврижку.
Не рифму здесь хочу для книжки прибирать –
Нет, истинно люблю я пряники жевать.

А вот Пушкину, по воспоминанию Н.А. Полевого, как раз те же стихи очень нравились: «Пушкин любил стихи князя Долгорукова и доказывал, что князь Долгорукой неоцененное, но великое русское дарование. Помню, как однажды изъяснял он мне удивительную прелесть стихов Долгорукова из его, помнится, Обед («Пира». – В.К.)... Пушкин находил тут неподдельный гумор»¹³¹. Стихия художественно не обработанного простонародного, просторечного и разговорного языка вошла в поэтическую речь Долгорукова, и плодотворность этого внедрения была тотчас оценена Пушкиным. Русская краска в поэзии Долгорукова была по душе и Вяземскому, который учился у Долгорукова, что очень заметно в его сатирических куплетах и стихотворных обозрениях. В еще большей мере, чем в послания, русизмы проникли в сатирические жанры Долгорукова. «Ум поэта нашего, – писал Вяземский, – был преимущественно русского склада. Этим складом и выразил он себя. Русские поговорки так им и расточаются и почти всегда с толком и удачно. Он вовсе не ищет блеснуть мужиковатостью своею; он употребляет простонародную поговорку потому, что она сподручна мысли его. Этот русский склад, с поговорками или без поговорок, особенно заметен в нем, Державине и в Крылове...»¹³²

Однако живые русизмы, простонародная и просторечная лексика в поэзии Долгорукова не были органичными и выглядели диссонансом в сравнении с галантной и салонной лексикой. Русские выражения на фоне привычной поэтической стилистики создавали впечатление грубости и языковой неразборчивости. Аристократизм смешивался с простонародностью, чистосердечие и искренность – с болтливостью и шутовством, к чему Долгоруков был склонен. Ф. Корш остроумно заметил, что французскому языку Долгоруков учился на литературе классицистической эпохи, а русскому – из разговора прислуги. Здесь нужно добавить, что столь же неорганично было и сочетание в стиле Долгорукова простонародных выражений с канцеляризмами, славянизмами, библеизмами – тоже живыми элементами языка XVIII – начала XIX в.¹³³ Авторский язык Долгорукова слагался из смешения трех основных стилистических пластов – поэтического, ораторского и светски-обиходного, разговорного. Но эти стилистические пласты не были приведены в единую систему. Вяземский справедливо писал: «В Долгорукове, может быть, отыщешь еще более коренного русского языка, всем общедоступного, более *русицизма*, нежели у самого Крылова. Но у Крылова эти русицизмы очищенные и в самой простоте своей художественнее. От Долгорукова художества не жди: он не родился художником, художником и не сделался»¹³⁴.

¹³¹ Полевой Н.А. Листки из записной книжки // Сын Отечества. 1840. Т. 11. С. 384.

¹³² Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 478.

¹³³ См.: Виноградов В.В. Из наблюдений над языком и стилем И.И. Дмитриева // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 177.

¹³⁴ Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 478.

Сам Долгоруков склонен был даже развести понятия «чувство» и «искусство», резко и сознательно противопоставив их. Однажды, пишет он в «Капище», ему «многие известные люди отличного вкуса, образования» выказывали свой восторг от Катерины Петровны Яковлевой, выхваляя приятные качества ее ума и сердца. Долгоруков стал видеться с ней, и это вошло в привычку. Вскоре он понял, что «Яковлева была соблазнительна, но холодна и любить не умела...» Выучив ее свойства, Долгоруков увидел в ней «одно утонченное кокетство». «Где есть искусство, – заключал он историю, – там тщетно искать чувства...» Вероятно, этот ход мысли привел его к выводу, что искусство убивает чувство, что искренность только тогда предстает искренностью, когда она нага и не отшлифована. Насколько подобный взгляд был распространен, свидетельствует известный афоризм Рылеева:

Ты не увидишь в нем искусства,
Зато найдешь живые чувства.

Стиль «Капища» характеризуется теми же чертами, что и поэзия Долгорукова. В нем «поэтизмы» и кальки с французского уживаются с канцелярскими оборотами, с «высокими» славянизмами и библеизмами, с просторечными, а порой и грубыми, прямо перенесенными из простонародной или бытовой среды словами и выражениями. Впрочем, русский язык, как писал Долгоруков, «был еще под анафемой». Князь ценил людей, которые ловко вставляли русское словцо в свою речь. В рассказе о Чемесове писатель замечал: «...половицы его я очень часто приводил себе на память: он сплошь говаривал губернатору, не обинуясь, когда тот, рассуждая о градоправительстве, сбивался с толку: «Эх, ваше превосходительство! ведь городом-те править, не рукавом трясти». Много было у него подобных выражений собственно своих, которые погрешали, может быть, против чистоты отборного светского разговора, но никогда не были в раздоре с здравым смыслом». В быту Долгоруков вместо «играть на театре» говорил «комедь ломать», вместо «забавляться» – «веселиться», «дрянь делать». Не в последней степени с этим связан и тон повествования – искренний, доверительный, тон домашней беседы, изобилующей пословицами, поговорками и получающей завершение в нравоучениях и наставлениях житейского свойства.

В жизни Долгоруков тоже сохранял черты образованного и светски воспитанного дворянина, склонного к чудачествам, оригинальничанью, которые выглядели достаточно грубоватыми проявлениями чувств. Самая оригинальность его была скорее оригинальностью характера, а не мысли. В нем как бы одновременно жили два человека – галантный, обходительный дворянин и площадной скорморох, шут и лицедей на жизненной сцене. Например, однажды вздумалось ему просить место у императора Александра I, и он не нашел ничего лучше, как изложить свою петицию стихами:

Великий Государь! Ты благ и правосуден!
Я двадцать лет служу; невинно обойден!
Тронись, и дай мне чин! – Ссй дар тебе не труден!
Две строчки напиши – и буду я блажен!

Забавы, театр, музыка, танцы были частью культуры того времени, но у Долгорукова, как, впрочем, у множества тогдашних оригиналов, они часто принима-

ли простонародный характер. Утонченность и образованность смешивались со скоморошеством и буффонством. Вяземский сделал такую запись: «Дмитриев говорит, что он (Долгоруков. – В.К.) в молодости был *резов* до безумия. Бывало придешь к нему, он скачет по стульям, по столам, уйдешь от него не добившись слова благоразумного. Любил хорошо есть и кормить. Как скоро заведутся деньги, то задает обеды и говорит: люблю сладко поесть. Странно одевался, ходил по улицам в одежде полуполковой и полукатерской из платья иггранных им ролей»¹³⁵.

Всевозможные странности, хотя и не всегда осознаваемые самим И.М. Долгоруковым, в избытке присутствуют на страницах «Капища» и относятся к различным проявлениям его натуры.

Князь И.М. Долгоруков не был приспособлен ни к военной, ни к государственной и чиновничьей деятельности. Он не любил ни ту, ни другую, ни третью, но вынужден был служить. К тому принуждало его скудное имущественное положение, наставления отца, традиции рода. Он откровенно признается в «Капище», что маневры и парады ему были не по душе, что фехтованием он владел дурно и верхом на лошади сидел плохо. Павел I смеялся, видя как «гарцевал» Долгоруков. Более всего ему нравилось начальствовать, покровительствовать и сознавать, что он имеет власть над подчиненными. Однажды, например, он придумал наказание для офицера: «Дворян бить нельзя, надобно пристыдить самолюбие. Мне лучше не вошло в голову, как велеть ему лечь на широкий стол и, в виде усопшего, принимать от солдат последнее целование. Затея глупая, но я был командир, делать нечего, надлежало повиноваться. Мальчика разложили, и вся рота с ним прощалась: усатые солдаты наши расцеловали его в пух, тем и кончилась аудиенция». В другой раз князь арестовал ни в чем не повинных лекарей и посадил их лицом к стене, «что произвело явный смех между больными и здоровыми. В таком положении хирурги мои просидели с полсуток, и потом я их выпустил». В очерке о Н.А. Баркове Долгоруков не скрывает: «Мне хотелось над ним почваниться, и я придрался к какой-то мелочи, осматривая часовых, и поставил его в бутку».

К гражданской службе Долгоруков был тоже непригоден. Управлять губернией его не учили. Это не мешало ему получать должности вице-губернатора, старшего члена Соляной конторы, губернатора. Впрочем, он и сам писал, что политиком был худым, производства дел и вообще службы не знал. Гражданские должности исполнял, можно сказать, по наитию и прислушивался к мнению умных и опытных людей, хорошо знакомых с губернским хозяйством. Известно, что губернии часто были лакомым куском для нечистоплотных корыстолюбцев и ненасытных хищников. Еще сильны были традиции старых бояр, которым отдавали воеводство для личного кормления. Многие губернаторы так и смотрели на свои должности. Долгоруков, как мог, но весьма неумело противостоял этим разорителям губерний, отстаивая интересы государства, губернии и обиженных, по его мнению, чиновников и обывателей. Но так как он не знал правил, по которым подаются бумаги в столицу, в более высокие учреждения, и даже нарушал их, то его противники и враги искусно использовали его слабости, и князь большей частью терпел неприятности и ощутимые для его самолюбия поражения. В

¹³⁵ Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 102–103.

«Капище» нарисованы выразительные картины открытой и закулисной борьбы, интриг, подсиживаний, доносов, клеветы. Каждый последующий вице-губернатор или губернатор начинал с того, что всячески чернил своих предшественников, потом собирал вокруг себя доверенных лиц, вступающих в непримиримую схватку с «партией» своего недруга. Обычно губернатор сколачивал свою группу и стремился нанести урон вице-губернатору, который, в свою очередь, не оставался в долгу и изловчался ударить губернатора. Эти местные баталии приводили к тому, что дела не двигались, а вследствие бесконечных распрей открывалось широкое поле для бесчисленных беззаконий, хищений и воровства. Наконец, конфликт неизбежно выходил наружу и становился известным властям. Те насылали грозные комиссии, и тут уже все зависело от того, есть или нет заступники в Петербурге и насколько они сильны. Часто в таких схватках огромное значение придавалось незначущим мелочам: кто на кого косо посмотрел, кто кого не уважил, отказавшись, например, приехать на праздник, на бал, на вечер и пр. Все это раздувалось до грандиозных размеров, порождало доносы, обе «партии» не брезговали сплетнями, клеветой, наветами и изо всех сил старались уничтожить друг друга. В незначительную войну включались женщины, и ссоры охватывали множество лиц. Долгоруков обычно шел напролом, наивно полагая, будто его правота, когда он действительно был прав, сама за себя постоит. Ему иногда удавалось с большим трудом выиграть битву и то в том лишь случае, если он встречал честного чиновника-службиста, вставшего на его сторону. Но чаще он проигрывал сражения, не умея ни отстаивать свое мнение, ни располагать к себе высшее начальство. Эпизоды из служебной деятельности князя весьма красноречивы и поучительны для понимания провинциальной России, ее устройства по части официальных и бытовых отношений. Словом, Долгоруков на государственной службе испытал больше разочарований, чем радостей. Его биограф М.А. Дмитриев справедливо писал, что в службе нужны «не столько ум, сколько характер; не ревность, а рассудительная холодность; не прямота, а осторожность и искусство пользоваться случаями. У князя И.М. Долгорукова ничего этого не было!»¹³⁶.

И все же князь Долгоруков был не самым плохим и не самым неспособным губернатором. Он пытался в меру своих скромных сил способствовать просвещению и процветанию вверенной ему Владимирской губернии. За небольшую сумму (40000 рублей ассигнациями) он уступил губернаторский четырехэтажный каменный дом Владимирской гимназии и предоставил в собственность ей все свои сочинения и часть имевшейся у него большой библиотеки¹³⁷. Он просил также принять в дар шкафы для книг. При этом он писал директору гимназии А.А. Цветаеву: «...не ищущи шума и провозглашений о том публичных»¹³⁸. Кроме того, он построил дорогу и дома для призрения незаконнорожденных и недужных, отдал бывшее здание гимназии театру и переоборудовал его, открыл аптеку от приказа общественного призрения, засыпал овраг, вымостил улицу, насадил

¹³⁶ Дмитриев М.А. Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения. С. 38–39.

¹³⁷ Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1863. Вып. VI: С. 51.

¹³⁸ Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света на 1827-й год. Ч. 2, кн. 1, апрель. С. 49.

бульвар, возвратил духовенству земли, уничтожил скопческую секту, привел в должное состояние городские и полицейские повинности¹³⁹. Когда был издан указ об учреждении земского войска, названного милицией (1806), то Долгоруков исполнил его столь удачно, что князь Лопухин доложил Александру I: «...все, касающееся до составления земского войска, со стороны гражданского начальства, при ревностном подвиге всех сословий Владимирской губернии, весьма хорошо устроено»¹⁴⁰. Для владимирского общества И.М. Долгоруков устроил нечто вроде литературных чтений наподобие «Беседы любителей русского слова». На собраниях литературного кружка, которым публика живо интересовалась, читались и обсуждались различные сочинения. Все эти благие свершения и начинания не помешали, однако, отправить Долгорукова в отставку, в сущности, из-за двух курьезных случаев. О них рассказано в «Капище». Оба получили огласку и дошли до Москвы и Петербурга. Первый случай связан с протопопом Александром, зашедшим на бал к Долгорукову мертвецки пьяным. Губернатор посадил его на съезжую. Но у того нашлись сильные покровители, поскольку он был родственником М.В. Сперанского. До Долгорукова доходили слухи, что Сперанский сам не вступался за отца Александра, а, обиженный, действовал тайно и что именно он настаивал на отрешении губернатора от должности. Однако Долгоруков допускал и другое: льстецы, стремясь угодить тогда еще имевшему власть министру, воспользовались его именем, чтобы свалить Долгорукова. Так или иначе дело приняло нешуточный для князя оборот. Ему грозил арест «за оскорбление святыни», но император ограничился отставкой. Второй случай касался поставок для рекрутов. Тут со стороны Долгорукова был недогляд, как он пишет в «Капище», но оплошности были незначительные. Вице-губернатор, лихоинец и взяточник, которому князь явно мешал совершать хищения, написал донос и в нем изобразил дело так, будто мундиры обходятся дорого, сухо несходно с образцами, а полицмейстер берет лишние деньги с поставщиков. И хотя губернский предводитель дворянства и уездные предводители подали начальнику наряженного следствия генерал-майору Ильину бумагу, в которой вступались за Долгорукова и доказывали, что обмундирование рекрут вовсе не обременительно для Владимирской губернии, их ходатайство было оставлено без внимания. Слог Долгорукова, когда автор «Капища» касается участников интриги – Дюнанта, Ильина, Балашова, – исполнен негодующего пафоса и презрения: «Восстала против меня буря зельная...», «человек черный, владеющий в тончайшей степени шпионским искусством и по сердцу привязанный к сему низкому ремеслу», «желал бы забыть о нем, но никак не могу, а простить его, после всего того зла, какое он сделал мне, чувствую, что никакой христианский героизм не сотворит меня способным».

Слова эти обнаруживают в Долгорукове человека горячего, страстного, наивного и даже мечтательного. Людей он знал плохо. Как человек он гораздо инте-

¹³⁹ Тут надо иметь в виду, что Долгоруков благоустроивал и другие города губернии – Суздаль, где при нем начата постройка гостиного двора с колоннадою; Ковров, обновившийся каменным гостиным рядом и намеченным корпусом для присутственных мест; Юрьев (соляные амбары и присутствие); Шую (присутствие, деревянные соляные амбары, застава).

¹⁴⁰ См.: *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 72.

реснее и глубже выразился в бытовой, семейной жизни и в интимных ее сферах. Он любил веселье, искусство, поэзию, театр, женщин. В поэзии и в актерстве он, как и в делах, тоже оставался дилетантом, но дилетантом, не лишенным дарования. Как писатель, он явный графоман в прямом смысле слова – т.е. любитель писать пером, сочинивший тысячи страниц разного качества, испробовав все жанры. Театром Долгоруков самозабвенно увлекся с юных лет. Он не мог и дня прожить без сцены, играл сам, пристрастил к актерству детей, содержал и устраивал домашние театры, участвовал в постановках почти на всех известных домашних представлениях. Особенно любил репетиции. Он обладал даром подражания и играл не в духе актеров классицистической школы, а стремился к простоте и натуральности. Усовершенствуя свои способности, князь брал уроки у француза Оффрена и жалел, что ему не довелось учиться и пользоваться советами знаменитого И.А. Дмитревского. Публике нравилась игра Долгорукова, и она на многих спектаклях от души аплодировала ему. Князь был занят не только в драматических спектаклях, но и пел в операх, серьезных и комических, хотя музыкальной грамоты не знал, нот не читал. Он пел по слуху, причем часто трудные арии. Однажды императрица Мария Федоровна была несказанно удивлена тем, что ноты перед Долгоруковым были перевернуты, и долго не верила, что партии, чисто спетые князем, не основаны на музыкальной образованности и подготовке, а явились плодом длительных репетиций с Боргнянским. Фанатическая любовь к театру преследовала Долгорукова всю жизнь. Он и сам писал драматические сочинения. В ту пору светская публика увлекалась зрелищами и представлениями. Многие вельможи ставили на домашних театрах по преимуществу французские, итальянские пьесы и оперы. Среди сановников обнаружилось множество искусников, с успехом игравших на сцене. При этом строго соблюдалось различие между профессиональными актерами и знатными любителями. Дистанция сохранялась тщательно и неукоснительно. Однажды граф Г.И. Чернышев после спектакля поспешил обрадовать И.М. Долгорукова и сказал, что их высочества за прекрасную игру всем актерам приготовили подарки (часы). Реакция Долгорукова была неожиданной: «Признаюсь, – писал он в «Капище», – что я до такого малодушия тронулся этим, что вдруг заплакал, и Чернышев остался поражен. Я ему успел изъяснить, сколько это обидно и унижительно для меня быть наравне с артистами наемными, что я ожидал чести быть допущен в общество их высочества, но что ежели сего им не угодно, то я тотчас же поеду обратно домой, а подарка не только не приму, но, может быть, в первом движении с грубостью отзовусь, и для того просил его меня избавить от всяких хлопот и неудовольствий. Чернышев вошел в мое положение, понял правильное мое оскорбление, и, растрогавшись сам моим замешательством, побежал в дворец, предупредил подарок, не допустил прислать его ко мне, и очень скоро после того пришел ко мне Бенкендорф звать меня в покой»¹⁴¹. В другом случае сенатор С.Ф. Стрекалов, управлявший придворным театром при Екатерине II, сказал Долгорукову: «Мне очень жаль, что вы князь Долгоруков, а то бы я вас нанял на

¹⁴¹ В «Повести» Долгоруков высказался о подарке с резкой надменностью: «...меня наравне с художником наемным награждать они не могут» (с. 80).

придворный театр и дал вам четыре тысячи жалованья в год». Не только Долгоруков, но и Стрекалов не получал такой суммы. Однако происхождение и положение князя в свете исключали лестное предложение.

Страсть к театру доходила до того, что даже крупные вельможи порой теряли гордость и чопорность, лишь бы заполучить хороших актеров и похвастаться перед другими сановниками и своими любовницами пышным и нарядным зрелищем. Долгоруков не без иронии рассказал в «Капище» о том, как князь П.В. Лопухин становился перед ним на колени, «чтоб убедить... играть комедию с одной любимой его француженкой в доме известной и благородной дамы, за которой он также от скуки иногда волочился».

Достоинство приносилось в жертву капризным желаниям и тогда, когда родственники не испытывали друг к другу ничего, «кроме отвращения и презрения». Например, Н.П. Шереметев, которого Долгоруковы гласно обвиняли в разорении семьи, долго обхаживал князя и его жену, чтобы они дали на его театре оперу, где Евгения играла роль Нины. «Он тогда всячески ходил за нами, чтоб мы этим одолжили...», и Долгоруковы (отец и сын) согласились не без тайной цели уязвить гордость и тщеславие богатого дядюшки.

Театр был для Долгорукова и забавой, весельем, и местом приятного общения. Там он познакомился со своей будущей женой, и они вместе участвовали в спектаклях. Увлеченность театром сопровождалась постоянными любовными приключениями. В домах, где устраивались представления, у Долгорукова всегда были какие-нибудь «занозы». В «Повести» он писал: «Когда не играю, то влюблен, когда не влюблен, то играю...»¹⁴² Но с полным правом мог бы сказать иначе: где играю, там и влюблен, где влюблен, там и играю. Репетиции, веселье, озорство, частые встречи сближали сердца, князь, влюбчивый по натуре, охотно пускался в любовные приключения. В одно и то же время он кокетничает, как можно догадаться, и с дочерью принцессы Барятинской, и с барышней, живущей там, госпожой Ивковой («я чуть-чуть в нее не влюбился»). Воспоминания о театре всюду сопровождаются рассказами о любовных историях.

И хотя театр и жизнь не мешались, повседневный быт тоже был насыщен розыгрышами, импровизированными или продуманными сценками. Перенесение театра в жизнь выглядело странным, однако люди играли, продолжая актерствовать дома и в гостях. А на сцену они выносили свой жизненный игровой опыт. Одна из поклонниц поэзии Долгорукова, орловская провинциалка Болотникова, посвятила ему свою книжку «Деревенская лира, или Часы уединения» (у Долгорукова – «Плод моего уединения») и послала ее в письме. После длительной переписки они встретились. Скромная женщина возбудила себя мечтательно-сентиментальным воображением и придумала в этом духе образ любимого автора. Она обольстила себя надеждой, что Долгоруков отдаст должное ее сочинениям. Между тем князь нимало не прельстился ее дарованием. В «Капище» Долгоруков не без лукавства сообщает, что «никак не мог понять, каким образом, будучи благоразумна, она так свободно приняла на себя звание автора, с которым кажется вовсе не сладит». По другим же источникам хорошо известно, что проделал Долгоруков с несчастной

¹⁴² Там же. С 69.

Болотниковой. Он собрал у себя друзей и знакомых, и все они выступили с речами, в которых восторженно расхваливали ее стихи и выпендренно говорили о таланте дамы. Болотникова, хотя и была удивлена и краснела, но все-таки поверила неумеренным похвалам. А озорникам этого только и надо было. Они давились от смеха и бесконечно радовались своей выдумке.

Случалось, однако, и князю пасть жертвой розыгрыша. Виною тому стала его вторая жена, Аграфена Пожарская. Князь тоже оказался не лишен мечтательной возвышенности. Он, по его собственным словам, долго находился под впечатлением «Элоизы» Руссо, чувствительных романов и пьес, любил баловать и разжигать свою увлеченность. Пожарская, сблизившись с Долгоруковым, отвечала на его послания трогательными письмами на французском языке. Князь был зачарован столь тонким, искренним, изящным проявлением нежности. Но после свадьбы его новая жена призналась ему, что письма сочинял учитель ее сыновей от первого мужа. Сама она не обладала пылкостью чувств. Разочарование Долгорукова было велико, но, умный человек, к тому ж склонный к юмору, он сначала нахмурился, а потом расхохотался. Впоследствии он охотно об этом рассказывал.

Несправимый озорник, балагур и говорун, он мог заболтать собеседника до головной боли. Тут немногие тогдашние волокиты и острословы могли сравниться с ним. Он увлекал женщин легко и всегда был рад отдаться на волю мечтательного воображения, не исключавшего сентиментальности, но отвергал платонические страдания. Ему нужны были блистательные победы. Природа не наделила И.М. Долгорукова красивой и приятной наружностью. Художники, рисуя его портреты, льстили князю. В обществе его называли «губаном» за оттопыренную толстую нижнюю губу и «балконом» за выдававшийся большой подбородок¹⁴³. В стихотворении «Я» Долгоруков писал:

Натура маску мне прескверну отпустила,
А нижню челюсть так запасну припустила,
Что можно б из нее по нужде, так сказать,
В убыток не входя, другому два стачать...

Неказистая внешность не мешала, однако, Долгорукову быть знатоком «науки страсти нежной» и одерживать блистательные победы. В нем соединялись сила интеллекта, напор пылких страстей и, пользуясь словами Пушкина, «бешенство желаний», почитание женщины, подчас застенчивость, внезапно сбрасываемая и открывающая простор неостановимым порывам. Он знал эти свои особенности и слабости:

О женщины! лишь вас с пристрастием люблю;
За – для вас – по вас я многое стрелю!
Лишь взвижу где корсет – пропал душой и телом!
Не думай, чтоб шутил; нет, право, самым делом.
Каких краев и лиц я женщину не зрю,
Готов для всякой храм, и сердцем всех дарю.

¹⁴³ В.А. Жуковский в шуточной записке Д.Н. Блудову объяснил свой отказ обедать с ним тем, что «Князь Иван Долгорукий с балконом звал меня нынче, / Звал самолично...» (*Черниговский Д.Н. Известное послание И.М. Долгорукова к В.А. Жуковскому // Анализ литературного произведения. Сборник научных трудов. Киров, 1995. С. 22*).

«Капище» в известном смысле можно рассматривать как «донжуанский список» Долгорукова. В нем любовный быт рубежа XVIII–XIX вв. обрисован подробно, чисто сердечно, хотя и не без художественного вымысла. Интимные отношения и светские похождения дают полную картину тогдашних нравов не в меньшей степени, чем служба, театр, писательство. Несмотря на обожествление своей первой жены, Евгении Сергеевны, Долгоруков никогда не останавливался перед увлечениями, волокитством, изменами, доставляя ей, видимо, немало горьких ревнивых минут. В таких описаниях опять поражают утонченность движений сердца, нежная чувствительность и грубый, едва ли не животный натурализм. Это смешение противоречивых проявлений души интересно и значимо еще и потому, что свойственно не одному лишь Долгорукову, а многим светским людям, с которыми сталкивала его судьба. Как бы ни были своеобразны любовные подвиги князя, в них есть общие черты с поведением его друзей и врагов, близких и едва знакомых лиц в сходных или далеких ситуациях. Через индивидуальность общения с женщинами проступают широко распространенные в обществе манеры, привычки, формы выражения чувств.

Вряд ли, например, можно объяснить одним темпераментом раннее пристрастие мужчин к женскому полу. Тут играла роль не только природа, но и вся атмосфера светского и домашнего быта, сближавшая далеких родственников и допускавшая невинные, казалось бы, шалости и ласки. Долгорукову было восемь лет, когда он влюбился в первый раз. Прасковья Сергеевна Шереметева, предмет его поклонения, только что вышла замуж за старика Балка. Долгоруков вспоминал: «...она часто меня, как ребенка, ласкала, сажала к себе на колени, и так меня приучила к себе, что я не отходил от нее, когда она нас посещала». Неосторожное обращение Шереметевой возымело действие, какого она, видимо, не ожидала. Мальчик приревновал ее к мужу, который ласкался к жене. Но князь Иван не желал разделять с ним нежность дамы: «...я затрепетал; рассердился, чуть было не бросил в него десертного ножа» и в конце концов «занемог препорядочно». «Так-то рано, – вспоминал Долгоруков, – начал разыгрываться мой темперамент и склонность моя влюбляться».

В другой раз автор «Капища», тогда еще мальчик, испытал странное до болезненности чувство к барышням Яньковым, взятым в дом после смерти их родителей. Одна из них, Клеопатра, чахла и угасала на глазах. По смерти ее Долгоруков, не боясь мертвого тела, «украдкой по ночам хаживал к ее гробу и с жаром лобызал ее руки. Вот как сильно кровь моя волновалась и как я любил Клеопатру!» Не понимая еще восторгов любви, он не мог, однако, остановиться, и какая-то неведомая сила влекла его к умершей девушке: «...я искал наслаждений чувств, прикасаясь к мертвым остаткам ее».

Раннее возбуждение инстинктов, может быть, невольное, характерно для нравов того времени, и носителями его чаще всего выступали сами женщины. Например, в доме Долгоруковых, когда Ивану Михайловичу было 12 лет, жили сестры Гринвальдовы. Старшей, Александре, исполнилось 20 лет. «Она игрывала со мной, как с ребенком, и я ее свободно целовал», – писал Долгоруков. На беду Александры ее лицо было покрыто веснушками, а мальчику веснушки казались некрасивыми и противными. «...Я, – смеялся Долгоруков, – после ласковых вос-

торгов, вдруг дал ей пощечину...» Девушка пожаловалась отцу проказника, а тот резонно заметил: «Зачем же вы, не уняв этого ребенка, когда он вас целовал, жалуетесь, что ласки так круто прекратились?»

Возбуждающее начало, исходящее от женщин, часто перерастало в неприкрытую любовную агрессию. Во Владимире для воспитания двух дочерей Долгоруковы взяли француженку Гербер, которая «расположилась... пленять по очереди» сыновей и пасынков князя. Опытный в таких делах Долгоруков заметил неладное: «молодые люди начали ссориться, ревновать друг к другу...» Князь, перехватив «записки мадам», «увидел из них ясно, что она слюбилась с моим сыном». Однажды Иван Михайлович и сам стал жертвой Федосьи Егоровны Полочаниновой, которая, не отличаясь красивой наружностью, «непонятным образом», удивлялся князь, «умела встревожить физику мою до того, что я едва не попал в тьму крошечную», Долгоруков не жалеет красок, чтобы обрисовать характер женщины, навязывавшей свою страсть: «она слаба была до крайности насчет мужчин, и кого только поймает несчастная, тотчас отдается вся в неволю хоть на сутки, хоть на неделю, ей все равно, лишь бы попасть в объятия нашего пола». Вольное поведение замужней женщины было Долгорукову в диковинку, он еще не встречался с таким типом прекрасной половины человечества, но его влекло к Полочаниновой, пробуждало страсть и волновало кровь. Он, конечно, стеснялся, но, возбужденный, «чмокал ее в уста, когда хотел». Федосья же Егоровна, писал Долгоруков, «зажигала меня как сатана». Тут в отношения вмешалась провинциальная скука и одиночество – жена уехала в Москву рожать. Распаяясь, Полочанинова, признавался князь, «требовала от меня ласковостей одних, которые бы сколько-нибудь утоляли пламень ее темперамента...» Поведение дамы выходило за все рамки правил и норм, но показательно, что Долгоруков впоследствии осуждал Полочанинову не столько за «подлую интригу» («Поган всякий союз, в котором не сердце, а кровь одна, участвует!!!»), сколько за разглашение ею их «позора». Самим же любовным притязаниям он слабо противостоял: «Чего я с ней не делал? Не станем даже говорить о срамотах всякого рода...», «она натешилась плодами своего воображения, разжигаемого и устами и руками».

Конечно, находились и другие, гораздо более благоразумные особы, как, например, княжна Елизавета Павловна Щербатова, отказавшая Долгорукову из-за разницы в возрасте (князь был моложе ее на 10 лет). Однако в целом любовным влечениям не мешало ничто: ни годы, ни родственные связи, ни служебные отношения, ни семейные союзы, ни ухаживания другого мужчины, ни влюбленность в другую женщину. Так, нередко были случаи самых интимных связей с близкими родственниками, особенно кузенов с кузинами. Играя на театре, Долгоруков пленился Федосьей Степановной Ржевской: «Проста в чувствах и помышлениях, она с невинностью предавалась первым впечатлениям природы; все сие способствовало моей связи с ней. Я соблазнялся и соблазнял, не видя ничего худого, но слишком бы, может быть, далеко завело нас обоих сердечное влечение, если бы нечаянно не нашли у меня в столике записку ее, из которой не трудно было заметить, что мы друг в друга влюблялись без осторожности...» Конечно, браки между кузенами и кузинами пресекались, на разрешение требовалась масса усилий, да и родители препятствовали таким сочетаниям: «...скоро были приняты меры разорвать союз...»

В молодости переживания любви у Долгорукова резки и порывисты. Как многие юноши, он остро и болезненно отзывался на отвергнутое чувство. Однажды получив отказ, он решил покончить с собой в духе литературных героев. Но это диктовалось не одним лишь книжным влиянием, а «ярким испуганием», припадком ревности, оскорбленным самолюбием.

Из повествования в «Капище» явствует, что любовные нравы светского круга были довольно свободны. Только что женившийся Долгоруков, например, встретив свою бывшую возлюбленную, Катерину Николаевну Опочинину, которая вышла уже замуж за П.П. Нарышкина, снова увлекся ее прелестями. «Я чрезвычайно, – не без кокетства и сладостных воспоминаний писал князь, – наконец был влюблен в Нарышкину, и готов был даже удалиться от всех своих обязанностей, для того только, чтоб уловить взор ее, услышать из уст ее песенку и просидеть с нею, хотя молча, целые сутки». Весьма часто возлюбленных оказывалось не одна, а две, причем одновременно, и Долгоруков находился в затруднении, какой из них отдать предпочтение. Будучи влюблен в княгиню Щербатову, он наносит визиты Анне Николаевне Молчановой и начинает за ней волочиться, подумывая о сватовстве. Подобное поведение не вызывало осуждения, потому что было привычным и обычным. Для Долгорукова же оно составляет самую суть жизни: «...не тогда ли жизнь наша стоит чего-нибудь, когда она наполнена химерами, мечтами и всякими безделками?» Он убежден и в старости: «Жизнь смертного в одних обманах хороша».

Пришедшая зрелость не остепенила Долгорукова. Рассказывая о Веверовых, он передает свое состояние влюбленности в обеих сестер – Александру и Ольгу. Страсть князя не остановили ни болезнь, ни смерть жены и только «излишняя ревность» Ольги, за которой князь «стал подозревать более тщеславия, нежели истинной любви в вольном ее со мной обращении», отрезвила Долгорукова, и он разорвал связи. Однако, оставив дом, он долго «тужил более о том, что она не успела меня сделать своим, нежели о том, что я был в сетях ее...» Коллизии, рисуемые князем, конечно, индивидуальны. Бывало и так, что сестры, например Елизавета и Елена Меншиковы, не хотели уступить Долгорукова друг другу. Он же, влюбленный в Елену, объяснялся в любви Елизавете, чтоб усыпить ее бдительность, а сам «срывал... жарчайшие поцелуи» на устах Елены. В довершение интриги Елена вскоре стала пленяться другими молодыми людьми, и князь после объяснения придумал ей довольно жестокую пытку: сжигая взаимную переписку, он заставил Елену «тирански выслушать содержание каждого письма, прежде нежели оно кидалось в огонь».

Интриги были разнообразны и волновали кровь. С неподдельным удовольствием вспоминает князь о том, как ездил на любовные свидания к женщине, за которой волочил и князь П.В. Лопухин: «Ему назначались часы, мне другие: я ездил, а к нему езжали. От такого осторожного распорядка мы никогда не могли столкнуться вместе, но, будучи уже не без догадки, всегда при свиданиях наших в посторонних домах, с улыбкой коварной друг на друга посматривали, боясь взаимно преимущества в успехах».

Во всех этих случаях надзор разума над чувствами еще не обессилел, и Долгорукову при его шаловливости удавалось сохранять пристойность. На грубость чувств накладывалась моральная узда, но затаенные инстинкты вырывались на-

ружу. Правда, Долгоруков в старости, когда писалось «Капище», осуждал себя и даже негодовал, называя случай, произошедший с ним, «зablуждением», которое несомненно с моральными нормами людей светских, называемых порядочными. Однако степень его гнева, обращенного на себя, не может скрыть удовольствия, испытанного им когда-то. Человек света осознавал, что поступает некрасиво, а натура его, вырвавшись из-под контроля разума, воспитания, приличий, жила по своим законам. Следующий эпизод из любовных походов князя прекрасно характеризует ту нравственную неустойчивость, которая бытовала в реальности.

Однажды в Пензе госпожа Редькина и вице-губернатор Долгоруков ехали в одной карете в клуб. «На дворе темно, я молод и сладострастен, товарищ мой не застенчив, – лукаво и с усмешкой повествует автор, – мы без дальних околичностей начали роман свой, и чтоб не терять напрасно времени в воздыханиях и словесных вычурах, мы пустились в самые сладкие лобзания, расцеловались досыта. Каких вождений мы тут ни испытали! Мы горели оба огнем геенским, и все возможное в карете себе позволили». По прошествии времени Долгоруков постарался представить происшедшее как «фарсу», как некое затмение разума и даже дьявольское наваждение: «Мы с ней увеселились одним животным механизмом, не чувствуя никакого иного друг к другу влечения. Вот, например, грехопадение, которое сам диавол насылает: два человека, совсем незнакомые, видятся почти в первый раз, едут в одной карете, и без всякого стыда кидаются в объятия взаимно, и разделяют вместе не любовь, не восторг, что ж? Одну срамоту. Бессловесные животные не иначе сходятся между собой, только не ищут для этого карет. Я, при всяком помышлении о сих минутах, не могу себе представить, как мы решились так откровенно, нагло и без всяких предваряющих и обольстительных глаголов, обнюхаться и тотчас пуститься в сладострастнейшие поползновения». Однако в то время, которое описывает Долгоруков, он воспринимал этот эпизод иначе. Тогда не было угрызений совести и рефлексивных порывов: «По молодости лет моих тогдашних (ссылка на молодость тоже напрасна. – В.К.), я очень счастлив был столь легкой победой, и признаюсь, что мне очень было весело обойтись с дамой, щеголевато одетой и распысканной духами, также свободно, как с простой деревенской бабой обходится на посиделках здоровый детина, заломя шапку».

Случай, рассказанный Долгоруковым, не обиденный, но не такой уж и исключительный, потому что в подоснове многих любовных сюжетов лежит не обнажаемая, покрытая внешним лоском, грубая чувственность, свойственная образованному и воспитанному князю. И он не одинок. Таков характер интимных отношений в ту эпоху, когда плотские желания разрывали узы благоприобретенных и скрашивающих их приличий. В дальнейшем безоглядные порывы, подобные описанному, исчезают из воспоминаний, авторы стесняются столь неблагоприятных для них поступков. Но, судя по «Капищу», тут действовала внутренняя, личная цензура.

В бытовой жизни, пока соблюдались приличия, общество довольно либерально относилось ко всем известным любовным интригам. Остракизму то или иное лицо подвергалось лишь при огласке. И Долгоруков не однажды страдал от своей неосторожности. В характере князя было что-то бесшабашное и удалое:

влюбившись, он мог забыть все на свете. Служа офицером, он как-то раз настолько увлекся, что опоздал на три дня к месту расположения своего полка. Едва появившись в Пензе, князь «повадился всякий день» ездить к губернатору Ступишину. Как он наивно пишет, поступал так, «потому что у него жена была пригожа, и я стал строить ей курь». Видимо, его «любовные побаски» выслушивали благосклонно: несколько месяцев он был «прилежным обожателем» А.Д. Ступишиной. В провинциальном городе молва разносится быстро, для публики там нет секретов, и, возможно, ухаживания Долгорукова повредили его карьере на начальном этапе – любовное похождение послужило поводом к удалению с должности вице-губернатора.

Там же, в Пензе, разразился громкий скандал, из-за которого Долгорукову пришлось оставить службу. Однажды князь повстречал Елизавету Александровну Улыбышеву (Улыбушеву). Рассказ об их романе показателен и с точки зрения «правдивости» повествования. Разумеется, князь обеляет себя в «Капище». Но причина отступления от истины событий кроется и в том, что его мемуары не лишены доли художественного вымысла. До нас дошла переписка Долгорукова с Улыбышевой, и при сравнении «Капища» с подлинными документами суть любовной истории может быть легко восстановлена.

В Пензе вице-губернатор Долгоруков, к тому времени женатый, встретил супругу коллежского асессора, предводителя местного дворянства Е.А. Улыбышеву. В «Капище» Долгоруков называет мужа Улыбышевой «пьяным буяном», возмущавшим общество «непристойными явлениями». Он дурно обращался со своей женой, частенько бивал ее и запирал в конуру с борзыми собаками, а потом, отрезвев, «падал к ногам ее и клялся переменить свой род жизни». Е.А. Улыбышева охарактеризована автором «Капища» так: «Она была непригожа, но заманчива, молода, ухватки самые соблазнительные, приятный разговор, хорошие поверхностные познания, ум достаточный для общежития, умела говорить и писать по-французски, начиталась романов, стихотворений и мастерица была обольщать людей неопытных». На самом деле Улыбышева была привлекательна, даже красива лицом. Долгорукова, которому было в то время тридцать лет и который в романических делах был уже весьма искушен, никак нельзя отнести к числу «людей неопытных». Правда тут состояла в том, что дух времени, века чувствительности и романических приключений, одинаково сильно влиял на воображение обоих. Долгоруков не раз упоминает о «Новой Элоизе» Руссо, о произведении Коцебу, о Стерне, о Дорате. Французская литература и переводы на французский язык английских и немецких чувствительных авторов формировали духовный мир возлюбленных. Эта общая почва и послужила основой для сближения, но выразилась она в их отношениях по-разному. Долгоруков, следуя своему веку, считал необходимым влюбляться в чужих жен. Е.А. Улыбышева жаждала чего-то исключительного, необыкновенного. Ум, образованность, любезное обращение князя пленили ее. Завязалась любовная интрига. «...Любовь ничего не разбирает, – писал Долгоруков, – голова моя была пылка, сердце ее также, мы скоро друг друга проникли, и симпатия наша начинала похожа быть на романическое пристрастие, которому я предался со всею неосторожностью быстрого моего характера». Долгоруков настаивал в «Капище», что он «с Улыбышевой никогда не доходил до обращения толико вольного и свобод-

ного, чтоб она, или я имели случай нарушить самым делом супружеские наши обязанности, я счастлив был взглядом, вздохом, запиской и ничего более не требовал, по короткому нашему знакомству». Возможно, оно так и было. Влюбленные могли лишь упражняться в оттачивании стилистического изящества и придавать своим письмам блеск книжного, литературного красноречия, имея под руками его превосходные образцы. Однако взаимная переписка была столь горяча, что возбудила ревность мужа, к которому попали отдельные эпистолы. В одной из них Долгоруков признавался: «Ты должна уже теперь чувствовать, сколь неместно я тебя люблю и сколь утешительна для меня каждая твоя строчка»¹⁴⁴. В другом письме страсть выражена в еще более прямой и резкой форме: «...никакая женщина не в силах будет отвлечь мое сердце от тебя и скинуть с меня те легкие и дорогие цепи, какие ты одна в моем нынешнем положении могла и умела на меня накинуть»¹⁴⁵. Куртуазный стиль писем не оставляет сомнений в том, где находятся его истоки. В том же ключе отвечает и Улыбышева, насыщая письмо упреками, жалобами и демонстрируя неистовые страдания: «Смейся, жестокий, утешайся, неблагодарный! Но со всем тем знай, что я тебя люблю»¹⁴⁶. Или: «Voilà de sort de la pauvre Lise плакать и мучиться!»¹⁴⁷. Слова о мучениях и рыданиях – всего лишь метафора, которую Долгоруков принял за чистую монету, теша себя мыслью, что ему необходимо спасти свою возлюбленную от жестокого пьяницы. В его воображении возникла навеянная письмами Улыбышевой неприглядная картина: вечно пьяный муж, терзающий жену, тиран, губящий чистую, высокую и чувствительную душу, обреченную на невиданные муки и страдания. Вероятно, и Улыбышева всерьез была уверена, что она жертва негодяя, что судьба ее несчастна, что она достойна лучшей участи. Долгоруков мнил себя рыцарем-спасителем, от которого Улыбышева ожидала перемены своей жалкой участи. «Не одно пристрастие влекло меня к тому (т.е. «быть ей полезным и улучшить ее жребий». – В.К.), прошу мне поверить, – писал Долгоруков в «Капище», – но и желание освободить женщину приятную от тирании мужа негодного и ее нестоющего: словом, я вменил себе в обязанность, за несчастный ее поцелуй в лоб¹⁴⁸, защищать ее по древнему рыцарскому уставу: «envers et contre tous»¹⁴⁹. Так Долгоруков и Улыбышева стали заложниками стилистической любовной игры, которая сотворила с ними злую шутку. Книжные страсти не были тождественны подлинным чувствам. Нет сомнения, что любовники питали взаимную симпатию. Но она не простиралась настолько, чтобы Долгоруков мог забыть свою семью и порвать с ней, а Улыбышева не была ветреной кокеткой. Она очень любила ребенка и мужа и вовсе не хотела разводиться с супругом, о чем писала Долгорукову¹⁵⁰. Он же, внимая ее укорам и стонам, почему-то решил, хотя оба, так сказать, «стилистически» играли в любовь, что она ненавидит мужа и хочет с ним расстаться. Не помышляя о женитьбе, Долгоруков склоняет об-

¹⁴⁴ Русская старина. 1978. № 1. С. 72.

¹⁴⁵ Там же. С. 73.

¹⁴⁶ Там же. С. 74.

¹⁴⁷ Там же. С. 75. «Вот жребий твоей бедной Лизы...» – (фр.).

¹⁴⁸ Во время игры в фанты Елизавета Александровна поцеловала Долгорукова в лоб (см. «Капище»).

¹⁴⁹ «по отношению ко всем и против всех» – (фр.).

¹⁵⁰ Русская старина. 1897. № 1. С. 72.

стоятельства к разводу Улыбышевой с мужем и в конце концов разводит их. Муж оставляет жену. По городу идут слухи. В это время Долгоруков заказал три кольца, два оставил у себя, одно подарил жене. Один «доброжелатель» пустил слух, что третье кольцо предназначено Улыбышевой и отправлено к ней. Муж Улыбышевой, оскорбленный письмами и слухами, явился в дом князя, но ему сказали, что Долгоруков в казенной палате. Улыбышев дождался Долгорукова и при выходе того из палаты, прямо на ступенях крыльца, нанес ему несколько ударов «толстою натуральною тростью» и пообещал застрелить его. Скандальный эпизод произошел зимой, и шуба защитила Долгорукова от боли, но он, понятно, испытал жгучий стыд. «Будучи в фраке (т.е. не при шпаге. – В.К.), – писал Долгоруков в «Капище», – я не мог отразить его наглости, выходить с бурлаком на поединок, подло и несовместно; ибо он этой чести не стоил, а с каждым разбойником, который из-за угла бросит камень в голову, нельзя ведаться законами чести». Обида, нанесенная Долгорукову как человеку и дворянину была велика, но и сам он затронул честь Улыбышева. На этом события не закончились. Летом с двумя верховыми служителями, вооруженными незаряженными пистолетами, Улыбышев явился в дом князя, но его не пустили. Долгоруков был вынужден просить у губернатора стражу для отражения опасности. В его доме поставили команду. Город, подстрекаемый недругами князя, смеялся над пострадавшим незадачливым любовником. Долгоруков после нанесенных ему ударов подал жалобу Екатерине II. Дело приняло крутой оборот. Императрица была в гневе из-за безобразного поступка, происшедшего в губернском городе да еще «в покоях присутственных мест». Генерал-прокурору А.Н. Самойлову было поручено направить нарочного. Разбирательство тянулось долго, потому что у Улыбышева нашелся влиятельный защитник. Кончилось оно тем, что Улыбышев был приговорен к ссылке в Сибирь на постоянное жительство, а Долгоруков лишен должности и переведен старшим членом в Соляную контору (Москва).

Дух времени и стиль чувствительной литературы сыграли немалую роль во всей истории, приостановив карьеру Долгорукова. В «Капище» князь писал о том, что «подобная интрига не должна была иметь никакого влияния на дела службы... что перехваченные наши письма не должны были подвергаться ни следствию, ни публичному суду...» Правительство рассудило иначе. Из всего происшествия и осуждения его князем ясно видно, что человек желает уберечь свои чувства от государственного и общественного надзора, считая их собственным достоянием, не подлежащим постороннему вмешательству: «человек судиться должен в деяниях публичных, но в тайном поползновении сердца, кроме Бога, испытующего наши совести, никакой мирской закон касаться нас не может и не должен». Таким образом, в нравах эпохи происходят существенные сдвиги, отраженные в очерках Долгорукова.

Они касались не только любовных, но и всяких других отношений, имевших частный характер. С удивлением и даже горечью наблюдает Долгоруков, как рушатся некогда крепкие и прочные семейные связи, как простые люди, крепостные, становятся дороже сердцу, чем богатые и именитые родственники, с холодным равнодушием подвергающие забвению своих ближних. Знакомые оказываются благодарнее родных. Часто симпатии и антипатии возникают из-за

ничтожных одолжений, и место сердечной привязанности занимает денежный или служебный интерес. Долгоруков ценит бескорыстие и душевную помощь, которые встречаются уже редко: Сам он часто был обманут, получая за добрые дела и благородные поступки незаслуженную неблагодарность. Жизненный опыт учил его, хотя он и не следовал урокам, не быть щедрым и восторженным. Князь скорбел о своих ошибках и о людях, которые оказались недостойными порывов его души, и наполнялся чувством радости, если его родственники или приятели давали ему самые незначительные поводы для изъявления признательности. В наибольшей степени он отличал священнослужителей, с которыми охотно беседовал и которые исполняли в его доме необходимые обряды и требы. Душевное общение стало, видимо, потребностью его мятущейся, беспокойной и грешной души, сообщая ей умиротворение и очищение. Среди же родственников и знакомых он не имел успокоения, исключая, может быть, первую жену, Евгению, сносившую его причуды и многочисленные влюбленности с поистине стоическим терпением. Не будучи жестоким и мстительным, Долгоруков, однако, помнил большие и малые обиды, впрочем, как и значительные и незначительные услуги, оказанные ему. Так, он не забыл поступок Ф.М. Толстого, родственника по отцу, не известившего князя о своем выезде из Москвы в 1812 г., в результате чего Долгоруков едва не оказался в плену. Ему было очень досадно, что фаворит Екатерины II И.Н. Корсаков, сосланный при Павле I в Саратов и не оставленный князем в беде, заплатил ему крайним равнодушием. «Но как любить человека, – восклицал князь, – который ничего, кроме себя не любит (...)»? Помнил Долгоруков лестное предложение госпожи Зон (Зоной) стать ее попечителем и опекуном ее сына, но не предал забвению и меркантильные поползновения «дешево купить хорошее имение» князя, стесненного материальными обстоятельствами. Офицер Диц, за которого Долгоруков внес залог, а потом после пропажи значительной суммы еще и отдал в казну 8000 рублей, навел автора «Капища» на грустные мысли: «...дал себе после этого урока честное слово не вдаваться в излишние добродетели, и ни за кого по денежным делам не жертвовать ни имением своим, ни письменным поручительством». Иногда родственные связи рвались из-за того, что Долгоруков терпел крушение служебной карьеры. После его отставки с поста владимирского губернатора княжна Варвара Николаевна Долгорукая прекратила всякое знакомство с домом князя. «Таковы люди! – восклицает Долгоруков. – Тужить о том естественно, а переделать их невозможно».

Казалось бы, память о столь мелких обидах бросает тень на самый характер князя, но, во-первых, эти незначительные события были частью его жизни, из них, как всегда бывает, она складывается, и, во-вторых, Долгоруков так же внимателен ко вполне заурядным явлениям иного, положительного эмоционального свойства. Например, с большой теплотой он пишет о В.С. Смирнове (Смирном), племяннике своей жены: «В счастья и злополучии он всегда был со мною одинаков. (...) Я не забуду особенных услуг, кои он мне оказывал, как я был болен ногами и недвижим в Нижнем: он мне отдал свой дом, не покидал меня, сзывал гостей нарочно для моей забавы, тешил меня, как ребенка, и мы у него тогда прожили месяца три на всем его коште. Этакой жертвы забыть я не должен, тем более, что он, имея небольшое состояние, всякую копейку приносил мне в

жертву. Я откровенно должен сказать, что из всей приобретенной мною родни по разным случаям и связям жизни, я редко находил таких приверженных к себе людей, каков был Владимир, отец его, и все их собственное семейство, а потому я и мертвых помнить, и живых любить, ставлю себе в совестную обязанность». Судя по очеркам, Долгоруков готов был признательно отозваться о том или ином лице только потому, что это лицо встречало его вежливо, сохраняло границы пристойности, не проявляло ни надменности, ни фамильярности. Взвешивая слабые и сильные стороны начальников или подчиненных, князь почти всегда отдавал предпочтение тем, кто не имел в нем особой нужды и поступал по совести. Например, граф А.Р. Воронцов защитил Долгорукова перед Сенатом от несправедливой жалобы переяславского исправника. «Не всякий, может быть, приятель и родственник, – писал Долгоруков, – оказал бы мне оный (поступок. – В.К.), и я для сохранения его в памяти моей поместил здесь сии строки в честь и похвалу правосудному свойству графа Воронцова». Столь же благодарен был Долгоруков и сенатору З.Н. Посникову, который «не имел никаких причин пристрастно расположиться, – свидетельствовал князь, – в мою пользу; связи между нами никакой не было, и ежели он хорошо думал обо мне, то сим я обязан собственному его убеждению, а не посторонним проискам и ходатайствам...»

При явном стремлении сохранить объективность в отношении того или иного лица, Долгоруков хотел примирить сложившееся общественное мнение и личное впечатление, но при этом собственное суждение всегда брало верх над реальным значением того или иного деятеля. Повествуя об А.В. Салтыкове, Долгоруков как бы невзначай бросает слова о «сердце, омраченном такими низкими страстями, как его», но, поскольку Салтыков оказал семейству князя «много приятных и уважительных услуг», то отдает ему «дань должной благодарности». Этот личный характер оценок, превышающий в глазах князя дурные качества и порочащие слухи, особенно выразительно проявился в рассказе о Ф.Я. Побединском. По приговору ярославского дворянского собрания Побединский был наказан за «тиранические» поступки со своими крепостными. Согласно именному указу его сослали на покаяние в Ефимьев монастырь. Долгоруков, некогда служивший под его началом и помнивший его ласковое и без грубостей обращение, всячески старался облегчить участь ссыльного. В его повествовании Побединский неожиданно превратился в «несчастную жертву жестокого деспотизма», так как над ним, по мнению князя, произведен самовластный суд без сохранения законенных на то форм, «ибо трибуналы, а не толпище дворян, уполномочены у нас определять наказание». Перевес собственного мнения над публичным стал в «Капище моего сердца» принципом суждения Долгорукова: «...я здесь», – признавался он, рассуждал о людях не по отношениям их к миру вообще, а ко мне лично...». Долгоруков был прекрасно осведомлен о том, что сенатор И.В. Лопухин «не заслуживал похвал народных» и «слыл человеком не самых честных правил», но его услужливость и доброта касательно князя превосходили, по словам Долгорукова, общее мнение, и он вспоминал о нем с благодарностью. В еще большей мере такой подход к описанию человека сказался в очерке о другом Лопухине, Александре Васильевиче, брате светлейшего князя П.В. Лопухина, тоже героя «Капища». Долгоруков не жалеет черных красок, характеристизуя А.В. Лопу-

хина: туп, скор на расправу, нравственно грязен, «мнимый отец... многих чужих детей разных племен и народов». Семейство он называет «гнусным», а творившееся в нем – «развратом». Но – «сохранял ко мне всегда приличное уважение, боялся меня, и никогда при мне не выходил из пределов благопристойности»; к тому же оказал Долгорукову «приятную услугу» – ссудил его деньгами. Князь забывал неприятности, особенно доставленные теми, кто не по злобе и не собственной склонности преследовал его. Вспоминая о сенаторе В.И. Нелидове, принесшем ему много горя, Долгоруков в заключение очерка писал о нем: «...я остался хорошим его знакомым, и умел простить зло, которое он готов был мне сделать, потому что я видел, что оно происходило не от злобного характера, а от излишнего самолюбия, которым он не мог овладеть, и предался его недостойному побуждению. Во всех других случаях он оказывал мне особенное уважение, и заслужил совершенное мое почтение, как человек умный и прямо опытный гражданский чиновник».

Критерий двойственного отношения к людям типичен для словесных портретов в «Капище». Долгоруков ценил, например, чиновников любого ранга за ум, знание дела, способности, но всегда отдавал предпочтение их обращению с собой, со своей семьей, со своими родными. Отчасти это объяснялось нравственно-художественной установкой «Капища», но все-таки за подобным описанием угадывалось и другое: невозможность примирения личных и общественно-значимых сторон в характеристиках. Объективного описания в «Капище», как уже упоминалось, нет, но Долгоруков и не преследовал этой цели. Вынеся за пределы повествования общественную ценность того или иного лица, он упростил содержание мемуарного жанра, превратив его в памятник личных, частных впечатлений. Он рассказал о своем отношении к людям и об отношении людей к нему. Однако объективная сторона истории не исчезла со страниц «Капища». Сосредоточенность на частных событиях и житейских впечатлениях, как ни странно, выявила ту истину, что субъективные пристрастия принесли много вреда и самому Долгорукову, и России. Правильные и неправильные решения зависели часто не от существа дел, а от интриг, связей, симпатий и антипатий, от родственных уз, взаимных склонностей или непримиримой вражды в чиновничьей и любой другой среде. В этом смысле «Капище» дает богатый и впечатляющий материал для истории, для понимания пружин управления страной, для «психологии» лиц, причастных к государственной машине. Не в меньшей мере оно поучительно и с другой точки зрения: интерес к личности, к внутреннему миру обыкновенного человека и к его частной жизни выразился в почти полной отрешенности от общественной значимости лиц, состоявших на государственной службе. Отказываясь от этого, «Капище» и его автор не только усиливали внимание к индивидуальному сознанию, но и обнаруживали свою слабость: повествование не давало объемного представления о людях, об исторических и культурных событиях. Своим оригинальным сочинением Долгоруков, хотел он того или нет, откликнулся на зов времени, который требовал от писателя погружения в частный мир, в сферу интимных связей и чувств, но писатель понял дух времени своеобразно. Внутренний мир воспроизводился им не путем самоанализа, а посредством передачи истории его отношений с людьми. История освещается приватным человеком, раскрывшим ее как столкновение личных амбиций, привычек, предрассуд-

ков, как сопряжение и противоборство нравственных правил и бесчестия. Такой подход к воспоминаниям тоже не лишен достоинств. Неприметные и даже мелкие индивидуальные черточки способны прояснить, как складывались отношения людей, как двигались дела и почему они решались так, а не иначе. Избранный Долгоруковым угол зрения и принцип описания не в последнюю очередь связан с тем, что, следуя духу времени, сам писатель находился на значительном отдалении от новых литературных и культурных веяний. В «Капище» упомянуты Карамзин, Дмитриев, Муравьев, Херасков, Жуковский, Шаликов, Загоскин, Хвостов, но об их литературных трудах почти ничего не сказано. Как писатели, они мало занимали Долгорукова в его «лексиконе». Кроме того, этими именами не исчерпывается круг знакомых Долгорукова в литературной среде. Известно, что князь был членом «Беседы любителей русского слова», «Общества любителей российской словесности», что он хорошо знал П.А. Вяземского, В.Л. Пушкина, но он даже не упоминает ни о них, ни о Шишкове, ни о Державине. Долгоруков чуждался литературных объединений и баталлий. Это, несомненно, сказалось на уровне его труда и, главное, на конструктивном принципе его мемуаристики, который был обращен в будущее, но отягощен грузом устаревших и отживших традиций. Сентиментальное название – «Капище моего сердца...» – не должно обманывать: признаков сентиментализма в сочинении нет, но дань чувствительному времени князь отдал, сделав себя как частного человека героем «Капища» и рассказав о своих житейских впечатлениях. Поэтому «Капище» – переломное для позднего классициста произведение, в котором наследник XVIII века отзывается на новые литературные веяния и новые повествовательные тенденции, учитывая опыт своих младших современников. Сочинение И.М. Долгорукова представляет собой несомненную ценность как памятник мемуарной, исторической и художественной прозы, отразившей нравы эпохи через быт и частную жизнь наблюдательного и даровитого писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Капище моего сердца» И.М. Долгорукова было напечатано трижды. Первые два издания осуществлены О.М. Бодянским в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (М., 1872–1874), а затем отдельным изданием (М., 1874). В предисловии к первому изданию О.М. Бодянский сообщал, что список, с которого он печатал «Капище», сделан рукой Варвары Ивановны Долгоруковой, дочери И.М. Долгорукова. Список хранился в семье Дмитрия Ивановича Долгорукова, сына писателя, и был передан ему (О.М. Бодянскому) супругой Д.И. Долгорукова Софией Никаноровной Долгоруковой. По описанию О.М. Бодянского, рукопись была переплетена «в тисненый сафьян (марокин) кофейного цвета» и содержала 302 страницы. Третье издание «Капища» (М., 1890) принадлежит П.И. Бартеневу, рукопись которому предоставила внучка сочинителя княгиня Екатерина Дмитриевна Долгорукова (дочь Д.И. Долгорукова), передавшая, как писал П.И. Бартнев, «подлинную рукопись, с которой сделана точная сверка (причем оказались пропуски)». Вопреки мнению П.И. Бартенева, будто в его руках была «подлинная рукопись», на самом деле он также располагал лишь списком, поскольку, по словам самого публикатора, «в подлинной рукописи при некоторых именах поставлены означения их кончины. Например: «Бабасев. † 1830». П.И. Бартнев справедливо заключил, что этого не мог сделать И.М. Долгоруков, ибо он умер в 1823 г., и, следовательно, даты проставлены переписчиком (в публикации О.М. Бодянского такие даты также имеются). Отсюда можно заключить, что оба публикатора пользовались списком (или списками), принадлежавшими одной и той же семье Дмитрия Ивановича Долгорукова. П.И. Бартнев в своем издании значительно отступил от размещения материала в «Капище». Он расположил очерки не по хронологии, а по алфавиту, изъезл «Оглавление имен» и «Оглавление месячных дней».

В настоящем издании текст «Капища» печатается по публикации: «Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете» (1872, июль–сентябрь, кн. 3, с. 1–60; 1872, октябрь–декабрь, кн. 4, с. 61–148; 1873, январь–март, кн. 1, с. 149–214; 1873, апрель–июнь, кн. 2, с. 215–330; 1874, июль–сентябрь, кн. 3, с. 331–369) и сверен со списком, находящимся в Научной библиотеке МГУ им. А.М. Горького, отдел рукописей, ф. 39, I РК 175⁵ (л. 1–252). Список сделан рукой дочери писателя Варвары Ивановны Долгоруковой (известно, что сочинения И.М. Долгорукова переписывали его дети).

«Капище» создавалось И.М. Долгоруковым в 1818 г. (предположение П.И. Бартенева о том, что к составлению текста писатель приступил в 1814 г., неосновательно), когда, прекратив работу над «Повестью о рождении моем, происхождении и всей жизни» (Пг., 1916), сочинитель привел в систему сведения об упоминавшихся в «Повести» лицах. И.М. Долгоруков работал над «Капищем» напряженно и с увлечением. Обращаясь к М.Н. Зиновьеву в «Послании к приятелю», он признавался:

Как весело, нельзя тебе изобразить,
Биографический словарь такой чертить!
Вседневно предо мной меняются предметы.
И люди, и места, и случаи, и леты;
В один и тот же час я сплошь перелетал
Из Пензы в Вильманstrand, с Невы и за Байкал;
Ребенок, школьник, муж, старик в одно мгновенье:
То езжу на коне, то строю ополченье.

В настоящем издании орфография и пунктуация, не установившиеся во времена И.М. Долгорукова, приближены к современным. Сохранены лишь отдельные языковые, стилистические особенности речи писателя и языкового употребления той поры («генваря», «ярмонка» и др.), прописная буква в названии христианских праздников и в обозначении слов с сакральным для автора значением, и в целом ряде случаев предпочтение отдано пунктуации источника. Неточности и ошибки исправляются и оговариваются в примечаниях. Недописанные имена и слова приводятся полностью. Исключение составляют Оглавление имену и Оглавление месячных дней, где сохраняются написания, принятые автором.

Квадратные скобки указывают на редакторскую конъектуру. Все даты в тексте даются по старому стилю. Старые географические и прочие названия сохраняются в тексте, а в примечаниях воспроизводится их современное написание. Подстрочные переводы иноязычных слов принадлежат редакции издания.

В целях сохранения колорита эпохи в издании оставлено различное написание городов и фамилий (например, Владимир, Володимир; Смирнова и Смирная и др.), соответствующее нормам конца XVIII – начала XIX в.

Особую проблему представляет собой написание фамилии автора. В настоящем издании принята форма *Долгоруков* с допущением формы *Долгорукий*. В XIX в. эта фамилия писалась с тремя окончаниями: *Долгоруков*, *Долгорукой*, *Долгорукий*. Сам И.М. Долгоруков, как и его родственники, не делал различий между тремя вариантами, имевшими для него одинаковую силу. То же касалось и фамилий женщин: *Долгорукова* и *Долгорукая*.

Острая полемика по поводу произнесения и написания фамилии разгорелась в XIX в., когда в 1840 г. П.В. Долгоруков выпустил книгу «Сказания о роде князей Долгоруковых» (СПб., 1840). В ней он писал: «Здесь прибавим, что писать должно: Долгоруковъ, а не Долгорукой, или еще менее Долгорукий. Из числа родов, от Рюрика происшедших, роды, принявшие свое наименование от владения городом, волостью, селом, озером, горою или от ближней реки, должны оканчивать имя свое на Долгорукий, а роды, принявшие свое наименование от личного прозвища родоначальника своего, должны оканчивать имя свое на овъ, или ивъ...» (СПб., 1840. С. XIX). Это требование вызвало решительное возражение М.П. Погодина, который, несмотря на положительный отзыв о книге П.В. Долгорукова (Москвитянин. 1841. № 2), отверг мнение летописца рода и писал Н.П. Барсукову: «...главное мое обвинение – обвинение капитальное, в котором я не уступлю ни одной иоты автору, относится к его имени. Он пишет и хочет, чтобы все писали Долгоруков, а не Долгорукий. Ни за что! Ни за что! Это историческое святотатство... Ни в одном старинном акте не читал я этой странной формы Долгоруков, как и Нагов и Толстов» (*Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина*: В 22 т. СПб., 1888–1910. Т. 6. С. 112). Обращаясь ко всем князьям Долгоруковым, М.П. Погодин просит их убедительно «не изменять своей исторической фамилии – не послушаться в этом случае своего почтенного Историографа» и писать не Долгоруков, а Долгорукий» (Там же. С. 112).

Мнение М.П. Погодина было оспорено, в свою очередь, историком Н.С. Арцыбашевым: «Вы хотите, чтобы князя писались Долгорукими, а не Долгоруковыми, и весьма справедливо, но (*usus tuqanos* [обычай – тиран. – *В.К.*]) они давно уже изменили свое первобытное прозвище и именуется последним; в доказательство приведу рескрипт, данный мне – на золотую милиционную медаль – князем Юрием Владимировичем; он тут подписался: князь Юрий Долгоруков; при уничтожении местничества приговор подписан также Долгоруковыми, а не Долгорукими; следовательно, делать теперь нечего, как соображаться с принятым ими новым прозвищем; иначе введет в сомнение: не два ли это разные рода» (Там же. Т. 11. С. 13).

Призыв М.П. Погодина ко всем «Долгоруким» не изменять написание своей фамилии, был услышан спустя почти тридцать лет, а затем и спустя шестьдесят с лишним лет. На этот раз в спор с П.В. Долгоруковым вступили князья Алексей, Всеволод и Федор Долгорукие в книгах «Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские» (СПб.,

1869. Ч. I; авторы: А.В. Долгорукой, Н.С. Шпилевская; издатель – Вс. Долгорукой) и «Долгорукие, Долгоруковы, Долгорукие-Аргутинские» (СПб., 1913. Ч. II; составитель – Федор Долгорукой). Князь Всеволод Долгорукой в предисловии к первой книге писал: «Настоящее сочинение имеет также цель опровергнуть мнение князя Петра Владимировича Долгорукова о том, что нашу фамилию нужно писать чрез *овъ*, а не чрез *ой*» (с. III). Ему вторили Алексей Долгорукой и Наталья Шпилевская, утверждая, что фамилии Долгорукий не было до 1825 г. (это неверно: например, И.М. Долгоруков часто подписывался «Кн. И. Долгорукий». – В.К.) и что уж никак нельзя писать *Долгоруков*.

Во второй книге сравниваются написания разных фамилий: «Поклонники писания Долгоруковыми все свои доказательства сводят к указанию на князей Щербатовых, предок коих еще неизвестно был ли прозван Щербатой или Щербатов. Гораздо ближе по сходству прозвища фамилия Толстых, предок которых был прозван Толстой (как наш – Долгорукой) и которые пишутся до сих пор Толстыми (как мы должны – Долгорукими). Мы все же с середины XIX века стали писаться под влиянием князя Петра Владимировича на *ов*.

У Толстых было сделано такое же покушение. В 1829 году было издано «Обстоятельное описание Старопечатных книг Славянских и Российских, хранящихся в библиотеке князя Федора Андреевича Толстова» (с. 6). Далее приведены лингвистические соображения: «Только краткие прозвания, как Хилок, Гагара, Татищ могли дополниться в Хилковых, Гагариных и Татищевых. Но Долгорукой имел полное окончание, к нему нельзя прибавить *ов*, как к фамилиям Оболенской, Бобринской и т.п.» (Там же.) Из всего этого делается вывод, что исторически правильная форма начертания фамилии – Долгорукой, которая могла превратиться в форму Долгорукий, но никак не в Долгоруков.

Между тем написание *Долгорукой* – не что иное, как устная произносительная норма фамилии *Долгорукий*. Авторы не учитывают, что и в древности, и уж тем более в XVIII в., многие из князей Долгоруковых подписывались «Долгоруков» (например, знаменитые в истории Я.Ф. Долгоруков, В.М. Долгоруков-Крымский и др.). На превращение прозвища *Долгорукий* в фамилию *Долгоруков* повлияла форма родительного падежа – *Долгорукаго*, которая в устной речи звучала как *Долгорукова*. Сравнения и сопоставления с другими фамилиями на *-ов*, *-ой*, *-ий* не могут, однако, дать удовлетворительного результата, поскольку написание родительного падежа в фамилиях типа *Оболенский*, *Толстой* и в фамилиях типа *Долгорукий* исторически разошлось: одни фамилии по традиции оканчиваются на *-ого* (Оболенского, Толстого), другие – на *-ова* (Долгорукова, Щербатова). Фамилии, образованные от прилагательных, воспринимались как варианты. Каждый вариант был авторитетен, и потому процесс унификации продолжался довольно долго. Так, Л.Н. Толстой свободно варьирует формы *Безухов* и *Безухий*, не противопоставляя их. В отношении фамилий *Долгорукий*, *Долгорукой* и *Долгоруков* нужно сказать, что речь идет о членах одного рода, и все три начертания исторически достоверны, но в ходе унификации побеждала традиция написания фамилии на *-ов* – *Долгоруков* (см.: Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: вопросы ономастики XV–XVIII вв. М., 1959; Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989).

Участники дискуссии о фамилии Долгоруковых перенесли спор на историческую почву. Они пытались доказать истинность своей точки зрения, исходя из фактов происхождения рода. Этого им сделать не удалось. Суть полемики о фамилии свелась к тому, от кого следует вести генеалогию Долгоруковых – от Оболенских или от Юрия Долгорукого. Если род (при этом не подвергался сомнению древний «Рюриков» корень) берет начало от Оболенских, то надо писать *Долгоруков*, если же от Юрия Долгорукого, то – *Долгорукий* (*Долгорукой*). Однако подлинных свидетельств не оказалось: разрядные книги были сожжены при Федоре Алексеевиче, а родословную роспись рода Долгоруковых уничтожил Бирон. Поэтому в книге «Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские» (СПб., 1913. Ч. II) признается, что документов о происхождении рода не сохрани-

лось, но в то же время, основываясь на устных преданиях, делается попытка отнести непосредственное возникновение рода к Юрию I Долгорукому (конец XI – начало XII в.), т.е. более древнему периоду по сравнению с другой версией происхождения – от Оболенских (XV в.): «Князья Долгорукие принадлежат к категории недокументальных родословий, потому что нельзя назвать (как ни лестно) происхождение от князей Оболенских исторически верным, когда на самом деле никакого князя Долгорукого-Оболенского не существовало» (с. 4). Однако известно, что отпочковавшиеся от одной ветви роды необязательно должны были иметь общего предка с двойной фамилией. В данном случае, утверждая древность рода и ведя его от Юрия Долгорукого, настаивают на написании *Долгорукие*. И наоборот: начертание *Долгорукие* свидетельствует о происхождении от Юрия Долгорукого, а не от Оболенских. Вторая и третья линии Долгоруких, соглашаясь они, добровольно приняли написание *Долгоруковы*, но первая линия сохранила прежнюю форму – *Долгорукие*. При этом сторонники фамилии *Долгорукие* с удивлением пишут: «Странно то, что в Гербовнике мы все внесены Долгорукими, а Герольдия выдает документы Долгоруковым» (Там же. С. 7).

Подводя итог и сообразуясь с данными исторической науки, ведущей непосредственное происхождение рода не от Юрия Долгорукого, а от одной из ветвей князей Оболенских, нужно иметь в виду, что спор о написании фамилии – спор о равноправных вариантах и что в процессе унификации форма *Долгорукий (Долгорукой)* была потеснена формой *Долгоруков*. Вследствие этого в настоящем издании выбран вариант *Долгоруков*, который согласуется с одержавшей победу в новое время столь же древней традицией.

Редколлегия серии «Литературные памятники» приносит искреннюю благодарность В.С. Лопатину за любезно предоставленные портреты исторических лиц, впервые опубликованные в книге «Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791». М.: Наука, 1977. Редколлегия благодарит также Музей В.А. Тropicина и московских художников его времени (зам. директора, гл. хранитель Р.И. Чурсина) за любезное содействие в изготовлении ряда фотопортретов, помещенных в настоящем издании.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЛОВАРЮ

- ¹ «Памятник событий» – соч. Якова Орлова (СПб., 1816; 2-е издание – СПб., 1818).
- ² *Rétif de la Bretonne* – Ретиф де ла Бретонн, Никола-Эдм (1734–1806), французский писатель
- ³ ...вздумал и написал подобный Календарь. – Имеется в виду автобиография Ретифа де ла Бретонна «M-g Nicolas, ou la cour humaine dévoilée» (1794–1797; «Господин Никола, или Разоблаченное человеческое сердце»).
- ⁴ *Филибер* – герой романа немецкого писателя Августа Коцебу (1761–1819) «Филибер, или Отношения общественные», переведенного И.М. Долгоруковым на французский язык; современники подозревали, что перевод был сделан одной из дочерей И.М. Долгорукова.
- ⁵ «Ах, подлинно вся жизнь проходит в отношеньях...» и далее – Неточная цитата из послания «П...П... Нарышкину» (*Долгоруков И.М.* Сочинения. Т. 1–2. СПб., 1849. Т. 1. С. 267; далее – Соч. с указанием тома и страницы).

Генварь

ЕКАТЕРИНА

- ¹ *Самодержавья скиптр железный / Моей щедротой позлащу.* – Неточная цитата («Самодержавства» вместо «Самодержавья») из стихотворения Г.Р. Державина «Изображение Фелицы» (1785).
- ² *Будучи уволен к статским делам бригадиром...* – И.М. Долгоруков вышел в отставку в 1790 г. и в 1791 г. получил место вице-губернатора в Пензе.

- ³ *Сарское село* – название «Сарское» происходит от наименования финской деревеньки Саари-моис (Saari-mojs), завоеванной Петром I. В 1712 г. там был построен деревянный дворец, и село стало называться Саарским, а вследствие стяжения гласных – Сарским. В дальнейшем по месту пребывания двора и по созвучию в обиходе получило имя Царского Села. В 1785 г. рядом с селом был основан город София. В 1808 г. город и село были соединены и получили официальное название Царского Села.
- ⁴ *...писанные ею к моей бабке во время монастырского ее уединения...* – см. статью в наст. изд.; Н.Б. Долгорукова постриглась в 1758 г., а ее монастырское уединение продолжалось до смерти в 1771 г.

ПОСПЕЛОВ

- ⁵ *...в удовольствие мое он перевел с моего французского оригинала «Описание Софиевки», которое было напечатано в «Вестнике Европы»...* – См.: Вестник Европы. 1811. Ч. XI, № 6, март. С. 122–123. В послании М.Н. Зиновьеву Долгоруков писал:

О! нет милее мне Софиевки, Кускова
И дна, как говорят в народе, золотого...

а в примечаниях пояснял: «Софиевка, прелестный сад под Уманью в имении гр. Потоцкой, которого я написал изображение по-французски в прозе, – оно было переведено по-русски не мной и напечатано в журнале «Вестник Европы», а Кускова кто не знает?» См.: «Послание второе к нему же», 1821 // Альбом «A Madame la Princesse Eugenie Dolgorouky». Дополнение к «Бытию сердца моего» в 4-х частях, или Собрание моих сочинений, из коих иные были печатаемы отдельно после последнего издания в журналах, иные же не были еще тиснуты, готовятся их напечатать. Москва – 1823 – май (Научная библиотека МГУ им. А.М. Горького, рукописный отдел, ф. 37, 1 РК 175³. Л. 30).

- ⁶ *Он с нами путешествовал в Одессу...* – См.: Долгоруков И.М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда в 1810 году // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1869. Кн. 2–3.

ЛЕВАШОВ

- ⁷ *...выкинуло из трубы...* – вспыхнула сажа.
- ⁸ *...буцефал...* – Здесь: иронически и нарицательно (от Буцефала, клички коня Александра Македонского).

ТАПТЫКОВ

- ⁹ *В бытность мою в Володимире...* – И.М. Долгоруков был губернатором во Владимире в 1802–1812 гг.

ЕЛАГИНА

- ¹⁰ *«О тебе радуется»* – песнопение в честь Богородицы («О тебе радуется обрадованная всякая тварь...»), исполняемое в конце литургии Василия Великого; автор – Иоанн Дамаскин. См.: Гумилевский Ф. Обзор песнопевцев и песнопения греческой церкви. СПб., 1860. С. 196.
- ¹¹ *...смотреть ракеток...* – Здесь: смотреть, как пускают потешные ракетки (гильзы, начиненные порохом), которые, загораясь, взлетают в воздух и там лопаются.
- ¹² *Церковные тропари* – церковные певчие стихи.

ШУВАЛОВ

- ¹³ ...я перевел... сочинение г-на Мерсье под названием «Les songs philosophiques»... – Имеется в виду перевод с французского сочинения «Философические сны» (М., 1780–1781. Ч. 1–2) писателя Луи Себастьяна Мерсье (1740–1814), отредактированный учителем И.М. Долгорукова незуитом Совере (см. о нем в «Капище»).
- ¹⁴ ...я написал в память ему стихи... – См. стихотворение «На кончину Ивана Ивановича Шувалова» в кн.: Долгорукий И.М. Бытие сердца моего. М., 1817. Ч. 1. С. 39–42.
- ¹⁵ Протектор наук – покровитель наук.

СТАНИСЛАВ

- ¹⁶ Вершники – конники, едущие верхом; форейторы.
- ¹⁷ Станислав умер в России и схоронен в Петербурге... – Речь идет о последнем польском короле Станиславе Августе Понятовском (1763–1798).

ТОЛСТОЙ

- ¹⁸ Армией командовал еще Барклай... – Барклай де Толли командовал армией до августа 1812 г.; в августе 1812 г. командование армией перешло к М.И. Кутузову.
- ¹⁹ ...тесть его, Кутузов... – Матвей Федорович Толстой (1772–1815) был женат на старшей дочери М.И. Голенищева-Кутузова Прасковье Михайловне (1777–1844).

БЕХТЕЕВ

- ²⁰ ...сыграли на моем театре русскую комедию «Школа злословия»... – Имеется в виду перевод на русский язык комедии английского драматурга Р.-Б. Шеридана «Школа злословия» (переводчик – И.М. Муравьев-Апостол; СПб., 1794); о театральном интересах и способностях И.М. Долгорукова см. в «Литературных и театральном воспоминаниях» С.Т. Аксакова, который свидетельствовал, что И.М. Долгоруков «был не только сам в душе страстный и отличный, по-тогдашнему, актер, но не менее того любил щеголять постановкою благородных спектаклей в своем доме» (Аксаков С.Т. Собрание сочинений. М., 1956. Т. 3. С. 43).

СТРОГАНОВ

- ²¹ «la princesse Nina» – «княгиня Нина», по имени героини комической оперы в одном действии «Нина, или От любви сумасшедшая». Музыка Дж. Паизиелло. Текст Дж.-Б. Лоренци по комедии француза Б.-Ж. Марсолье. На русский язык переведена И.А. Дмитревским.

СТРОГАНОВА

- ²² Мармонтель – Мармонтель Жан Франсуа (1723–1799), французский писатель, друг Вольтера (1694–1778).

БЕ[Н]КЕНДОРФ

- ²³ ...»L'honnête Criminel». (Честный преступник). – Драма французского драматурга Ш.-Ж. Фенуйо де Фальбера «Честный преступник, или Детская к родителям любовь» («L'honnête criminel, ou L'amour filial»; пер. И.А. Дмитревского; СПб., 1772).
- ²⁴ Рекреация – здесь: отдых.

МАЛЬЦОВА

- ²⁵ *Анна Сергеевна...* – В рукописном альбоме «A Madame la Princesse Eugenie Dolgorouky» есть стихотворение «На кончину А.С. Мальцовой» («Итак, тебя спасти от смерти не могли...»), к которому даны следующие примечания: «1. Цензура не позволила сих стихов печатать, отчего, право, не знаю; 2. Она (А.С. Мальцова. – В.К.) ездила лечиться в Рим, там и скончалась, тело ее отпетое привезено морем в Россию и погребено в Девичьем монастыре» (л. 12, 12 об.).

ОПОЧИНИНА

- ²⁶ В сочинениях моих найдутся два приветствия, написанные мною ей по случаю ее отъезда в Киев. – См. стихотворения И.М. Долгорукова «На первый отъезд в Киев К...Н... Нарышкиной» («Решился твой отъезд, – да будет Бог с тобой!»), «На второй отъезд ее же» («Увидели тебя – и только на минуточку!»); см. также; «Желание. Ей же» (Соч. Т. 1. С. 115–118).

НИКОЛЕВА

- ²⁷ *Г-жа Николева...* изволила написать ко мне послание в стихах. – Речь идет, возможно, об Е.Ю. Николевой, родственнице писателя Н.П. Николева. В «Московском курьере» (1805. Ч. 1. С. 350–351) опубликованы стихи «На смерть Е.Ю. Николевой».
- ²⁸ *...сочинил ей свое приветствие...* – Стихотворение И.М. Долгорукова «Незнакомой в уезде» («Приятную свою настроивая лиру...»). См.: Соч. Т. 1. С. 219–221. В сборнике «Бытие сердца моего» (М., 1802) стихотворение имело заглавие «Дань благодарности».

ДОЛГОРУКОЙ

- ²⁹ *Царский день* – годовой праздник царской семьи.
- ³⁰ *Табельные дни* – дни, включенные в число казенных (государственных).

МАРИЯ ФЕОДОРОВНА

- ³¹ *Фрейлинский вензель* – фрейлина имела право на личный вензель, состоящий из начальных букв имени, отчества, прозвания, писанных вязью или перевитых между собой.
- ³² *...дворским языком...* – т.е. языком, принятым во дворце, придворным.
- ³³ *По случаю кончины королевы Виртембергской, Екатерины Павловны, я сочинил стихи....* – Екатерина Павловна, сестра Александра I, внезапно скончалась в Штутгарте 28 декабря 1818 г.; см.: *Долгорукий И.* Стихи на кончину ее величества королевы Виртембергской. М., 1819.

ФЕВРАЛЬ

ГОРИЧ

- ¹ *Я вздумал на смерть Горича сложить стишки.* – См. стихотворение «На кончину Горича...» (Московские ведомости. 1788. Без номера).

ТУРГЕНЕВ

- ² *Написавши две пьесы в стихах... просил позволения их напечатать в издаваемом тогда журнале.* – Стихотворения «Авось» и «В последнем вкусе человек» были напечатаны в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (1798. № 68. С. 241, 249).
- ³ *Теперь моих сочинений вышли уже четыре книги...* – Имеется в виду сборник «Бытие сердца моего, или Стихотворения князя И.М. Долгорукова» (М., 1817–1818. Ч. 1–4).

ЮШКОВА

- ⁴ Анна Петровна Юшкова (1786–1864), в замужестве Зонтаг, племянница В.А. Жуковского, известная писательница.
- ⁵ ...я написал стишки под названием «Мишинская долина»... – «На долину Мишинскую, в Белеве. А...П...Ю...» («Нет средства не сказать: прекрасная долина!»). См.: Соч. Т. 2. С. 128–129. Анне Петровне Юшковой посвящено и стихотворение «На картину» (Там же. С. 130–131).

ПРИКЛОНСКИЙ

- ⁶ ...вылежали в горячке, от которой чуть-чуть не отправились оба в Елисейские поля – т.е. едва не умерли.

ВИЛОКЛЕР

- ⁷ ...подбежали к Потемкину... – Григорий Александрович Потемкин (1739–1791), русский государственный и военный деятель; генерал-фельдмаршал.

ТАРАКАНОВЫ

- ⁸ ...записать... в рейтары – т.е. записать в кавалерию, в конные войска.
- ⁹ ...забавлялись... карабинерным мундиром... – Здесь: мундир конного воина, находящегося на фланге и вооруженного карабином.

ДЕМИДОВА

- ¹⁰ Кто не знал под Петербургом Таиц? – Тайцы, местечко близ Гатчины; Гатчина вместе с окружающими ее землями была подарена Павлу Петровичу Екатериной II в 1783 г. Стихотворец Рубан писал:

И тако Гатчина со именем согласна, –
Ея и внутренность и внешность есть прекрасна.

- В примечании к этим стихам он пояснял: Гатчина происходит от немецких слов hat Schöne, которые значат «имеет красоту» (см.: Растущий виноград на 1768 год. Январь. С. 17).
- ¹¹ ...трелюдилс в контреданце. – Сплетничал во время танца; контрданс (кадриль) обычно открывал бал.
- ¹² ...готического строения, прозванного Quellenbourg. – Дословно: город у источника; дом в готическом стиле, построенный Петром I по образцу готического замка близ источников в Гарце; Петр I украсил это место деревьями и растениями, вывезенными из Германии.

НИКОЛАЙ

- ¹³ Mr. Nicolay – Николай Генрих-Людви́г (Андрей Львович; 1737–1820), барон, профессор, воспитатель Павла Петровича, писатель. Ему принадлежат «Смешанные стихотворения» (Nicolay. Vermischte Gedichte. В., 1792).
- ¹⁴ ...во время Шведского похода... – Имеется в виду русско-шведская война 1788–1790 гг.
- ¹⁵ ...прославивших Скалу Тарпейскую (le rocher Tarpeyen)... – с Тарпейской скалы сбрасывали преступников; свое название получила от имени Тарпей, дочери царя Спурия Тарпея, которая открыла ворота крепости осадившим ее сабинянам из любви к их царю Титу Тацию и из желания получить золотые украшения сабинских воинов; сабинские воины, взяв крепость, забросали Тарпейщитами в знак ее алчности и предательства.
- ¹⁶ ...скачок Левкада (le saut de Leucade). – Здесь: иронически – по преданию, поэтесса Сафо бросилась в море со скалы Левкада.

КЛИМОВ

- ¹⁷ ...знаменитого еврея Перетца... – Абрам Израилевич Перетц (1771–1833), крупный финансовый деятель; отец декабриста Г.А. Перетца; С.П. Жихарев передает следующий разговор в «Записках современника»: «А кто ж такой Перетц? – Перетц – богатый еврей, у которого огромные дела по разным откупам и подрядам и особенно по перевозке и поставке соли в казенные магазины» (Жихарев С.П. Записки современника. Л., 1989. Т. 2. С. 275).

СЕЛЕЦКИЙ

- ¹⁸ Рядная – условие, договор, сделка.

РЖЕВСКАЯ

- ¹⁹ ...в искусстве Терпсихоры – т.е. в танце, в балете; Терпсихора – муза танца.

ВИЗАПУР

- ²⁰ Устерсы – т.е. устрицы (от нем. Auster).

- ²¹ Которых где при мне за стол не подадут, / А в памяти моей граф Визапур как тут. – Экспромт И.М. Долгорукова, появившийся впервые в «Капище». Визапур – нарицательное имя, которое давалось выходцам из Индии или Африки и стало наименованием арапа. Один из Визапуров, мулат-эмигрант, женатый на дочери купца Сахарова, был расстрелян как французский шпион в 1812 г. О другом Визапуре – графе или князе – упоминает С.П. Жихарев (Записки современника. Л., 1989. Т. 1. С. 49). Наконец, о третьем Визапуре – крещеном эмигранте-индусе – есть рассказ Е.Ф. Тимковского (Киевская старина. 1894. № 4. С. 11). В сочинениях И.М. Долгорукова существует «перевод стихов Визапур Е...С...О...» (Соч. Т. 2. С. 126).

МОЛЧАНОВ

- ²² Жизнь смертного в одних обманах хороша. – Переделка И.М. Долгоруковым стиха П.И. Шаликова из послания Долгорукову: «Дни смертного в мечтах лишь только хороши» (Московский зритель. 1806. Сентябрь). В стихотворении «Хижина на Рпени» Долгоруков писал по поводу этого стиха:

Нет! здесь нельзя с тобой во всем,
Пиит любезный, согласиться;
Хотя в письме ко мне своем
Мечтами любишь веселиться
И чтить существенность бедой. –
Приди сюда, взгляни на ивы,
На доли, горы и заливы,
Будь счастлив Истиной одной!

(Долгорукий И.М. Изборник. М., 1919. С. 37).

КРЫМОВ

- ²³ Федор Степанович Рокотов (1735(?) – 1808) – русский живописец-портретист.

МАРТ

ТЕЛЕГИН

- ¹ ...из моих одно послание к нему находится в моих книгах. – «М.П. Телегину, из Венева» («У теци мы в гостях ликуем – да и полно!»). См.: Соч. Т. 2. С. 140. Кроме того, несколько стихотворений, адресованных М.П. Телегину, вписано в рукописный сборник «A Madame la Princesse Eugenie Dolgorouky» под № XVIII, XXXI.

КОРСАКОВА

- ² ...комедия «*Les châteaux en Espagne*»... – «Воздушные замки», комедия в пяти действиях Ж.-Ф. Коллена д'Арлевиля. Переделана Н.И. Ильиным (М., 1807) и Н.И. Хмельницким (СПб., 1818).

СТАХИЕВ

- ³ ...войдя к нему на поговорку... – т.е. для разговора, для беседы.

РЯБОВ

- ⁴ *Лазарева суббота* – на шестой неделе Великого поста, накануне Вербного воскресения.
⁵ *Великий четверг* – на страстной, последней неделе Великого поста.
⁶ *Oui n'a pas l'esprit de son âge / De son âge a tout le malheu...* – Цитата из стансов Вольтера «A madame du Châtelet» («Госпоже дю Шатле»). В переводе А.С. Пушкина:

Кто применяться не умеет
 Своим пременчивым годам,
 Тот горесть их одну имеет.

МОИСЕЙ

- ⁷ *Катехизис и Закон Божий* – начальное учение о христианской вере и откровение, составляющее сущность веры.

ИТАЛИЯНЕЦ

- ⁸ ...сделался...*Меркурием*... – Здесь: вестником; Меркурий – бог торговли, купцов (римск. миф.); считался вестником богов.
⁹ Пьетро *Метастазियो* (наст. фамилия – Трапасси; 1698–1782) – итальянский поэт и драматург-либреттист.
¹⁰ *Ариост* – Лудовико Ариосто (1474–1533), итальянский поэт.
¹¹ *Тасс* – Торквато Тассо (1544–1595), итальянский поэт.
¹² *Вокабулы* – здесь: обучение иностранному языку; вокабула – иноязычная транскрипция.

ДОРОФЕЯ

- ¹³ *По случаю пострижения ее я сочинил оду...* – Имеется в виду стихотворение «На пострижение благородной особы», включенное в раздел «Оды» в кн.: *Долгоруков И.М.* Бытие сердца моего. М., 1817. Ч. 1. С. 84–87. Об игуменье Дорофее (в миру – Дарье Михайловне Новиковой) И.М. Долгоруков писал и в «Журнале путешествия из Москвы в Нижний 1813 года».
¹⁴ *Наперсный крест* – крест на грудь.

МЯТЛЕВА

- ¹⁵ ...комедию «*Le barbier de Seville*»... – Комедия «Севильский цирюльник, или Беспольная предосторожность» П. Бомарше.
- ¹⁶ ...на театре Волконского... – Крепостной театр П.М. Волконского; просуществовал до 1806 г., впоследствии спектакли ставились в доме П.М. Волконского силами любителей и других театральных групп.
- ¹⁷ ...я сочинил в честь г-жи Мятлевой стихи... – Стихотворение «П.И. Мятлевой, в Киеве» («Давно, весьма давно признал ученый свет...»). См.: Соч. Т. 2. С. 123–124.

КОШЕЛЕВА

- ¹⁸ Варвара Ивановна и сестра ее, Елена... – Сестры известного славянофила А.И. Кошелева.
- ¹⁹ «Влюбленный Шекспир» – комедия в одном действии А. Дюваля. Пер. с французского Д.И. Языкова (СПб., 1807).
- ²⁰ Насчет Вариньки я сочинил романс... – «В.И. Кошелевой» («Всю жизнь мою в Варвар влюблялся...»). См.: Соч. Т. 2. С. 134–135.

АПРЕЛЬ

МОНЕСТРОЛЬ

- ¹ ...При покойной великой княгине... – т.е. при Наталье Алексеевне, первой жене Павла I.

ЕВЛАМПИЙ

- ² Платон – московский митрополит (Петр Левшин: 1737–1812); в «Бытии сердца моего» (М., 1817. Ч. 1. С. 33–34) И.М. Долгоруков открыл раздел «Мертвым» стихотворением «На кончину Митрополита Московского Платона». В эпитафии он писал:

В училище отец, – в беседах любослов,
В обители монах, – а в келье философ...

О достоинстве и величавом благородстве Платона Долгоруков писал также в «Журнале путешествия из Москвы в Нижний 1813 года»; «Мы, москвичи, наглядевшись на Платона, так избаловались во вкусе этого рода, что трудно будет кому-либо из иерархов российских после него понравиться нашим глазам и воображению» (Долгорукий И.М. Изборник. С. 103).

- ³ ...насти холмогорских овец в Архангельск. – Здесь: иронически – наставлять паству в Архангельской губернии, где Евлампий был архиереем.

⁴ Анахорет – отшельник.

- ⁵ ...написал послание прямо в Апостольском духе... – Имеется в виду сочинение Евлампия (Евфимий Иванович Введенский; 1756–1813), епископа Калужского и Боровского, «Увещательные слова о том, что в святую четырёхдесятницу христианину должно и нужно принести покаяние и причаститься Св. Таин» (СПб., 1806).

РОГОНОВСКИЙ

- ⁶ Консистория – епархиальное присутственное место под началом архиерея.

БОБОРЫКИН

- ⁷ ...с фаворитом Мамоновым – Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов (1758–1803), фаворит Екатерины II в 1786–1789 гг.
- ⁸ Граф Брюс – Яков Александрович Брюс (1732–1791), генерал.

ПУТЧИ

- ⁹ ...присрочен был к 5-му сентября – торжественнейший день в Российском государстве. – Возможно, ошибка: 15 сентября – день восшествия на престол Александра I.
- ¹⁰ *Кочубей* – Виктор Павлович Кочубей (1768–1834), князь, русский государственный деятель и дипломат; в 1802–1807 гг. министр внутренних дел.

ХИЛКОВ

- ¹¹ ...по ступицу... – т.е. по колесную матрицу, по которой проходит ось колеса.
- ¹² *Пилад и Орест* – нарицательное обозначение неразлучных и верных друзей; Пилад – фокидский царевич, Орест – герой аргосских сказаний; они оказывали друг другу помощь и не расставались во время странствий (греч. миф.).

МАМОНОВ

- ¹³ *Кошт* – иждивение, содержание.
- ¹⁴ ...*фортуна...* в головах. – Крылатое выражение (слепая удача, независимое от усилий человека счастье), взятое из сказки И.И. Дмитриева «Искатели фортуны» (1794): «Он спит, а у него фортуна в головах» (заключительный стих). В стихотворении «Везет» (1813) Долгоруков писал о самом И.И. Дмитриеве:

О ком-то, помню, басня пела:
Он спал, а у него сидела
Сама Фортуна в головах.
Сказать-то можно все гладенько;
Но, стоя прямо, мудрененько
Быть в доле в царских теремах.

- ¹⁵ *Кожаный темляк* – тесьма с кистью на шпаге, сабле; знак низшего воинского чина; офицеры носили серебряный темляк.

КОКОШКИН

- ¹⁶ ...*играли в доме Апраксина...* – Имеется в виду дом графа Степана Степановича Апраксина (1747–1827) в Москве, на Знаменке, где устраивались литературные чтения, спектакли и концерты.
- ¹⁷ *Маймист* – так в Санкт-Петербургской губернии русские называли финнов протестантского вероисповедания (от финск. Маа-mies; таа – земля; Mies – муж).
- ¹⁸ ...*ознакомился я с меньшим его братом, Федором...* – Речь идет о Федоре Федоровиче Кокошкине (1773–1838), драматурге, актере-любителе, впоследствии управляющем московскими театрами.
- ¹⁹ ...*роль Радина в моей комедии «Дурьлом»...* – Имеется в виду персонаж из комедии И.М. Долгорукова «Дурьлом, или Выбор старшины» (1816), высмеивающей провинциальные нравы.

МЕНЬШИКОВА

- ²⁰ ...*мне лет оснадцать.* – В 1784 г. И.М. Долгорукову было двадцать лет.

ЕВГЕНИЙ

- ²¹ *Предика* – проповедь.
- ²² ...*хлопотал о напечатании ее, в чем и успел.* – Имеется в виду проповедь Евгения Казанцева «при погребении преосвященнейшего Платона, митрополита Московского (говорено в Сергиевой Лавре, 1812 года, ноября 16 дня)». Вошло впоследствии в книгу «Слова Синодального члена преосвященного архиепископа Евгения, бываго Ярославского, печатанные прежде порознь в разных городах и изданиях, а ныне собранные и вновь напечатанные вместе» (М., 1854. С. 7–16).

ОДОЕВСКИЕ

²³ ...не урежал.... – Здесь: не отказывал себе в частых посещениях, не делал их редкими.

ЛОПУХИНА

²⁴ *Блондовое платье* – кружевное, с кружевами.

МАЙ

ФИЛАДЕЛЬФИ

¹ *Аудиенция* – здесь: иронически – прием, свидание наедине у знатных особ.

СОВЕРЕ

² ...в Москве, которая приведена была тогда в волнение набегами Пугачева. – Речь идет о слухах, распространившихся в связи с бунгом Пугачева; полагали, что Пугачев пойдет на Москву.

³ ...эстимовал... – Оказывал почтение, уважение (от фр. *estime* – уважать, почитать).

ЗАГОСКИНЫ

⁴ «*Воспоминания в Рамзае*» – стихотворение И.М. Долгорукова с посвящением «Н...М...Заг...ной» и с примечанием автора: «Вотчина Н.М.З. под Пензою» (Соч. Т. I. С. 263–265).

АРСЕНЬЕВ

⁵ ...напитанный мартинистским суеверием... – т.е. масонскими идеями.

ДИМИТРИЙ СМИРНОЙ. ПРОТОПОП

⁶ ...выходить ему знак отличия, скуфью... – За заслуги белое духовенство получало ало-синюю бархатную шапочку.

ДМИТРИЕВ

⁷ ...свои безделки читывал мне... – Намек на сборник стихотворений И.И. Дмитриева «И мои безделки» (М., 1795).

⁸ «*Сослуживцу*» – стихотворение И.М. Долгорукова («С ума чтоб не сойти, мешай дела с бездельем»), обращенное к И.И. Дмитриеву, с примечанием автора: «Писано в первой молодости; еще не напечатано» (Соч. Т. I. С. 232–236). Первый стих в измененном виде стал названием диалога в одном действии «Мешай дело с бездельем, с ума не сойдешь» (1820) (см.: Научная библиотека МГУ им. А.М. Горького, рукописный отдел, ф. 47, I РК 175¹³).

КАШИНЦОВ

⁹ ...будучи девятнадцати лет невступно... – т.е. не достигнув девятнадцати лет.

ХРУЩЕВ

¹⁰ Густав-Мориц *Армафельд* (1757–1814) – барон, генерал, состоявший на шведской службе, командовал войсками в русско-шведской войне 1788–1790 гг., дважды потерпел поражение от войск генерала Хрущева; впоследствии перешел на русскую службу, стал сенатором и президентом Комитета по финляндским делам; умер в Царском Селе.

ЧИРИКОВ

¹¹ *Турманы* – голуби-вертуны.

¹² *...целое утро прощалберили...* – Провели без дела время, били баклуши, повесничали.

ГОЛОВИНА

¹³ *Катерингоф* – Екатеринбург, место гуляний петербургской публики.

¹⁴ *Дульцинея* – здесь: возлюбленная дама; по имени возлюбленной Дон-Кихота Дульсиныи Тобосской.

НЕКЛЮДОВ

¹⁵ *...восемь робертов...* – Восемь карточных партий в вист; каждый робер (роберт) состоял из нескольких игр, но счет велся как за одну игру.

ИЮНЬ

ВОЕЙКОВА

¹ *«Незнакомой в столице»* – См.: Соч. Т. 1. С. 214–218.

ШАХОВСКАЯ

² *..по Евангельскому слову, без чванства, укоризны и провозглашения!* – См.: Евангелие от Матфея, 6, 1–8.

СИПЯГИН

³ *Игельстром* – Оттон Генрих (Осип Андреевич) Игельстром (1737–1823), барон, главнокомандующий в русско-шведскую войну 1788–1790 гг.

ДАМАСКИН

⁴ *На веи их!!* – Не ведаю (не знаю) их!!!

НЕПЛЮЕВ

⁵ *..напитан с маленьку Вольтеровых правил...* – Вольтер считался выразителем безбожных, атеистических, антиклерикальных правил.

⁶ *Пикет* – карточная игра.

ХИЛКОВ

⁷ *«Все со временем проходит!»* – Стих И.М. Долгорукова, процитированный, кстати, Н.И. Язвизким в его книге «Введение в метрику стихотворства, или Рассуждение о начале поэзии вообще» (СПб., 1811. С. 80).

ПРОЗОРОВСКИЙ

⁸ *Межевое правительство* – управление, ведавшее межеванием земли.

⁹ *Коронные крестьяне* – государственные, записанные за короной.

- ¹⁰ ...сохранить правила вежливости и отказать в услуге... – Этикет не позволял И.М. Долгорукову предстать перед незнакомой дамой в домашнем платье (халате и проч.); таким образом, он предпочел правила вежливости и отказаться подвезти даму в своей карете.

ЕФИМОВСКИЙ

- ¹¹ *Генерал Дибич* – Иван Иванович Дибич-Забалканский (1785–1831), впоследствии граф (1827), генерал-фельдмаршал (1829).

РУКИН

- ¹² ...поручен мне от тетки его родной, г-жи Лопухиной... – Ошибка: Рукин был не племянником, а побочным братом А.А. Лопухиной (см. Лопухина А.А.).

БЕЗОБРАЗОВА

- ¹³ *Видно в судьбе моей на роду было написано попасть в семейство Безобразовых, по сходству наружности моей с прозвищем.* – И.М. Долгоруков намекает на фамилию Безобразовых и на свои прозвища в свете «Балкон», «Губан» из-за выдвинутого подбородка и выпяченной губы. Современники оставили любопытные свидетельства о его внешнем облике: «Собою был он очень некрасив, и мало этого, можно сказать, был даже безобразен; он знал это и чувствовал и очень мило над собою подшучивал: «Мать натура для меня была злою мачехою, оттого у меня и была такая скверная фигура, а на нижнюю губу материала она не пожалела и уж такую мне благодатную губу скроила, что из нее и две бы могли выйти, и те не маленькие, а очень изрядные». (...) Несмотря на свою неприглядность, князь Иван Михайлович заставлял забывать в разговоре, что некрасив собою: бывало, слушаешь его умные речи и замысловатые шутки, а каков он из себя – об этом и позабудешь» (Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений. Записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 200).

КАРАВАЕВА

- ¹⁴ *Я описал один из вечерних ее праздников в стихах моих... «Митино».* – «На праздник в Митине. В...А...К...» («Уж месяц, скромный друг стыдливыя любви...»). См.: Соч. Т. 2. С. 145–146.
- ¹⁵ *О! роскошь! милый враг морального добра!* и далее. – Цитата из стихотворения И.М. Долгорукова «На праздник в Митине»; приведена в книге Н.И. Язвицкого «Рассуждение о словесности вообще» (СПб., 1810. С. 356).

ВРАСКИЕ

- ¹⁶ ...подружился с начальником. – т.е. с Иваном Алексеевичем Ступишиным (см. очерк о нем в наст. изд.).
- ¹⁷ *Между моими рукописями есть стихи, сочиненные мной в Пензе по случаю одного дела...* – Речь идет о сочинении И.М. Долгорукова «Прогулки по избам. Повесть» (Научная библиотека МГУ им. А.М. Горького, рукописный отдел, ф. 36, I РК 175²), входящем в рукописный сборник «Запрещенный товар, или Потаенное собрание тех моих сочинений, коих я или не хотел или не мог выпустить в свет. Москва. 1822-го года ноября 1 дня» (л. 1–87). В повести чередуются проза и стихи. Долгоруков сообщал о ней: «Писана простонародным языком в Пензе в 1793-м годе и содержит в себе под иносказательными именами историческое событие того времени». В «Журнале путешествия в Нижний 1813 года» помещен очерк «Мерлинка» об имени Враских и о хозяевах: «Глядя на настоящую картину жизни нашей, я вспомнил и свои и чужие стихи: в одном из моих сочинений по имени «Гулянки по избам», которое вылилось из пера моего в досадную мину гу, писано не чернилами, а желчью, и потому никогда напечатано не будет, ибо я сатириком едким бывал, к несчастью, иногда, но только про себя, находятся следующие стихи:

А лучше всех из нас Василий-брат живет,
 Не делат ничего, наушничит да бродит,
 И, ходя по избам, бобами всех разводит.

Так я рассуждал о хозяине Мерлинки, будучи с ним вместе в службе 27 лет от роду. Признаться, так думаю и ныне в 50» (*Долгорукий И.М.* Изборник. С. 166–167).

LA GARENNE [ГАРЕНН]

¹⁸ ...а мы все-таки их честим... – Здесь: воздаем им честь.

ЛОПУХИН

¹⁹ *Случайный барин Павлова-времени.* – Петр Васильевич Лопухин (1753–1827) «попал в случай» благодаря тому, что его дочь была фавориткой Павла I; с 1816 г. председатель Государственного совета и Комитета министров, впоследствии председатель Верховного уголовного суда над декабристами.

²⁰ ...страсти:царской к его дочери... – Павел I был влюблен в Анну Петровну Лопухину (1777–1805), дочь князя П.В. Лопухина.

ИЮЛЬ

ЛЬВОВА

¹ ...в «Сивильском цирюльнике»... – Правильно: «Севильский цирюльник»; имеется в виду комическая опера в двух действиях Дж. Паизиелло на текст Дж. Петроселлини по комедии П. Бомарше.

СЕРАПИОН

² *Богоявленский монастырь* – мужской монастырь в Москве; там были похоронены многие из Долгоруковых.

ШАЛИКОВ

³ ...Неоднократно писывал на мое имя стихи... – См.: Февраль, примеч. 22 (очерк «Молчанов»); И.М. Долгоруков также отвечал ему посланиями: «К кн. Шал...» («Давно в долгу перед тобою...»); «К нему же» («На что богатство, коль Природа...»). См. *Долгоруков И.М.* Бытие сердца моего. М., 1802. С. 331–333.

⁴ Он издавал журнал и в оном выхвалял мои сочинения, моих детей, все наше семейство. – Имеется в виду журнал П.И. Шаликова «Аглая»; П.И. Шаликов откликнулся и на смерть жены Долгорукова, написав «Эпитафию княгине Евгении Сергеевне Долгорукой» (Вестник Европы. М., 1804. Ч. XV, № 11, июнь. С. 230).

⁵ *Адрес-календарь* – именной список жителей, где указывалось их звание и местожительство; вышедшие в отставку и лишенные службы часто не удаивались включения в адрес-календарь.

⁶ «*Мои субботы*» – стихотворный цикл И.М. Долгорукова.

ЛЯПУНОВ

⁷ *Салтыков* – речь идет о князе Николае Ивановиче Салтыкове.

УЛЫБЫШЕВА

⁸ ...острое слово Бомарше... «*Ce baiser m'a été bien loin*» – «Этот поцелуй мне вовсе не грозил» – цитата из комедии Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (реплика Керубино; д. 4, явл. IV).

⁹ ...начитавшись оба *Colardeau* и *Dorata*... – Шарль Пьер Колардо (1732–1776), французский салонный поэт-элегик и драматург, автор переложения «Письмо Элоизы к Абеляру»; Клод-Жозеф Дора

(Дорат) (1734–1780), французский поэт, автор дидактической поэмы «На феатральное возгласие». О популярности этих авторов в конце XVIII – начале XIX в. и об общности культурных интересов тогдашней дворянской молодежи говорит и то, что первым литературным опытом драматурга В. А. Озерова был вольный перевод с французского героиды Колардо «Элоиза к Абеляру» (1794), в предисловии к которому Озеров писал: «Читая г. Колардо, я был восхищен, мне открылся путь парнасский, и я почувствовал вдохновенье Аполлона, о котором прежде и мысли не имел». Строки из сочинений Колардо часто служили эпиграфами к произведениям И. М. Долгорукова.

- ¹⁰ *...свободные мысли на счет брака, заняв их у Мирабо...* – Оноре Габриэль Рикети де Мирабо (1749–1791), граф, деятель Великой французской революции, оратор, был известен своим скандальным поведением, за что многократно заточался в темницы на острове Ре, в замке Иф, в Венсенском замке. Автор «Писем к Софии» (с Софией, супругой маркиза де Монье, Мирабо бежал в Амстердам, где их обоих поймали).

¹¹ «Послание к Людмиле» – см.: Соч. Т. 1. С. 212–214.

НЕСВИЦКАЯ

- ¹² *...происшествие пасквиля...* – Имеется в виду история с Е. А. Улыбышевой; см. статью в наст. изд.

ШАПОШНИКОВ

- ¹³ *...родной племянник... Мировичу, сын родной сестры его...* – Василий Яковлевич Мирович (1740–1764), подпоручик Смоленского полка, пытавшийся освободить Иоанна VI Антоновича. Казнен.

РИШЕЛЬЕ

- ¹⁴ *В путешествие мое в тамошний край, которое описано особо...* – Речь идет о сочинении И. М. Долгорукова «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года» («Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете». 1869. Кн. 2–3).

¹⁵ *Дюк* – герцог.

НЕЛИДОВА

- ¹⁶ *...в опере французской: «Rose et Colas».* – «Роза и Кола» (1764), комическая опера А. Монсиньи в одном действии. Текст М.-Ж. Седена. На русский язык переведена М. В. Сушковой. И. М. Долгоруков пел партию Кола; Е. И. Нелидова – партию Розы. Музыкально освоить роль И. М. Долгорукову помогали гитарист Хандошкин и итальянский певец Макарелли (см.: Ливанова Т. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом.» Исследования и материалы. М., 1953. Т. 2. С. 247).

¹⁷ *...вертено и прясло...* – Веретено – деревянная палочка для пряжи; прясло – железное или свинцовое кольцо, надеваемое на веретено для весу.

¹⁸ *Обиняк* – намек, иносказание, двусмысленность.

БОБРИНСКАЯ

- ¹⁹ *...супруга... сына... Екатерины...* – Анна Владимировна Бобринская, урожденная баронесса Унгерн-Штернберг (1769–1846), жена графа Алексея Григорьевича Бобринского (1762–1813), сына Екатерины II и Г. Г. Орлова.

²⁰ *...княгиней Гагариной...* – Мария Алексеевна Бобринская (1798–1835), вышла замуж за князя Н. С. Гагарина.

²¹ *...трескешную трагикомедию под названием Клеопатры.* – Комическая опера (1789) Доменико Чимарозы «Клеопатра» на либретто Фердинандо Лоретти.

²² Алексей Михайлович Пушкин (1771–1825) – писатель, переводчик Мольера, актер-любитель, дальний родственник А. С. Пушкина.

- ²³ *Jour des Rois* – День трех королей (6 января; епифания), который празднуется католической церковью; в этот день на востоке появилась звезда (Вифлемская звезда), по которой волхвы узнали о рождении Христа (Евангелие от Матфея, 2).

ШУВАЛОВА

- ²⁴ *Муж ее...* – Граф Андрей Петрович Шувалов (1727–1789), государственный деятель и литератор, поклонник Вольтера; Шувалов был знаком со многими европейскими писателями; прекрасно владея французским языком, он помогал Екатерине II вести переписку с Вольтером.
- ²⁵ *Андреевская лента* – орден Андрея Первозванного с лентой по плечу.

ДОЛГОРУКАЯ

- ²⁶ *...где высечены на камне надгробном стишки мои, и таковые же написаны на смерть ее...* – См.: стихотворение И.М. Долгорукова «На кончину кн. Н.С. Долгоруковой: («Княгиня! если ты в селениях небесных...»); Соч. Т. 1. С. 50–51.

ЧЕМСОВ

- ²⁷ *У меня есть в рукописных стихотворениях отрывок, в котором говорится шутивным образом о Пензе и его воеводстве.* – Имеется в виду сочинение И.М. Долгорукова «Отрывок из начатой и неоконченной поэмы, писанной в девяностых годах», вошедший в рукописное собрание «Запрещенный товар».

ИВКОВА

- ²⁸ *«Philosophe marie»* – «Женатый философ» (1727), комедия французского драматурга Дегуша (настоящее имя – Филипп Нерико; 1680–1754); князь А.Б. Куракин писал брату 14 декабря 1786 г.: «На сих днях играли «Le philosophe marie». Главный роль игран был Долгоруким, офицером гвардии, князь Михайла Ивановича Долгорукова сыном. Он отменно хорошо представляет и перенял выговор, жесты и даже самую игру у Оффена. Вся комедия хорошо представлена была» (Восемнадцатый век: Исторический сборник, изданный по бумагам фамильного архива... князем Ф.А. Куракиным... М., 1904. Т. 1. С. 91).

ГАГАРИНА

- ²⁹ *...тесной связи ее с Карамзиным...* – И.М. Долгоруков мог наблюдать отношения Н.М. Карамзина с П.Ю. Кологривовой (Гагариной), посещая ее дом в конце 1790-х – начале 1800-х годов; там он и встречался с Н.М. Карамзиным.
- ³⁰ *«Serva padrona»* – опера «La serva padrona» («Служанка-госпожа»). Текст Дж.-А. Федерико, музыка Дж. Паизиелло. Перевод с итальянского И.А. Дмитриевского (СПб., 1781).
- ³¹ *...на театре Шаховского под Донским.* – Театр близ Донского монастыря в Москве, где А.А. Шаховской иногда ставил спектакли, наезжая из Петербурга; в 1823 г. А.А. Шаховской поставил в Москве свою пьесу «Сокол князя Тверского, или Суженый на белом коне» в четырех действиях с песнями, хорами и борьбою рыцарей» (см.: *Арапов П.* Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 97).
- ³² *Стихи мои под названием «Параши»...* – См.: Аониды. 1798–1799. Вып. 3. С. 264.

ОБРЕСКОВА

- ³³ *...игрывали в курочку...* – Вероятно, любезничали, волочилились (от фр. faire la cour).
- ³⁴ *...два приветствия, сочиненные в честь 2-же Обресковой...* – «Е.С.О. на бале» («На что в Париж и в Рим отсюда нам кататься...») – см.: Соч. Т. 2. С. 184–185; «Обрескова! Лишь ты на свете сем одна...» – см.: Долгорукий И.М. Изборник. С. 97.

МОГИЛЕВСКИЙ

- ³⁵ Павел Дмитриевич *Цицианов* (1754–1806) – князь, генерал от инфантерии, с 1802 г. главнокомандующий в Грузии. Убит при переговорах с бакинским ханом.
- ³⁶ *Принц Ольденбургский* – Петр Фридрих Георг (Георгий Петрович) Гольштейн-Ольденбургский (1784–1812), генерал-губернатор Новгородской, Тверской и Ярославской губерний (1809–1812).

СТРУЙСКИЙ

- ³⁷ *Николай Еремеевич Струйский* (1749–1796) – поэт-дилетант, владелец типографии, в которой работали крепостные. Типографию открыл после указа Екатерины II «О вольных типографиях» (1783). В «Журнале путешествия из Москвы в Нижний 1813 года» И.М. Долгоруков писал о Струйском: «Он был по врожденному вкусу стихотворец, имел богатую типографию, выпускал свои и чужие книги; издания его были прекрасны и во всей роскоши. У него напечатан мой Камин, у него и при мне выпечатаны мгновенно на атласе стихи в честь покойной жены моей, посетившей со мною сие селение (Рузаевку. – В.К.)». См.: *Долгоруков И.М.* Изборник. С. 141.
- ³⁸ *...жены его...* – Александра Петровна Струйская, урожденная Озерова (1760–1840).
- ³⁹ *Он мне подарил все свои произведения, собранные в одной книжке in quarto наглядного издания...* – Сочинения Н.Е. Струйского были напечатаны в 1790 г., вышел один том; сохранилось его подношение «К Евгении Сергеевне Долгоруковой» с тиснением: «Печатано в Рузаевке с апробации вкуса».
- ⁴⁰ *Рузаевка* – имение Н.Е. Струйского в Саранском уезде Пензенской губернии.
- ⁴¹ *...оставил после себя человек девять детей...* – У Н.Е. Струйского было восемь детей (пять сыновей и три дочери). Один из сыновей, Леонтий, был отцом поэта А.И. Полежаева, мать которого, крепостную Аграфену Федорову, после рождения сына выдали замуж за саранского мещанина Ивана Полежаева.

АВГУСТ

СЕН-ПРИ

- ¹ *Россия была в войне с Францией и Портой...* – Имеются в виду русско-французская война 1806–1807 гг. и русско-турецкая война 1806–1812 гг.

НЕЛИДОВ

- ² Платон Александрович *Зубов* (1767–1822) – князь, фаворит Екатерины II.
- ³ Александр Андреевич *Безбородко* (1747–1799) – светлейший князь, канцлер, государственный деятель и дипломат.
- ⁴ Иван Павлович *Кутайсов* (ок. 1759–1834) – граф, камердинер и фаворит Павла I.
- ⁵ Николай Ефимович *Мясоедов* – сенатор; см. очерк о нем.
- ⁶ *Намутка* – наговор, сплетня, навет.

ВОЛКОНСКИЙ

- ⁷ *...я написал к нему послание в стихах...* – «Кн. Гр. Сем. Волконскому» («Ипат широких стран, внеми мои два слова!»). См.: Соч. Т. 1. С. 123–126.

БАРСОВ

- ⁸ *...выправлял перевод мой с одной французской комедии...* – Речь идет, возможно, о комедии А. Пуансине «Вечеринка по моде», переведенной И.М. Долгоруковым в 1788 г.

ПЛАТОН

- ⁹ *Я ему поднес, в библиотеку его, «Жизнь Фенелона»...* – Какая именно книга о Фенелоне имеется в виду, неясно, поскольку в России было известно несколько. Например: Ramsey, Andin Michael. *Histoire de la vie et des ouvrages de huëssire François de Salognac de la Mothe-Fénélon, archeveque duc de Cambrai*. Amsterdam, 1727; Bausset, Louis François. *Histoire de Fénélon*. P., 1808; на русском языке вышла книга, переведенная с французского, «Жизнь Фенелона, архиепископа Камбрейского». М., 1801; см. подробнее: Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986.
- ¹⁰ *Бывая у него в Вифании...* – Спасо-Вифанский монастырь в трех верстах от Троице-Сергиевой лавры, основанный митрополитом Платоном в 1783 г.
- ¹¹ *...я дерзнул написать стихи...* – Раздел «Мертвым» в книге «Бытие сердца моего» (М., 1817. Ч. 1. С. 33–34) И.М. Долгоруков открыл стихотворением «На кончину Митрополита Московского Платона».
- ¹² *Собор владык велик, но, ах, Платона нет!!!* – Заключительный стих из стихотворения «На кончину Митрополита Московского Платона» (см. примеч. 11).

КЛАССОН

- ¹³ *Я упоминал о нем в некоторых моих стихотворных посланиях...* – См., напр., послание «П...П... Нарышкину», где упомянут Классон, «приятель наш старинный»:
- Всей нашей слободы строжайший благочинный,
Со мной всегда готов на жаркий выйти спор...
- (Долгорукий И.М. Изборник. С. 23); а также послание «И.Н. Классону» (Соч. Т. 1. С. 277–281).

ПОЛИТКОВСКИЙ

- ¹⁴ *...дочь моя Антонина...* – Впоследствии – Варвара Ивановна Новикова; И.М. Долгоруков имел странную особенность давать своим детям двойные имена (по крещению и от себя): Михаил-Рафаил, Евгения-Наталья, Антонина-Варвара.

АВГУСТИН

- ¹⁵ *Антиминс* – первопрестольник; освященный плат с изображением в гробе Иисуса Христа, который кладется на церковный престол при совершении святой евхаристии.

ДЕШАН

- ¹⁶ *Будь родственник мне друг, я буду его другом...* и далее. – Цитата из стихотворения «Нечто для весельчаков» (Вестник Европы. 1815. № 5 и № 6. С. 38). Вошло в книгу «Бытие сердца моего».

КАКОВИНСКАЯ

- ¹⁷ *...в редуте при театре...* – Помещение в театре для увеселения; клуб, дом при театре.

ПОЛОЧАНИНОВ

- ¹⁸ *Весь Сумарокова театр явился тогда на сцене.* – т.е. все драматические сочинения А.П. Сумарокова были в репертуаре.
- ¹⁹ *Ков* – коварство.

ПОЛОЧАНИНОВА

- ²⁰ ...*Потифарова жена с Иосифом...* – Согласно Библии, Иосиф Прекрасный был продан в Египте Потифару, начальнику телохранителей фараона. Жена Потифара влюбилась в Иосифа за его красоту, однако на соблазн Иосиф ответил твердым отказом. Жена Потифара, оставшись с ним наедине, схватила его за одежду, и Иосиф принужден был бежать, оставив платье в ее руках. Используя это, жена Потифара обвинила Иосифа в покушении на ее целомудрие. Потифар заключил Иосифа в темницу, но Иосифу удалось избежать наказания.

САЛТЫКОВА

- ²¹ ...*мать 2-жи Мятлевой...* – Графиня Дарья Петровна Салтыкова (1739–1802) была женой фельд-маршала графа Ивана Петровича Салтыкова (1730–1805) и матерью Прасковьи Ивановны Мятлевой (1772–1859). Сын П.И. Мятлевой – поэт И.П. Мятлев.
- ²² «*Танкред*» – трагедия Вольтера в пяти действиях. На русский язык переведена Н.И. Гнедичем (СПб., 1816). Ставилась с 1809 по 1812 г. на французском.

НАРЫШКИНА

- ²³ ...*обучались бон-тону...* – т.е. хорошему тону, тону светского общества.
- ²⁴ ...*иногда шептила...* – Укоряла обиняками, колола намеками, оскорбляла.

ШЕРЕМЕТЕВ

- ²⁵ ...*пьеса под названием «Торжество совести»...* – См.: Бытие сердца моего. М., 1817. Ч. 1. С. 174. Написана, по-видимому, в 1814–1818 гг.
- ²⁶ ...*угождения этому Крезу...* – Имеется в виду Н.П. Шереметев; по имени царя Лидии Креза (595–546 до н.э.), обладавшего несметным богатством.

МАНСУРОВА

- ²⁷ ...*шла комедия «Le bon ton»...* – «Тон модного света», комедия в четырех действиях; речь идет о французском переводе с немецкого; на русский язык переведена А. Шеллером.

ПРИКЛОНСКАЯ

- ²⁸ ...*в стихах... «Прогулка на Трех Горах»...* – См.: Соч. Т. 1. С. 138–149.

СЕНТЯБРЬ

УШАКОВА

- ¹ *Гоф-фурьер* – придворный служитель в чине 8-го класса.

ГУСТАВ

- ² *В записках той войны, писанных мной...* – Речь идет о сочинении И.М. Долгорукова «Мысль моя», Т. 1, 2 // Ежедневный журнал, веденный во время войны со Швецией в 1790 г. (Научная библиотека МГУ им. А.М. Горького, рукописный отдел, ф. 41–42, I РК 175⁷).

КУТАЙСОВ

- ³ *O tempora! O mores!* – О времена! О нравы! – восклицание Цицерона в одной из речей против Катилины, ставшее крылатым выражением.
- ⁴ *Менишков торговал блинами!* – Александр Данилович Менишков (1673–1729), сын придворного конюха, в отроческие и юношеские годы торговал блинами и пирогами с зайчатинной.
- ⁵ *Разумовский певал на клиросе!* – Алексей Григорьевич Разумовский (Алексей Розум; 1709–1771), морганатический супруг Елизаветы Петровны; происходил из украинских казаков и был привезен из Украины в Петербург в качестве певчего в хор при императорском дворе; Елизавета Петровна взяла его в собственный хор.
- ⁶ *Сиверс был скороходом!* – Карл Ефимович Сиверс (1730–1808), граф; был возведен Елизаветой Петровной в камер-юнкеры из фрейторов.

БАРКОВ

- ⁷ *...оставил его в бутку.* – т.е. в караул, в сторожевое помещение.

ИГЕЛЬСТРОМ

- ⁸ *...при заключении мира... знаменито кончил возложенное на него дипломатическое посредничество.* – Русско-шведская война завершилась выгодным для России Верельским миром (1790).

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ

- ⁹ Карл Христиан Ламздорф (1757–1834), воспитатель Николая I.

ЛАФЕРМЬЕР

- ¹⁰ *...сочинил... две оперы... «Le faucon»... «Don Carlos»* – «Сокол» (1786) и «Дон Карлос» (1787), оперы Д.П. Бортнянского на либретто Франца-Германа Лафермьера (1737–1796); «Дон Карлос» – название И.М. Долгорукова; у авторов опера называлась «Сын-соперник» («Le fils-rival»); о постановке оперы И.М. Долгоруков писал в «Повести о рождении моем...» (Пг., 1916. С. 129–130): «Испанская наша опера готовилась с большим великолепием. Музыка сочинена Бортнянским еще трогательнее и лучше, нежели для прежней (т.е. для «Сокола». – В.К.); новые написаны славным художником декорации; сшиты на счет двора всем актерам испанские костюмы». И.М. Долгоруков пел в «Соколе» партию Доктора, а в «Сыне-сопернике» – отца Дон Карлоса.

ПРОКУДИНА

- ¹¹ *...эрмитаж на двенадцати кувертах...* – Уединенное помещение, где стол накрыт на двенадцать персон.
- ¹² *...на английском сервизе, апплике.* – Английский сервиз, покрытый тонким слоем серебра.

ЕРОПКИН

- ¹³ *Он один защитил столицу от мятежников и убийц архиерейских...* – Петр Дмитриевич Еропкин (1724–1805), генерал, позже – московский генерал-губернатор. В марте 1771 г. в Москве началась чума. Сенатору П.Д. Еропкину 25 марта было поручено организовать борьбу с ней. Еропкин принял ряд энергичных мер, но не смог предотвратить бунт, вспыхнувший 16 сентября 1771 г. Взбунтовавшийся народ убил архиепископа Амвросия (Зертгиса Каменского) и пытался ворваться в Кремль. Екатерина II послала в город графа Г.Г. Орлова, прибывшего в столицу 16 ноября. В это время эпидемия начала спадать из-за наступивших холодов. Однако честь победы над чумой и бунтовщиками была приписана Орлову, которому установили в Царском Селе ворота с надписью «Ор-

ловым от беды избавлена Москва» и выбили золотую медаль с портретом. И.М. Долгоруков, как и большинство дворян, полагал, что главным спасителем Москвы был Еропкин, а вовсе не Орлов. См. также: Рассказы бабушки. С. 28–29, 383.

АЛЕКСАНДР I

¹⁴ ...написал четыре стиха... – См. в статье наст. изд. о просьбе Долгорукова к Александру I по поводу службы.

ХВОСТОВ

¹⁵ ...рассудил на мое имя написать послание... – По-видимому, речь идет о послании 1819 г. «Князю И.М. Долгорукову» («Венчанный розами, дорогою прямою...») – см.: *Хвостов Д.И.* Полное собрание стихотворений. СПб., 1827. Т. 5. С. 293. В своем послании, перечисляя поэтические заслуги И.М. Долгорукова, Д.И. Хвостов вопрошал:

Венчанный розами, дорогою прямою
И не надеяся нимало на авось,
Сквозь терны перейдя, с цевницей золотою,
Камины и пирры воспел, – и удалось.
Счастлив, кто с воли муз на Пинде поселится,
Я только старостью моею могу гордиться,
Невинности певец!
Ты нам воспой любовь и летом, как весною;
Читатель, восхитясь природы простотою,
Не спросит: где стихам и скоро ли конец?

Впоследствии Хвостов сочинил эпитафию Долгорукову («Князю И.М. Долгорукову» – «Наперсника харит покоится здесь прах...»).

¹⁶ ...я ответил ему таким же, но оно не попало в последнее издание моих трудов. – «Ответ гр. Хвостову на его стихи, ко мне присланные» («Спасибо за стихи, а вдвое за любовь...»), в котором содержались следующие строки:

Поверь, любезный граф, коль мне и удалось
Втереться невзначай на скалы Геликона
В огромную толпу придворных Аполлона,
Обязан лишь любви и юности моей,
Влюбился и писал, желая быть милей.

«Ответ...» И.М. Долгорукова помещен в альбоме зеленого переплета «A Madame la Princesse Eugenie Dolgorouky» (Научная библиотека МГУ им. А.М. Горького, рукописный отдел, ф. 37, I РК 175³, л. 19 об.–л. 20 об.).

ЛОПУХИН

¹⁷ ... стихи под названием «Савинское»... – Стихотворение «Прогулки в Савинском» (Соч. Т. 1. С. 143–148). К стихотворению есть примечание И.М. Долгорукова: «Поместье И.В. Лоп, близ нашей подмосковной, где и стихи сии написаны».

ЗЛОВ

¹⁸ Петр Васильевич Злов (1774–1823) – актер, играл вместе с С.Ф. Мочаловым, отцом знаменитого трагика.

ВЯЗЕМСКИЙ

- ¹⁹ ... женился на англичанке... – Жена А.И. Вяземского, княгиня Евгения Ивановна Вяземская (1762–1802), мать поэта П.А. Вяземского, была ирландкой по происхождению (д'Орейлли).

АКТЕРЫ

- ²⁰ ... два семейства актеров: Мочалов... Насова – Степан Федорович Мочалов (1775–1823), трагик; Елена Александровна Насова (1787–?), оперная актриса.
- ²¹ ... около логуна с дегтем... – Посудина с дегтем, которую берут в дорогу для смазки осей (дегтярница).

ОСТОЛОПОВ

- ²² ... книжку своих сочинений... – Книга Н.Ф. Остолопова «Словарь древней и новой поэзии» (СПб., 1821. Т. 1–3). Остолопов привел в нем примеры из стихов И.М. Долгорукова на те или иные термины и объясняемые слова, например: макаронический стих – т. 2, с. 173; мысль (пример «смелых мыслей и выражений») – т. 2, с. 200–201; «природа под старость» («Перешептавшись с небесами, // В аптеку выучит ходить») – там же. См. также «Повторение», где цитируется стихотворение «Спор» (т. 2, с. 376).
- ²³ ... он адресовал свое послание в стихах по случаю оды моей на «Невинность»... – Остолопов Н.Ф. Князю И.М. Долгорукову (по прочтении стихов его под названием: «Невинность») // Вестник Европы. 1817. Ч. 93, № 10, май. С. 101–103. Оду Долгорукова «Невинность» см.: Соч. Т. 1. С. 87–93.
- ²⁴ Я... написал послание к нему в стихах... – «Н.Ф. Остолопову» («Есть город на Руси по имени Борзна...»). См.: Соч. Т. 1. С. 281–285; в нем Долгоруков, в частности, писал:

И вдруг какой сюрприз приятный я нашел:
От Остолопова стихи к себе прочел,
В которых рассудил он быть меня достойным
За то, что я воспел, хоть голосом нестройным,
Но твердым, от души, невинности хвалу
И видел, не страшась, летящу в грудь стрелу.

ВОРОНЦОВ

- ²⁵ Креатуры – ставленники, сторонники.

НЕКТАРИЯ

- ²⁶ ... бабушка моя родная. – Наталья Борисовна Долгорукова (1714–1771). См. о ней в статье наст. изд.
- ²⁷ ... посихмилась... – Приняла схиуму.
- ²⁸ ... по изречению Соломона: Память праведного с похвалами. – Вольное изложение текста из Притчей Соломоновых: «Благословения – на голове праведника, уста же беззаконных заградит насилie. Память праведника пребудет благословенна, а имя нечестивых омерзет. Мудрый сердцем принимает заповеди, а глупый устами преткнется» (Библия, Книга Притчей Соломоновых, 10, 6–8).

БАБАЕВ

- ²⁹ ... в роли советника в Бригадире... – Персонаж в комедии Д.И. Фонвизина «Бригадир».
- ³⁰ ... лишаешь ноги по труп... – Здесь: лишаешь ноги до туловища.

ОКТАБРЬ

ТРУБЕЦКАЯ

¹ ... наряжались в хари на бал... – Здесь: надевали маски на бал.

² Я от нее получал неоднократно стихи... – Стихотворный цикл переписки с княгиней В.А. Трубецкой, также писавшей стихи, вошел в книгу И.М. Долгорукого «Бытие сердца моего». Одним из ярких стихотворений этого цикла было стихотворение «Спор», заключительные стихи которого:

Вперед не спорь, да будь умнее,
И знай, пустая голова,
Что всякой логики сильнее
Любезной женщины слова, –

вошли в поговорку..

ИЗАБЕ

³ Игнаций Плейель (Pleyel) (1757–1831) – немецкий композитор, ученик Иосифа Гайдна; автор оперы «Ифигения», квартетов для скрипки, фортепианных сонат и других произведений; впоследствии основал музыкальный магазин и фабрику роялей; сочинения Плейеля уже в конце XIX в. стали библиографической редкостью.

ВОЛКОНСКАЯ

⁴ ... книга моих сочинений; там все, что найдет читатель на имя Глафиры, посвящено было княжне Волконской. – См., напр., «Глафире» («Глафира! ты одна весь ум мой заняла»), «Ей же» («В счастливый жизни час спознавшись с тобою...»), «Ей же» («Признательности дань плачу здесь, музы, вам!»), а также: «Княжне В.П. Волконской» (I. На именины. II. На Новый год. III. В день Светлого Воскресенья. IV. На именины. V. «Дочерняя любви достойный образец!») – Соч. Т. I. С. 197–202, 207–211, 286–292. Однако под именем Глафиры И.М. Долгоруков подразумевал в своих стихотворениях и других женщин.

⁵ ... важно говоря: «Je gave» ... вместо того чтобы сказать: «Я говею». – Здесь: каламбур – по сходству звучания – «я объедаюсь» – «я говею».

БРОГЛИО

⁶ ... низовую повесть, под заглавным титулом «Ана». – «Низовая повесть. Ана!» (Соч. Т. I. С. 325–337). Низовая повесть – бытовая, в низком роде. Название «Ана!» надо читать как «Она!», поскольку И.М. Долгоруков часто писал это слово через «а», сообразуясь с московским «акающим» произношением.

ПОБЕДИНСКИЙ

⁷ Ефимьев монастырь – Спасо-Ефимьевский монастырь Владимиро-Суздальской епархии (Суздальский уезд); в нем содержались непослушливые монахи и склонные к ересетворчеству миряне. И.М. Долгорукову принадлежит «Историческое повествование о Спасо-Ефимьевском монастыре».

ПРИКЛОНСКИЙ

⁸ Потазал – побранил, пожурил; побил, потаскал за виски (от слова «тазаты»).

ГОЛОВКИН

- ⁹ *Рескрипт* – письмо государя на имя подданного.
¹⁰ *Экстраординарные деньги* – особенные, внезапные, случайные; деньги сверх жалованья.

СОКОВНИН

- ¹¹ ... он особенно любил исследовать древности церковные. – С.П. Соковнину принадлежит «Опыт исторического словаря о всех в истинно православной греко-российской вере святою непорочною жизнью прославившихся мужах» (М., 1784).

ГЛЕБОВ

- ¹² ... я сочинил стишки на его кончину... – «На кончину Ф.И. Глебова» (см.: Долгоруков И.М. Бытие сердца моего. М., 1817. Ч. 1. С. 47).
¹³ ... напечатаны, вместе с надгробными стихами... – «На кончину Ф.И. Глебова» («Не гордость людям в изумленье...») – см.: Там же. С. 46; в разделе «Надгробные»: «Ф.И. Глебову» («Здесь Глебов кончил век...») – см.: Там же. С. 58.
¹⁴ ... стихов на гроб его... – «На кончину П.Ф. Глебова» («Оставя мать, жену, детей...»). См.: Соч. Т. 2. С. 114; Долгоруков И.М. Бытие сердца моего. М., 1817. Ч. 1. С. 47.

ЩЕРБАТОВЫ

- ¹⁵ ... стихи были приветствие княжне в день именин ее. – «На именины. К... Е...П...Щ» («Безделицу – цветок, с стыдом тебе вручаю...»). См.: Соч. Т. 2. С. 114.

НОЯБРЬ

ВАДКОВСКИЙ

- ¹ ... читать ... артикул... – Здесь: воинский устав.
² *Воинские регулы* – правила, порядки.
³ *Эспантон* (Hallebarde) – небольшая пика, род алебарды.

БОЛОТНИКОВА

- ⁴ ... изволила сочинить книжку под названием «Плод его уединения» и рассудила посвятить ее мне... – Книга Марии Болотниковой с посвящением князю И.М. Долгорукову называлась «Деревенская лира, или Часы уединения» (М., 1817).

ВОЕЙКОВА

- ⁵ ... посвятил ей стишки под названием «Тальяи»... – Вошли в сборник «Сумерки моей жизни» (Соч. Т. 1. С. 42–43).

ФАЛЛЕНШТЕЙН

- ⁶ *Фалленштейн* – правильно: Фалькенштейн.

ШУЛЬГИНА

⁷ ... стихи под названием «Плач над Москвою». – Соч. Т. 1. С. 153–160. В этом стихотворении И.М. Долгоруков с благодарностью писал:

Нашелся добрый муж, который Бога чтит,
 В воскресный день ходил к обедне помолиться,
 Хороший хлебосол, сообщество любил,
 Своим добром готов со всеми поделиться;
 С прекрасною душой пригожая жена,
 Два детища – сестры – семейство составляли;
 В обычаях простых приятни обитали,
 И совести у них не мучил сатана:
 Увидя нас, судьбу почувствовали нашу,
 Пустили на житье в свой собственный там дом,
 Поставили хлеб-соль и щей горячих чашу,
 А сами вон пошли искать чужих хором.

БОБРОВ

⁸ ... плач Иеремиев в нашем племени... – Здесь: скорбь по Долгоруковым, казненным в Новгороде (см. статью в наст. изд.; по аналогии с плачем пророка Иеремии, см.: Библия, Плач Иеремии), 1–5).

БАРОН АШ

⁹ ... брат мадолетнего царя Иоанна. – Алексей Антонович (1746–1787), младший (третий) брат Иоанна Антоновича, родился в Холмогорах в семье сосланных туда Антона-Ульриха и Анны Леопольдовны; по свидетельствам очевидцев, страдал слабоумием; впоследствии Екатерина II отправила детей в Норвегию на фрегате «Полярная звезда».

АНЕМОНА

¹⁰ *Анемона* – прозвище А.Ф. Любавской; часто встречается в сочинениях И.М. Долгорукова (см., напр., стихотворение «Хижина на Рпени» в кн.: Долгоруков И.М. Изборник. С. 23); в послании «П...П...Нарышкину» Долгоруков писал:

Две барышни: одна насмешлива, резва,
 То в зеркало глядит, то путает канва;
 Другая – той я дал прозвание Анемона –
 Славнее красотой Надировой короны...

Анемона – цветок (ветреница).

БЕШЕНЦОВА

¹¹ *Мордорстовое платье* – платье из плотного шелка красноватого оттенка.

КУРИКА

¹² Я упомянул о нем в предисловии к третьему изданию моих сочинений... – В предисловии к «Бытию сердца моего» (Ч. 1. С. IX) И.М. Долгоруков писал: «Назвав книгу мою Бытие моего сердца, я привожу себе на память все бытие мое моральное, и везде нахожу непрерываемую нить благодарений ко мне от Университета». В связи с этим в числе прочих он вспоминает и Курику.

БИБИКОВА

- ¹³ ... *прозванный... Чепурой*. – Чепуриться (чапуриться) – важничать, чваниться, одеваться щеголевато.
¹⁴ ... *Аргусовыми глазами...* – т.е. бдительно; Аргус – многоглазый великан, во время сна которого часть его глаз бодрствовала (греч. миф.).

БОРОЗДИНА

- ¹⁵ ... *я играл Линдора...* – И.М. Долгоруков играл графа Альмавиву, который принял вымышленное имя Линдора («Севильский цирюльник»);
¹⁶ *Макао* – карточная игра.

САЛТЫКОВ

- ¹⁷ ... *в оправдание пословицы г-на Beaumarchais, который сказал: «Posseder c'est peu de chose, mais c'est jour qui rend heureux»*. – «Владеть не важно, наслаждаться – вот счастье» (слова Базиля из комедии Бомарше «Севильский цирюльник», д. 4, явл. 1; в переводе Н.М. Любимова: «Обладать благами это еще не все»);
¹⁸ *Селадон* – здесь: иронически и нарицательно – воздыхатель; по имени влюбленного пастушка в романе Оноре д'Юрфе «Астрея».

САМОЙЛОВ

- ¹⁹ ... *Магометов штандарт*. – Турецкий флаг, по мнению автора, вызывающе грубый и безвкусный.

ЛОПУХИНА

- ²⁰ *Старинная вражда между нашими стариками...* – Об отношениях Ивана Александровича и Александра Алексеевича Долгоруковых см. статью в наст. изд.

ТУРЧАНИНОВА

- ²¹ ... *с воздухоплавательницей г-жей Гарнерень...* – Речь идет о первой женщине-аэронавте и парашютистке Жанне Лаброс (1775–1847), жене французского аэронавта Андре Гарнерена (1769–1823), которая повторила свои опыты в России. Александра Степановна Турчанинова также поднималась на воздушном шаре.

САЛТЫКОВЫ

- ²² *Вицерой* – вице-король.
²³ *Егерские экзерциции* – упражнения при обучении охотничьему делу.
²⁴ *Туне* – втуне, даром, безвозмездно.

ТАВАСТ

- ²⁵ *Деташамент* (деташемент) – отряд.

ИЗРАИЛЬ

- ²⁶ ... *постригал Новикову прекрасную в монахини...* – Речь идет об игуменье Дорофее (в миру – Д.М. Новикова). См. о ней в «Капище».
²⁷ ... *то древняя пословица «De mortuis aut bene, aut nihil»...* – Эту пословицу И.М. Долгоруков перевел так: «О мертвых иль добро реки, или молчи» (*Долгоруков И.М. Бытие сердца моего. М., 1817. Ч. 1. С. 32*).

ДЕКАБРЬ

ЧЕБОТАРЕВ

¹ *Авскультант* – слушатель.

ДОЛГОРУКАЯ

²... *стихи, коими я дарил ее в дни семейного праздника*. – См., напр., стихотворение «Княгине В.Н. Долгоруковой. I: Приношение. II: Песня. III: На именины» (Соч. Т. 1. С. 293–296).

³ «*Всяк человек ложь!*» – Имеется в виду поговорка «Всяк человек ложь, и мы то же».

ГАРТФЕЛЬД

⁴ *Элоизы* – речь идет о романе Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза».

РУБЕЦКАЯ

⁵ ... *в роли Сѣлианте*. – Возможно, Элианта, кузина Селимены в комедии Мольера «Мизантроп».

⁶ *Не я ли про нее написал... Не что в безумии стараться / Восток с полуднем соединить? / Чтоб вечно в радости смеяться, / Довольно Сонюшку любить!* – послание «Сонюшке» (Соч. Т. 2. С. 120–121); заключительные стихи, по-видимому, впоследствии исправлены. Ср.:

На что под власть свою стараться
Восток с полуднем соединить?
Чтоб вечно в радости смеяться,
Довольно с Сонюшкою жить.

См. также: «Ей же» («Когда Сонюшка со мною...») – там же. С. 122–123; «Приношение С.Н.Р.» («Однажды я спросил у сердца своего...») – там же. С. 188.

ЗИНОВЬЕВ

⁷ ... *переведа осмую сатиру Буало...* – См.: Буало-Депрео Н. Осьмая сатира / Пер. М.Н. Зиновьева. М., 1822. К М.Н. Зиновьеву обращены стихотворения И.М. Долгорукова «Приятелю», «Шутка за шутку» и др.

БУТЕНЕВА

⁸ ... *рюмки гофманских капель...* – Капли немецкого доктора Фридриха Гофмана (Hoffmann; 1660–1742).

КУРАКИН

⁹ ... *мои стихи:*

Кого чуть солнышко пригреет,
Тот редко, редко, разумеет,
Что многим очень студено.

– Неточная цитата (правильно: «Коль солнце чуть кого пригреет...») из стихотворения И.М. Долгорукова «Соседу» (Соч. Т. 1. С. 246).

¹⁰ ... *к Швейцару...* – Стихотворение И.М. Долгорукова «Приказ швейцару» (1793), см.: Там же.

КУРАКИНА

- ¹¹ *Княгиня, приняв на себя, по слову Евангельскому, свой крест...* – Имеется в виду Евангелие от Иоанна, 19,17.
- ¹² *«Сумерки жизни»* – правильно: «Сумерки моей жизни» (М., 1808).
- ¹³ ... в *«Путешествии моем рукописном в Одессу»...* – При жизни И.М. Долгорукова не издавалось; опубликовано О.М. Бодянским под заглавием «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года» (Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1869. Кн. 2–3).

ЕВГЕНОВ

- ¹⁴ *Министр был граф Разумовский...* – Алексей Кириллович Разумовский (1748–1822), граф, русский государственный деятель; в 1810–1816 гг. – министр народного просвещения.
- ¹⁵ ... *сенатор Кутузов...* – Павел Иванович Голенищев-Кутузов (1767–1829), племянник М.И. Голенищева-Кутузова, писатель, сторонник А.С. Шишкова, член «Беседы любителей русского слова».

НЕПЛЮЕВ

- ¹⁶ *Мурашки не стряхнет без лайковой перчатки* – строка из стихотворения И.М. Долгорукова «Нечто для весельчаков» (Вестник Европы. 1815. № 5, 6. С. 38).

СТУПИШИН

- ¹⁷ ... *разделясь, как Польша...* – Здесь: иронически; как известно, Польша пережила три раздела (1772, 1793, 1795), и ее территория была поделена между Россией, Пруссией и Австрией; в 1807 г. Наполеон образовал из части польских земель Варшавское княжество; Долгоруков говорит о переделе Польши, произведенном Венским конгрессом, согласно которому бывшее Варшавское княжество, ставшее королевством Польским, отошло к России; за Пруссией закрепились Познанщина, Силезия и Поморье, остальная территория была передана Австрии.
- ¹⁸ *Сомнение его тревожить начало. / Наморщились его и хвря и чело.* – Цитата из «Послания к слугам моим Шумилу, Ваньке и Петрушке» Д.И. Фонвизина.
- ¹⁹ *Капитул* – учреждение, ведающее орденовыми делами.

СТУПИШИНА

- ²⁰ ... *о Цорндорфской баталии?* – Близ селения Цорндорф (северо-восточнее Кюстрина) во время Семилетней войны 1756–1763 гг. прусские войска под командованием Фридриха II атаковали русскую армию генерала В.В. Фермора, но разбить ее не смогли.
- ²¹ ... *полк Нашебургский.* – Правильно: Нотебургский.
- ²² ... *с которой начал перебивать.* – т.е. говорить, болтать.

СИНЯВСКАЯ

- ²³ *Ульяна Степановна Синявская* – актриса театра Медокса, исполняла роли молодых героинь в трагедиях и драмах, играла в пьесах Бомарше, Княжнина и Николаева («Сорена и Замир»); лучшая роль – Эмилия Галотти; Карамзин, упомянув о ней, отметил трепетность и проникновенность игры.
- ²⁴ *Меккол* (Михаил Георгиевич) *Медокс* (Маддокс) (1747–1822) – англичанин, антрепренер Московского вольного публичного театра с 1766 г.; в 1780 г. построил Петровский театр в Москве.
- ²⁵ *Мне вздумалось перевести французскую комедию «La soirée à la mode»...* – «Вечеринка по моде», комедия в одном действии А. Пуансине («Le cercle, ou La soirée à la mode» – «Кружок, или Вечеринка по моде»; 1788).

ФИЛАТЬЕВА

- ²⁶ *Но Вечный таким чистым сердцам предназначает всегда жилище Неба, как говорит Соломон.* – Вольное изложение смысла Притчей Соломоновых.

[ЕВГЕНИЯ]

- ²⁷ *Евгения была изящность Естества!* и далее. – Прочитирована надпись, сделанная Долгоруковым, «К портрету кн. Е.С.Д.» (Соч. Т. 2. С. 181).

КОЛОБОВ

- ²⁸ ... *барин жертвовал Венере, а служитель Бахусу.* – Ироническое иносказание: И.М. Долгоруков увлекался женщинами, а его слуга, Колобов, любил выпить.
- ²⁹ *Кто будет читать мои книги, тот набезит и на строчку об нем.* – См. стихотворение «Пир» («И Колобов, как бес, по всем измам прощался...») в кн.: *Долгоруков И.М.* Бытие сердца моего. М., 1802. С. 241).

ЯЗВИЦКИЙ

- ³⁰ *Он издал... трактат о словесности, в котором выписывал мои стихи...* – Николай Иванович Язвицкий (ум. в 1811), педагог (автор букваря), писатель, близкий к литературному объединению «Беседа любителей русского слова», переводчик. Выпустил трактаты «Рассуждение о словесности вообще» (СПб., 1810), «Введение в науку стихотворства, или Рассуждение о начале поэзии вообще» (СПб., 1811) и учебную книгу «Механизм, или Стопосложение российского стихотворства, изданный для воспитанников Санктпетербургской гимназии» (СПб., 1810). Во второй книге в качестве примеров привел отрывки из стихотворений И.М. Долгорукова «Сонюшке» (с. 308), «Детский концерт» (с. 332), «На сельский праздник у Вар. Алекс. Кар.» (с. 356); в третьей – «Вот мое уединенье...» (с. 42–43), «Когда ж луна чело подъемлет...» (с. 73), «Гимн Богу» (с. 78–79), «Как ни уминой кто в свете...» (с. 79), «Все со временем проходит...» (с. 80), «Пусть буду я судьбою...» (с. 81).

КОЗОДАВЛЕВ

- ³¹ ... *модный обморок...* – Здесь: умопомрачение.

ВЕЛЬЯМИНОВА

- ³² *Все пали пред тобой Параша, Селимены.* – Строка из стихотворения И.М. Долгорукова «Пир» ((1802)). См. : *Долгоруков И.М.* Бытие сердца моего. М., 1802. С. 241.

КУЛИКОВ

- ³³ ... [*немецкую*] *Семилетнюю войну...* – В рукописи ошибка: турецкую.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аввакум**, архимандрит 71, 273, 278
Августин, архиерей 132, 170, 273, 279, 370
Адауров А.П. 228, 273, 280
Аксаков С.Т. 356
Аксакова 11, 273, 277
Александр Македонский 355
Александр I, император 31, 33, 60, 66, 100, 106, 140, 163, 191, 213, 226, 239, 257, 269, 273, 278, 327, 333, 336, 362, 373
Александр, протопоп 51, 273, 277, 336
Александра Павловна, великая княжна 210
Алексей Антонович, брат Иоанна VI Антоновича 228, 376
Алексей Петрович, царевич 286, 287
Алексий (Мироносицкий), священник 103, 275, 278
Алферов, купец 104
Алферова Н.С. (урожд. Смирнова, Смирная) 104, 105, 273, 278
Алябьев А.В. 65, 273, 277, 328
Амвросий, архиепископ 372
Амвросий, митрополит 219
Анджели 216, 273, 280
Анемона *см.* Любавская А.Ф.
Анна Иоанновна, императрица 286, 289, 292, 293, 303, 305, 308, 311–317
Анна Леопольдовна, правительница 377
Антон Ульрих, принц 377
Апраксин 125, 256, 257
Апраксин С.С. 70, 72, 87, 273, 278, 362
Апраксин Ф.М. 290
Апраксина (урожд. Голицына) 256
Апраксина Е.А. (урожд. Безобразова) 125, 273, 278, 365
Аракчеев А.А. 29
Арапов П. 368
Арбенев И.И. 70, 86, 273, 278
Аргамакова 74
Аристо Л. 68, 360
Армфельд Г.-М. 109, 112, 241, 363
Арсеньев А.И. 100, 177, 178, 255, 273, 278, 363
Арсеньев К.И. 315
Архангельский А.Н. 287
Арцыбашев Н.С. 352
Афанасьев Н.Я. 319
Афанасьев Яков 319
Аш 228, 229, 273, 280, 377
Аш К. 229
Бабаев И.С. 199, 273, 279, 351, 374
Бабаева Е.С. 199, 273
Балашов А.Д. 66, 99, 240, 273, 336
Балк 121, 340
Балк П.С. (урожд. Шереметьева) 121, 276, 278, 340
Барклай де Толли 18, 356
Барков Н.А. 186, 273, 278, 334, 372
Барсов А.А. 164, 165, 214, 215, 273, 278, 369
Барсуков Н.П. 352
Бартенев П.И. 351
Барятинская (урожд. Голштейн-Бек) 24, 55, 133, 152, 273, 277, 322, 338
Батюшков К.Н. 325, 331, 332
Безбородко А.А. 162, 369
Безобразов 158
Безобразов Д.А. 60
Безобразова 204
Безобразова А.А. *см.* Долгорукова А.А.
Безобразова Е.А. *см.* Апраксина Е.А.
Безобразова М.Я. 83, 273, 278
Безобразова П.М. (урожд. Прокудина) 16, 273, 277
Безобразовы 108, 125, 158
Бенедиктов М.С. 44, 273, 277
Бенкендорф Е.И. 24, 56, 197, 273, 277, 337, 356
Берхман, акушер 167, 273, 278
Берхова А.И. 96, 273, 278
Бехтеев А.А. 19, 273, 277, 356
Бецкой И.И. 220, 273, 280
Бешенцова В.И. *см.* Евреинова В.И.
Бибикина А.П. 231, 273, 280, 370
Бирон 305, 308, 313, 353
Благово Д. 365
Блудов Д.Н. 339
Боборыкин П.И. 78, 79, 207, 273, 278, 361
Бобринская А.В. 145, 273, 279, 367

- Бобринский А.Г. 367
Бобровский, воевода 310, 314, 377
Бобровский (Бобров) 228, 273, 280
Богданов Г.М. 80
Бодянский О.М. 351, 380
Болотникова М.П. 29, 225, 273, 280, 338, 339, 376
Бомарше П.-О. 137, 233, 361, 366, 378, 380
Бонапарт Наполеон, император 73, 99, 170, 195, 241
Бороздина А.А. 134, 180, 231, 232, 273, 280, 378
Бортнянский Д.П. 218, 273, 280, 337, 372
Борыков, исправник 198
Брагина А.Г. *см.* Северина А.Г.
Броглио 213
Броглио А.П. (урожд. Левашова) 213, 273, 280, 375
Бромонтова М.К. 71, 273, 278
Брюс Я.А. 79, 116, 136, 207, 208, 273, 279, 317, 361
Брюс Я.В. ("Планетник") 317
Буало-Депрео Н. 251, 379
Бургард !08, 156, 273, 278
Буслаев Ф.И. 331
Бут, барон 201
Бутенева *см.* Эри
Бутурлин 291
- Вадковский Ф.И. 92, 224, 273, 280, 376
Вадковский Ф.Ф. 225, 273, 280
Вакселова Элеонора (Ольга) В. 60, 273, 277
Вальс 129, 130, 273, 277
Варч А.Ф. 63, 64, 273, 277
Василий Великий 355
Васильев А.И. 35, 122, 147, 244, 273, 277
Веверова А.А. 81, 82, 273, 277
Веверова О.А. 81, 82, 273, 277
Веверовы 342
Вейдемейер А. 289, 295, 297
Вельяминова А.Ф. 270, 273, 280, 381
Венц 93, 236, 237, 273, 280
Вережкин Н.А. 177, 273, 279
Визапур 47, 273, 277, 359
Виламова Е.И. *см.* Ланская Е.И.
Вилоклер 20, 36, 37, 273, 277, 358
Виноградов В.В. 332
Владимир Равноапостольный 284
Власов И.П. 117, 273, 277
Власова Анисья И. 117
Власова А.И. 117
Воейков Петр, капитан 309
Воейкова А.А. 226, 273, 280, 376
Воейкова Е.И. 114, 273, 277, 364
Волков, статский советник 95
Волкова П.В. 95, 273, 277
Волконская В.П. 44, 185, 208, 273, 279, 375
Волконский 33
Волконский 329
- Волконский Г.С. 163, 273, 279, 369
Волконский М.Н. 94, 273, 277
Волконский П.М. 69, 169, 273, 279, 361
Вольнский 181, 182
Вольнский А.П. 308, 313
Вольтер 21, 67, 126, 146, 149, 154, 264, 356, 360, 364, 368, 371
Воронцов А.Р. 189, 197, 211, 273, 279, 348, 374
Враские 129, 273, 277, 365
Вратислав, посол 296
Вяземская Е.И. 374
Вяземский А.А. 119, 244, 254, 273, 280
Вяземский А.И. 194, 195, 273, 279, 374
Вяземский П.А. 329–332, 334, 350, 374
- Гагарин Н.С. 367
Гагарина М.А. (урожд. Бобринская) 145, 367
Гагарина П.Ю. *см.* Кологривова П.Ю.
Гарнерен *см.* Лаброс Жанна
Гартфельд 248, 273, 379
Гедеонов, губернатор 53
Гендрикова С.И. 251, 273, 280
Гербер 73, 273, 278, 341
Глебов П.Ф. 376
Глебов Ф.И. 221, 273, 280, 376
Глебова Е.П. 221
Гнедич Н.И. 371
Гогель, директор Воспитательного дома 174
Гогель, управитель в имении Разумовского 173, 174
Годунова Ксения 314
Голенищев-Кутузов М.И. 18, 356, 380
Голенищев-Кутузов П.И. 259, 380
Голенищева-Кутузова П.М. *см.* Толстая П.М.
Голицын 291
Голицын ("Чепура") 231
Голицын А. 14
Голицын Б.А. 187, 273, 279
Голицын Д.М. 303, 305, 307
Голицын М.М. 303
Голицын Н.А. 68, 273, 277
Голицын С.М. 50, 273, 277, 319
Голицын Ф.М. 150
Голицына *см.* Апраксина
Голицына 176, 177
Голицына *см.* Сен-При
Голицына П.А. (урожд. Шувалова) 128, 273
Голицына Ф.С. (урожд. Ржевская) 45, 49, 275, 277, 341
Голицыны 288, 289, 294, 304, 307, 319, 320
Головкина Е.С. *см.* Шаховская Е.С.
Головкин 290, 303, 315
Головкин Ю.А. 196, 215, 264, 273, 280, 376
Голштейн-Бек *см.* Барятинская
Горич 33, 273, 277, 329, 357
Горчаков А.И. 118, 181, 273, 279

- Горчаков В.И., офицер 84
 Горчаков П.И. 84, 273, 278
 Горчакова В.Ю. (урожд. Долгорукова) 178, 252
 Горчакова Е.И. (урожд. Кошелева) 70, 361
 Горяинова В.А. 75, 273, 278
 Гофман Ф.Г. 379
 Гречищев А.И., протопоп 105, 154, 273, 278
 Гринвальдова А.Н. 14, 273, 277
 Гринвальдова Л.Н. 14, 273, 277
 Гринвальдовы 340
 Гумилевский Ф. 355
 Густав, король шведский 184, 273, 279, 371
- Дамаскин, архиерей 119, 274, 278, 364
 Дамаскин Иоанн 355
 Данилов 48, 180
 Данилов *см.* Израиль
 Деболи, посол 17
 Девиер 290
 Демидова С.А. 38, 274, 279, 370
 Державин Г.Р. 325, 329, 332, 350, 354
 Детуш 368
 Дешан 172, 274, 279, 370
 Дибич-Забалканский И.И. 124, 365
 Дидрихштейн (урожд. Шувалова) 126, 274, 278, 367
 Димздал, врач 76
 Дмитрий Смирной (Смирнов Д.А.), протопоп 104, 274, 278, 363
 Диц И.И. 212, 274, 280, 347
 Дмитревский И.А. 337, 356
 Дмитриев И.И. 105, 106, 273, 332, 334, 350, 362, 363
 Дмитриев М.А. 319, 335
 Дмитриев-Мамонов А.М. 61, 78, 84, 85, 86, 275, 278, 361
 Добросклонский С.Я. 218
 Добросклонский Я. 218, 274, 280
 Долгорукий Юрий 353, 354
 Долгоруков 11, 124
 Долгоруков А.А. 314
 Долгоруков Ал-др А. 285, 310, 314, 378
 Долгоруков А.Г. 285–287, 289–291, 293–298, 300, 304, 309–316
 Долгоруков А.И. 38, 73, 110, 118, 175, 181, 236
 Долгоруков А.Я. 117, 274, 278
 Долгоруков В.В. 286, 287, 291, 298–300, 302–304, 309, 315, 316
 Долгоруков В.Л. 287, 290, 291, 293, 302, 303, 305, 307–309, 311, 315, 316
 Долгоруков В.С. 147, 272, 274, 279
 Долгоруков Г.Ф. 285, 290, 295
 Долгоруков Д.И. 137, 167, 194, 310, 318, 351
 Долгоруков И.А. 198, 289–304, 308–317, 378
 Долгоруков И.Г. 285, 308, 309, 316
 Долгоруков М.В. 287, 303, 308, 309, 315, 316
- Долгоруков М.Вас. 116
 Долгоруков М.И., отец И.М. Долгорукова 310, 318, 323, 338, 368
 Долгоруков М.И. (Рафаил), сын И.М. Долгорукова 105, 139, 167, 370
 Долгоруков Н.А. 291, 293, 314
 Долгоруков П.В. 284, 286, 289, 290, 292, 293, 295, 297, 299, 302, 305, 312, 313, 317, 352, 353
 Долгоруков Пав.И. 59, 63, 135, 236, 245
 Долгоруков П.И. 37, 38, 58
 Долгоруков С.В. 38
 Долгоруков С.Г. 285–287, 293, 302, 303, 308, 309, 313, 315, 316
 Долгоруков Юрий, капитан 309
 Долгоруков Ю.В. 118, 178, 181, 239, 274, 278, 352
 Долгоруков Я.Ф. 284, 285, 353
 Долгоруков-Крымский В.М. 30, 31, 41, 109, 201, 204, 274, 277, 353, 357
 Долгорукова (урожд. Голицына) 318
 Долгорукова (урожд. Строганова) 318
 Долгорукова А.А. (урожд. Безобразова; в первом браке – Пожарская) 16, 158, 246, 339
 Долгорукова А.А. 314
 Долгорукова А.Г. 285, 309
 Долгорукова А.М. *см.* Ефимовская А.М.
 Долгорукова В.И. (Долгорукова Антонина) *см.* Новикова В.И.
 Долгорукова В.Н. 246, 274, 280, 347, 379
 Долгорукова Е.А. (урожд. Лицына) 11, 274, 277
 Долгорукова Ек.Ал. 290, 291, 295–304, 308, 310–317
 Долгорукова Е.Д. 351
 Долгорукова Е.И. 219
 Долгорукова Евг.И. 23, 125, 332, 370
 Долгорукова Е.С. (урожд. Смирнова, Смирная) 19, 20, 26, 27, 31, 32, 39, 43, 57, 61, 64, 68, 80, 81, 92, 98, 101, 115, 116, 153, 169, 175, 178, 183, 185, 190, 209, 210, 220, 225, 233, 234, 237, 248, 249, 265, 266, 271, 280, 320, 323, 338, 340, 355, 357, 360, 373, 381
 Долгорукова М.И. 32, 43, 235, 236, 265
 Долгорукова Н.Б. (урожд. Шереметева; в монашестве – Нектария) 135, 198, 252, 275, 300, 302, 308–310, 314, 317, 318, 374
 Долгорукова Н.С. 111, 147, 251, 274, 279, 368
 Долгорукова П.Н. *см.* Ланская П.Н.
 Долгорукова С.Н. 351
 Долгорукой А.В. 303, 352, 353
 Долгорукой В. 303, 352, 353
 Долгорукой Ф. 352, 353
 Дора (Дорат) К.-Ж. 137, 344, 366
 Дорофея (в миру – Новикова Д.М.) 69, 273, 280, 378
 Дуров Д.П. 220, 274, 280
 Дюваль А. 361
 Дюнант А.Е. 29, 54, 127, 274, 278, 336, 365

- Евгений (Казанцев), архиерей 91, 274, 278, 362
 Евуенов, учитель 258, 259, 274, 280, 380
 Евлампий, архиерей 15, 76, 77, 274, 278, 361
 Евреиннов, генерал 230
 Евреиннова В.И. (урожд. Бешенцова) 230, 273, 280, 377
 Екатерина I, императрица 286, 287, 289
 Екатерина II, императрица 9, 10, 21, 31, 36, 38, 42, 45, 55, 57, 64, 69, 72, 75, 80, 84, 85, 129, 132, 133, 140, 141, 145, 146, 159, 160, 184, 188, 191, 196, 198, 234, 235, 244, 252, 261, 262, 269, 274, 277, 318, 320, 327, 337, 346, 354, 358, 361, 367, 369, 372, 377
 Екатерина Иоанновна, царевна 305
 Екатерина Павловна, королева Вюртембергская 32, 357
 Елагина Л.В. 14, 15, 274, 277, 355
 Елизавета Алексеевна, императрица 268
 Елизавета Петровна, императрица 95, 229, 287, 289, 291, 299, 300, 305, 312–315, 317, 372
 Еропкин П.Д. 191, 274, 279, 372, 373
 Ефимовская (урожд. Хитрова) 228
 Ефимовская (урожд. Долгорукова) 86, 94, 204
 Ефимовские 124
 Ефимовский 228
 Ефимовский М.П. 124
 Ефимовский П.А. 70, 86, 94, 123, 124, 228, 274, 280
 Жихарев С.П. 359
 Жуков В.М. 154, 274, 279
 Жуковский В.А. 113, 274, 278, 325, 339, 350, 358
 Загоскин Н.М. 97, 350, 363
 Загоскина Н.М. 97, 98
 Загоскины 97, 98, 274, 278, 363
 Закревские 217, 274, 279
 Закревский 205
 Зиновьев М.Н. 251, 274, 279, 351, 355, 379
 Злов П.В., актер 193, 274, 279, 373
 Зон 206
 Зон Е.А. (Зонова; урожд. Кашинцова) 206, 207, 274, 279, 347
 Зонтаг А.П. (урожд. Юшкова) 35, 276, 277, 358
 Зубов В.Н. 36, 64, 274, 277
 Зубов П.А. 64, 162, 369
 Иван Алексеевич, царь, брат Петра I 305
 Иван Иванович, царевич, сын Ивана Грозного 314
 Ивкова 152, 274, 279, 338, 368
 Игельстром О.А. 115, 187, 241, 274, 279, 364, 372
 Изабе 206, 274, 375
 Измаил, дьякон 15, 77, 274, 277
 Измайлов Л.Д. 157, 158, 274, 279
 Измайлова см. Куракина
 Измайлова А.Д. см. Приклонская А.Д.
 Израиль (Данилов), архимандрит 242, 243, 274, 378
 Ильин В.Ф. 29, 274, 277, 336, 360
 Иоанн VI Антонович, император 228, 367, 377
 Иосиф II (Фалькенштейн), австрийский император 226, 274, 280, 376
 Итальянец, учитель 67, 68, 274, 277, 360
 Каквинская А.М. см. Хитрова А.М.
 Калерджи 34, 274, 277
 Калугин, откупщик 162
 Капелева Е.И. 74, 274, 278
 Караваяева В.А. 128, 274, 278, 365
 Карамзин Н.М. 153, 251, 274, 280, 325, 350, 368, 380
 Карякина 178, 274, 279
 Катилина 372
 Кашинцов А.Н. 106, 107, 274, 278, 363
 Кашинцов Н.А. 107
 Кашинцова Е.А. см. Зон Е.А.
 Кашкарова Е.И. 64, 65, 274, 277
 Кашпирев В. 314
 Кирияков Т.П. 79, 80, 168, 274, 278
 Клавер Б.И. 108, 109, 274, 278
 Классон И.Н. 154, 167, 274, 279, 370
 Климов 40, 274, 277, 359
 Княжнин Я.Б. 380
 Козлов И.И. 308
 Козодавлев О.П. 269, 270, 274, 280, 381
 Кокошкин А.Ф. 88, 362
 Кокошкин Д.Ф. 87, 88, 274, 278
 Кокошкин Ф.Ф. 88, 362
 Коллен д'Арлевиль 360
 Колобов 267, 268, 274, 280, 381
 Кологривов 265
 Кологривов (Кологривой) С.И. 241, 274, 280
 Кологривова П.Ю. (урожд. Трубецкая; в первом браке – Гагарина) 153, 251, 273, 279, 368
 Колокольцев 196, 274, 279
 Колокольцев, сенатор 196
 Константин Павлович, великий князь 33, 34, 191, 276
 Копьев, сын Копьева Д.С. 55
 Копьев Д.С. 55, 274, 277
 Копьева Е.Д. 55
 Корнилович А.О. 295
 Корсаков Д.А. 290, 293, 303, 310
 Корсаков (Корсак) И.Н. 21, 22, 42, 274, 277, 347
 Корсаков М.П. 120, 121, 274, 278
 Корсаков Н.П. 120, 274, 278
 Корсакова М.И. 59, 60, 274, 277, 360
 Корш Ф. 331, 332
 Коцебу А. 86, 94, 344, 354
 Кочубей В.П. 81, 99, 177, 215, 250, 254, 255, 274, 280, 362

- Кошелев А.И. 361
 Кошелева В.И. 70, 274, 277, 361
 Кошелева Е.И. *см.* Горчакова Е.И.
 Кречетников, губернатор 141
 Кроненберг, пастор 194
 Крылов И.А. 325, 329, 332
 Крымов 49, 274, 277, 359
 Коенофонт, епископ 219, 274, 280
 Кузнецов Ф.П. священник 315
 Куликов С.С. 272, 274, 280, 381
 Куракин А.Б. 100, 177, 178, 240, 254, 255, 269, 274, 280
 Куракин Ал-др Б. 206, 243, 252, 254, 274, 280, 368, 379
 Куракин С.Б. 256
 Куракин Ф.А. 368
 Куракина, княжна 34
 Куракина (урожд. Измайлова) 256
 Куракина Н.П. (урожд. Нарышкина) 27, 256, 274, 280, 380
 Курбатов 140
 Курика 230, 274, 280, 377
 Кутайсов И.П. 162, 185, 274, 279, 369, 372
- Лаброс Жанна (Гарнерен) 238, 378
 Лаврентий 183, 184, 274, 279
 Лагранж, офицер 51
 Ламздорф К.Х. 187, 192, 372
 Ланская А. 210
 Ланская Е. 210
 Ланская Е.И. (урожд. Виламова) 135, 210, 211, 274, 279, 321
 Ланская П.Н. (урожд. Долгорукова) 111, 274, 278
 Ланской, сенатор 210
 Ланской Д.Д. 135
 Ланской Д.С. 135, 274, 278
 Ланской П.Д. 135
 Лафермьер 189, 190, 276, 279, 372
 Лафон (Лафонша) 42, 43, 274, 277
 Леванда, протоиерей 169, 170, 274, 279
 Левашов В.И. 12, 274, 277, 367
 Левенвольде 294, 306, 308
 Левшина П.И. *см.* Лопухина П.И.
 Леонтьевы 102
 Лесток 289, 318
 Леховой С.С. 168, 274, 279
 Ливанова Т. 367
 Ливен Ш.К. 19, 20, 141, 274, 277
 Лириа де, посол 287, 289, 292, 296, 299, 301, 302
 Литта 202
 Литта Е.В. (урожд. Энгельгардт; в первом браке – Скавронская) 49, 95, 202, 274, 279
 Лищина Е.А. *см.* Долгорукова Е.А.
 Лобанов Д.И. 61, 166, 274, 279
 Лопатин В.С. 354
 Лопухин 65, 66
- Лопухин А.В. 201, 274, 279, 348, 349
 Лопухин И.В. 293
 Лопухин И.В. 192, 193, 274, 279, 348, 373
 Лопухин Н.А. 201
 Лопухин П.В. 73, 131, 132, 259, 274, 278, 336, 338, 342, 348, 366
 Лопухин С. 293
 Лопухина А.А. (урожд. Долгорукова) 124, 237, 238, 274, 280, 320, 365, 378
 Лопухина А.П. 73, 366
 Лопухина Д.Н. (урожд. Павлова) 92, 247, 274, 278, 363
 Лопухина П.И. (урожд. Левшина) 65, 66, 190, 274, 277
 Лоренци Дж.-Б. 356
 Лоретти Ф. 367
 Лубяновский Ф.П. 177, 178, 240, 274, 279
 Львова А.В. 134, 274, 278
 Любавская А.Ф. (Анемона) 229, 273, 280, 377
 Любимов Н.М. 378
 Любовников, прапорщик 309
 Ляпунов И.П. 136, 274, 279, 366
- Макарелли, певец 367
 Макшеев А., капитан-поручик 309
 Мальтиц П.Ф. 212, 275, 280
 Мальцова А.С. 24, 25, 205, 275, 277, 357
 Мансурова Е.А. *см.* Трубецкая Е.А.
 Манштейн, генерал 290, 305, 313
 Маньян, секретарь посольства 306
 Мардфельд, посол 306
 Мария Павловна, великая княжна 141
 Мария Феодоровна, императрица 11, 19, 24, 31, 32, 218, 248, 275, 277, 320, 321, 337, 357
 Марков Г.И. 41, 110
 Марков Н.И. 110, 275, 278
 Мармонтель 21, 356
 Марсолье Ж.Ф. 356
 Мартынова Е.И. 58, 59, 275, 277
 Мартыновы 97
 Машенька 249, 275
 Машков А. 136
 Медокс Меккол (Михаил Георгиевич) 264, 380
 Мелиссимо 296, 297
 Мелиссино И.И. 33, 275, 277
 Меншиков А.Д. 185, 287, 290, 294, 299, 308, 372
 Меншикова Е.П. *см.* Неелова Е.П.
 Меншикова Елиз.П. 89, 342
 Меншикова М.А. 287, 289, 291, 295, 299
 Мерсье Л.-С. 16, 356
 Метастазиио П. 68, 360
 Миклашевичева В.С. 82, 275, 278
 Миних К.-Б. 300
 Мирабо 138, 367
 Мирович В.Я. 141, 367
 Мироносицкий *см.* Алексий, священник

- Михаил, князь черниговский 284
Михаил Павлович, великий князь 192, 275, 279
Мишеле 75
Могилевский А.И. 155, 156, 236, 275, 279, 369
Моисей, архиепископ 67, 275, 277, 360
Молдаванка (Мария) 150, 275, 279
Моложенинов И.Н. 184, 275, 279
Молчанов Н.А. 48, 180, 277, 359
Молчанов Н.Н. 48
Молчанова А.Н. 48, 275, 342
Молчанова Ал-дра Н. 49
Молчанова В.А. 49
Молчановы 180
Мольер 40, 367, 379
Монестроль 75, 275, 278, 361
Монсинья А. 367
Монье де, София 367
Мордвинов А.Н. 125, 275, 278
Мочалов С.Ф. 195, 196, 273, 279, 373, 374
Муравьев М.Н. 237, 275, 280, 350
Муравьев-Апостол И.М. 356
Муханов А.И. 199, 200, 275, 279
Мясоедов Н.Е. 162, 163, 188, 189, 226, 275, 279, 369
Мятлев И.П. 371
Мятлев П.В. 69, 275
Мятлева П.И. 69, 176, 275, 277, 361, 371
- Нарышкин Л.К.** 300
Нарышкин П.П. 26, 27, 28, 256, 275, 277, 342, 354, 377
Нарышкина А.И. 20, 275, 277
Нарышкина А.П. 300
Нарышкина Е.Н. (урожд. Опочинина, Апочинина) 25–27, 273, 277, 342, 357
Нарышкина М.П. 176, 177, 275, 279, 371
Нарышкина Н.П. *см.* Куракина Н.П.
Нарышкины 119
Насова Е.А. 195, 273, 279, 374
Нассау, принц 242
Наталья Алексеевна, великая княгиня 254, 266, 275, 280, 361
Наталья Алексеевна, великая княжна 287, 289, 290, 293, 294
Нащокин В.А. 290
Неелов 91
Неелова Е.П. (урожд. Меншикова) 89–91, 275, 278, 342, 362
Неклюдов С.В. 112, 275, 278, 364
Некрасова В.А. 125, 275, 278
Нектария *см.* Долгорукова Н.Б.
Нелидов В.И. 140, 161–163, 188, 275, 279, 349, 369
Нелидова Е.И. 143, 144, 275, 279, 367
Нелюбова Н.А. 170, 171, 275, 279
Неплюев Д.Н. 119, 120
Неплюев И.Н. 259, 260, 275, 280, 380
- Неплюев Н.И. 119, 120, 275, 278, 364
Несвицкая М.И. 139–141, 275, 279, 367
Нестеров В.П. 13, 275, 277
Николай Г.-Л. (Андрей Львович) 39, 275, 277, 358
Николай I, император 187, 275, 279, 372
Николев Н.П. 357, 380
Николева 28, 275, 277, 357
Новикова В.И. (урожд. Долгорукова В.И.; Антонина) 138, 168, 236, 351, 370
Новикова Д.М. *см.* Дорофея
Новосильцова В.Ф. 235, 275, 280
- Оболенский И.А.** 284
Обольянинов П.Х. 226, 275, 280
Обресков, сенатор 155, 174
Обрескова Е.С. 155, 275, 279, 368
Обухова Е.И. 74, 275, 278
Овцын, поручик 312–314
Одоевские 92, 275, 278, 363
Одоевский А.И. 92
Озеров В.А. 367
Озерова А.П. *см.* Струйская А.П.
Ольдебургский П.-Ф.Г. 156, 369
Опочинина (Апочинина) Е.Н. *см.* Нарышкина Е.Н.
Орлов 90
Орлов Г.Г. 367, 372, 373
Орлов Яков 357
Остерман А.И. 287, 291, 294, 298, 302–304, 308, 315
Остерман Ф.А. 52, 129, 275, 277
Остолопов Н.Ф. 197, 275, 279, 374
Офросимов П.А. 186, 275, 279
Оффрен, актер 133, 275, 278, 337, 368
- Павел**, архимандрит 217, 275, 280
Павел I, император 11, 17, 19, 22, 31, 32, 36, 38, 39, 41, 42, 56, 58, 59, 73, 120, 126, 130, 132, 133, 140, 141, 144, 161–163, 185, 188, 192, 195, 210, 211, 240, 245, 252, 253, 256, 261, 266, 269, 275, 277, 320–322, 325, 334, 347, 358, 361, 366
Павлова Д.Н. *см.* Лопухина Д.Н.
Паизелло Дж. 356, 366, 368
Панин П.И. 205, 206, 275, 279
Параша, жена Н.П. Шереметева 179
Парфений, архимандрит 232, 275, 279
Пегелау, доктор 168, 220, 221, 275, 280
Перетц А.И. 40, 162, 359
Перетц Г.А. 359
Пестрова Е.Е. *см.* Рогованская Е.Е.
Петр I, император 284–286, 288–290, 300, 305, 306, 354, 358
Петр II, император 286–305, 308, 311–317
Петров, майор 314
Петроселлини Дж. 366
Пецольт, секретарь посольства 317

- Пинжет, учитель 214
 Платон, митрополит 76, 91, 110, 132, 165; 166, 275, 279, 361, 370
 Плеель И. 206, 375
 Плещеев А.А. 127, 275, 278
 Плещеева (урожд. Чернышева) 127
 Побединский Ф.Я. 213, 214, 275, 280, 348, 375
 Погодин М.П. 352
 Пожарская А.А. см. Долгорукова А.А.
 Пожарская А.И. см. Феттер А.И.
 Пожарская П.И. (Пашета) 142, 143, 158, 275, 279
 Пожарские 142, 158
 Пожарский Ф. 25
 Полевой Н.А. 332
 Полежаев А.И. 369
 Полежаев И. 369
 Поликарпов, полковник 222
 Поликарпова Е.П. (урожд. Щербатова) 48, 96, 221, 222, 276, 280, 341, 342
 Политковский Ф.Г. 168, 275, 279, 370
 Полочанинов Д.Е. 173, 175, 275, 279, 370
 Полочанинова Ф.Е. 174, 175, 275, 279, 341, 371
 Полубенский О.П. 53, 54, 275, 277
 Полуэктов (Полуехтов) 74
 Поляков А. 316
 Попов В.С. 41, 275, 277
 Посников З.Н. 211, 275, 280, 348
 Пospelов 10, 275, 277, 355
 Потемкин Г.А. 37, 41, 58, 67, 80, 179, 202, 234, 354, 358
 Потоцкая 355
 Потоцкий Ян (Иван) 264, 275, 280
 Похвиснева (Похвоснева) А.Л. 204, 275, 279
 Приклонская А.Д. (урожд. Измайлова) 181, 182, 275, 279, 371
 Приклонский Д.И. 35, 275, 277, 358
 Приклонский М.В. 35, 275, 280, 375
 Прозоровский А.А. 121–123, 275, 278, 364
 Прокопович Феофан 292, 293, 298, 299, 304, 307
 Прокудина Ф.Д. 190, 275, 279, 372
 Протасова А.Я. 94, 275
 Протасова Н.И. 44, 45, 275, 278
 Пуансине А. 369, 380
 Пугачев Е.И. 97, 363
 Путчи 80, 81, 275, 278, 362
 Пушкин А.А. 111, 166, 275, 279
 Пушкин А.М. 145, 367
 Пушкин А.С. 283, 288, 307, 325, 327, 332, 360, 367
 Пушкин В.Л. 350
 Пушкин В.П. 204, 275, 279, 321
 Пушкина 125
 Рагозин Иван, сержант 311, 312
 Разумовский А.Г. 185, 372
 Разумовский А.К. 173, 258, 380
 Рафаил см. Долгоруков М.И.
 Рахманова С.П. 77, 275, 278
 Ребиндер И.М. 47, 190, 275, 277
 Редькина 130, 131, 275, 277, 343
 Рейхель 149, 275, 279
 Репнин, сенатор 61
 Репнин Н.В. 256
 Ретиф де ла Бретонн Н.-Э. 5, 354
 Ржевская 194
 Ржевская М.С. см. Татищева М.С.
 Ржевская Ф.С. см. Голицына Ф.С.
 Ржевский Г.П. 48, 61, 110, 111, 180, 275, 279
 Ржевский С.М. 18, 46, 234, 275, 277
 Ришелье А. 142, 161, 275, 279, 361
 Рогановская Е.Е. (урожд. Пестрова) 77, 78, 275
 Рогановский 77, 78, 278
 Рокотов Ф.С. 49, 359
 Рондо, леди 292, 302
 Рост 10, 72, 168, 226, 275, 277
 Рубан 388
 Рубецкая С.Н. 249, 275, 280, 379
 Рукин 124, 179, 238, 275, 278, 320, 365
 Руле (Roullé), учитель 17, 96
 Руссо Ж.-Ж. 330, 339, 379
 Рылеев К.Ф. 308, 333
 Рюрик 284
 Рябов М.П. 67, 275, 277
 Салтыков А.В. 233, 276, 280, 348, 378
 Салтыков В.Ф. 285
 Салтыков И.П. 69, 371
 Салтыков Н.И. 136, 232, 239–241, 276, 280, 366
 Салтыков С.А. 311, 312
 Салтыкова 27
 Салтыкова Д.П. 176, 276, 279, 371
 Салтыкова Н.В. 239, 240, 276, 280
 Салтыковы 147, 378
 Самойлов А.Н. 234, 235, 276, 280, 346, 378
 Самуил, митрополит 110, 276, 278
 Сафо 29, 358
 Сафонова Н.Н. 264, 276, 279
 Сахаров, купец 359
 Северин 76
 Северина А.Г. (урожд. Брагина) 76, 273, 278
 Седен М.-Ж. 367
 Селецкий В.Л. 43, 105, 276, 277, 319, 359
 Сен-При 161, 369
 Сен-При (урожд. Голицына) 161, 276, 279
 Серапион, митрополит 135, 276, 278, 366
 Сергей Радонежский 165
 Сиверс К.Е. 185, 372
 Симеон, архиепископ 132, 133, 276, 278
 Синявская У.С., актриса 264, 276, 279, 380
 Сипягин Н.В., полковник 115, 276, 278, 364
 Скавронская Е.В. см. Лигга Е.В.
 Скавронский П.М. 61, 95, 202, 276, 278
 Скотт В. 327

- Смирнов (Смирной) В.С. 104, 276, 278, 347
Смирнов (Смирной) С.С. 102, 103, 189, 276, 278, 327
Смирнова (Смирная) А.С. 101, 276, 278
Совере 84, 96, 97, 245, 276, 278, 356, 363
Соковнин С.П. 216, 276, 280, 376
Соловая П.М. 314
Соловьев С.М. 288, 289, 294, 296, 302
Соломон 199, 265, 374
Сперанский М.М. 99, 100, 151, 156, 219, 276, 278, 336
Станислав, король польский 17, 41, 275, 277, 356
Стахий А.С. 62, 273, 276, 278, 360
Страхов П.И. 72, 276, 278
Стрекалов, сенатор 133, 337, 338
Строганов А.Н. 17, 41, 48, 60, 67, 70, 84, 85, 131, 221, 276, 277, 322, 356
Строганов А.С. 20, 33, 36, 37, 48, 217, 275, 277, 321
Строганов Г.Н. 116
Строганов С.Н. 245
Строганова, баронесса 85
Строганова А.Б. 76, 116, 276, 278, 356
Строганова Е.П. 21, 114, 276, 277
Строганова Н.М. 245, 276, 280
Строев П. 330
Струйская А.П. (урожд. Озерова) 158–160, 276, 279, 369
Струйские 98, 160
Струйский Л.Н. 369
Струйский Н.Е. 158–160, 276, 279, 369
Струйский Ю.Н. 160
Ступишин И.А. 260–263, 276, 279, 344, 365, 380
Ступишина А.Д. 262, 263, 276, 279, 344, 380
Сумароков А.П. 173, 370
Супонев 107
Сухтелен 53, 276, 277
Сушкова М.В. 367
- Таваст 241, 242, 276, 280, 378
Тальзина 72, 257
Танеев В.М. 43, 276, 277
Таптыков Н.М. 12, 13, 276, 277
Тараканов Д.М. 37, 38, 277
Тараканова А.М. 37, 38, 276, 277
Таракановы 358
Тарпей Спурий 358
Тассо Т. 68, 360
Татищева М.С. (урожд. Ржевская) 46, 276, 277
Таций Тит 358
Телегин М.П. 52, 276, 277, 360
Терентъич (Александр Терентьевич) 194, 276, 279
Тимковский Е.Ф. 359
Тихомиров Д.Р. 151, 276, 279
Тишин Осип 313, 314
- Толстая П.М. (урожд. Голенищева-Кутузова) 18, 356
Толстов Ф.А. 353
Толстой В.В. 194, 276, 279
Толстой Л.Н. 353
Толстой М.Ф. 18, 276, 356
Толстой Ф.М. 18, 276, 277, 347
Траубе Ф.П. 158, 276, 279
Трубецкая В.А. 203, 213, 276, 279, 375
Трубецкая Е.А. (урожд. Мансурова) 179, 275, 279, 371
Трубецкая Н.С. 205, 276, 279
Трубецкая П.Ю. см. Кологривова П.Ю.
Трубецкие 97, 203, 204
Трубецкой 179
Трубецкой Н.Н. 203, 249
Трубецкой Н.Ю. 293
Трубецкой С.Н. 96, 276, 278
Трубецкой Ю.Н. 203
Тургенев И.П. 34, 35, 276, 277, 357
Турчанинова А.А. 54, 276, 280
Турчанинова А.С. 238, 239, 276, 277, 378
Тутолмин Т.И. 87, 276, 278
- Улыбышев 139, 235, 346
Улыбышева Е.А. 136–139, 261, 276, 279, 344–346, 366
Унбегаун Б.О. 353
Урусов 173
Урусова 265
Ушаков 229
Ушаков, капитан 314
Ушаков А.И. 314, 315
Ушакова 183, 276, 279, 371
- Фадеева Н. 286
Фалькенштейн (Фалленштейн) см. Иосиф II
Федерико Дж.А. 368
Федор Алексеевич, царь 353
Фенелон Ф. 370
Фенуйо де Фальбер III.-Ж. 356
Феоктист, архиепископ 108, 276, 278
Ферзен, генерал 242
Фермор В.В. 380
Феттер А.И. (урожд. Пожарская) 246
Феттер И.А. 245, 276, 280
Филадельфи, художник 93, 94, 276, 278, 363
Филатьева С.И. 265, 276, 280, 381
Фонвизин Д.И. 374, 380
Фридрих II, прусский король 147, 380
- Хандошкин, гитарист 367
Хвостов Д.И. 192, 276, 279, 350, 373
Херасков М.М. 22, 23, 203, 276, 277, 350
Хилков М.П. 83, 276, 278
Хилков М.Я. 121, 276, 278, 364

- Хитрова *см.* Ефимовская
Хитрова А.М. (урожд. Каковинская) 173, 274, 279, 370
Хлопова А.И. 243, 244, 276, 280
Хмельницкий Н.И. 360
Хованская 247
Хованский С.Н. 52, 53, 276, 277, 324
Хрущев 139
Хрущев А.И. 109, 112, 115, 157, 241, 242, 276, 278, 363
- Цветаев А.А. 88, 89, 276, 278, 335
Цветаев Л.А. 89
Цицерон 230, 372
Цицианов П.Д. 156, 369
Цицианова В.Е. 43, 276, 277
Цуриков А.Л. 41, 276, 277
- Чеботарев Х.А. 214, 246, 276, 280, 379
Челищев, прапорщик 317
Чемесов Е.П. 149, 276, 279, 333, 368
Черкасская (в замуж. Шереметева) 318
Черниговский Д.Н. 339
Чернышев Г.И. 24, 196, 197, 276, 279, 337
Чернышева *см.* Плещеева
Чимароза Д. 367
Чириков Николай (Никанор?) А. 110, 111, 120, 121, 276, 278, 364
Чириков П.А. 111
Чириковы 66
Чичагов В.К. 353
Чурсина Р.И. 354
- Шабан 51, 276, 277
Шаликов П.И. 135, 136, 276, 278, 330, 350, 359, 366
Шапошников 141, 276, 279
Шарыгин П., капитан 309, 310
Шатофор 152, 276, 279
Шафиров П.П. 287, 313, 315, 316
Шафирова М.П. 287
Шаховская В.А. 114, 276, 278, 364
Шаховская Е.С. (урожд. Головина) 111, 204, 273, 278, 364
Шаховской 111
Шаховской А.А. 153, 368
Шаховской Н.Г. 169, 276, 279
Шац, ротмистр 11
Шеллер А. 371
Шениг И.И. 108, 276, 278
Шереметев Б.П. 198, 300
Шереметев Н.П. 178, 179, 190, 211, 276, 279, 371
Шереметев П.Б. 301, 318
Шереметева *см.* Черкасская
Шереметева Н.Б. *см.* Долгорукова Н.Б.
- Шереметева П.С. *см.* Балк П.С.
Шеридан Р.-Б. 356
Ширяев 23, 276, 277
Шишков А.С. 350, 380
Шмидт-Физельден 302
Шмиц 23, 276, 277
Шпилевская Н. 303, 353
Шпренхпортен 153
Шубин 314
Шубинский С.Н. 292, 302
Шувалов А.П. 126, 128, 146, 368
Шувалов И.И. 16, 116, 276, 277, 356
Шувалова *см.* Дидрихштейн
Шувалова Е.П. 126, 146, 276, 279, 368
Шувалова П.А. *см.* Голицына П.А.
Шуваловы 126
Шульгин 276
Шульгина С.А. 227, 280, 377
Шумилов 236
Шумилова А.И. 235, 236, 276, 280
- Щебальский П.К. 289, 292, 305
Щербатов А.Н. 221
Щербатов П.П. 290, 293, 306
Щербатова А.В. 221
Щербатова Е.П. *см.* Поликарпова Е.П.
Щербатовы 223, 376
- Энгельгардт Е.В. *см.* Литта Е.В.
Эри (урожд. Бутенева) 252, 273, 280, 379
Эри, чиновник 252
- Юсупов 300
Юшкова А.П. *см.* Зонтаг А.П.
Д'Юрфе О. 378
- Ягужинская 300
Ягужинский 306
Язвический Н.И. 268, 276, 280, 364, 365, 381
Языков Д.И. 361
Яков, священник 154, 276, 279
Яковлев 163, 179
Яковлева Е.П. 163, 276, 279, 333
Яньковы (Анна, Клеопатра, Дмитрий, Николай) 267, 276, 280, 340
- Bourdonné, учитель 96
Colardeau 137, 366
Constantin 74, 274, 276
Garenne la 131, 273, 278, 366
Rivière, актер 69
Séguir, офицер 51

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Альбом Пушкинской выставки	Альбом Пушкинской выставки, устроенной Обществом любителей Российской словесности в залах Исторического музея в Москве 29 мая–13 июня 1899 г.
Альбом Пушкинской юбилейной выставки	Альбом Пушкинской юбилейной выставки в Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, май, 1899. М., 1899
ГРМ	Гос. Русский музей
ГЭ	Гос. Эрмитаж
ММС	Мемориальный музей А.В. Суворова. СПб.
МОКМ	Московский областной краеведческий музей
МТ	Музей В.А. Тропинина и московских художников его времени
ПДМ	Павловский музей-дворец
РГБ	Российская гос. библиотека
РИХМ	Рыбинский историко-художественный музей
Русская портретная галерея	Русская портретная галерея / Изд. А.С. Суворина. СПб., 1887
Русские портреты	Русские портреты XVIII–XIX столетий / Изд. вел. князя Николая Михайловича. СПб., 1905–1909. Т. 1–5
СГХМ им. А.Н. Радищева	Саратовский гос. художественный музей им. А.Н. Радищева

СОДЕРЖАНИЕ

И.М. Долгоруков КАПИЩЕ МОЕГО СЕРДЦА

Предисловие к словарю	5
Генварь	9
Февраль	33
Март	50
Апрель	71
Май	93
Июнь	114
Июль	134
Август	161
Сентябрь	183
Октябрь	201
Ноябрь	224
Декабрь	245
Оглавление имен, находящихся в сем словаре, с показанием числа, под которым кто выставлен	273
Оглавление месячных дней, для приискания, под которым из оных какое имя выставлено	277

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>В.И. Коровин. Князь Иван Долгоруков и «Капище моего сердца»</i>	283
<i>Примечания. Составил В.И. Коровин</i>	351
<i>Указатель имен. Составил В.И. Коровин</i>	382
<i>Список сокращений</i>	391

Научное издание

Иван Михайлович
Долгоруков

КАПИЩЕ МОЕГО СЕРДЦА,
или

Словарь всех тех лиц,
с коими я был в разных отношениях
в течение моей жизни

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»*

Заведующая редакцией
«Наука–культура»
А.И. Кучинская

Редактор
Е.Л. Никифорова

Художник
Н.Н. Михайлова

Художественный редактор
Г.М. Коровина

Технический редактор
З.Б. Павлюк

Корректоры
*А.Б. Васильев, Г.В. Дубовицкая,
А.В. Морозова*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 24.09.97

Формат 70×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 29,97. Усл.кр.-отг. 32,1 Уч.-изд.л. 29,4

Тираж 1700 экз. Тип. зак. 2376

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Московская типография «Наука»

121099, Москва Г-99, Шубинский., 6

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА”
ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:**

**ЕКАТЕРИНА II И Г.А. ПОТЕМКИН.
ЛИЧНАЯ ПЕРЕПИСКА. 1769–1791**

81 л.

В предлагаемой книге впервые собрана полностью личная переписка Екатерины Великой с Г.А. Потемкиным. Письма свидетельствуют о величайшем творческом напряжении двух руководителей России, когда в борьбе против европейской коалиции им удалось обеспечить безопасность страны, отстоять ее интересы.

В книге опубликованы 234 письма Потемкина (180 – никогда ранее не публиковавшихся) и 761 письмо Екатерины (более 65 публикуются впервые).

Для широкого круга читателей.

Генри Филдинг

АМЕЛИЯ

43,4 л.

“Амелия” (1751) – последний роман Генри Филдинга и один из ранних английских городских романов. Его события происходят на улицах Лондона, в суде и на аллеях садов Воксхолла, в тюремной камере и на маскараде, в дешевых меблированных комнатах и домах знати. На этом фоне разворачивается трогательная история злоключений бедствующей семьи лейтенанта Бута и его жены Амелии, противостоящих не только всеобщей корысти и развращенности нравов, но и собственным слабостям и соблазнам. Это первый полный русский перевод романа.

Для широкого круга читателей.

КУЛЬТУРА ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ЭПОХИ

21,7 л.

Книга представляет собой комплексное исследование учеными разных профилей роли религии и церкви в культуре эпохи Возрождения. На материале религиозно-философской и общественно-политической мысли, литературы, искусства разных стран Европы рассматривается роль античных и средневековых христианских традиций в развитии гуманизма, отношение гуманистов к религии, церкви, монашеству, светскому благочестию, влияние Реформации и Контрреформации на эволюцию ренессансной культуры. Освещается специфика народной религиозности эпохи Возрождения, ее взаимосвязи с творчеством выдающихся мыслителей, писателей, художников. Отмечается возрастающая роль светского начала в гуманизме, литературе, изобразительном искусстве, архитектуре, сложное сочетание античных образов и тем с миром христианской сакральности, их синтез в искусстве Возрождения.

Для историков, философов, литературоведов, искусствоведов и всех интересующихся историей культуры.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА”
ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ. 1996

60 л.

В книге впервые введены в научный оборот новые памятники культуры в области письменности, всех видов искусства, архитектуры, археологии, открытые исследователями за последние годы. Публикуются новые атрибуции, датировки памятников отечественной культуры с X в. по настоящее время, а также памятников зарубежной культуры из наших хранилищ. В том включены публикации: “Письма Андрея Белого и Валерия Брюсова”, “Илья Эренбург и Пабло Пикассо”, “Дневник М.В. Якунчиковой” и многое др.

Для специалистов всех областей гуманитарного знания, широкого круга читателей.

ГЁТЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

20 л.

Очередной том по сложившейся традиции посвящен широкому кругу проблем, связанных с развитием немецкой литературы, культуры, искусства, прежде всего с наследием Гёте. Центральное место в сборнике занимает анализ различных аспектов романа “Избирательное сродство” – произведения, почти не вошедшего в атмосферу русской культуры, совсем не изученного русской наукой о литературе. Широта, единство замысла представленных в сборнике статей позволяют охарактеризовать эпоху рубежа XVIII–XIX вв. как время глобального перелома в художественном сознании, литературной практике европейских эстетиков, теоретиков, художников.

Для филологов, литературоведов, искусствоведов.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга—почтой"

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой"); 620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой"); 664003 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой"); 660049 Красноярск, проспект Мира, 84; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 117383 Москва, Мичуринский проспект, 12; 630200 Новосибирск, ул. Восход, 15, комн. 508б; 630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—почтой"); 142284 Протвино Московской обл., ул. Победы, 8; 142292 Пущино Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой"); 443002 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга—почтой"); 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; 199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; 194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой"); 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

Магазин "Академкнига" в Татарстане:

420043 Казань, ул. Достоевского, 53